ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ИСТОРІЯ СУЕВѢРІЙ И ВОЛШЕБСТВА

ОТЪ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

СОСТАВИЛЪ

д-ръ Леманнъ,

директоръ психофизической лабораторіи въ Копенгагенѣ.

Переводъ съ нѣмецкаго изданія д-ра ПЕТЕРСЕНА

ПРОСМОТРѢНО АВТОРОМЪ КНИГИ,

подъ редакціей **В. Н. Линдъ,**

со **154** рисунками въ текстѣ.

МОСКВА.

Изданіе магазина „КНИЖНОЕ ДѢЛО"

(Москва, Моховая, д. Кнопкендорфъ).

1900.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ СУЕВЕРИЙ И ВОЛШЕБСТВА

ОТ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Київ
Видавництво "Україна"
1993

ББК 88.6
І44

2-е видання

І44 **Ілюстрована** історія забобонів і чаклунства: від давнини до наших днів.—2-е вид./ Упоряд. д-р А. Леманн.— К.: Україна, 1993.— 399 с.: іл.— Рос. мовою.
ISBN 5-319-01203-9

У книзі в популярній формі розповідається про історію виникнення забобонів і чаклунства у різних народів, розвиток астрології, алхімії, магії, хіромантії, пояснюються такі таємничі явища, як гіпноз, лунатизм, окультизм, спіритизм, телепатія та інші.

Розрахована на широке коло читачів.

І $\frac{0303020000 - 040}{201 - 93}$ БЗ—25—1—92 ББК 88.6+86.391

ISBN 5-319-01203-9

© Видавництво "Україна", 1991

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Прилив суеверия в настоящее время сильно идет на подъем. В последние годы не только появилось много сочинений о волшебстве, частью в форме исторического изложения, частью в форме перепечатки старинных сочинений о магии, но и в пользующихся уважением философских и психологических журналах наряду со строго научными статьями печатались также истории о привидениях и бабьи сказки. Некоторые известные представители науки устраивали опыты с профессиональными спиритическими медиумами и после нескольких сеансов, не умея отличать немногие, конечно, необыкновенные, но вполне естественные действия этих медиумов от многочисленных их фокусов, стали принимать за чистую монету все спиритические «проявления» и вследствие такого легко полученного убеждения более или менее открыто стали заявлять себя сторонниками спиритизма. Таким образом, магия, подобно эпидемии, захватывает большие культурные центры.

Поэтому популярное изложение истинной сущности всех этих мистических фактов представляет действительную потребность. Разумеется, оно едва ли убедит тех, кто верит в возможность волшебства; но оно будет полезно для тех, кто хотя и отказывается верить этим таинственным историям, но в то же время, постоянно слыша о них, не знает определенно, чему в них можно верить и как к ним следует относиться, а в таком положении до сих пор находится большинство образованного класса. Ввиду этого я и делаю опыт такого изложения.

При обработке моего труда из него вышло нечто иное, чем я вначале предполагал. С первого раза я поставил себе задачу только исследование тех физических и психических явлений, которые были источником происхождения различных форм суеверия, в особенности новейшего суеверия — спиритизма.

Однако я скоро увидел, что такое ограничение практически неприменимо. Хотя спиритизм возник только в наше время в Америке, но он не составляет изолированного явления. Как бы ни желали скрыть этого спириты, но является, несомненно, доказанным, что все их учение имеет своим источником европейские средневековые суеверия и отчасти лишь изменило свою форму применительно к новейшим естественнонаучным воззрениям. Поэтому невозможно дать объяснение спиритизма, не указав на его связь со старинными магическими теориями. К этому присоединяется еще и то, что сами спириты в последнее время извлекли из пыли библиотек значительное количество старинных магических сочинений, сообщениями которых они пользуются как доказательствами справедливости их учения. Поэтому для всестороннего рассмотрения спиритизма требуется знакомство и со старинной магией.

На этом основании мне пришлось войти в область чисто исторического изучения, которое постепенно затрагивало такую подавляющую массу материала, что мне уже было невозможно рассмотреть в психологическом исследовании даже самую необходимую его часть. Вследствие этого я решился отделить истори-

ческую часть от психологической и предоставить читателю идти к пониманию изучаемых явлений тем же путем, каким шел и я сам. Таким образом, работа моя получила настоящий вид: сначала идет историческая часть, распадающаяся на три отдела, а за ней следует вторая часть, которую я и теперь считаю важнейшей, состоящая в психофизическом исследовании тех явлений, с которыми мы уже познакомились в их историческом изложении.

Я счел нужным заранее сказать о происхождении и расположении моей работы для того, чтобы исторической ее части не было придано неверной оценки. Последняя вовсе не имеет претензий исчерпать весь относящийся сюда материал, иначе эта книга выросла бы в обширное, многотомное сочинение. В особенности я не останавливался на собственно историческом процессе развития и на взаимном влиянии друг на друга различных народов, которое часто обрисовывается лишь в немногих строках. Я постоянно имел в виду ту главную цель, чтобы дать самые разнообразные и подробные сведения о суеверных воззрениях и магических действиях и, таким образом, получить сколь возможно более широкое основание для психологического объяснения фактов. В некоторых местах я, может быть, зашел слишком далеко в своем желании резко разграничить существующие различия, напр. в разделении восточной магии от первобытной европейской, где я выставил их противоположность резче, чем делали другие, изучавшие эту область. Кроме того, я не считал нужным упоминать о явлениях, имевших место у отдельных народов в определенное время, если об этих явлениях мною уже было ранее сказано по другому поводу. Но так как вообще историческая часть моего труда является скорее лишь дополнительной, представляя собой лишь рамку для группирования фактов, то я надеюсь, что подобный способ обработки материалов найдет себе снисходительную оценку со стороны исторической критики.

Если мне удалось сколько-нибудь полно и удовлетворительно выполнить мою задачу, то этим я обязан прежде всего чрезвычайной благосклонности и предупредительности, которыми я пользовался со всех сторон. Было бы слишком долго приводить здесь имена всех лиц, оказавших мне содействие своими советами и указаниями в их специальной области; число их так велико, что при перечислении их я невольно мог бы кого-нибудь пропустить. Поэтому я ограничусь выражением моей искренней и сердечной благодарности всем тем, кто своим вниманием к моему труду дал мне силу довести его до конца.

Представляя этот труд на благосклонное суждение читателей, я надеюсь, что он будет способствовать распространению знания и понимания тех явлений, которые составляют предмет настоящего исследования.

Альфр. Леманн

Копенгаген
Апрель 1893

ПРЕДИСЛОВИЕ НЕМЕЦКОГО ПЕРЕВОДЧИКА

В последние годы в Германии появились различные, очень обстоятельные, а частью и объемистые сочинения о суеверии, волшебстве и др. соприкасающихся с ними вопросах, так что, на первый взгляд, казалось бы излишним переводить эту книгу для немецких читателей. Однако я не без достаточного основания взял на себя труд этого перевода и не считаю его совершенно потерянным, так как вышесказанные немецкие сочинения об этих предметах рассматривают их исключительно или с исторической точки зрения, или же с точки зрения оккультизма и спиритизма, между тем как датский автор следует другим путем. Он имеет в виду не только изобразить эти явления или же объяснить их деятельностью трансцендентального мира или неизвестных нам сил, но он ищет ключ к этим явлениям в самом человеке и приходит к заключению, что в той форме, в какой они представляются суеверию, они основываются на недостаточном знании или неверном наблюдении явлений и в этом находят свое вполне удовлетворительное объяснение. Для этого он дает подробное изложение человеческой способности наблюдения и ее недостатков, состояния сна и сновидений, той стороны душевной жизни, которую называют бессознательной, способности человека подвергаться внушению как при нормальных, так и при болезненных условиях и других, относящихся сюда, предметов. Затем он старается прежде всего доказать неосновательность утверждений суеверия и тем отнять у него объективную почву, чтобы потом, на месте этого разрушенного фантастического здания, построить трезвое воззрение, основанное на психологии и естественных науках и вместо всяких призраков, имеющее в виду только ясность и истину. Сколько мне известно, ни в каком немецком сочинении нет общего, связного изложения вышесказанных факторов, несомненно имеющих важное значение для объяснения человеческого суеверия. Можно в некоторых отдельных частностях не соглашаться с автором — и я тоже по многим пунктам не согласен с ним, о чем и считаю нужным здесь определенно заявить,— но, во всяком случае, основную его точку зрения следует признать правильной, и можно сказать, что избранный им путь, в общем, действительно ведет к пониманию задачи, и, вероятно, идя по нему, мы с течением времени все более будем приближаться к ее разрешению.

Не могу не высказать здесь моей благодарности г-ну автору за его любезную поддержку и помощь, оказанные мне при этом переводе. Он мне не только предоставил большую свободу относительно формальных изменений в датском тексте и сокращения некоторых отрывков, но доставил мне также содержание многих цитат на их оригинальном языке и, наконец, оказал мне очень существенную услугу просмотром издания во время его печатания. Потому я, во всяком случае, уверен, что и немецкое издание вполне отвечает его направлению и образу мыслей.

Независимо от дополнений, сделанных самим автором, я позволил себе присоединить объяснительные примечания относительно предметов, незнакомых немецким читателям. Затем я старался, насколько возможно, сгладить следы перевода, не держась буквально оригинального текста. Желаю, чтобы эта книга, получившая очень благосклонный прием в отечестве автора, нашла бы себе и в Германии многих благосклонных читателей.

Переводчик

Дюссельдорф
Май 1898

ВВЕДЕНИЕ

Отношение суеверия и магии к религии и науке

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет предстоящей нам работы всего короче и точнее определяется словами: «История общечеловеческих заблуждений». Суеверие и чародейство — это первые шаги человеческой мысли в религиозной и научной области. Может показаться лишним делать эти явления предметом особого исследования: история религиозной и научной эволюции одинаково хорошо может дать представление как о заблуждениях отдельных эпох, так и о том, что сохранило ценность до настоящего времени. В самом деле, человек достигал познания истины не иначе, как впадая в заблуждения и постоянно освобождаясь от них. Следовательно, во всяком сколько-нибудь ясном изложении эволюции религий и наук нельзя обойтись без обсуждения суеверий различных времен, так как суеверия — это те ошибочные пути, на которые человеческая мысль невольно попадает и через которые пробирается, добиваясь ясного и глубокого понимания.

Тем не менее есть существенное различие между обработкой, которой суеверие и магия подвергаются в истории религии и науки, и тем изображением этих явлений, которое я хочу предложить. Для более детального указания на это различие возьмем какой-нибудь известный пример. Общеизвестен тот факт, что происхождение современной научной химии нужно искать в алхимии, в стремлении приготовить золото; поэтому автор исторического сочинения по химии, если только не хочет насиловать фактов, должен начать с описания самых первых опытов по приготовлению золота: именно благодаря этим опытам были накоплены первые химические сведения и образовался первоначальный взгляд на природу вещей и на их взаимное отношение. В детском периоде химии современного химика, естественно, более всего интересуют те верные положения, которые в течение времени были найдены, хотя при нахождении их исходили из ложных предположений и стремились к иллюзорной цели. Всякий химик, желающий знать историю развития своей науки, должен главное внимание обратить на рассмотрение того, что сохранило свою ценность. Наоборот, он может не особенно интересоваться культурно-историческим значением алхимии, т. е. тем, что стремление превратить все неблагородные металлы в золото и серебро в течение нескольких столетий наполняло жизнь если не целых народов, то, во всяком случае, некоторых общественных классов. Эта-то культурно-историческая сторона дела и будет служить предметом нашего обсуждения.

Что таким образом выяснено по отношению к химии, одинаково имеет значение для астрономии, а частью также и для физики. Во всех этих науках, по крайней мере отчасти, первоначально ставились цели, признаваемые теперь за совершенно ненаучные, а все-таки постоянно шло накопление верных сведений. Именно эти-то сведения и интересны для пишущего историю своей науки; наоборот, мы главное внимание обратим на предположения и наблюдения, оказавшиеся ложными: они гораздо более, чем верно установленные факты, кладут

печать оригинальности на отдельные эпохи и народы, а потому вполне заслуживают особого исследования.

Первой нашей задачей будет точное определение того, что вообще понимается под суеверием и волшебством. Я сказал выше, что это как бы блуждание мысли в религиозной и научной области, но такое определение настолько неясно, что оно недалеко от ложного — оно нуждается в дальнейшем освещении. Ввиду этого мы займемся сначала исключительно суеверием.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУЕВЕРИЯ

Что суеверие есть заблуждение, что оно заключается в предположениях, которые ни в религии, ни в науке не пользуются признанием, в этом, вероятно, все будут согласны; но вместе с тем дело обстоит так, что чрезвычайно трудно квалифицировать какой-либо взгляд как суеверный.

Мы имеем дело не с одной религией, а со многими, и то, что одному может представиться величайшей глупостью и суеверием, для другого является религиозным догматом, в справедливости которого он никогда не сомневался. При такой разнице взглядов у различных современников понятно, что еще больший контраст обнаруживается между мнениями, господствовавшими в разное время. Наука так же, как и отдельные религии, в своем развитии испытывает постоянные изменения. То, что в одно время для самого опытного исследователя кажется вполне законным предположением, в другое время рассматривается как совершенно несогласное с мировым порядком; мнение, трактуемое в какой-нибудь определенной церкви как неопровержимый догмат, 100 или 1000 лет спустя объявляется опасной ересью и преследуется самым настойчивым образом. Границы суеверия в высшей степени неуловимы, и назвать ли какой-либо взгляд суеверием или нет, всегда зависит от точки зрения, с которой его рассматривают. Несколькими примерами легко можно доказать справедливость этого утверждения.

Большинство образованных людей в протестантских странах считают веру в демонов, привидения, домовых и пр. суеверием уже потому, что и само евангельское учение вовсе не считает веры в существование их необходимым догматом.

Правоверный католик иначе относится к этому вопросу: известно, что даже еще в наше время в южных странах производятся заклинания бесов, притом вовсе не одними только невежественными монахами, но и высокопоставленными духовными лицами. Католическая церковь учит, что даже в наши дни бесы могут вселяться в людей, хотя так называемое «беснование» всеми признается за болезнь, природу которой легко определит всякий врач, ведению которого она и подлежит. Что, таким образом, одному кажется неопровержимым догматом, другой называет суеверием. В чисто научной области наблюдается то же самое: и здесь решение вопроса, считать ли какое-либо мнение суеверием или нет, зависит от точки зрения. Нельзя совершенно оспорить даже и возможность приготовления золота; многое говорит за то, что все наши так называемые элементы, напр. металлы,— все это только видоизменения единой материи. Следовательно, вполне возможно, что один металл может превратиться в другой — только не при помощи тех средств, которыми мы располагаем в данный момент.

Итак, если теперь какой-нибудь влиятельный естествоиспытатель заявит, как это и случилось несколько лет тому назад, что ему удалось найти средство одни металлы превращать в другие, то к этому известию отнесутся несколько скептически, но суеверным такой взгляд не назовут, потому что вполне возможно, что когда-нибудь будет найдена сила, производящая такие изменения: да и знаменитый исследователь без основания не выпустит такого известия в свет. Но вот другой станет рассказывать, что приготовил золото с помощью «философского камня» — это было вещество, по мнению алхимиков, не только превращавшее

один металл в другой, но и увеличивавшее их количество, могущее исцелять все болезни и продлить жизнь,— такого человека без колебания назовут суеверным, так как допущение существования подобного вещества находится в полном противоречии с нашим значением природы и ее законов.

Итак, даже в чистой науке признание данного взгляда за суеверие или нет находится в зависимости от субъективной точки зрения.

Решительно то же самое можно сказать и о суевериях разных веков: называется ли какое-нибудь мнение суеверием или нет, об этом можно судить по развитию мысли в данное время. Мы называем суеверным того человека, который в наше время верит в существование «философского камня» с его удивительными свойствами; для средневекового ученого магика такое мнение не было суеверием. Они ведь не знали, что в природе каждое изменение является результатом множества разнообразных, взаимосталкивающихся причин и что поэтому нельзя с помощью одного вещества вызывать такие разнообразные действия, как превращение металлов в золото и исцеление болезней. Еще менее подозревали они о положении, являющемся основным для всей современной химии, именно, что количество материи в мире неизменно, что материя не уничтожается и не может быть создана. Наоборот, они полагали, что часто наблюдали уничтожение материи, например при горении; по их понятиям вполне было в порядке вещей, что кусочек «философского камня» величиною с горошину мог бы превращать фунт меди или свинца в чистое золото. Мы не назовем такое мнение суеверием, потому что оно было в полном согласии с тогдашним взглядом на природу. Только многочисленные неудавшиеся попытки приготовить «философский камень» убедили этих исследователей, что их желание идет вразрез с мировым порядком. Тогда то учение о «философском камне» из научного превратилось в суеверное.

Все сказанное относится и к астрологии. Мнение, что движение звезд является причиной всех изменений на земле, так же древне, как история человеческого рода; во всяком случае у халдеев его можно проследить за 2000 лет до начала нашего летоисчисления, а так как, кроме того, движение звезд считали периодическим, то делали отсюда совершенно понятный вывод, что ничто не ново под луной, что все в мире повторяется. Стоит только заметить, что происходит на земле в то время, как созвездие занимает какое-либо определенное положение, и можно будет предсказать, что случится, когда то же самое созвездие покажется опять. Исходя из таких предположений халдеи создали из астрологии целую науку, которую переняли от них и еще более развили средневековые ученые магики; только открытие Кеплером законов движения планет нанесло смертельный удар астрологической мудрости. В этом случае мы имеем новый пример, как то, что в течение тысячелетий признавалось за науку, позднее прогрессом знания низведено было до степени суеверия.

Совершенно таково же отношение суеверия к религии. В очень многих случаях суеверие является только пережитком более ранней религии; раньше служившее для всех предметом веры и признававшееся официально после, когда соответствующая религия уничтожается, продолжает существовать как народное суеверие; высокочтимый бог превращается в презренного черта. История слова демон расскажет нам об этом переходе. Греческое слово «daimŏn» значило сначала просто божество, потом стало употребляться для именования божеств, на которых смотрели скорее как на низших сравнительно с главным богом или как на богов вообще низшего разряда. Затем, когда совсем уже обессилевшее язычество было официально уничтожено, демоны стали рассматриваться как злые существа, а во время мрака средних веков как разные черти и нечисть, т. е. демоны в нашем смысле этого слова; совершенно аналогичное явление мы видим в том, что античная наука в средние века превратилась в магию.

То же самое произошло в старину и в Персии при переходе от старого язычества доисторических иранцев к религии Зороастра. Прежние боги, носившие имя

«deva», какое и теперь еще имеют боги индусов, стали дьяволами, подданными губительного Аримана; их культ был строго воспрещен и перешел в заклинание нечистой силы. Вместе с тем персидское слово «daêva» (= deva) совершенно так же, как позднее греческое daimŏn, стало употребляться для именования дьявола. Когда современный перс говорит о злом «Део», со страхом относясь к нему, то едва ли он догадывается, что источник его суеверия когда-то был почитаем за бога.

В эволюции религии можно указать много подобных явлений; из них мы впоследствии приведем несколько примеров, а пока ограничимся одним.

Отцы церкви первого столетия по Рождеству Христову верили в существование демонов; эта вера была церковным догматом; с другой стороны, они утверждали, что демонов не надо бояться, так как они не могут повредить истинному христианину. Прошло 1000 лет. Произошло значительное изменение по отношению к демонам. Явилось верование, что всякий, вступающий в письменный договор с дьяволом, получает возможность с помощью младших бесов обделать множество делишек себе на пользу и во вред своему ближнему.

Сам Лютер не опроверг этого суеверия, и это учение,— правда, с существенными изменениями — перешло в протестантскую церковь. Реформация не произвела ни малейшего изменения в процессах о ведьмах, еще 150 лет спустя свирепствовавших в Европе, до тех пор, пока победоносно шествовавшее естествознание, хотя и слишком поздно, не образумило людей. Вместе с тем исчезло и учение о письменных договорах с дьяволом. Но остается все-таки тот факт, что это учение, представляющееся нелепейшим, какое только могла измыслить человеческая фантазия, когда-то входило в состав религии.

Этих примеров достаточно для объяснения того, что мы хотим сказать. Ни одного мнения нельзя называть суеверием потому только, что оно находится в противоречии с нашим теперешним религиозным и научным мировоззрениями. Оно — суеверие только для нас, но вряд ли существует хоть одно мнение, называемое нами суеверным, которое не составляло бы когда-нибудь части религиозной и научной системы. Желающий обозначить точные границы суеверию должен всегда иметь в виду эту относительность, и мы твердо должны держаться следующего положения.

Суеверие есть каждое мнение, не пользующееся признанием в какой-либо религии или стоящее в противоречии с научным взглядом на природу в какое-нибудь определенное время. Или другими словами: воззрение, которое у нецивилизованного дикаря показывает, быть может, довольно развитое религиозное сознание и как таковое заслуживает внимания, в устах образованного человека нашего времени, очень вероятно, покажется смешным суеверием.

Таким образом, как видит читатель, суеверие — явление, достойное внимания. Стоит только немного изменить точку зрения, и мы будем иметь право назвать суеверием не только религии дикарей, но и более возвышенные религиозные представления, по крайней мере отчасти. Именно, если мы, отрешившись на время от наиболее просвещенных религиозных представлений и современного научного взгляда на природу, начнем исследовать, каким образом человечество достигло этих относительно совершенных понятий, то увидим, что у различных народов в разное время господствовали совершенно другие мировоззрения. Так как для нас это уже пройденные точки зрения, то мы вправе будем назвать их заблуждениями, через которые суждено было пройти человечеству; таким образом, все, что не находится в согласии с нашим взглядом на вещи, есть суеверие.

Это рассуждение является основанием для всего последующего изложения. Я сказал выше, что мы рассмотрим в этом сочинении человеческие заблуждения, а следовательно, нам будет нужно, признав нашу точку зрения за высшую относительно бывших до сих пор, исследовать, как появлялись и снова исчезали различные неверные взгляды, ошибки и суеверия.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МАГИИ

До сих пор речь у нас шла исключительно о суеверии, а волшебство, магия оставались без всякого рассмотрения; так поступали мы вполне обдуманно, потому что одно неразрывно связано с другим. Суеверие — это теория, а магия — деятельность, являющаяся результатом такой теории. Магия происходит от суеверия точно так же, как из каких-либо религиозных представлений возникает известный культ, определенное богослужение или как вслед за познанием сил природы идет их применение. Если верят в существование демонов, т. е. низших духов, помощь которых в том, чего иным способом нельзя достигнуть, можно купить или вынудить, то вполне естественно, что в таком случае станут пробовать, нельзя ли добиться этой помощи. Всякий поступок, являющийся результатом такого мнения, есть магия. Если верят, что злые духи могут причинять вред, то, конечно, ищут надежных способов помешать этому, и вот вам чародейство. Или, положим, существует убеждение, что все, совершающееся в мире, определяется движением звезд и их взаимным положением,— от такого мнения очень недалеко до стремления определять судьбу какого-либо человека по созвездию, бывшему в момент его рождения, а это — тоже магия.

Коротко и точно: каждый поступок, вытекающий из суеверия, есть магия или чародейство. К этому мы еще прибавим: всякое действие признается за магическое, раз только его объяснение исходит из суеверных представлений.

Цель такого добавления, конечно, ясна. Представьте себе, что какой-нибудь дикарь, вполне находящийся под властью предрассудков своего племени, присутствует при некоторых физических опытах, которые производят на него сильное впечатление, а это вполне возможно при состоянии современной науки; вне всякого сомнения экспериментатор покажется ему большим и опасным чародеем: он будет объяснять себе опыты согласно со своими представлениями и, без сомнения, решит, что человек, который в состоянии производить подобные чудеса, имеет в своем распоряжении могущественных духов. Другими словами, совершенно естественные явления он сочтет за волшебство, за магию. Но нам и не нужно придумывать примеров для иллюстрации того, что часто чьи-либо действия принимаются за колдовство, хотя в глазах действующего лица они совершенно естественны; история дает достаточно таких примеров. Всюду, где только малоцивилизованный народ сталкивается с другим, владеющим более развитой наукой, результаты последней признаются за магию. Так было, например, в средние века, когда европейцы столкнулись с маврами, достигшими большого развития в естествознании. Средневековые ученые по большей части вышли из арабских университетов, и знание, которое они оттуда вынесли, для невежественной толпы было магией. Даже сами ученые называли свою науку «натуральной магией», на самом же деле в некоторых частях это было не что иное, как то, что теперь мы называем естествознанием, потому что оно основывалось на познании законов природы. Вот что пишет Каспар Шотт в своем большом сочинении: «Magia universalis naturae et artis 1657»: «Под натуральной магией я понимаю надежное и глубокое познание тайн природы, так что, когда становятся известными природа, свойства, скрытые силы, симпатии и антипатии отдельных предметов, то можно вызывать такие действия, которые людям, незнакомым с причинами их, кажутся редкостными и даже чудесными». Здесь таким образом было решительно высказано, что являющееся для посвященных вполне естественным в глазах невежественной толпы есть магия.

Самый простой и естественный поступок при желании можно объяснить как чародейство: когда старуха во время пути переходит поле, то это, конечно, самый заурядный случай, но два или три столетия тому назад это было опасно для жизни. Если бы случилось, что именно из стада, которое паслось в поле, одно животное спустя некоторое время заболело, то было бы решено, что, конечно, виновницей этой болезни является старуха. Она заколдовала скот, значит она

была ведьмой. Несомненно, что многие из женщин, сожженных во время процессов о ведьмах, не имели на своей совести более значительных грехов, чем наша старуха. Совершенно одинаковый поступок мужчины мог быть истолкован как колдовство и приводил его на костер. Это — крайняя степень суеверия.

Итак, мы твердо убеждены, что всякий поступок, являющийся результатом суеверия или объясняемый суеверными представлениями, есть магия.

Сводя магию к суеверию, мы избегаем двух трудностей, с которыми приходилось бороться предшествовавшим исследователям. Во-первых, мы получаем более точное и изящное, чем это было возможно раньше, определение сущности магии. Большинство прежних исследователей под магией понимали действия, для которых нужна была помощь демонов; но это не совсем правильно. Ни в алхимии, ни в астрологии, ни в остальных науках о предсказании нет и речи о демонах, а между тем предмет занятий этих наук нужно считать за волшебство. К этим соображениям присоединяется еще то обстоятельство, что первоначально все европейские народы занимались волшебством без всякой мысли о каком бы то ни было содействии демонов; поэтому магия вовсе не обязательно предполагает веру в демонов. Чтобы иметь право признать что-либо за чары, не требуется участия в нем демонов; вполне достаточно, если оно происходит от суеверных представлений, все равно каких. Все это заключается в нашем определении.

Еще большая трудность, которой мы избегаем, заключается в проведении границ между волшебством и чудом. Само собою разумеется, что относительность, которую мы установили для суеверия, обязательна и для магии, раз мы ее определяли посредством суеверия. А отсюда следует, что всякое действие или событие, с одной точки зрения рассматриваемое как чудо, с другой — является волшебством. Когда какое-либо действие объясняется исходя из религиозных представлений, т. е. когда оно признается результатом непосредственного действия Божества, то оно будет чудом в глазах того, кто принимает такое объяснение. И наоборот, то же самое действие, если его станут объяснять исходя из суеверных представлений, оказывается магией.

Убедительный пример для доказательства нашей мысли мы имеем в событиях, сопровождавших выход евреев из Египта. Во второй книге Библии, 7, 10—12, мы читаем: «Тогда пришли Моисей и Аарон к фараону, и сделали так, как повелел им Господь. Аарон бросил свой жезл пред фараоном и пред рабами его, и он сделался змеем. И призвал фараон мудрецов Египетских и чародеев, и эти волны египетские сделали то же своими чарами: каждый бросил свой жезл и они сделались змеями». И так повторялось несколько раз. Когда Моисей превратил в реках воду в кровь и вызывал лягушек из земли,— то же делали и мудрецы египетские. В то время, как евреям действия Моисея казались чудом, потому что были произведены благодаря помощи Бога, египетские жрецы рассматривались ими как кудесники и заклинатели, потому что хотя они сделали то же, что и Моисей, но при помощи неистинного бога. Каждый легко себе представит, что египтяне смотрели на дело совершенно противоположным образом: Моисей казался им могучим чародеем, совершавшим много удивительных поступков, но и их жрецы могли творить при помощи богов подобные же чудеса. Не подлежит никакому сомнению, что египтяне смотрели на вещи именно таким образом. Сохранились еще писания первого века по Рождеству Христову, из которых явствует, что язычники на чудеса Христа и Его апостолов смотрели как на магию.

Таким образом, каждый раз мы возвращаемся к отправному пункту. Что для одного чудо, произведенное при помощи Бога, в которого он верит, то для другого, именно потому, что он не верит в этого Бога, является колдовством. Многое из того, о чем мы в дальнейшем изложении будем рассуждать как о магии или волшебстве, в свое время и в своем месте составляло религиозную церемонию, которая имела целью вызвать действие Бога, или, иными словами, «чудо»; с нашей же точки зрения это, конечно, волшебство.

ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ

Теперь мы пришли к тому, что можем дать себе отчет, что именно следует разуметь под словами «суеверие», «волшебство», или «чародейство», и вместе с тем определили границы области тех явлений, которые составят предмет даль-

нейшего рассмотрения. Нам остается еще в коротких словах установить план нашего исследования.

Для нас, конечно, представляется наиболее интересным проследить развитие суеверия в Европе. Не требуется, однако, больших сведений, чтобы видеть, что это развитие вовсе не идет по прямой линии от одного пункта и что источники его находятся вне Европы. Из всей массы суеверных представлений, в разное время господствовавших в нашей части света, лишь очень небольшая часть обязана своим происхождением различным европейским народам; другая же, большая, часть заимствована от народов Востока. Это заимствование происходило в разное время и различными путями. Не считая того, что произведено первоначально отдельными европейскими народами, можно указать, по крайней мере, на три главных источника европейских суеверий. Первый поток идет от халдеев, со времени похода Александра Великого в Персию. Второй имеет смешанное иудейско-египетско-арабское происхождение и внесен был в Европу маврами. Наконец, третий появился в половине нынешнего века из Америки, но в нем есть большая примесь индусских (буддийских) элементов. Каждое из этих главных течений имеет свой оригинальный характер и долгое время держится обособленно, пока, наконец, не сливается с другими течениями. Поэтому мы должны не только проследить ход каждого из них, но изложить также результаты, к которым привело их смешение.

Когда мы таким образом отдадим себе отчет относительно фактической стороны дела и изучим те формы, в которых в течение времени проявлялись суеверие и волшебство, тогда мы перейдем к исследованию причин всех этих явлений. Как и все на свете, суеверие тоже должно иметь какие-нибудь причины. Если человек думает, что он видит привидение, то несомненно, что он что-нибудь видит. Это может быть освещенная луной занавеска, слегка колеблемая движением воздуха через открытое окно; а может быть и то, что все явление основано лишь на болезненном состоянии мозга наблюдателя; в обоих случаях, несомненно, существует некоторое восприятие, только объяснение его неправильно. Таким образом, за всяким суеверным представлением находится какое-нибудь наблюдение, которое только неверно объясняется. Суеверие заключается в ошибочном понимании. Но если интересно указать на эти ошибки, на неверное объяснение известных наблюдений, то не менее интересно найти те физические и психические явления, которыми были обусловлены эти ошибки. Только произведя такое исследование, мы можем признать нашу работу законченной; так как мы лишь тогда можем называть известное воззрение суеверием, или заблуждением, когда будет доказано, что оно возникло из неверного объяснения известных фактов, которые впоследствии, через приобретение новых знаний, получили совершенно другое освещение. В этом заключительном исследовании я вижу главный центр тяжести моей работы. Но так как разрешение этой части нашей задачи в значительной степени облегчится, если мы проследим суеверие до самого его возникновения, т. е. до тех его форм, которые оно имеет у первобытных людей, то мы предпошлем нашему исследованию краткий очерк суеверия и волшебства у диких народов.

Суеверие и волшебство у диких народов

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДИКИХ НАРОДОВ

Древнейшие, имеющиеся у нас исторические известия происходят от египтян и от древнего халдейского народа аккадов; они доходят до 4000 лет ранее нашей эры. Ранее этого мы уже не можем исторически проследить развитие человеческо-

го рода. Но египетские и аккадийские известия указывают на то, что уже в самые древние, неизвестные нам времена эти народы образовали большие государства, управлявшиеся могущественными царями и обладавшие высокой культурой. Таким образом, из этих сведений мы можем только косвенным образом получить, и то лишь не точное представление об условиях жизни первоначального человечества. Прогрессивное развитие должно было продолжаться очень долго, прежде чем человек достиг той степени, на которой стояли египтяне и аккады древнейших времен. Если же мы желаем иметь достоверные выводы о действительно первобытном состоянии человечества, то мы должны обратиться к существующим еще в настоящее время диким народам, каковы, напр., гренландцы, североамериканские индейцы, африканские негры и некоторые народы Сибири. Едва ли, конечно, может быть сомнение в том, что и у этих народов суеверные представления и магическое искусство подверглись известному развитию, так что и на них нельзя смотреть как на представителей самого первобытного состояния в этой области; но далее этого наше исследование уже не может проникнуть.

Само собой разумеется, что религиозные представления диких народов не все одинаковы: но, несмотря на различия, между ними так много общего, что мы имеем полное основание рассматривать их все вместе, так как мы имеем здесь в виду не останавливаться на отдельных частностях, а лишь выставить на вид главнейшие характерные черты. Ниже всех стоят, по-видимому, австралийские негры, так как они, сколько известно, не имеют представления о высшем существе; во всяком случае у них нет и следа какого-либо культа; о существовании злых духов они имеют также лишь самые неопределенные представления. О душах умерших они думают, что после недолгого пребывания на земле они восходят на облака, где обыкновенно и остаются; впрочем, им ничто не препятствует возвратиться на землю, но в таком случае они меняют свой цвет и становятся белыми. Поэтому на европейцев они смотрят как на выходцев с того света. Однако это воззрение не мешает австралийцам делать своими женами случайно захваченных ими белых женщин. Из этого видно, что их представления о духах неясны и сбивчивы. Подобно другим дикарям, они имеют колдунов, или волшебников, призываемых на помощь при всяких необыкновенных обстоятельствах, как, напр., в случае болезни, и действующих таким же способом и такими же средствами, как это делается и у других народов. Могущество этих чародеев основывается, как полагают, на близком их общении с духами; но что это за духи — суть ли это души умерших, еще не покинувшие землю, или, может быть, это злые духи, о которых тоже иногда говорится,— об этом нельзя получить никакого объяснения. Возможно, что и для самих посвященных в чародейство это неясно. Во всяком случае, наши сведения об этом так недостаточны, что мы можем оставить австралийских негров в стороне.

Большая часть остальных нецивилизованных народов стоит уже на несколько высшей ступени, чем австралийские негры. У африканских негров и американских индейцев можно уже отличить от суеверия настоящие религиозные представления, состоящие в признании высшего существа. Таким образом, индейцы имеют своего Маниту, а племена банту в южной Африке — своего Модимо, или Молимо. Этот «великий дух», или это «высшее существо», не играет, однако, важной роли; во всяком случае, ему не молятся. Он не есть и творец мира; скорее он соответствует, по-видимому, фатуму, или судьбе. По крайней мере, это вытекает из того, что говорил миссионерам один интеллигентный вождь негров.

Вы, значит, думаете,— сказал он, указывая на звезды,— что между ними и по ту сторону их живет всемогущий владыка, наш отец, создавший нас всех. Правда, что и наши предки говорили о небесных владыках, и мы называем большие светящиеся пятна, которые вы видите у себя над головой, дорогой богов; но нам кажется, что мир всегда существовал, кроме людей и животных, которые, по нашему мнению, когда-то вновь появились, сначала животные, а потом люди. Но мы не знаем, кто их принес в мир. Мы молимся духам наших предков, и мы просим их о дожде, обильной жатве, здоровье и о том, чтобы они приняли нас к себе после смерти.

По-видимому, такого же рода и представления индейцев о Маниту. Они не молятся ни ему, ни многочисленным другим богам. Только военные боги призываются вождем, когда племя отправляется в поход. Их очень короткие молитвы бывают обыкновенно обращены к умершим: «Духи, будьте ко мне милостивы и покажите мне, где я могу найти медведя». Один путешественник рассказывает, что он с несколькими индейцами плыл в лодке. Приехавши на озеро, индейцы взяли свои трубки и стали курить, молясь в то же время ветрам, чтобы они были тихи и дали бы им безопасно проехать по озеру.

Из этих сведений следует, что духи, т. е. по преимуществу души умерших, но затем также и духи природы, составляют центральный пункт в религии этих дикарей. Духи наполняют собою все; они приносят вред или пользу, поэтому их надо почитать. Посредством жертв и заклинаний духов человек может обеспечить себе удачу в своих предприятиях. С помощью духов он может нанести вред обидевшему его соседу. Таким образом, сущность их религии есть суеверие; культ их есть волшебство.

Способы, посредством которых делаются призывания и заклинания духов, различны у разных народов. Одни из них обращаются к какому-нибудь видимому предмету, в котором, по их мнению, дух имеет свое местопребывание (фетиш). Другие, напротив, не имеют никаких видимых символов для духов. Есть и такие, у которых и та, и другая формы существуют, по-видимому, вместе. Негры Гвинейского берега суть типические представители фетишизма. Каким образом создается фетиш, это видно из следующего изложения одного из вождей:

Когда кто-нибудь из нас решается предпринять что-нибудь важное, то прежде всего он ищет себе какого-нибудь бога в качестве помощника для своего предприятия. С этой целью он выходит, и первое встреченное им живое существо берет себе в боги, будь то собака или кошка, или даже одно из самых низших животных. Это может быть также и какая-нибудь безжизненная вещь, найденная им на дороге: камень или кусок дерева; этому новому богу он тотчас же приносит жертву, объясняет ему свое дело и торжественно клянется, что если оно удастся, то он и впоследствии будет считать его своим богом и служить ему. Если предприятие будет удачно, то, значит, он нашел нового, очень полезного бога, которому он ежедневно приносит жертву; в противном случае он бросает нового бога, как негодного, и последний снова делается тем, чем он и раньше был.

Более высокое положение занимают южноафриканские негры, так как они обращаются с молитвой к совершенно определенным духам, не придавая им никакой видимой формы. Как мы видели выше, ими призываются исключительно духи предков, души умерших людей; но последние не все занимают одинаковые степени. Сын обращается преимущественно к своему отцу, как к лицу наиболее известному. Один зулус так описывал все эти воззрения:

«Мы, чернокожие, не почитаем одинаково всех наших аматонго (предков), т. е. всех умерших людей нашего племени, без различия. Обыкновенно только главе каждого дома молятся его дети, так как прочие предки им неизвестны и они не знают их имен. Таким образом, молитва их начинается и кончается их отцом, так как они лучше всего знают как его самого, так и его любовь к своим детям. Таким же он будет для нас и теперь, когда он уже умер. Поэтому хотя мы молимся и многим аматонго нашего племени, которые образуют непроницаемую ограду для нашей защиты, но при служении аматонгам отец наш ставится нами гораздо выше всех других. Наш отец есть великое для нас сокровище даже и тогда, когда он умер. Когда в краале появляется болезнь, то старший сын восхваляет его, давая ему самые почетные прозвища, заслуженные им на войне и в битвах; но при этом он прославляет также и других аматонго».

Мы знаем также, как происходит у этих племен подобное призывание и славословие духов. Естественно, оно соединяется с принесением духам жертв. Когда внутренности жертвенного животного вынуты, то начальник восклицает: «Вы, духи моих предков, возьмите эту жертву себе на пищу. Пошлите мне здоровье по вашей милости». Хорошим знаком считается то, когда при убивании животного оно ревет. Тогда говорят: «Реви громче, бык наших предков». Часть крови и жира откладывается в сторону, на особое место, и сжигается, жир вместе с куреньями, чтобы духи ощущали приятный запах; затем начинается жертвенное пиршество. Начальник вместе со слугой, несущим обеденную циновку, идет к наружному выходу загороди, где помещается скот, и кричит: «Тихо, смирно! Я прошу вас, духи наших отцов, совершившие для них, перед нами, столь великие и славные дела, послать нам удачу и счастье. Я прошу вас, чтобы вы наполнили мой крааль скотом, мои житницы — хлебом, мои жилища — детьми, чтобы вы не исчезли из нашей памяти».

Таким образом, у южноафриканских племен, рядом с действительно прекрасным почитанием умерших, не существует, по-видимому, вовсе служения фетишам; у американских индейцев то и другое существуют вместе. Выше мы видели, как они призывают духов и ветры без всяких особых обрядов и не обращаясь ни к какому видимому предмету. Об этих же индейцах из племени Дакота рассказывают, что они не молятся никакому определенному изображению, вследствие чего у них нет и никаких построек для богослужения. Но зато нередко бывает, что один из этих индейцев берет какой-нибудь камень, преимущественно круглый, и разрисовывает его, потом, отойдя несколько шагов от своего жилья, очищает от травы кружок в один или два фута в диаметре и ставит на это место камень, или своего бога, как он его называет, приносит ему в жертву несколько табаку и перьев и просит у него защиты от опасности, которая ему, вероятно, пригрезилась или которую он себе почему-либо вообразил. Таким образом, служение фетишам существует одновременно с непосредственным обращением к духам.

РЕЛИГИОЗНАЯ МАГИЯ У ДИКИХ НАРОДОВ

То, что мы изобразили выше, представляет собой способы, посредством которых частные люди служат духам или заклинают их. Но они вообще употребляются лишь при обыкновенных случайностях ежедневной жизни. Когда же дело идет о более важных обстоятельствах, при которых отдельное лицо уже не может положиться на самого себя, напр. в случае болезни или когда ставится вопрос о благополучии целого племени, напр. при объявлении войны или при продолжительной засухе, грозящей уничтожить пастбища или место охоты, тогда требуется содействие особого посредника, пользующегося преимущественной благосклонностью духов, для совершения необходимых церемоний, которые должны обеспечить народу помощь высших сил. Такие посредники: жрецы, чародеи, или как бы мы их ни назвали,— существуют у всех диких народов. Они известны под различными именами: сибирские народы называют их шаманами; американские индейцы зовут своих знахарей: у племени Дакота — мускихивинини, у Винебага — мадэвинини. Так же и у африканских племен: у зулусов они называются изи-ниянга, у бечуанов — нгака и т. д. Везде они являются делателями дождя, врачами и прорицателями; они доставляют счастливые предзнаменования и обеспечивают благополучный исход войны. Своим магическим искусством они помогают также отдельным людям отомстить своим врагам или доставляют им удачу на охоте,— одним словом, занимаются всем, что касается волшебства.

Мы бы зашли, конечно, слишком далеко, если бы стали перечислять церемонии и магические действия, совершаемые знахарями у разных народов; да мы не достаточно с ними и знакомы. Поэтому я предпочитаю соединить вместе отдельные характерные черты, взятые от таких народов, у которых случайно тот или другой обряд был всего лучше наблюдаем. Конечно, такое изображение не будет вполне подходить к одному какому-нибудь народу: как обряды, так и понятия в различных местах, естественно, оказываются различны: но в этом нет особого неудобства, так как для нас нужен только общий обзор.

Церемония посвящения новых знахарей, называемая у винебагов в Северной Америке знахарским праздником (medicinfest), есть очень старинное учреждение и, как почти все их праздники, состоит большей частью из плясок. Участвующие в ней образуют особое общество, имеющее свои тайны, которые никогда не сообщаются тем, кто к нему не принадлежит. Поэтому нам известна больше только внешняя сторона дела; о том же, чему обучаются новые знахари и в какие тайны они посвящаются, мы не знаем. С большей вероятностью, однако, можно предположить, что они учатся знанию тех действий и тех заклинательных формул, которые употребляются в каждом данном случае. Из этих формул многие нам известны; поэтому мы имеем основание думать, что потеряем немного, не заботясь об остальных.

Сам праздник происходит не в одно определенное время, а лишь тогда, когда есть два или более лиц, желающих быть принятыми в общину. Тогда делаются необходимые приготовления и посылаются приглашения старейшим членам общины, присутствие которых признается желательным. Не все члены принимают участие в посвящении. Празднование происходит в нарочно построенном для этого помещении, величина которого зависит от числа приглашенных. Вдоль обеих длинных сторон шалаша садятся участники; середина же остается свободной для пляшущих. Новые кандидаты должны

перед посвящением три дня поститься; в это время старый знахарь, распорядитель праздника, отводит их в потайное место и посвящает их во все таинства общины. Говорят также, что в течение поста они подвергаются операции потения, причем они покрываются одеялами и окуриваются дымом некоторых кореньев. Когда все это исполнено, тогда начинаются церемонии, в которых участвуют все присутствующие. Они состоят из плясок и речей старых знахарей, а также из множества необыкновенных действий. Так, между прочим, по данному знаку все старшие начинают делать движения, как будто они давятся, после чего наконец выплевывают маленькую раковинку. Они утверждают, что эта раковинка, которая называется врачебным камнем, постоянно находится у них в желудке и только при этом торжественном случае появляется на свет. Излишне говорить, что вообще это невозможно. Под конец каждый вновь поступающий получает знахарский мешок, т. е. сшитую шкуру, наполненную разными диковинами, а в рот ему кладут врачебный камень; после этого он считается принятым в братство.

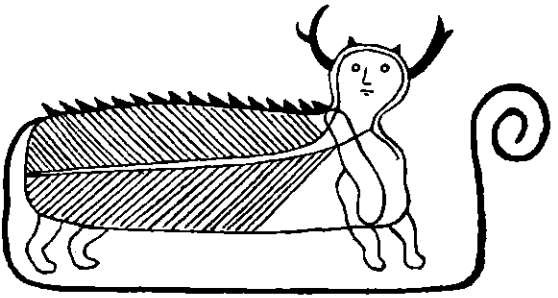


Рис. 1. Большое врачебное животное.

В знахарском мешке сохраняются, конечно, все предметы, которые употребляются при магических операциях: в это число входят различные коренья, из которых иные, может быть, и действительно могут быть применены в качестве лечебного средства, особенно для заживления ран; затем различные части животных и некоторые минералы. Наиболее действительными медицинскими средствами одного старого вождя из племени винебага были, по его собственному заявлению, маленький камешек, который, как оказалось, состоял из куска самородной меди, и кусочек кости, принадлежавшей, как он утверждал, большому врачебному животному. Это животное показывается иногда только знахарям, и то во сне, на земле же не появляется. Здесь прилагается и изображение этого большого врачебного животного, нарисованного рукой этого самого вождя.

Из этого видно, как свободная фантазия совершенно преобладает над теми немногими практическими наблюдениями, которые, может быть, и в самом деле были у этих людей. Их сильнейшие врачебные средства — не коренья или ядовитые вещества, действие которых могло быть ими случайно открыто, но такие вещи, которые вовсе им неизвестны и которые именно в силу этого и возбуждают всего живее их воображение, так что они приписывают этим предметам множество мистических сил. Эта характерная черта проявляется у всех диких народов.

В одной южноафриканской легенде рассказывается, что в то время, когда голландцы пришли в ту страну (Наталь), в одном пруду жила большая змея с огненной головой. Случилось так, что пришли некоторые люди из амангван. Они подкараулили змею и, когда она выползла из воды, отрубили ей голову; но туловище ушло опять в воду, и пруд тотчас высох. Чернокожие испугались, пошли к голландцам и стали спрашивать, что им делать. Белые люди выслушали рассказ и, между прочим, спросили: «Что же вы сделали с головой и с той частью змеи, которая осталась при голове?» Черные отвечали: «Нам нужно было лекарство, чтобы им лечиться». Голландцы сказали: «Что же вы хотите делать с лекарством, взятым от неизвестного вам животного?» Черные отвечали: «Мы потому именно и убили это животное, что мы его раньше никогда не видели; мы хотели его смешать с другими нашими лекарствами». История эта говорит сама за себя и не требует дальнейших пояснений.

Но если содержание врачебного мешка удивительно, то и применение этого содержания не менее необыкновенно.

У многих народов существуют также интересные мнения на счет того, откуда происходят все эти знания. Так, индейцы племени Дакота думают, что они были им переданы водяным богом Унк-та-ге. Он и его спутники являются знахарям во сне. Он есть глава всех духов и передает знахарям их сверхъестественные силы.

Прилагаемый здесь рисунок изображает жилище этого бога и его спутников. Он объясняется следующим образом: внутренний круг означает воду. № 7 есть главный бог. №№ 3, 4, 5, 6 — его спутники. № 2 — индеец. № 8 есть мир, занимающий все пространство между двумя кругами. № 1 — река с индейской деревней на берегу. № 11 — ворота, соединяющие богов с миром. № 9 пред-

ставляет молнию, употребляемую спутниками бога для их защиты. № 10 — деревья, растущие в лесах по берегам.

Индеец, сделавший этот рисунок, рассказывает, что Унк-та-ге вышел из озера и еще до его рождения взял его из деревни на берегу реки и унес с собой в глубину. Когда он во время этого путешествия проходил мимо прочих богов, то каждый из них давал ему хорошие советы, а последний, № 3, дал ему барабан и сказал ему, что все будет делаться по его желанию, когда он будет бить в барабан и произносить волшебные слова, которым он научился в глубине от богов. После этого наставления Унк-та-ге отнес его снова на сушу, где он и был рожден женщиной в виде индейца.

Таково представление знахарей об источнике их сверхъестественной силы. Им стоит только выразить свои пожелания и при этом ударить в барабан и выполнить предписанные богами обряды, чтобы подействовать на богов в желаемом направлении. Поэтому они могут помочь и в таких обстоятельствах, когда обыкновенный человек не видит никакого исхода.

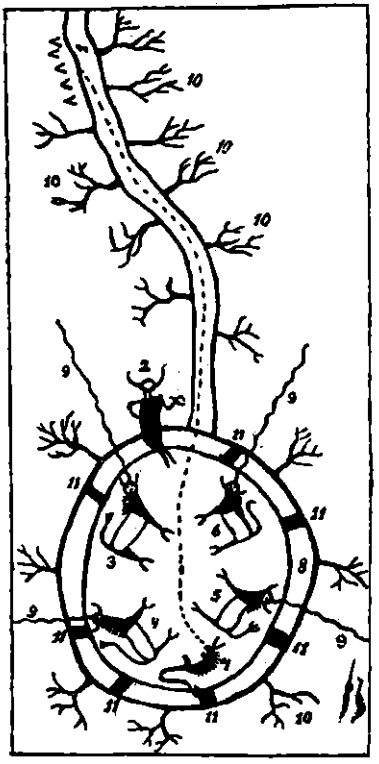


Рис. 2. Жилище Унк-та-ге.

Теперь мы подробнее рассмотрим магические операции, применяемые ими в различных случаях. Недостаток дождя есть, конечно, одно из худших бедствий, которое может посетить дикарей, будут ли они, подобно южноафриканским племенам, заниматься скотоводством или же это будут охотники, как индейцы. Когда скот не находит себе достаточно корма или дичь вследствие засухи уходит в другие местности, тогда знахари должны вызвать дождь. Для этой цели они, удалившись в уединение, произносят различные заклинания, содержание которых никому, кроме них, неизвестно, но в то же время они устраивают целый ряд общественных празднеств в честь богов. Это последнее обыкновение имеет, по-видимому, вполне разумное и практическое значение, так как если им удастся занять народ этими праздниками достаточно долго, то дождь может, наконец, и сам собой пойти. Если же терпение народа истощается раньше, то естественно, что со знахарем поступают не лучше, чем с тем фетишем, который не оправдал возложенных на него надежд. Его жизнь подвергается опасности, если он заблаговременно не позаботится о сохранении своей драгоценной особы. Последнее, впрочем, обыкновенно удается ему, так как народ полагает, что он может сделаться невидимым или невредимым, или же принять вид какого-нибудь животного. Все это достигается с помощью одного травянистого растения, которое Дакота называют пецхикавуск. Колдуны носят его всегда при себе, и когда воины отправляются на войну, то оружие их окропляется настоем этого растения. Тогда они делаются невидимыми для врагов и не могут быть ранены даже ружейной пулей. Надо полагать, что это верование было потрясено до основания после битв с войсками Соединенных Штатов.

Знахари пользуются большим почетом также и в качестве врачей, но в действи-

тельности лишь в очень редких случаях выказывают знание врачебных средств и умение целесообразно ими пользоваться. Если же они в самом деле обладают таким знанием, то, во всяком случае, скрывают это от народа, который верит исключительно в магическую силу знахаря. Впрочем, в последнее время эта вера в Северной Америке, по-видимому, значительно ослабела; там, где индейцы находятся в постоянных сношениях с белыми, они скоро научились тому, что «врачевание бледнолицых» сильнее и действеннее ихнего. Они предпочитают теперь опиум и хинин кусочку кости великого врачебного животного. И это не удивительно, так как самое существенное, что делает знахарь, являясь в качестве врача, состоит в том, что он пляшет и поет заклинания. Правда, он предписывает также холодное или горячее купанье, если пациент страдает от жара или озноба, а также дает лекарственные средства и внутрь; но главное дело при лечении составляет все-таки магическая пляска. У многих индейских племен эта пляска считается столь целительной и столь важной, что она изображена при помощи их оригинального фигурного письма для того, чтобы ничего из нее не было позабыто.

Пляска знахарей — это настоящее представление, исполняемое ими у постели больного в присутствии зрителей, полных благоговения. Ударяя в свой маленький барабан или звеня погремушкой, знахарь двигается в кругу, показывая, что он таинственным образом беседует с духами, вынимает у пациента болезнь из желудка или из шеи, выгоняет злых духов из различных частей тела и т. п. Продолжая таким образом, он постепенно приводит в состояние экстаза не только себя самого, но и пациента и зрителей, которые глядят на него со страхом и трепетом, и когда он машет своей погремушкой или ударяет в свой бубен, то им кажется, что земля и небо слушают его голос и вся вселенная склоняется перед ним. Нет ничего невероятного в том, что пациент после этого выздоравливает, так как мы знаем, что и у нас исцеление часто бывает следствием веры во врача, а не лекарства.

Руководящей нитью во всех действиях знахаря является, очевидно, как мы уже говорили, та мысль, что само желание при помощи богов приводит к исполнению этого желания. Знахарь своими действиями только разъясняет духам, чего он от них ожидает, а затем полагается на их заботу об исполнении желаемого. Магическая пляска у постели больного указывает на убеждение, которое составляет верование всех диких народов, что то, что делается с изображением какого-нибудь живого существа, происходит действительно и с самим изображенным человеком или животным. Этим способом дикарь мстит своим личным врагам; подарками и просьбами он убеждает какого-нибудь могущественного колдуна сделать изображение его врага и затем сжечь его, проколоть ему сердце или каким-либо другим образом уничтожить его. И вера в это магическое искусство так велика, что когда тот человек, который при этом имелся в виду, узнает об этих действиях, то часто от страха действительно умирает.

Таким же образом поступают многие индейские племена, когда они хотят обеспечить себе удачу, напр. на медвежьей охоте. Знахарь рисует на березовой коре самое грубое изображение медведя и проводит черту от сердца этой фигуры к морде, обозначая таким образом тот путь, которым жизнь должна выйти из зверя. При этом он поет следующее заклинание:

«Слушай, как я могущественен! Я проворен и мстителен, как орел. Я слышу все, что делается на свете. Медведь должен повиноваться снадобьям моего вигвама *. Поэтому бойся человека; улитка попадет в твои внутренности. Какой медведь может избежать моей стрелы? Река? Хе, хе! Разве медведь может избежать моей чародейской силы? Мои снадобья сильны». История умалчивает о том, какое действие производит на американских медведей это страшное заклинание.

Колдуны предсказывают также будущие события, объясняют приметы и т. п. Впрочем, для этого не всегда требуется содействие знахаря. Искусство гадания настолько распространено между дикарями, что, по крайней мере в наиболее обыкновенных случаях, всякий сам старается помочь себе. Так, очень распространена беломантия, гадание по полету стрел. Когда какой-нибудь индейский герой отправляется на подвиги, то он предварительно пускает стрелу на удачу в воздух;

* Вигвам — шалаш индейцев.

направление упавшей стрелы указывает тот путь, который он должен избрать. Это очень похоже на существующий у нас обычай «счета пуговиц». В особо торжественных случаях, или когда требуется определенное указание на будущее, обращаются к знахарю. Последний, разумеется, действует различно, смотря по времени и обстоятельствам; так как мы не можем здесь описать всех гадательных

Рис. 3. Сибирский шаман.

действий, то ограничимся тем, что приведем некоторые наиболее интересные из них, употребляемые сибирскими шаманами. Интерес их заключается в том, что мы видим из них, как иногда знахари диких народов умеют пользоваться такими средствами, которые не только на их несведущих соплеменников, но и на цивилизованного человека могут производить впечатление чего-то мистического, сверхъестественного. Известия разных путешественников об обрядах, производимых шаманами, во всем существенном сходны между собой; поэтому я приведу лишь один из этих рассказов.

Посредине юрты (жилище тунгусов) горел яркий огонь, кругом которого были разостланы в виде круга черные овчины. По ним размеренными, ритмическими шагами медленно ходил вокруг огня шаман, вполголоса произносивший свои заклинательные формулы. Его длинные, черные, растрепанные волосы почти совсем закрывали его опухлое, темно-красное лицо. Сквозь эту занавесь, из-под щетинистых бровей, сверкала пара горящих, налитых кровью глаз. Его одежда, вроде ризы, сшитая из звериных шкур, была увешана сверху донизу ремнями, амулетами, цепочками, раковинами и кусочками железа и меди. В правой руке он держал волшебный барабан в виде бубна, тоже покрытый погремушками, а в левой — лук. Вид у него был страшно дикий и свирепый. Присутствующие сидели молча, в напряженном внимании. Постепенно огонь посредине юрты погас, остались только тлеющие угли, распространявшие в юрте таинственный полусвет. Шаман бросился на землю и в течение пяти минут лежал неподвижно, потом жалобно застонал, испуская глухие, подавленные крики, как будто производимые разными голосами.

Через несколько времени огонь снова был зажжен и высоко запылал. Шаман вскочил, поставил на землю свой лук и, придерживая его рукой, а лбом упершись в верхний его конец, начал бегать вокруг него, сначала тихо, а потом все быстрее и быстрее. Потом, когда это верчение продолжалось настолько долго, что от одного смотрения на него начинала кружиться голова, он вдруг остановился, не выказывая ни малейшего признака головокружения, и начал руками выделывать в воздухе разные фигуры. Затем, как бы проникшись вдохновением, он схватил свой барабан и стал бить в него, исполняя, как мне казалось, некоторую мелодию, после чего он стал прыгать кругом то быстрее, то тише, причем все его тело с невероятной быстротой подергивалось самым странным образом в разные стороны. В продолжение всей этой операции шаман с жадностью выкурил несколько трубок крепчайшего турецкого табака, а между ними выпивал по глотку водки. От этого и от верчения у него, по-видимому, наконец, закружилась голова; он вдруг упал на землю и лежал неподвижно, без признаков жизни. Двое из присутствующих подняли его и поставили на ноги. Вид его был ужасен: глаза у него были широко раскрыты и выпучены; лицо его становилось все краснее. Он был, по-видимому, совершенно без сознания и в течение нескольких минут не делал никакого движения, кроме легкого дрожания всего тела, и не подавал никакого признака жизни. Наконец, он как бы проснулся от своего оцепенения: опираясь правой рукой на свой лук, левой он взял свой волшебный бубен и стал им быстро махать и звонить у себя над головой и потом бросил его на землю; это, как объяснили мне присутствующие, обозначало, что он теперь вполне проникнут духом и что к нему можно обращаться с вопросами.

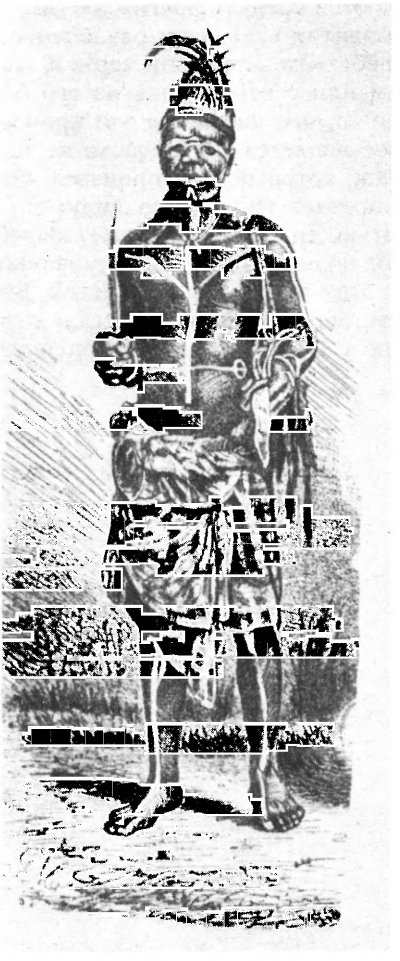


Рис. 4. Африканский знахарь.

Ответы на вопросы давались им без долгого размышления, но таким образом, как будто он и сам не знает, что такое происходит. Большей частью ответы эти были выражены в неясном стиле изречений оракула, так что спрашивающий мог истолковать их, как хотел. Самое интересное в этом рассказе, без сомнения, то, что мы видим здесь применение опьяняющих и гипнотизирующих средств с целью вызвать у шамана такое состояние, при котором он бессознательно может давать ответы на такие вопросы, на которые он в нормальном состоянии, по своему рассуждению, не мог бы отвечать.

ВОЛШЕБСТВО У ДИКАРЕЙ

Если всякое добро, всякая помощь и содействие происходят от духов, то легко дойти до признания того, что и всякое зло, вред и несчастье имеют свою причину в такого же рода существах. Поэтому дикари признают существование не только добрых духов, но и злых демонов. И подобно тому, как они полагают, что привилегированные знахари получают свою силу от добрых духов, так же они думают, что многие люди находятся в сношении со злыми духами и с помощью их стараются вредить другим людям. Таким образом, мы уже на этой низшей ступени развития встречаем разделение между законной, доброй, или белой, магией и волшебством, злой, или черной, магией *. Первой мыслью дикаря в случае, если с ним или с кем-нибудь из его близких, случится несчастье, является обыкновенно то, что несчастье это произведено волшебством. Задачей знахаря в таком случае является очень часто не только устранение вреда, но и указание того человека, который его произвел посредством черной магии. Через это знахарь приобретает громадную силу; так как волшебство почти всегда наказывается смертью, то он легко может освободиться от личного врага, указавши на него как на волшебника. Поэтому черная магия держится в тайне, если только вообще она когда-нибудь практикуется. Во всяком случае, у дикарей мы о ней ничего не знаем; однако же, по существу дела, она должна представлять довольно точную копию с официального чародейства.

---

* О происхождении выражения «черная магия» Солдан (Gesch. der Hexenprocesse. Изд. 2, Т. 1, 198) говорит, что оно произошло в средние века через превращение греческого слова некромантия, под которым греки подразумевали спрашивание мертвых. Впоследствии в христианской церкви это слово стало употреблятся для обозначения всякого недозволенного волшебства. Тогда его переделали в нигромантию (от niger — черный), а потом в противоположность последней создали понятие «белой магии».

ОТДЕЛ I

МУДРОСТЬ ХАЛДЕЕВ И РАЗВИТИЕ ЕЕ В ЕВРОПЕ

Халдеи

РЕЛИГИЯ ХАЛДЕЕВ

Наши сведения о религиозных и суеверных представлениях халдейских народов почерпнуты главным образом из многочисленных сочинений, найденных в одном библиотечном зале древней Ниневии и лишь в последнее время прочитанных европейскими исследователями. Материалом, на котором написаны эти произведения, служила глина; письменные знаки выдавливались, когда глина была сыра; затем глиняные плиты обжигались или высушивались. Благодаря лишь большой прочности этого материала оказалось еще возможным прочесть древние сочинения, хотя они и пролежали несколько тысячелетий в земле, погребенные под развалинами царственного города. Для нашей специальной задачи чрезвычайно важное значение имеет одно весьма объемистое магическое произведение, которое первоначально занимало не меньше 200 плит. Экземпляр его, существующий и поныне и сохраняющийся в лондонском Британском музее, есть список с гораздо более древнего оригинала; он был восстановлен по повелению царя Ассурбанипала в 7 веке до нашей эры. Текст написан на двух языках, на ассирийском, который был разговорным во время Ассурбанипала, и на аккадийском, языке древних халдеев, на котором, вероятно, был написан оригинал; последний ко времени Ассурбанипала был уже мертвым языком. По этому произведению, а также и по отрывкам из разных других удалось восстановить по меньшей мере основные черты халдейской религии и демонологии. Мы начнем с краткого обзора религии, потому что он необходим для ясного понимания всего последующего.

Как и следовало ожидать от религии столь могущественного культурного народа, каким были вавилоняне, халдейская вера в богов стояла гораздо выше религий, только что рассмотренных нами. Здесь существуют настоящие боги, разумные, исполненные всемогущества и повелевающие на небе, в водах и на земле. Бог неба назывался Ану, повелитель земли — Бел, т. е. господин, дух воды — Эа; эти трое назывались обыкновенно в халдейской теологии великой троицей. Каждый из них имел целую свиту божеств, свою семью, своих слуг и т. д. Каждый из них был местным богом одного из более крупных вавилонских городов или местностей. Но с течением времени городской бог важнейшего города Вавилона Мардук сделался опасным для них конкурентом; ему все более и более приписывали свойства и власть других богов, он назывался «сыном Эа» (следовательно, его связывали с Эа), а с Белом отождествлялся до такой степени, что Бел вавилонский, которому был сооружен величественный храм, на самом деле был Мардук, которого чтили теперь как высочайшего повелителя, как Бела (господина). Бога города Борзиппы, соседнего с Вавилоном, Небо считали сыном Мардука, и он вместе с Мардуком-Белом и с ассирийским народным богом Ассуром были главными богами в ассирийский период.

Из всех богов нас более всего интересует Эа, бог волшебства, в качестве такового сохранивший до конца свое значение. Вероятно, в качестве бога вод он стал также и божественным волшебником, потому что вода была главным элементом

при врачебном волшебстве и при всякого рода заклинаниях; привозились, напр., чудодейственные воды из Эриду, города Эа, расположенного при устье великих рек. В этой южной области Вавилона Эа был главным богом, вокруг которого толпилась вся свита прочих богов и который двигал и управлял вселенной. Бог-волшебник становится богом мудрости, который сам знает все искусства и ремесла и учит им; он также божественный художник, который вылепил из глины человека и дал ему жизнь; да и весь мир, все, что в нем есть, создано им, от него возникло, а так как мир представлялся возникшим из воды (apsu, из мифического океана) и Эа очень часто отождествлялся с apsu, то до известной степени можно сказать, что все бытие возникло из самого Эа.

Рис. 5. Вавилонский бог Эа.

В обыденной религиозной практике вавилонян Эа представляется одним из богов, без которого положительно немыслимо обойтись, так как при заклинаниях преимущественно употреблялось его имя. При всех высоких представлениях о богах и мире все-таки заклинания были на практике главным делом этой религии: путем заклинания исцеляются души и тела, даруется плодородие, победа и благополучие; заклинания рассеивают все воинство ужасных демонов, которые подстерегают людей и препятствуют их успехам и счастью. Мы должны прежде всего обратить свое внимание на этот мир демонов, чтобы понять заклинания.

ДЕМОНОЛОГИЯ И ИСКУССТВО ЗАКЛИНАНИЯ

Природа со стороны ее грозных явлений — ярость стихий, бури, наводнения, грозы, затмения солнца и луны — все это представлялось халдеям ужасной игрой злых демонов и часто описывалось в мрачных красках. Так, напр., в заклинательной легенде о несчастье бога луны (Сина) и его избавлении (о лунном затмении).

«Нечистая сила, вихрем крутящая *, злые духи, беспощадные демоны, рожденные у небесного края (т. е. на горизонте), злодеи и изверги, со злом каждый день выступавшие,— вперед все несутся они, чтобы бедствия всюду творить. Из этих семи первый есть буря, второй же дракон, и пасти его ядовитой никто не избегнет, третий пантера и т. д., все семеро — вестники Ану царя, они город один за другим в темноту погружают; ураганы, в небе которые злобно бушуют, ураганы, что на небо тьму нагоняют, вихри, которые ясные дни в мрачные превращают; они несут дождевые потоки Раммана (бог грома) вместе со злыми ураганами и ветрами, а на окраинах неба молнией яркой сверкают они. Чтобы убивать, несутся они по широкому небу; они стоят враждебно к жилищу Ану и равных себе не имеют».

* Umu, собственно «дни»,— неясные обозначения демонических сил природы.

Подобно этому описывались и другие грозные явления природы. На наводнение, напр., смотрели как на дело рук демона, так как оно всегда приносило с собой гибельные бедствия для приморских и приречных стран. Борьба с большими наводнениями, побеждаемыми в конце концов Мардуком, является выдающимся мотивом вавилонской мифологии, в которой космогонические мифы играют важную роль.

Однако демоны касаются не только одной природы, но и жизни людей и животных. Вот, напр., заклинание Ити, представляемых в виде бешенобушующих духов:

«Они есть исчадие ада; тому, что высоко, падением угрожают, внизу же великие смуты творят; они яд в желчи богов; они похищают себя у неба, великие дни, они падают с неба, как дождь: они чада, землею взращенные; вкруг башен высоких, зданий просторных, теснясь, кружатся они; они проникают из одного дома в другой, и удержать их дверями нельзя, нельзя запереть и замками; они проползают сквозь двери, как змеи; мешают жене от мужа зачать; из рук человека воруют детей, из отчих домов изгоняют владельцев. Они тот голос зловещий, который людей, проклиная, преследует всюду».

Далее, они мучат не только людей, но и животных, которые не могут себе найти покоя от них:

«Они нападают на страны одну за другой: они мешают рабыне стать матерью; они изгоняют владельцев из отчего дома. Даже голубок они принуждают покинуть их гнезда, всех птиц заставляют на крыльях своих подыматься, а ласточек даже из гнезд выгоняют скитаться в пространстве; они преследуют быка; гоняют ягненка; они есть великие дни (umu), злые гонители-демоны».

Рис. 6. Один из халдейских демонов.

Демоны, разумеется, стоят также в тесной связи со всевозможными болезнями, которые понимаются то как проявление злобы враждебных демонов, то как духи, овладевшие человеком. Это относится главным образом к двум ужасным болезням Халдеи — к чуме и лихорадке; здесь демоны выступают всегда в виде двух существ, отличающихся от всех остальных демонов и известных по именам Намтар и Идпа. Остальные демоны соединяются в различные группы, и каждая из таких групп нападает только на свою особую часть тела; это видно, между прочим, из следующего:

«На голову человека устремляет свою силу проклятый Идпа, на жизнь человека свирепый Намтар, на горло презренный Утук, на грудь человека губительный Алал, во внутренности проникает злой Гигим, на руки ужасный Телал».

Кроме всех названных здесь демонов в магических сочинениях приводится еще множество других; таковы, напр., гномы, или кобольды, обитающие вблизи человеческого жилья, между тем как другие демоны обыкновенно живут в безлюдных местах, в пустынях, или на вершинах гор. Халдеи зашли так далеко, что представляли в лицах общеизвестные образы, являющиеся во сне, и принимали их за особых демонов. Так, упоминаются демоны мужского и женского пола,

называемые «ночными носильниками», «объятий которых не могут избежать во сне ни мужчина, ни женщина».

Религия и демонология халдеев, как мы уже заметили, есть последовательно развитое учение о духах. Духи существуют везде и являются причиной всех явлений природы. Они оживляют все в мире и повелевают всем; они творят добро и зло; они управляют путями планет; вызывают регулярную смену времен года, дождь и грозу, а также и все полезные и вредные явления атмосферы. Они дают земле плодородие, растениям — рост, но они же приносят смерть и болезни.

Рис. 7. Борьба доброго духа со злым.

Эти духи находятся везде: на небесах, на земле и в воздухе. Они обитают во всех элементах — в огне, в земле, в воздухе и в воде; все происходит только от них. Каждое небесное тело, каждое существо и каждая вещь в природе имеют своего собственного духа, которому халдеи давали известный видимый облик. Некоторые из этих духов добрые существа, другие — злые; отсюда между ними происходит непрерывная и повсеместная борьба за существование; причем победы сменяются поражениями, и это становится причиной, почему за спокойным состоянием природы следуют беспокойные периоды и бедствия для людей, почему правильное течение всех явлений природы нарушается неожиданными катастрофами. Везде происходит борьба богов с демонами, борьба добра со злом.

При таком представлении бытия магия становится необходимостью. Коль скоро человек воображает себя окруженным злыми духами, которые преследуют и терзают его и силы которых далеко превосходят его собственные, то он не может ничего достигнуть, полагаясь на свои собственные силы; только при помощи богов, взывая к ним, он грозит демонам и заклинает их именем богов; только таким путем человек может защищать свою жизнь и имущество, обеспечить себе счастливый исход своих предприятий, вообще устроить себе сколько-нибудь сносное существование. Но так как число добрых и злых духов невероятно велико,— а неправильно прочитанное заклинание, по всей вероятности, делает злых еще злее,— поэтому не всякий желающий мог производить магические операции. Они должны были исполняться человеком, посвятившим всю свою

жизнь изучению мира духов и, таким образом, близко знакомым с тем, что надо делать в каждом отдельном случае. Таким образом, искусство заклинания переходит к жрецам. Но вся система заклинаний оказывается такой сложной, что и один жрец не может оказывать помощь во всех возможных случаях; нужно разделение труда. И действительно, нам известно, что халдейские жрецы, совершавшие заклинания, разделялись на три класса: собственно заклинатели, врачи и жрецы-чародеи. Кроме этих существовало еще два других класса — астрологи и предсказатели; те и другие занимались по-своему предсказанием грядущих событий. С их деятельностью мы познакомимся ближе в другом месте, здесь же мы займемся исключительно заклинателями.

Заклинатели старались вообще уничтожить влияние злых духов. Большое магическое сочинение, из которого мы черпаем большую часть данных, касающихся всех этих отношений, изобилует формулами, которые применялись для этой цели. Прежде всего оно дает понятие о злых духах, рисуя выразительную картину их гнусности; затем следует воззвание к высшим богам за помощью против демонов. Приведенное здесь описание злых духов есть лишь введение к заклинаниям. Я цитирую здесь только те заклинания, которые лучше всего проясняют вышесказанное:

«Злого бога, злого демона, демона пустыни, демона горных вершин, демона моря, демона болота, злого гения, могучего Уруку, злого ветра, злого демона, который на тело болезнь напускает, поражает все тело,— закляни его, дух неба! Закляни его, дух земли!»

Следующее заклинание — против великих маскимов, в нем описывается их ужасный характер:

«Семь, их семь! Семь их в глубочайших пучинах моря. Семь смутителей небес; восстают они из глубочайших недр океана, из сокровенных тайников. Не мужчины они и не женщины они; распространяются, как семя. Нет у них женщин, не рождаются дети; честь и благость им неизвестны; молитв и просьб они не слушают. Нечисть, рожденная в горах, враги бога Эа, они есть орудие гнева богов. Чтобы испортить дорогу, падают они наземь. Враги! Враги! Семь их, семь их, дважды семь их! Да заклянет их бог неба! Да заклянет бог земли!»

Само собой понятно, что *врачи* прежде всего должны быть заклинателями, ибо болезни были теми же злыми духами, которых можно было изгонять лишь с помощью богов. Врачебные заклинания описывают природу и течение болезни, но они также интересны своей выразительной формой, особенно там, где с речью выступают боги и предсказывают, что должно случиться с пациентом. Решение богов произносили, вероятно, после того, как было прочитано заклинание. Мы приведем несколько таких примеров:

«Болезнь лба вышла из ада, вышла она из жилища повелителя ада».

Далее рассказывается, как развивалась болезнь и как больной безуспешно прибегал к очищениям и другим священнодействиям. Затем явились боги:

«Мардук оказал ему помощь; он вступил в обитель Эа, отца своего, и обратился к нему со словами: «Отец мой, болезнь головы вышла из ада». Вторично он обратился к нему со словами: «Что должен он сделать, не знает того человек: как победит он ее?» Эа возразил своему сыну Мардуку: «Сын мой, почему все это тебе неизвестно? Почему я должен тебя научить? Что знаю я, знаешь и ты превосходно. Иди же, сын мой, Мардук. Возьми бадью, почерпни воды из зеркального лона реки; сообщи воде волшебную силу свою; волшебством своим сообщи ей блеск чистоты и вспрысни водой человека, сына великого бога; закутай одеждой его голову, чтоб с ним не случилось безумия! Чтобы болезнь головы так же легко исчезла, как мимолетная мысль! Чтобы предписание Эа его излечило! Чтобы Давкина его излечила! Чтобы Мардук, первенец моря, образ цветущий создал бы!»

Из другого заклинания, где речь идет также о болезни головы, видно, что эти действия может совершать также и женщина. Эа дает здесь такое предписание:

«Возьми шкуру от самки верблюда, не знавшей ни разу самца. Волшебница станет пусть справа больного, снаряды свои пусть налево положит, а шкуру разделит на дважды семь кусков и им передаст то волшебство, что прямо из Эриду * исходит. Оберни голову больного одеждой, закутай и шею

* Эриду было главным местом почитания Эа.

больного, закутай седалище его жизни, закутай и руки и ноги его. Больного на одр вели посадить и вспрысни волшебной водою. Чтоб исчезла в небесном пространстве болезнь головы подобно бушующей буре, чтобы исчезла она с земли подобно тому, как вода исчезает, поднявшись на время над берегами! Чтоб заклинание Эа его исцелило! Чтобы Давкина его излечила! Чтобы Мардук, этот первенец моря, ему возвратил бы силу здоровья!»

Смысл этих операций, которые проделывались над больным, является для нас довольно загадочным. Халдеи же понимали вещи так: будто бы божество борется с злыми духами, болезнями, а действия, которые должны исполняться согласно предписанию, были только средствами борьбы, избранными для данного случая самим божеством. Но почему именно эти средства избирались божеством, было и для них так же таинственно и загадочно, как и для нас. Между прочим, у них были также заклинания болезней и магические операции, основанные на более рациональных и ясных началах. Злые духи представлялись в виде страшных и безобразных существ, например в виде медведя с головой гиены и лапами льва, или в виде верблюда с бараньей головой на очень длинной шее и т. д. Халдеи верили, что достаточно показать злому духу его собственный страшный образ, чтобы он с ужасом тотчас же обратился в бегство. В качестве целебного средства изготовляли такое изображение данного демона и прикладывали его к больным местам тела, думая, что этим можно изгнать его. На Цейлоне до сих пор еще употребляется такое целебное средство; а что халдеи применяли его, это ясно видно из следующего заклинания:

«Злобный Намтар, чума, сжигает страну, как огонь; Намтар на людей нападает, как Идпа, лихорадка; Намтар ползет по равнине, как цепь. Намтар, поймавши человека, обращается с ним, как с врагом; как пламя, сжигает Намтар человека; Намтар не имеет ни рук, ни ног; он на людей нападает подобно змее; словно узлом, вяжет Намтар человека, который хворает».

Описание страшных свойств Намтара продолжается в том же духе несколько времени, причем рассказывается, как он напустился на данного человека и как богини-защитницы должны были покинуть последнего; но тут выступают высшие боги:

«На помощь к нему уж Мардук поспешил; в обитель Эа, отца своего, он вступил и обратился к нему со словами: «Отец мой, злобный Намтар опустошает страну подобно огню». Вторично он обратился к нему со словами: «Что этот человек должен сделать, ему неизвестно; чем излечить его можно?» Эа возразил своему сыну Мардуку: «Сын мой, что же тебе неизвестно, чему же я должен тебя научить? Что знаю я, знаешь и ты; иди же, сын мой, Мардук. Вымеси ил океана, и образ, Намтару подобный, вылепишь ты из него. Прикажи положить человека, затем очищенье над ним сотвори и образ, Намтару подобный, ему на распухший живот возложи; волшебство ему сообщи, что прямо из Эриду исходит. Взор его обрати на запад. Чтобы злобный Намтар, который в теле его обитает, тотчас бы вышел оттуда!» Аминь. Тот образ, который подымает его главу, великой силой исполнен».

При раскопках в Ниневии и других местах находили множество глиняных статуэток крайне странного вида, голова, шея, корпус и члены которых относились к разным животным. Едва ли подлежит сомнению, что эти глиняные статуэтки изображали демонов различных болезней и что они употреблялись при известных нам заклинаниях.

Жрецы-чародеи. Заклинатели и врачи освобождали людей из власти демонов, коль скоро они были настигнуты ими, жрецы же чародеи охраняли людей от их козней. Следовательно, таких жрецов можно рассматривать как гигиенистов-магов; при этом они защищали, разумеется, не только здоровье людей, но и их движимое и недвижимое имущество — короче сказать, все их благосостояние. И едва ли надо еще говорить, что все их мероприятия находились в полном согласии с общим представлением халдеев о сущности и причине зла: жрецы-чародеи прибегали к талисманам и амулетам, которые должны были изгонять демонов. Талисманы были изображениями богов, и их ставили всюду: перед домом и в самом доме; амулетами были небольшие глиняные или каменные плитки, лоскутки холста и т. п. предметы, на которых было написано сильное заклинание. Эти амулеты носили постоянно или только при известных обстоятельствах.

У нас имеется одно заклинание, но, к сожалению, плохо разбираемое, в котором говорится о талисманах и амулетах. Судя по его содержанию, можно предположить, что оно чаще всего употреблялось при освящении новых домов. В нем говорится, между прочим, следующее:

«Поставь у ограды дома образ бога Унгал-нирра, который равного себе не имеет, поставь образ бога, который сияет блеском храбрости, который равного себе не имеет, и образ бога Наруди, владыки могучих богов, поставь его на пол под кроватью. Чтобы удержать всякое близкое зло, поставь бога.....и бога Латарока у двери. Чтоб отвратить всякое зло в виде пугала, к двери поставь..... Поставь образы богов-стражей Эа и Мардука у порога; поставь их вправо и влево».

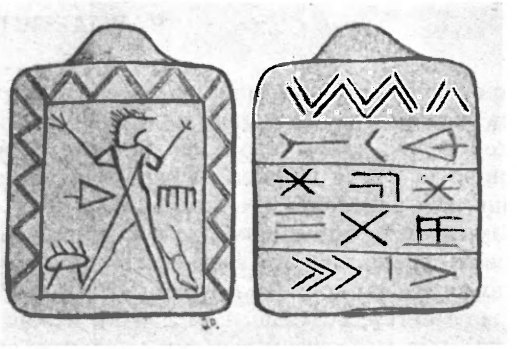


Рис. 8. Халдейский талисман.

Рис. 9. Халдейские амулеты.

Для примера мы приведем еще содержание двух амулетов; один из них, вероятно, носила женщина во время беременности; в нем говорится:

«О, Битнур, прогони болезни далеко, далеко; укрепи зародыш; доведи голову человека до полного развития».

Второй, как кажется, должен воспрепятствовать новому заболеванию человека, исцеленного от чумы. Содержание его следующее:

«Злобный демон, злая чума, дух земли изгнал тебя из тела. Да соединятся все вместе, гений-хранитель, защитник-колосс и демон-хранитель, с духом земли. Заклинание великого, великого, великого бога. Аминь».

Однако заклинания, с которыми мы сейчас познакомились, не всегда были действительны; могущественные демоны не пугались их. Но была одна власть, пред которой преклонялось все в мире, как добрые, так и злые духи: это было сокровенное божественное имя, *«высочайшее имя»*, всемогущее божеское, имя, которое знал только Эа. Даже боги подчинялись ему, а потому имя это никогда не произносилось в заклинаниях; потому что всякий, кто узнал бы его, получил бы власть, равную власти богов. Если даже Эа дает приказание Мардуку или какому-либо другому вестнику совершить заклинание от высочайшего имени, то предупреждает не называть его имя. Так в рассказе о том, как Сфинкс Асузу-намир был послан к богине ада Аллат, чтобы потребовать от нее возвращения Истар, утренней звезды, говорится:

«Эа скрыл приказание в сокровенном тайнике своего сердца; он создал Асузу-намира, сфинкса с четырьмя головами. «Ступай туда, Асузу-намир; у ворот той страны, откуда никто не приходит обратно, покажешь свой облик! Да увидит тебя Аллат и да почувствует радость при виде твоем! Она успокоится в глубине ее сердца, ее гнев исчезнет. Закляни ее именем всемогущих богов».

ЧАРОДЕЙСТВО

До сих пор мы занимались исключительно священной магией, которая исполнялась жрецами и защищала человека от преследований его злыми духами. Но порядок вещей таков, что если человек может искать помощи у добрых духов против злых, то он должен обращаться также и к демонам, чтобы купить у них помощь или заставить их помочь ему. Так как задачей демонов было творить по возможности больше зла, то все дело сводилось к тому, чтобы склонить их не приносить вреда личным выгодам того человека, который со своей стороны обещал помогать им вредить другим. Что должен для этого делать человек, об этом ему, разумеется, сообщал сам демон. Такие действия были, следовательно, магические, ибо они совершались по указанию высших существ; а так как в этом случае высшими существами являлись злые духи, то эти действия становились чародейством, или черной магией.

Так как чародейство благодаря своему происхождению должно приносить страдания другим, то во всяком благоустроенном обществе его считали за преступление. Поэтому нечего и думать найти в священных магических сочинениях халдеев прямое указание на применение черной магии. Но мы получаем множество косвенных объяснений относительно волшебства, так как жрецы, конечно, должны были бороться и с ним, как и со всеми другими вредными влияниями; заклинания против черной магии дают нам понятия не только о ее действии, но и о самих магических операциях. Как и следовало ожидать, на основании всего предыдущего халдейские сочинения говорят о действии чар, что едва ли существует такое зло, которого бы нельзя было вызвать при помощи чар. Как далеко простирается власть демонов, так же далеко, разумеется, простирается и власть чародея, так как он все исполняет от их имени. Всевозможные несчастья, касались ли они чести, здоровья, или имущества людей, рассматривались в священных заклинаниях как вызванные чарами.

Как были разнообразны действия чар, так же разнообразны были и магические операции, посредством которых совершалось околдование. Одно небольшое заклинание, по-видимому, содержит в себе именно перечень средств, которыми пользуются при чародействе. Оно гласит:

«Того, кто околдовывает чье-нибудь изготовленное изображение, злой лик, злой взгляд, злой рот, злой язык, злые губы, вредный яд, о, дух неба, закляни их! Дух земли, закляни их!»

Это заклинание мы можем сопоставить со следующими строками другого:

«Тот, кто сделал изображение совершенно похожее на мой вид, тот околдовал весь мой вид, он взял приготовленный для меня волшебный напиток и осквернил мое платье».

После этого невозможно сомневаться, что халдейские волшебники применяли те же приемы, как и знахари-врачеватели дикарей: они изготовляли изображение того, на жизнь кого покушались, и так или иначе портили это изображение; после этого, как полагали, несчастье должно было постигнуть изображенное лицо. Здесь же имеется вполне определенное указание на применение волшебного напитка; к нему же, разумеется, относятся и слова первого заклинания «вредный яд». Но для волшебника все эти действия не представляли необходимости — он мог портить людей одним взглядом. Вера в «недобрый взгляд», или в «нехороший глаз», о чем была речь выше, еще и теперь очень распространенная не только по всей Азии, но также и в Южной Европе. Далее в заклинании упоминается «злой рот, злые губы и язык». Это относится, вероятно, к сильнейшим и самым страшным волшебным средствам, именно к проклятию, которое действует даже на богов-хранителей. В другом месте говорится об этом:

«Гнусное проклятие действует на людей подобно злому демону; приговор проклятия тяготеет над человеком; приговор гибели тяготеет над ним; гнусное проклятие, оно есть волшебство, которое вызвало безумие. Гнусное проклятие, оно душит этого человека, как ягненка; его бог удалился из его тела; богиня его рассердилась и перешла в другое место».

Едва ли найдется еще более сильное доказательство веры в силу чародейства.

АВГУРАЛЬНЫЕ НАУКИ

Вера в духов, которую мы рассматривали сейчас, сохранялась в Халдее без существенных изменений в течение многих тысячелетий. Первоначально она развивалась у древнейших обитателей страны, аккадов, затем перешла к ассиро-вавилонским народам, которые несколько времени спустя боролись между собой за обладание странами по Тигру и Евфрату; вместе с религиозными и суеверными представлениями сохранилось, разумеется, и возникшее из них искусство заклинания. Если бы ко времени царя Ассурбанипала не сохранилось ни веры в духов, ни искусства заклинаний, то что же побудило бы его приказать приготовить копию с древнего магического произведения и притом даже перевести оригинал на ассирийский язык? Этот факт указывает на то, что древние сочинения употреблялись еще в их первоначальной форме, что подкрепляется и различными другими фактами, о чем мы будем говорить позднее.

Конечно, религия, с которой мы встречаемся в древних сочинениях, в течение времени не могла сохраниться, совершенно не изменяясь. Уже в древние времена, именно в эпоху царя Саргона I, приблизительно за 2000 лет до нашей эры, имела место в высшей степени своеобразная реформация, которая внесла нечто новое, но не произвела в древней религии каких-либо существенных изменений. Халдеи путем изучения астрономии и истории установили тогда совершенно новый взгляд на то, что собственно должно управлять миром. Вероятно, по повелению царя Саргона на этих началах был написан целый ряд сочинений, часть которых дошла до нас в списках; из них мы и черпаем наши данные. Эти списки были приготовлены по повелению царя Саргона II, т. е. приблизительно за 700 лет до нашей эры, и списаны не с древних оригиналов, а с их списков, относящихся к XII веку до Р. Х. Последними, по всей вероятности, пользовались довольно часто, так что в различных местах их уже невозможно было читать, когда Саргон II счел нужным заменить их новыми, существующими до настоящего времени; в этих списках во многих местах среди текста стоит слово «стерто», очевидно, переписчик не мог в этом месте прочесть оригинал. Наиболее замечательные из этих сочинений суть большое сочинение по астрологии на 70—80 таблицах и большое авгуральное произведение приблизительно на 100 таблицах; кроме них имеется еще на 25 таблицах оглавление небольшого астрологического сочинения, разделенного на 25 глав, но от его текста, кажется, ничего уже не сохранилось.

Основная религиозная мысль, выступающая в астрологических сочинениях, есть вера в то, что небесные тела являются настоящей причиной всего происходящего на земле. На основании астрономических наблюдений халдеи рано узнали, что смена времен года, а также и влияние их на все живущее обусловливаются положением солнца относительно других небесных тел. Отсюда они сделали, конечно, слишком поспешный вывод, что все явления как в жизни людей, так и в природе определялись взаимным положением звезд. Так как они заметили, что данное положение небесных тел правильно и периодически появляется вновь, то отсюда следовало, что все явления в природе и человеческой жизни также неизменно должны повторяться по истечении более короткого или длинного периода. Если отметить события, происходящие при данной фигуре, образуемой звездами, т. е. при данном положении разных небесных тел, то можно предсказать, когда должно повториться это событие, а именно: когда на небе покажется то же самое положение звезд или тот же самый аспект. Отсюда явилось требование — уметь заблаговременно вычислять наступление данного аспекта. Согласно этим воззрениям занятия астрономией давали средства предсказывать все события, коль скоро раньше было замечено, что именно происходило на земле одновременно с данным явлением на небе. А для этой цели было достаточно сопоставление астрономических и исторических записей, обнимающих довольно продолжительный промежуток времени. Такой труд, вероятно, был исполнен еще при Саргоне I, и с того времени при всевозможных случаях обращались за советом к астрологическим таблицам, возникшим таким образом. Этим мы легко можем объяснить себе такое сильное стирание таблиц, что через известный промежуток времени требовались новые списки с них.

Астрология, учение об определении будущих явлений при помощи звезд, была для халдеев единственной наукой, побуждавшей их всегда к новым астрономическим наблюдениям и записям, чтобы посредством их можно было с наибольшей точностью вычислять, когда наступят на небе данные явления. Но эти мудрецы имели в своем распоряжении еще и другое средство для предсказания хода вещей. Если все, что происходит на земле, имеет свою причину в движениях небесных тел, то и все одновременные явления должны стоять в известных взаимных соотношениях, так как они возникают из одной и той же причины. Следовательно, отмечая все замечательные и необыкновенные события, одновременно происходившие на земле, отмечая их в пределах довольно продолжительного периода времени, можно с помощью этих записей предсказывать будущее. Если вновь наступает известная группа одновременно бывших когда-то событий, то за ними должны последовать те же события, которые выступали прежде; ибо ничего не происходит случайно, но все зависит от небесных тел и все периодично, все повторяется вновь, потому что повторяется само движение небесных тел. Из этих наблюдений возникла мантика, учение о предсказаниях грядущих явлений посредством земных событий. Мантика и астрология охватывают всю науку о предсказаниях, все авгуральные знания. Второе из вышеупомянутых авгуральных сочинений, которое имеется у нас из времен древнего царя Саргона, есть также и мантическое произведение, трактующее о земных явлениях. Ниже мы займемся разбором этих двух произведений.

Астрология. Астрономические наблюдения, на которых халдеи основывали свою астрологию, простираются далеко в глубь веков. Мы не знаем даже, когда они начались; данные древних авторов слишком невероятны, чтобы их можно было принять дословно. Так, напр., Гиппарх говорит, будто халдеи наблюдали звездное небо за 270 000 лет до того, когда Александр Великий вступил в Персию. Плиний же говорит о 720 000 годах. Даже меньшая из этих цифр быть может увеличена раз во сто; но что их наблюдения имеют весьма почтенный возраст, это видно уже из того, что в большом астрологическом сочинении, составленном, как сказано, за 2000 лет до нашей эры, имеется таблица солнечных и лунных затмений на каждый день года. Следовательно, уже и в то время такие наблюдения уходили

в глубь древности на много веков. Наблюдения халдеев одинаково достойны удивления и по своей точности. Они знали, что солнечный год имеет 365,25 суток и что синодическое время обращения луны (период времени от одного новолуния до другого) заключает в себе 30 дней. Основанием деления времени они признавали время обращения луны; их год разделялся на 12 месяцев, а каждый месяц — на 30 дней; но так как солнечный год оказывался длиннее на 5 дней, то в каждые 12 лет разница достигала двух месяцев. При этом не принимались в расчет те четверти дня, на которые солнечный год оказывается больше 365 дней; эти ежегодные остатки вырастали в 124 года до 30 дней, т. е. целого месяца, который тогда и засчитывался.

Вторым примером точности их наблюдений может служить то, что они знали о саростических периодах — периодах в 18 солнечных лет или 223 лунных оборота, за которыми повторялись солнечные и лунные затмения. Благодаря этому они могли вычислить наступление затмения; но их определения не всегда бывали абсолютно точными, ибо солнце как-то раз пренебрегло их вычислениями и вычисленного затмения вовсе не было. Об этом имеется в высшей степени интересный документ, посланный царю Ассурбанипалу его обер-астрологом Абиль-Истаром; начало этого послания гласит так:

Царю, моему повелителю, от твоего слуги Абиль-Истара. Да будет мир моему царю, моему повелителю; да будет милость Неба и Мардука моему царю, моему повелителю. Да даруют великие боги долгие годы, здравие тела и радость сердца царю, моему повелителю. В 27-й день исчезла луна. В 28, 29 и 30 день мы ожидали солнечного затмения. Но солнце не вступило в затмение. В первый день луна наблюдалась в дневные часы.

Смысл этого послания достаточно ясен. Астрономы ожидали солнечного затмения, но оно не произошло. Если бы это случалось довольно часто, то едва ли они находили бы нужным извещать о том царя. Отсюда мы заключаем, что их астрономические сведения стояли очень высоко, и они могли вычислять затмения почти с совершенной точностью. Далее мы узнаем из этого документа, что они вели счет дням месяца от новолуния, т. е. первым днем месяца был день после новолуния; солнечное затмение должно наступать всегда при новолунии, а в послании вполне определенно говорится о первом дне, когда луна стала опять видимой.

Остановимся еще на одном пункте этого послания. Астролог желает королю благословения богов и называет Небо и Мардука. Мы видим, таким образом, что вера в богов сохранилась еще, и притом не только у народа, но также и у верховных жрецов,— вероятно, в это время обер-астролог был после царя высшим лицом в государстве. Эта вера в богов, а также и вера в демонов, сохранившаяся, как сказано, без существенных изменений, стоит в резком противоречии с тем положением, что звезды руководят всем. Но халдеи сумели весьма остроумно связать эти два явно несовместимых воззрения, отождествляя высших богов со звездами. Движущиеся небесные тела и наиболее яркие неподвижные звезды получили имена двенадцати богов и таким образом отождествились с ними. И демоны, подчиненные в древней религии власти богов, теперь также оказались в зависимости от богов, отождествленных со звездами. Получали ли демоны позволение вредить людям, это зависело теперь от положения звезд, это было написано в звездах. Конечно, демоны остались причиной всякого зла, но только с согласия высших богов, т. е. звезд. Таким образом, астрология и искусство заклинания могли мирно уживаться друг с другом, хотя астрология предполагала, что все происходит регулярно и поэтому может быть вычислено, между тем как искусство заклинания предполагало, что все зависит от произвола и каприза богов и демонов.

Я ограничусь лишь передачей таких отрывков из большого астрологического сочинения, которые могут дать ясное представление о том, как тщательно вели халдеи свои астрологические записи; изложение всего этого сочинения потребовало бы слишком много места, да и не представило бы большого интереса. Таблицы касаются, разумеется, почти исключительно явлений общественной жизни,

войны и мира, царя и войска, урожая, ветра и погоды и т. д.; и в этом отношении они проведены до последних мелочей, так что едва ли было в то время какое-либо небесное явление, которое не ознаменовалось бы известными следствиями на земле.

Ночь распадалась на три дежурства, или стражи. Следующий отрывок дает объяснение зависимости военных предприятий от этих дежурств:

«Выступать солдатам: I. Вечерняя стража неблагоприятна, полуночная — благоприятна, утренняя — неблагоприятна. Брать приступом город: I. Вечерняя стража благоприятна, полуночная — неблагоприятна, утренняя — благоприятна».

Мы, конечно, не можем видеть тех звезд, которые стоят на небе одновременно с солнцем. Но благодаря движению солнца звезды, невидимые в одно время года, становятся видимыми в другое. Такой оборот звезд имел определенное значение для каждого отдельного лица. Объяснение этого дает нам отрывок из одной таблицы; из него же мы узнаем, что по крайней мере более яркие звезды уже тогда имели свои названия.

«Когда возвращается звезда судьбы, в стране чума. Если звезда Ирби — страна благоденствует. Если звезда сверкающего тела — в стране сила и жизнь. Если звезда страшного дня — стране угрожают бедствия. Если звезда Дильме — счастье ожидает страну. Если звезда Абзин — предостережение стране. Если звезда Алабастера — благоденствие в стране» и т. д.

На таблице это перечисление идет дальше; на ней отмечено около 30 звезд с объяснением обстоятельств, которыми они будут сопровождаться на земле при своем появлении; приведенного отрывка, однако, достаточно, чтобы дать понятие о таких предсказаниях.

Несколько точнее приводятся данные о явлениях, которыми сопровождаются затмения. Образчиком этого я возьму отрывок из месяца Таммуц, из большой таблицы; здесь Солнце стоит в знаке Рака, т. е. в четвертом по халдейскому исчислению времени:

«В первый день, если случится затмение, если оно начнется на юге и будет светло * — умрет великий царь. В месяц Таммуц, во второй день, если наступит затмение и начнется с севера и будет светло — царь будет воевать с царем. Таммуца в третий день, если наступит затмение и начнется с востока и будет светло — польются дожди и будут наводнения. Таммуца, четвертого дня, если наступит затмение и начнется с запада и будет светло — в Финикии уродится хлеб. Таммуца, пятого дня, если наступит затмение и взойдет великая звезда — будет голод в стране» и т. д.

Не было на небе ни одного явления, которое не имело бы своего определенного значения. Подробные таблицы приводят последствия различного взаимного положения Солнца и Луны: «Солнце и Луна равны (находятся в конъюнкции). Страна благоденствует; народ имеет в изобилии насущный хлеб. Царь страны твердо держится на троне» и т. д.

Халдейские астрологи могли предсказывать не только все, что касалось общественного блага, но и судьбу всякого человека. Всякий человек со дня своего рождения находился под влиянием определенной звезды, которая была или планетой, или неподвижной звездой, находившейся в зодиаке. Жизнь человека зависела от положения этой звезды в момент его рождения относительно луны, солнца и планет; вероятно, многочисленная толпа астрологов имела постоянные занятия, определяя это положение звезд (гороскоп) при рождении каждого индивидуума. В настоящее время неизвестно, по каким правилам они излагали гороскоп, т. е. предсказывали судьбу человека на основании аспекта звезд при его рождении. В средние века это искусство достигло в Европе высокого развития, и ниже мы еще вернемся к этой интересной отрасли авгуральных знаний.

Мантика, т. е. учение об истинном значении земных явлений, как выше уже замечено, имела свои корни в астрологии и по этой причине стояла с нею в теснейшей связи. Но из большого сочинения царя Саргона до сих пор переведено так мало, что можно получить лишь крайне поверхностное понятие о том, по каким правилам излагались земные явления. Все сочинение распадается на 14 глав, которые трактуют о наблюдении за полетом птиц и внутренностями жертвенных животных, описывают различные явления природы и дают толкование снов. Однако этим мантика далеко не исчерпывается; из других источников мы знаем, что халдеи занимались также и геомантией, т. е. предсказаниями с помощью геометрических фигур; кроме того, они часто бросали жребий, чтобы в известных случаях узнавать волю богов.

О толковании полета птиц до сих пор почти ничего неизвестно; мы знаем только, что оно играло у халдеев весьма важную роль. Из 14 глав большого

* Т. е. если будет день, затмение наступит днем.

мантического произведения три трактуют об этом, но из этих трех глав почти что ничего не исследовано. Несколько лучше обстоит дело с объяснением наблюдения внутренностей жертвенного животного. Некоторые отделы, трактующие об этом, имеются в переводе; они заключают в себе целый ряд фантастических толкований в совершенно такой же форме, как и астрологические.

«Если в желудке осла имеются с правой стороны впадины, то последует наводнение. Если внутренности осла завернуты на правую сторону и черны, то бог дарует изобилие всего в стране царя. Если внутренности осла завернуты на левую сторону и черны, то бог не даст изобилия в стране царя. Если внутренности осла завернуты на правую сторону и синеваты, то будет печаль и горе в стране царя. Если внутренности осла завернуты на левую сторону и синеваты, то не будет ни печали, ни горя в стране царя».

Отсюда видно, что то, что на одной стороне тела признается за благоприятный признак, на другой — приносит несчастье; счастье и несчастье одинаково распределяются направо и налево. Подобно этому служили приметами ветер и погода, дождь, облака, молния и другие явления природы, напр. шелест деревьев. Из диких зверей особое значение для халдеев имела змея, как и для большинства современных дикарей. Змея была символом сверхъестественных знаний; она была атрибутом Эа, атрибутом божественной мудрости. Возможно, что змей даже держали в некоторых вавилонских храмах и пользовались ими как оракулами. Также и драгоценные камни имели свое значение в мантике. В одном историческом документе из ниневийской библиотеки рассказывается, что когда хотели узнать, будет ли счастлив или нет предпринятый поход, то с этой целью рассматривали сверху и снизу сверкающие лучи, которые разбрасывал направо и налево «бриллиант на пальце». Вероятно, этот бриллиант украшал кольцо на пальце идола, служившего, таким образом, особым оракулом.

Особенное значение имели собаки и их поведение. Одна таблица объясняет, что должно означать, если бы чужая собака забежала в храм или во дворец царя:

«Если серая собака забежит во дворец, то он погибнет в пламени. Если желтоватая собака забежит во дворец, то его ожидает насильственный конец. Если рыжая собака забежит во дворец, то со врагами будет заключен мир» и т. д.

Это перечисление продолжается в таблице в том же духе и становится положительно комичным, благодаря той основательности, с какой приводятся всевозможные цвета собак, а также и все более или менее опрятные отправления, какие только может совершать собачий организм. Например, наименее чистая сторона собачьей жизни отмечается в другом отрывке:

Если вырвет собаку в доме — умрет хозяин дома. Если собака обмочит во дворце трон, то умрет царь, и враги поделят между собой его царство. Если собака помочится в храме, то с неба польются потоки дождя, на улицах будет потоп, голод и мор в стране» и т. д.

Вероятно, за собаками строго следили, коль скоро их естественные потребности могли принести стране столько бедствий.

Все необычайные явления, напр. рождение уродов, тотчас же записывались самым точным образом вместе с их значением. В магическом сочинении имеется множество таблиц об этой интересной теме; одна трактует об уродах царского происхождения, вторая — об уродах простых смертных и третья — об уродах животных.

Но самое большое значение, по-видимому, имели для халдеев сны. Мы знаем, что снотолкователи пользовались большим почетом; сны и их значение играют чрезвычайно важную роль в героической поэме вавилонян, в эпосе Нимрода или Гильгамиша; герой Гильгамиш и его друг Эабани предугадывают благодаря сновидениям все выдающиеся события своей жизни и умеют объяснить их друг другу. Известно также, как пророк Даниил сделался могущественным человеком в государстве, сообщив царю Навуходоносору сон, который видел царь, и растолковав его. В книге пророка Даниила говорится: «Тогда возвысил царь Даниила и дал ему много больших подарков, и поставил его над всею областью Вави-

лонскою и главным начальником над всеми мудрецами Вавилонскими» (II, гл.48). У халдеев сны играли столь важную роль, что они даже подробно заносили их в свои исторические погодные летописи. В летописях царя Ассурбанипала имеется целый ряд сновидений, которые царь видел незадолго перед выдающимися событиями и т. д., и по этим сновидениям каждый раз предсказывался исход, какой действительно имели последующие события. Однако нам совершенно неизвестны правила толкования снов, так как не прочитаны еще трактующие об этом таблицы магического сочинения.

Из некоторых отрывков, найденных в Ниневии, видно, что халдеи занимались также и *геомантией*, объяснением геометрических фигур. Так как астрономические вычисления требовали значительных сведений по математике, то легко понять, почему геомантия пошла на дальнейшие спекуляции над геометрическими фигурами. Вероятнее всего, эти спекуляции производились так: брали полную горсть песку и подбрасывали его над какой-либо гладкой поверхностью; затем рассматривали полученные фигуры и объясняли их по известным правилам. Таким образом, эта операция указывает на древнее происхождение предсказаний наших гадалок на кофейной гуще.— Наконец, пользовались жребием и чаще всего при помощи стрел. Их употребляли, например, если хотели узнать, какой путь должно избрать войско, чтоб успешнее напасть на врага. У нас не имеется никаких письменных данных самих халдеев о применении этого метода, но в книге пророка Иезекииля рассказывается о Навуходоносоре: «ибо царь Вавилонский остановился на распутье, при начале двух дорог, для гадания; трясет * стрелы, вопрошает терафимов рассматривать печень» (XXI, 21). На ассирийских и вавилонских памятниках часто изображались эти мантические стрелы, по большей части восемь стрел. Они — без перьев и тупы и, вероятно, употреблялись двояко: или ими стреляли в воздух, чтобы определить направление, которого следовало держаться, или же, заметив их какими-либо знаками, одну из них вытаскивали из колчана.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХАЛДЕЙСКОЙ МАГИИ

Если мы привели более подробное изложение халдейской магии, то сделали это не потому лишь, что халдейская система — одна из древнейших и наиболее законченных из всех когда-либо существовавших, но особенно потому, что суеверие и чародейство развивались в Европе, главным образом, под влиянием халдейских воззрений. Халдейские представления и операции прежде всего распространились по северо-восточной соседней стране, Мидии, жрецы которой, «маги», частию приняли ее, частию развили свою сходную систему. Напротив, халдейская магия не имела доступа в Персию, так как учение Зороастра строго запрещало всякое чародейство. Только когда персы при Кире покорили Вавилон в 539 году, тогда народы перемешались, и мидийские маги, и вавилонские жрецы, или «халдеи», как их тогда называли, вскоре достигли при персидском дворе такого же видного положения, каким они пользовались в своей родине. Евреи, получившие от Кира разрешение вернуться на свою родину, разумеется, перенесли с собою из вавилонского плена точное знание всей халдейской магии, и это знание впоследствии стало распространяться среди народа благодаря книге Еноха и другим псевдоэпиграфическим сочинениям **. В то же время они развивали их в кабале в таинственную систему, а кабала проникла в Европу сначала окольным путем,

---

* Вероятно сделав на них знаки, трясет их, чтобы перемешать, а затем вытащить одну из них. *Пр. пер.*

** Псевдоэпиграфы — это анонимные сочинения, которые выдавались за писания выдающихся личностей Ветхого завета — Ноя, Авраама, Иосифа, Соломона и т. д., чтобы через это они приобрели большее значение.

через мавров, а затем играла выдающуюся роль в эпоху средних веков и даже до последнего времени.

Европа вступила в непосредственное соприкосновение с халдейской магией в 5 веке до Р. Х. благодаря войнам греков с персами. Поэтому греческие историки признают Зороастра, основателя персидской религии, за изобретателя всей магии; мы знаем теперь, что ничего подобного и быть не могло. Так называемая персидская магия была халдейского и мидийского происхождения. По завоевании Александром Великим огромной Персидской монархии бесчисленные толпы магов наводнили Грецию. Приблизительно в то же время и египетская магия начинает приобретать все большее и большее значение, но Греция была уже тогда так заражена, что то новое, что вносили египтяне, не имело большого влияния. Египетская магия, вероятно, только тогда оказала на Европу свое сильнейшее влияние, когда арабы спустя много веков завоевали Египет и усвоили себе скудные остатки мудрости древних египтян, их астрологию и алхимию, которые вместе с европейской кабалой перенесли затем в Испанию, а после того распространили и далее по Европе. Поэтому описание этого развития мы должны отложить до другого раза; теперь же мы займемся исключительно первым влиянием Востока на Европу.

Греки и римляне

ПЕРВОБЫТНАЯ ГРЕЧЕСКАЯ МАГИЯ

Относительно магии греков, которой мы займемся сначала, господствуют самые противоположные взгляды. Некоторые придерживаются того мнения, что греки в древнейшие времена не имели никакого понятия о волшебстве; другие исследователи, напротив, видят во всей греческой цивилизации не что иное, как «воплощенную магию, подобной которой не было ни у какого другого народа, ни до, ни после греков». (Ennemoser, Geschichte der Magie, p. 484).

Всякий согласится с тем, что это мнение в буквальном своем смысле крайне несправедливо; но, с другой стороны, увлекаясь греческой жизнью, не следует упускать из вида ее темную сторону. Подобно всем древним народам греки верили в привидения и в демонов, поддерживали культ мертвецов и подземных духов и представляли себе богов в образе зверей и страшных чудовищ. Название героя, с которым позднее было связано представление о великих подвигах, первоначально означало лишь душу умершего, продолжающую жить в могиле или в доме под порогом, или на очаге. Для питания героя лили кровь жертвенных животных в углубления, через которые она должна была проникать в землю; могила героя какого-нибудь города становилась для окрестной страны местопребыванием оракула. Это почитание героев, тесно связанное с государственным и правовым строем, сохранилось в греческом мире до позднейших времен. Вместе с родственным ему поклонением подземным богам оно послужило основанием для целого ряда жреческих обрядов, носивших характер волшебства, магии, таинства; обряды эти упрочились тем более, что жреческое сословие и жреческие семейства в Греции остались почти нетронутыми новым быстро развивающимся культом и охотнее вращались в кругу традиционных представлений доисторических греков, чем в кругу новых идей, вызванных ионическим и аттическим просвещением. Простой народ, само собою разумеется, по развитию стоял не выше жрецов: аркадские, мессенские и фессалийские крестьяне до времен Римской империи сохранили свои первобытные культы с медвежьей пляской и факельным богом, с неуклюжими идолами и грубыми обычаями, с заклинаниями и чудодейственными исцелениями и вообще придерживались самого наивного суеверия, которое легко могло привести к самым грубым заблуждениям и необузган-

ному распутству, как это и случилось действительно во время усиления культов Диониса и Асклепия.

Образованные классы также не оставались чужды этой низшей религии; кроме того, что их вместе с другими увлекали религиозные эпидемии, вроде вышеупомянутых, в жизни большинства греков оставался элемент суеверия, как это видно, например, из празднества анфестерий в Афинах. В эти дни, посвященные культу мертвых, все ежеминутно ожидали появления привидений и, чтобы защитить себя от них, жевали листья боярышника, мазали дверные косяки смолой, приносили пищу мертвым, прося их милостиво вкусить ее и т. п., словом, совершали действия, свидетельствовавшие о самых первобытных представлениях. И это был не единственный случай, когда образованный грек обнаруживал образ мыслей, плохо согласовавшийся с греческим просвещением.

Но именно эта дисгармония между суеверием и культурой и представляет особенный интерес в жизни греков, а вместе с тем показывает нам, насколько греческая культура стояла выше других культур древнего мира, которые, как, например, вавилонская, насквозь были проникнуты суеверием и допускали всякого рода демонологию. Греческая же культура, в которой мы видим корень нашей культуры, все более освобождалась от суеверий и избрала своей основой свободную, развитую человеческую личность, как нам ее изображает Гомер. Ионийские колонисты на малоазийском берегу, среди которых возникли его поэмы, принесли с собой очень малую долю культа, суеверия и предрассудков родины и свободный, можно сказать свободомыслящий, дух этих людей благодаря созданному ими эпосу остался незабвенным моментом эллинской жизни и типом истинно греческого духа. Поэтому, желая рассмотреть отношение греков к суеверию и демонологии, мы смело можем избрать своей исходной точкой Гомера.

Помимо хорошо известных олимпийских божеств греческая религия охватывала в гомеровскую эпоху еще целое множество низших духов, так называемых «нимф», населявших всю природу. Это видно, например, из слов Одиссея, когда он, высадившись на остров феаков и будучи разбужен криками Навзикаи и ее служанок, говорит:

(Од. VI, 122 и след.)

«Кажется, девичий громкий вблизи мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор крутоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных потаенных, играют» *.

То, однако, что Одиссей вслед за тем смело выходит из своего убежища, показывает нам, что по греческому воззрению человеку нечего было бояться нимф. Из многих других мест гомеровских поэм видно, что это были добрые духи, которые подобно богам лишь в том случае относились враждебно к людям, когда последние оскорбляли их каким-нибудь поступком. Из вышеприведенной цитаты можно также сделать вывод, что греки не верили в злых духов. В глазах Одиссея существуют только две возможности: нимфы или люди; других говорящих существ он не знает. Халдейский поэт в подобном случае не преминул бы упомянуть о третьей возможности, о демонах, злоумышляющих против человека.

У позднейших греческих писателей, правда, встречается упоминание о демонах, но последние соответствуют у них скорее духам-хранителям, сопровождающим каждого человека; во всяком случае они не являются злыми божествами. С существами же такого рода греки познакомились лишь после того, как вступили в сношения с халдеями, хотя, впрочем, и в древнейшие времена им не совсем было чуждо представление о вредящих человеку демонах; свидетельство об этом можно найти у Гомера, напр. в Одиссее, V, 394 и след.:

«Сколь несказанной радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных».

* Перев. В. А. Жуковского.

Но подобные упоминания все-таки представляют лишь исключительное явление: настоящей демонологии у греков в ту эпоху еще не было.

Согласно их воззрениям все, что случается, происходит по воле богов; боги посылают человеку и доброе и злое, боги подвергают его болезни, спасают от гибели, низвергают его душу в гадес — словом, поступают с ним как им заблагорассудится. Всякие особенные напасти, постигающие человека, служат выраже-

Рис. 10. Нимфы (с греческой вазы).

нием гнева богов. Десятилетнее странствование Одиссея и все его злоключения вызваны лишь мщением Посейдона за то, что герой ослепил его сына циклопа Полифема (Од. I, 19 и след.):

«Преисполнились жалостью боги
Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны».

Если разгневанного бога нельзя умилостивить жертвами, что легко может случиться, так как боги часто бывают непримиримы в своем гневе,— то преследуемому остается только один исход — искать помощи у какого-нибудь благоприятствующего ему божества. Так Одиссей беспрестанно призывает Афину-Палладу, которая ему действительно и помогает, насколько она может это делать, не вступая в открытую распрю со своим могущественным дядей Посейдоном (Од. VI, 324 и след.):

«Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою невнятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских.—
Так говорил он, моляся, и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богоподобного мужа, пока не достиг он отчизны».

Словом, во всех тех случаях, когда халдей, вероятно, предположил бы вмешательство демона и попытался бы усмирить его путем заклинания, грек с упованием обращается к тому из божеств, которое ему внушает наибольшее доверие.

Поэтому мы не можем и рассчитывать на то, чтобы у них существовало искусство заклинания.

Тем не менее у Гомера встречается немало мест, из которых видно, что греки верили в возможность *волшебства*, и притом не только в искусство прорицания,— последнее и у халдеев не было связано с верой в демонов,— но и в оперативную магию, т. е. в магические действия, могущие изменять ход вещей.

Рис. 11. Одиссей у Цирцеи.

Во-первых, естественно, что боги беспрестанно совершают чудеса,— это лежит в самой их природе; если бы они не могли совершать действий, превосходящих силы и способности человека, то они не были бы богами. Но мы видим также, кроме того, что и низшие богоподобные существа: полубоги, нимфы и т. п., одарены большим могуществом. Когда Менелай на Фаросе хочет поймать «правдиво вещающего морского старца Протея, одаренного божественной силой, взор которого проникает через морские глубины» (Од. IV, 384 и след.), что это нелегко ему удается, как видно из его рассказа (Од. IV, 454 и след.):

«Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы охватили его; но старик не забыл чародейства;
Вдруг он в свирепого с гривой огромного льва обратился,
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали».

Всем известен также рассказ о Цирцее, превратившей товарищей Одиссея в свиней; но Цирцея — дочь богов и сама богиня. Мысль же о возможности для людей творить подобные чудеса, по-видимому, не приходила в голову древним грекам. Когда Одиссей возвращается на родину, Афина придает ему вид нищего для того, чтобы весть о его прибытии не распространилась слишком рано. В таком превращении видит его в первый раз его сын Телемак; когда же они встречаются

во второй раз, Афина уже возвратила Одиссею его прежний мужественный вид, но Телемак все-таки не узнает его (Од. XVI, 194 и след.):

«Нет, не отец Одиссей ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершать невозможно
Собственным разумом: может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца.
Был ты сначала старик, неопрятно одетый, теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».

Здесь ясно выражено мнение, что человек сам не в состоянии изменять свой вид, и Гомер действительно нигде не рассказывает о таких превращениях, в которых не принимали бы участия боги. В общем, в песнях Гомера очень мало говорится о волшебстве; именно говорится о нем лишь там, где идет речь о чудодейственном применении растительных веществ.

Из таких мест особенно известно одно, на которое часто ссылаются как на доказательство того, что магия была в ходу у греков: это рассказ о том, как Елена привела в веселое настроение гостей за столом Менелая, когда они опечалились под влиянием воспоминаний о Трое (Од. IV, 219 и след.):

«Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенье
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б и мать и отца неожиданной смертью утратил,
Если б нечаянно брата лишился, иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает — и добрых целебных, и злых ядовитых».

Не подлежит сомнению, что египтянам уже в древности был известен гашиш, смолистое вещество, добываемое из индийской конопли (Cannabis indica) и еще в наше время повсюду употребляемое на Востоке как опьяняющее средство. Гашиш — на некоторых людей, по крайней мере,— оказывает совершенно такое действие, какое описано у Гомера, и способ употребления этого сока Еленою также является вполне естественным и имеет также мало общего с волшебством, как если бы гости напились вина для того, чтобы позабыть свои огорчения. Однако в других местах мы действительно имеем дело с волшебством; о кораблях феакийских в Одиссее рассказывается следующее (Од. VIII, 557):

«Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли».

Подобное же представление находим мы у северных народов, которые признавали за некоторыми семействами особый дар, заключавшийся в том, что когда они распускали паруса, сейчас же поднимался попутный ветер, направлявший их корабль куда им хотелось.

Из многих мест Илиады явствует, что под Троей с греками были врачи, которые при врачевании ран поступали вполне рационально, именно обмывали их и прикладывали к ним целебные травы. Лишь в одном месте встречаемся мы с указанием на лечение посредством волшебства, именно по поводу того, как Одиссей на охоте был ранен вепрем, рассказывается о врачах (Од. XIX, 457):

«... и потом Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Заговорили» *.

* В подлиннике: остановили волшебной песнью.

Относительно содержания магических песен или формул, а также о том, как греки себе представляли их действие, мы ничего не знаем и можем делать только предположение. Злых духов они, вероятно, не заклинали уже только потому, что не верили в них, как мы это видели выше; да, кроме того, если б они даже и верили в них, то, вероятно, не предположили бы их вмешательства при таком простом явлении, как рана, когда виновник этой раны, вепрь, лежал мертвый у их ног. С другой стороны, под словами «магическая песнь», вероятно, нельзя также понимать простое обращение к богам, так как в таком смысле этот термин, наверное, не стали бы употреблять. Таким образом, остается заключить, что греки верили в непосредственное влияние произносимой мистической формулы на природу вещей, т. е. признавали, что *произносимое слово само по себе обладает способностью и свойством* влиять на естественное течение событий. Это воззрение лежит, по-видимому, в основе древнегреческого волшебства; да и вообще на нем, должно быть, основывалась магия всех европейских народов в языческие времена. У северных народов, во всяком случае, можно подметить эту мысль, и есть основание предполагать, что она существовала и в других европейских народов, занимавшихся колдовством, но не веривших в демонов.

Вернемся, однако, к греческим врачам. Мы видели, что они даже при лечении ран прибегали к заклинаниям; естественно предположить, что то же делалось и при внутренних болезнях, правильное лечение которых требовало, конечно, гораздо более глубокого понимания дела, чем то, на какое способен первобытный народ. И мы действительно знаем, что собственно врачебное дело с древнейших времен было связано с храмами, главным образом с храмами Аполлона и Эскулапа. Что там при этом происходило, неизвестно нам в точности, так как медицинское дело до Гиппократа (около 400 г. до Р. Х.) составляло тайну, хранившуюся в известных фамилиях жрецов; но и того немногого, что нам известно, достаточно, чтоб убедиться в том, что все лечение носило характер религиозной магии. Больные, желавшие быть принятыми в храм для лечения, должны были сначала поклясться в том, что строго будут соблюдать все предписания. Затем они должны были несколько дней поститься или, по крайней мере, придерживаться строгой диеты, причем употребление вина было почти совершенно воспрещено. После того жрецы водили их по храму и показывали им изображения и посвященные богам таблицы, служившие воспоминанием о чудесах, совершенных божественною милостью. При этом произносили молитвы и пели священные песни, которые больные должны были повторять вслед за жрецом. Пение часто сопровождалось музыкой. Затем совершали жертвоприношение богам; большею частью приносили в жертву барана, но иногда и других животных, преимущественно птиц. Чтобы достойным образом подготовить больных к получению откровения от бога, их обыкновенно заставляли омываться, затем намазывали их и возлагали на них руки. Они должны были вдыхать курения, приготовлявшиеся из различных трав, и ложились спать на освященных местах во внутренности храма. Во сне они получали откровение от бога, возвещавшего им смерть или исцеление и указывавшего средство для достижения последнего; на этих указаниях основывалось дальнейшее лечение. Некоторые писатели того времени сообщают, однако, что больные не всегда выздоравливали даже в тех случаях, когда выздоровление было обещано им от бога.

Если мы теперь обратимся к искусству прорицания у греков, то увидим, что оно опиралось у них на чисто религиозную основу. Грядущие события всегда возвещаются богами или непосредственно, или при помощи знаков, которые люди должны толковать. Непосредственные откровения давались в храмах через оракулов. Таких оракулов в Греции было несколько; наиболее известными и почитаемыми из них были оракул Аполлона в Дельфах, в Беотии и оракул Зевса близ Додоны в Эпире. В обоих этих местах бог давал ответы на предлагаемые вопросы через посредство жриц; жрица Аполлона называлась Пифия, жрица Зевса — Пелиада. Но они не могли возвещать слова богов во всякое время и при

обыкновенных условиях: чтобы воспринять откровение богов, необходима была особая подготовка, именно жрицы должны были быть приведены в известное состояние экстаза. Средством для этого в Дельфах служили пары, выходившие из расщелины в скале, над которой построен был храм. Пифия всходила на треножник, поставленный над расщелиной, и под влиянием паров, проникаясь внушением бога, прорицала его ответ. Последний обыкновенно был, однако, так неясен, что его должны были сначала истолковать жрецы.

Рис. 12. Таблички с изречениями Додонского оракула.

В Додоне Пелиада пила воду из протекавшего там опъяняющего источника и благодаря этому становилась подобно Пифии, способной к восприятию сообщений богов. Метод в обоих случаях был один и тот же, только средства различны.

Известно, что многие из греческих оракулов пользовались такой славой, что не только греческие государства, но и иностранные цари обращались к ним за советом, когда имели в виду важные предприятия.

Помимо этих способов прорицания, связанных со служением при храмах, существовали еще и другие средства для определения будущих событий. Некоторые люди получали от богов в виде особой милости, а иногда и в виде наказания дар предрекать будущее. Такие прорицатели, не нуждавшиеся для открывания будущего ни в каких особенных приемах, неоднократно упоминаются у Гомера (Од. X, 492; Ил. VI, 75. XI, 329). Но и другие смертные, не обладавшие таким даром, могли предсказывать события, если только умели толковать знамения, посредством которых боги возвещали свою волю. К числу наиболее распространенных из таких знамений принадлежал, как и у халдеев, *полет птиц*; о нем не раз говорится у Гомера (Од. I, 200. II, 158; Ил. II, 858. X, 274. XII, 199). Чтобы осветить эту сторону греческой мантики, достаточно указать на то, как Одиссей и Диомед идут во мрак ночи высматривать знамение (Ил. X, 274 и сл.):

«Доброе знаменье храбрым не медля послала Афина,
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали.

Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики *
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине».

Всегда считалось хорошим знаком, если птица летела справа налево, поэтому оба героя и воздали хвалу Афине. К числу явлений природы, служивших предзнаменованием, принадлежала молния, которую Зевс посылал возвещать и дурное, и хорошее. В Илиаде упоминается также в одном месте о кровавом дожде как о предвестии грозящего бедствия (Ил. XI, 63).

Рис. 13. Одиссей и Тирезий.

Наконец греки прибегали еще к одному виду прорицания, запрещенному у халдеев, именно к *некромантии*, т. е. к заклинанию мертвых с целью узнать от них будущее. Это единственное магическое действие, которое Гомер описывает более или менее подробно; его совершает Одиссей, по совету Цирцеи приплывший через Океан к входу в Гадес (Од. XI, 23 и сл.):

Дав Беримеду держать с Эврилохом зверей, обреченных
В жертву, я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую в локоть один шириной и длиною,
Три совершил возлияния мертвым, мгой призванным вместе:
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой, и мукою ячменною все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно-веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тирезия ж более прочих уважить, особо
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.

* Перев. Н. И. Гнедича.

Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилася в нее, и слетелись толпою
Души усопших из темной бездны Эрева поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, о утрате недолгой жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве, и брони обрызганной кровью еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным».

Чтобы заставить их говорить, Одиссей дает им по очереди напиться крови, налитой в яму; кровь, как жизненный сок, на короткое время возвращает жизнь мертвецам.

Из других суеверных представлений, которые с уверенностью можно вывести из древнейших времен, укажем еще на «выбор дней», т. е. на веру в счастливые и несчастные дни, о чем упоминается у Гезиода.

ГРЕЧЕСКАЯ МАГИЯ ПОСЛЕ ПЕРСИДСКИХ ВОЙН

Греки сохранили только что изложенные воззрения до эпохи персидских войн, т. е. приблизительно до 500 г. до Р. Х. Уже несколько ранее греческие философы в своем стремлении рационально объяснить происхождение и природу бытия начали колебать основы старой веры в богов. Размышление о природе и назначении души привело Пифагора и Эмпедокла к отрицанию верования в пребывание души, в гадес; в замен этого они допускали странствование души, благодаря которому она постепенно становится совершеннее. Таким образом, в круг понятий греков проникло представление о духах и демонах; это представление скоро нашло себе опору в учении о демонах и в связанной с ним магии, с которыми греки познакомились после своего столкновения с персами. Особенно жители Фессалии, где персы сравнительно долго держались, приобрели себе с тех пор славу кудесников.

Фессалийские женщины могли при помощи особых мазей превращать людей в животных и в камни, а ночью они по воздуху отправлялись на любовные похождения. Вот где начало средневекового верования в путешествия ведьм. Богиня луны, Геката, первоначально являвшаяся божеством благодетельным, ограждавшим от зла, постепенно превратилась в покровительницу ведьм и властительницу всего мира волшебства.

Об этой Гекате позднейшие греческие писатели передавали массу мифов и сказаний; между прочим, они оставили нам полное описание обрядов и заклинаний, посредством которых призывавшие ее могли заставить ее появиться. Церемонии были якобы предписаны самой Гекатой; она говорит:

«Сделайте статуи из гладко отполированного дерева сообразно с моими более подробными указаниями, которые я сейчас дам. Сделайте туловище этой статуи из корня дикой руты (Ruta graveolens) и украсьте его маленькими домовыми ящерицами; потом замесите мирру, стираксу и ладан вместе с этими животными и выставьте смесь на воздух при нарождающейся луне. Произнесите затем ваше призывание в следующих словах: «Приди, подземная, земная и небесная Бомбо, богиня дорог и перекрестков, приносящая воздух, ходящая ночью, враждебная свету, благосклонная к ночи и сопутствующая ей, радующаяся лаю собак и пролитой крови, бродящая во мраке блуждающим огнем среди могил, жаждущая крови и наводящая ужас на мертвых. Горго, Мормо, луна из 1000 обликов услышь благосклонно нашу жертву». Вы должны употребить столько ящериц, сколько я принимаю различных видов; исполните все тщательно; сделайте мне жилище из опавших лавровых ветвей, и, после того как вы обратите горячие молитвы к моему изображению, я явлюсь вам во сне».

Спутницы Гекаты назывались эмпузами или ламиями, некоторые авторы изображают их как человеческие существа, как ведьм, сопровождающих богиню в ее ночных странствованиях и пользующихся, в свою очередь, случаем пуститься в любовные приключения. Другие представляют их себе в виде демонов, которые,

правда, вступают в сношения с мужчинами, но лишь для того, чтобы высосать из них жизненные соки, служащие им для питания. Так как по отношению к такого рода фантастическим образам воображению был открыт неограниченный простор, не стесненный никакими определенными представлениями, то нас не должно удивлять большое разнообразие в описании их.

Согласно показаниям Плиния распространение магии в Греции ведет свое начало от некоего Остана (Ostanes), придворного предсказателя Ксеркса, сопровождавшего его во время похода в Грецию и написавшего обширное сочинение о магии; но особенно развилось колдовство лишь после того, как Александр Великий завоевал Персию и Египет. Тогда не только многие греки были посвящены в тайные халдейские и египетские науки, но, с другой стороны, и в Грецию прибыли многие жители покоренных стран, так что в эпоху, последовавшую за войнами Александра Македонского, Греция положительно была переполнена персидскими и египетскими прорицателями, которых называли «халдеями, магами и математиками». Благодаря им греки познакомились с чужими религиями, боги которых носили варварские имена, а так как Гомер и Гесиод не оставили для этих богов места на Олимпе, то греки отнесли их к разряду демонов. Народ стал питать к этим толпам демонов страх, которого уже не внушали им старые олимпийские боги, постепенно лишившиеся всякого уважения вследствие своих чересчур человеческих, неоднократно воспетых слабостей. О новых богах не было известно таких позорящих рассказов — греки признали их и стали оказывать им чисто восточное почитание, выражавшееся в призываниях и заклинаниях на персидском, ассирийском и египетском языках, которых греки не понимали и которые они поэтому исказили, так что в конце концов заклинания эти превратились в совершенно бессмысленные формулы. Странствующие же чужеземные кудесники и прорицатели постоянно поддерживали веру в могущество своих богов и демонов.

Рис. 14. Геката.

Из различных древних свидетельств видно, что эти кудесники нисколько не стеснялись прибегать к фокусам и тому подобным обманам, чтобы упрочить свое влияние в народе. Особенно обычно было у них заклинаниями вызывать светящийся образ Гекаты. Для этого существовало несколько способов. Прежде всего нужна была совершенно темная комната; там кудесник заранее рисовал на стене асфальтом или каким-нибудь другим горючим веществом человекоподобную фигуру, и когда лицо, обращавшееся к богине, заклинаниями и другими церемониями достаточно было подготовлено к ее появлению, кудесник подносил огонь к нарисованному изображению, которое сейчас же вспыхивало. Иногда же

эти чародеи вместо того выпускали птицу, к ногам которой было привязано какое-нибудь легко воспламеняющееся вещество; перепуганная птица металась, конечно, по комнате, а не менее перепуганный посетитель падал ниц на землю, покрывал себе голову и призывал богиню.

РИМЛЯНЕ

Относительно развития суеверия в Риме в древнейшую эпоху мы имеем сравнительно лишь очень скудные сведения; но, насколько можно судить, римляне во всем, что касалось существа дела, стояли на той же ступени, что и греки гомеровской эпохи. В древнеримской религии мы не находим настоящего учения о демонах; тем не менее римляне верили в привидения, в души злых людей, осужденные за свои грехи после смерти блуждать по земле. Кроме того, римские писатели упоминают также о strigae, т. е. старухах или ведьмах, соответствующих греческим эмпузам или ламиям, летающих в образе птиц и пожирающих людей. Нельзя, однако, поручиться, действительно ли все эти представления римского происхождения и не заимствована ли, по крайней мере, идея их у греков, с колониями которых в южной Италии римляне очень рано вступили в сношения.

Впрочем, не подлежит сомнению, что уже в древнейшие времена римлянам были известны некоторые магические приемы. О преемнике Ромула, Нуме Помпилии, рассказывают, что он занимался теургическим искусством, т. е. различными действиями, при помощи которых он мог даже заставлять богов появляться в видимом образе. Его преемник Тулл Гостилий, по преданию, был поражен молнией за то, что при одном таком случае обманул богов. Римляне верили также, что при помощи магии можно переманить хлеб с чужого поля на свое, и древнейшие римские законы, законы двенадцати таблиц (около 450 г. до Р. Х.), заключали в себе положительное воспрещение такого образа действия. Дальше этих немногих известий не простираются наши сведения касательно колдовства у римлян до того времени, когда они пришли в непосредственное или посредственное соприкосновение с народами Востока.

Несколько более осведомлены мы о том, что касается искусства прорицания, мантики, или гадания, у римлян. Это искусство у них, также как и у греков, носило чисто религиозный характер: боги посредством особых знамений выражали свою волю, и людям оставалось лишь толковать эти знамения. Древнейшее учение авгуров, вероятно, исключительно опиралось у римлян на наблюдения за полетом птиц; на это знамение обращали внимание при всех важных общественных вопросах, а также во многих частных делах. Всякий образованный римлянин должен был уметь толковать полет птиц; но для государственных целей назначались особые чиновники, авгуры, которые во всяком деле должны были узнавать волю богов при помощи этого знамения. Слово авгур и означает именно птицегадатель (avi-gur; gur кельт.-vir). Авгур очерчивал своим жезлом (lituus) некоторое пространство и на этом пространстве после молитвы к богам ожидал от них знамения; последнее толковалось в утвердительном или отрицательном смысле, так что в нем видели прямой ответ богов на вопрос о том, следует или нет приводить в исполнение то или другое предприятие. Для этой цели могли, однако, служить не все птицы, и не всякому давались такие знамения. Голуби могли служить знамением только для царей, потому что эти птицы никогда не летают в одиночку, подобно тому, как цари никогда не выходят без свиты. У некоторых птиц, как, например, воронов, ворон, сов, петухов, знамением служил крик, у других, как, например, у орла и коршуна,— полет. Благоприятным считался у одних птиц полет справа налево, у других — слева направо.

Позднее, когда вера в старинные способы прорицания несколько ослабела, между тем как государство, в силу традиции, все-таки сохраняло должность авгуров, был изобретен новый прием — именно получать знамение посредством кормления кур. Для этой цели держали в клетке молодых кур, и когда нуждались

в знамении, то выпускали их и наблюдали за тем, как они пожирали брошенный им корм. Если они жадно набрасывались на него, так что даже роняли часть из клюва,— это был отличный знак; если же они, напротив, не обращали внимания на корм, это толковалось как предвестие беды. Такой способ был, разумеется, очень удобен, так как легко можно было заранее обеспечить себе желанный знак, заставив кур голодать или, напротив, предварительно накормив их.

У своих ближайших соседей, этрусков, римляне уже в очень раннюю эпоху научились многим другим формам прорицания. Этруски были древним италийским племям, происходившим, по свидетельству Геродота, из Лидии. И действительно, сходство между этрусскими и халдейскими произведениями искусств настолько велико, что не оставляет сомнения относительно близкого родства этих двух народов. С другой стороны, и между приемами этрусского и халдейского искусства прорицания наблюдается столь полное сходство, что его странно было бы объяснять делом случая. Почти все те виды мантики, на которые мы указали выше как на общеупотребительные у халдеев, существовали, по свидетельству древних авторов, и у этрусков. К числу различных отраслей мантики у этрусков, как и у халдеев, принадлежали: толкование чудесных событий, наблюдение за молнией, за внутренностями жертвенных животных, за полетом и криком птиц, за новорожденными уродами и т. п. Со всем этим вскоре познакомились и римляне. Сначала они приглашали этрусских Haruspices, т. е. исследователей внутренностей жертвенных животных; позднее же вошло в обыкновение посылать знатных юношей в Этрурию для обучения различным видам мантики. Но из этих видов получили, кажется, распространение в Риме, по крайней мере по отношению к государственным предприятиям, лишь наблюдения за внутренностями животных и за молнией.

Наконец, Римское государство обладало еще в высшей степени замечательным произведением из области магии, это были Сивиллины книги, к которым и обращались за советом в особенно трудных и критических случаях.

Как рассказывает предание, царю Тарквинию Гордому было предложено сначала купить девять таких книг; но он нашел цену их слишком высокой; тогда продавец сжег сначала три книги, потом еще три; наконец царь купил оставшиеся три за эту же цену, в какую были оценены все девять книг. Они были написаны греческими гекзаметрами на пальмовых листьях. Их положили на хранение в храм Юпитера Капитолийского, и для толкования их была учреждена коллегия из пятнадцати человек, которые должны были сохранять в глубокой тайне содержание книг. Предполагают, что эти книги представляли собрание изречений греческих оракулов, изложенных таким образом, чтобы они могли годиться на все времена. Цицерон говорит по этому поводу: «Автор изложил их так искусно, что все происходящее можно считать предсказанным в них, так как в этих изречениях нет никаких указаний на определенных людей или определенную эпоху. Кроме того, он нарочно выражается так темно, что одни и те же стихи в различные эпохи могут быть отнесены к совершенно различным событиям. Строение стихов показывает, однако, что они написаны не сумасшедшим; в них виден скорее результат искусства и прилежания, чем плод внутреннего возбуждения и волнения». Это сочинение, к которому, как уже было сказано, обращались за советом в необычайных случаях, когда искусство авгуров и гадателей по внутренностям (Haruspices) оказывалось недостаточным, погибло во время пожара около 400 года после Р. Х.

Когда римляне расширили свое господство в Италии и вступили в соприкосновение с чужими народами, они, подобно грекам, переняли у них многие религиозные и суеверные представления. Благодаря этому римские воззрения скоро приблизились к описанным нами выше греческим воззрениям.

Евреи

Говоря о народах, исповедовавших истинные религии — ветхозаветную Еврейскую и Христианскую,— необходимо строго различать отношения к волшебству самой религии от тех уклонений от нее в действительной жизни, которые обусловлены были невежеством, непониманием или прямым отступлением от предписаний религии.

Из всех народов древности ни один не был настолько чужд суеверию и вытекавшему из него колдовству, как народ еврейский. Еврейская религия, чистейший монотеизм, какой только когда-либо существовал, не признавала никаких духов, ни добрых, ни злых, которые могли бы иметь значение помимо Иеговы, творца и промыслителя мира. Отсюда вовсе не следует, однако, чтобы народ еврейский совершенно не был знаком с магическими действиями. Мы видели выше, что колдовство, или оперативная магия, бывает двоякого происхождения. Подобно халдейской и имеющей с ней много общего египетской магии оно может основываться на представлении о борьбе между богами и демонами, и тогда имеет целью заклинание последних при помощи известных формул или же, подобно всей европейской магии, колдовство может вытекать из представления о воздействии, оказываемом на природу вещей произносимыми словами (или начертываемыми знаками). Хотя последняя форма совместима с чистым монотеизмом, так как она даже вовсе не предполагает веры в низшие духовные существа; однако с такого рода колдовством евреи никогда не приходили в соприкосновение, а сами они, понятно, не могли его изобрести.

Евреи были уже с древнейших времен знакомы с магией египтян и соседних с ними языческих народов, находившейся, разумеется, в тесной связи с религией и со множеством богов этих народов. Поэтому занятие волшебством было для евреев равносильно идолопоклонству и отпадению от Иеговы. В законе Моисея волшебство сопоставляется с идолопоклонством; то и другое строго воспрещено.

Мы читаем в 5-й книге Моисея, X, 12: «Не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых: ибо мерзок пред Господом всякий, делающий это, и за сии-то мерзости Господь, Бог твой, изгоняет их от лица твоего».

Мы видим, что здесь всевозможные формы колдовства поставлены на одну ступень с обычаем заставлять своих сыновей и дочерей проходить через огонь; последнее же тождественно с идолопоклонством, как это явствует из 5-й книги Моис. XII, 31:

«Не делай так Господу, Богу твоему; ибо все, чего гнушается Господь, что ненавидит Он, они делают богам своим; они и сыновей своих и дочерей своих сожигают на огне богам своим».

Итак, волшебство приравнивается к идолопоклонству; иначе и быть не могло, так как язычники, как мы это видели на халдеях, почти неизбежно должны были прийти к магии, и знакомое евреям волшебство предполагало веру во множество добрых и злых духов, т. е. идолопоклонство. Таким образом, для евреев понятия «идолопоклонство» и «волшебство» должны были казаться равносильными. Поэтому за то и другое определяется по закону Моисея и одинаковое наказание, именно — побиение камнями. Это постановление находим мы в 3-й книге Моисея, XX, 1 сл. и 27: «И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сие сынам Израилевым: кто из сынов Израилевых и из пришельцев, живущих между израильтянами, даст из детей своих Молоху, тот да будет предан смерти; народ земли да побьет его камнями».— «Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них». Так мы видим, что в иудействе магия строго воспрещена, между тем, как в язычестве, она, естественно, вытекала из самой религии, в силу чего ею занимались и жрецы. По еврейской религии всякого рода магия была отпадением от истинного Бога. Таким образом, религия евреев не давала им ни малейшего повода самим изобретать магические действия. Они занимались колдовством лишь тогда, когда подпадали искушению подражать своим соседям-язычникам, а так как последние знали только египетскую или халдейскую магию, то евреи никогда не наталкивались на европейские виды магии, которые легче было примирить с чистым монотеизмом.

Всем хорошо известно, что многие еврейские цари, а с ними, вероятно, и весь народ часто преступали упомянутые пункты закона. Саул, правда, изгнал прорицательниц, однако меры его не были настолько строги, чтобы не удалось остаться,

по крайней мере, одной из них, именно волшебнице эндорской, к которой он впоследствии сам обращался (2 Цар. XXVIII, 3—15). Многие из последующих царей были решительными идолопоклонниками: Ахаз приносил в жертву людей (2 Парал. XXVIII, 3), а о Манассии сказано (2 Парал. XXXIII, 6): «Он же проводил сыновей своих чрез огонь, в долине сына Енномова, и гадал, и ворожил, и чародействовал, и учредил вызывателей мертвецов и волшебников: много делал он неугодного в очах Господа, к прогневлению Его». Итак, колдовство не только было известно закону Моисея, строго воспрещавшему его; но евреи и на деле были знакомы с ним и прибегали к нему. Но их колдовство всегда заимствовано у чужестранцев, оно является нарушением закона, а не естественным следствием их религии.

В Египте еврейский народ жил изолированно, в отдельной области, вне сношений с египтянами, так что, вероятно, лишь немногие были посвящены в египетскую магию. Она хранилась в тайне египетскими жрецами и поэтому, естественно, оставалась неизвестной массе еврейского народа. Когда же евреи основались на собственной земле, одних сношений с соседними народами было достаточно, чтобы познакомить их с языческими религиями и суевериями; однако от занятия колдовством их еще удерживал закон. В Вавилоне дело меняется. Здесь евреи жили между вавилонянами; из книги Даниила мы знаем, что при дворе Навуходоносора воспитывались еврейские мальчики, а в книге Ездры II, 69 сказано, что в то время, когда евреи получили от Кира позволение вернуться на родину, они обладали большими сокровищами. Из этого видно, что они свободно жили среди господствующего народа, а так как древняя аккадийская магия не составляла тайны какого-нибудь отдельного класса, но была известна всему народу, то всякий еврей имел возможность близко познакомиться с магическим искусством. В силу этого во время плена и по возвращении из него развивается у евреев философия и литература, поведшая к образованию сект, стремившихся примирить халдейскую демонологию с религией. Точкой опоры для нее служило следующее неправильно понятое место в 1-й книге Моисея, VI, 1—4:

«Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери: тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто выбрал. И сказал Господь (Бог): не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками (сими), потому что они плоть, пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди». Это место ошибочно толковали в том смысле, что под «сынами Божиими надо понимать ангелов, которые смешались с людьми и поэтому пали и были отвергнуты Богом, таким образом они стали демонами и породили демонов. Все это произошло с божественного соизволения по наущению диявола, который благодаря этому сделался повелителем обширного царства демонов».

Таким-то способом некоторые еврейские секты пытались примирить языческую демонологию со своей религией, которой первоначально было совершенно чуждо учение о злых духах. С этих пор халдейская магия процветала у евреев во всех своих формах подобно тому, как она привилась и у других народов, приходивших с нею в соприкосновение. По-видимому, между евреями особенно было рапространено искусство заклинания: греческие и римские писатели того времени часто называют еврейских заклинателей в числе кудесников и прорицателей, странствовавших по римской империи.

ПЕРВЫЕ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА

Мы пришли теперь к тому моменту, когда христианство кладет начало великому перевороту во всех человеческих отношениях. К этому времени, как мы видели, весь цивилизованный мир, мир иудеев, греков, халдеев и египтян, был скован цепями суеверия и порабощен страхом перед демонами, которого не в состоянии

были уничтожить греческие философские системы, старавшиеся лишь приискать для веры в демонов рациональные основания. Христианство избавило людей от этого страха перед злыми духами не тем, что оно отрицало бы существование демонов, напротив, оно признавало, что демоны существуют, но сама сущность христианского учения, вера во всемогущего Бога заставляла признавать всех низших духов бессильными по отношению к людям, искавшим помощи у единого истинного Бога. Власть ада была подорвана тем, что явилась сила, против которой не могли устоять демоны. Первые отцы церкви: Юстин мученик, Татиан, Ориген, Тертуллиан и др.— развивали учение о демонах, прямо вытекавшее из воззрений еврейской религии. Большая часть господствовавших в ней представлений о злых духах была усвоена христианством в неизмененном виде.

Между иудейскими богословами долго велись споры о том, являются ли языческие божества лишь фантастическими образами, т. е. плодом человеческого измышления, или это действительные существа, демоны, которым люди поклоняются лишь по причине недостаточного познания истинного Бога; последний взгляд в конце концов одержал верх, и согласно с этим 5-й стих 96 псалма получил в александрийском переводе Библии следующую редакцию: «Ибо все боги народов суть демоны, но Господь сотворил небо». Имена чужих богов превратились, таким образом, для иудеев в имена демонов, из которых могущественнейшими считались Бел или Вельзевул (Baal — Sebub) халдеев и их утренняя звезда Истар (у римлян Люцифер). Вельзевула стали считать князем демонов, а Люцифера главой возмутившихся ангелов, причем основывались на словах Исаии XIV, 12: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю попиравший народы». Как видно из текста, слова «денница, сын зари» составляют здесь просто аллегорическое выражение, под которым надо понимать могущественный Вавилон, покоривший другие народы; однако это не помешало еврейским кабалистам толковать эти слова как название падшего ангела.

К этому взгляду примкнули и христианские отцы церкви.

Лактанций, умерший в начале IV века, оставил следующее краткое и ясное изложение господствовавшей в его время веры в демонов: «Все стремления демонов и нечистых духов направлены на то, чтобы уничтожить царство Божие и погубить людей. С этой целью они при помощи кажущихся чудес и оракулов внушили людям безумную мысль, что они — демоны — боги. Так создали они язычество с его мифологией и культом. Они же положили начало магии, гаруспициям, некромантии, искусству авгуров и астрологии. Кроме того, они всевозможными другими способами готовят погибель людям; но христианину нечего их бояться, напротив, дьявол со своими демонами беспрестанно должен страшиться христиан, которые имеют власть не только изгонять их отовсюду, но и заставлять их называть свои имена и сознаваться, что они не боги, хотя им и поклоняются в храмах (как языческим богам)». В таком же роде выражаются и другие отцы церкви, в том числе Аврелий Августин, мнения которого в течение нескольких столетий пользовались величайшим влиянием в христианской церкви.

Итак, мы видим, что христиане признавали существование магии, но считали ее дьявольским искусством. Поэтому христианская церковь решительно воспрещала колдовство, сколько ради зла, которое оно могло причинить, столько же ввиду того, что при этом нельзя было обойтись без идолопоклонства, без помощи демонов. Это неоднократно выражалось в постановлениях церковных соборов, например, эльвирского в 305 и 306 гг. и анкирского в 314 году.

Как же относилась в это время к таким вопросам наука? Единственная наука, о которой тут может идти речь,— это философия, так как естественные науки были в то время еще настолько мало развиты, что не могли иметь никакого решающего значения в такого рода проблемах. Правда, естественные науки сделали большие успехи под покровительством Птоломеев в александрийском музее, где занимались врачебной наукой, прикладной математикой (астрономия, математическая оптика) и химией в форме алхимии; но все эти науки находились еще в младенческом состоянии и не могли содействовать разрешению вопросов о демонах и колдовстве. Философы, напротив, старались разрешить этот вопрос и пришли к такому же результату, как и отцы церкви, что

было весьма естественно, так как и многие из отцов церкви, как, например, Климент Александрийский, Ориген и Афанасий, были выдающимися философами; языческие же философы основывали свои положения на учении Пифагора и Платона.

Платон сделал решительный шаг, отвергнув многочисленных богов древней греческой религии и признав их чисто фантастическими образами. Взамен их он предположил Творца мира, Строителя, от которого мир получил свое начало и который всем управляет и руководит.

Это воззрение удержалось, хотя и с некоторыми изменениями, в позднейших философских школах; но наибольшего развития философский монотеизм впервые достиг лишь в учении Филона Александрийского, жившего во времена Христа. Филон был еврей и внес в греческую философию возвышенное представление о Иегове. По его учению Бог настолько выше всего конечного, что ему невозможно приписывать свойства, присущие земным существам: «Мы можем только сказать, что Бог есть, но что он такое?» Затем так как со стороны столь возвышенного Божества нельзя себе представить непосредственного вмешательства в мир, то должны существовать посредники между Богом и миром, ангелы и демоны, исполняющие божественные повеления. Эта идея получила дальнейшее развитие в так называемой неоплатонической школе, самыми выдающимися представителями которой были Плотин, Порфирий и Ямблих. В особенности последний привел учение об ангелах и демонах в законченную систему, установив целый ряд степеней для богов и демонов, подчиняющихся высшему Божеству. Можно подумать, что эта система заимствована им у халдеев; подобно им он признает 12 высших богов и 72 низших; затем следуют ангелы, демоны и герои. Это учение снова дало прочную опору мантике и искусству заклинания, и вряд ли можно сказать, чтобы философы были свободнее от страха перед демонами, чем необразованные язычники. Так, например, неоплатоники предписывали своим ученикам множество разных обрядов, как-то: очищение, воздержание от мясной пищи, безбрачие и т. п. В соблюдении этих обрядов они видели условие нравственной жизни, а также средство для избавления от преследований демонов, так как путем подавления своих земных потребностей они надеялись усвоить себе высшую, божественную природу.

Религия и наука, христианство и философия сходились, следовательно, в том, что признавали реальное существование демонов и придавали действительное значение волшебству, производимому при их помощи. Отцы церкви утверждали, что демоны с божественного соизволения имеют власть вредить людям, особенно побуждать их к отпадению от истинной веры. Без сомнения, они верили также, что христианину нечего бояться демонов, но сам факт веры не предохранял от преследований злых духов, напротив, еще в большей степени подвергал их, так как гибель христианской души должна была доставлять демонам величайшую радость и быть им особенно выгодной; ведь благодаря этому усиливалось их собственное царство и ослаблялось царство Божие. Поэтому христианину беспрестанно грозили преследования демонов, и для борьбы с ними ему необходимо было могущественное оружие. Такое оружие не магическое, а действительное должна была доставить верным церковь.

Уже Ориген (в начале III века) высказал, что божественным словам свойственна чудесная сила. Особенное значение в этом смысле придавал он началу первой книги Моисея, многим местам в Евангелии от Иоанна, семи словам, сказанным со креста, молитве Отче наш и т. д. Но самое сильное действие оказывает на нечистую силу произнесение имени Иисуса Христа. «Пусть тот, кто хочет убедиться в этом,— пишет Афанасий,— совершит крестное знамение или произнесет имя Иисуса среди бесовского навождения, оракульского обмана и магических чудес, и он увидит, что немедленно демоны обратятся в бегство, оракул замолчит и все чудеса магии и колдовства прекратятся». Подобно крестному знамению могущественным предохранительным средством, имеющим силу прекращать

всякие бесчинства демонов, служит также окропление освященной или «святой» водой.

К сожалению, вера в божественную помощь часто неправильно понималась как отрицание естественной помощи, что привело к печальным результатам в области врачебного искусства. Между тем как со времени Гиппократа встречались настоящие врачи, объяснявшие болезненное состояние человека естественным расстройством организма и поэтому употреблявшие против него естественные средства, теперь постепенно установился взгляд, что всякая болезнь есть дело злого духа,— взгляд, представлявший, таким образом, возвращение к точке зрения халдеев.

При таких обстоятельствах никакая действительная медицина была невозможна; считалось даже греховным прибегать к ней за помощью. Уже из одного примера это будет достаточно ясно:

Епископ Григорий Турский (+594) написал книгу о чудесах святого Мартина. В ней он рассказывает, что, описавши 99 чудес, он остановился на сотом номере и оглянулся кругом, как вдруг почувствовал сильную боль в левой стороне головы, так что не мог более работать. 24 часа терпел он эту боль; но так как ему не делалось лучше, то он пошел в соборную церковь к гробнице святого, помолился там и прикоснулся к больному месту гробничной занавесью; в то же мгновение он почувствовал облегчение. Спустя три дня боли опять возобновились; то же средство помогло опять. Через некоторое время он пустил себе кровь, и злой дух внушил ему мысль, что головная боль произошла только от лишней крови и что от такого кровопускания она может пройти. Но как только он это подумал, так прежняя боль возобновилась с еще большей силою. В раскаянии он снова пошел в церковь, помолился о прощении ему его грешных мыслей и прикосновением занавеси на этот раз был исцелен окончательно. Рассказ свой Григорий заключает следующими словами: «Каждый человек может из этого происшествия вывести поучение, что не следует прибегать к земным средствам тому, кто раз уже имел счастье испытать врачевание небесными средствами».

Древние способы гадания тоже вошли в употребление с применением к ним христианских форм. Один из очень употребительных способов состоял в том, что, закрыв глаза, открывали Библию и клали палец на открывшуюся страницу. Найденный таким образом текст должен был служить указанием того, что надо делать. Высшие церковные власти предостерегали, однако, против употребления такого способа в неважных житейских делах.

Норманны и финны

ОТНОШЕНИЯ НОРМАННОВ К ДРУГИМ НАРОДАМ

Наши сведения о религиозных и суеверных представлениях норманнов имеют, можно сказать, исключительным своим источником «эдды» и исландские «саги». Последние, несомненно, были написаны уже после введения в Исландии христианства, именно в XII и в последующих столетиях; поэтому можно было ожидать, что составитель их часто будет вводить свои личные христианские взгляды в круг языческих понятий, выражаемых сагами. Однако, по-видимому, это имело место лишь в очень незначительной степени. Характерные для христианства взгляды проявляются в сагах лишь крайне редко и то лишь в тех случаях, когда речь идет о событиях, происшедших после введения христианства. Так, напр., существует большая разница между временем до и после введения христианства во взглядах на то, насколько позволительно употреблять искусство волшебства. Если дело идет о событиях предшествующих христианству, то употребление рун и чародейных заговоров никому не ставится в вину даже в том случае, если они применяются с целью сделать зло. Но всего лишь полвека спустя Энгаль, убийца Гретты Сильного, был объявлен альтингом (народным собранием) лишенным мира за то, что он одолел Гретту посредством волшебства; и в этом случае было установлено, что всякий, кто будет употреблять такие запрещенные

способы, должен считаться «лишенным мира». Таким образом, в этом месте автор высказал большую верность преданию, тогда как ему как христианину очень легко было отнестись с порицанием ко всякому языческому волшебству, в чем бы оно не проявлялось. Поэтому мы можем быть достаточно уверенными, что и в других местах саги дают нам вообще правильное изображение отношений, существовавших в языческие времена.

Часто возбуждался вопрос о том, где было первоначальное отечество тех религиозных и суеверных представлений, которые нашли свое выражение в сагах, возникли ли они на севере или же они были заимствованы от других народов и только получили у норманнов свое дальнейшее развитие. Мы, однако, не можем распространяться здесь по этому поводу, так как у нас речь идет только об изображении обстоятельств, бывших на севере, и то уже в такое время, когда там распространилось христианство и северные страны начали воспринимать южноевропейскую культуру. Развитие древнего учения об азах и тех суеверных представлений, которые мы находим в сагах, произошло, разумеется, гораздо раньше этого времени; происхождение их теряется во мраке первобытных времен, и мы не будем заниматься связанными с ним вопросами. В то же время совершенно ясно, что мы не можем рассчитывать на то, что в столь поздних произведениях, каковы саги, мы найдем лишь самые первобытные представления. Норманны ходили по разным местам не только в качестве викингов, но и как мирные купцы, и многие из них подолгу жили веринги * в культурных государствах того времени. Поэтому нельзя сомневаться, что многие из представлений, выступающих в сагах, вовсе не северного происхождения, но были заимствованы с разных сторон. Некоторые из них, несомненно, взяты у финнов; этот народ по всему северу славился своей магией; самые могучие и страшные волшебники и волшебницы, о которых говорится в сагах, почти всегда финны. Это обстоятельство имеет тем больший интерес, что финны во многих отношениях стоят в близком родстве с древнехалдейскими народами; в особенности их религия, демонология и магия, как мы увидим ниже, приближаются к халдейской. Таким образом, северные страны уже в очень раннюю эпоху подвергались влиянию халдейской магии. Тем не менее, сколько я могу судить, магия саг гораздо более похожа на греческую магию гомерова времени, от которой она, однако, отделена приблизительно на два тысячелетия, чем на современные с нею остатки халдейской магии в южной Европе.

Сходство магии саг с магией гомеровского эпоса обнаруживается в трех различных пунктах: 1) Ни саги, ни Гомер не знают собственно демонов. 2) Оперативная магия, волшебство и там и здесь основываются на непосредственном воздействии слова (а на севере также и письменных знаков) на природу вещей и не имеют ничего общего с заклинанием злых духов. 3) Искусство предсказания основывается и у Гомера и в сагах на толковании предзнаменований, посредством которых боги или духи-хранители предупреждают людей о грядущих явлениях, и вовсе не имеет научно-астрологического отпечатка халдейской мантики. Это сходство, очевидно, имеет чрезвычайно важное значение, так как благодаря ему мы можем пользоваться важнейшими данными саг, чтобы набросать картину собственно европейской магии, которая во многих пунктах существенно отличается от восточной, халдейской и египетской. Теперь мы ближе рассмотрим то, что находим в эддах и сагах.

---

* Веринг, или варяг, значит спутник, соучастник; так назывались нормандские викинги в Византии.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НОРМАННОВ О ДУХАХ

Кроме собственно богов, азов саги упоминают еще множество низших духов, фетиров (домовых) и фильгьяров *. Они были духами-хранителями всей страны, области или отдельных лиц. У всякого был свой дух-хранитель, который, как думали, иногда показывался другим людям во сне; такое явление всегда предвещало в будущем какие-нибудь события. В саге Эрвара-Одда рассказывается, как один из его родственников видел во сне огромного белого медведя, который кружил около острова, к которому они пристали; этот сон был истолкован так, что белый медведь был духом-хранителем Эрвара.

Такие рассказы о сновидениях встречаются часто; один из наиболее интересных, к которому мы еще возвратимся впоследствии, находится в саге Гунлауга-Ормстунга. Торстень, сын могущественного вождя Эгиля Скаллегримсена, рассказывает гостившему у него приятелю Баарду следующий сон: «Снилось мне, что я был дома на Борге; я сидел перед дверью и смотрел вверх на дома; на коньке я увидел чудного лебедя, который, как мне казалось, принадлежал мне и который мне очень нравился. Вдруг со скалы спустился большой орел, сел рядом с лебедем и начал ласкаться к нему; и лебедю нравилось это, как мне казалось; я рассмотрел орла, он был черноглазый и имел железные когти и, как мне казалось, был молодец-птица. После этого я заметил второго, летевшего с юга; он спустился на Борг, сел на крышу к лебедю и хотел также его приласкать; это был тоже большой орел. Но сейчас же, как грезилось мне, первый орел замахнулся своим крылом на второго и они дрались долго и яростно, и я видел, как оба они истекали кровью; наконец оба они свалились с дома, каждый на свою сторону, и оба были мертвы; лебедь остался один и был очень опечален. Затем прилетела с запада другая птица, села рядом с лебедем и очень дружески обходилась с ним; потом обе они улетели в том направлении, откуда прилетела эта птица; тогда я проснулся. Этот сон большого значения не имеет и указывает лишь на ветры, что дуют из тех стран, откуда прилетел орел». Однако Баард заметил: «мое мнение другое: эти птицы должны быть духами-хранителями великих мужей». Затем он объяснил, что, по его мнению, должен означать этот сон (см. ниже стр. 68).

Далее, норманны представляли себе, что феттиров и фильгьяров можно испугать головами с раскрытым ртом и, разумеется, разогнать, таким образом, духов-хранителей страны почиталось за большое несчастье. На первом альтинге (т. е. на первом заседании законодательного и судебного собрания) в 928 г. был издан закон, чтобы всякий, кто причаливал где-либо к берегу, если на его форштевне находилось изображение головы с раскрытым ртом, должен был, прежде чем высадиться, снять это изображение. Поэтому не было ничего хуже того кощунства и глубже той обиды, какую можно было нанести человеку, обратив на него «кол зависти» (Neidstange), т. е. воткнув в землю кол с лошадиной головой и раскрытым ртом, обращенной на его двор.

Как надо при этом поступать, говорится во многих сагах (напр., в саге Ватнисдэла и в саге Эгиля Скаллегримсена) и особенно подробно в том месте, где Эгиль Скаллегримсен направляет «кол ненависти» против Эриха Блютакса и королевы Гунгильды; когда все было готово, Эгиль высадился на острове, взял в руки ореховую палку и поднялся на хребет гор, обращенных к стране. Здесь насадил он на кол лошадиную голову и после обычного приспособления сказал: «здесь я ставлю кол зависти и обращаю зависть на короля Эриха и королеву Гунгильду» (при этом он повернул лошадиную голову на страну) «и обращаю против всех ветров страны, которые основались и живут в стране, чтобы они всегда блуждали и не находили бы себе постоянного места, пока они не прогонят из страны короля Эриха с королевой Гунгильдой». И он воткнул кол в расщелину скалы и вырезал на нем руны, заключавшие в себе это заклинание.

В числе «злых существ» норманны различали много видов; однако ни кого из них не принимали за демонов в собственном смысле, которые ищут людей, чтобы принести им вред. Это, по-видимому, не совсем настоящие духи; в битве с ними человек может победить их, даже убить. Это относится ко всяким привидениям, великанам, гигантам (Trollen) и призракам. Борьба великанов с азами достаточно известна из эдд; в сагах они почти не играют никакой роли; только о некоторых замечательных фигурах, напр. штеркоддерах, в сагах рассказывается, что они принадлежали к породе великанов; однако хотя они и были больше и сильнее обыкновенных людей, но все-таки были смертны; они могли пасть от меча. То же самое

* Изначально тени, следующие за человеком.

относится к троллям, которые часто фигурируют в сагах, но лишь в наиболее фантастических, напр. в саге Эрвар-Одда. Эти тролли, или великаны, как они иногда называются, живут в своей собственной стране, лежащей к северу, и не смешиваются с людьми; лишь в исключительных случаях, как, напр., в саге о Гретте, они называются обитателями пещер в пустынных местностях Исландии. Но они, собственно, не духи; так, напр., вполне ясно говорится, как Гретте в своей битве с троллем распорол последнему живот; внутренности его выпали и были унесены вниз

Рис. 15. Кол зависти (Neidstange). (Из «Gudrunlied»).

горным потоком, так что тот, кто ожидал Гретте внизу, думал, что он убит. Достойно также внимания, что все эти тролли и великаны постоянно изображаются в то же время и чародеями *. Но волшебство есть такая сила, которая больше, чем та, какой они обладают. Поэтому троллей нелегко было победить без волшебства; Эрвар-Одд мог ослепить волшебницу Гнейп только при помощи стрел Гузы, т. е. стрел, заколдованных финским конунгом Гузой, которые сами собой возвращались на тетиву. Выходцы с того света ** и призраки играют в сагах весьма важную роль; самые различные мотивы заставляют человека делаться привидением. Если разделить привидения по поводам их появления, то по меньшей мере можно насчитать 5 таких классов, а весьма вероятно и больше. Некоторые показываются только потому, что их наследники мучат их каким-либо способом, но как только это прекращается, так привидения тотчас же исчезают. Так, напр., в саге Лаксдалерна говорится:

«Раз ночью девушка Гердис видела во сне, что к ней пришла женщина в полотняном плаще и сурового вида и обратилась к ней со словами: «Скажи своей бабушке, я не могу выносить, что она каждую ночь так нападает на меня и проливает надо мной столько горячих слез, что я от этого начинаю совершенно сгорать. Я говорю это тебе, потому что тебя я могу лучше переносить, хотя и в тебе есть нечто чудесное; но от тебя я все-таки могла бы добиться чего-нибудь, если бы мне не мешала Гудруна». После этого Гердис проснулась и рассказала Гудруне свой сон: Гудруна увидела в нем добрый знак. На следующее утро она велела вынуть в церкви из пола несколько досок в том месте, где она молилась, стоя на коленях, и затем копать под ними землю; там нашли несколько отвратительного вида синих костей, крюк и волшебный жезл, из чего можно было заключить, что здесь была похоронена вала, или языческая волшебница; кости были отнесены дальше в такое место, куда всего меньше мог зайти человек». Таким способом вала, по-видимому, нашла себе покой.

* В северных языках понятие трольд (первоначально-великан) перешло прямо в понятие «волшебник» и стало вполне с ним тождественным. Трольд значит теперь волшебник.

** Сравни стр. 18.

В других случаях привидения показываются как предзнаменования, чтобы объявить живущему какое-нибудь печальное событие: его кончину или нечто подобное.

Когда Торкель, муж Гудруны, утонул со своими воинами, Гудруна, ничего о том не знавшая, зечером пошла по обыкновению в церковь. Там показалось ей, что Торкель и другие воины стоят перед церковью; она могла видеть, как вода стекала с их платья. Она не говорила с ними, но вошла в церковь и оставалась там, сколько ей хотелось, потом вернулась домой, думая, что Торкель пришел туда со своими воинами; но когда она вошла, то там никого не было. Тогда она стала размышлять обо всем этом явлении. Только на следующий день Гудруна узнала, что они утонули. О подобном случае, где покойники являются к оставшимся после них, рассказывается также и в саге Торфина Карлземна.

Показываются еще и такие покойники, кто не успел при жизни исполнить свой особый долг, напр., выполнить последнюю волю умершего. Они не знают покоя, пока не заставят живущих, посылая на них разные несчастья, выполнить то, чего не успели сделать сами.

Замечательный рассказ в этом роде мы находим в эйрбиггернской саге. Она интересна еще и по описанию в ней того, как прогоняют пришельцев с того света; поэтому мы рассмотрим ее несколько подробнее.

Торгунна, богатая женщина с южных островов, долго жила на Фродае у Торода Бонда. Она захворала и умерла, поделив все свое имущество. Между прочим, она велела сжечь свою постель вместе со всеми принадлежностями. Однако этого не сделали, так как ее постель была очень дорога. Тогда начали происходить страшные явления: люди из этого дома один за другим сходили с ума и умирали; кроме того, появилась болезнь, от которой тоже многие умерли; но с каждым умершим нечистая сила становилась все злее, ибо все умершие делались привидениями. Из 30 лиц, живших в доме, умерло 18, и наконец дело дошло до того, что оставшиеся в живых должны были покинуть те комнаты, где призраки умерших каждый день являлись у огня. Сын Торода Кьяртан отправился к своему дяде году * Спорре за советом о том, что делать с такими чудесами. Год посоветовал сжечь постель Торгунны, а на призраков пожаловаться дверному суду (т. е. такому суду, который заседал в дверях). Кроме того, он послал вместе с ним одного священника, который должен был совершить там богослужение. Кьяртан и священник взяли с собой много людей и вечером прибыли в Фродаю к тому времени, когда зажигался огонь. Далее в саге говорится: «Хозяйка Турида захворала той же болезнью, от которой померли другие. Кьяртан тотчас же вошел и увидел, что Город, как и раньше, сидит уже у огня вместе с другими призраками. Он взял постель Торгунны, подошел к огню, взял уголь, вышел с ним и сжег всю постель Торгунны. После этого Кьяртан вызвал на суд Торера Видлега (одного из являвшихся мертвецов), а Торд Каузе вызвал Торода Бонда за то, что они являлись в дом без разрешения и приносили вред здоровью и жизни людей. Все, кто сидел у огня, были привлечены к суду. Затем был назначен дверной суд, и дело разбиралось совершенно так, как на тинге; были опрошены свидетели и произнесен приговор. Когда приговор суда был произнесен над Торером Видлегом, он поднялся и сказал: «Я сидел, пока я мог сидеть здесь»; затем он вышел через другую дверь, где не заседал суд. Затем был произнесен приговор над пастухом, и как только он выслушал его, тот встал и сказал: «Я должен удалиться, хотя это должно было бы случиться раньше». Когда Торгунна услыхала свой приговор, она встала и сказала: «Я оставалась здесь, пока могла». Так поступали с каждым по очереди, и когда они выслушивали свой приговор, то вставали, говорили что-нибудь и удалялись, заявляя, что делают это с неудовольствием. Наконец очередь дошла до Торода Бонда; он поднялся и сказал: «Теперь здесь уж нет больше покоя, пустите же нас, мы все улетим!» — и с этими словами он вышел вон. После этого Кьяртан вошел туда со всеми людьми; священник обнес святую воду и святыню (реликвию) по всему дому и потом совершил мессу со всею торжественностью. С тех пор исчезли на Фродае всякие привидения».

Этот рассказ особенно интересен тем, что выходцы с того света подчиняются законам живых людей; они уступают, если того требует закон, но уступают неохотно, так как им было хорошо у огня; таким образом, они во всех отношениях родственны людям; не подлежит никакому сомнению, что изгнание призраков посредством дверного суда есть обычай чисто языческий. В саге даже прямо говорится, что «язычество лишь немного сократилось, хотя люди крестились и по имени сделались христианами». Решительный совет дает языческий жрец Снорре, а священник, очевидно, не играет никакой роли до тех пор, пока не прогнали призраков. На этом основании, весьма вероятно, что здесь мы имеем начало тех особенных процессов, которые потом практиковались у христиан против полевых мышей, майских жуков и т. п. нечисти.

Призраки, о которых мы до сих пор говорили, могут считаться добрыми, так как они являлись не за тем, чтобы приносить людям несчастье, но, кроме

* Год — жрец.

того, в числе привидений были также и злые существа. Они частию блуждали свободно, частию были прикреплены к месту. Первые суть души злых людей, которые не могут найти себе покоя в могиле, но постоянно возвращаются из нее, чтобы причинять новые неприятности людям. Вторые — души скупых, которые взяли с собой в могилу свое богатство и стерегут, чтобы никто не похитил его. Оба рода призраков имеют с первыми то сходство, что они удивительно живучи: их можно убить еще один раз, но после этого необходимо принимать особые меры, если хотят сделать их навсегда безвредными. Рассказы об этом часто встречаются в сагах. Так как победоносные битвы с призраками требовали мужества, силы и крепости, то подобные битвы служили украшением жизни величайших и сильнейших героев. Особенно сага Гретта Сильного богата такими подвигами, так как он считался одним из храбрейших людей, когда-либо живших в Исландии; чтобы лучше обрисовать это суеверие, мы возьмем один пример из этой саги.

Во дворе Торгальсштада завелась нечистая сила, действие которой распространялось преимущественно на скот. Крестьянин искал такого пастуха, который мог бы прогнать ее; наконец он нашел такого человека, Глаама, который брался покончить с призраком. Глаам рисуется коренастым, дюжим парнем, чрезвычайно видным из себя, с большими голубыми глазами и серыми, как у волка, волосами. Крестьянин обрадовался, найдя его, но другим он не понравился. Он никогда не ходил в церковь, никогда не пел и не верил в Бога; он был нелюдим и строптив, и все возненавидели его. В ночь под Рождество он оставался на дворе, а на утро нашли его труп, причем ясно было видно, что между Глаамом и призраком происходила жаркая битва; но Глаам, должно быть, остался победителем, ибо прежний призрак никогда уж более не возвращался. Но дело приняло теперь еще худший оборот, так как Глаам сам сделался привидением и стал вредить не только скоту, но и людям. «Кто видел его, делался слабоумным, а другие же совершенно теряли рассудок». Он начал даже разрушать дворы, ломать дома и приносил вообще много вреда. Как только узнал о том Гретте, то отправился в Торгальсштад, чтобы вступить в битву с привидением. Глаам явился ночью как раз в ту комнату, где спал Гретте, и начал грызть его; между ними завязалась ужасная борьба. «Балки вылетели, и все рушилось, что только попадалось им на пути». Наконец развалился весь дом, и они продолжали бой на улице; Гретте упал на Глаама. Когда Глаам упал, то облака закрыли луну, а он в упор взглянул на Гретте: Гретте сам говорил потом, что это был единственный взгляд, который вселил в него страх; он сразу почувствовал упадок сил, сколько от утомления, столько и от того, что видел, как страшно вращал Глаам своими глазами. Гретте не мог даже извлечь меча и находился как бы между небом и преисподней. Но злоба Глаама была гораздо больше, чем у других призраков, и он заговорил: «Тебе, Гретте, стоило больших трудов встретиться со мной, не удивляйся же, если от меня достанется тебе небольшая польза... До сих пор ты стяжал себе славу своими подвигами, но отныне ты найдешь в них только беспокойство и смертельное поражение; самое большее, что ты совершишь, принесет тебе несчастье. Ты не найдешь себе покоя и будешь жить в одиночестве; я кладу на тебя проклятие, и пусть эти мои глаза всегда стоят перед тобой; пусть будет тебе невыносимо оставаться наедине, и это будет твоей смертью». Как только призрак проговорил это, к Гретте снова вернулись его силы, он выхватил меч, отсек ему голову и приложил ее к его задней части. Затем сжег весь труп Глаама, собрал золу в кожаный мешок и зарыл ее вдали от лугов и дорог.

Чтобы действительно убить привидение, необходимо, как рассказывается здесь, отсечь ему голову, приложить к задней части тела и затем сжечь весь труп. Точно так же поступали и с дравгарами *, с которыми смельчаки вступали в бой, чтобы захватить сокровища из могильных склепов. Так, напр., в саге Ромунда Грейпсена описывается бой с дравгаром Трайном, бой очень сходный с боем Гретта и Глаама и окончившийся тем, что Ромунд отсек призраку голову и сжег его труп.

Мы рассмотрели теперь, по крайней мере, важнейшие группы сверхъестественных существ, в которых верили языческие норманны. За исключением фильгьяров, бывших, по-видимому, настоящими духами, все остальные существа отличаются от людей только своей крепостью и большим волшебным искусством. Их можно было победить оружием; они повинуются законам; их власть простирается, следовательно, немного дальше, чем власть обыкновенных людей. Если сравнить описание троллей, великанов и привидений в сагах с описанием демонов у халдеев, то ясно выступает разница между теми и другими, даже если и приписать живости восточной фантазии большую часть страшного характера халдейских демонов.

* Обитатель обычных у норманнов могильных холмов или курганов.

Образы северных привидений никак нельзя признать за демонов; они являются человеку только в исключительных случаях, и их можно быстро прогнать тем или другим способом. Магические действия, употребляемые для их изгнания, как мы уже видели, очень немногочисленны. Ниже мы, между прочим, увидим, что норманны знали множество магических операций и применяли их на практике при самых разнообразных случаях в жизни; но это волшебство не состоит ни в какой связи с призраками. Так как они не были демонами, т. е. первопричиной всего злого, то магия норманнов и не имела своей задачей заклинания демонов. Теперь же мы исследуем, какую цель преследовала северная магия и в каком виде норманны представляли себе действие этой магии.

РУНЫ И ВОЛШЕБНЫЕ ЗАКЛИНАНИЯ

Норманны знали четыре различных метода волшебства: руны, т. е. вырезанные волшебные знаки; волшебные заговоры, т. е. песни или волшебные формулы, которые словесно произносились; волшебные напитки и тому подобные магические составы и, наконец, самый сильный и страшный, но менее всего одобряемый способ «зейд» — магическое действие, состоящее из волшебных песен, вероятно, в соединении с другими неизвестными нам операциями. Самыми распространенными и наиболее употребительными методами были два первых; мы прежде всего и рассмотрим, как пользовались ими волшебники.

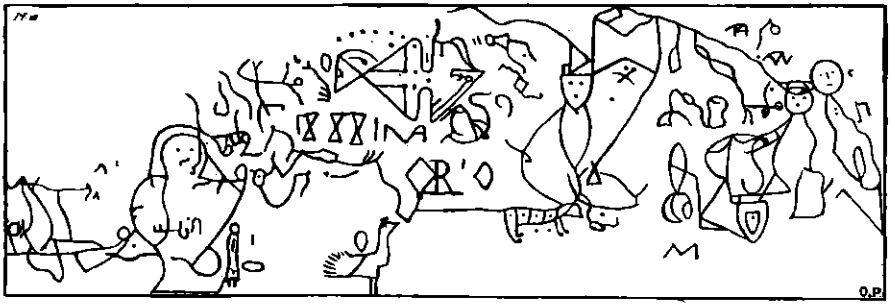


Рис. 16. Руны, высеченные на камне.

Руны и волшебные заклинания (на севере называемые гальдарами) изобретены Одином. В Гавамале (из древнейшей эдды) говорится:

Руны найдешь ты, жезлы расписные,
Полные силы, силы целебной;
Что были раскрашены князем певцов,
Их сделали мощные боги.

Для чего следовало пользоваться этими рунами, объясняется в другом месте эдды, в Сигрдрифумале, где Сигрдрифа учит Сигурда Фафнерсбана применять их на практике.

Узнай руны победы, коль хочешь побед:
Вырежь их ты на ручке меча,
На его лезвии, на блестящем конце;
Сделав так, скажи два раза: Тыр.
Узнай руны питья, да твою слепоту
Не обманет чужая жена;

Их нарежь на рогу и на тыле руки
И старательно ноготь отметь.
Чашу ты осени.— Чтобы вред отвратить,
Ты в хмельное питье брось чеснок,
И тогда не страшись, если вредное что
Ворог твой подмешает в твой мед.
Руны уз ты узнай: если хочешь жену
От плода ее ты свободить,
То на сгибах руки ты целебный ей знак
Начерти,— и тому, кто при ней.

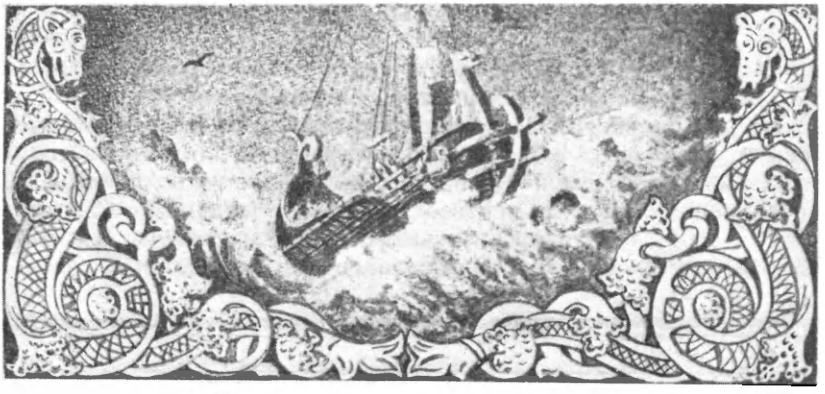


Рис. 17. «Пусть грохочет прибой, пусть чернеет волна».
(Из «Gudrunlied»).

Руны волн ты узнай, если хочешь сберечь
Ты коней-паруса на морях.
На руль и на веслах их выжги огнем
Или вырежь те руны; тогда,—
Пусть грохочет прибой, пусть чернеют валы,—
Ты воротишься с моря здоров.
Руны древ ты узнай, коль врачом хочешь быть
И познать исцеление ран;
На березе ты их начерти на лесной,
Что к востоку склоняет листву.
Руны слова узнай, чтоб за скорую речь
Не пролил бы твой враг твою кровь.
Чтобы слово твое было твердо всегда
Словно прочно сплетенная ткань,
Когда родичи все соберутся на тинг,
Чтоб вершить на нем праведный суд.
Руны мысли узнай — и тогда все мечи
Одолеешь ты шуткой одной.

Таким образом, в жизни почти не было таких обстоятельств, когда бы нельзя было помочь самому себе или другим, прибегнув к такого рода волшебству. То же самое относится и к волшебным формулам, происходящим также от Одина. Из подробного описания их в Гавамале я избираю наиболее интересные и понятные стихи:

Знаю много я слов: их не знает никто
Из людей, ни жена короля.
Слово первое: помощь,— и может помочь
Против горя, болезни, нужды;
И второе я знаю,— оно для людей,
Обладающих званьем врача.

Знаю третье на случай, коль надо отнять
Чародействами силу врагов:
Я их сталь затуплю и не будет их меч
Ничего ни рубить, ни колоть.
И четвертое знаю, когда по рукам
И ногам меня свяжет мой враг,
Я то слово скажу,— и спадут кандалы,
И наручники тоже спадут.
И седьмое я знаю, когда я гляжу,
Как над пиршеством крыша горит;
Пусть широко горит,— я пожар удержу,
Ибо знаю такой заговор.
Я девятое знаю, когда в том нужда,
Чтоб корабль свой на море спасти;
Заклинаю я ветры тогда и валы,
И баюкаю песнью волну.
И десятое знаю, когда над землей
Вереницею ведьмы летят;
Я могу сделать так, что они повернут
В дом, который от них не закрыт.
И шестнадцатое слово знаю,— к тому,
Чтобы скромной девицы любовь
Получить; белорукой глаза отведу
И все чувства ее изменю.

Из всего этого мы видим, что именно достигается путем этих волшебных знаков и изречений; теперь мы рассмотрим, что известно из саг относительно их практического применения. К сожалению, мы не можем узнать многого. В сагах довольно часто идет речь о волшебстве, но очень редко о том, как оно совершалось, какие употреблялись при этом способы, и еще реже встречаются точные указания на отдельные подробности. Тем не менее в нашем распоряжении имеется достаточно указаний, чтобы составить себе на это довольно вероятный взгляд.

Одни только руны применялись редко.

В саге Торстейна Викингсена рассказывается, как королевская дочь Олеф была вынуждена изменить свое решение благодаря тому, что в решительную минуту ей на колени бросили кусок дерева с написанными на нем рунами. Но о самой надписи ничего не говорится. Не больше мы узнаем и из саги Эгиля Скалленгримсена, где говорится во многих местах о применении рун. Во время своих странствований Эгиль зашел к одному крестьянину, у которого была больна дочь. Против болезни были применены руны; сын одного из соседей вырезал их, но после этого больной сделалось еще хуже. Эгиль осмотрел ее постель и нашел рыбью кость с рунами, которые он прочел. Он соскоблил их, сжег стружки и вырезал новые руны, которые и положил больной под подушку. Тогда она очнулась, как бы ото сна, и сказала, что теперь ей лучше, хотя она и чувствует еще упадок сил. Эгиль сказал, что раньше были вырезаны ложные руны, которые и послужили причиной ее болезни. Таким образом, было крайне рискованно заниматься этим делом человеку, не умеющему применять это искусство на пользу других.

Между прочим, весьма вероятно, что волшебные руны были те же обыкновенные, но применялись в крайне запутанных и искаженных формах. В саге о Вользунгах говорится об одном волшебном напитке.

Внутри рога наложены были различные палки
С красной резьбой; их значения понять я не мог,
Там же был ядовитый, длинный червь из Гаддингса,
Неразрезанные колосья и стебли
И потроха разных животных.

Часто руны употреблялись в связи с волшебными заговорами. В саге Эгиля Скалленгримсена имеется указание, дающее по этому поводу очень хорошее объяснение. Во время пира у Баарда, где присутствовал король Эрих и королева Гунгильда, королева и Баард намешали в напиток разного зелья и приказали подать рог Эгилю. «Тогда Эгиль схватил свой нож, уколол им себе руку, взял рог, вырезал на нем руны и выкрасил их своей кровью; при этом он пел:

Руны нарезал на роге я;
окрашены кровью те руны.

Слово такое я выбрал
для рога свирепого зверя:
Из налитого питья
Я пью, сколько сам пожелаю,
Лишь для того, чтоб узнать,
Здорово ли пиво мне будет.

Рог разбился, и напиток вылился на солому.

Этот рассказ замечателен тем, что дает более подробное описание. Эгиль вырезает руны и затем говорит, что в то же время надо произнести над рогом

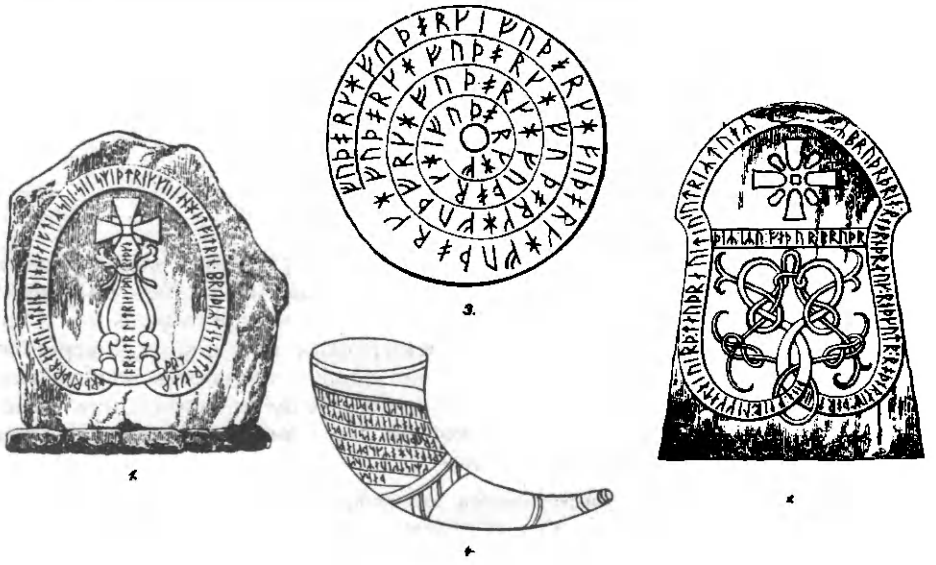


Рис. 18. Различные виды рун.

некоторые «слова». Следовательно, одни руны не могут произвести желаемого действия. Однако, по-видимому, волшебные слова не произносятся: как только он кончает свою речь, так тотчас совершается то, чего он ожидал: напиток оказывается подмешанным, что и доказывается тем, что рог разбивается. Почему же этого не случилось прежде, когда были вырезаны руны, если волшебная формула, которая еще только ожидалась, оказалась излишней? Весь рассказ кажется довольно бессмысленным, если не признавать самих слов Эгиля за волшебную формулу. И мне кажется, что для этого нет никаких препятствий; последние строки стихотворения являются фактически косвенным обращением к напитку с требованием выказать свой истинный состав. В таком практическом воздействии на мертвую природу, принимая ее за живое существо, и состоят постоянно заклинания. Можно возразить, что в этих словах не содержится никакой волшебной силы; но на это можно заметить, что волшебная сила этого заклинания, во всяком случае, так же велика, как и в чисто повествовательных изображениях демонов и болезней у халдеев; а между тем эти описания употреблялись на деле в качестве волшебных заклинаний.

В одном отрывке из саги о Кетиль Генге почти совершенно ясно говорится, что волшебные заклинания норманнов, действительно, состояли из таких обращений к безжизненным предметам в поэтической форме. Кетиль был вызван на

поединок Фрамаром, королем викингов, получившим от самого Одина такой дар, что никакая сталь не могла его уязвить. Меч, служивший Кетилю, назывался Драгвендиль. В саге говорится следующее:

«Первый удар был за вызванным. Кетиль ударил Фрамара в плечо, но он при ударе стоял спокойно; меч не ранил его, однако, он покачнулся от мощного удара. Кетиль ударил Фрамара по другому плечу, но меч опять не ранил его. Тогда Кетиль запел:

Ах ты, ленивый Драгвендиль! Нашел ты на теле
Злой заговор, и не можешь его укусить.
Думал ли я, чтоб твое острие понапрасну рубило
По ядовитым плечам, словно Один тебя затупил.

И далее он пел:

Что ж ты Драгвендиль! Каким ты сделался сонным!
Я все рублю, а ты все лениво кусаешь.
Иль ты не хочешь уж драться! Раньше ты не боялся
Звона мечей, когда мы с великанами бились.

Запел и Фрамар:

У старика затряслась борода; меч ему изменяет.
Сталь он на битву зовет, а — девичий отец — сам он трусит
Если б и меч был остер, чтобы ранить могучих героев,
Храбрость нужна, а ее-то ему не хватает.

А Кетиль пел:

Нет, не дразни ты меня! Не ленивому трусу
Было меня вызывать на смертельную битву.
Ну же, Драгвендиль, руби, или вовсе разбейся!
Нам неудача, но не до трех же раз будет несчастье.

И продолжал петь:

Девин отец не отчаялся,— лишь излечился б Драгвендиль,
Да я наверное знаю: три раза он не изменит.

Тогда он перевернул в руке меч другим лезвием книзу. Фрамар спокойно стоял, когда меч ударил его по плечу и остановился только на бедре, отсекши одну сторону тела. Так умер Фрамар».

Едва ли нужны еще более ясные указания, что Кетиль своей песней побуждает свой меч рубить, и Фрамар прямо говорит о Кетиле, что он возбуждает свою сталь к битве. Так как его обращение к мечу на самом деле принесло тот желаемый результат, что он ранил заколдованного Фрамара, то песню Кетиля надо признать за настоящее волшебное заклинание, иначе весь рассказ был бы совершенно непонятен. После этого кажется несомненным, что волшебные заклинания, гальдары вообще не состояли из строго определенных формул, что это были скорее поэтические воззвания к безжизненным предметам, обусловленные данным положением вещей. Даже и в тех случаях, когда мы имеем дело с волшебными заклинаниями, носившими характер установленных формул, и тогда эти заклинания обращаются к самим вещам. Во всяком случае в них нет и намека на то, чтоб они были заклинаниями духов. В саге Ниаля имеется такое заклинание.

Сван на Бьерисфиорде хочет защищать одного человека от его врагов, которые ищут его. С этой целью он выходит вместе с ним, становится перед домом, накрывает голову козьей шкурой и говорит: «Да будет туман, страх и великие чудеса для всех тех, кто ищет тебя!» Вслед за этим сделался такой густой туман и такая тьма, что враги заблудились и должны были отказаться от исполнения своих замыслов.

Особый интерес представляют два древнегерманских, так называемых мерзебургских, волшебных заговора, относящихся к IX веку, так как они совершенно не носят на себе отпечатка воззваний или заклинаний, хотя и называют по имени многих богов. Первое употреблялось для освобождения пленника от оков:

Сели сначала кругом девы битвы,
Одни вяжут оковы, другие отводят врага,
Иные ломают на коленях у ..... оковы;
Сбрось оковы, уходи от врага!

Второе, очевидно, относилось к исцелению лошади, сломавшей себе ногу.

Фол и Водан пошли в лес;
Там у бальдерова коня была сломана нога,
Заговорила ее Зингунда, сестра ее Зунна,
Заговорила ее Фруа, сестра ее Фолла,
Заговорил ее Водан, так как он это умеет.
На сломанную кость, на кровь, на члены,—
С костью кость, с кровью кровь,
С членом член, склейтесь, как прежде.

Прямое приказание, которым оканчиваются обе эти формулы, не оставляет уже никаких сомнений в том, что руны и волшебные формулы адресовались не к духам, а к природе самих вещей.

Дальнейшее доказательство этого можно видеть в том, что на севере не было разделения черной и белой магии. Волшебство было хорошо, если оно было направлено на пользу, и дурно, если оно имело в виду принести вред; но не существует указания на то, чтобы какая-нибудь форма волшебства сама по себе считалась хорошей или дурной. Но такое разделение должно было появиться, коль скоро предполагалось бы, что один вид волшебства приводится в действие с помощью добрых духов или богов, другой же — с помощью демонов. Всякое волшебство одинаково законно, и употребление его не лишает человека уважения, если только он им не пользуется с мошеннической целью. Да и в этом случае не средство, а только результат считается позорным. А так как, следовательно, вообще не существует магии, которая бы сама по себе была хороша и дурна, то едва ли можно допустить, чтобы магическая сила основывалась на заклинании духов. Отсюда объясняется та особенность, что норманны не боялись волшебства. Хотя Кетиль знал, что Фрамар был неуязвим, однако он спокойно шел на него. Это бы можно было объяснить тем, что и сам Кетиль не был несведущ в деле волшебства; но подобные вещи часто рассказываются, и в таких случаях, когда речь идет о людях совершенно незнакомых с волшебством. В саге Ватнсдела, Ингемунд и его сыновья преодолевают множество чародеев своей мудростью, а в саге Ромунда Грейпсена рассказывается, как волшебство может быть побеждено мужеством. Все это было бы немыслимо, если бы волшебники были в союзе с духами более сильными, чем человек, так как эти духи могли бы их защитить. Напротив, все это становится совершенно понятным, если магия состоит только во взаимодействии слова на вещь, так как в таком случае всякое новое положение вещей требует и нового волшебства. Если человек, сведущий в волшебстве, ожидает нападения с мечом, то он делает его тупым; но если противник отбивается другим мечом или дубиной, то волшебник погибает, если у него нет времени, чтобы принять меры и против нового оружия. А это, судя по рассказам саг, удается ему редко. Таким образом, изложенный здесь взгляд на сущность волшебства, по-видимому, вполне согласуется с действительностью.

МАГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ И ЗЕЙД

Кроме рун и волшебных заговоров у норманнов были еще и другие магические операции и зейд (заклятие). О волшебных кушаньях и напитках говорится в саге о Вользунгах. Гутторм настроен был на убийство Сигурда кушаньем, состоящим из смеси не особенно привлекательной.

Они зажарили рыбу древесную *, взяли падаль червя,
Гутторму несколько золота дали
Положили в пиво волчьего мяса
И много других заколдованных вещей.

* Змею.

Также Гудруна забывает свои заботы и печали после убийства Сигурда, выпив напиток, приготовленный по следующему рецепту:

Много вредных вещей было всыпано в пиво;
Листья деревьев, жженные жолуди бука,
И потроха разварные, и сажа печная, а также
Печень свиная, что ненависть так утоляет.

Одна удивительная магическая операция передана в рассказе о Кормаке. Этого великого скальда и его возлюбленную Стенгерду разъединял зейд, так что они не могли вступить в брак. Стенгерда вышла замуж за Торвальда Тинтена; это послужило причиной большого неудовольствия между Кормаком и Торвальдом, а также братом последнего Торвардом. Оно кончилось тем, что Кормак и Торвард вызвали друг друга на поединок. И вот Кормаку рассказали, что едва ли поединок будет вполне честный, так как Торвард будет действовать волшебными средствами, а следовательно, чтобы не быть побежденным, и Кормаку придется сделать то же. Поэтому он отправился к ворожее Тордисе, которая обещала помочь ему и оставила его ночевать. Далее в саге рассказывается: «Когда он проснулся, то заметил, что что-то ощупью двигается около его изголовья. Он спросил: кто это? Тогда посетитель направился к двери; Кормак последовал за ним и увидел, что это была Тордиса; она пришла к тому месту, где они должны были сойтись на поединок; под плащом она держала гуся. Кормак спросил, что это значит. Она бросила гуся и сказала: «Отчего ты не можешь быть спокойным?». Тогда Кормак опять лег, но внимательно наблюдал за ней; она приходила три раза, и он каждый раз наблюдал за ее действиями. Когда Кормак вышел в третий раз, она заколола двух гусей, собрала кровь в чашку; затем она схватила и третьего гуся и хотела заколоть его. Тут Кормак спросил: «Что это ты делаешь, матушка?». «Кажется,— ответила она,— что невозможно помочь тебе; я могла бы теперь уничтожить то волшебство, которое лежит на тебе и на Стенгерде, и вы могли бы бороться с ним, если б я заколола этого третьего гуся так, чтобы никто об этом не знал». Но Кормак сказал, что не верит этому искусству». Однако сомнительно, чтобы эти слова Кормака заслуживали доверия, если припомнить, зачем он пришел к ворожее. Тем не менее весь рассказ интересен тем, что показывает нам вполне мистическую магическую операцию, в которой было бы трудно найти какой-либо смысл.

Рис. 19. Гудруна, выпивающая волшебный напиток. (Из «Gudrunlied»).

Четвертый род волшебства, зейд, был сильнейшим из всех. В чем он состоял — неизвестно; для его исполнения требовалось пение, зейдовый жезл, который держала в руке женщина, делавшая зейд, и зейдовые подмостки, на которых она стояла. Зейдом преимущественно занимались женщины, так как при нем обнаруживалась, как полагали, «гнусная сла-

бость», почему мужчины считали это дело для себя неприличным. Из этого можно заключить, что зейд был связан с разными операциями и церемониями. Это видно уже из того, что приготовления к нему начинались обыкновенно с вечера, между тем как зейдовые подмостки возводились только на другой день. Посредством зейда достигались сильнейшие действия, вызывалась буря и творились всякие другие бедствия; сага Лакселя рассказывает, как Грутс, сын Каары, был умерщвлен пением, которое было направлено именно на него. В связи с зейдом стояло так называемое «гамлобери» (блуждание двойника), т. е. зейдовая женщина могла, оставаясь телесно на подмостках, уходить в другом виде, часто в виде животного, в отдаленные места и узнавать о том, что там делается. Если во время такого блуждания двойник был ранен или убит, то это тотчас же обнаруживалось на оставшемся теле. В саге о Фридтиофе Фрекнесе говорится, как две такие женщины-оборотни мгновенно упали мертвыми с подмостков, когда Фридтиоф убил их двойников. Поэтому представления о ведьмах и полетах ведьм были известны также и на севере еще в эпоху язычества. Если же они творили слишком много зла, то к ним применяли те же самые меры, которые предписываются законом Моисея: их побивали каменьями.

ИСКУССТВО ГАДАНИЯ

Искусство гадания было у норманнов столь же богато разными способами, как и волшебство. Относительно некоторых из этих способов легко доказать, что они находились в связи с богослужением и, следовательно, это была некоторого рода религиозная мантика; другие же были более или менее независимы от религии. Поэтому в сагах часто говорится о «Блотфрете»; о Торольфе Мострарскеге говорится в саге Эйрбиггерна, что он принес большую жертву (Блот) и, чтобы узнать будущее (Фрет), отправился к своему другу Тору, у которого он был верховным жрецом. Смысл здесь, очевидно, тот, что Торольф приносил жертву Тору и в этом случае узнавал свою судьбу, вероятно, по внутренностям жертвенных животных. Известно, что выходцы, желавшие поселиться в чужих странах, бросали за борт своих вырезанных из дерева богов и поселялись там, где последние приставали к берегу. Этот способ, очевидно, был испытанием воли богов, следовательно, носил религиозный характер.

В других случаях более сомнительно, насколько далеко понималось содействие богов. В рассказе о Кормаке говорится, как можно узнать при выборе места для нового жилья, будет ли оно счастливо. Если обмер после нескольких раз оказывался сходным, то это значило, что хозяину будет хорошо жить; если же выходило короче, то нечего было ждать добра; его судьба определялась, таким образом, судя по обмеру. Для норманнов геометрические знания которых были, конечно, не велики, было нелегким делом вымерить прямоугольную площадь так верно, чтоб обе диагонали четырехугольника были приблизительно равны. Надо было несколько раз измерять стороны и диагонали; при этом если обмер сразу оказывался верен, то в этом видели признак того, что хозяин вообще счастлив, коль скоро ему посчастливилось в столь трудном деле; отсюда заключали и об его будущем счастье.

Некоторые люди имели природное дарование предсказывать грядущие события; они назывались *ясновидцами*. В рассказе о Кормаке упоминается об одной ясновидящей, которая наперед ощупывала тех, кто шел на битву; если ей «не попадалось на пути больших узлов», то все должно было обойтись благополучно. Весьма важную роль играло *толкование снов*. Едва ли есть хоть одна сага, где бы не говорилось много раз о снах и их значениях. Всякий мужчина и всякая женщина могли объяснить сны, но о некоторых говорится, что они понимали это дело особенно хорошо; так, например, в саге о Лакселерне Гест Одлейфсен описывается как «великий и мудрый предводитель, ясновидящий по многим ча-

стям». Отсюда мы узнаем, что толкование снов делалось не на основании определенных правил, следовательно, не имело никакого научного характера, но было делом мимолетного вдохновения. Это ясно видно также и из того, что видевший сон редко бывает доволен его объяснением, но заявляет, что, конечно, может быть найдено еще лучшее объяснение. Такие заявления были бы невозможны, если бы при толковании снов держались каких-либо точных правил. Достаточно привести один пример.

В начале этого отдела (стр. 79) рассказан сон Торстейна Эгильсена об орлах и лебеде. Теперь выслушаем объяснение этого сна Баардом: «Эти птицы вероятно суть духи-хранители великих мужей; твоя жена забеременеет и родит прелестную девочку, которую оба вы будете очень любить. За эту дочь будут свататься хорошие женихи из тех мест, откуда прилетели орлы; они воспылают к ней сильной страстью, будут биться из-за нее и оба лишатся жизни. После этого явится третий искатель ее руки; он прибудет оттуда, откуда прилетел сокол, и женится на ней. Вот я объяснил тебе сон так, как выходит на мой взгляд». Торстейн возразил; это дурное и недружеское объяснение моего сна, и я тебе прямо скажу, что ты совсем не умеешь толковать сны».

Таким образом можно объяснить сон более или менее дружески и, если кто его толкует не так, как хотелось бы видевшему, тот, значит, не понимает этого искусства.

Наконец, у норманнов были также женщины, посвятившие себя предсказанию будущего, они назывались *«волюрами»* (Vole). В Исландии они встречались, кажется, очень редко, но в Норвегии были многочисленны, равно как и в Гренландии, куда они, вероятно, явились непосредственно из Норвегии. В саге Торфинна Карлсемна, которая именно относится к Гренландии, имеется подробное описание действий такой Volur(ы).

Эта волюра называлась Торбиорг; зимой она шаталась с пирушки на пирушку; ее приглашали к себе все те, кто хотел узнать свою судьбу или что случится в этом году. В этом не было ничего особенного, так как все волюры старались попадать на пиры. Торбиорг была приглашена на пир к Торкелю, одному очень уважаемому крестьянину той страны, и она явилась. «На ней был голубой плащ, завязывающийся спереди лентами, усыпанный донизу каменьями; на шее были надеты стеклянные бусы, на голове черная барашковая шапочка, подбитая белым кошачьим мехом; в руке она держала посох с медным набалдашником и усаженный камнями; она была подпоясана поясом, на котором висела сумка с трутом и другими снарядами для добывания огня; рядом висел кожаный мешок, в котором она хранила волшебные снадобья для производства своего искусства; на ногах были надеты меховые башмаки из телячьей кожи с длинными ремнями, на концах которых насажены были оловянные пуговицы; на руках у нее были теплые перчатки из кошачьего меха. Как только она вошла, все сочли своим долгом подобострастно приветствовать ее; она принимала каждый привет, глядя по тому, как он ей нравился». Ее хорошо угостили, и тогда Торкель спросил, может ли она сказать что-либо о том, о чем все так хотели бы узнать. Она возразила, что могла бы сказать только в том случае, если она останется здесь ночевать.

В течение следующего дня были сделаны все приготовления, необходимые, по ее мнению, для выполнения ее колдовства. Она просила позвать ей нескольких женщин, знавших волшебный заговор; он назывался вардлокка. Никто не знал его; но, поискавши по деревне, зашли в Гудриде; она сказала: «Я не знаю чародейства, и я не ворожея; но моя приемная мать научила меня в Исландии одному слову, которое она называла вардлокка».— «Ты счастлива, что ты так мудра»,— сказал Торкель.— «Это дело, как я полагаю, не принесет пользы,— сказала Гудрида,— так как я христианка». Торбиорг возразила: «Быть может, ты без вреда помогла бы в этом деле людям; я обращаюсь к Торкелю, чтобы получить то, что мне необходимо». Торкель просил Гудриду; наконец она обещала сделать то, чего он желает. Женщины образовали круг около подмостков, где сидела Торбиорг, а Гудрида так дивно запела заклинание, что каждый из присутствующих думал, что едва ли когда-нибудь приходилось ему слышать такой прекрасный голос. Волшебница поблагодарила ее за это пение и сказала, что пришли многие из духов, которые отложились от нее и не хотели ей повиноваться; они думали, что было бы приятно послушать, как прекрасно поются заклинание; «теперь я ясно вижу много вещей, которые до сих пор были скрыты для меня и для многих других».

В этом описании интересны различные пункты. Вольва прибегает к чарам, чтобы иметь возможность ворожить, но эти чары требуют особого «слова» или заговора «вардлокка», которого сама Вольва, по-видимому, не знает. Но и заговор этот не заключает в себе всех необходимых для чар операций, иначе сама Вольва, не знающая его, была бы никому не нужна. Кроме того, мы узнаем, что Торбиорг носит с собою кожаную сумку с волшебными средствами, т. е. такой же «знахарский мешок», как у дикарей. Далее, она не может ничего предсказать ранее следующего дня, так что ей необходима ночь для ее операции. Наконец,

упоминается, что она получает свои сведения от духов. Трудно сказать, каковы эти духи. Так как действие происходит в христианскую эпоху, то нет ничего невозможного, если бы здесь оказались * темные следы христианской демонологии, но всего вероятнее, что эта вера в духов финского происхождения. Большинство волюр были финны; а те, которые не были финнами, все-таки были в учении у финнов. Финская же магия, как мы сейчас увидим, по большей части была заклинанием духов.

МАГИЯ ФИННОВ

Наши сведения о суевериях и чародействе финнов в языческие времена почерпнуты из большой героической поэмы «Калевала», которая хотя собрана и записана только в нашем веке, но, несмотря на то, носит на себе такой отпечаток язычества, что ее песни, без сомнения, сохранились в своей чистоте, невзирая на устную передачу их из рода в род в течение нескольких веков. Религиозные и суеверные представления, с которыми мы встречаемся здесь, во многих пунктах обнаруживают свою родственность с древнехалдейскими представлениями, но стоят на значительно высшей ступени развития: основная халдейская мысль развита здесь так широко, что сила финского чародейства становится совершенно неограниченной. Наиболее важные магические операции состоят в заклинании духов, и при этом не только злых, но и добрых; даже само высшее божество Укко, или Юмала, не стоит выше власти заклинателя, так как Укко должен немедленно исполнить желание чародея. Все представляется живым, за всем скрывается дух, к которому обращаются с заклинаниями. Если человек страдает от холода, то духов холода заклинают именем Пану, духа огня; наоборот, если обжегся кто-нибудь, то Пану заклинают именем духов холода.

Такого рода рецепт от ожогов находится в 48-й песне Калевалы — стихи 301—372. Здесь приведен следующий отрывок:

«Ты огонь, созданье божье.
Пану **, ты огонь, сын солнца!
Кто тебя сердил так сильно,
Что мои обжег ты щеки,
Что ты бедра опалил мне,
И бока обжег ужасно?
Как тушить огонь я должен,
Укрощать я должен пламя,
Как огонь лишу я силы,
Пламя сделаю безвредным,
Чтоб избавиться от муки,
Не терпеть бы мне страданья?
Приходи из Турьи, дочка!
От лапландцев ты, девица!
В лед и иней ты обута.
С белым инеем на платье,
Носишь с инеем котел ты,
С ледяной холодной ложкой.
Окропи водой холодной,
Набросай ты льду побольше
На места, где есть ожоги,
Где сжигало злое пламя.

Таким образом, в длинных стихах огонь заклинается всеми духами холода. В конце говорится:

Так кователь Ильмаринен
Исцелил свои ожоги.
От огня свои страданья,

* В сагах, время действия которых относится к более поздней эпохе христианства, дьявол является помощником в ворожбе (Flateyjarbok II, 452). Это, конечно, не имеет никакого значения для воззрений более древней эпохи.

** Пану — сын солнца, божество огня.

И кузнец стал вновь здоровым,
Получил обратно силу,
Исцелившись от ожогов.

Не только второстепенные боги, каковы холод и огонь, подчинялись заклинаниям, но даже и сам Укко немедленно исполняет все, чего только хочет чародей.

Когда «веселый Лемминкайнен» задерживается в пути огненным потоком, протекающим по раскаленным каменным плитам, он поет:

«Укко, ты мой бог высокий,
Дорогой отец небесный!
Ты от севера дай тучу,
Дай от запада другую.
Третью ты пошли с востока,
Также с северо-востока,
И ударь ты их краями,
Пустоту меж них наполни,
Пусть пойдет здесь снег саженный,
Снег с копье величиною,
На горящие каменья,
На пылающие глыбы».
Укко, этот бог высокий,
Укко, тот отец небесный,
Дал от севера он тучу,
Дал от запада другую,
Третью тучу дал с востока.
Также с северо-востока,
Их ударил друг о друга,
Пустоту меж них наполнил,
Посылает снег с дубину,
В вышину копья снег сеет,
На горящие каменья,
На пылающие глыбы:
Озерцо из снега вышло,
А на нем катятся волны.

При своих заклинаниях финны часто принимаются за дело весьма основательно. Не ограничиваясь, подобно халдеям, одним описанием демонов, они обыкновенно объясняют все их происхождение; благодаря этому такие заклинания становятся очень растянутыми. Кто из читателей желает познакомиться с ними, может сам найти их в Калевале, но мы слишком далеко зашли бы, если бы привели из них хотя небольшие выдержки.

Для финского чародея возможно нечто большее, чем простое заклинание духов; его слова имеют настоящую творческую силу, на что указывают множество отдельных мест; но и одного такого примера будет достаточно.

Когда Лемминкайнен прибыл в Пойолу, был принят там негостеприимно и попросил себе пива за плату. В песне говорится:

Тут хозяин на Похьоле
Разбесился, стал свирепым,
Обозлился, рассердился,
Колдовством прудочек сделал
На полу пред самым Кауко.
Говорит слова такие:
«Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда».
Мало думал Лемминкайнен,
Говорит слова такие:
«Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый,
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лакать из лужи воду».
Сам он начал чародейство,
Приступил к волшебным песням:
На полу быка он сделал,
С золотыми бык рогами,
Этот выхлебал всю лужу,
С удовольствием всю воду.

Наверное, можно сказать, что такое творчество превосходит все, что было доступно другим народам. В сравнении с такой творческой силой многочисленные волшебные превращения, происходящие в Калевале, кажутся сущими пустяками.

Когда Лемминкайнену понадобилось несколько овец, он следующим образом приступил к делу:

Сам в карман рукою лезет,
Ищет быстро в том мешочке,
Вынимает шерсть овечью,
Быстро трет ее в комочки,
Трет обеими руками,
Растирает между пальцев.
Только раз он в руки дует.
И овец из рук пускает,
Стадо целое ягняток.

Средние века до начала процессов о ведьмах

Как ни велико было влияние христианства на ход мысли средних веков, тем не менее оно, конечно, не могло сразу преобразовать общество и уничтожить результаты тысячелетнего развития. Только постепенно проникали в сознание народов основные идеи религии, которые вели за собой перемены в существующих социальных отношениях. Многие из древних понятий, нравов и обычаев, все, что до некоторой степени совместимо было с христианством, остались нетронутыми и получили только новое христианское обоснование. Выше мы уже видели, как католическая церковь относилась к суевериям того времени и для борьбы с демонами указывала средства, основанные на христианских воззрениях. Нравы и обычаи, допускавшие себе оправдание по основным положениям христианства, были сохранены и приспособлены к различным обстоятельствам. Так именно сохранились старые судебные обычаи, получившие, благодаря новому толкованию, известный религиозный отпечаток. Таким образом возникли так называемые суды Божьи, или ордалии.

Одним из самых распространенных, а потому и наиболее известных обычаев было испытание железом; это был, без сомнения, древнеязыческий обычай, так как о нем упоминается уже в трагедиях Софокла. В средние века он применялся почти повсеместно для самооправдания от тяжкого обвинения, как, например, в ведовстве.

Беккер так описывает этот обычай в своем знаменитом сочинении «Die bezauberte Welt»: «Священник в полном облачении кладет на находящиеся на алтаре пылающие уголья железный болт, несколько раз перед тем окропленный святой водой, затем поет песнь, которую пели три отрока в огненной печи, дает обвиняемому в рот просфору, заклинает его и молится, чтобы Бог открыл или его вину, если раскаленное железо, вложенное в его руку, сожжет его, или же его невинность, если он останется невредим. Обвиняемый должен сделать девять шагов с железным болтом в руке, затем священник завязывает опаленную руку и запечатывает узел. Три дня спустя осматривали руку, которая должна была быть здорова и без всяких повреждений. В противном случае обвиняемый считался уличенным в своей вине».

Таким образом, здесь рассчитывали на непосредственное вмешательство самого Бога в пользу невинного. Та же самая мысль положена была в основание и других ордалий. Как известно, в языческое время у воинственных народов Северной Европы поединок был обычным средством для решения спора. Право сильнейшего было неоспоримо: тот, кто убивал своего противника, признавался правым. Этой формы решения некоторых споров в эпоху рыцарства придерживалось все благородное сословие, только несколько иначе мотивируя этот обычай, именно исходя из того положения, что Бог дарует победу и слабому, если он прав.

Третьей формой суда Божия было испытание водой, которое, как кажется, применялось только при процессах над ведьмами. Древние кельты, жившие по Рейну, желая узнать,законный ли ребенок или нет, сажали его голого на щит и пускали на реку. Если ребенок оставался на поверхности, то он был законным, если тонул, то на его мать смотрели как на женщину легкого поведения.

Это испытание ко времени процессов о ведьмах было преобразовано: лицу, обвиняемому в чарах, крестообразно связывали руки и ноги, т. е. большой палец правой ноги связывали с большим пальцем левой руки и большой палец левой ноги с большим пальцем правой руки; затем голого бросали в воду. Если человек шел ко дну, его признавали невинным; это было основано на том, что вода, освященная перед этим святыми обрядами, не приняла бы виновного.

Этих примеров достаточно, чтобы показать, как древние языческие обычаи изменились в христианское время и как они находили себе повсеместное применение. Можно бы, конечно, привести еще множество примеров этого рода; выше уже упоминалось (стр. 60), как процессы против призраков, бывшие в языческой Исландии, являются прообразом бывших в христианские средние века процессов против вредных животных и т. п.; но, конечно, здесь не может быть и речи о полном изложении всех относящихся сюда фактов.

Мы ограничимся лишь тем, что несколькими примерами осветим ход этого развития.

Из приведенного достаточно ясно, что даже католическое духовенство иногда облекало в христианские формы древнеязыческие обычаи; поэтому нет ничего удивительного в том, что и более обширные слои народа тоже усердно пользовались этими приемами. Языческие формулы волшебства получили христианский отпечаток и затем применялись совершенно так же, как и раньше. Так, например, существует старинный заговор, происходящий из Норвегии, против перелома ноги у лошади. Невозможно сомневаться в том, что этот заговор есть простое видоизменение языческого, волшебного заговора, настолько велико его сходство с соответствующей, вышеупомянутой мерзебургской формулой (стр. 65).

Христос раз ехал очень скоро,
Его молодая лошадь сломала себе ногу,
Иисус сошел и исцелил ее:
Он приложил мозг к мозгу,
Кость к кости, мясо к мясу,
Затем прикрыл листом,
И все пришло в порядок.

Подобным образом в течение всех средних веков и до наших дней сохранилось в низших классах народа древнее искусство чародейства как европейского, так и азиатского происхождения; только таким образом оно и могло сохраниться, так как церковь уже давно, как мы видели выше, считала языческую магию за дьявольскую и преследовала наравне с ересью и идолопоклонством.

Но если вера в могущество чародейства сохранилась в народе и среди низшего невежественного духовенства, то высшие церковные власти с течением времени пришли к другим заключениям. В 785 году на падерборнском синоде состоялось такое постановление: «Кто ослепленный дьяволом, подобно язычнику, будет верить, что кто-либо может быть ведьмой и на основании этого сожжет ее, тот подлежит смертной казни». Следовательно, в это время считалось достойным наказания не чародейство, а вера в него. Это постановление было утверждено Карлом Великим и в течение следующих столетий служило указанием для франкской церкви при всех обвинениях в ведовстве. Еще яснее выступает взгляд церкви на ведовство в так называемом анкирском каноне Episcopi, который состоялся в 900 году. На этом каноне епископам было приказано энергично бороться в своих общинах с верою в возможность демонического чародейства и ночных сношений с демонами, а всех тех, кто продолжал этому верить, исключать из церковного общения. Это постановление оставалось в силе до конца XIII века; пока оно существовало, конечно, нелегко было поднять обвинение в ведовстве, и, во всяком

случае, это обвинение было всего опаснее для самого обвинителя. Однако многочисленные магические формулы, дошедшие до нашего времени преимущественно путем устной передачи, ясно доказывают, что, несмотря на такие постановления, невежественная масса не отказалась от веры в чародейство. Но вера в древнее языческое волшебство, признаваемое церковью за исходящее от дьявола, а равно и знание его, естественно, с течением времени должны были исчезнуть. Несмотря на это, церковь впоследствии считала необходимым наказывать такие действия смертью на костре, но это было вызвано вовсе не процветанием черной магии, напротив, имеющиеся сведения указывают на то, что она почти совсем исчезла. Скорее здесь действовала другая причина. Чтоб указать ее, мы должны бросить взгляд на более раннюю эпоху.

В первые времена христианства, когда общины были еще малы, а их молитвы и братские трапезы должны были совершаться в тайных местах, против них постоянно подымались обвинения со стороны язычников. Христиане изображались людьми отчаянными, избегающими дневного света, состоящими из подонков простонародия и легковерных женщин, которые осмеивают все святое и состоят в заговоре против всех других людей. Утверждали, что на своих ночных собраниях они употребляют пищу, не свойственную людям, что они презирают все священные обычаи и что их богослужение не есть культ, а прямо нечестие. Они называют себя братьями и сестрами, но позорят эти священные имена самым отвратительным блудом. Они боготворят ослиную голову и еще худшие вещи. Особенно мрачными красками описывались церемонии принятия новых членов. Их ставили будто бы перед сосудом, в котором лежал ребенок, покрытый мукой; и они должны были несколько раз воткнуть острие оружия в муку и, таким образом, убить ребенка. Затем кровь выпивалась, а труп уничтожался; благодаря этой человеческой жертве, в которой принимал участие каждый вновь принимаемый, все были вынуждены хранить тайну как соучастники преступления.

Разумеется, все эти обвинения были совершенно ни на чем не основаны. Никто не мог знать об этом лучше самих христиан. Но как только христианство распространилось и повсеместно было признано, то сами христиане начали возводить подобные же обвинения на других христиан. Если возникала секта, отклонявшаяся от общего учения церкви в самых ничтожных пунктах, хотя бы даже только в том, что более строго наблюдала церковное благочиние и требовала от своих членов более чистого образа жизни, чем какой был у всех христиан, то такую секту вскоре обвиняли в ереси и на нее возводили вышесказанные обвинения. В древнейшую эпоху к ним присоединялось еще обвинение в дьявольской магии. Разные секты, маркиане, монтанисты, манихеи и прискиллиане постоянно возникали и вновь исчезали, причем каждый раз повторялось то же самое. Впрочем, эти обвинения, кажется, только в одном случае имели серьезные последствия, именно казнь прискиллиан в 385 году. Вообще же в течение первого тысячелетия сектантство выступало так редко и имело столь незначительное распространение, что церковь легко справлялась с ним, не прибегая к суровым мерам.

Иначе представляется дело в последующую эпоху. Во всем христианском мире признавалось, что то тысячелетнее царство Христово на земле, о котором было возвещено в Откровении св. Иоанна, относилось к существующей церкви, поэтому приблизительно в 1000 году ждали гибели мира, а так как ничего такого не случилось, то вера в авторитет католицизма была сильно поколеблена. Так как притом нельзя было не видеть различных злоупотреблений в католической церкви, то в начале одиннадцатого века возникли в разных странах секты, которые не хотели иметь ничего общего с католицизмом и его запятнанным учением, и поэтому сами себя они называли катарами, т. е. чистыми. Эти секты приобретали себе повсюду большое число приверженцев в Италии, Франции и Германии; у них были свои собственные епископы и они угрожали сделаться крайне опасными для католической церкви. Так как катары приписывали дьяволу большую силу и

думали, что истинное христианское учение искажено его влиянием, то их прямо обвиняли в поклонении дьяволу и, естественно, что против них поднялись также старинные обвинения еретиков. Поэтому во многих странах почти одновременно началось жестокое преследование катаров и многие из них находили свою смерть на костре (Ketzer, еретик = Katharer).

Не лучше обошлись и с альбигойцами и вальденсами в двенадцатом веке. Эти секты, на которые можно смотреть как на предвестников протестантизма, так как они ставили священное писание выше авторитета церкви,— находили себе во Франции и Германии приверженцев не только среди народа, но также и среди князей, дворянства и католических епископов, так что в этих странах смотрели на церковь как на устарелое и смешное учреждение. Поэтому папы Иннокентий III и Григорий IX стали проповедовать крестовый поход против этих сект и учредили инквизиционный трибунал, перед которым приводили всякого, кого подозревали в сношении с еретиками. Папская булла, изданная против германских еретиков в 1233 году, показывает нам, за что собственно преследовали обвиняемых. Еретиков обвиняли в почитании дьявола, который лично показывался им в образе лягушки, черной кошки или очень бледного человека. Он дает холодный как лед поцелуй вступающему в союз посвящаемому, у которого вместе с тем исчезает всякое воспоминание о католической вере. Тогда его обязывают всячески надругаться и осмеять христианские таинства и делать, вообще, все то, что запрещается по учению церкви. Такие преступления, конечно, подлежали наказанию смертью; поэтому эти секты подвергались беспощадному и часто кровавому преследованию в течение более двадцати лет и были истреблены.

Рис. 20. Ведьма, делающая град. (Из книги Гуачиуса).

Однако при всех этих преследованиях за ересь никогда,— по крайней мере официально,— не возбуждалось обвинение в ведовстве; этого и не могло быть, пока сама церковь оставалась при своем отрицательном взгляде на возможность чародейства и пока было в силе постановление канона епископов. В середине же XIII века произошла *полная и внезапная перемена в отношении церкви к этому вопросу*, когда *Фома Аквинский*, самый выдающийся из учителей церкви того времени, высказал взгляд, явно противоречивший практике, которой до сих пор придерживалась церковь в течение нескольких веков.

Этот новый взгляд на вещи кратко и ясно изложен в следующих положениях: «О ведьмах мы знаем, что некоторые думают, будто бы не существует никакого ведовства и что оно возникает из неверия; они думают также, что демоны существуют только в человеческом воображении, так что люди порождают их, так сказать, из себя самих и потом пугаются этих образов, созданных их воображением. Но католическая вера утверждает, что демоны существуют, что они могут вредить своими кознями и препятствовать плодовитости брака». И далее: «Следует принять во внимание необходимость допустить, что демоны, по попущению Божию, могут вызывать вихри в воздухе, подымать ветры и заставлять огонь падать с неба. Хотя телесная материя относительно принятия той или иной формы и не подчиняется ни добрым, ни злым ангелам, но одному только Богу-Творцу, но по отношению к движению в пространстве телесная природа создана так, что подчиняется духовной. Примером этого может служить человек, члены которого движутся только под управлением его воли. Следовательно, если допустит Бог, то не только добрые, но и злые духи могут собственной

силой достигнуть всего, что только может быть достигнуто посредством движений в пространстве. Так они могут вызывать ветер и дождь и другие подобные явления в воздухе посредством движения паров, поднимающихся с земли и с моря».

Если Фома Аквинский мог стать в такое противоречие с господствующим до этого взглядом церкви и провести свое мнение, то, конечно, основание для этого заключалось в том, что в действительности он выразил не только свои собственные взгляды, но и взгляды той эпохи. Значит, произошел полный переворот в общем понимании относительно возможности чародейства. Это обстоятельство следует приписать главным образом влиянию на Европу мавританской магии. Благодаря крестовым походам и мавританским университетам в Испании, европейцы пришли в соприкосновение с арабами и, познакомившись с естествознанием и магией, которая ревностно культивировалась маврами, развили эти науки еще далее. Альберт из Больштедта, названный Альбертом Великим (род. в 1193 г.), Рожер Бэкон (род. в 1214 г.) и Арнольд из Вилланова (род. в 1240 г.) слыли во всей Европе за чародеев благодаря своим сведениям по естествознанию, позволявшим им производить необъяснимые для народа фокусы. Фома Аквинский был даже учеником Альберта Великого, но сомнительно, чтобы он правильно понял его искусство.

Сказание передает, что однажды в тайной мастерской Альберта появилась удивительно красивая фигура женщины, приветствовавшая Фому человеческим голосом. Чтобы избавиться от этого дьявольского наваждения, Фома бросился бить ее палкой, отчего фигура рухнула с гулом и какими-то особенными звуками. Как раз в это время вошел Альберт и с гневом закричал: «Фома, Фома, что ты наделал? Ведь ты уничтожил мне работу 30 лет». Быть может, этот рассказ несколько приукрашен, но едва ли подлежит сомнению, что Альберт изготовлял художественные автоматы, чем часто занимались старинные магики. И если в основании этого рассказа лежит хоть некоторая доля правды, то весьма естественно, что Фома, едва ли понимавший истинное положение вещей, сделался ревностным поборником веры в чародейство.

Конечно, для церкви было трудно совершенно уничтожить канон епископов, однако при добром желании это удалось и уже в год смерти Фомы Аквинского, 1264 г., в Лангедоке имел место первый процесс ведьм. Понятно, что как в этом случае, так и в ближайшее время, обвинения в чародействе обращены были не больше как к одному или немногим лицам. Но раз начались такие обвинения, то легко уже было к обвинениям, направленным против постоянно возникающих еретических сект, присоединить и обвинения против ведовства. Так в течение какого-нибудь полвека возникли понятия о «еретических сектах» и «ведовских сектах», а вместе с тем в главных чертах положено было основание для понятия черной, или дьявольской, магии, которое господствовало в Европе до начала восемнадцатого века как среди народа, так и среди образованных классов общества. Эта дикая фантазия стоила Европе больше невинной крови, чем все современные ей войны. В следующей главе мы увидим, как представляли себе эти сообщества ведьм и что считали целью и задачей их деятельности.

СОЮЗ С ДЬЯВОЛОМ И ШАБАШ ВЕДЬМ

Efficiens primaria, т. е. первой и действительной причиной, почему человек делается ведуном, или ведьмой, и присягает в верности дьяволу, оказывается сам дьявол. Однако он ничего бы не мог достигнуть, если бы человек своими грехами не давал ему повода вмешаться. Неверующий или маловерный, тот, кто легкомысленно клянется, кто мстителен или злопамятен, человек с разнузданными инстинктами, кто неумеренно ест и пьет, наконец, любопытный, кто хочет знать больше других, всегда будет ощущать искушение искать помощи у дьявола. Но такое наущение получается или прямо от дьявола, или через его помощников — ведьм. Но если человек решился искать помощи у дьявола, то что он должен предпринять, чтобы быть принятым в общество ведьм?

На это достопочтенный пастор Давид Медерус в своей третьей проповеди о ведьмах отвечает таким образом:

«Ослепленные люди сами признаются, что прежде всего они должны отказаться от святой Троицы, Христа, христианской веры и святого крещения, отречься от них и выразить поругание всему этому; в особенности же в церквах, когда священник читает текст евангелия, отрицать про себя все читанные слова и таким образом объявить себя врагом Бога и Христа: ибо пока они остаются еще при Христовой вере, до тех пор черт не может воспользоваться ими как орудием своей собственной воли; христианская вера причиняет ему всякие неприятности. Во-вторых, они должны также обещать быть врагами всему, что исходит от Бога, всем творениям, всем чадам Божиим, и вредить им везде, где возможно вредить, всегда и везде, где только они могут. В-третьих, они должны дать обещание признавать одного дьявола за своего бога, повелителя и царя, почитать его и быть покорными ему во всех делах. В-четвертых, они должны креститься иначе, а именно во имя дьявола, а иные во имя всех дьяволов; при этом обряде другие ведьмы приносят кипящую воду и купель; такое крещение совершает или сам сатана, или же одна из ведьм, и при этом не всегда с особой пышностью; часто посвящение происходит в колдобине или навозной луже; при этом новопосвященной ведьме дают другое имя. В-пятых, такое лицо, присоединенное к царству дьявола, немедленно получает для себя особого черта в качестве любовника или наложницы, они вступают между собой в брак и празднуют его, а другие ведьмы при этом веселятся. В-шестых, такой дьявол-любовник сопутствует ведьме повсюду, часто приходит к ней, совершает с ней блуд, а также и наставляет ее на то или иное злое дело, на что она получает приказание вместе с другими, которые имеют такое же приказание. В-седьмых, дьявол дает ведьме торжественное обещание не только заботиться о ней, но если она будет посажена в тюрьму по обвинению в ведовстве, то выручать ее из заключения; с тем, однако, чтобы она стояла твердо и не сознавалась, или если бы она в чем-нибудь призналась, то сейчас же опять отреклась бы от этого» *.

Если, таким образом, по исполнении всех формальностей кто-нибудь принимается в союз ведьм, то он получает большую силу на то, чтобы вредить людям. Ведьма может посредством волшебства вгонять в людей всякого рода неудобоваримые вещи, как, например, волосы, щетину, стекло, гвозди, ножи, иглы, деревяшки, червей, скорпионов и т. п. Кроме того, она может вредить людям и околдовывать их, взглянув или дохнув на них.

«Однако надо заметить, что они могут вредить не всем людям и тварям, хотя бы и очень того хотели. От их козней свободны благочестивые и богобоязненные люди, проповедники и лица духовного звания, должностные лица и судьи, палачи и заплечные мастера, конвойные и тюремщики, полицейские и сыщики, полицейские и городские служители и вообще все, кто принимает участие в поимке ведьм и волшебников, сторожит их в тюрьме, судит их и исполняет над ними судебную экзекуцию».

Многочисленными опытами доказано, что ведьмы могут похищать у людей всякое имущество, главным образом пищевые припасы и хлеб.

«Об этом не стоит подробно распространяться или приводить много историй и примеров,— говорит Преториус,— так как, к сожалению, повседневные факты в изобилии свидетельствуют об их всякого рода великих и малых злых действиях».

Ведьмы могут сделать брак бесплодным, положивши под кровать травы или завязавши узлы на ремне или шнурке, по числу узлов можно тогда видеть, сколько детей могли бы иметь супруги. Ведьмы силой своего искусства могут также изменять пол людей, превращать девушку в мужчину и обратно, чтобы этим причинить возможно большую неприятность. Выше уже было упомянуто, что они могут вызывать непогоду, ветер, дождь, холод, гром, молнию, снег и мороз. Иногда говорится также, что ведьмы в состоянии дать себе большую красоту, большой почет и богатство; однако большинство авторов сходятся в том, что редко бывало слышно, чтобы ведьма приобрела что-нибудь посредством своего искусства.

Относительно вопроса, многократно разбиравшегося в судах, могут ли вообще ведьмы предпринимать что-нибудь доброе, напр. исцелять опасные болезни, большинство думает, что хотя они и могут это делать, если позволит дьявол, но что последний дает такое позволение крайне редко.

* В утешение испуганной паствы пастор прибавляет: «однако сам Бог помогает властям в исполнении их обязанностей так, что ведьмы, будучи пойманы, не могут уже быть освобождены дьяволом, невзирая на то, что он утешает их до тех пор, пока не зажгут под ними огонь».

С помощью своего личного черта ведьмы могут с поразительной быстротой переноситься по воздуху и в невероятно короткое время делать большие путешествия.

О проповеднике Иоганне Тевтонском из Гальберштадта, бывшем одним из известнейших волшебников своего времени, рассказывается, что он в 1221 г. в одну ночь одновременно служил три мессы, одну в Гальберштадте, другую в Майнце и третью в Кельне. Натершись мазью, приготовленной из жира новорожденных детей и различных трав, каковы: мак, паслен, подсолнечник, головолом и белена, ведьмы могут носиться по воздуху на разного рода утвари: щетках, кочергах и сенных вилах. Эти вспомогательные средства употребляются ими обыкновенно во время большого годового праздника, шабаша ведьм, который обыкновенно справляется на какой-нибудь высокой горе, а в некоторых странах в большом лесу, на открытом месте. Датские и немецкие ведьмы, как известно, отправляются на Блоксберг (датские иногда также и на Геккенфельд, Геклу в Исландии), шведские — на Блаакуллу на Эланде, норвежские — на Лидергорн около Бергена; таким образом, ведьмы каждой страны имеют для этого свое особое место. Празднество происходит или в Вальпургиеву ночь на первое мая, или в ночь на Иванов день. В этих празднествах должны участвовать все ведьмы; тех, кто отсутствует без уважительных причин, черт мучает всю ночь так, что они не могут спать.

Рис. 21. Ведьма, вылетающая в трубу. (Из соч. А. Палинга 1659 г.).

Когда настает время отъезда, ведьма натирается мазью, берет предмет, на котором хочет ехать, и тихо говорит следующие слова: «Взвейся вверх и никуда» («Oben auss und nirgends an»). Выезжает она обыкновенно через дымовую трубу. Некоторые скачут на своем черте, который стоит у дверей в виде козла. Во время путешествия ведьмы должны особенно остерегаться того, чтобы не беспокоиться и не озираться вокруг; ибо в противном случае они падают вниз и могут причинить себе большой вред, так как они часто летят в воздухе очень высоко. Некоторые летают совершенно голые, другие — в одежде.

Когда они соберутся на место празднества, то делаются все приготовления к пиршеству, столы и скамейки придвинуты и на стол ставятся дорогие серебряные и золотые вещи. Кушанья часто бывают превосходны, но иногда черт находит удовольствие шутить над своими гостями и угощает их падалью и другими нечистыми вещами; в кушаньях, однако, нет соли; так бывает всегда. После еды ведьмы рассказывают свои новости: каждая сообщает, что происходило в ее стране; ибо они обращают внимание на все, что делается у людей. «Для начальников ведьм и колдунов это служит таким средством, что они становятся как бы в своем роде новыми газетами».

Затем дьявол дает своим слугам новый яд, чтобы творить новые несчастья. Этот яд, как рассказывают многие авторы, добывается таким образом: дьявол в образе козла приказывает сжечь себя, после чего ведьмы старательно собирают золу, которая чрезвычайно опасна для людей и скота. Вскоре после этого козел, однако, вновь появляется среди них и взывает страшным голосом: «Отомстите им или вы должны умереть».

Затем все выражают дьяволу свою глубокую преданность и почтение; это делается в такой форме: козел обращает ко всему собранию заднюю часть тела и всякий член собрания целует его в это место. Но в этом виде он показывается не всем; новообращенные, на которых еще нельзя вполне положиться, отводят глаза, и они воображают тогда, что видят великого принца, у которого они целуют руки; но это одно только воображение. Затем начинается настоящее веселье, ведьмы становятся в круг, спинами внутрь круга, чтобы не видеть друг друга, и под свист начинают свой хоровод. Во время танца ведьмы и черти поют хором: «Господин, господин, черт, черт, прыгни здесь, прыгни там, скакни здесь, скакни там, играй здесь, играй там». В заключение каждый черт схватывает свою ведьму, удовлетворяет с нею свою похоть, после чего наступает время, когда каждая ведьма должна рассказать, какое несчастье сотворила она со времени последнего общего собрания. Тех, кто не может рассказать о какой-нибудь достаточно злой проделке, старшие дьяволы бьют плеткой.

Когда новые сочлены увидят, таким образом, все, чего они могут ожидать худого и хорошего, их торжественно принимают в союз, причем они вписывают свое имя собственной кровью в большую книгу. Иногда заключается формальный контракт между дьяволом и лицом, вступающим в сделку; это лицо оговаривает в нем себе известные земные выгоды, за что по истечении определенного времени переходит во власть дьявола. Такой контракт может быть заключен не только во время праздника, но, вероятно, и во всякое время. Это видно из следующего отрывка старинного акта:

Рис. 22. Шабаш ведьм.

«Я, нижеподписавшаяся, Магдалина де-ля-Палюд и т. д., сим заявляю и удостоверяю, что при наличности здесь присутствующих господина Луи Готфрида и дьявола Вельзевула я отрекаюсь от моей части у Бога и у небесных сил. Я отрекаюсь вполне, всем сердцем, силой и волей от Бога Отца, Сына и Святого Духа, от Пресвятой Богородицы, от всех святых и ангелов, а в особенности от моего ангела-хранителя» и т. д.

После того как имя занесено в книгу и контракт заключен, совершается крещение нового члена. «Это и есть причина, почему ведуны и волшебники обыкновенно имеют по два имени». Наконец, дьявол отпечатывает на вновь посвященном свой знак, чтобы впоследствии узнать его; знак этот всего чаще делается на скрытом месте тела, где он не легко может быть замечен другими. Где дьявол касался своими пальцами, там не чувствуется никакой боли; по таким нечувствительным местам на теле можно узнавать колдунов и ведьм.

Один из вопросов, вызвавших много споров среди старинных авторов, касался того, могут ли происходить живые существа от союза ведьмы с чертом. Бодинус пишет об этом так:

«Haec quaestio, an isti coitus fieri possint, coram Sigismundo caesare fuit agitata et an ex iis aliquid nasci: tandemque fuit constitutum posse copulationem istam et generationem existere... Sed neque hac in re inter Doctores convenit ex quibus nonnulli putant Daemonas Hyphialtas, sive Succubos, virorum semen accipere et Ephialtas, sive Incubos, eodem in mulieres abuti. De hac autem copulatione Hieronymus et Augustinus asserunt nihil ex ea procreati: si fiat, diabolum in carne, non hominem fore».

Однако все авторы сходятся на одном, именно что если что и родится от связи ведьмы с чертом, то это ни в каком случае не будет существо человеческого вида, а маленькое отвратительное, животнообразное существо.

Едва ли нужно указывать на то, что все, состоящее в связи с ведовством: крещение ведьм, ежегодные большие празднества, сожжение дьявола и его воскресение и т. д.,— все это было пародией на священнодействия христианской церкви, относящиеся к событиям, имевшим место при ее основании. Культ дьявола и не мог быть ничем иным, как карикатурой богослужения.

Процветание и упадок магии

ПЕРИОД ПРОЦВЕТАНИЯ

Едва ли когда-нибудь, раньше или позже, человек так глубоко верил в демонические силы, как в эпоху процветания веры в существование ведьм. Предполагалось, что не только многочисленные толпы демонов наносили вред здоровью, жизни и имуществу людей, но что они имели еще и среди людей множество покорных слуг, главной задачей которых было делать зло своим ближним. Человек был бессилен против этих вредных и все разрушающих существ, так как демоны, а также и их помощницы, ведьмы, имели силу делать то, чему ни один человек не в состоянии был воспрепятствовать. Но если люди, действительно, были совершенно бессильны, пока полагались на свои естественные средства, то нет ничего удивительного, что они схватились за сверхъестественные средства, чтобы иметь возможность хотя бы существовать на свете. Но так как число и сила этих средств неизбежно должны были находиться в соответствии с опасностями, которые они должны были отвращать, то легко понять, почему магия никогда раньше не играла такую важную роль во всех человеческих отношениях: просто потому, что до этого никогда еще вторжение демонов в человеческую жизнь не достигало таких размеров. Конечно, прежде всего была призвана церковь, чтобы принять под свое покровительство благочестивых и подать им руку помощи в борьбе против дьявола и его слуг. Но этого очевидно было не достаточно. Человек во всякий момент мог подвергнуться коварным замыслам ведьмы, священник же или какой-либо другой служитель церкви далеко не всегда был под рукой, чтобы отвратить ее козни, следовательно, сам народ должен был позаботиться о магических средствах, чтобы отвратить от себя зло. Таким образом, народная магия поднялась в то время на поразительную высоту. К ней мы по порядку сначала и обратимся.

Народная магия, согласно природе вещей, имела тройную задачу: открывать ведьм, чтобы предавать их суду, предупреждать несчастье, которое они могли бы навлечь, и, наконец, исцелять произведенный ими вред. Для этого существовало множество средств; но нет возможности проследить эти разнообразные магические операции до их первоначального происхождения. Притом они большею частью так бессмысленны, что являются скорее плодом больного ума, чем результатом исторического развития. Поэтому я ограничусь лишь тем, что приведу характерные примеры; полное же воспроизведение их потребовало бы целых фолиантов.

По чему узнают ведьму? Если через нее бросить нож, на котором изображен крест, тогда она должна открыться. Кто носит при себе найденный им зуб от бороны или зерно, бывшее в хлебе, увидит ведьму в церкви с подойником на голове. Если взять с собой в церковь на утро Светлого

Воскресения яйцо, то можно узнать всех женщин, принадлежащих дьяволу; но и они знают об этом и стараются раздавить яйцо в кармане; если им это удается, то разрывается и сердце у того, кому принадлежит яйцо. Если намазать свиным салом детские башмаки, то ведьмы не могут выйти из церкви, пока в ней остаются дети. Кто во время обедни в день Рождества станет на скамейку, сделанную из нового дерева, тот может узнать всех ведьм общины, так как они поворачиваются спиной к алтарю; но и ведьмы его видят, и он рискует жизнью, если они успеют настигнуть его после службы, прежде чем он придет домой. Можно также узнать ведьму по тому, что изображение, которое видно в ее глазу, перевернуто. (Если смотреть в глаз другого человека, то увидишь свое собственное изображение в прямом виде). Если варить в одном горшке разные вещи, то этим можно причинить ведьме такую боль, что она придет и сама будет просить прекратить это кипячение, и т. д.

Чтобы предупредить несчастье, которое ведьмы могут навлечь, существовало также множество средств.

Многие из них являются подражанием действиям, упоминаемым в священном писании при различных частных случаях и признаваемым поэтому одинаково полезными и при других условиях. Сюда относятся церемонии, предписанные евреям при праздновании Пасхи: они должны были окропить кровью ягненка все косяки дверей и верхние балки и не оставлять у себя никакого мяса до следующего дня; остатки же должны были сжечь. Так как окропление дверных косяков служило главным образом для того, чтобы не допустить в дом ангела смерти, то, естественно, предполагалось, что эта же церемония может отвратить и другое несчастье; поэтому на дверных колодах рисовали мелом или углем кресты. Кроме того, старались ежедневно съедать все, что было съестного, а остатки воды и молока выливали. При других нравах, конечно, появились и другие точки зрения. Разумеется, всего опаснее считалось дать ведьме что-либо взаймы, ибо таким путем она легко могла внести в дом всякого рода несчастье при возвращении данного ей. Особенно же следовало остерегаться ссужать что-либо в те дни, когда происходили, как думали, перелеты ведьм. Отсюда с течением времени, говорит Преториус, развился тот взгляд, что ничего не следует давать взаймы утром. Да и для торговых людей было очень важно продать товар по возможности скорее. Поэтому первый покупатель получает товар несколько дешевле, чтобы таким образом облегчилась продажа и торговец скорее получил бы свою «выручку».

Возникновение других обычаев едва ли более объяснимо. Иногда втыкали во все углы комнат бузину или дикую вишню, а часто даже и снаружи в стену дома, чтобы ведьмы не могли войти в дом. Если из дому выходило лицо, подозреваемое в ведовстве, то хозяйка брала горячую золу из печки и бросала ему вслед. На Иванов день обыкновенно собирали девять трав, тщательно сохраняли их дома и курили ими, если предвидели опасность быть околдованными. В некоторых странах считалось также опасным прясть по вечерам; во всяком случае, не следовало оставлять на ночь на веретене пряжу; в противном случае явились бы ведьмы и испортили бы ее вместе с другими вещами. Не было также недостатка в народных заклинаниях, имевших целью предотвратить колдовство ведьм; в Вестфалии 22 февраля перед солнечным восходом крестьянские работники старались колотить в дверь топором и пели:

Вон убирайся, птица нечистого; (Schwellenvogel)
Праздник св. Петра уж настал,
Строй себе дом и стойло, и двор,
Навес и овин, все, что надо тебе,
Чтобы не было здесь никакого вреда
На год, считая от этого дня.

Под именем «птицы нечистого» (Schwellenvogel) подразумевалось все: всякая погань, всякая мелкая тварь, терзающая человека, колдовство и т. д. После этого заклинания дом в течение года остается свободным от вреда; поэтому делали подарки тем, кто выполнял этот обряд.

Конечно, существовало также множество средств для устранения вреда, который был причинен ведовством. Почти все эти средства основаны на том, чтобы той или иной мистической операцией причинить ведьме такую неприятность, которая заставила бы ее уничтожить ее колдовство.

Один из способов этого состоял в том, чтобы в воскресенье перед солнечным восходом срезать во имя дьявола ореховую палку; затем вымести пыль из всех четырех углов дома или стойла, собрать ее в мешок, завязать его и, положивши на пороге двери, бить по нем палкой во имя дьявола. Каждый удар по мешку чувствуется сердцем ведьмы и таким образом вынуждает ее снять колдовство. Если от колдовства захворал человек, то делалось его изображение из воска, и заказывали священнику прочитать над ним в одну пятницу три мессы. Затем прокалывали изображение * в том месте, где больной чувствовал боль; тогда ведьма была вынуждена изгнать напущенную болезнь. Если коровы мало дают молока, то, само собою, в этом виновата ведьма; поэтому собира-

* Сравни изображения диких народов, стр. 19, и халдеев, стр. 29.

ют то небольшое количество молока, которое могли получить, кипятят его и во время кипения колят в него ножом; это так мучительно отзывается на ведьме, что она бывает вынуждена возвратить молоко, и т. д.

Была и другого рода магия, стоявшая во всех отношениях на той же высоте, как и народная, т. е. столь же бессмысленная, создавшаяся благодаря потворству католических монахов, сделавших себе значительные доходные статьи из всякого рода магических операций; они читали мессы на все возможные и невозможные случаи, фабриковали амулеты, как, напр., Agnus Dei, ярлыки на зачатие и т. д.

Существует множество примеров такого рода, но для иллюстрации достаточно привести лишь несколько из них:

«Если священник говорит во время мессы следующие слова: «Не сокрушайте костей его» и при этом прикасается к зубам, то это есть средство от зубной боли.— При лихорадке священник умывает больному руки святой водой и при этом читает про себя 144-й псалом или же берет больного за руку и говорит: «Да будет тебе лихорадка так же легка, как Деве Марии рождение Господа нашего Иисуса Христа». Если это не помогает, то он берет три просвиры, на которых совершалась месса, пишет на одной: как есть Отец, так есть и жизнь; на другой: как есть Сын, так есть и Дух Святой; на третьей: как есть Дух, так есть и исцеление; — затем дает их съесть больному в течение трех дней одну за другой; при этом необходимо было наблюдать, чтобы больной ничего больше в эти дни не ел и каждый вечер читал бы по 15 раз «Отче Наш» и 15 раз «Богородице, Дево, радуйся»...

В особенности отличаются своим безвкусием различные заклинания.

Примеры взяты из бенедикционала капуцинов; следующая надпись сохраняет дом от огня: «Гели, Гелоим, Софар, Эммануил, Саваоф, Агла, Тетраграмматон, Гагиос, Офнос, Исхирос, Афанатос, Иегова, Адонаи, Садай, Мессия. Несотворенный Отец + несотворенный Сын + несотворенный Дух Святой + Иисус Христос, царь царствующих, да приидет в мире. Слово плоть бысть +, и Бог стал человеком. Христос + побеждает. Христос + царствует. Христос + повелевает. Христос да охранит и защитит этот дом от молнии и огня».

Дощечка с такой надписью окроплялась святой водой и прибивалась над домом или над воротами.

Чтобы защититься от преследований дьявола и ведьм, запасались освященными монетами, «благословенными деньгами», священными ярлыками, «ярлыками зачатия» и носили их при себе, обыкновенно в ладанке на шее. Таким образом, это были настоящие амулеты с большой торжественностью освящаемые. Освящение состояло в молитве и заклинании, произносимом над монетами. Последнее выражалось так:

«Вас, проклятых и навеки осужденных дьяволов, в силу слов: Мессия, Эммануил, Саваоф, Адонаи, Афанатос, Исхирос и Тетраграмматон, мы сковываем, обессиливаем и изгоняем вас из каждого места и дома, где будет положена эта монета. Далее мы приказываем вам, да не будет у вас власти вредить телу жителей чумой. Идите, проклятые, в геенну огненную; мокните в уготованных вам пучинах и впредь не дерзайте являться сюда. Так повелевает вам Бог Отец + Бог Сын + и Бог Дух Святой +. Мокните так, вы, дьяволы, навеки осужденные, во имя Господа Нашего Иисуса Христа, который приидет вновь судить живых и мертвых и всю вселенную огнем. Аминь».

Так же освящался и «ярлык зачатия»; поэтому излишне еще раз повторять об этой церемонии.

Но как ни нелепы эти заклинания, в них все-таки есть хоть тот смысл, что здесь с духовным существом, дьяволом, борятся духовными же средствами. Верхом абсурда является обращение такого рода заклинаний против мышей, саранчи и подобных им «немых бестий», однако и перед этим не отступили и не испугались.

В старинных бенедикционалиях, откуда взяты эти примеры, говорится следующее: «Бенедикция от мышей, саранчи, майских жуков, червей, змей, жуков, гусениц и других вредных тварей, одобренная папою и часто употребляемая капуцинами». Против мышей приблизительно действуют так же, как и против дьявола; сначала монах произносит длинную молитву, а потом заклинает их:

«Заклинаю вас, вредные мыши (или саранча или черви и т. д.), Богом, всемогущим Отцом + и Иисусом Христом, его единым Сыном + и Духом Святым, от обоих исходящим + , да исчезнете вы немедля с наших полей и нив и впредь да не будете жить в них, но отправитесь туда, где вы никому не можете вредить» и т. д.

Всего труднее и опаснее был тот случай, когда человек был одержим каким-нибудь бесом. Конечно, беса можно было изгнать, но лишь после весьма продолжительной церемонии, причем и заклинания, и другие действия следовали одно за другим. Понятно, что это заклинание и изгнание дьявола из человека всег-

да совершались только служителями церкви; но даже не всякий священник был посвящен в это, как об этом ясно говорит старинная бенедикциональ:

«Кто изгоняет бесов, должен иметь очень чистое сердце и исполнять все это в высшей степени осторожно и умно. Если позволяют обстоятельства, то до этого он должен причаститься Святых Таин» и т. д.

Затем следует длинное описание, как он в облачении должен приблизиться к бесноватому, как должен обвить конец облачения вокруг шеи; затем какие должен читать молитвы и т. д. Смысл всех этих заклинаний всегда тот же самый, с каким мы уже выше познакомились.

Рис. 23. Изгнание бесов.

Кроме этих сверхъестественных духовных средств для борьбы с дьяволом и ведьмами, у церкви было еще и другое более земное и материальное средство, которое должно было служить не только для отвращения вреда, но также и для совершенного искоренения зла. Средством этим были *процессы ведьм*. Каждого, кого подозревали в ведовстве, обыкновенно привлекали на суд инквизиции, и если подозреваемый не умирал под пыткой, которой его подвергали, чтобы принудить его к признанию, то, без сомнения, он кончал свою жизнь на костре. Иной исход процесса о ведьмах был редкостью. Казалось бы, надо было ожидать, что столь действительный и радикальный образ действий положит конец существованию ведьм; между тем результат получился совершенно обратный. Чем ярче разгорались костры, тем многочисленнее становились ведьмы. Если б это была действи-

тельная еретическая секта и ее бы преследовали таким образом, то, вероятно, она бы скоро исчезла; даже многочисленные альбигойцы и вальденсы были, как мы видели, истреблены в короткое время. Но так как ведовство было только воображаемым преступлением, которого никто не знал, то естественно, что преследование произвело лишь то, что ужас охватил все народы. Чтобы защититься самому, доносили на своего соседа. Чем больше было приговоренных, тем больше делался страх, больше было и доносов. Таким образом, сами процессы о ведьмах укрепляли в народе веру в существование их чародейства.

Достаточно будет краткого исторического обзора развития процессов о ведьмах, чтобы доказать справедливость этого взгляда. Выше мы видели, как великий учитель церкви Фома Аквинский установил в середине XIII века тот взгляд, что дьявольская магия возможна. Инквизиция во Франции, намеревавшаяся истребить последние остатки еретических сект, приняла к сведению эту мысль — и начались обвинения как в ереси, так и в чародействе. Когда с еретиками все было покончено, продолжались преследования одних ведьм; таким образом, процессы о ведьмах процветали во Франции до 1390 г. В этом году французский парламент решил, что обвинения в чародействе должны впредь разбираться в светских судах, а не в духовных, как это велось раньше. А так как светские судьи не интересовались собственно самим ведовством, а главным образом рассматривали только вред, который происходил от него, то осуждения становились все реже и, наконец, совершенно прекратились. Конечно, такой ход дела был крайне неприятен инквизиторам, так как они получали значительный доход от конфискации имущества осужденных. Поэтому они нашли себе новую арену действий. Пока во Франции процветали процессы о ведьмах, смежные с нею страны оставались в покое, и подобные процессы бывали в них лишь в виде исключения.

В Германии серьезные преследования ведьм начались только с 1448 г., когда два доминиканца, Иаков Шпренгер и Генрих Инститор, получили от папы Иннокентия VIII известную буллу «summis desiderantes», дававшую им полномочие преследовать и искоренять ведьм. Этот папский акт описывал союзы ведьм и чертей и все видимые деяния ведьм как действительные факты и предписывал всему духовенству оказывать содействие инквизиторам. Но, несмотря на это, процессы о ведьмах нелегко входили в обычай, так как никто не верил басням, которые возведены были в догмат главою римской церкви.

Народ, конечно, верил в чародейство и даже пользовался им, но в течение многих веков, когда церковь осуждала веру в возможность дьявольской магии, эта вера, вообще, не проявлялась в нем; надо было, значит, вновь пробудить ее. Этот труд взял на себя Иаков Шпренгер; с этой целью он издал в 1487 г. свое позорное произведение: Malleus maleficarum (Молот ведьм), названное так потому, что оно должно было сокрушать ведьм. В нем подробно были описаны ведьмы, союз их с дьяволом и прочие беззакония. В последней главе мы расскажем о том, как велись процессы. В судебной стороне дела были два пункта особенной важности. Чтобы привлечь ведьму к суду, не требовалось никаких обвинений, основанных на доказательствах, достаточно было одного лишь доноса (Denunciatio). Благодаря этому обвинитель был вполне гарантирован в том, что он не будет в ответе, если бы его обвинение оказалось ложным, но такого случая почти никогда не было, так как несомненным доказательством считалось признание самой ведьмы, а оно вынуждалось пыткой. Но если, несмотря на все пытки, ведьма не сознавалась, то тем самым ее вина становилась еще очевиднее, потому что такое упорство она могла проявить, разумеется, только с помощью дьявола. Нечего доказывать, что эти два обстоятельства особенно способствовали процессам о ведьмах и что лишь немногие обвиняемые избегли смерти.

Когда «Молот ведьм» достаточно наставил народ, как надо смотреть на чары, а поднятые процессы вселили необходимый страх, то обвинения стали делаться все многочисленнее. Невозможно определить, сколько вообще людей было казнено в течение нескольких веков по подозрению в чародействе, но известно, что в течение одного года в одном только городе это дело велось так широко, что было умерщвлено тысячу человек, а когда прекратились преследования, то в Германии оказались целые округа, в которых остались в живых только две женщины; при этом надо заметить, что и мужчины далеко не всегда избегали такой же участи. Все компетентные в этих вопросах люди единогласно утверждают, что число сожженных ведьм доходит до нескольких миллионов.

Более детальное описание процессов о ведьмах выходит за рамки нашей книги. Нам нужно было лишь указать на значение этих процессов, как средства вызвать веру в ведовство, а это уже обнаруживается с достаточной ясностью из приведенных исторических фактов. Психологическое исследование о том, как эта вера при данных условиях постепенно все более и более утверждалась, мы должны отложить до другого места; но как доказательство того, что не только широкие слои народа, но и более образованные сословия,— духовенство и рыцари,— верили в справедливость такого рода обвинений, можно упомянуть о случае из одного процесса о ведьмах. Шесть женщин в городе Линдгейме были подвергнуты

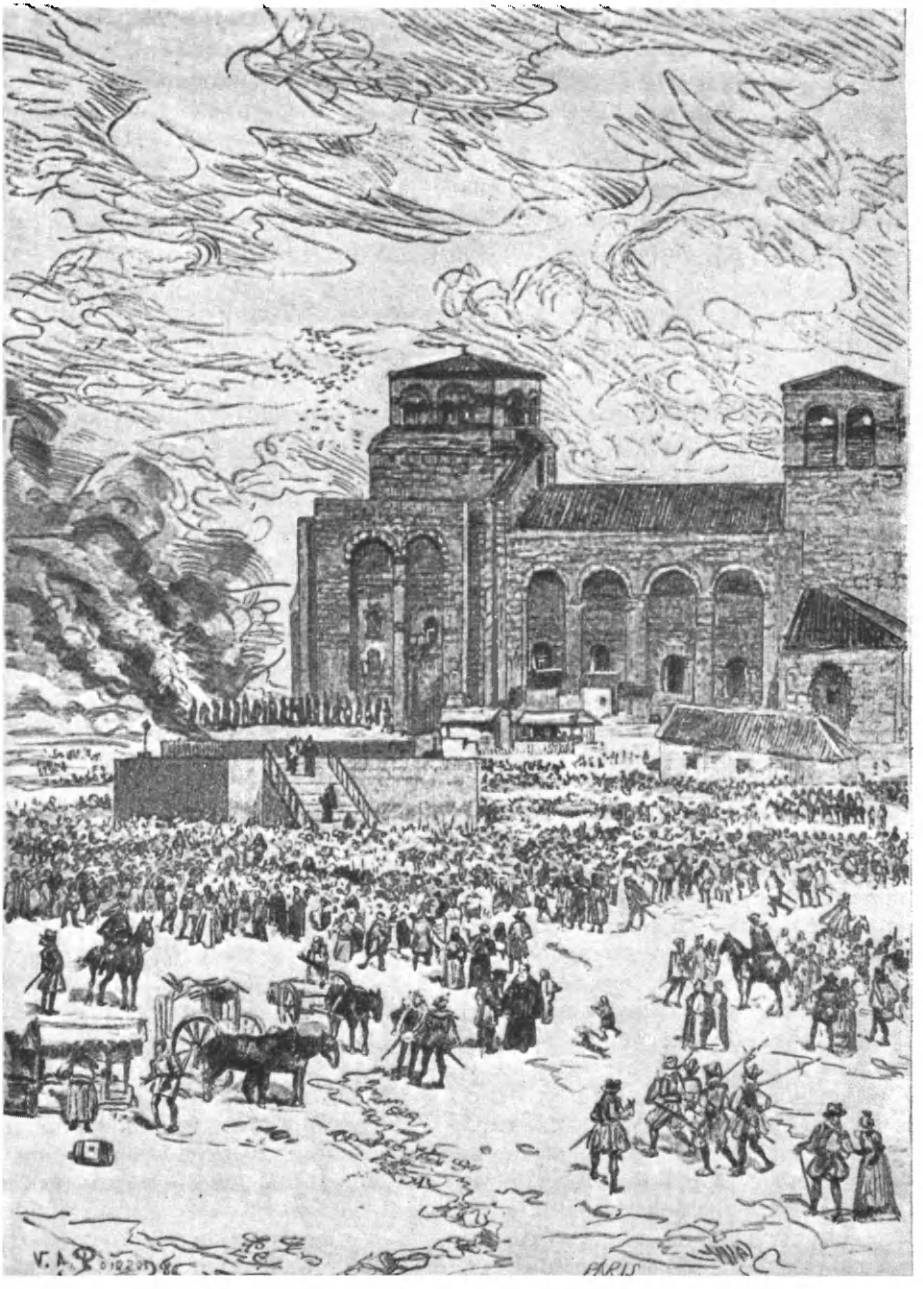


Рис. 24. Сожжение 400 ведьм в 1577 г. в Тулузе.

пытке, чтобы принудить их к сознанию в том, что они вырыли на кладбище труп новорожденного ребенка, чтобы употребить его для своей чародейской мази. Они сознались. Однако муж одной из этих женщин настоял на том, чтобы в присутствии всего суда могила была разрыта, и в ней, конечно, нашли ребенка в гробу нетронутым, но инквизитор утверждал, что нетронутый труп есть только дьявольское наваждение; а так как все женщины сознались в своем деянии, то их признанию придали больше значения, чем показанию собственных чувств, и, таким образом, все женщины были сожжены. Подобными случаями изобилуют акты процессов о ведьмах; читая их, создается впечатление, что если какая-нибудь из участвующих сторон и была во власти дьявола, то, во всяком случае, не обвиненные ведьмы, а преподобные инквизиторы.

ПЕРИОД УПАДКА МАГИИ

Церковные реформаторы Лютер и Кальвин нанесли магии первый сильный удар. Однако они отнюдь не коснулись чародейства, как целого, или возможности дьявольской магии, против которой они не выступали; их борьба против магии, вообще, была скорее косвенной, чем прямой. Так как они стремились привести религию в точное соглашение со священным писанием, удаляя из нее все, чего не было в Библии, то, разумеется, им пришлось бороться также с употреблением освященных предметов в качестве магических средств, развившихся с течением времени при потворстве католического духовенства, с библейскими отрывками, священными изображениями, водой, хлебом, солью, маслом, ярлыками и монетами. Это был особый вид магии, против которой протестовали реформаторы. Относительно вопроса о чародействе, все они — и во всяком случае Лютер — стояли, конечно, на общей точке зрения своего времени. Правда, Лютер нигде подробно не высказался о чародействе, но из случайных его замечаний видно, что он не отвергал возможности для дьявола принять человеческий вид и в этом телесном образе вступать в сношения с людьми. Что Лютер верил в личные явления дьявола, ясно видно уже из той известной истории, в результате которой получилось чернильное пятно на стене Вартбургской кельи, но, впрочем, по воззрению Лютера, отношения дьявола к людям имеют гораздо менее внешний характер, чем думали до тех пор. Он признает за дьяволом огромную силу, как за орудием божественного гнева, но отвергает борьбу против него внешними магическими средствами. Христианин, испытываемый дьяволом, может побороть его только тем, что он постоянно возрастает и укрепляется в вере.

Таким образом, после реформации, как и раньше, вера в черную магию оставалась в прежней силе и процессы о ведьмах продолжали процветать. На первый взгляд казалось даже, что зло сделалось еще хуже, так как процессы о ведьмах начались и в тех странах, которые до тех пор были от них свободны. Так было, напр., в Дании, где до введения реформации преследования ведьм были вовсе неизвестны. Причина, почему они начались здесь, как и в некоторых других местах только после реформации, заключалась, вероятно, отчасти в усилившейся религиозной ревности, которая была связана с новой церковной жизнью, отчасти в более близком соприкосновении с Германией, главным центром реформации. Что последнее обстоятельство было немаловажным, видно из того, что лежащая в стороне Швеция только тогда завела у себя процессы ведьм, когда во время своего участия в тридцатилетней войне,— значит, столетием позже, познакомилась с разнообразными подробностями ведовства. Приходится, конечно, допустить, что такие внешние условия играли в этом деле самую важную роль, так как более разумный взгляд реформаторов на власть дьявола должен был действовать прежде всего разрушительно на верование в черную магию. С течением времени это

именно и произошло, более поздние католические авторы, выступавшие против процессов о ведьмах, как, напр., иезуит Фридрих Шпеэ, жаловались, что преследования в католических странах бывали гораздо чаще и бесчеловечнее, чем в протестантских землях.

Однако же хотя вера в ведьм и их действия в протестантских землях оставалась в прежней силе, но там уже восставали против применения для борьбы с ними магических средств. Протестантские авторы, описывавшие колдовство, выступали во всеоружии здравого смысла и иронии против народной магии, направленной против ведьм.

В своем вышецитированном труде, упомянув о различных средствах защиты от ведовства, в числе которых многие по невежеству употребляли священные предметы, Преториус говорит:

«Удивительно, что они (ведьмы) не переносят игры на арфе, потому что Давид арфой изгонял из Саула злых духов». И далее:

«Бог дал нам крест и крестное знамение не в качестве телесного лекарства, он дал нам хлеб и соль для пищи, а слово свое, чтобы слушать и хранить его в сердце, а не вешать на шее в ладанках, что делают даже для скота. Может ли это помочь скоту, не имеющему разума? Разве слово Божие дано скотам? Как бы хорошо ни было средство само по себе, все-таки нельзя одобрить всякое его применение или всякий способ пользования им. Не есть ли человек лучшее творение Божие? Не создан ли муж по образу и подобию Бога? И не есть ли жена, которая может молчать, дар Божий? Но если они вдвоем занимаются развратом и молчат об этом, то разве это будет тоже лучшее дело и дар Божий?.. Точно так же и слово Божие есть добро и источник жизни. Но оно есть смерть для того, кто им злоупотребляет».

Рис. 25. Иоанн Вейер.
(Со старинной гравюры 1576 г.).

Таким образом, протестантская точка зрения была, в сущности, та же, что и в древней церкви, а именно: демоны существуют и имеют власть вредить; но христианин своей верой — и только верой — защищен от их козней.

Реформация, стало быть, боролась преимущественно с невежественной народной магией в той форме, в какой она развита была в католических странах. Поэтому последняя в странах, примкнувших к реформации, мало-помалу исчезла. Но собственно главная борьба с чародейством во всех его проявлениях велась *наукой*. Средневековая наука была, как мы уже сказали, удивительной смесью изучения природы и магических искусств, развившейся на основе, данной маврами. Развитие этой тайной науки, или «сокровенной философии», имеет столь большой интерес и важное значение, что в нашем труде ей посвящена будет отдельная глава; здесь же мы ограничимся только несколькими важнейшими пунктами. Выше мы уже видели, что ее приверженцы, хотя бы и невольно, стали причиной того, что вера в чародейство, а вместе с тем и в черную магию, получила в Европе такое быстрое развитие, естественным последствием которого были процессы о ведьмах. Но если ученая магия, по меньшей мере, косвенно и имела на своей совести это

ужасное народное бедствие, то позднее она загладила свою вину, открыто выступая против этого безумия и ведя борьбу с ним. Европейские ученики мавров после критического анализа не остановились на данных основных положениях,— с течением времени они убедились, что из всех магических искусств возможно было только то, которое основывалось на применении сил природы и на естественном взаимодействии вещей.

Генрих Корнелий Агриппа из Неттесгейма был, вероятно, первым, осмелившимся публично признать, что многое в учении сокровенной философии было заблуждением. В молодости, в 1510 г., он даже написал сочинение «De occulta philosophia» (отпечатано в Кельне в 1533 г.), в котором собрал всю магическую мудрость того времени; но в 1529 г. он издал книгу: «De vanitate scientiarum», в которой говорит, что многое, о чем он писал прежде, было пустым делом, на которое было им потрачено много денег и времени. В 1553 г. итальянец Джамбеттиста делла Порта издал небольшое сочинение: «Magia naturalis», наделавшее много шуму и выдержавшее много изданий на различных языках. Книга эта скорее была в своем роде практической физикой, показывавшей, как природными средствами можно делать множество замечательных фокусов. Кроме нескольких действительно хороших глав она содержит также несколько опытов, которые совершенно неисполнимы. Во всяком случае, эта книга имела то значение, что она показывала, как многое, кажущееся волшебным, может быть выполнено при достаточном знании законов природы. Вера в ведьм тоже подверглась сильным нападкам, которые следовали одни за другими. Ученик Агриппы, врач Иоанн Вейер, написал в 1564 г. книгу: «De praestigiis daemonum», в которой он, не отвергая вполне возможности чародейства, утверждает, однако, что большая часть того, что приписывается ведьмам, есть продукт воображения и никогда не существовало и не могло существовать. Еще решительнее выступает в Англии в 1584 г. Регинальд Скотт в своем сочинении «Discovery of witchcraft». Эти нападения, конечно, не оставались без ответа; Бодинус и Дельрио с большой ученостью и остроумием отстаивали древнюю веру в ведьм, а процессы шли своим чередом; однако уже начиналось то брожение, которое в конце концов должно было окончательно подорвать это суеверие.

Одновременно с этими спорами, или в ближайшие годы, быстро появляются одно за другим великие открытия в области астрономии и физики Галилея, Кеплера, Отто фон-Герике и Гюйгенса. Они вдвойне влияли на суеверия того времени. Во-первых, эти открытия лучше всего помогли открыть глаза образованным классам на то, что все происходящее в мире совершается по точным законам, а не по произволу демонов и ведьм. В то же время они обогатили свою эпоху новыми сведениями относительно законов природы, зная которые, можно было естественными средствами производить в несравненно большем объеме разные удивительные физические опыты, считавшиеся до тех пор за действия волшебства. В целом ряде книг, появившихся за время с 1631 по 1660 гг., особенно обращали на себя внимание две: Афанасия Кирхера обстоятельное и местами очень хорошее описание опытов с магнитом, волшебным фонарем и духовыми инструментами, и большой трехтомный труд Каспара Шотта: «Magia universalis naturae et artis» 1657 г., содержащий в себе, вместе с чисто физическими исследованиями, множество практических применений полученных результатов. Такие книги должны были сильно ослабить веру в чародейство в образованных кругах общества.

Что, вообще, было уже положено начало новому взгляду на вещи, видно из того, что три иезуита: Таннер, Шпеэ и Лейманн в 1625—1631 гг. нападали на произвол, проявлявшийся в процессах о ведьмах и более или менее открыто опровергали веру в ведьм. Даже в этой области стали применять экспериментальный метод, заставляя ведьм в присутствии свидетелей мазаться мазью, чтобы посмотреть, действительно ли они могут летать. Путем повторения такого

рода опытов наконец убедились, что перелеты ведьм — дело совершенно невозможное. Обыкновенно при этом происходило не что иное, как то, что ведьма впадала в глубокий сон, в котором ей снились все те приключения, которые, по народным представлениям, должны были происходить с ведьмой во время ее ночного полета.

Подобные наблюдения оказывали свое действие, и в XVII веке ученый мир был полон споров относительно действительности ведовства. Вплоть до конца XVII века спор вертелся главным образом на действительности отдельных явлений; но еще не отваживались колебать самые основы веры в участие в этом деле демонской власти. Приближалось, однако, уже то время, когда явилась возможность этого. Реформатский проповедник в Амстердаме д-р теологии Бальтазар Беккер был руководителем последней и решительной борьбы. В 1691—1693 гг. появился его большой труд: «De betoverde Wereld» в четырех томах, а в 1693 он был переведен на немецкий язык под заглавием «Заколдованный мир» («Die bezauberte Welt»).

Рис. 26. Бальтазар Беккер.
(Со старинной гравюры).

Это одно из самых основательных и подробных произведений, быть может, самое большое, какое когда-нибудь было написано о магии. Немецкое оригинальное издание заключает в себе не менее 1000 страниц убористой печати в формате in guarto. Во всеоружии богословской учености и здравого смысла Беккер оспаривает верование в ведовство; но он пошел дальше, чем на то давало ему право священное писание, отрицая существование демонов. В первом томе он излагает воззрения язычников и современных дикарей на злых духов, затем подробно доказывает, что евреи ко времени Иисуса Христа также имели эту веру, которая перешла и в христианство и повсеместно распространилась вместе с ним. Второй и третий томы заключают в себе собственно полемическую часть произведения. Во втором томе он нападает на веру в царство демонов, доказывая на основании разума, что эта вера противоречит вере во всемогущество Божие и не имеет будто бы никакого основания ни в Ветхом, ни в Новом Завете. В третьем томе он говорит о сношениях людей с дьяволом и, продолжая идти все тем же путем, доказывает, что такое предположение идет наперекор здравому смыслу и не имеет себе никакой опоры в Библии. Наконец, в четвертом томе передает более известные истории о ведьмах и раскрывает, что при более детальном анализе все они, как оказывается, основаны лишь на воображении; ни об одной из них нельзя доказать, чтобы в ней имели место действительные сношения между людьми и дьяволами.

Книга Беккера возбудила общее внимание и появилась в целом ряде изданий на разных языках. Разумеется, с разных сторон посыпались на нее возражения, из которых некоторые были и справедливы, в особенности относительно тех пунктов, где автор пытается по-своему объяснить известные места из священного

писания. Тем не менее его книга имела заметное влияние; она всюду наводила людей на ум. Между прочим, благодаря произведению Беккера, совершенно изменил свои взгляды на ведьм выдающийся немецкий юрист Томазиус, деятельности которого, проявлявшейся как в теории, так и на практике, современники были преимущественно обязаны тем, что женщины, как выразился Фридрих II прусский, могли в будущем стариться и умирать в безопасности. Процессы о ведьмах повсюду прекратились: в Дании около 1700 г.; в Германии последний из них разбирался в 1711 г., в Австрии в 1740 г.; в немногих из образованных стран Европы они просуществовали до конца века, но и то в виде единичных случаев. Вместе с процессами о ведьмах угасала и вера в ведовство, а в образованных кругах она исчезала по мере того, как возрастало знание естественных наук.

В настоящее время чародейство влачит крайне жалкое существование в отдаленных и поэтому менее просвещенных местностях разных стран. Но оно яляется лишь отчасти остатком средневековой народной магии. Большая же его часть происходит от ученой магии, тайной философии, которая в XVI и XVII веках была очень популярна и широко распространена в народе, когда ученые уже не верили в нее. Поэтому народные суеверия нашего времени становятся понятны лишь после изложения ученой магии, вследствие чего мы и отложим ближайшее рассмотрение их до следующего отдела нашего исследования.

ОТДЕЛ II

ТАЙНЫЕ НАУКИ

Отношение ученой магии к народному волшебству

Ученая магия в главных своих чертах имела те же самые основания, как и народное волшебство. Когда последнее в средние века достигло в Европе высшего своего развития, то оно состояло из пестрой смеси европейской и восточной, в особенности халдейской и египетской магии. Но те же самые элементы могут быть указаны также и в тайных науках, только заимствования у восточных народов выступают в них сильнее. Из новых элементов, которых нет в европейской народной магии, можно указать только на алхимию; но последняя никогда не имела большого значения, в смысле одного из членов целой системы. На нее следует смотреть скорее как на архитектурное украшение величественного здания тайных наук; но она никогда не служила краеугольным камнем или опорой этого здания. Так как между ученой и народной магией не было существенного различия в составе материала, из которого они слагались, то они могли различаться между собой только в способе пользования этим материалом, т. е. в форме строения. Так именно и было на самом деле.

Оставаясь в пределах этого сравнения, можно сказать, что народная магия является как бы грубой стеной, где отдельные камни без дальнейшей обработки беспорядочно навалены один на другой, тогда как тайные науки представляют как бы великолепное архитектурное произведение, где каждый отдельный элемент искусно обработан и помещен на настоящем месте. И это совершенно естественно. Материал народной магии собран путем случайных сношений народов и тысячелетней устной передачи. При таком способе происхождения едва ли возможно было достигнуть чего-либо большего, кроме того, что элементы, часто совершенно разнохарактерные, грубо складывались вместе. Совсем иначе было с тайными науками. Последние развились на исходе древних веков и у арабов трудами величайших мыслителей, людей, которые были близко знакомы не только с самыми выдающимися системами греков, но также и с глубокомысленными образами восточной фантазии. Этими различными основными идеями они пользовались для того, чтобы в многочисленных сочинениях обосновать способность человека совершать магические действия. Каждый исследователь мог, таким образом, опираться на результаты, достигнутые его предшественниками и изложенные ими в своих сочинениях. Неудивительно поэтому, что магические науки в XIII веке достигли у мавров такого совершенства, которое должно было импонировать европейцам, не принимавшим в течение почти целой тысячи лет никакого участия в развитии наук. Воодушевление, с каким европейцы принялись за работу, произвело то, что именно они увенчали этот труд.

В Александрии, центре умственной жизни цивилизованного мира, на исходе древних веков начинают развиваться тайные науки. В течение более пяти веков в александрийский музей отовсюду стекались самые выдающиеся мыслители. Греческие философы встречались здесь с восточными мистиками, и обмен всякого рода умственных сокровищ происходил здесь в таких размерах, что ни раньше, ни

позже в истории человеческого рода не встречалось уже ничего подобного. Многие из идей, вокруг которых до новейшего времени вращалась умственная жизнь Европы, получили свое начало в Александрии. Отсюда, например, христианские церковные писатели заимствовали многие из элементов греческой философии и восточного гностицизма, следы которых имеются в их сочинениях, касающихся христианской догматики (сравни выше стр. 53).

В последние века древности Европа была настолько занята продолжительными, непрерывными войнами и религиозными распрями, что всякие сношения с Александрией постепенно прекращались. В первом отделе нашей книги (стр. 72 и след.) уже было указано, как развивалась в Европе магия, частью из самостоятельных народных элементов, частью вследствие неправильно понятого учения церкви. Напротив, в Александрии, еще долгое время остававшейся центром духовной жизни, развитие ее шло своим собственным путем, в более научном направлении. Результаты этих исследований переняли затем после завоевания Египта (в 641 г. по Р. Х.) арабы, которые, таким образом, и оставались носителями научного знания, пока Европа на исходе XII века до известной степени успокоилась и созрела для того, чтобы принять духовное наследство древности. Европейскому критическому уму предназначено было сначала завершить начатое дело, а потом разрушить его и на развалинах его возвести более величественное здание новейшего естествознания.

Теперь мы несколько подробнее рассмотрим ход этого развития. Общий план нашего исследования в общих чертах уже дан всем предыдущим. Мы начнем с изложения той формы, какую в первые века нашей эры получили в Александрии важнейшие магические науки. Прежде всего нашему рассмотрению подлежит египетская магия. Правда, она играла важную роль как одно из звеньев европейской народной магии; поэтому мы, собственно говоря, должны бы обратиться к ней раньше. Но так как чрезвычайно трудно, пожалуй даже невозможно, отделить в народной магии египетские элементы от халдейских, то мы отложили рассмотрение египетской магии до настоящего момента. Для тайных наук последняя имела гораздо более важное значение, что совершенно понятно, так как ученая магия выросла на египетской почве. После этого мы должны будем рассмотреть астрологию, которая в Египте под влиянием греков получила совершенно другую форму, чем какую имела древнехалдейская; и наконец, появляется алхимия как вполне новый специально египетский элемент.

Однако мы ничего не потеряем, если несколько дольше остановимся на происхождении этих наук, и в особенности на их источниках — древнейших египетских сочинениях. Хотя в древнейших европейских сочинениях XV и XVI веков можно найти более подробное и обстоятельное изложение этих наук, чем в произведениях древности, но в них мы напрасно будем искать какого-либо обоснования многих странных правил и предписаний. Магики средних веков держались вполне принципа авторитета. Всякое новое положение обыкновенно сопровождается примечанием: «Древние единогласно утверждают» или «Птоломей пишет» и т. д. Но никто не исследует, откуда же «древние» черпали свою мудрость; это можно найти лишь в оригинальных произведениях старых александрийских магических авторов. А так как мы главным образом хотим исследовать причины различных форм суеверия и волшебства, то, разумеется, должны обращаться преимущественно к тем сочинениям, где выступают эти причины. В этом отношении сравнительно с ними все европейские сочинения, столь богатые частностями, имеют лишь второстепенное значение.

Кроме трех упомянутых наук, магии, астрологии и алхимии, нам необходимо еще ближе познакомиться с четвертой, хотя по своей природе и происхождению она и выходит из пределов нашего труда, так как в начале она не есть ни суеверие, ни волшебство, ни теоретическая, ни практическая магия, хотя, впрочем, содержит в себе зачатки и той и другой. Мы говорим о мистической религиозной философии, изложенной в европейских кабалистических сочинениях, в «священной кабале»,

как ее обыкновенно называют в настоящее время. При этом мы должны изложить ее довольно обстоятельно, так как она сильнее, чем какое бы то ни было другое умственное течение наложила свой отпечаток на европейскую магическую науку XVI века. Правда, что причина такого сильного ее влияния лежит не в богатстве ее мыслей и не в ясности изложения. С ней произошло то же самое, что так часто случается даже в новейшей науке; не богатые содержанием и ясные по мысли сочинения достигают наибольшего значения, а темные и непонятные, в которые всякий может вкладывать тот смысл, который ему самому больше нравится. На европейцев наибольшее впечатление производила именно эта безграничная неясность и мистические методы кабалистических произведений. К этому присоединилось еще то, что эти очень древние сочинения, вдруг появившиеся в Европе в XIII веке, непосредственно соприкасались с Ветхим Заветом, за буквальным смыслом которого они отыскивали скрытое и более глубокое значение. Все эти различные обстоятельства делают понятным, каким образом темная речь кабалы стала фундаментом для фантастических сооружений европейских магиков. Поэтому правильное понимание ученой магии средних веков невозможно без знания кабалы; а так как последняя составляет древнейшую часть, то мы прежде всего и приступим к ней.

Священная кабала

КАБАЛИСТЫ И ИХ СОЧИНЕНИЯ

Густой таинственный туман окутывает все, что относится к кабале: ее происхождение, древность и значение. Правда, что новейшей критике удалось во многих случаях рассеять его, но еще далеко не все загадки решены, что видно уже из того, что исследователи лишь в немногих пунктах пришли к полному соглашению. Для нас, конечно, важно познакомиться лишь с наиболее вероятными и наилучше обоснованными результатами исследования кабалы. И так как взгляды самих кабалистов на происхождение их также не лишены интереса, то прежде всего мы и обратимся к ним. В 7-й и 8-й главах книги Еноха, одной из наиболее богатых по содержанию и выдающихся псевдоэпиграфических книг, находится подробное описание падения ангелов. Рассказ этот представляет собой распространительное толкование 1—4 стих. VI гл. книги Бытия. Об этом чудесном событии в книге Еноха рассказывается следующее:

«Когда люди размножились и стали рождаться у них видные из себя и прекрасные лицом дочери, то ангелы, сыны неба, увидев их, воспылали к ним любовью и сказали: «Пойдем, выберем себе жен из дочерей человеческих и произведем с ними детей». Тогда сказал их начальник Самьяца: «Я боюсь, чтобы вы не испугались этого дела и чтобы я один не пострадал за столь тяжкий грех». Но они возразили ему, говоря: «Мы клянемся и обязуемся все взаимной клятвой не изменять нашему решению и исполнить наше намерение». Тогда поклялись они все один другому и обязались взаимною клятвой. Число их было двести: они спустились на Ардис, вершину горы Армона... Они взяли себе жен, каждый по своему выбору; они вошли к ним и жили с ними и научили их волшебству, заклинаниям и употреблению корней и трав... Кроме того, Азазел * научил людей делать мечи, ножи, щиты и панцири; он же научил их делать зеркала, браслеты и украшения, а также употреблению румяни, подкрашиванию бровей, употреблению драгоценных камней, изящного вида и цвета, так что мир совершенно преобразился. Появилось безбожие, распространился разврат; люди стали грешить и совратились с истинного пути... Амацарак научил всякому волшебству и употреблению корней. Армерс научил, как прекращать действие чар; Баркаял научил наблюдать светила небесные; Акибиил научил знамениям и приметам, Тамиил — астрономии и Асарадел — движению луны».

Согласно этому древнему рассказу все тайные науки произошли, следовательно, от падших ангелов. Как существа высшего рода, чем люди, они обладали знаниями, которые были им сообщены вначале и которые были поэтому сами по себе вообще хороши. Но когда люди, вследствие падения ангелов, получили уча-

* Это имя и следующие — имена вождей падших ангелов. Текст дает полное перечисление 18 вождей, но для нас оно не представляет интереса, а потому и опущено.

стие в этих знаниях, то злоупотребление ими повело к безбожию и к гибели человеческого рода. По мнению разных кабалистов, кабала произошла, таким образом, от падших ангелов, и в ней заключаются именно те знания о божественных вещах, которые были сообщены ангелами и изложены в аллегорической форме в писаниях Ветхого Завета. Поэтому кабалисты стремились к тому, чтобы найти средства вновь извлечь из писания все эти сведения.

Другой миф о происхождении кабалы находится в вавилонском талмуде. Здесь рассказывается, что Господь сообщил Моисею на Синае кроме известных законов еще многое, о чем могли знать только посвященные. К последним принадлежали 70 старейшин, избранных Моисеем и поставленных им во главе народа. Путем устной передачи божественное слово сохранилось внутри тесного круга. Но в словах пятикнижия Моисеева это данное Богом откровенное учение о божественном является в скрытом виде.

Рис. 27. Демон Азазел.

Разумеется, оба эти рассказа должны быть отнесены к области саг. Они изобретены в очень позднее время с целью придать кабалистическому учению характер глубокой древности и сверхъестественного происхождения. Что же касается последнего рассказа, то во всем Ветхом Завете нет ни одного слова, которое указывало бы на существование какого-то учения, будто бы открытого Богом и переданного одним лишь посвященным. Кроме того, очень мало вяжется с достоинством божественного откровения то, что его приходится извлекать путем такого произвольного толкования и искажения слов, как это делали «посвященные» (Мекубалин). Поэтому мы должны искать более надежную точку опоры для определения исторического происхождения кабалы.

В этом вопросе необходимо точно различать само кабалистическое учение от сочинений, в которых оно изложено. Кабала значит «предание», и не подлежит сомнению, что оригинальный склад мыслей древнейших кабалистических сочинений в течение долгого времени устно передавался из рода в род и развивался далее внутри тесного круга посвященных до тех пор, пока, наконец, все учение было собрано и изложено на письме немногими лицами. Из этих древнейших сочинений существуют поныне только два: Сефе́р Ецира, т. е. «Книга о творении», или «О происхождении», и Зехе́р — «Свет», или «Блеск». Но кроме них было еще много других сочинений, от которых дошли до нас одни названия или только отрывки в цитатах позднейших кабалистических авторов. Для нас эти два произведения являются, безусловно, важнейшими; поэтому ниже речь будет идти только о них.

Крайне затруднительно определить время, когда впервые появились Сефе́р Ецира и Зехе́р. В особенности относительно последнего произведения очень долго велись споры. Высказываемые в нем мысли так темны и неясны, что при некотором желании всегда можно найти сходство между ним и всевозможными греческими и восточными философскими и религиозными системами. Кроме того,

изложение его так беспорядочно, что кажется почти невероятным, чтобы подобное произведение могло быть написано с целью передать позднейшим поколениям определенное учение. Так как Зехéр стал известен в Европе только в XIII веке, когда один бедный еврей, Моисей из Леона, привез это сочинение в Испанию, то многие из новейших критиков думали, что этот Моисей сам написал это произведение и намеренно придал ему мистический отпечаток, чтобы обратить на себя внимание. Мы не будем останавливаться на ученом споре по поводу этого мнения, так как это отвлекло бы нас слишком далеко, и в настоящее время это мнение признается неосновательным; но уже одно то, что такой взгляд разделялся многими серьезными учеными, доказывает, насколько трудно определить время, когда были написаны эти сочинения. Впрочем, вероятно, что и Сефéр Ецира и Зехéр были написаны во втором веке нашей эры. В Зехéре упоминается о книге Еноха; следовательно, она должна быть старше Зехéра: время ее появления можно указать довольно точно, а именно: она была написана во времена первых Маккавеев, после книги Даниила, написанной приблизительно в 168 г. до Р. Х. На основании этого мы можем точно установить предельное время, именно обе кабалистические книги не могли быть написаны раньше, чем за 200 лет до Р. Х. С другой стороны, Зехéр упоминается в Мишне, древнейшей части талмуда, содержащей в себе древние иудейские предания. Мишна составлена около 189 г. по Р. Х. Иудой святым, и если в ней уноминается о Зехéре, то несомненно, что он существовал уже в то время. Но существование его еще не доказывает того, что он был и записан. Сочинение может легко иметь уже тот общий характер, в каком оно будет впоследствии изложено письменно, и в таком виде долго передаваться устным путем. Однако весьма вероятно, что устная передача незадолго до составления Мишны должна была уступить место письменной. Правда, этого строго нельзя доказать, но это предположение подтверждается еще более, если рассмотрим вопрос с другой стороны, именно со стороны исторического происхождения и развития тех идей, которые изложены в кабалистических сочинениях. Что кабалисты искали скрытого смысла в еврейских писаниях, именно в пятикнижии Моисея, об этом ясно говорится в Зехéре, где эта мысль часто возвращается, выражаясь во многих замысловатых образах.

«Горе человеку, который в законе не видит ничего другого, кроме простых рассказов и обыкновенных слов! Если бы он действительно не содержал ничего более, то мы могли бы и в настоящее время точно так же написать закон, столь же достойный удивления. Чтобы найти обыкновенные слова, мы можем обратиться к земным законодателям, у которых часто находят даже нечто большее. Тогда достаточно было бы только подражать им и написать закон на основании их слов и их примера. Но это не так: всякое слово в законе содержит более глубокий смысл и скрытую тайну. Рассказы, находящиеся в законе есть только внешняя одежда закона. Горе тому, кто одежду закона считает за сам закон! Об этом Давид говорит: «Господи, отверзи очи мои, чтобы я увидел чудеса в законе Твоем!» Давид говорит здесь о том, что скрыто под одеждою закона. Существуют глупцы, которые, если видят человека в прекрасном платье, то судят о нем по платью, между тем как только тело придает ценность платью; душа же еще ценнее тела. Закон также имеет свое тело. Это суть его заповеди, которую можно назвать телом закона. Простые рассказы, присоединенные к ним, суть одежды, покрывающей это тело. Большинство обращает внимание только на платье или на рассказы закона; они не знают ничего другого, они не видят, что скрыто под платьем. Напротив, более просвещенные не обращают уже внимания на одежды, а смотрят на тело, которое покрыто ими. Наконец, мудрые слуги вышнего Царя, обитающие на высотах Синая, занимаются только душою, которая есть основание для всего остального и для самого закона; в будущем эти мудрые дойдут до того, что будут созерцать душу самой души, которой дыхание проявляется в законе».

Далее мы подробно рассмотрим странные методы, употребляемые кабалистами, чтобы извлечь из простых слов закона скрытый в нем смысл или душу, а также изложим те из главных пунктов кабалистического учения, которые имеют наибольшее значение для наших исследований. При этом мы найдем, что те мысли, которые кабалисты находили скрытыми между слов писания, отнюдь не новы; что это были не что иное, как идеи, игравшие выдающуюся роль в различных языческих религиях, особенно в халдейской и персидской. Интерес этого обстоятельства заключается в представляемом им доказательстве того, что родиной кабалистической мысли, очевидно, был Вавилон. Во время вавилонского плена евреи

имели полную возможность познакомиться с мудростью халдеев; а во время господства Кира, т. е. в последние годы плена, они также неизбежно должны были познакомиться и с религиозными представлениями персов. И все, полученное путем такого знакомства, кабалисты старались, по возможности, соединить с учением Иеговы. Надо сказать, что при этом они были не очень разборчивы: многое из того, что они вычитывали из слов писания, при более критическом отношении оказывается стоящим в значительном противоречии с чистым учением Иеговы.

Было бы, однако, совершенно неверно делать отсюда заключение, что кабалисты умышленно старались исказить учение Иеговы. Кабала есть религиозная философия. Кабалисты по-своему искали ответ на великие вопросы во все времена интересовавшие людей: вопрос о сущности Божества и его отношении к миру, о природе человека, судьбе человеческой души и т. п. Обо всем этом в священном писании евреев говорится очень мало, и то немногое, что там имеется, далеко не всегда единообразно. Кажется, будто интерес евреев к этим вопросам пробудился только тогда, когда они во время вавилонского плена получили сведения о других религиях, где философские спекуляции занимали выдающееся место. Но когда сами иудейские мыслители стали заниматься этими вопросами, то они пошли совершенно естественным путем: они заимствовали из известных им религий все то, что им казалось пригодным. Однако их преклонение перед авторитетом священного писания было так велико, что при решении этих вопросов они ни на минуту не могли положиться на собственные силы и способности. Поэтому все то, что, по их мнению, они могли сказать об этих великих вопросах, все это должно было находиться в писании. Но так как фактически в нем этого не было, то они изобрели целый ряд мистических методов, которые, вообще, сводились к тому, чтобы посредством перестановок и отбрасывания букв составлять в писании совершенно новые предложения. Таким способом, очевидно, не трудно черное сделать белым и из одного предложения составить другое, которое говорит почти совершенно противоположное. Поэтому они и пришли к результатам, которые почти совершенно противоречат действительному смыслу учения Иеговы. Однако эти искажения вовсе не были сознательны или преднамеренны, но были только следствием применения оригинального искусства переложения. Сами кабалисты думали, что они стояли на почве закона и находились в полном согласии с «истинным» законом, который скрывался в слове, с тою «душою», дыхание которой было в законе. Очевидно, что кабалистические спекуляции, которые так легко вели к противоречию с истинной верой, должны были содержаться в строжайшей тайне; массе народа они были совершенно неизвестны; только мудрые люди, на которых, по-видимому, можно было вполне положиться, принимались в небольшой кружок посвященных. Это подтверждается многими указаниями.

В мишне находится замечательное место: «Запрещается объяснять двоим историю творения, а меркáва, или небесную колесницу, не следует объяснять даже и одному, хотя бы это был даже мудрец, сам собою способный понять ее. Под именем «Истории творения» никак нельзя понимать книгу Бытия или первую книгу Моисея, так как закон Моисея находился в руках у всего народа и каждый был обязан прилежно читать его. Название «Брейшис Мшайс» — «история творения» — относится поэтому к Сефер Ецира — «книге происхождения» — и, таким образом, было только вторым названием того же самого произведения, точно так же, как и Шмойс Меркáва — «история колесницы» — было вторым названием Зехéра».

Цитированные строки показывают нам, как строго следили за тем, чтобы только достойные люди были посвящены в тайны.

Впрочем, талмуд содержит и несколько данных иного рода, из которых видно, что принять посвящение считалось делом весьма опасным, почему многие умные люди отказывались от этой чести.

Так, между прочим, рассказывается следующее: «Раввин Иоханан сказал однажды раввину Елиезару: приходи ко мне, я посвящу тебя в меркава. Но Елиезар ответил ему: для этого я еще недостаточно стар. Когда Елиезар состарился, то раввин Иоханан уже умер. Через некоторое время пришел раввин Асси к раввину Елиезару и сказал: теперь я посвящу тебя в меркава. Однако Елиезар ответил: если б я считал себя достойным этого, я был бы уже обучен твоим наставником Иоханаком».

Талмуд передает также, что много мудрых мужей, занимаясь кабалистическими спекуляциями, лишались или рассудка, или веры.

Поэтому легко понять, что кабалисты во всякое время составляли очень небольшой кружок лиц, который вел свои заседания так, что ни одно постороннее лицо не могло ничего узнать о происходившем на них.

О том, как велись эти собрания, мы получаем ясное представление из второй и третьей книги Зехéра, Идра Рáбба Кадиша, т. е. «великое святое собрание», и Идра Зута Кадиша, т. е. «малое святое собрание». В них изображены собеседования раввина Симеона бэн Иохан со своими учениками; на большом собрании присутствовало 10, на малом — 7 лиц. То и другое собрания открывались целым рядом церемоний, причем раввин Симеон заставлял своих учеников поклясться, что они будут следить за тем, чтобы эти мистерии не профанировались и чтобы ими не злоупотребляли. Каким огромным авторитетом пользовались слова раввина Симеона, видно из следующего места первой главы Идра Рабба.

«Раввин Симеон сказал своим последователям: соберитесь сопутствующие мне на открытом месте; будьте вполне готовы. Подготовьте ваше суждение, вашу мудрость, понимание, знание, усердие, будьте готовы с руками и с ногами. Крепко держитесь за господа, который над вами, во власти которого находится жизнь и смерть, дабы вы могли восприять слово правды Его. И раввин Симеон сел на землю и плакал; после этого он сказал: горе мне! Должен ли я открыть это. Горе мне! Должен ли я не открывать об этом? А все бывшие при этом хранили глубокое молчание».

Тогда поднялся раввин Абба и заговорил, обращаясь к нему: Божьею милостью написано так: «Тайна Господня — боящимся Его и завет Свой Он открывает им» *. И верь, эти снутники твои боятся Святого и прославленного Единого, и собрались они теперь на собрание подобно тому, как бы в доме Его. После этого все дали раввину Симеону руку и подняли пальцы, вышли в поле и сели под деревья. Раввин Симеон поднялся и прочел молитву; затем он сел среди них и произнес: кто этого хочет, да положит свою руку на мою грудь. И все положили на нее свои руки. Они долго молчали и слышали голос; от страха их колени стучали одно об другое. Что же это был за голос? Это был голос небесного воинства, которое собралось, чтобы слушать их. Тогда раввин Симеон исполнился радости и сказал такие слова: Господи, я не скажу, как один из твоих пророков, что я услышал глас твой и убоялся. Теперь уже не время для страха, а время для любви, как написано: «Возлюби предвечнóго, твоего Бога». И когда раввин Симеон отверз уста, чтобы говорить, заколебалось все поле и все слушатели его содрогнулись.

Этот раввин Симеон, по слову которого содрогалась земля и слетались ангелы, собираясь вокруг него, есть историческая личность. Его речи дают материал для двух из самых больших книг Зехéра; кроме того, многие из его мудрых слов сохранились в Мишне, древнейшей части талмуда. Обыкновенно принимают, что он жил 100 лет спустя по Р. Х. В Идра Зýта Кадиша, «Малом святом собрании», описана его смерть. Во введении к книге описывается, как его последователи собрались у его смертного одра и, прежде чем обратиться к ним с своей последней речью, он дал точное приказание раввину Аббе записать все, о чем он говорил им. Это именное завещание, а также и то, что две книги Зехéра передают его речи к спутникам, позволяет считать вероятным, что, по крайней мере, эти части Зехéра составлены вскоре после смерти Симеона сообща его учениками; первая часть Зехéра «Сефер Дойцута», т. е. «сила сокрытых тайн», так тесно связана со второй и третьей частью, что и она, по-видимому, составлена теми же самыми лицами. О следующих же частях Зехéра, имеющих меньшее значение, нельзя уже сказать ничего определенного, точно так же, как и о другом из главных кабалистических произведений, Сефер Ецира, автор которого неизвестен. Только судя по языку и содержанию предполагают, что это произведение должно быть старше Зехéра.

* Псалом XXIV, 14.

КАБАЛИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Кабалистические методы основываются преимущественно на особенностях еврейского алфавита, и, чтобы понять их, мы должны прежде всего начать с некоторых замечаний относительно еврейских букв. Еврейский алфавит состоит из 22 букв, которые в сущности все согласные; гласные обозначаются точкой под буквою. Но в древних писаниях нет этих гласных точек; отсюда следует, что различные слова обозначаются часто теми же самыми буквами (согласными), между тем как их произношение и смысл зависят от того, какие гласные буквы присоединяются к ним. Эта особенность, разумеется, очень помогала желанию кабалистов находить в словах новый смысл. Другое важное обстоятельство заключалось в том, что не было никаких особых знаков для чисел. Впрочем, в этом отношении еврейский язык сходен с большей частью языков древности; римские цифры тоже буквы, имевшие вместе с тем и определенное числовое значение. Подобным же образом пишутся цифры и на еврейском языке; каждая отдельная буква имеет определенное числовое значение, откуда и вытекает основной кабалистический закон: всякое слово есть число и всякое число есть слово. При кабалистических замещениях этот закон получил тем большее значение, что различные слова могли иметь одно и то же числовое значение; таким образом, если из двух таких слов подставить одно на место другого, то, в сущности, не произойдет никакого изменения, так как число будет то же самое, хотя смысл получится совершенно иной.

Метод замены буквенного значения числовым применен, как известно, один раз в Апокалипсисе, где в гл. XIII, ст. 18 говорится:

«Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть». Число 666 стоит здесь вместо одного имени, которое не должно быть названо, но может быть найдено, если подставить буквы, сумма которых имеет то же самое числовое значение. Предполагают, что скрытое имя в данном случае есть имя императора Нерона.

Наконец, заметим еще, что одни и те же буквы не всегда пишутся одними и теми же знаками: так буквы К, М, Н, П и Ц в конце слова пишутся иначе, чем в начале или в середине.

Чтобы сделать нагляднее дальнейшие объяснения, я приведу здесь еврейский алфавит рядом с числовыми значениями еврейских букв и соответствующими нашими буквами. Знаки, употребляемые в конце слов, отмечены звездочкой. Кроме того, даны и еврейские названия букв.

א	А	Алэф	1	ה	Х	Гэй	5	ט	Т	Тэт	9
ב	Б	Бэт	2	ו	В	Вав	6	י	Ю	Йод	10
ג	Г	Гимэл	3	ז	З	Зайин	7	כ	К	Каф	20
ד	Д	Далэт	4	ח	Х'	Хэт	8	ך*			500
ל	Л	Ламед	30	ס	С	Самэх	60	צ	Ц	Цадик	90
מ	М	Мэм	40	ע	О	Айин	70	ץ*			900
ם*			600	פ	П	Фэй	80	ק	К	Коф	100
נ	Н	Нун	50	ף*			800	ר	Р	Рэйш	200
ן*			700					ש	Ш	Шин	300
								ת	Т	Тав	400

Кабалистические методы, с которыми мы хотим ближе познакомиться, мы разделим на три части: GMTRIA — гематрия; NVTRIQVN — нотарикон и ThMYRH — тамура.

Гематрия основывается на упомянутом уже числовом значении, которое имеет каждое слово; она состоит в том, чтобы одно слово заменять другим, равным ему по числовому значению. Такой прием распространяется также и на целые предложения.

Так, напр., буква шин (ш) имеет числовое значение 300; можно получить то же самое число, если сложить числовые значения букв в словах РВХ АЛХЮМ, руах элэгхим, т. е. «дух Господа». Поэтому буква «ш» признается символом «духа Господа». Этот образец счета легко выводится с помощью таблицы: Р = 200, В = 6, Х = 8, А = 1, Л = 30, Х = 5, Ю = 10, М = 40; сложивши эти числа получим 300. Таким точно образом слова АХД, эход, т. е. единство, и АХВХ, агув, т. е. любовь, каждое по сумме числовых значений равно 13, почему одно из этих слов употребляется вместо другого. Дальнейшим примером может служить попытка посредством гематрии найти имена трех ангелов, посетивших Авраама в роще мамврийской. В первой книге Моисея (XVIII, 2) имеется: ВХНХ ШЛШХ, «вейенна шэлигла», т. е. «я вижу трех мужей». Сумма числовых значений этих двух слов составляет 701, и то же самое число получается сложением числовых значений следующих букв: АЛВ МОКАЛ ГБРЮАЛ ВРПАЛ, Эло Михаэл Гавриэл вэ Рэфуйэл, которые означают: «они есть Михаил, Гавриил и Рафаил». Мы привели здесь пример того, какая глубокая тайна — в данном случае имена ангелов — может быть скрыта в словах, по-видимому, совершенно простых. Этих примеров довольно, чтобы показать сущность и значение гематрии.

В другом методе, *нотарикон*, существуют два способа. Согласно первому каждая буква одного слова принимается за начальную букву нового слова. Таким образом, одно слово распадается на целое предложение.

Примером может служить одно из множества спекуляций с первым словом Библии: БРАШЮТ, берэншис, «вначале». Буквы этого слова принимаются за начальные буквы новых слов, причем в числе многих других получается, между прочим, и такое предложение: «Берэншис Руэ Элехгим Шекэбль Исруэл Тору», т. е. «Вначале видел Господь, что Израиль должен принять закон».

Следовательно, отношение Израиля к Иегове в виде скрытого пророчества заключается уже в первом слове Библии. Второй способ прямо противоположен первому. Первый — состоит в том, что из одного слова развивается целое предложение, второй же метод имеет в виду из данных предложений извлечь отдельные слова. Это достигается тем, что из начальных и конечных букв отдельных слов составляют новые слова. Так, напр., кабала называется также Хохмо Нэйсутро, т. е. «тайная мудрость», а из начальных букв этих двух слов образуется слово ХН, Хейн, т. е. «милость». В пятой книге Моисея (XXX, 12) имеется: «Ми ялэ Лону ха-Шомайлю», «Кто взошел бы для нас на небо?» Из начальных букв составляется слово МИЛГ, мило, означающее обрезание, а из конечных букв ИГВГ, иагве, «иегова». На основании этого предложения кабалисты заключали, что сам Бог определил обрезание, как знак избранного народа.

Как особую форму нотарикона можно отметить попытку таким путем открыть имена 72 ангелов,— попытку, названную шеймгамфойрош, «раздельное имя». Каждый из трех стихов второй книги Моисея XIV гл.— 19, 20 и 21 в первоначальном тексте имеет по 72 буквы. Это обстоятельство, разумеется, должно было иметь значение, полное тайны, тем более, что в 19 стихе говорится об «ангеле Бога, шедшем впереди стана Израиля», так как везде, где только идет речь об ангеле, можно предполагать, что в словах скрыто имя ангела. Каждый из этих трех стихов пишут по прямой линии один под другим и при этом первый стих справа налево, второй слева направо и третий справа налево, таким образом, получается 72 вертикальных ряда по три буквы в каждом. Каждый из 72 рядов образует одно слово из трех букв, затем к каждому из этих слов прибавляют окончание АЛ, ЮХ, Эл или ЮАХ и получают имена 72 ангелов. Шеймгамфойрош в так называемой прикладной кабале играет большую роль; а так как и нам придется иметь дело с этой таблицей, то мы и приведем ее сейчас:

Шеймгамфойрош.

М	Ю	Х	Л	А	Х	К	А	Л	М	О	С	Ю	В
Б	З	Х	А	Л	З	Х	К	Л	Х	Л	Ю	Л	Х
Х	Л	О	В	Д	Ю	Т	А	Х	Ш	М	Т	Ю	В
14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Ш	Ю	Х	Н	Х′	М	Ю	Н	П	Л	К	Л	Х	Х
А	Р	А	Т	Х	Л	Ю	Л	Х	В	Л	А	К	Р
Х	Т	А	Х	В	Х	Ю	К	Л	В	Ю	В	М	Ю
28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15

М	Х	Ю	Р	Х′	А	М	К	Л	Ю	В	Л	А	Р	
Ю	Х	Ю	Х	О	Н	Н	В	Х	Х′	Ш	К	В	Ю	
К	Х	З	О	М	Ю	Д	К	Х′	В	Р	Б	М	Ю	
42	41	40	39	38	37	36	35	34	33	32	31	30	20	
Н	Н	М	Н	Н	О	Ц	Д	В	М	О	О	С	Ю	В
М	В	Б	Ю	Н	М	Х′	Н	Х	Ю	Ш	Р	а	Л	В
М	Ю	Х	Т	А	М	Ш	Ю	В	Х	Л	Ю	Л	Х	Л
57	56	55	54	53	52	51	50	49	48	47	46	45	44	43
М	Х	Ю	Р	Х	А	М	Д	М	О	Ю	Б	М	Х	Ю
В	Ю	Б	А	Б	Ю	Н	М	Х	Н	Х	М	Ц	Р	Ю
М	Ю	М	Х	В	О	К	Б	Ю	В	Х	Б	Р	Х	Л
72	71	70	69	68	67	66	65	64	63	62	61	60	59	58

Тамура, третий кабалистический метод, основан на перестановке букв. Для этого существует множество разнообразных, частью крайне замысловатых правил.

Одно из простейших, так называемая таблица сочетаний Цируфей: надо написать 22 буквы алфавита в два ряда один под другим, первый справа налево, второй слева направо:

К	Ю	Т	Х′	З	В	Х	Д	Г	В	А
Л	М	Н	С	О	Н	Ц	К	Р	Ш	Т

Затем каждую букву одного ряда заменяют соответствующей буквой другого, напр. А буквой Т, В—Ш, и также наоборот Т заменяется А и т. д. Теперь заменяют последнюю букву или даже две последних буквы нижнего ряда другими, остальные же буквы оставляют в прежнем порядке без изменений, и таким образом получается 21 различная комбинация. Перестанавливают, напр., на последнее место З и В, тогда получается:

М	Л	К	Ю	Т	Х′	Х	Д	Г	Б	А
Н	С	О	Н	Ц	К	Р	Ш	Т	В	З

Так как здесь сохраняется последовательность в ряде букв, а изменяются только две последние буквы нижнего ряда, то известна и вся комбинация, если только мы знаем две последние буквы. Различные комбинации Цируфеевой таблицы называются четырьмя последними буквами; первая из приведенных называется АТГШ, а последняя комбинация — АЗБВ. При соблюдении этих правил можно вообще легко самому составлять различные комбинации. Говорят, что кабалисты употребляют 22 таких комбинации; но очевидно, что возможно получить их гораздо больше.

Кроме этих таблиц существуют еще три другие, называемые «правильной», «обращенной» и «неправильной». Чтобы представить одну из них, надо разделить квадрат на 22×22 шашки так, чтобы каждая из 22 букв повторилась 22 раза. Для «правильной» таблицы пишут в верхнем ряду буквы справа налево. В следующих рядах поступают таким же образом, только начинают буквой Б и кончают А. В третьем ряду начинают с Г и кончают Б и т. д. «Обращенная» таблица составляется точно так же, только буквы следуют здесь в обратном порядке, слева направо. Описание «неправильной» таблицы потребовало бы много места.

Для нас имеет интерес еще один метод, так как он даже и в настоящее время известен как излюбленный популярный волшебный алфавит. Это — Аик Бекар «кабала новой камеры». Надо написать все 27 букв (следовательно, включая сюда и 5 заключительных знаков) в 3×3 последовательно лежащих шашках; сначала пишут справа налево первые девять букв. Затем следующие девять и т. д., и когда написаны все буквы, то в каждой шашке находится их по три и вся таблица представляется в следующем виде:

300	30	3	200	20	2	100	10	1
...	..	.	...	..	.	...	..	.
Ш	Л	Г	Р	К	Б	К	Ю	А
600	60	6	500	50	5	400	40	4
...	..	.	...	..	.	...	..	.
М*	С	В	К*	Н	Х	Т	М	Д
900	90	9	800	80	8	700	70	7
...	..	.	...	..	.	...	..	.
Ц*	Ц	Т	Н*	Н	Х	Н*	О	З

Над каждой буквой дано ее числовое значение, заключительные буквы отмечены звездочкой *. Точки, поставленные над тремя отдельными буквами, имеют особое значение: при помощи их пользуются всей системой, как обыкновенным алфавитом. Если нарисовать только форму камеры и поставить в ней одну точку, то такая фигура означает первую букву в камере; две точки означают вторую букву, три точки — третью. Так, напр., ⌊. А; ⌊... Р и ⌈.. П. Таким образом, кабалой новой камеры пользовались древние кабалисты для секретных сообщений. Само собою разумеется, что этой системой можно пользоваться самым различным образом, переставляя лишь буквы.

Кроме описанных здесь было еще множество более или менее произвольных методов, с помощью которых из данных слов или предложений выводились новые. Впрочем, большая часть их появилась, по-видимому, в более позднюю эпоху, так как ими пользовались прежде всего средневековые христианские кабалисты, чтобы выводить основные положения христианской догматики из слов Ветхого Завета. Далее мы приведем несколько таких примеров.

УЧЕНИЯ КАБАЛЫ

Для меня представляется невозможным дать сколько-нибудь ясно общую картину содержания кабалистических сочинений. Такое краткое описание должно бы представлять из себя реферат, выражающий ход мысли и руководящую идею этих произведений. Но такой руководящей идеи вообще не существует в кабале. От сочинения, которое в наше время имело бы в виду те великие вопросы, которыми занималась кабала, мы прежде всего потребовали бы систематизации материала и строгой логики. Но в кабале нельзя найти ни малейших следов логики; напрасно было бы читать с начала до конца эти объемистые сочинения, стараясь найти в них что-нибудь имеющее хотя бы отдаленное сходство с новейшими методами доказательств. Кабалист идет к своим результатам не путем последовательных заключений, а путем фантазии. Каждая мысль высказывается без малейшей связи с предшествовавшей, просто как голое утверждение, вообще не подлежащее сомнению; правильность же его подтверждается лишь тем, что посредством применения мистических методов оно оказывается скрытым в том или ином месте писания. Восточная фантазия торжествует в кабале в самых диких формах, но где неограниченно царствует фантазия, там о порядке не может быть и речи, и понятно, что при таких условиях невозможно в коротких словах изложить общее содержание этих произведений. Поэтому я должен ограничиться лишь кратким, но ясным указанием на то, о чем в них идет речь, и осветить лишь главнейшие положения, получившие впоследствии столь важное значение. Даже и в таком виде возможно, что наше изложение в некоторых пунктах будет недостаточно, так как разница между свободной фантазией кабалиста и ходом логической мысли современного европейца настолько велика, что едва ли один может вполне понять другого. После этих оговорок я постараюсь передать содержание кабалы.

Мы начнем с Сефер Ецира, который является как бы введением к Зехéру. Сефер Ецира — «книга о происхождении» — приписывается патриарху Аврааму; произведение это представляет собой как бы его наблюдения над жизнью. Начало ее вполне понятно и для нашего времени; путем наблюдения окружающего мира, его порядка и общего единства патриарх приходит к вере во всемогущего Бога, сотворившего все. Но здесь, во всяком случае, и конец для нас пониманию этой книги. Автор идет дальше по тому же, уже проложенному, пути; он старается исследовать законы существования в отдельных их проявлениях, чтобы таким способом постигнуть божественную премудрость; но каким образом это достигается, остается для нас совершенно непонятным. Естественные средства человека для обмена мыслей, т. е. слова, или наши названия вещей, сливаются с самими вещами и заступают их место. В слове лежит все, из слова исходит все и «слово есть Бог», говорит Сефер Ецира. Разлагая слова на их составные части, оказывается, что они состоят из 22 (еврейских) букв и первых десяти чисел, из которых можно вывести все другие числа. Эти 32 знака называются «тридцатью

двумя чудесными путями мудрости». На них основывается все знание, и только посредством них мы достигаем мудрости.

Далее Сефер Ецира подробно занимается разбором этих «чудесных путей мудрости», начиная свой разбор с первых десяти чисел, «десяти сфиро». На кабалистов производил чрезвычайное впечатление тот простой факт, что из десяти чисел можно составлять новые числа и что ряд чисел бесконечен. «Для десяти сфиро не существует предела ни в будущем, ни в прошедшем». Но эти десять сфиро — не только числа, а нечто большее: так как числа обнимают все и так как все в мире может быть измерено числами, то числа становятся для кабалистов сущностью самих вещей.

Несколько примеров объяснят это. Так как понятие о всемогущем Боге исключает возможность существования более чем одного Бога, то первая сфиро, число «один», превращается в субстанцию самого Бога. «Первая сфиро, един, это есть дух Бога живого, да будет благословенно имя Его». Вторая сфиро, число два, есть слово. Слово есть дыхание, носитель мыслей человека: «дыхание» и «мысль» суть две вещи, а вместе с тем и одна, так как они нераздельны, и хотя слова суть только дыхание, но для своего выражения они требуют 22 буквы. Эта великая тайна заключается во второй сфиро: «Два есть дыхание, исходящее от духа; в нем 22 буквы, но они составляют одно дыхание, только получившее образ и форму».

Сущность всего этого учения о десяти сфиро, как показывают приведенные примеры, состоит исключительно в числовых спекуляциях, в попытках найти сущность вещей через посредство чисел, составляющих их выражение или символы. То же самое относится и к остальным 22-м путям мудрости, т. е. 22-м буквам. Они делятся на три группы, называемые «тремя матерями», «семью двучленными» и «двенадцатью простыми». Это разделение сочинено, кажется, лишь для того, чтобы доказать значение в существовании чисел: три, семь и двенадцать. Так, в строении мира имеются три стихии: огонь, вода и воздух, это — три матери. Огонь есть субстанция неба, из воды произошла земля, и между этими двумя противоположными элементами находится воздух, разделяющий их. Деление года управляется также тремя матерями, ибо существуют три времени года. (На востоке за жарким летом следует дождливое время, которое затем сменяется умеренным периодом). В человеческом теле также господствуют три матери, ибо тело состоит из головы, груди и живота. «Семь двучленных» соответствуют противоположностям, т. е. таким вещам, которые могут служить как для добра, так и для зла. Так, существуют семь планет, имеющих хорошее или дурное влияние на землю. В неделе семь дней и семь ночей; в человеческой голове семь входов, открытых как хорошему, так и худому. Наконец, «двенадцать одночленных» мы находим в двенадцати месяцах года, в двенадцати созвездиях зодиака и в двенадцати родах деятельности человека, которые по Сефер Ецира есть следующие: зрение, слух, обоняние, осязание, слово, питание, размножение, движение, гнев, смех, мысль и сон.

Если все это соединить в одно общее представление, то Сефер Ецира следует признать крайне примитивной и несовершенной попыткой путем исследования природы познать божественную премудрость, проявленную в закономерности всего существующего. Сефер Ецира старается раскрыть нам «дух природы», как сказал бы современный исследователь. Но так как настоящее исследование природы было вполне недоступно кабалистам, то они пытались найти в самой природе те средства, которыми пользуется человеческий ум для обмена мыслей, т. е. буквы и числа, а так как столь произвольная фантазия может быть до известной степени проведена всюду, то числа и буквы стали для них тождественными с самой сущностью вещей.

Зехéр стоит уже как будто на несколько более высокой точке зрения, главным образом потому, что он занимается больше Богом и душою человека, чем природой. Все, что находится вне нас, т. е. видимая природа, то и дальше от нас; история науки показывает, что истинное понимание природы было достигнуто лишь очень поздно. Но, стремясь познать самого себя, человек уже очень рано получил взгляд на душевные явления и постоянно представлял своих богов подобными себе, только величественнее и могущественнее. Поэтому размышления Зехéра о Боге и человеке должны и в настоящее время казаться менее детскими и неудачными, чем спекуляции Сефер Ецира о природе.

Впрочем, Зехéр начинается там, где кончается «книга происхождения»; Бог и божественная премудрость составляют для него уже нечто данное.

Тотчас в начале книги Идра Рабба Симеон бен Иохай так описывает Бога своим спутникам: «Он старейший из старейших, тайна из тайн, самый неведомый из неведомых; Он имеет свой собственный образ, так как Он является нам в образе высокопочтенного старца, старейшего из старей-

ших. Но и в этом образе Он остается неведомым. Его одежда была, как снег, от Его лика исходит свет. Он восседает на трон из огней, послушных Его воле. Его белый светящий венец освещает 400 000 миров; 400 000 миров, рожденных от этого белого света, станут в грядущей жизни наследием праведных. Каждый день от Его чела исходят 13 000 мириад миров, которые Он хранит и тяжесть которых Он один держит. От главы своей сотрясает Он росу, пробуждающую мертвых к новой жизни; поэтому в писании сказано: «роса Твоя есть роса света». Она есть пища святейших, манна, уготованная святым в грядущей жизни. Эта роса бела, как алмаз, цвет которого содержит в себе все цвета. Длина лица Его сверху донизу $370 \times 10\,000$ миров. Его называют «долгий лик», ибо это есть имя старейшего из старейших».

Но Бог не всегда является в таком образе; было время, когда Он только «отрицательно существовал, т. е. когда Его образ существовал лишь в возможности. Но для того, чтобы мир и люди могли быть созданы и чтобы Божество могло быть познано людьми, оно должно было развиться само собою и принять разнообразные формы, которые взаимно дополняли бы одна другую. О том, как развивается Божество и тем самым создает мир, говорится в первой части книги Зехéр, называемой: «Книга скрытых тайн». Она начинается с заявления, что вначале Божество было Эйн Сойф, т. е. беспредельное и бесконечное единство, в котором существовали, по возможности, все божественные формы. Эти формы, взаимно дополнявшие одна другую и поэтому находившиеся в равновесии, покоились тогда в пределах пространства, отрицательно существовавшего в «старейшем Едином». Затем Божество, раскрываясь, принимало постепенно свои разнообразные формы, т. е. десять сфиро (сравни стр. 104).

Кажется несколько странным, что десять сфиро, которые в Сефер Ецира суть десять первых чисел, понимаемых как субстанция вещей, здесь являются в качестве форм Божества. Однако эта разница только кажущаяся; в сущности, это лишь более сильное выражение той же мысли, которая высказана уже в «Книге происхождения». При разборе этого произведения мы говорили, что первая сфиро, один, есть руах элэхим, дух Божий. Вторая сфиро, два, есть слово; но «слово есть Бог», поэтому и вторая сфиро есть только новая форма Божества. То же самое относится и к остальным сфиро; в конце концов все они лишь различные стороны божественного существа и в этом только смысле являются в Зехéре. После этого небольшого отступления, которое было необходимо для того, чтобы понять связь двух главных кабалистических сочинений, мы вернемся опять к Зехéру.

Когда Божество захотело явиться, то оно раскрыло сначала свои высшие и всеобъемлющие формы, первую сфиро: кесер, «венец». «Он есть основа всего бытия, таинственная премудрость, корона Всевышнего, венец венцов». Он называется также «макропросопись», «великий порядок», который, как утверждают кабалисты, будто бы обозначается во второй книге Моисея именем АХИХ, эхейэ, «я есмь». Из первой сфиро последовательно выводятся девять других. Но при этом замечательно, что из следующих сфиро одни считаются мужскими, другие женскими и это разделение, по убеждению кабалистов, согласуется будто бы с Библией. В первой книге Моисея (I, 26—27) имеется следующее место: «И сказал Бог: сотворим человека по образу *Нашему* и по подобию *Нашему*; и да владычествуют *они* над рыбами морскими и над птицами небесными, и над зверями, и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их». Здесь замечательно уже то, что Бог говорит о самом Себе во множественном числе, а о человеке говорит: «и да владычествуют *они*». Затем он создает человека по образу Своему, как мужчину, так и женщину. И это, по толкованию кабалистов, говорится об одном Адаме, так как о создании Евы из ребра Адамова говорится значительно позже, именно во второй главе, ст. 21—22. Все это, говорят кабалисты, становится лишь тогда понятным, если мы представим себе, что в Божестве заключаются как мужские, так и женские свойства. Адам, созданный по образу Божию, существо столь же мужское, как и женское; это видно из того, что Бог и о Себе, и о человеке говорит во множественном числе, потому что одно двойное мужеско-женское существо должно считаться за два лица. Согласно этому девять сфиро признавались мужскими и женскими сторонами божественной сущности.

Вторая сфиро-хохмо, «премудрость», мужская активная сила, исходящая подобно свету от кесер. Это есть отец, тогда как третья сфиро—бино, «понимание», есть мать. Кесер, хохмо и бино, соединенные вместе, образуют высшее триединство, по образу которого создан человек мужчиной и женщиной, так что мужчина и женщина, по учению кабалы, совершенно равны по своему происхождению. Через соединение отца и матери возникает затем четвертая сфиро: хэсэд, «сострадание», или «любовь». Из этой мужской силы возникает пятая сфиро: гвура, «крепость», называемая также нахад, «страх», которая есть женская пассивная сила. Из последних двух происходит шестая сфиро—тиферес, «красота», или «благость», связывающая вместе обе предшествующие. Она называется также микропросонис, «малый порядок» и замыкает собою второе триединство. Эти шесть первых сфиро образуют вместе мелех, т. е. «царя»; вместе с этим развитием завершается творение мира. Именно Бог создал мир в шесть дней, и, как мы знаем, закон Моисея начинается словом БРАШЮТ, берэйшис, означающим «вначале». Но это слово, собственно говоря, должно читаться: БРАШЮТ, бора шис, т. е. «Он создал шесть». Отсюда мы видим, что развитие шести первых сфиро равнозначно творению мира в шесть дней.

Четыре следующие сфиро возникают точно так же, как и первые. Седьмая есть мужская сила нéцах, «стойкость», или «победа», а восьмая пассивная женская сила, гхойд, «величина». Из этих двух происходит Иесойд, «основание». Наконец, из этой последней возникает десятая сфиро мáлхус, «царство», называемая также «царицею». Если все десять сфиро сопоставить в виде последовательного ряда, в порядке их происхождения и так, чтобы их взаимные отношения обозначались их местом, то

получается «кабалистическое дерево» — фигура, представленная на следующей таблице. В ней, кроме того, для отдельных сфиро указаны остальные их названия, о которых я не говорил в тексте. Подчеркнутые имена — это различные имена Божие, применяемые кабалистами к различным сфиро.

Легко понять смысл этого учения о сфиро, если рассмотреть кабалистическое дерево. Десять сфиро есть лишь разнообразные свойства божества, как бы распределенные между различными лицами. Но все они вместе образуют одно лицо, Адама, Авила, «первого существующего», или также Адама Кадмона, «прообраз человека». Этими именами или именем той или другой сфиро кабалисты обозначали Бога. Они испытывали такой страх перед «высочайшим именем» Бога, ИНУН — Ягве, или Иегова, которое, однако, довольно часто встречается в пяти книгах Моисея, что они никогда не произносили его. Когда же им встречалось это слово, то они называли его «имя из четырех букв» — тетраграмматон. Бог называется также АГЛА, словом, представляющим нотарикон предложения: атéй гéбур лэ-олэйм Адэной, т. е. «Ты, Господи, царствуешь вечно».

Так как человек создан по образу Божию, то кабалисты должны были последовательно разложить и духовную субстанцию человека на множество членов так же, как они разложили субстанцию божества на десять сфиро. Таким образом, по учению кабалы и у человека имеются разные души: сколько их, нелегко сказать, однако, по меньшей мере, три: дух, душа и жизненная сила; они обра-

зуют одно триединство; дух есть высшая часть человека; душа есть обитель добра и зла; жизненная сила стоит в непосредственной связи с телом и производит движения. «В этих трех, т. е. в духе, душе и теле, мы находим верный снимок с того, что происходит в высшей сфере; ибо эти три образуют лишь одно существо, где все связано в единство». Кроме этих трех душ есть указания на существование в человеке многих других душ; они приобрели большое значение у средневековых магиков.

Я старался дать возможно краткое изложение тех пунктов, которые имеют для нас наибольший интерес и в то же время представляют собой основы кабалистического учения. Мы видим, что оно не отличается особым богатством мысли; скорее можно бы его назвать простой игрой слов. Но кабала имела влияние на европейцев не вследствие богатства мыслей; к изучению этих сочинений европейцев влекли отчасти мистические методы, отчасти безграничная их неясность. С мистическими методами мы уже познакомились, но неясность мысли не так заметна в приведенных цитатах, которые по большей части изложены так, что передан смысл, а от настоящих словесных выражений оригинала сохранилось очень немногое; чтобы дать читателю образец стиля Зехе́ра, я процитирую его начало, первую главу из «Книги о скрытых тайнах».

«Книга скрытых тайн» есть книга о равновесии равновесия. Ибо прежде чем было равновесие, порядок не мог соблюдать правильного порядка. И цари прежних времен были мертвы, венцов их уже не было, и земля была пустынна, пока не показалась глава (смысл здесь не понятен), желаемая всеми желаниями (и исходившая от АIН СВП, Эйн Сойф, Беспредельного, бесконечного Единого), и не передала одеяния чести. Это равновесие находилось в стране, которая от века отрицательно существует в Едином. Тогда эти силы были взвешены, но не имели еще видимого существования. В его форме (в форме Единого предвечного) существовало равновесие: это — непостижимо, это — невидимо. В нем они (эти силы) возникали, и в нем они возникают, как те, которые не существуют, так и те, которые существуют и будут существовать. Глава, которая непостижима, есть тайна в тайне. Но она была образована и сформирована наподобие черепа и наполнена кристалловидной росой. Кожа ее из эфира; она ясна и прочна» и т. д.

Надо предполагать, что люди, объяснявшие основные кабалистические мысли, должны были иметь несомненные знания относительно хода мыслей и способа выражений древних кабалистов. Но большинству людей было бы трудно найти в них какой-нибудь след здравого смысла.

Происхождение тайных наук

ЕГИПЕТСКАЯ ТЕУРГИЯ

Как халдеи, так и египтяне знали искусство заклинания, целью которого было защищать людей от преследования злых сил. Но, насколько нам известно, у халдеев оно служило исключительно для защиты живых, тогда как египтяне старались помогать и умершим в загробной жизни. В этом, как и во многих других существенных пунктах, заклинательное искусство халдеев отличается от египетского, а так как последнее несомненно имело большое влияние на средневековую ученую магию, то мы должны в коротких словах разобрать здесь его специальные особенности.

Источниками наших сведений служат писания на папирусе, найденные в гробницах, где помещались мумии.

Они написаны частью на египетском, частью на греческом языках. Египетские, бесспорно, древнее; некоторые восходят до отдаленнейших времен, XXIV века до Р. Х. Для нас преимущественно важны эти египетские писания, что же касается до греческих, едва ли восходящих далее первых веков по Р. Х., то мы ближе познакомимся с ними позднее. Так как дешифрировать египетские иероглифы крайне трудно, то некоторые из папирусных свитков, хранимых в европейских музеях, еще вовсе не прочитаны, а другие хотя и разобраны, но содержание их так темно, что почти невозможно добраться до его смысла. Можно, конечно, понять, что в них идет речь о магических операциях, для которых употреблялись известные вещи; но как они употреблялись и что этим достигалось, остается вполне загадочным. К наилучше объясненным и наиболее понятным папирусам относится «книга мертвых» и так называемый «магический папирус Гарриса». В дальнейшем изложении мы будем главным образом держаться этих писаний.

Как у всех первобытных народов, так и у древних египтян магия находилась в теснейшей связи с религией. Египетская религия отличается чрезвычайной сложностью; в ней существует целый ряд богов и богинь, и каждый из них имеет множество имен. Солнце, Ра, пробуждающее своими лучами всякую жизнь, признавалось за создателя и охранителя мира и жизни; всякое положение солнца на небе олицетворялось в виде особого бога. Таким образом, Ра есть солнце полудня, Озирис — заходящее солнце. Изида есть небо при солнечном закате; она — супруга Озириса, и их сын есть Горус — восходящее солнце. Сет, или Тифон,— темнота.

Мифологически все это изображалось так: Сет убивал своего брата Озириса, а Изида своими молитвами и заклинаниями возвращала его к жизни; их сын Горус пронзал Сета своим копьем и таким образом мстил за своего отца. Миф этот постоянно повторяется в магических заклинаниях. Из других богов в них упоминается Аммон, или Фта, который в сущности тоже есть солнце, но только в более абстрактной, менее личной форме.

Уже в самые древнейшие времена египтяне, по-видимому, размышляли о существовании после смерти. В разнообразных явлениях природы они видели изображение судьбы души в загробной жизни, в особенности в ежедневном движении солнца по небесному своду. Подобно тому, как Озирис умерщвляется и вновь возвращается к жизни, побеждая тьму, т. е. как солнце заходит и утром снова восходит, рассеивая туман, так, по их мнению, должно быть и с человеком. Он нисходит в могилу, чтобы вновь воскреснуть; душа бессмертна, как Ра, и совершает такой же путь. Душа умершего называлась кху (Khou); тотчас после смерти она спускалась в подземный мир, кер-нетер, чтобы выслушать там от Озириса свой приговор. Но по пути туда она уже подвергалась различным опасностям: ее преследовали страшные чудовища и вооруженные духи, и человек должен был быть очень сведущ в божественном, чтобы спастись от них. Коль скоро он достигал кер-нетера, то там жизнь его взвешивалась: сердце его клалось на одну чашу весов, которые держит Горус; на другой же чаше помещалась справедливость. Тот, бог мудрости, отмечал результат взвешивания, от которого зависела окончательная судьба души. Праведник принимался в число спутников Озириса; но чье сердце оказывалось слишком легким, тот наказывался полным уничтожением; его возводили на эшафот подземного мира, немма, где гиппопотам откусывал ему голову. Поэтому злые души называются «дважды умершими». Однако до совершения казни душа должна была перенести еще много испытаний; она должна была странствовать по земле и при этом могла принимать какой угодно вид. Она могла также входить в бальзамированные тела умерших и даже в живые существа. В Фивах, в одном из храмов, найдена интересная надпись, исторический документ, сообщающий об одной царской дочери, которая была «одержима» злой душой. Однако настоящие дьяволы были, по-видимому, неизвестны египтянам; злые силы, с которыми они боролись, были бог Сет и его спутники и «дважды умершие», пока они, до совершения над ними казни, странствовали по земле.

Египетская магия в большей своей части обусловливается этими представлениями. Чтобы душа кху могла бы до известной степени легко противостоять всем опасностям и испытаниям, она должна знать о многих вещах и иметь с собой множество талисманов и освященных предметов. Всем этим ее снабжают при погребении оставшиеся на земле люди.

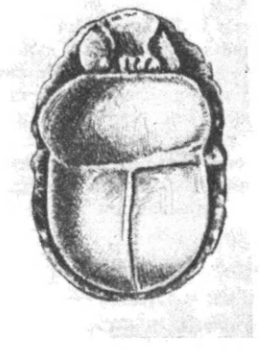


Рис. 28. Каменный жук (скарабей).

«Книга мертвых» содержит в себе полный обряд погребения; в ней подробно приводятся все необходимые молитвы и церемонии. В книге имеется более 150 глав, что служит доказательством того, с какими церемониями было связано погребение; это станет еще нагляднее, если мы передадим содержание отдельных глав. Сначала читается молитва над венком из цветов, который надевали на голову умершего, затем совершалось курение священными благовониями, и тогда покойный получал оправдание перед своими врагами, как живыми, так и мертвыми. На груди мумии почти всегда находится каменное изображение священного жука — скарабея. Этот талисман был весьма полезен покойному, как это видно из 31-й главы «книги мертвых», которая после молитвы и заклинания

заканчивается следующими словами: «Это должно быть сказано над скарабеем из твердого камня, который должен быть одет в золото и положен на сердце человека. Сделай из него талисман, помазанный елеем, и произнеси над ним слова заклинания: «Сердце мое от моей матери, сердце мое в моих превращениях».

Содержание «книги мертвых» имело важное значение и для живущих. Восемнадцатая глава — «моление Тоту» служила обеспечением того, что кху после смерти снова увидит свет. Кто же при жизни носил на себе список этой главы, тот пользовался здоровьем и избегал на земле огня и других опасностей.

Молитвы и заклинания в «книге мертвых» постоянно формулированы так, как будто их произносит сам умерший; это вполне естественно, так как душа должна была пользоваться этими волшебными формулами в самых разнообразных положениях. Дальнейшая оригинальная особенность состоит в том, что умерший является божественной личностью и даже в качестве одного из высших богов, с которыми не может произойти никакого зла. То же самое относится и к заклинаниям, служащим для защиты живых и составляющим главное содержание «магического папируса Гарриса».

О помощи богов не просят, как о милости, но требуют ее, приказывают богам помогать, ссылаясь на собственную божественность. Иногда богов вовсе не призывают, но просто приказывают опасности устраниться, ставя самих себя в положение Бога. Вот несколько примеров из магического папируса: следующее заклинание направлено против диких зверей: «Явись сюда, властелин богов, удали от меня львов, появляющихся с земли, и крокодилов, выходящих из реки, и всех кусающих тварей, выползающих из своих нор. Прочь, крокодил, мако, исчадие Сета! Не бей своим хвостом; не потрясай своими лапами; не раскрывай своей пасти! Да будет вода, которая перед тобой, пылающим огнем; пусть копья 77-ми богов выколют тебе глаз; ты прикован к большому рулю бога Ра *. Будешь ты вдруг прикован к четырем металлическим крюкам, к передней части корабля Ра. Стойте, крокодилы, мако, исчадия Сета; ибо я — Аммон, оплодотворивший собственную мать». В следующем заклинании, направленном против крокодилов, боги уже не призываются; заклинатель сам становится богом.

Рис. 29. Боги защищают волшебника, заклинающего их.

«Не будь против меня! Я Аммон, я Ангур, милостивый защитник. Я великий властитель силы, владыка меча. Не подымайся на меня, я Сет. Не прикасайся ко мне! Я Горус! Вы, которые в воде, не смейте выходить из нее; вы, которые вышли из воды, не смейте возвращаться в воду; вы, которые остаетесь в ней, должны всплыть наверх, как всплывают трупы на волнах. Ваша пасть должна замкнуться так же, как замкнуты семь печатей вечности».

В более позднюю эпоху это свойство египетской магии выступило еще резче — не ограничивались уже тем, что обращались к собственной божественности, но даже грозили богам.

В одном папирусе, написанном по-гречески, найдены разные заклинания в этом роде. Очевидно, этот папирус относится к той эпохе, когда египетская магия уже смешалась с магией других стран; тем не менее характер этих чудодейственных формул остается еще чисто египетским. Так при освящении магического кольца, Гермесова кольца, обращаются к солнцу, произнося следующую формулу: «Я — Тот, изобревший и создавший целебные средства и письмена. Приди ко мне, ты, живущий под землей, явись передо мной, великий дух! Если я не буду знать всего, что таится в душах всех египтян, греков, сирийцев и эфиопов, всех народов и племен, если я не буду знать всего, что было и что должно произойти, если я не получу объяснения об их обычаях, трудах и жизни, об их именах

* Предполагалось, что бог солнца в лодке совершал свой путь по небу.

и именах их отцов, матерей, сестер и друзей, а также именах умерших, то я волью кровь черного в ухо собаки, лежащей в новом, не употреблявшемся сосуде; я положу это в новый котел и сожгу вместе с костями Озириса; громким голосом назову его, Озириса, который был в реке три дня и три ночи, который был вынесен в море течением реки». Эта формула подобно многим другим относится к мифу об умерщвленном Озирисе, который был вынесен рекой в море; заклинатель грозит богам назвать его имя, т. е. указать его местопребывание убийце Сету.

Таким путем полагали вынудить у богов помощь. *Следовательно, божественная магия есть не что иное, как угроза богам, теургия.*

Само собой разумеется, что такое чародейство, которое действует с помощью самих богов, не могло употребляться на что-нибудь худое. Поэтому египетская магия была тайной, хранимой жрецами; они строго следили за тем, чтобы она не проникла в народ. В некоторых главах «книги мертвых» строго запрещается совершать при свидетелях описываемые там церемонии, даже отец или сын покойника не могли присутствовать при них. Поэтому строго наказывалась каждая попытка завладеть священными магическими книгами или употреблять их для нерелигиозных целей.

В одном древнем папирусе содержится обвинение против пастуха, которому посчастливилось украсть одно из священных сочинений и тем самым наделать много несчастий. После перечня всех преступлений, причиной которых был этот человек, приговор говорит коротко и ясно: «он должен умереть».

Когда в более позднюю эпоху греки завладели Египтом, то египетская магия не могла остаться скрытой от них. Александрийские философы преимущественно занимались великими проблемами бытия, вопросами о сущности и отношениях божества к миру и особенно к людям. Поэтому они должны были заняться и проблемой египетской теургии: может ли человек с помощью известных средств воздействовать на богов, так чтобы они наверное исполнили определенное его желание. Но такого рода воззрение решительно противоречит представлению о Боге, могущество которого превышает силу человека; так это вначале и признавалось. Порфирий, выдающийся представитель неоплатонической школы, боролся с теургией, исходя именно из того положения, что божество стоит слишком высоко над человеком, чтобы его можно было заставить какими бы то ни было средствами повиноваться человеку. Но его ученик Ямблих изобрел чрезвычайно остроумную теорию, на основании которой оказывалось, что теургия не только была признана возможной, но даже возведена была до степени единственно истинного и правильного богопочитания.

Это в высшей степени удивительное учение подробно изложено в сочинении «о мистериях». Автором его считается Ямвлих, но вероятнее, что оно написано одним из его учеников. Основные мысли книги, впрочем, вполне согласуются со взглядами, изложенными в произведениях самого Ямвлиха, так что, судя по точке зрения, это сочинение могло бы быть написано и им самим.

Автор «Мистерий» распределяет все духовные существа в определенном порядке, по их рангу; выше всего стоят боги, затем ангелы, демоны, герои и наконец души. Все эти духовные существа являются промежуточными членами между высшим, «единым» Богом и миром. Все духи, как низшие, так и высшие, по своей природе нечувствительны ко всякому человеческому влиянию. Такова их природа. Отсюда следует, что боги никогда не внимают молитвам людей, так как по своей природе они не могут быть тронуты этими молитвами. Никакие подобные средства, ни молитвы, ни посты, ни целомудрие, не могут повлиять на богов, но могут очень влиять на душу, которая все это совершает. «Не боги нисходят к душе, обращающейся к ним с призываниями и мольбами, но душа возвышается до богов». Под сильным влиянием таких подвигов изменяется только сама душа; молитва — средство, чтобы самому сравняться с богами. Таким образом, «влияние человека на богов» состоит лишь в том, чтобы сделать человеческую душу причастной высшей природе, а вместе с тем и могуществу богов. Поэтому теургия не есть только магический способ, но и истинный способ богопочитания, единственный путь, по которому человек может подняться до богов. В особенности дивинация, дар предсказания, достигается только путем теургических операций. Собственными силами душа никогда не может достичь того восторга, в котором она сливается с богами, и получает возможность видеть грядущее, как бы настоящее. Достичь этого можно, только призывая богов. «Совершенно неосновательно полагают, что можно достигнуть такого же состояния через посредство демонов; когда чувство наполнено ими, то оно вообще уже не способно к восторгу. Вдохновение, характерное для восторга или энтузиазма, есть произведение не демонов, но богов; но энтузиазм не есть экстаз, а возвращение, или обращение к добру, тогда как экстаз есть падение ко злу». Все это относится также и к обычным, магическим искусствам, если сравнить их с теургическими операциями: обыкновенный

магик силою своего искусства может наполнить фантазию только бессодержательными образами — он дает лишь призраки вместо действительности. Напротив теург, возвысивший свою душу до равенства с богами, действительно достигает всего, чего он хочет.

Это оригинальное учение, т. е. различие, установленное им между теургией, действующей с помощью добрых духов, и обыкновенной магией (гоецией), сила которой исходит от демонов, приобрело в средние века большое значение: благодаря ему ученые средневековые магики избегали участи ведьм.

АСТРОЛОГИЯ

Одновременно с астрономией, рано достигшей у египтян цветущего состояния, развилась у них также и астрология. О древнейшей египетской астрологии знаем мы немного; вероятнее всего она имела тот же характер, как и халдейская.

Один папирус, относящийся к 19 или 20 династии (за 1200 л. до Р. Х.), заключает в себе астрологическое расписание счастливых и несчастных дней, а также правила о том, что следует и чего не следует делать в эти дни. Расписание это простирается на три четверти года. Вот отрывок наиболее характерных правил. «Тот (сентябрь): 21 — не убивать быков; 22 — не есть и не солить рыбы. Паофи (октябрь): 13 — не есть никаких овощей; 22 — не купаться; 26 — не начинать постройки дома. Атир (ноябрь): 5 — не зажигать огня и не смотреть на огонь; 19 — не выезжать на Нил. Хояк (декабрь): 21 — не ходить гулять; 28 — не есть никакого водяного животного. Тоби (январь): 7 — не показываться никакой женщине; 24 — счастливый день, следует пить мед» и т. д.

Конечно, трудно сказать, как относились египтяне ко всем этим предписаниям; вероятно, они находятся в связи с мифологией: из многих легенд о богах делали такие выводы, что в известные дни и периоды следует воздерживаться от различных действий.

Таким образом, эта древняя астрология находится в близком соотношении с религией, и занимались ею без сомнения исключительно жрецы. Впрочем, об этих древнейших формах египетской астрологии мало известно.

Совершенно иной отпечаток получила астрология после того, как греки утвердили свое господство в Египте, а александрийский музеум стал центром науки в древнем мире. Здесь трудились многие знаменитые математики, физики и астрономы. Наиболее известными из них были до Р. Х. Эвклид (около 200 г.), Эратосфен (род. в 275 г.), Гиппарх (ок. 160 г.) и Герон (ок. 100 года). Но самым знаменитым из всех ученых Александрии был астроном Клавдий Птоломей (в 150 г. по Р. Х.), взгляды которого на строение мироздания и движение небесных тел признавались за догмат в течение всей эпохи древности и средних веков, вплоть до Коперника. Птоломей полагал, что земля неподвижна и находится в центральном пункте мира. Около земли вращаются восемь сфер; в семи внутренних находятся планеты, в крайней восьмой находятся неподвижные звезды. К планетам отно-

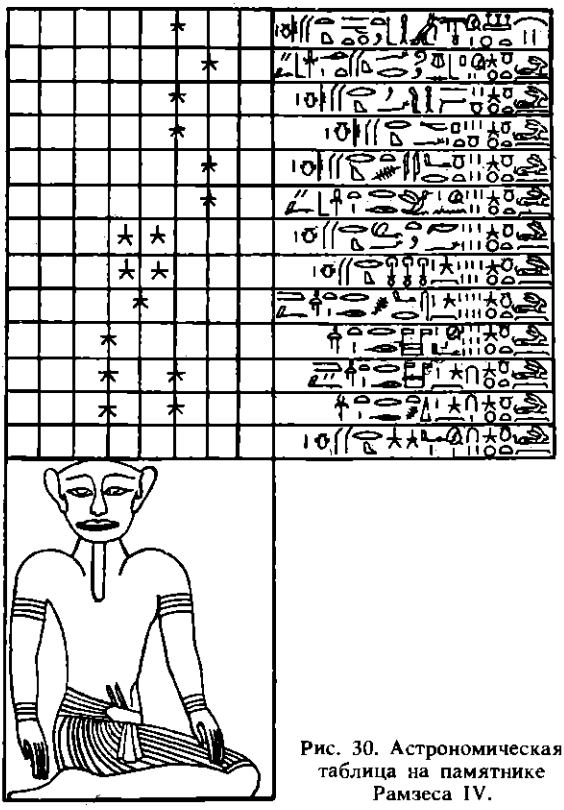


Рис. 30. Астрономическая таблица на памятнике Рамзеса IV.

сятся также два «светила небесные», Солнце и Луна, а последовательный ряд всех «странствующих звезд» представляется в следующем виде: ближе всего к земле, в первой сфере, движется Луна, затем следуют Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер и Сатурн. Других планет не было известно.

Александрийские астрономы были превосходными наблюдателями; они обогатили астрономию целым рядом точных наблюдений над движениями небесных тел. Результаты этих наблюдений, продолжавшихся в течение пяти веков, и основанные на них вычисления изложены в большом труде Птоломея: «Megale syntaxis», или, как он называется в арабском переводе: «Tabrir al magesthi», откуда употребительное ныне слово: «Альмагест», составляющее сокращение этого заглавия. Однако рядом с этими строго научными исследованиями древние александрийские астрономы занимались также и той оригинальной ученой астрологией, которая составляла предмет занятий почти всех выдающихся людей древности и средних веков и у которой даже в наше время опять появляются приверженцы. Эта астрология никогда не была собственно тайной наукой, так как со времен Птоломея уже имелось сочинение, быть может, написанное даже его собственной рукой, в котором были собраны основные учения этой науки. Но так как изучение астрологии требовало значительных подготовительных сведений и различных инструментов, то оно и не могло быть доступно всякому. Поэтому астрология всегда была предметом занятий лишь ограниченного числа ученых.

Основная мысль египетской астрологии та же самая, как и халдейской, именно что звезды, и главным образом планеты, к которым причислялись Солнце и Луна, влияют на все, что бы ни случилось на земле. Поэтому было очень важно иметь точные данные о том, какая планета в каждый данный момент имела «господство». В древнейшие времена это определялось предположением, что каждая планета пользуется господствующим влиянием в течение одного часа дня.

Первый час первого дня принадлежал крайней планете, Сатурну, второй — Юпитеру, планете, второй от конца, и т. д.

При помощи данной здесь фигуры (рис. 31) можно удобно определить господствующую планету в любой час недели. Планеты отмечены в кругу и в последовательном порядке так, как они расположены относительно земли. Вместо названий планет поставлены их знаки, древние иероглифы, которыми ради удобства пользовались астрологи для обозначения небесных тел: Сатурн ♄, Юпитер ♃, Марс ♂, Солнце ☉, Венера ♀, Меркурий ☿ и Луна ☽. Если поставить Сатурна ♄ вверху круга, то окажется, что он господствует в первый час первого дня. Затем, если идти отсюда по направлению стрелы, т. е. в направлении движения часовой стрелки, то господство ♃ придется на 2-й час, ♂ — на 3-й час и т. д. Восьмой час придется опять на ♄, так же, как и 15-й и 22-й, следовательно, 23-й час есть ♃, 24-й час — ♂, 25-й, т. е., другими словами, первый час второго дня есть час Солнца ☉. Следуя в том же самом порядке и далее, найдем, что первый час третьего дня принадлежит Луне ☽, четвертого дня — ♂, пятого дня — ☿, шестого дня — ♃ и наконец седьмого дня — ♀. День носил имя той планеты, которая господствует в первый его час; таким образом, первый день назывался днем Сатурна; суббота по-английски и поныне называется Saturday. Второй день — день Солнца, воскресенье (нем. Sonntag = = англ. Sunday), третий день — понедельник, день Луны (нем. Montag = dies lunae, фр. lundi), четвертый день — Марса (фр. mardi), пятый день — Меркурия (фр. mercredi), шестой день — Юпитера (dies jovis, фр. jeudi) и наконец седьмой день — Венеры (dies Veneris, фр. vendredi). Таким образом, в европейских языках мы находим еще следы этого древнего астрономического учения о господстве планет над отдельными днями и часами.

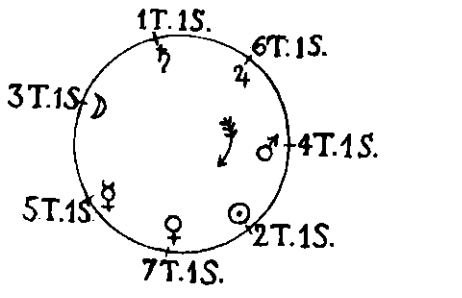


Рис. 31.

Насколько была развита александрийская астрология во II веке по Р. Х., это мы видим из существующего поныне произведения, обыкновенно называемого: «Quadripartitum Cl. Ptolemaei» (четыре книги Птоломея).

Можно сомневаться в том, написано ли это произведение самим Птоломеем. Но так как оно уже древними арабскими авторами цитировалось как написанное Птоломеем и во многих местах содержит в себе, несомненно, зародыши астрологических учений, развитых в эпоху средних веков европейцами и арабами, то, во всяком случае, его надо отнести к греческому александрийскому периоду. Что оно составлено в Египте, это видно из отдельных мест самого сочинения; поэтому мы вправе смотреть на него как на подлинное изложение ученой египетской астрологии в том виде, какой она имела в конце древних веков. Ниже мы в коротких словах укажем на характерные черты этой науки.

«Две вещи,— говорит Птоломей,— особенно необходимы, чтобы проникнуть в сферу астрологических предсказаний. Во-первых, надо знать положение солнца, луны и движущихся звезд относительно друг друга и относительно земли, равным образом значение и силу этих положений. Во-вторых, надо знать, какие изменения происходят в вещах, подчиненных влиянию звезд, в зависимости от естественных свойств этих их положений. Первая отрасль этого знания уже сама по себе достойна изучения, даже помимо употребления ее для предсказаний через соединение ее со второй отраслью. Напротив, вторая отрасль этой науки менее совершенна и менее достоверна; она должна быть изложена здесь в том виде, как ее обыкновенно изображают».

Для нас, конечно, большой интерес представляет «первая отрасль», потому что она заключает в себе все теоретическое основание астрологии; из нее мы можем видеть, в каком виде представлялось влияние звезд на земные вещи. Эта теория вовсе не взята произвольно, с ветру, скорее она составляет простое и естественное распространение физики того времени. Аристотель указал, что всякая вещь обладает одним или несколькими из следующих четырех свойств: теплотой, сухостью, холодом и влажностью. Это учение применяли также и к планетам, которым, в силу более или менее специальных причин, эти свойства приписывались в различной степени, а так как действие каждой вещи определяется ее свойствами, то из этого следовало, что всякая планета действует на землю сообразно с теми свойствами, которые ей приписывали.

Относительно свойств и связанного с ними влияния планет Птоломей пишет так: «Следует обратить внимание на то, что солнце вследствие своей природы производит действие теплоты, в меньшей степени также сухости. Относительно Солнца мы замечаем это гораздо легче своими чувствами, чем относительно других планет, вследствие его величины и вследствие явственности, с какою с течением времени изменяется его действие. По мере того как солнце приближается к пункту, лежащему вертикально над нашей головой (Зениту), в той же мере сильнее обнаруживается и его действие.

«Луна имеет влажное действие потому, что она ближе всего к земле, из которой подымаются влажные пары. Таким образом, она размягчает вещи, подверженные ее влиянию, и способствует их гниению. Благодаря своему сходству с солнцем, как снимок солнца, она обладает способностью согревать».

«Сатурн есть звезда, преимущественно приносящая холод; он также сушит, но в незначительной степени, и это вполне естественно, так как он находится всего дальше и от теплоты солнца, и от влажности земли. Впрочем, его силы, как и всех остальных звезд, находятся в зависимости от их положений относительно солнца и луны».

«Юпитер — умеренная, благосклонная звезда. Он расположен в центре, между холодным Сатурном и жарким, удушливым Марсом. Он дает теплоту и влажность, но так как сила теплоты преобладает, то от него исходят ветры, производящие плодородие».

«Марс сушит и сжигает; его цвет, цвет огня (красный), согласуется с его свойствами. Он находится вблизи солнца, круг которого лежит внутри его сферы».

«Венера по своей умеренности имеет сходство с Юпитером, но причина для этого совершенно иная. Так как она находится вблизи солнца, то несколько согревает, но при этом, подобно луне, возбуждает гораздо больше влажности, ибо при содействии этого большого светила (луны) она притягивает влажность из ближайших к ней мест земли».

«Меркурий сушит и в довольно значительной степени всасывает влажность, так как он лежит недалеко от солнца. Но иногда он немного и увлажняет, ибо находится вблизи земли, ближе всех остальных планет, за исключением Луны».

Из приведенных свойств непосредственно заключают, что одни планеты приносят счастье, а другие — несчастье.

«Древние утверждали, что Юпитер, Венера и Луна — благотворные светила, потому что природа их более умеренная и мягкая, и у них более всего теплоты и влажности. К неблаготворным звездам следует отнести Сатурна и Марса, имеющих противоположную природу и действие, так как один очень холоден, а другой, напротив, пламенно горяч. Между этими группами находятся Солнце и Меркурий, которым присущи свойства тех и других, ибо их действия одинаковы с действиями тех звезд, с которыми они имеют общие свойства».

Дело не ограничивалось тем, что, исходя из основных свойств планет, делали только выводы относительно более или менее благотворного влияния их на землю; сверх того из этих же свойств выводили и всю их природу.

Примером этого может служить то, что Птоломей пишет о половом различии планет: «Звезды делятся на мужские и женские. Женские — это те, у которых преобладают влажность и плодородие, так как эти свойства лучше всего выступают у женского пола; остальные планеты мужские. Поэтому Венера и Луна называются женскими, так как в них преобладает влажность; напротив, Сатурн, Юпитер и Марс — мужские. Меркурий принадлежит обеим группам, как обладающий в равной степени свойствами как влажности, так и сухости».

Из природы планет вытекает и значение всех других астрономических определений, напр. времен года. Весна влажна, лето согревает, осень сушит, зима приносит холод. Также и четыре стороны света имеют те же свойства, зависящие от положения солнца. Восток обладает свойством сушить, так как солнце, когда оно здесь находится, начинает уничтожать влажность, образовавшуюся за ночь. Юг обладает свойством согревать, так как солнце выше всего подымается на юге. Запад влажен, так как здесь солнце начинает отдавать влажность, образовавшуюся в течение дня, север холоден, так как солнце здесь наиболее удалено от середины неба.

Таким образом, мы познакомились с природой планет, а также и с влиянием, какое они обнаруживают в силу своих свойств. Не всегда однако планета действует с одинаковой силой на земные явления. Ее влияние зависит главным образом от данного положения ее на небе. Уже давно было замечено, что все движущиеся небесные тела описывают на небе приблизительно один и тот же круг. Этот круг, так называемый зодиак, был разделен на 12 равных частей, двенадцать небесных знаков, получивших свое название от тех созвездий, которые находятся внутри данного знака. Их названия и обозначающие их наиболее употребительные иероглифы были следующие: Овен ♈, Телец ♉, Близнецы ♊, Рак ♋, Лев ♌, Дева ♍, Весы ♎, Скорпион ♏, Стрелец ♐, Козерог ♑, Водолей ♒ и Рыбы ♓. С равноденствием Солнце вступает в знак Овна и затем последовательно проходит через все знаки в вышесказанном порядке.

По причинам, с которыми мы сейчас познакомимся ближе, астрологи полагали, что существует известная особая связь между планетами и каждым из небесных знаков и что большее или меньшее влияние планеты зависит от того, находится ли она в данный момент в знаке, с которым она состоит в особом «соотношении». Таких соотношений Птоломей считает пять: обители, треугольники, восхождение, мера и виды, которые все вместе в каждый момент определяют «существенное значение», или ранг планет (dignitates essentiales). Птоломей пишет об этом странном учении следующее: планеты имеют свое особое значение благодаря своему месту, или, как его называют, «обители», под которым разумеются соответствующие им части зодиака. Естественное основание для этого заключается в следующем:

«Два из двенадцати знаков находятся всего ближе к нашему вертикальному пункту, зениту, вследствие чего они возбуждают жар: это Рак ♋ и ♌ Лев; поэтому в этих двух знаках обитают два величайших и важнейших из всех небесных тел — Солнце и Луна. Именно Лев принадлежит Солнцу, так как оба имеют мужские свойства; напротив, Рак принадлежит Луне, так как он имеет женские свойства. Поэтому полукруг от ♌ до ♑ называется солнечным, а от ♋ до ♒ — лунным. (См. рис. 32, где небесные знаки и планеты отмечены соответствующими знаками; первые вне круга, а вторые внутри его). Так как Сатурн есть наиболее холодное из всех небесных тел, то он занимает место, противоположное местам Солнца и Луны, именно в ♑ и ♒, т. е. в знаках, наиболее холодных и зимних, вследствие тоже их противоположности с Солнцем. Юпитеру ♃, который имеет более умеренную природу и в ряду планет стоит перед Сатурном, даны два знака, которые находятся ближе всего к Сатурну, именно ♐ и ♓, обозначающие плодородие. Эти места образуют угол в 120°, т. е. в треть круга с местами, занятыми великими небесными светилами ☉ и ☽; такая фигура есть одна из счастливых. За Юпитером следует иссушающий Марс, который поэтому получает два знака, имеющие ту же самую природу, как и он сам, именно ♏ и ♈; они образуют прямые углы с большими небесными светилами, т. е. четверть круга, поэтому такая фигура означает вред. За ♂ следует Венера ♀ и получает знаки ♎ и ♉, образующие с ☉ и ☽ шестую часть круга; поэтому эта фигура благоприятна. Наконец Меркурий получает два последних знака — ♊ и ♍».

Дальнейшее развитие учения Птоломея о треугольниках планет еще удивительнее, чем это учение об обителях.

«Из всех фигур равносторонние треугольники есть те, которые более всего согласованы в самих себе. Двенадцать мест зодиака разделены на 4 таких равносторонних треугольника (см. рис. 33). Углы первого: ♈, ♌ и ♐, три мужских знака, обители для ♂, ☉ и ♃. Этот треугольник посвящен ☉ и ♃, а ♂ исключает вследствие его противоположной природы. При господстве этого треугольника ☉ владычествует днем, а ♃ ночью. Этот треугольник есть также самый северный вследствие господства ♃, а ♃, как и северные ветры, есть начало плодородия*. Но так как ♂ имеет свою обитель также в одном из знаков этого треугольника, то юго-западный ветер смешивается с северным. Углы второго треугольника ♉, ♍ и ♑, три женских знака, они принадлежат ☽ и ♀. Вследствие господства здесь ♀ этот треугольник самый южный, так как эта планета силою своей теплоты и влажности господствует над этими ветрами. При господстве Сатурна в ♑ дуют восточные ветры. Третий треугольник имеет углы ♎, ♒ и ♓ и принадлежит к ♄ и ♀. Благодаря ♄ он самый восточный. Наконец четвертый треугольник принадлежит к ♂, почему он имеет ветер осушающий, юго-западный».

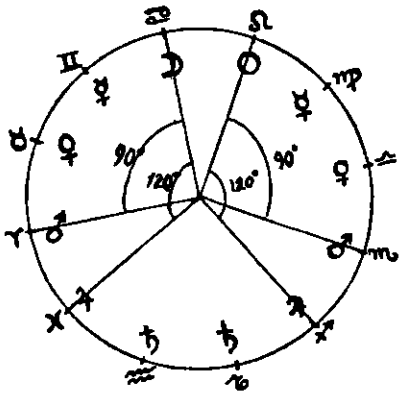


Рис. 32.

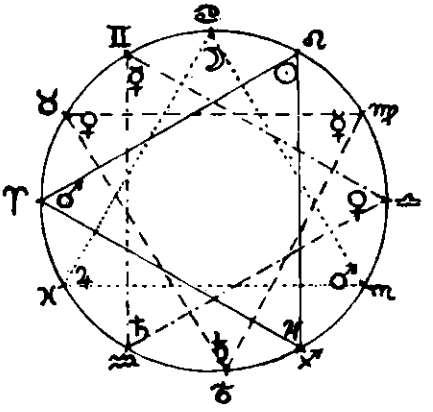


Рис. 33.

О «восхождении и нисхождении» планет у Птоломея сказано, что основания для восхождения планет есть следующие:

«Если Солнце пришло в знак Овна, то оно поднимается на северное полушарие и остается там, пока опять не погрузится в ♎ и не перейдет на южное полушарие; почему небезосновательно говорят, что Солнце имеет свое «восхождение» в ♈, где дни становятся длинными и откуда распространяется животворная теплота. Вследствие противоположной причины говорится, что оно имеет свое «нисхождение» в знаке ♎. Сатурн, который как по природе, так и по своему месту противоположен Солнцу, имеет свое восхождение в ♎, а нисхождение в ♉. Ибо где начинается теплота, там неизбежно должен исчезнуть холод; и обратно, где усиливается холод, там должна убывать теплота. Далее: так как Луна после своего совпадения с Солнцем в ♈ ** только в ♉, главном знаке треугольника, становится видимой, увеличивается и как бы вновь поднимается, то говорят, что она имеет свое восхождение в ♉, а захождение в противоположном знаке, в ♏. Но так как сила Юпитера обнаруживается в возбуждении северных ветров, которые исходят от ♋ на севере, то этот знак изображает восхождение ♃, а захождение его в ♑. ♂ от природы постоянно теплее, но всего теплее в ♑, потому что здесь он всего ближе к земле. Поэтому его восхождение в ♑, а захождение в ♋, в противоположность ♃-ру. После него следует ♀, особенно влияющая на возбуждение влажности, и так как эта деятельность ее по преимуществу совершается в знак ♓, отчего и происходит весенняя сырость, то восхождение ее полагается в этом знаке, а нисхождение в ♍. Наконец, иссушающий ♀ должен иметь свое восхождение в ♍ и захождение в ♓, обратно против ♀».

---

* Обстоятельство, что северные ветры считаются плодородными, ясно указывает на то, что эта наука развилась на северном берегу Африки, где южные ветры из пустыни уничтожают всякую растительность. Отсюда видна также вся произвольность и случайность всех этих определений.

** Совпадение луны с солнцем ☌ новолунию. Если в конце ♈ было новолуние, то луна становится видна только в знаке ♉.

Мы не будем ближе входить в рассмотрение четвертого из главных условий, касающихся планет, их меры, потому что, как говорит сам Птоломей, оно не вполне обосновано. Под этим названием понимали части отдельных небесных знаков, подчиненные каждой планете. Так как 12 знаков вместе образуют круг, т. е. 360°, то на каждый знак приходится 30°. Полагали, что всякая движущаяся звезда, исключая «небесные. светила», была в каждом знаке господином известного числа градусов; число этих градусов и представляло собою меру планеты в знаке. Не было, однако, никакого разумного основания ни для величины мер, ни для их последовательного ряда в отдельных знаках, Птоломей даже приводит две довольно разноречивые таблицы, так называемые египетскую и халдейскую. Напр., меры планет в знаке Тельца:

у халдеев: ♀ 0—8, ☿ 8—15, ♃ 15—22, ♄ 22—26, ♂ 26—30

у египтян: ♀ 0—8, ☿ 8—14, ♄ 14—22, ♃ 22—27, ♂ 27—30.

Наконец, что касается до «вида», то под этим разумелось подобное же деление, именно каждый небесный знак делится на 3 равновеликие части; каждая из этих частей была подчинена своим планетам. Впрочем, это деление играло лишь незначительную роль.

Астрологические предсказания. Мы только вкратце разберем те астрологические предсказания, которые входят в состав трех последних книг Птоломея. Эта отрасль науки была у него еще недостаточно развита; несколько времени спустя арабы и европейцы гораздо лучше привели ее в систему, почему мы и займемся ею впоследствии. Но и в этой области взгляды Птоломея все-таки имеют особый интерес сравнительно со взглядами позднейших астрологов. Именно он указывает основания своих положений, между тем как последующие астрологи, почти все без исключения, ограничивались лишь изложением методов, а в остальном ссылались на него. Эти-то основания предсказаний и имеют для нас интерес.

Во введении Птоломей исходит из того факта, что духовная и телесная природа народов в значительной степени зависит от положения их страны относительно Солнца. «Народы, живущие на дальнем юге, так сказать, сожжены солнцем и черны; их волосы черны и курчавы, и по природе своей они имеют очень горячую кровь вследствие продолжительности их лета. Напротив, обитающие на севере белы, имеют светлые волосы и по своей природе очень хладнокровны вследствие продолжительной зимы». Из этого мы можем видеть, какое влияние имеет на жителей разных стран более высокое или более низкое положение солнца на небе. Кроме того, на свойства народов влияют различные взаимные отношения звезд. Землю делят на четыре части: северную, южную, восточную и западную, точно также как и зодиак разделен на 4 треугольника. Каждый такой треугольник управляет своей частью света. Выше мы видели, что первый треугольник благодаря господству в нем Юпитера и Марса по природе своей есть наиболее северный и западный; поэтому он господствует над северо-западной частью Земли, т. е. над Европой. Подобно этому каждому из прочих треугольников подчинена тоже своя часть Земли. Каждый из трех знаков, определяющих треугольник, в свою очередь, имеет свою часть в земельной области, подверженной влиянию треугольника, чем и определяются свойства жителей. Таким образом, хладнокровные и воинственные германцы находятся под управлением Овна и Марса; напротив, итальянцы, от природы более горячие,— под управлением Льва и Солнца. Таким способом Птоломей дает подробный список всех известных народов древности, выводя их природу от небесных знаков и планет, влиянию которых они подчинены. Этот список, впрочем, не на столько интересен для нас, чтобы стоило подробно его рассматривать.

Астрологические предсказания касаются отчасти целых стран и городов, отчасти отдельных лиц. Для стран и городов имели большое значение солнечные и лунные затмения. Предсказания касались преимущественно того пункта Земли, который находился в центре затмения, выводы же относительно будущих событий делались на основании продолжительности затмения и в зависимости от небесного знака, под которым находилось солнце в момент затмения. Всего важнее было при этом определить, какая из планет господствовала во время затмения; господство же принадлежало той планете, которая ближе всех находилась к закрывавшемуся небесному светилу и которая имела наиболее разнообразные отношения к другим небесным телам. А так как каждая планета, как выше сказано, имела известную природу, благоприятную или нет, то влияние господствующей планеты определяло и характер предсказания, будет ли оно счастливо для страны или несчастливо.

Так как звезды и их положение влияли на все, то они имели огромное значение для отдельных людей; особенно же велико было их влияние при рождении ребенка. Поэтому, на основании их взаимного положения в этот момент, можно было предсказать все, что ожидает новорожденного в будущем. На этом основывается учение о «восходящей степени» или «гороскопе», как называли эту отрасль астро-

логи, потому что предсказания требовали полной картины звездного неба в момент рождения; но его вид уже известен, если знать только тот градус зодиака, который восходит именно на горизонте. Если точно известен час рождения, то определение восходящего градуса не представляет никаких затруднений; но так как в то время не было точных часов, то трудность установления «гороскопа» и заключалась в том, чтобы определить момент времени рождения. Отсюда получило свое название все учение о «нативитете», т. е. об определении судьбы новорожденного.

АЛХИМИЯ

В египетских гробницах мумий были найдены также папирусные свитки, содержавшие в себе данные, касающиеся алхимии; они хранятся в Лейденской библиотеке и представляют собою древнейшие из известных сочинений по алхимии. Одни написаны на египетском, другие на греческом языке и лишь немногие на обоих языках. Кроме того, в различных европейских музеях, напр., в Париже, имеется целый ряд греческих манускриптов подобного же содержания. Древнейший из них, так называемый «манускрипт св. Марка», относится к XI веку по Р. Х., большинство других суть копии весьма древних произведений. Некоторые имеют столь ясно выраженный языческий характер, что оригиналы, с которых они списаны, могут относиться не позднее, как ко второму веку по Р. Х. Французскому химику Бертело принадлежит заслуга, что лет десять тому назад он обработал важнейшие из этих старых документов и издал главные положения заключенного в них учения. Мы передадим здесь в кратких чертах его взгляды на происхождение и первоначальное развитие алхимии.

Относительно происхождения алхимии не следует смешивать мифических сказаний, передаваемых древними манускриптами, с тем, что надо признать на основании фактов. Алхимики прибегали к тем же самым приемам, как и кабалисты: чтобы дать своей науке более почтенный характер, они придали ей божественное происхождение и скрыли ее начало, окружив его мифами. Эти мифы проливают, однако, свет и на действительное ее происхождение; поэтому мы с них и начнем.

Все источники, говорящие о начале алхимии, единогласно сообщают, что отцом ее был Гермес Тримегист (трижды великий). Гермес есть греческое имя Тота, египетского Бога мудрости. От его имени и наука называлась «герметической». Он написал о ней, по словам одних, 20 000, а по словам других — даже 36 525 сочинений. Одно из древнейших носило будто бы название «Хена», откуда вероятно и произошло слово химия. Арабы ставили перед этим словом член «al» и таким образом возникло наименование «алхимия», употребляемое нами еще и теперь для обозначения искусства золотоделания.

Герметические сочинения, по-видимому, действительно существовали, хотя число их и не было так велико, как сообщают саги. О том, как возникла вся эта литература, мы поговорим впоследствии. Так как в настоящее время не существует ни одного герметического сочинения по алхимии, то можно только догадываться об их содержании. По всей вероятности, они заключали в себе не только алхимию, но и всю остальную «мудрость» египтян; так некоторые относят к герметическим сочинениям и упомянутые выше «книгу мертвых» и «магический папирус Гарриса». Относительно алхимических сочинений известно, что они заключали в себе не только одну алхимию, т. е. рецепты для превращения металлов, но также заклинания и астрологические таблицы. Этим и объясняется отчасти то, что с течением времени они бесследно исчезли. Многие из христианских императоров римской эпохи особенно ревностно преследовали магию и приказывали сжигать все магические сочинения, какие только им удавалось разыскать. Той же участи подвергались и сочинения по алхимии за свои магические формулы.

Во многих из существующих еще папирусных свитков и греческих манускриптов имеются различные положения, приписываемые Гермесу. Одно из этих главных положений алхимии гласит так: «Если ты не лишишь тела их телесного состояния и если ты не преобразуешь в тела субстанции, лишенные телесности, то ты не достигнешь того, чего ты ожидаешь». По объяснению Бертело, смысл этой темной речи таков: если мы не умеем отнять у металлов их металлического состояния (посредством растворения, окисления и т. д.) и если мы не можем получить металлы из неметаллических веществ, то превращение металлов для нас недостижимо.

Другая формула, приписываемая также Гермесу, есть мистическое призывание, употреблявшееся у алхимиков: «Вселенная, внимай голосу моему, земля отверзись; все множество вод, откройся предо мною! Деревья, не дрожите, я хочу славить Господа, Его, который есть всеединый. Отверзись небо и умолкните ветры. Всеми моими способностями восхваляю Его, который есть всеединый». Точно также и магическая таблица, так называемый «Гермесов инструмент», употреблявшийся для предсказания исхода болезни, по словам позднейших алхимиков, дана Гермесом; но кроме этих отрывочных разрозненных данных о его деятельности ничего более не известно.

Рис. 34. Изида.

Из мистических основателей алхимии упоминаются имена Агафодэмона или Хнуфи, египетского бога медицины, и Изиды. Поэтому колыбелью этой науки, без сомнения, был Египет.

Кроме этих фантастических лиц наши источники указывают на целый ряд действительных, исторических личностей как на алхимиков и авторов сочинений из этой области. Таким образом, большинство греческих философов: Фалес, Гераклит, Демокрит, Платон и Аристотель — причислялись к алхимикам. Однако же ни один из них не оставил сочинений по алхимии; поэтому всего вероятнее, что они уже в более позднее время превращены были в алхимиков, чтобы украсить эту науку их именами. Замечательно, что единственный из философов, которого с некоторым основанием можно бы было поставить в связь с алхимией,— это Демокрит, именно тот из греческих мыслителей, взгляды которого на различные области знания всего более родственны с современными.

Демокрит умер в 357 г. до Р. Х. О нем известно, что он много путешествовал по Халдее и Египту; кроме того, предание рассказывает, что он был посвящен в тайны египетской магии. Наши же источники сообщают, что он написал сочинение в четырех книгах об окраске золота, серебра и камней и об окрашивании пурпуром. Подобное произведение существует; оно появилось в латинском переводе в 1573 г. в Падуе под заглавием: «Democriti Abderitae de arte magna». Его содержание часто цитируется в древних греческих манускриптах, так что сочинение это должно было существовать еще в древности; кроме того, древнейший из исторически известных алхимиков Зосима, живший в конце второго века по Р. Х., упоминает о Демокрите как о древнем авторитете. Ему же приписывают еще и другие различные сочинения по алхимии, о которых мы ныне ничего не знаем; очевидно, что ко времени Христа уже существовала целая литература, носившая имя Демокрита. Но написал ли он действительно что-нибудь из всего этого, конечно, невозможно теперь решить с достоверностью.

Из древнейших алхимиков, от которых остались сочинения, несомненно, подлинные, мы назовем, кроме вышесказанного Зосимы, еще Африкана, жившего в начале III века, Синезия — в начале V века и Олимпиодора — приблизительно в то же время. Списки их сочинений, а также сочинений других лиц имеются в раз-

личных библиотеках и вместе с египетскими папирусными свитками являются источниками наших сведений о происхождении алхимии; они показывают нам, какие вещества и химические процессы были известны египтянам. Эти сведения подтверждаются также различными вещами, найденными в египетских гробницах. На основании этого материала нетрудно установить, что именно послужило основанием веры в делание золота, какими методами пользовались алхимики и какие теории строили они для объяснения этих методов. Мы постараемся вкратце дать ответы на эти вопросы.

Вера в делание золота. Еще в очень раннюю эпоху египтянам были уже известны многие металлы, именно золото, серебро, медь, олово и свинец. Оба благородные металла, золото и серебро (?), находились в земле в чистом виде, другие же металлы обыкновенно в виде соединений, из которых металл получался через плавление их вместе с различными примесями. Следовательно, египтяне должны были знать это искусство. Но так как минералы, из которых получались металлы, почти никогда не существовали в чистом виде, свободными от примесей, то при плавлении только в редких случаях получались чистые металлы, чаще же всего сплавы иных цветов и с другими свойствами, чем чистые металлы. Так как золото и серебро часто встречаются вместе, то при выплавке такой руды получался электрум или азем, сплав золота с серебром, цвет которого занимает середину между цветами того и другого металла и который плавится и обрабатывается легче чистого золота. При плавлении меди и олова получали бронзу, которую можно было лить и ковать, чего нельзя было делать с чистой медью. Сплавляя медь с цинком, получали желтую латунь и красно-желтый томпак. В то время было почти невозможно определить эти примеси, которые часто даже в ничтожных количествах придавали металлу новые и драгоценные свойства; отсюда явилось предположение, что сам металл во время выплавки подвергался изменению, и такое верование могло только укрепиться целым рядом фактов, которые в течение времени должны были сделаться известными. Так, напр., свинцовые руды почти всегда содержат небольшое количество серебра. Если полученный свинец прокаливать при доступе воздуха, то свинец сгорает, а остается примешанное к нему серебро. Тому, кто не имел средств доказать, что серебро находилось там с самого начала, могло казаться, будто бы часть свинца превратилась в серебро, и египтяне тем легче допустили это, что серебро и свинец по цвету, удельному весу и т. п. внешним свойствам похожи друг на друга. С золотом было тоже нечто подобное. В природе существует минерал, сернистый мышьяк, имеющий цвет настоящего золота. Поэтому древние называли его «аурипигментом», т. е. золотым цветом; так он называется и поныне. Этот золотой цвет содержит иногда немного золота, которое выделяется при достаточном нагревании. Вполне понятно, если в этом случае видели превращение металла; золотой цвет под влиянием тепла отчасти превращался в золото.

Однако не одни металлы были способны к таким превращениям. Всякое вещество, сходное с каким-либо другим, при целесообразном обращении с ним, может, по-видимому, получить множество свойств, которые присущи тому или другому веществу. При выплавке стекла, если употребляют вещества в чистом виде, получается бесцветная стеклянная масса, по блеску похожая на драгоценные камни. Но при совершенно ничтожной примеси разных металлов стеклянная масса окрашивается и отличается тогда от натуральных драгоценных камней только меньшей твердостью. Таким образом, египтяне уже в древнейшие времена умели делать искусственные драгоценные камни, как это доказывается частыми находками в гробницах.

Все эти превращения металлов и драгоценных камней, выполняемых современными химиками с совершенной точностью, так как им известно, для чего что делается, вначале были открыты египтянами и, разумеется, совершенно случайно. Что открывали таким путем, то жрецы, бывшие у египтян, как и везде в древнем мире, хранителями мудрости, записывали как великую тайну. Так, вероятно, произошли и герметические сочинения; они не были написаны одним лицом, а целой корпорацией жрецов в течение многих поколений. Так как число сочинений в течение веков стало чрезвычайно велико и так как отдельные произведения, вероятно, не носили имени автора, то весь их ряд был приписан Гермесу, т. е. божественной мудрости. Вышеупомянутая книга Демокрита подтверждает изложенный взгляд на происхождение алхимии, исходным пунктом которой действительно были металлургические процессы. В этой книге как раз говорится о цветах металлов и камней. И как только вера в возможность превращения металлов стала на твердую почву, так египетские жрецы, понятно, стали искать верные методы для облагораживания металлов. Чем больше имел металл драгоценных свойств, общих с каким-либо другим металлом, тем ближе была, как полагали, возможность его полного превращения. Так, желтую латунь признавали за «несовершенное» золото, олово за переходный металл от свинца к серебру, так как своим цветом оно походило на серебро. Палочка чистого олова, если ее сгибать, производит особый хрустящий звук, она «кричит». По мнению древних, в этом заключалось самое важное различие олова от серебра, а потому все усилия были направлены на то, чтобы лишить олово его «крика». Это удалось позже, когда познакомились со ртутью. Сплав олова и ртути тяжел, обладает блеском серебра и не кричит; следовательно, здесь на самом деле произошло облагораживание металла, но само собою понятно, что эта оловянная амальгама такое же серебро, как латунь золото; в той и другой проявляются лишь известные внешние свойства, присущие обоим металлам; но древние, не имевшие никаких средств точнее определить разницу, естественно, должны были думать, что здесь совершалось превращение.

Методы алхимии. Чтобы выяснить смысл химических процессов, применявшихся египетскими

алхимиками, потребовалось бы так много догадок, что мы не можем войти в ближайшее рассмотрение этого предмета. Вообще можно только сказать, что в имеющихся алхимических сочинениях нигде нет и намека на то, чтобы древним известны были методы, которые не были бы известны теперь и не применялись бы всяким современным химиком. После того, что выше было нам изложено о причинах веры в превращение металлов, легко видеть, что древним и не было нужды в каких-либо особенно замечательных методах. Для них все дело заключалось только во внешних явлениях; если два металла были сходны между собой по цвету, твердости, удельному весу и другим физическим свойствам, то древние алхимики признавали их за одно вещество, так как они или совсем не умели или умели лишь очень несовершенно исследовать химические свойства материи; изменять же физические свойства металла посредством подходящего смешения его с различными другими металлами вовсе не особенно трудно. Едва ли подлежит сомнению, что древние имели дело именно с такими смесями; но они часто шли при этом по совершенно искусственному пути, лучше сказать, окольным путем, так как зачастую им самим было неясно, с чем они имели дело. Это обнаруживает также и вышеупомянутая «Герметическая формула» превращения телесного в бестелесное и бестелесного в телесное.

Теории алхимиков. Как алхимики объясняли себе эти превращения металлов? В древнейшие времена, как кажется, они и не пытались дать какое-либо естественное объяснение этим явлениям. Они только удивлялись этим загадочным превращениям, которые, по их понятиям, указывали на непосредственное божественное вмешательство. Собственной силой человек не мог бы произвести ничего подобного; для этого требовалась божественная помощь. Такими понятиями объясняется и тот факт, что древнейшие сочинения по алхимии содержат в себе столько же волшебных формул, гимнов и воззваний, сколько и химических рецептов. Помощь богов была здесь самым важным делом. Несколько позднее, когда астрология развилась далее, быть может, благодаря соприкосновению с халдеями, планеты стали посредниками между богами и земными явлениями. Тогда было признано, что каждый из различных металлов развивается на земле под господством своей планеты. Вероятно, в это время возник обычай отмечать каждый металл знаком планеты — обычай, сохранявшийся, пока занимались алхимией, вплоть до нашего времени. Золото ставилось в связь с Солнцем и отмечалось поэтому знаком ☉, серебро относилось к Луне ☽, электрум, сплав серебра и золота — к Юпитеру ♃, свинец — к Сатурну ♄, железо — к Марсу ♂, медь — к Венере ♀ и олово — к Меркурию ☿. Впоследствии, когда познакомились с ртутью, произошли некоторые перемены в этих обозначениях, но при этом сохранилось все-таки применение планетных знаков. Астрологические таблицы, найденные во многих древних сочинениях по алхимии, подтверждают тесную связь, существовавшую в то время между алхимией и астрологией.

Несомненно, что первые попытки естественно объяснить превращения металлов ведут свое начало из греческого периода; в основание их было положено учение греческих философов о природе. Эмпедокл высказал учение о четырех стихиях: огне, воздухе, земле и воде, из которых, как полагали, все было составлено. Платон держался этого же взгляда, но с некоторыми изменениями: он представлял себе, что эти четыре стихии происходили от превращения одной и той же основной, первоначальной материи. Эта теория была принята греческими алхимиками, которые посредством ее могли легко объяснить превращение металлов. Они признавали, что из первобытной материи, materia prima, произошли четыре элемента, а затем посредством их различных соединений отдельные вещества. Таким образом, всякое вещество, в особенности всякий металл, содержит в себе все элементы; если хотят один металл превратить в другой, то надо только отнять известную часть одних элементов и прибавить части некоторых других. Всего легче совершалось превращение, если удавалось обратить металл в первоначальную форму, materia prima, т. е. в такую, в которой еще нет ни огня, ни земли, ни воздуха, ни воды. Если имели материю в этой форме, тогда могли преобразовать ее по желанию в какой угодно металл.

Когда ртуть сделалась известной, то в этом металле думали найти первоначальную материю. Ртуть вообще легко вступает в соединение с другими металлами, а эти амальгамы прочны и белы и вообще имеют свойства, резко отличающиеся от свойств первоначальных металлов. Выше уже упоминалось, что олово теряет в амальгаме свой крик, кроме того, становится тяжелее и приобретает блеск, более близкий к серебру, так что при поверхностном исследовании может казаться, будто оно стало серебром. Как велика была роль, которую ртуть играла в алхимии, видно из сочинения вышеназванного Синезия: «Ртуть принимает все формы, как воск все цвета: ртуть делает все белым, берет душу у всех вещей... Она изменяет все цвета и сохраняется еще и тогда, когда ничто другое более уже не сохраняется и даже если она кажется не существующей, то все-таки содержится в телах». Малопомалу, однако, алхимики узнали из опытов, что ртуть не могла быть настоящей первоначальной материей; но, несмотря на это, они не потеряли веры в materia prima или философский камень («камень мудрецов»); надо было только найти его, и если бы только иметь его, то все остальное пошло бы само собой. Ниже мы увидим, как алхимия развилась далее при постоянном стремлении найти философский камень.

Ученые магики до Агриппы

АРАБЫ

Мы вышли бы за пределы нашего исследования, если бы задались целью проследить все изменения, которым подвергались отдельные магические науки в различные времена. По этой причине я ограничусь лишь главными пунктами развития

наук, начиная с древних времен до XVI века, в котором они достигли в Европе своего высшего развития, когда Генрих Корнелий Агриппа соединил их все в одну великую магическую систему. Чтобы обрисовать это развитие возможно краткими чертами, мы рассмотрим жизнь и деятельность более известных магиков, причем, так как всякая важная перемена в научной области вообще бывает связана с личностью выдающегося исследователя, то, следуя по этому пути, мы познакомимся также и с важнейшими фазами этого развития.

Как уже упомянуто, эти науки после своего упадка в конце древности вновь возродились у арабов вскоре по завоевании ими Александрии. Именно династия Абассидов, вступившая на престол в середине VIII века, пробудила живой интерес к науке, и всюду, куда только проникал ислам, учреждались новые университеты и библиотеки. В высших школах преподавались, главным образом, философия, медицина, математика, оптика, астрономия и химия, а в библиотеках собирали все, что только могли достать из ученых сочинений греческой древности, частью на языке оригинала, частью в переводе. В таких благоприятных условиях действовал ряд замечательных исследователей; непосредственное же влияние на развитие магических наук оказал в особенности Абу-Мусах-Джафар аль Софи, называемый обыкновенно Гебер (латинское искажение от Джафар).

Он родился в Месопотамии и жил, вероятно, от 702 до 765 г.; долгое время он был преподавателем в высшей школе в Севилье. Его сочинения известны лишь в старых латинских переводах, и трудно решить, действительно ли принадлежат ему все книги, которые ему приписываются. Несомненно лишь то, что они существовали уже в XIII веке в той самой форме, в какой дошли до нас.

Гебер был химик, и его знания в этой области значительно превосходили знания древних. В его сочинениях упоминается о многих неизвестных до него препаратах и соединениях. Но все эти ценные знания были приобретены как случайный побочный продукт при попытках превратить неблагородные металлы в серебро или золото, так как Гебер верил в возможность превращения металлов точно так же, как его предшественники и преемники; и после него, в течение еще многих веков, стремления всех химиков направлялись лишь на то, чтобы осуществить это превращение. Наибольшее значение Гебер получил именно своим алхимическим учением; так он первый создал химическую теорию о соединениях металлов, на основании которой объяснялась возможность их превращений. Этой теории, хотя с различными изменениями, химики придерживались вплоть до прошлого века.

По этой теории все сложные вещества, особенно металлы, состояли из двух начал: sulfur (серы) и mercurius (ртути). Начало sulfur есть носитель свойств, изменяющихся от действия огня, напротив, mercurius — носитель собственно металлических свойств: блеска, тягучести, плавкости и т. п. Различные вещества отличаются между собою лишь тем, что содержат в себе различные количества sulfur'a и mercurius'a; чем больше содержится в веществе sulfur'a, тем легче оно разрушается огнем и тем дальше отстоит от металлов, которые состоят преимущественно из mercurius'a. Впрочем, во всех металлах находятся оба начала или в чистом или в нечистом виде, или в тонком или в грубом состоянии. Основные вещества sulfur и mercurius тоже были неизвестны в чистом виде; обыкновенная сера была нечистый sulfur, так же как и обыкновенная ртуть — нечистый mercurius. На основании этого учения, очевидно, не трудно было объяснить превращения металлов или дать для этого правила. Если хотели превратить неблагородный металл в благородный, то для этого надо было только получить его начала в более чистом виде и надлежащим образом изменить их количественные отношения; тогда и произойдет их превращение. Для примера Гебер приводит, что можно превращать свинец в олово, если сплавить свинец с известным количеством ртути: олово, по его взгляду, лишь тем и отличается от свинца, что оно несколько богаче mercurius'ом. Таким образом, задача химиков сводилась к тому, чтобы исследовать, как возможно очистить начала в отдельных металлах и получить их правильное количественное отношение.

Средства для превращения металлов Гебер распределяет в три группы, или порядка. Под названием «медикаментов первого порядка» он обозначает вещества, которые могут изменять некоторые свойства металла, но так, что получаемые новые свойства непостоянны. Так, напр., медь при соединениях с веществами, содержащими цинк, становится золотисто-желтой (латунь), а с веществами, содержащими мышьяк, серебристо-белой, но эти цвета не сохраняются в огне. Кроме того, по мнению Гебера, существуют еще «медикаменты второго порядка», которые могут сообщать неблагородным металлам некоторые свойства благородных, причем эти свойства постоянны. Наконец, имеется «медикамент третьего порядка», так называемый философский камень или великий эликсир, который может превратить все свойства неблагородного металла так, что последний станет настоящим

серебром или золотом. К сожалению, указания Гебера о том, как надо себе представлять медикаменты второго и третьего порядка, так непонятны, что современный химик не может работать по ним.

Выше было уже упомянуто, что химики древности полагали, что всякий определенный металл состоит под господством известной планеты, почему он и обозначался знаком этой планеты. Приблизительно около времени Гебера произошло небольшое изменение в этих обозначениях, удержаны были прежние знаки для золота ☉, серебра ☽, свинца ♄, железа ♂ и меди ♀; цинк был теперь поставлен под знак Юпитера и обозначался 2|, ртуть же — под знак Меркурия, почему и получила его знак ☿. Эти обозначения мы находим во всех позднейших химических сочинениях до тех пор, пока существовала вера в превращение металлов. Только когда химия перестала быть магией, тогда была введена более рациональная система обозначений металлов и прочих элементов.

Арабские астрологи. Кроме химии арабы ревностно занимались и астрономией; нам известен целый ряд выдающихся арабских астрономов, знаменитых своими точными наблюдениями и весьма важными открытиями. Без сомнения, они занимались также и астрологией. В более поздних европейских сочинениях арабы, наряду с Птоломеем, признавались авторитетами в области астрологии. Арабские сочинения по астрологии широко распространялись среди европейских ученых или на языке оригинала, или в латинских переводах.

Имеется также несколько написанных по латыни астрологий, отпечатанных в конце XV века и названных по именам авторов, но все они были только переводами арабских оригиналов. К сожалению, я не мог получить этих произведений, т. е. самих источников, и нигде не мог найти изложения их содержания, так что вынужден воспользоваться лишь одним сочинением: «De judiciis astronomiae», написанным одним из учеников арабов, врачом Арнольдом Вилланова. Об этом ученом, игравшем выдающуюся роль в истории магии, мы поговорим подробнее в другом месте; здесь достаточно заметить, что он долго жил в Испании, около 1280 г., посещал мавританские университеты и переводил на латинский язык арабские сочинения по медицине. Несомненно, что он был близко знаком с арабской астрологией, и в главных чертах изложил ее в вышеназванном сочинении. Конечно, этим не исключается возможность того, что часть содержания этой книги заключала в себе его собственные открытия. Во всяком случае, из его труда мы можем получить понятие о точке зрения астрологии XIII века и как она развивалась у арабов и их европейских учеников.

«De judiciis astronomiae» сначала излагает вкратце учение Птоломея о делении зодиака, обителях планет и их влиянии, с чем мы уже познакомились выше; затем следует совершенно новое учение, ставшее основным положением астрологии в последующую эпоху, вплоть до последнего времени, именно учение о «небесных обителях», которое не следует смешивать с учением Птоломея об обителях планет в зодиаке. У Птоломея уже имеется замечание, что планета приобретает особое значение, когда она восходит, т. е. находится на горизонте, или когда она стоит «в середине неба», т. е. на меридиане. Это воззрение проведено у Вилланова во всей своей последовательности. Надо представить себе весь небесный свод разделенным на 12 равных частей (см. рис. 35). Круг ZONW обозначает небесный шар. Горизонт OsWn делит его на две равных половины. Каждый из них, в свою очередь, делится на три равных части кругами, проходящими через пункты n и s и образующими с горизонтом углы в 30° и 60°. Полученные, таким образом, 12 частей обозначались номерами. Обитель, которая была прямо под горизонтом при пункте 0 = ост (восток), находилась именно в положении восхождения, потому что звезды, как известно, восходят на восток и заходят на запад. А так как эта обитель была первой, поднимавшейся над горизонтом, то ее и называли № 1. За ней следовал № 2 и т. д. Отсюда понятно, почему нумерация шла здесь в неестественном для нас порядке, именно в сторону, обратную «движению часовой стрелки».

Но не все двенадцать обителей имеют одинаковую важность и значение. Первая обитель, непосредственно восходящая над горизонтом, четвертая, стоящая глубже всех под горизонтом (Надир), далее седьмая, которая как раз находится в точке захождения, и десятая, стоящая над меридианом выше всех других (Зенит),— назывались «углами» и считались важнейшими. За ними по степени важности следуют вторая, пятая, восьмая и одиннадцатая обитель и, наконец, четыре остальные. Далее каждая обитель имеет свое особое значение. Звезды имеют вообще влияние на все вещи, а также и на повседневные отношения, а поэтому всякая обитель на небе обозначает собою известную группу отношений и господствует над ней. Первая обитель означает вопросителей, т. е. тех, кто спрашивает совета у звезд, или тех, кто как раз в это время родился и для кого установлен нативитет (т. е. расположение звезд в час рождения). Ею обусловливается его жизнь, темперамент и телесное сложение, даже общее состояние страны, где он находится. Второй обители подведомственны временные блага вопрошающего, его движимое имущество. По третьей обители можно заключать о соседях, братьях, сестрах и всех родственниках одной генерации с вопрошающим. Четвертою обителью обусловлены предсказания для родителей и всех родственников по восходящей линии. Пятой обители подчинены дети, племянники и все родственники по нисходящей линии. Шестая обитель повелевает слугами, рабами и домашними животными: седьмая обитель касается брака, супругов, любовных отношений, влюбленных; восьмая — смерти, состояния по смерти, рода и вида смерти, завещаний умерших и т. д. Девятая относится до искусств, наук, книг и всего, что с этим связано. Десятая обозначает отношение к верховной власти и чиновникам, она отвечает вопрошающему о его грядущих почестях и возвышениях. Одиннадцатая обитель представляет друзей и приятелей, надежды

и ожидания; наконец, двенадцатая обозначает врагов, заботы, затруднительные обстоятельства и несчастья, особенно лишение свободы.

Если желали спросить о чем-либо звезды, то для этого надо было прежде всего начертить подробную картину неба в данный момент, для чего употреблялась схема, изображенная на рис. 36. Двенадцать нумерованных треугольников обозначают двенадцать обителей; в каждой обители отмечают небесные знаки и планеты, находящиеся в ней в данный момент. По положению планет в знаках и обителях и по их отношениям друг к другу можно делать предсказания относительно всех возможных грядущих событий. Между прочим, Вилланова занимался специально одной формой предсказаний, именно применением значения звезд к медицине. Это делает его сочинение особенно интересным, так как позволяет нам взглянуть на тогдашнее состояние как астрологии, так и медицины. Нижеприведенная дословная выписка из сочинения Вилланова рисует нам яркую картину науки того времени:

«Об отдельных знаках и о членах тела, им подчиненных. Знак Овна есть первый и есть глава знаков; он господствует над головой потому, что Овен имеет в голове всю свою крепость. Знак Тельца имеет в своей власти шею и зашеек, так как Бык особенно силен в этих частях. Руки и кисти рук подчинены Близнецам, так как последние олицетворяют собою объятия, а способность обнимать заключается в названных частях тела. Рак имеет отношения к груди и соседним частям тела, потому

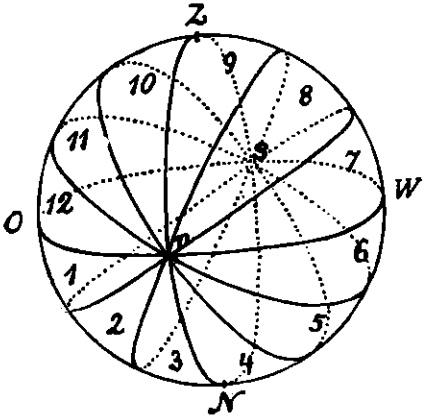


Рис. 35.

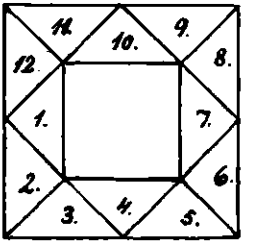


Рис. 36.

что у Рака сильная грудь. Льву подчинены сердце, рот, язык и печень, ибо крепость Льва в сердце и других названных частях тела. Знак Девы повелевает внутренностями и животом, так как в этих частях тела находится отличие Девы. Весы имеют в своей власти кожу, почки, седалище с задним проходом и соседние части. Скорпион — господин над всеми половыми частями, так как сила Скорпиона заключается в его хвосте, а человеку хвостом служат половые члены. Стрелец — господин над бедрами и ягодицами, Козерог — над коленами, Водолей — над голенями, а Рыбы — над ступнями. Таким образом, ясно, что каждый знак своеобразно управляет и влияет на известные члены, и это имеет большое значение, если по знакам хотят предсказывать.

«О власти Луны в знаках и об отношении к ее членам человеческого тела. Мы должны обратить внимание на то, что Луна имеет власть приводить в движения жидкости и управлять этим движением, а это объясняет, какое влияние в данном знаке оказывает Луна на тот или иной член человеческого тела, так что бывает нехорошо, если резать или лечить этот член, когда Луна стоит в соответствующем знаке. По этой причине, пока Луна стоит в знаке Овна, нельзя без серьезной опасности принимать какие-либо меры против повреждения головы, так как Овен имеет прямое отношение к голове; то же самое относительно шеи, если Луна стоит в знаке Тельца, рук — если она в знаке Близнецов, и т. д.

На что врач должен обратить внимание. Хороший врач должен знать, какое значение для больного имеет восходящий знак и господин последнего *. Середина неба (десятая обитель), находящийся здесь знак и его господин означают врача больного, седьмая обитель и ее господин — болезни и четвертая обитель со своим господином — средства помощи. Таким образом, если оказывается что-нибудь неблагоприятное в восходящем знаке и сам господин его имеет вредные свойства, то больному будет хуже и, наоборот, лучше, если все благополучно. То же самое и с десятой обителью: если она имеет доброго господина, то врач поможет больному; но если в ней есть нечто неблагоприят-

* Господин небесного знака есть планета, имеющая свою обитель в данном знаке. Сравни выше воззрения Птоломея, стр. 112 и след.

ное, то он может только повредить. Если над седьмой обителью господствует благоприятная судьба, то пациент скоро поправится, в противном случае он от одной болезни впадет в другую. Наконец, если в четвертой обители все обстоит благополучно, то избранные лекарства помогут больному, в противном случае — нет».

Существует еще множество других частичных правил, напр. такие, которые облегчают врачу предсказания о ходе болезни в том случае, если он не знает, где находится в данный момент небесный знак. В подробности этого мы входить не будем. Между прочим, следует заметить, что ни одним словом не сказано, как быть тогда, если одни знаки благоприятные, другие неблагоприятные, как это, конечно, бывало в огромном большинстве случаев. Умный врач, несомненно, имел здесь открытый выход, через который он мог вывернуться, если ничего не сбылось, несмотря на благоприятные предсказания. В плачевном результате оказывалось тогда виновато неблагоприятное положение звезд, на которое не было обращено внимания.

СЛАВА ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ КАК ЧАРОДЕЕВ

С XIII веком для Европы началась новая эра. Заметно увеличился интерес к наукам; папа и светские государи выступали их ревностными покровителями, основывали университеты и поддерживали ученых. Особенно большие услуги оказал в этом отношении Фридрих II Неаполитанский; в 1225 г. он основал университеты в Неаполе и Мессине и пригласил в них арабских ученых; таким образом, Италия наряду с Испанией сделалась пунктом соприкосновения Европы с мавританской культурой. Вследствие этого уже в XIII столетии и в последующих за ним на европейской почве появляется целый ряд выдающихся ученых, которые продолжали работать на началах, полученных ими от арабов. Почти о всех этих людях, отчасти еще при их жизни, образовался целый цикл легенд, в которых они представлялись могущественными чародеями. Несомненно, что духовенство преследовало некоторых из них, как, напр., Роджера Бэкона, под тем предлогом, будто бы он занимался запрещенными магическими искусствами; ниже мы, однако, увидим, что действительная причина этого, во всяком случае, хотя отчасти была иная.

Если мы зададимся вопросом, почему почти все выдающиеся ученые того времени слыли за чародеев, то найдем для этого различные причины.

Прежде всего мы видим из их сочинений, что они разделяли веру своего времени в искусство делания золота, во влияние звезд на людей и в возможность различных магических искусств. Многие из них оставили после себя сочинения по этим тайным наукам и, разумеется, при случае старались прилагать свои знания на практике. Но этого все же недостаточно для объяснения их славы как волшебников в такое время, когда каждый верил во все это и когда доступ к их магическим наукам отнюдь не был затруднителен для тех, кто посвятил себя книжной учености. Не только Арнольд Вилланова, но и его современник Петр Абано, один из выдающихся врачей XIII века, изучал астрологию как необходимое звено врачевания, и известно, что их сочинения были широко распространены в многочисленных списках среди врачей и других ученых. Также обычны были и сочинения по алхимии и другим магическим наукам; поэтому совершенно невероятно, чтобы только занятия этими науками могли создать человеку славу чародея. В некоторых случаях это объясняется, между прочим, тем, что в своих сочинениях эти ученые приписывали себе такую мудрость и могущество, которые далеко выходили за пределы знаний других людей. Раймунд Луллус хвалился, что он обладает таким совершенным философским камнем, что мог бы обратить в золото весь океан, если б он состоял только из ртути. Бэкон говорит о средствах, которыми он мог бы с поразительной скоростью передвигать в любое место экипажи и корабли, а аббат Иоанн Тритгейм пишет в письме к одному из своих друзей об открытом им методе, посредством которого он мог бы передавать каждому свои мысли через неизмеримые расстояния и притом так, что никто из непосвященных не мог бы ничего из них перехватить по дороге. Если все это принимали за чистую монету,— а это, конечно, так и было,— то можно ли удивляться,

что не только невежественная толпа, но и сами ученые, тщетно искавшие подобных методов, начинали толковать о волшебстве.

Странным кажется, что эти же самые ученые, домогавшиеся обладания сверхъестественными знаниями, однако, твердо придерживались того взгляда, что все на свете происходит в высшей степени естественно и ничто не делается каким-либо волшебством. Бэкон написал трактат «De nullitate magiae» («О ничтожестве магии»), из которого ясно видно, что он не верил в возможность произвести что-либо заклинанием духов, магическими печатями и т. д. С другой стороны, и Тритгейм давно уже оправдан от обвинений в черной магии, повод к которым, однако, дал он сам. Поэтому у нас нет ни малейших оснований допустить, вопреки собственным словам этих ученых, чтобы они мечтали творить вышесказанные чудесные вещи, прибегая к магическим средствам. Их смелые фантазии должны были иметь совершенно иное происхождение, и не трудно найти настоящую причину как этих фантастических проектов, так и славы их чародеев.

Все ученые, которых молва делала чародеями, были гениальными людьми, стоявшими впереди своего времени в различных областях деятельности. Кроме всякой другой мудрости они обладали теми небольшими сведениями по естествознанию, какие имелись в их время, и стремились развить их далее путем собственных наблюдений и опытов. Но такого рода исследования в то время были непонятны. Предполагалось, что физика Аристотеля и Альмагест Птоломея содержали в себе все, что человек мог знать о природе; самостоятельное же исследование природы, причем можно было иногда прийти к результатам, несогласным с этими великими авторитетами, признавалось делом крайне сомнительным и опасным. И как бы ни были совершенны те опыты и измерения, которые производились самостоятельными исследователями с их ничтожными средствами, но и их было вполне достаточно, чтобы сделать этих исследователей волшебниками в глазах большинства, совершенно их не понимавшего. Даже применение наших теперешних арабских цифр, дававших возможность выполнять самые разнообразные вычисления, считавшиеся до этого неисполнимыми, должно было казаться менее просвещенным людям чем-то необычайно чудесным. Знания самостоятельных ученых и их разнообразные опыты уже сами по себе должны были создать им имя великих магиков. Для них было роковым уже и то, что они вступали на новый путь и устанавливали взгляд на законы природы, далеко опережавшие их эпоху. Свойство гения таково, что он в своей фантазии предвосхищает ту логическую последовательность выводов, доказать и осуществить которую остается задачей последующего времени. Фантастические выводы Луллуса, Бэкона и Тритгейма хотя отчасти были именно таковы; это были предчувствия гениального ума, высказанные в минуту вдохновения; но их авторы были так же далеки от того, чтобы изыскивать средства для их осуществления, как мы далеки от мысли превратить море в золото.

Итак, мы приходим, вообще, к тому, что великие магики средних веков не виновны в том, что отчасти верили, как и все их современники, в магические науки и даже занимались ими. Но свою славу волшебников они приобрели, главным образом, такой заслугой, которая навек обеспечит им место в истории: они открыли путь экспериментального исследования и, таким образом, стали предвестниками современного естествознания. Справедливость этой характеристики мы докажем кратким обзором жизни и деятельности некоторых из этих замечательных ученых, причем передадим и легендарные рассказы, связанные с их именами.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛИ

Альберт фон Больштат, или Альберт Тевтонский, родился, по наиболее достоверным сведениям, в 1193 г. в баварском городке Лавинген. По окончании учения на своей родине он отправился в незадолго перед тем открытый университет в Падуе. Вначале он занимался здесь, по всей вероятности, обычными для того времени науками: грамматикой, диалектикой и логикой; но в то же время он приобрел знания по математике и естествознанию, которые впоследствии создали ему имя «учителя

черной магии». В Падуе Альберт вступил в недавно учрежденный тогда доминиканский орден и с этого момента его жизнь, за исключением немногих кратких перерывов, была сплошным путешествием с одного места на другое, куда призывали его обязанности относительно ордена. Сначала он в течение некоторого времени изучал богословие в Болонье, а затем кочевал по разным немецким городам в качестве учителя во вновь открываемых доминиканских школах; в 1230 г. мы встречаем его в Париже профессором тамошнего университета, где доминиканцы имели право на два места. Здесь он уже пользовался такой славой, что ни одна зала в городе не могла вместить его многочисленных слушателей, так что он вынужден был читать свои лекции под открытым небом.

В 1243 г. Альберт был назначен в Кельн директором доминиканской школы; здесь его учеником был знаменитый теолог Фома Аквинский; однако он, по-видимому, не оставался долго в Кельне, так как уже в 1248 г. он снова возвращается в Кельн, после пребывания в Париже. Следующие годы он жил в Кельне, Париже и Вормсе до тех пор, пока в 1260 г. был назначен епископом в Регенсбурге. Два года спустя он добровольно сложил с себя свою должность и снова странствовал в качестве учителя по Германии и Франции, пока в глубокой старости, за несколько лет до своей смерти, потерял память и вследствие этого должен был прекратить свою учительскую деятельность. Он умер в 87 лет в Кельне в Доминиканском монастыре.

Несмотря на свою беспокойную жизнь, он все-таки находил время для писательской деятельности, в которой он занимал совершенно особое место. Собрание его сочинений было издано в 1651 г. в Лионе и составило 21 том in folio. Правда, что в этом числе довольно много сочинений, несомненно, ему не принадлежащих и относящихся к более позднему времени, но все же остается еще целый ряд томов, вышедших из-под пера самого Альберта. Его деятельность как писателя простиралась на все знания того времени, почему его и называли doctor universalis, или Albertus Magnus (А. Великий).

Из многочисленных работ Альберта по естествознанию мы коснемся лишь отдельных пунктов, имеющих для нас особенный интерес. Сам Альберт говорит, что собственно целью его сочинений по естествознанию было лишь дать братьям ордена общее изложение этих наук, чтобы облегчить им понимание сочинений Аристотеля. Но хотя после этого казалось, что его сочинения должны быть только учебниками, однако такой универсальный ум, как Альберт, разумеется, не мог ограничиться только одной передачей чужих наблюдений. Он ставит очень опасное для авторитета Аристотеля положение, что при исследовании природы постоянно надо обращаться к наблюдению и опыту, и хотя он и не пользовался широко этими источниками, но они не были для него пустыми словами. В особенности в его географических сочинениях находится много превосходных замечаний, обнаруживающих в нем тонкого наблюдателя, который не напрасно провел в путешествиях большую часть своей жизни. Так он говорит о важном влиянии гор, морей и лесов на страну и ее произведения; особенности отдельных человеческих рас он выводит из свойств той страны, где они обитают. В своих сочинениях по физике он неоднократно указывает на то, что им производились самостоятельные опыты. Так, напр., он сообщает, что стеклянный шар, наполненный водою, собирает солнечные лучи в одну точку и что в этой точке сосредоточивается большое количество теплоты. Точно так же он указывает способ исследования чистоты воды и пригодность ее для питья; для этого надо взять два куска полотна одинакового веса, намочить каждый в одной из испытуемых вод и хорошо просушить; тот кусок, который после этого окажется легче, был в более чистой воде.

Эти примеры показывают, что мы уже находим у Альберта зародыши естествознания более поздней эпохи. Однако его взгляд на законы природы был еще далеко недостаточен для того, чтобы доказать невозможность влияния звезд и искусства делания золота. В числе сил, определяющих форму вещей и ход событий, он ясно называет влияние звезд и твердо держится теории Гебера о соединениях и превращениях металлов при помощи «великого элексира». И именно то, что Альберт твердо верил в возможность найти камень мудрых, имело немалое влияние на алхимические попытки позднейшего времени. Но сам он, вероятно, никогда не делал таких попыток; сочинения, где говорится о результатах его алхимических опытов, несомненно, подложны.

Из всех рассказываемых о нем легенд ясно видно, что его слава в народе была обусловлена, главным образом, его занятиями различными задачами естествознания. Вышеописанный случай с Фомой Аквинским (стр. 75) имеет, несомненно, фактическое основание, так как сам Альберт описывает в своих сочинениях различные автоматы и другие подобные снаряды. Другое сказание говорит, что Альберт 6 января 1249 г. принимал короля Вильгельма голландского в саду доминиканского монастыря. Несмотря на сильный зимний холод, весь сад цвел, как весною, но едва была произнесена послеобеденная молитва, как все цветы и листья исчезли. Вероятно, и в основе этого рассказа лежит какая-нибудь доля правды. Еще до сих пор мы находим в Швеции у развалин древних монастырей деревья, напр. буки и грецкие орехи, растущие много севернее их естественной границы. Монахи с успехом делали попытки акклиматизировать южные растения, а потому весьма вероятно, что у Альберта был в Кельне зимний сад или нечто подобное с вечнозелеными растениями. Здесь он угощал короля, в то время как на дворе стояла зима.

Роджер Бэкон родился в 1214 г. в Ильчестере, в Англии. Он происходил из почтенной семьи и рано начал заниматься наукой — сначала в Оксфорде, а затем в Париже. Чтоб иметь возможность посвятить себя науке, он после своего возвращения на родину вступил во францисканский орден; он занимался отчасти греческим, еврейским и арабским языками, чтоб иметь возможность читать древних авторов в оригинале, а отчасти математикой и естествознанием. Но его францисканские братья сочли себя обиженными его большой ученостью и превосходством, а его занятия физикой дали им повод к обвинению его в том, что он будто бы занимается магическими искусствами. Поэтому занятие подобными вещами ему было запрещено, а затем он, наконец, и сам был заключен в монастырскую тюрьму. Его положение несколько улучшилось, когда на папский престол вступил Климент IV

(в 1264 г.). Бэкон еще раньше был в дружеской переписке с Климентом, и теперь он послал папе три главных своих сочинения и, как передает сказание, несколько приготовленных им самим физических инструментов; этим ему удалось получить свободу, но четыре года спустя, когда умер папа, его положение еще более ухудшилось, и в 1278 г. он был в Париже приговорен к десятилетнему тюремному заключению. Перенеся это наказание, он дряхлым стариком вернулся на свою родину, где и умер в 1294 г., 80 лет от роду. Писательская деятельность его была очень значительна, но общий обзор ее невозможен, так как многие из его сочинений до сих пор не напечатаны. Кроме трех, главных из них, посланных им папе: «opus majus», «opus minus», «opus tertium», в разное время появились еще семь других крупных и мелких произведений. В разных библиотеках Англии и Франции, особенно в английских частных библиотеках, должно находиться еще много принадлежащих ему рукописей. Боль-

Рис. 37. Роджер Бэкон посылает папе Клименту IV свои сочинения.

шая часть этих сочинений считается юношескими работами, важнейшее содержание которых он впоследствии включил в свои главные труды; однако это нельзя принять за вполне достоверное. Взаимные отношения и порядок многих статей так неясны, что один знаток сказал, что «легче собрать Сивиллины книги, чем сочинения Бэкона».

Бэкон высказывает с большей определенностью, чем Альберт Великий, ту мысль, что естествознание должно основываться на наблюдении и опыте, и во всех своих сочинениях обнаруживает свое умение наблюдать и производить опыты; своими экспериментами с вогнутым зеркалом и зажигательным стеклом и точными наблюдениями явлений радуги он далеко опередил свое время. Между прочим, у него были и неверные наблюдения. Так, напр., он принимал за истину, что вогнутая поверхность воды в сосуде имеет меньшую кривизну на известном расстоянии от земли, чем на ее поверхности; при этом за причину кривизны он признавал тяжесть, но даже и эта ошибка обнаруживает, насколько обстоятельно он все наблюдал.

Мы уже упоминали, что в то же время у него довольно часто действовала и фантазия. Исследуя изображения, полученные в вогнутом зеркале, он высказывает совершенно правильное предположение, что посредством такого зеркала отдаленные предметы могут быть более ясно видимы, и говорит об инструментах, служащих для этой цели. Но что ему не удалось устроить телескоп, это видно из тех странных свойств, какие он приписывает этому инструменту. Он говорит также о том, что можно употреблять отшлифованные стекла в качестве очков; но так как он при этом утверждает, что если перевернуть эти стекла, то все предметы кажутся сквозь них вверх ногами, то, вероятно, в его руках никогда не было очков.

В волшебные формулы и т. п. вещи Бэкон не верил; магические действия совершаются силами природы, которые большей частью неизвестны; но алхимией и астрологией он занимался и написал несколько алхимических статей, в которых он держится теории Гебера и дает определенные указания о действиях философского камня. В астрологии он становится в оппозицию со всеми прежними

авторами, которые принимали, что преимущественно планеты имеют влияние на ход событий. Бэкон же ищет действующие силы в неподвижных звездах. Круг рассказов о Бэконе так обширен, что мы не можем входить в детальное рассмотрение их. В народных сочинениях XV или XVI веков Бэкон фигурирует как настоящий волшебник, творящий изумительнейшие вещи не столько заклинаниями,— хотя и они были ему известны,— сколько глубоким пониманием тайн природы. У него было такое стекло, в которое он мог все видеть, что происходило на 50 миль в окружности, и такие зеркала, которыми он мог зажигать дальние города; очевидно, что исторический Роджер Бэкон служит основанием для всех этих легендарных рассказов.

Арнольд Вилланова родился между 1235 и 1248 гг. или в Лангедоке, или же в Каталонии. О его жизни известно очень немногое. В конце XIII века он был профессором в Барцелоне, а в 1285 г. его приглашали, как известнейшего из испанских врачей, к Арагонскому двору. Архиепископ Таррагонский отлучил его от церкви как золотоделателя и заклинателя нечистых духов. После долгих скитаний он нашел себе убежище в Авиньоне, у папы Климента V. Папа ласково принял его, а также и палермский двор, с которым папа был в родстве. В 1312 г. он утонул во время кораблекрушения при переезде из Палермо в Авиньон, куда он ехал по вызову папы. При этом особенно резко выразилось противоречие во взглядах папы и высшего духовенства; Климент послал ко всем епископам письмо, в котором оплакивал смерть Виллановы и прославлял его обширную ученость и проницательный ум, между тем как один из архиепископов предал его проклятию. Впрочем, это был только личный взгляд Климента; когда же на папский престол вступил Иоанн XXII, то в 1318 г. сочинения Виллановы подверглись суду, и 13 из них, как еретические, были приговорены к сожжению. Инквизиция, по-видимому, так основательно истребляла эти сочинения, что и впоследствии их было невозможно разыскать; поэтому их нет и в большом издании собрания сочинений Виллановы (Базель, 1585).

Большая часть его сочинений медицинского содержания, поэтому не касается нас. Но он был также автором многих сочинений из других областей магических наук. Имеется, напр., много сочинений по алхимии, написанных им, из которых ясно, что он сам делал опыты с целью найти «великий элексир». В теории он остается, безусловно, верен своим учителям-арабам; что же касается практических способов отыскания философского камня, то его статьи содержат в себе гораздо больше детальных выводов, чем другие сочинения того времени. Поэтому нельзя удивляться, что его преследовали как золотоделателя: он сам постарался представить себя в своих сочинениях адептом, т. е. одним из посвященных во все тайны этого искусства. Так, напр., он знает наверняка, что одна доля философского камня может превратить в золото сто долей чистой ртути. Между прочим, он замечает, что такое искусственно изготовленное золото, хотя по цвету и многим свойствам тождественное с натуральным, однако не имеет всех свойств природного золота. Таким образом, искусство золотоделания стояло приблизительно на той же точке, как и во время древних египтян: всегда получались похожие на золото сплавы, принимаемые за настоящее золото, так как трудно было отличить их от действительного золота, пользуясь для этого примитивными средствами той эпохи.

По-видимому, Вилланова с успехом занимался многими магическими науками. В собрании его сочинений имеется небольшая статья «О печатях» (т. е. о магических печатях или амулетах). Здесь упоминается о двенадцати таких печатях, соответствующих двенадцати знакам зодиака; имеется также точное указание, как надо их изображать и какой силой они обладают. Для примера этого суеверия я приведу здесь метод составления одной из них: «Третья печать есть печать Тельца. Возьми золото или серебро, расплавь его, когда солнце стоит в знаке Тельца, и приготовь из сплава печать; когда ты будешь обрабатывать ее молотом, то ты должен произносить следующие слова: «Величаю Тебя, Господи, мой Бог, мой помощник»; далее псалом: «Coeli enarrant gloriam etc» (Небеса поведают славу и пр.). После этого на одной стороне надо сделать изображение Тельца, а по краям изобразить знак Тельца и слова: Theonel, Set, Paulus. На другой стороне по краям: «Да будет благословенно имя Господа нашего Иисуса Христа» и в середине слова: «On, Joseph, Oytheon». Печать Тельца предохраняет, вообще, от болезней глаз, от опухолей и всякого рода болезненного расположения к ним, а также от болезней гортани и шеи». Основываясь на этом образце врачебного искусства Виллановы, легко придти к заключению, что он был большим шарлатаном, спекулировавшим на народных суевериях; однако же такое суждение было бы в высшей степени несправедливо. Если он на самом деле давал своим пациентам подобные амулеты, то вернее всего, что он признавал за ними приблизительно такое же действие, какое благоразумный современный врач приписывает вольтовым крестам и т. п. средствам. Скорее он был гениальным человеком и необыкновенно тонким наблюдателем, что видно из следующего замечания в одной из его медицинских статей: «Для врача прежде всего необходимо, чтоб он умел дать надлежащее направление страстям больного и, воспользовавшись ими, приобрести его доверие и дать надлежащий толчок его воображению: тогда он может всего достигнуть». Если Вилланова так ясно понимал значение внушения в медицине, то, несомненно, он мог правильно оценить и магическую силу печатей.

Все ученые, о которых мы до сих пор говорили, были действительно замечательными исследователями, и каждый из них оказал науке важные услуги в своей области. *Раймунд Луллус* является более сомнительной личностью. В разных приписываемых ему алхимических сочинениях высказываются столь невероятные заключения о философском камне, что, очевидно, все это оказывается чистою фантазией. Так, напр., говорится, что одна часть камня может превратить в порошок тысячу частей ртути, и этот порошок имеет все свойства самого камня, так что одна часть этого порошка может опять превратить тысячу частей ртути; и этот процесс можно повторять еще много раз, пока, наконец, не «погаснет огонь камня, так что он уже не будет производить нового порошка, но будет превращать ртуть в чистое золото». Кроме того, этот философский камень имеет чудесное действие

на человеческий организм. Он исцеляет все болезни и делает тело бессмертным. Понятно, что сочинения Луллуса, пользовавшиеся большим почетом у алхимиков позднейшего времени, сильно ободряли их,— стоило напрячь все силы, чтоб обладать таким камнем. Но так как данные им методы для получения камня не имеют ровно никакого значения, то кажется, что и сам Луллус обладал скорее фантазией, чем любовью к истине и талантом исследователя.

Луллус был первым из европейцев, знакомых с кабалой, но трудно решить, в каком объеме он знал ее; он жил в Испании примерно в то время, когда туда проникли главные кабалистические сочинения, и поэтому, конечно, мог познакомиться с известной долей их содержания. Он был очень высокого мнения о кабале, видя в ней истинное откровение и божественную премудрость. Кабалистические методы имели также влияние на изобретенную им мистически-философскую систему, названную им «великим искусством», «ars magna». В сущности, это было нечто в роде мнемотехники. Но

Рис. 38. Смерть Раймунда Луллуса.

всего чудеснее была его жизнь и образовавшиеся вокруг него рассказы и легенды. Он родился в 1235 г. на Майорке, в дворянской семье. В молодости он вел распущенную жизнь при арагонском дворе, пока, наконец, неудачная любовь не натолкнула его на иные мысли, и он решил посвятить себя обращению магометан в христианство. Для этого он вступил во францисканский орден, изучил арабский язык и три раза отправлялся миссионером на северные берега Африки, пока, наконец, не нашел там себе мученической кончины. Он был побит камнями на берегу и взят на христианский корабль, но дорогою умер и погребен в 1315 г. в Пальме. Триста лет спустя разрыли его могилу и на его черепе нашли ясные следы ударов камней, причинивших ему смерть. Но хотя, таким образом, время и обстоятельства его смерти могут быть установлены вне всякого сомнения, однако имеются сочинения, будто бы написанные им в 1330 г., и про него рассказывают, что в 1332 г. он был в Лондоне и алхимическим путем добыл много золота для короля Эдуарда III. Из него отчеканили дукаты, которые долго ходили в публике под именем раймундинов. Эти противоречия могут быть всего проще разрешены тем, что один из его учеников принял его знаменитое имя, чтобы легче приобрести себе большое влияние. Но именно это обстоятельство, что Луллус еще долго жил в одном месте, после того как в другом он уже умер и был погребен, по всей вероятности, больше всего и способствовало образованию чудесного сказания о его личности; это сказание замечательно и характерно для его времени. Оно распадается на две части: роман и легенду. Будучи еще молодым человеком, известным весьма элегантным кавалером и победителем сердец, Раймунд Луллус влюбился в одну замужнюю даму, Амброзию ди Кастелло, и объяснился ей в любви. Она отвергла его, но так как он и после этого не оставлял ее в покое, то она заявила ему, что не может отвечать на такую пламенную и неземную любовь, пока она сама простой смертный человек. Но если б он нашел жизненный эликсир, охраняющий тело от смерти, то она будет его. Раймунд удалился, изменил свой прежний образ жизни и начал исследовать тайны природы; после тридцатилетних трудов ему удалось на самом деле приготовить великий эликсир. Он испытал его силу на самом себе, в течение двух месяцев он ничего не пил и не ел, перенес все

страдания голода и жажды, но не мог умереть. Уверенный в своем изобретении, он отыскал Амброзию, которая к тому времени уже овдовела, и не узнал ее — так она состарилась и поседела. В его памяти все еще носился образ прекрасной молодой женщины. Она открылась ему и призналась, что всегда любила его; но просила пощадить ее от бессмертия, которое он обещал ей; она показала ему свою грудь, пораженную раком, и спросила, хочет ли он сделать ее бессмертной в таком мучительном состоянии. Тогда Раймунд разбил пузырек с драгоценным эликсиром и освободил ее от обещания. «Она может теперь,— сказал он,— войти в небесное бессмертие, а я обречен на живую смерть на земле». После этого он вступил во францисканский орден, а два месяца спустя в качестве монаха присутствовал при кончине Амброзии. Здесь кончается роман и начинается легенда. Луллус не мог умереть, хотя всячески искал смерти. Поэтому он посвятил свою жизнь делам благочестия, чтобы, как особую милость, вымолить себе у Бога кончину. Неоднократно он ходил в Африку проповедовать евангелие среди магометан, и, хотя его много раз и жестоко били, однако, он оставался жив. Наконец, его побили камнями; несколько христианских купцов ночью нашли его под кучей камней и взяли с собой на корабль, который держал путь на Майорку, место его родины. Он был еще жив, когда пристали к острову, но как только его вынесли на берег, Бог сжалился над ним и послал ему смерть; его похоронили в церкви местечка Пальмы.

Мы слишком далеко зашли бы, рассказывая о всех средневековых ученых, занимавшихся магическими науками или оказавшими на них свое влияние. Такое подробное историческое изложение не может входить в нашу задачу: мы хотели только изложить те особенные условия, которые создавали тогдашним ученым славу чародеев, а для этого превосходными примерами могут служить те четыре лица, о которых мы говорили. Мы тем более имели право преимущественно остановиться на них, потому что они в то же время принадлежали и к наиболее выдающимся естествоиспытателям средних веков. Конечно, впоследствии были другие естествоиспытатели, напр. Николай Куза (1401—1461), вполне, как кажется, избегнувшие обвинений в чародействе; это обстоятельство легко объясняется для Кузы, так как он был кардиналом и папским наместником, следовательно, одним из могущественнейших лиц церкви; потому всякий, конечно, остерегался распускать про него неосновательные обвинения. Сверх того, он имел дело почти исключительно с математикой и астрономией; из отраслей экспериментальной физики он занимался только учением о весах и их применением; в этом занятии и в то время трудно было найти что-нибудь такое, что могло бы иметь отношение к верованию в волшебство. Такое единичное исключение, как Николай Куза, только подкрепляет то общее правило, что для невежественной массы экспериментирующие естествоиспытатели казались волшебниками.

КАБАЛИСТЫ

Прежде чем окончить эти замечания, мы упомянем еще о некоторых лицах, которые хотя и не были естествоиспытателями, но тем не менее имели в своем роде большое влияние на развитие магии. Один из них был аббат *Иоанн Тритгейм*, друг Корнелия Агриппы и учитель Парацельса.

Тритгейм родился в 1462 г. в Триттенгейме, в Трирском курфюршестве. Еще мальчиком он обнаружил чрезвычайную даровитость и большое влечение к науке, но его родители противодействовали всяким книжным занятиям их сына, так как он должен был помогать им в сельском хозяйстве. Только 15 лет от роду ему удалось научиться кое-чему у одного из соседей. В семь дней он выучил азбуку так, что мог читать книгу. Собственными средствами он продвинулся в учении так далеко, что с небольшой помощью своих доброжелателей мог отправиться в гейдельбергский университет, где в поразительно короткое время прославился своей ученостью, особенно в древних языках. В 1482 г. он поступил в Спонгеймский монастырь бенедиктинского ордена, а год спустя, когда скончался прежний настоятель монастыря, он, несмотря на свою молодость, был выбран аббатом. Маленький и почти никому до этого неизвестный монастырь в Спонгейме благодаря его деятельности стал известен всей Европе; он собрал здесь большую библиотеку из самых редких и замечательных сочинений, в особенности по магии. Слава о его учености была так велика, что его посещали и ценили его дружбу многие владетельные особы, даже император Максимилиан I, и самые ученые люди Европы. Так, в 1496 г. в один день в Спонгейме собрались два князя и семь ученых.

Однако Тритгейм недолго мог спокойно заниматься наукой. Виною этому был отчасти он сам. Он имел неосторожность послать в Гент своему другу монаху Арнольду Бостию письмо, которое давало повод заподозрить его в волшебстве, если бы оно стало известным в более широких кругах. На его несчастье, Бостий умер, когда письмо пришло в Гент; поэтому оно было вскрыто настоятелем монастыря, который нашел содержание письма столь необыкновенным, что распространил его по всей Германии и Франции. Письмо начиналось так:

«Я работаю теперь над важным трудом, который удивит мир, если я обнародую его, чего бы мне, однако, не хотелось делать. Первая книга называется «Steganographia». В ней излагается более чем сто видов тайнописания, которые не мог бы прочесть самый умнейший из людей, не будучи знаком с секретом. Это интересно, но вторая книга еще удивительнее. Не прибегая к письму, слову или знакам, я могу передавать свои мысли на расстоянии свыше ста миль, всякому знающему это искусство, и для этого мне совсем не надо посыльных. Все это может быть сделано так ясно и обстоятельно, как только потребуется, и притом вполне естественным образом, не прибегая к помощи духов или иным

суевериям. Конечно, все это удивительно, но дальше будет нечто еще более чудесное. В третьей книге излагается искусство, как можно с необразованным человеком, знающим только свой родной язык, сделать так, чтобы он через два часа понимал латынь и мог бы читать и писать на ней так, что никто не усомнился бы, что он чисто и правильно пишет по-латыни».

Последствия этого письма не замедлили обнаружиться. Тритгейм был так неосторожен, что показал некоторым посетителям начатый труд, не объяснив им точно, в чем дело; этим он дал новую пищу для подозрения его в чародействе. Спонгеймские монахи воспользовались этим для борьбы со строгим монастырским режимом, который до того времени поддерживался Тритгеймом. После многолетних взаимных неудовольствий Тритгейм должен был оставить монастырь и свою любимую библиотеку, приняв в 1505 г. приглашение занять место аббата в Вюрцбурге. Здесь он прожил спокойно еще 11 лет, но так и не окончил своей стеганографии, доставившей ему столько неприятностей. Неполный манускрипт был напечатан после его смерти, а затем стеганография появилась в огромном ряде изданий, которые далеко не во всех пунктах согласовались между собою. Дармштадтское издание in guarto 1621 г. признается за наиболее надежное; по этому изданию я приведу начало первой главы, чтобы дать понятие об этом в высшей степени оригинальном и чрезвычайно запутанном сочинении.

«Ключ к первой главе в руках главнейшего духа Памерсиеля, anogr madriel при помощи ebra sothean abrulges itrabsiel u ormenu itules cablion hamorphiel. Надо начинать дело с вызывания этого духа».

«Полное изложение этой главы затруднительно и опасно, вследствие гордости и упрямства ее духов; они не повинуются никому, кто недостаточно опытен в искусстве; непосвященному они даже делают различные неприятности, если он будет их слишком принуждать, и мучат его разными способами. Из всех духов воздуха они суть самые злые и вероломные. Они никому не подчиняются вполне, если не будут принуждены к тому сильнейшими заклинаниями; и тогда они часто выдают сообщенную им тайну, ибо, будучи посланы с письмом, они взлетают кверху, подобно беспорядочной толпе, бегущей без вождя из битвы, с шумом низвергаются оттуда и всем встречным сообщают тайну пославшего. Поэтому мы советуем не оказывать на них давления и пользоваться их услугами крайне осторожно, ибо они злобны и вероломны. Между другими найдется несколько более благонравных, которые добровольно подчиняются приказаниям. Если же кто-либо захочет испытать их злобу и убедиться в справедливости всего здесь сказанного, то он должен сделать следующее: надо взять лист бумаги и сверху написать обращение к божественному имени: во имя Отца и Сына и святого Духа. Затем написать простой, ясный и понятный всякому читателю рассказ на латинском, немецком или каком-либо другом языке. Но во время писания надо сидеть лицом к восходящему солнцу и вызывать духов следующим образом:

Pamersiel oshurmy delmuson Thafloyn peano charustre melany lyamunto cholchan, paroys, madyr, moerlay, bulre tatleor don meleove peloin, ibutsyl meon mysbreath alini driaco person. Crisolnay, lemon asosle mydar icoriel pean thalmoi asophielil natreon bangel ocrimos estevor naelma besrona thulaomor fronian beldodrayn bon otalmesgo merofas elnathyn basramuth.

Затем, если духи явятся к его услугам, то он должен продолжать начатое. Но если этого не случится, то он должен до тех пор повторять эти слова, пока они не явятся, или же отложить это дело до другого раза, чтобы, при слишком сильном давлении на духов, они не повредили вызывавшему. Вызвав их таким образом, заклинатель посылает письмо с вестником к своему другу, посвященному в тайну этого искусства; а последний при получении письма произносит следующее заклинание:

Lamarton anoyr bulon madrinel traschon ebrasothea panthenon nabrulges Camery itrasbier rubanty nadres Calmusi ormenui ny tules demy rabion hamorphyn.

После этого он сейчас же поймет скрытый в нем смысл, ибо духи сами собой появятся с такою силой и будут так громко взывать, что все присутствующие, без сомнения, поймут тайну писавшего».

Этот отрывок типичен для всей книги, целиком состоящей из рассказов о духах, самых страшных заклинаний и самых непонятных слов. Смысл этих слов долго был загадкою; некоторые думали, что это были действительно формулы заклинания демонов, другие, напротив, полагаясь на собственные слова Тритгейма, держались того мнения, что в этих словах все естественно и что все дело состоит только в том, чтобы найти их смысл. Это, наконец, удалось в 1676 г.; д-р прав Э. Гейдель из Вормса открыл, что все эти варварские заклинания получают смысл, если зачеркнуть все нечетные слова, т. е. первое, третье, пятое и т. д., а в оставшихся словах снова зачеркнуть все буквы нечетного порядка, т. е. 1, 3, 5 и т. д.; наконец, все буквы, оставшиеся после этих операций, написать в один ряд. Тогда эти буквы (напечатанные здесь жирным шрифтом) дают объяснение различных видов тайного письма. Таким образом мы получаем следующие слова из первого заклинания:

Sum taly cautela, ut pryme lyttere cvivslybet diccionys secretam intencionem tuam reddant legenty (Я применяю такое правило предосторожности, что первая буква каждого слова сообщает читателю тайный смысл). Заклинание, с которым читатель принимает письмо, дает совершенно такое же указание, именно: nym die ersten Bugstaben de omni uerbo (Возьми первые буквы от каждого слова). Вся глава о стеганографии состоит из указаний, как можно посылать тайные сообщения: для этого надо написать какой-нибудь рассказ так, чтобы, если взять от каждого его слова первые буквы и составить их вместе, то они и заключали бы в себе данное сообщение. Подобно этому и в каждой из остальных глав многоречиво трактуется один из видов скрытого письма.

Но все-таки остается довольно загадочным, почему Тритгейм скрыл свое изобретение о тайном письме под столь странной формой. Он мог бы безо всякого затруднения выбрать для этой цели другое столь же удобное средство, не возбуждая столь большого внимания и не создавая себе славы чародея. Но, вероятно, ему отчасти нравилась такая слава; в глазах народа великий магик был все-таки

лицом почетным, внушавшим некоторый страх, и нет ничего невероятного, что Тритгейм, подобно многим другим, был настолько тщеславен, что желал для себя такого положения, коль скоро его можно было достигнуть без всякого риска, т. е. если в случае надобности можно было доказать свою невинность. Как бы то ни было, едва ли может быть иначе объяснена та форма и способ изложения, который мы находим у Тритгейма.

Свою идею о способах тайнописания Тритгейм несомненно нашел в кабале. Как раз в это время вновь началось изучение старинной еврейской философии, которое было оставлено со времени Раймунда Луллуса. Граф Пико-де-Мирандола (род. в 1463 г.) написал в 1486 г. свои «Conclusiones cabbalisticae», где он обращает внимание ученого мира на кабалистические сочинения. Один из учеников Мирандолы посвятил Тритгейма в кабалу; кроме того Тритгейм был в дружеских отношениях с Иоанном Рейхлином, который более чем кто-либо другой способствовал распространению сведений о кабале и кабалистических методах. Рейхлин родился в 1455 г. в Швабии и изучал в Париже классические языки; впоследствии он познакомился в Италии с несколькими еврейскими учеными, научился у них древнееврейскому языку и приобрел в нем до тех пор неслыханные познания. Тогда он принялся изучать кабалу, рассчитывая найти в ней начатки христианской догматики; свои взгляды на кабалу он изложил в сочинении: «De verdo mirifico», Базель 1494 г. В нем он старался вывести посредством кабалистических способов основные начала христианского и ветхозаветного учения. Из слова БРА «творить» он составляет такой нотарикон: АБ — БН — РВХ — ГКДШ, т. е. Отец, Сын и Дух святой, так что в понятии творения он находит основание учения о святой Троице.

Благодаря этому искусству, Рейхлин является основателем так называемой христианской кабалы, которой так ревностно занимались впоследствии и которая в настоящее время как будто опять начинает входить в моду. Однако большее влияние имело второе из главных сочинений Рейхлина: «De arte cabbalistica», Гагенау 1517 г.; в нем он излагает довольно обстоятельно и верно главнейшие кабалистические учения и методы.

Эти учения и методы впервые стали доступны европейскому ученому миру благодаря книге Рейхлина и только уже в последующее время приобрели существенное влияние на всю науку. Так знание кабалы уже явственно выступает в большой магической системе Агриппы, ближайшим рассмотрением которой мы теперь и займемся.

Агриппа и тайная (оккультическая) философия

ЖИЗНЬ И ЗНАЧЕНИЕ АГРИППЫ

Генрих Корнелий Агриппа фон Неттесгейм родился в Кельне в 1456 г. Он происходил из старинного, богатого дворянского рода и рано начал заниматься наукой. Кроме своей специальности, правоведения, он изучал также классическую литературу и живые языки; Агриппа сам писал в одном из своих писем, что он знает восемь языков, и шесть из них так хорошо, что в совершенстве может на них говорить, читать и писать. Кроме того, в молодости он с жаром предавался изучению тайных наук, и позднейшие его работы в этой области доказывают, что едва ли существовало какое-либо значительное магическое сочинение, которое бы он не читал. На практике он тоже занимался, по крайней мере, одной отраслью магии, деланием золота, и кажется, что некоторые из владетельных князей в разное время прибегали к его помощи, как делателя золота. Но бедность, в которой он провел большую часть своей жизни, достаточно ясно доказывает, что в этом искусстве он недалеко ушел, что, впрочем, признавал он и сам, как это мы ниже увидим. Двадцатилетним юношей Агриппа отправился в Париж, где основал общество для изучения тайных наук. В следующие за тем годы он жил в разных местах; так в 1509 г. мы встречаем его в Бургундии, где он читает лекции о сочинении Рейхлина «De verbo mirifico». Эти лекции произвели такое впечатление, что его тогда же пригласили учителем теологии в академию в Доле; однако вскоре он был удален оттуда духовенством, которое, разумеется, видело ересь всюду, где было что-нибудь такое, чего оно само не понимало. После нескольких столкновений Агриппа отказался от борьбы и отправился в Лондон, но уже в этом году он был в Вюрцбурге (в 1510 г.), когда Тритгейм был там аббатом. Во время рассуждений, происходивших между обоими учеными-магиками на их излюбленную тему, у Агриппы

возник план написать сочинение о магии, во всей ее совокупности, и, действительно, он написал свое большое сочинение, в трех томах: «De occulta philosophia», окончив этот труд в поразительно короткий срок, вероятно, даже в течение того же года. Это сочинение он отправил к Тритгейму с просьбой просмотреть его и исправить в нем, что он найдет неверным. Оно произвело большое впечатление и распространилось в ученом мире в многочисленных, но часто плохих списках.

Затем Агриппа поступил на имперскую военную службу, принимал участие в войне с венецианцами и за свою храбрость был на поле битвы посвящен в рыцари. После этого некоторое время он скитался по Италии, читал богословские лекции в Турине и Павии, но, вероятно, и здесь поссорился с местным духовенством, почему и принужден был бежать. Влиятельные друзья представили ему место синдика в Метце. Здесь он так энергично заступался за лиц, обвиняемых в ведовстве, и так удачно защищал их в качестве адвоката, что многих действительно спас от костра. Но так как такая деятельность, конечно, не по душе была монахам, то вскоре он сам подвергся обвинению в колдовстве и должен был бежать из города (в 1519 г.). В Метце, вероятно, был его учеником Иоанн Вейер, впоследствии знаменитый врач, много способствовавший тому, чтобы пошатнуть веру в возможность ведовства. В следующие годы Агриппа жил в разных местах, испытывая сильную нужду; он потерял жену, но несколько лет спустя женился вторично. В 1524 г. он был в Лионе лейб-медиком матери Франциска I; но так как его астрологические предсказания не предвещали ей счастья, то он впал в немилость и снова оказался без определенного места, обремененный долгами, и чувствуя на себе в различных видах немилость двора. В это время он написал свой труд: «De vanitate scientiarum», где излил всю горечь своих несчастных обстоятельств в насмешках над бессилием науки.

Рис. 39. Г. К. Агриппа.

Под давлением нужды в деньгах, он покинул Францию и недолгое время был историографом при Маргарите Австрийской, наместнице Нидерландов. Однако духовенство очень скоро выгнало его и оттуда, после чего он с небольшими перерывами три года прожил в Кельне (1530—1533); здесь, несмотря на инквизицию, ему посчастливилось напечатать свое сочинение Philosophia occulta. Наконец, после многолетних скитаний, он снова вернулся в Лион и умер здесь (в 1535 г.) в доме своего друга, генерального сборщика податей в Дофинэ.

Едва ли надо упоминать, что Агриппа был известен в народе как чародей и что про него рассказывалось множество историй. В Левене один студент, посвященный им в магию, должен был в его

отсутствие вызвать дьявола. Студент неверно начал заклинание, и дьявол лишил его за это жизни. Когда Агриппа вернулся домой и увидел, что духи пляшут на крыше, он вызвал одного из них, приказал ему войти в мертвое тело и отправиться на базар. Здесь он выпустил духа из тела, так что студент упал как бы пораженный ударом, и все думали, что он умер естественной смертью.— Черная собака Агриппы, всегда сопровождавшая его, по народному мнению считалась самим дьяволом. Когда Агриппа почувствовал приближение смерти, он снял с собаки ошейник с магической надписью и сказал: «Ступай, проклятая тварь; ты виною всех моих несчастий!» Собака сейчас же бросилась в Саону и бесследно исчезла. Таких историй было множество.

Агриппа приобрел значение главным образом своим сочинением о тайной философии. Он объединил в ней все прежние магические науки в одну великую систему, приведя их во взаимную связь и поставив в зависимость от известных основных идей. Эти идеи не были оригинальны, поскольку они заимствованы были из физики Аристотеля, астрономии Птоломея, философии позднейших последователей Платона и из европейской кабалы. Но заслуга Агриппы — та, что он дал более цельную и определенную физиономию всей науке своего времени; этим самым его Philosophia occulta оказала во многих отношениях большое влияние на последующую эпоху. Задача, поставленная себе Агриппой, состояла в том, чтобы дать более высокое и чистое представление о магии, указав на то, что все отдельные магические операции не только согласуются с общим знанием его времени о естественном порядке вещей, но даже и со всем тогдашним религиозным мировоззрением. Эту мысль он проводил с большой ловкостью и неопровержимой логической последовательностью и достиг того, что на магические операции перестали смотреть как на что-то мистическое и сверхъестественное, а стали считать их за нечто легко объяснимое и вполне естественное. Доказав их связь с общими представлениями о строе и закономерности всего существующего, он тем самым дает им основание и права: так, напр., когда он объясняет, что магические знаки и печати сообразно со способом их изображения получают известную силу от звезд, то выходит, что сила и действие этих печатей уже не есть нечто сверхъестественное, мистическое и непонятное, но вполне естественное и подлежащее объяснению, как и действие самих звезд; таким же образом рассуждает он и в других случаях. *Цель Агриппы состояла в том, чтобы превратить магию из сверхъестественной науки в физику, математику и теологию; магические операции не должны быть тайным искусством, но только естественным применением этих наук. Таким образом, Агриппа был первым, кто заговорил о «естественной магии».*

Этот взгляд прокладывал себе путь: и у всех магиков позднейшего времени мы находим магическую систему Агриппы с более или менее существенными изменениями.

Система Агриппы получила еще большее косвенное значение. Так как он привел магическую науку в теснейшую связь с тогдашним мировоззрением, то ученая магия держалась и пала вместе со средневековыми воззрениями на мироздание, а эти воззрения покоились преимущественно на двух основаниях — на физике Аристотеля и на астрономии Птоломея. Поэтому и вера в магию исчезла у исследователей, как только Коперник, Галилей и Кеплер низвергли эти почтенные тысячелетние авторитеты. Тайная философия сыграла теперь свою роль и стала лишь импонирующим памятником ошибок прошлого, исчезнувшего времени.

Далее мы изложим в главных чертах магическую систему в том виде, в каком она представляется в «De occulta philosophia», но при этом мы не можем просто следовать за развитием книги, так как различные ее части не одинаково обработаны; кроме того Агриппа, как и все магики, любит в наиболее интересных местах ограничиваться одними намеками, предоставляя самому читателю отыскивать настоящий смысл. Он ясно говорит в конце книги: «одно изложено здесь в правильном порядке, другое без соблюдения строгого порядка, а иное в виде отрывков, многое мною опущено и представлено изысканию понятливых; последние при некотором размышлении о написанном найдут в нем не только полную теорию магии, но и безошибочные опыты. Я так изложил науку, что для умных и понимающих в ней ничего не должно остаться скрытым; для дурных же и неверующих доступ к этим тайнам должен быть закрыт». Между тем, при современном знании естественных наук, вообще довольно легко догадаться, что подразумевает Агриппа, когда он становится мистичен. Что же касается распределения содержания. то очевидно здесь смешаны между собой три различные изложения:

прежде всего теория настоящей магии, затем практические приложения и, наконец, все, что называлось «эзотерической системой»; однако эти три части можно отделить одну от другой без больших затруднений. Теперь мы займемся только самой теорией; практическое же применение мы изложим в одном из следующих отделов и даже подробнее, чем у самого Агриппы. Напротив, мы только впоследствии займемся третьим кругом идей, так называемым «эзотерическим учением» Агриппы, которое в сущности состоит лишь из мимолетных догадок о физических и психических силах, посредством которых производятся магические действия.

ВОЗЗРЕНИЯ ТАЙНОЙ ФИЛОСОФИИ НА ПРИРОДУ

Средневековые воззрения на мир, как выше уже упомянуто, основывались на учениях, заимствованных из Аристотелевой физики и Птолемеевой астрономии, к которым христианство сделало свои необходимые специальные дополнения. Согласно этому учению, вся вселенная состояла из трех миров, или царств. В средине была земля, грубый материальный, или стихийный мир, называемый так потому, что все в нем образовалось из четырех стихий. Вокруг земли был небесный свод, состоявший из семи сфер, в которых находились планеты, а за ними и вокруг них простиралась восьмая сфера неподвижных звезд. Далее следовал «интеллектуальный мир, или мир идей», как называл его Агриппа, т. е. обитель ангелов и святых; наконец, в самом внешнем пространстве находился Бог, обнимающий собою все. Порядок во вселенной, согласно этому представлению, поддерживался постоянными божественными распоряжениями. Последние выполнялись ангелами, которые прежде всего остального управляли ходом звезд, а затем, в случае надобности, принимали участие и в делах стихийного мира. Кроме того планеты и неподвижные звезды имели также влияние на земные явления, как и вообще последние были подвержены влиянию всего высшего, всего того, что находилось вне стихийного мира.

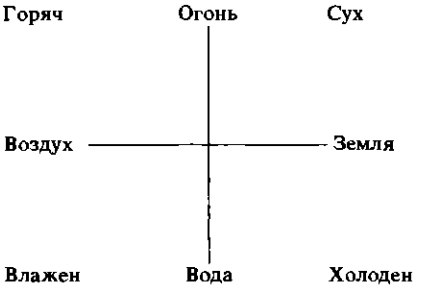
Магическая теория Агриппы была построена на той мысли, что как высшее влияет на низшее, так и обратно — все низшее влияет на высшее, только в меньшей степени. Далее, все, стоящее на одной ступени, взаимно влияет одно на другое на основании закона: всякий предмет притягивается подобным себе и обратно, всем своим существом притягивает к себе его силы. На этом законе основываются все магические действия; поэтому они вполне естественны, как происходящие согласно законам природы.

Об этом автор ясно и точно говорит в 1-й главе своей книги: «Мир имеет троякий характер: стихийный, небесный и интеллектуальный; все низшее управляется высшим и от него получает свою силу. Так сам прообраз и творец мира изливает силы своего всемогущества через ангелов, небеса, звезды, стихии, животных, растения, металлы и камни и через них на нас, людей. Поэтому магики не без основания полагают, что мы можем восходить по степеням через отдельные миры к миру самих прообразов, к устроителю и к первопричине всех вещей, кем все существует и от кого все происходит; они полагают даже, что мы можем пользоваться не только имеющимися у нас силами обыкновенных вещей, но можем также привлекать к себе из высших миров новые силы. Поэтому магики исследуют силы стихийного мира путем разных сочетаний естественных вещей и, кроме того, присоединяют к ним небесные силы, согласно с правилами астрологов и положениями математиков, при помощи лучей и влияний небесного мира. Наконец, они усиливают и укрепляют все это священными и религиозными церемониями, властью различных духов. Я постараюсь теперь изложить все сказанное в правильном порядке в этих трех книгах, из коих в первой говорится о естественной магии, во второй о небесной и в третьей о церемониальной».

«Магия обнимает собою глубочайшее созерцание самых тайных вещей, знание всей природы. Она учит нас, в чем вещи различаются одна от другой и в чем они согласуются. Отсюда происходит ее чудесное действие, так как она сочетает различные силы и всюду связывает низшее с силою высшего; поэтому магия есть совершеннейшая и высшая из наук, высокая и священная философия, венец благороднейшей философии. Как всякая истинная философия, она разделяется на физику, математику и теологию. Физика учит нас о природе вещей, существующих в мире, об их причинах, действиях, времени и месте, о явлениях, о совокупности и частях. Математика учит нас познавать природу в трех протяжениях и наблюдать движение небесных тел. Наконец, теология учит нас, что такое Бог, душа, разумные существа, ангелы, демоны и религия. Она учит нас, какие есть священные установления, обряды и таинства. Наконец, она учит о вере и чудесах, о силе слов и знаков, о священных операциях и таинствах печатей. Магия соединяет в одно целое эти три науки и дополняет их, почему

она по праву с древнейших времен называется высочайшей и священнейшей из наук. Если кто хочет заниматься этой наукой, будучи неопытен в физике, неискушен в математике и несведущ в теологии, то он не поймет смысла магии, ибо магия сама не выводит ничего и нет такого действительного магического произведения, которое бы не находилось в связи с названными тремя науками».

Следуя своему плану, Агриппа дает определение того, что он называет физикой, математикой и теологией. Руководящей нитью в развитии всей системы является его стремление доказать справедливость вышесказанных двух законов, что все вещи оказывают друг на друга взаимодействие и что низшее может привлечь к себе силу из высших миров. Мы будем, по возможности, словами самого автора продолжать изложение всех главных пунктов его учения; оно уже тем интересно, что дает нам возможность получить ясный взгляд на состояние естествознания того времени: «Имеются всего четыре стихии или элемента, т. е. четыре основания для всех телесных вещей; это суть: огонь, земля, вода и воздух. Из них образуется все, но образуется не путем простого смешения, а путем соединения и преобразования, и обратно, все, что приходит к концу, разлагается на четыре элемента. Ни один из естественных элементов не существует в абсолютно чистом виде, но они более или менее смешаны один с другим и могут замещать друг друга. Так, напр., земля переходит в воду, когда она растворяется и получает вид ила, если же вода уплотняется, то она переходит в землю. Если же она испаряется посредством огня, то превращается в воздух. Каждый из элементов имеет два особых свойства, из которых одно принадлежит специально этому элементу, между тем как другое составляет переход к следующему элементу.



Огонь горяч и сух, земля суха и холодна, вода холодна и влажна, воздух влажен и горяч. Так элементы противостоят один другому по своим противоположным свойствам: огонь — воде, земля — воздуху.

Из четырех стихий образуются четыре группы совершенных тел: камни, металлы, растения и животные. В них заключаются все элементы, но каждая группа всего ближе стоит к одному из них. Так камни землисты, ибо они от природы тяжелы, падают на землю и не могут превращаться в жидкое состояние. Металлы водянисты, ибо могут делаться жидкими, и алхимики доказывают своими опытами, что они (металлы) возникли из живой металлической воды, т. е. из ртути. Растения так связаны с воздухом, что могут прорастать и расти только под открытым небом. Наконец, сила, действующая во всех животных, есть огонь; они так родственны огню, что исчезает почти всякая жизнь, если погаснет огонь. Внутри этих четырех царств каждая вещь в свою очередь особенным образом связана с одной из стихий. Из камней все непрозрачные и тяжелые подобны земле, прозрачные же те, что растворяются водою, напр., кристаллы, подобны воде; воздухоподобные те, которые плавают на воде, напр., губчатая пенка и пемза; наконец, родственны огню те, из которых может получаться огонь, или которые сами произошли из огня: каковы, напр., кремень и асбест. Точно так же и с металлами: родственны земле свинец и серебро, воде — ртуть, воздуху — медь и олово, огню — железо и золото. У растений корни по своей плотности родственны земле, листья по содержимому в них соку — воде, цветы по своей нежности — воздуху, а семена — огню по своей зародышевой силе, силе прорастания. Из животных некоторые принадлежат преимущественно земле, каковы: черви и многие пресмыкающиеся; другие — воде — рыбы; те, которые не могут жить без воздуха — принадлежат воздуху; наконец, сродни огню те, что живут в огне, напр., саламандра и некоторые цикады, или которые имеют большую теплоту, или огненный цвет; таковы: голуби, страусы, львы и те твари, которые, как рассказывают, выдыхают огонь. Кроме того кости животных принадлежат земле, мясо — воздуху, жизненный дух — огню и соки — воде.

Стихии имеются не только в низменном мире, но также и в небесах, в демонах, ангелах, и даже в самом мировом устроителе и прообразе. Но в низших вещах элементы находятся в соответственно грубой и более материальной форме; напротив, в небесах элементы существуют только в их силах и свойствах, в небесной и более превосходной форме, чем под луной. Небесная земля имеет твердость земли, но не имеет ее плотности, воздух и вода имеют подвижность, но не имеют бурных течений, пламя огня там не жжет, а только светит и оживляет все своей теплотой. Из планет Марс и Солнце сродни огню, Юпитер и Венера — воздуху, Сатурн и Меркурий — воде и Луна — земле. Небесные знаки также распределяются по стихиям, равно как ангелы и демоны: так различают духов огня, земли, воздуха и воды».

Земные вещи имеют разнообразные силы и свойства. Некоторые из этих естественных сил имеют чисто элементарную природу, таковы согревание, охлаждение, увлажнение и осушение. Большинство же других сил имеют вторичный характер, т. е. вещи получают их только путем соединения элементов; сюда относятся, напр., силы созревания, переваривания (пищи), растворения, смягчения, затвердения и соединения. Наконец, вещи имеют также много скрытых сил, каковы, напр., силы отклонять действие яда, притягивать железо и т. д. Эти силы называются сокровенными, ибо причины их скрыты, т. е. человеческий разум не может их исследовать. Так, напр., пища переваривается в желудке известной нам теплотой, но неизвестной нам скрытой силой она превращается в тело и кровь; что одна теплота не может этого совершить, доказывается тем, что иначе то же самое должно бы произойти и на огне очага. Все эти скрытые свойства притекают к вещам свыше, из интеллектуального мира, где находятся духовные прообразы всех вещей, идей. Но идеи не могут действовать непосредственно на вещи. Ибо дух есть причина движения и действует своей собственной силой. Напротив, материя много слабее и неспособна сама собой двигаться. По этой причине необходим посредствующий член, медиум, посредством которого дух приводит в движение материю; этот медиум должен быть в одно и то же время и телесным, и духовным. Он есть душа вселенной или, как его называют, «пятое существующее», «квинтэссенция», потому что он не состоит из четырех элементов, а является пятым, рядом с ними или над ними. Эта душа вселенной и есть необходимый посредствующий член, через который дух может действовать на грубую материю; она играет в мире ту же роль, что в нашем теле душа, которая производит то, чем наш дух связан с членами и может действовать на них.

«Посредством мировой души, или квинтэссенции, дух распространяется над всем, и нет ничего в мире, что бы обходилось без его искры. Всего сильнее дух проникает туда, где душа имеет наибольшее преобладание, как, напр., в звездах; от них он распространяется далее через посредство их лучей, благодаря которым вещи приходят в согласование со звездами. Таким образом все скрытые свойства в камнях, металлах, корнях и во всем живущем вызываются планетами и остальными звездами. Квинтэссенция может быть для нас весьма полезна, если мы сумеем извлечь из какого-нибудь вещества, напр., из металла, и перенести ее в другое вещество; тогда она даст последнему более высокие свойства. По этой причине алхимики старались получить квинтэссенцию из золота и серебра и перенести ее в другой металл, который тогда сам тотчас сделается золотом и серебром. Я знаком с этим искусством и несколько раз видел, как это делается, но я не мог получить золота больше того, сколько весило золото, из которого я извлекал душу. Так как последняя есть внешняя, а не внутренняя форма, то она не может превратить несовершенное тело в совершенное в количестве, превышающем ее собственную массу; однако я не отрицаю то, что это возможно при помощи других приемов искусства.

Скрытые свойства, получаемые вещами от мировой души,— через посредство звездных лучей, могут быть найдены лишь путем догадки и опыта. Тот, кто хочет исследовать их, должен прежде всего знать, что всякая вещь тяготеет к себе подобной и всем своим существом притягивает к себе подобную, и это относится как к стихийным, так и к сокровенным свойствам. Так огонь, вспыхивая, поднимает свое пламя к небесному огню, а вода течет вниз к воде. Мы это замечаем также и у живущих существ, питательная сила которых превращает пищу не в растение или в корни, а в мясо; врачи тоже знают, что всякая вещь помогает той, которая подобна ей. Ноги черепахи помогают тому, кто страдает подагрой, если прикладывать их нога к ноге, правую к правой и левую к левой. Всякое бесплодное животное вызывает бесплодие, а если мы хотим пробудить любовь, то должны найти такое животное, которое отличается любовью, напр., голубя, воробья или ласточку, и от них опять взять те части, в которых особенно преобладает влечение к любви. Короче: «Все вещи, богатые известными свойствами и качествами, напр., теплотой, холодом, смелостью, страхом, печалью, гневом, любовью, или какой-нибудь иной страстью или силой,— все эти вещи сильно тяготеют к вещам с подобными же свойствами и вызывают в них подобные же силы».

Подобно тому, как на земле однородные тела находятся во взаимодействии, точно так же все низшее подчинено подобному себе высшему и от него получает свою силу. «Таким образом, каждая вещь подчиняется какой-нибудь планете или небесному знаку; но трудно определить, каким звездам или знакам подчинены отдельные вещи. Отчасти это можно узнать, исследуя, какие лучи, движение или фигуру получает данная вещь от небесных тел, а отчасти, наблюдая согласование действий между вещью и одной из звезд. Так, огонь и светящее пламя, а из жидкостей кровь, подчинены солнцу, они — «солнечны» (solar). Из металлов по своему блеску солнечно золото, из камней те, что играют лучами солнца,— солнечный камень и карбункул, светящиеся ночью. Гелиотроп, яшма, изумруд также солнечны, и они получают из солнца свойство предохранять от яда. Далее топаз, рубин и аврипигмент

также солнечны потому, что имеют цвет солнца и золота. Из растений солнечны те, которые, подобно подсолнечнику, обращаются к солнцу, и те, которые, подобно лотосу, складывают лепестки при закате солнца и снова раскрывают их, когда оно восходит; солнечны также и те, цветы которых или другие части имеют цвет солнца. Из животных солнечны большие и смелые, каковы лев, крокодил, баран и бык; из птиц — феникс, единственный в своем роде, и орел, царь птиц; а также и те, что хвалебной песней приветствуют восход солнца, напр., петух и ворон». Таким образом Агриппа перечисляет отдельные небесные знаки и показывает, как каждая вещь относится к звезде, с которой имеет какое-либо сродство.

Но не только все вещи на земле и разные части земли, каковы целые страны, провинции и города, подчинены звездам и от них получают свою силу. Существуют также известные линии, признаки, или «характеры», звезд, которые принадлежат многим вещам на земле и заключают в себе силы звезд. Эти признаки находятся у растений в корнях и клубнях, в листьях и цветах; они находятся в линиях руки, и посредством их древние хироманты читали судьбу человека на его руке. Следовательно, существует взаимное согласование между разными вещами от низших до высших; на почве этого согласования, которое греки называли «симпатией», вещи притягивают к себе подобных.

«Каждая высшая сила посылает свои лучи в виде долгого, непрерывного ряда ко всем согласованным с нею низшим; а с другой стороны, низшее может достичь высшего, проходя через все отдельные ступени. Низшее так связано с высшим, что его влияние простирается до самых крайних точек ряда, подобно тому, как качается на всем протяжении шнурок, если прикоснуться только к его концу».

Так как все, что однородно, а потому и совместимо, стремится привлечь к себе силы другого, то мы можем привлечь к себе силы небесных тел, собрав все вещи, подчиненные данным звездам. И мы можем привлечь не одни только небесные силы: так как сами небесные тела получают свои силы из мира идей, то мы можем привлечь посредством их разумы и демонов, которые являются причиною влияния планет. При этом особенно действительными оказываются разные курения, принадлежащие отдельным планетам, так как воздух наполняется их парами, особенно легко впитывающими в себя небесное влияние. Они тотчас же сильно действуют на человеческий дух и передают нам крайне удивительным образом подобные им свойства. Агриппа дает состав курения, соответствующего каждой планете; двух таких примеров будет достаточно.

«Чтобы получить курение для солнца, надо взять шафрана, амбры, мускуса, алоэ, бальзама, лаврового листа, гвоздики, мирты и ладана; все это истолочь и смешать в такой пропорции, чтобы получился аромат наивозможно приятнейший, затем этот порошок смешать с мозгом орла или с кровью белого петуха и скатать в пилюли.— Куренье для луны приготовляется из головы высушенной лягушки, бычачьих глаз и семени белого мака. К этому надо прибавить ладана и камфоры и все вместе смешать с гусиной кровью» и т. д.

Разнообразные магические действия возникают посредством взаимного «согласования» или «симпатии вещей»; в особенности человеческая душа является при этом очень деятельной. Во время сна она всегда более восприимчива к небесным влияниям; отсюда происходят сновидения, которые часто содержат в себе предсказания будущего. Но так как влияния высших вещей действуют различно на каждую человеческую душу, то и не существует каких-либо твердо установленных правил для толкования снов. Каждый отдельный человек должен сам записывать свои сны и следующие за ними события, а затем на основании таких записей объяснять значение своих будущих снов.

Душа имеет также большое влияние на все родственные ей вещи и может по-своему преобразовать их. Прежде всего она действует на тело, с которым она соединена. Так мы видим, что все человеческие страсти выражаются в теле и в особенности в лице. Но, по закону подобия, душа влияет также на другие души. Слюна течет во рту у того, кто видит, как другой ест что-нибудь вкусное; всякая страсть и всякое настроение, которые мы наблюдаем у другого человека, легко переходят на нас самих. Отсюда понятно, что чародеи, желая причинить несчастье, могут посредством пристального взгляда околдовывать людей самым

губительным образом. Именно, если сила воображения очень возбуждена, то внутри человека образуется изображение представляемой вещи, которое находит свой отпечаток в крови, затем кровь снова несет это изображение в члены, которые питаются ею. Так, напр., многие уроды родятся вследствие слишком подвижной силы воображения беременной, язвы (Stigmata) святого Франциска, наверное, произошли от того, что он слишком упорно и постоянно созерцал раны Христа.

ЧИСЛОВЫЕ СПЕКУЛЯЦИИ СОКРОВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

«Математические науки стоят в такой внутренней взаимной связи с магией и так необходимы для нее, что всякий, кто хочет заниматься магией, не зная математики, становится на совершенно неверный путь и будет тщетно стремиться, никогда не достигая желаемых результатов. Ибо все природные силы в нашем мире существуют только в силу числа, веса, меры, гармонии, движения и света и зависят от них, и все вещи, видимые нами здесь, имеют в этом свои корни и свое основание. Посредством математической науки можно даже составить нечто вполне сходное с естественными вещами и в отсутствии природных сил.» Так, напр., древние изготовляли золотые статуи, которые говорили, и деревянных голубей, которые летали. Точно так же посредством геометрии и оптики могли делаться чудесные подражания, воспроизводившие в воздухе на известном расстоянии при помощи вогнутого зеркала изображение разных предметов. «И я умею устанавливать два зеркала одно против другого так, что при солнечном свете можно отчетливо видеть на далеком расстоянии все, что освещается его лучами *. При помощи этих же знаний можно совершать и другие не менее замечательные вещи: удалять скалы, равнять горы, осушать болота, заполнять долины и т. д., как это, по свидетельству надежных историков, уже исполнялось раньше.

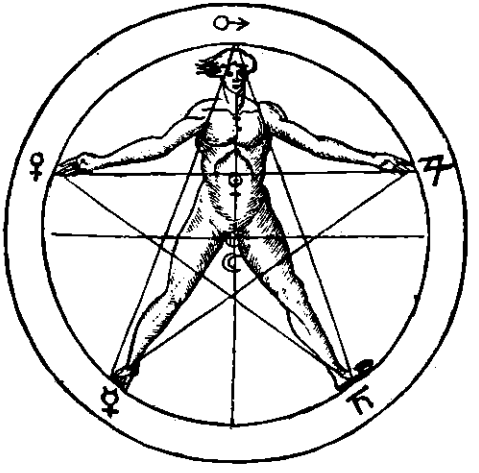


Рис. 40. Микрокосм.

Таким образом, в числах заключается большая сила и могущество, и этому учат не только самые замечательные философы, но и отцы церкви. Как велика власть чисел в природе, видно, напр., из того, что корень, называемый «пентафилон» или «пятилистник», вследствие числа «пять» действует как противоядие, изгоняет злых духов и способствует примирению». Числа имеют значение во всей природе,— все на земле, в небесах, в человеке и в мире идей организуется на основании чисел. Чтоб уяснить это, Агриппа дает ряд таблиц, относящихся к числам от 1 до 12, в которых сопоставлены самые разнообразные вещи, чтобы показать, как отдельные числа проникают во все. Из этих таблиц здесь мы приведем только ряд для числа семь; эта таблица показывает нам, что именно подчиняется семи планетам, и дает нам в сжатой форме взгляд на многие из вышеотмеченных отношений.

Однако не только числа, но и познания вещей имеют великую магическую силу и значение, ибо всякое число есть имя и всякое имя — число. Как уже выше сказано (стр. 98), для чисел не было особых знаков ни в европейском, ни в греческом и латинском языках; для этого пользовались буквами, которые имели и числовое значение. Вследствие этого разные буквы могли в одно и то же время означать слово и число; такая двойственность имела, конечно, и магическое значение. На этом основывается арифмомантия, которая учит, как по имени данного лица можно предсказать его судьбу, и то магическое влияние, которое можно было иметь на духов и демонов тем, что стоило только написать или произнести их имена, чтоб иметь

* Здесь очевидно описывается зеркальный телескоп. Когда зеркало устанавливается не в трубе, то в телескопе будут видны вообще только вещи, которые освещены непосредственно солнцем. Описание Агриппы так отчетливо, что он, по моему мнению, несомненно знал зеркальный телескоп, хотя и в примитивной форме, за полтораста лет до его изобретения Ньютоном (1671 г.). *Прим. автора.*

В мире прообразов		АШР	АГИГ. Ашер Этейе.				Имя Бога в 7 букв
В мире идей	Цафкиил	Цадкиил	Шамаил	Рафаил	Ганиил	Михаил	Гавриил	7 ангелов, стоящих пред лицом Бога
В мире небес	Сатурн	Юпитер	Марс	Солнце	Венера	Меркурий	Луна	7 планет
В элементарном мире	Удод Каракатица Крот Свинец Оникс	Орел Дельфин Олень Олово Сапфир	Коршун Щука Волк Железо Алмаз	Лебедь Тюлень Лев Золото Карбункул	Голубь Сом Козел Медь Изумруд	Аист Вьюн Обезьяна Ртуть Агат	Сова Скат Кошка Серебро Кристалл	7 планетных птиц 7 планетных рыб 7 планетных зверей 7 планетных металлов 7 планетных камней
В мире людей	Правая нога Правое ухо	Голова Левое ухо	Правая рука Правая ноздря	Сердце Правый глаз	Половые органы Левая ноздря	Левая рука Рот	Левая нога Левый глаз	7 членов 7 отверстий в голове
В адском мире	Геенна	Врата смерти	Мрак смерти	Источник смерти	Помойная яма	Гибель	Преисподняя	7 жилищ осужденных

возможность пользоваться их услугами. Несколько дальше мы приведем примеры практического применения этого способа, здесь же мы говорим лишь о теории. «Никто не должен удивляться тому, что многое можно угадать по числам имен, ибо Всевышний творил все по числу, мере и весу, откуда и ведет свое начало истина букв и имен; значит, последние возникли не случайно, но на известном основании, хотя мы его и не знаем.

Человек, как совершенное подобие Бога, является прекраснейшим из всех Его творений; поэтому он есть микрокосм (малый мир) и заключает в себе все числа, меры, весы, движения и элементы. На этом основании древние обозначали числа пальцами, а во всех частях тела человека находили все числа, меры, пропорции и гармонии. Руководясь пропорциями человеческого тела, они строили все храмы, дома, театры, даже корабли, машины и другие всякого рода искусственные сооружения, а также и все их части. Так Ной был научен Богом построить ковчег согласно мере человеческого тела, так же, как и сам Бог сотворил мир по образцу человеческого тела. По этой причине мир называется «великим миром», «макрокосмосом», а человек «малым миром», «микрокосмосом».

Агриппа показывает множество примеров, как человек заключает в себе все числа и меры; мы ограничимся только немногими из них. Если поставить человека так, чтобы руки и пальцы лежали на горизонтальной линии, то образуется квадрат, центральный пункт которого находится на самой нижней части туловища. Напротив, если он станет с растопыренными ногами и распростертыми, но несколько опущенными руками, то около того же центрального пункта можно описать окружность, которой касаются голова, пальцы рук и ноги; этими пятью пунктами круг делится на пять равных частей, так что тело содержит в себе число пять. Так же и в отдельных членах повторяются числа, напр. в руке, поверхность которой имеет шесть гор с шестью промежуточными долинами; каждая из этих частей подчинена одной определенной планете (см. рис. 42). На этом основывается хиромантия, искусство предсказывать по линиям и рисункам руки. Она, как и другие авгуральные науки, находит себе обоснование в астрологии, имеющей вообще огромное значение для всякого рода магической деятельности.

Каждая из природных сил проявляется более чудесным образом, если она вызвана не только физическими условиями, но если ее действие сопровождается в то же время известным благоприятным положением небесных тел. Поэтому при всякой работе необходимо наблюдать положение, движение и аспекты звезд и планет, их знаки и степени. Если хотят исполнить нечто такое, что принадлежит известной планете, то надо обождать того момента, когда планета благоприятна и сильна и имеет в своей власти день, час и небесную фигуру. Но надо следить не только за планетой, имеющей влияние на работу, но обождать также и благоприятного положения Луны, ибо нельзя достигнуть ничего хорошего, если Луна стоит неблагоприятно. Как при этом надо поступать и какие положе-

ния благоприятны, я не буду об этом входить в подробности, так как все это и многое другое довольно подробно изложено в произведениях астрологов.

Наконец, надо еще принять во внимание, что всевозможные виды предсказаний требуют применения правил астрологии, которая есть необходимый ключ для познания всех тайн. Они так глубоко пустили свои корни в астрологию, что почти или вовсе не могут без нее действовать. Но и сами астрологические предсказания, дающие, при помощи движений и положений звезд, указание о том, что случится на земле, могут быть скрыты, или явиться в будущем. Излишне говорить об этом подробнее, так как с древнейших времен написано много томов об этой науке. Поэтому если физиогном может исследовать тело или выражение лица, лоб или руку, или толкователь знаков может дать объяснение слов и примет, то он всегда должен исследовать картину неба, чтоб его решение оправдалось в будущем. Только по данным звезд и составляется мнение о том, что должны значить все другие знаки».

В третьей части своей книги Агриппа развивает главным образом кабалистические учения, известные уже нам. Мы видели, как он связывает все магические операции искусства предсказаний как между собой, так и с общим миросозерцанием своего времени. Руководящею нитью во всем является мысль, что все однородное находится в условиях взаимного обмена; высшее господствует над низшим, но и низшее может действовать обратно и привлечь к себе силы высшего. На этом основании все магические явления становятся лишь действиями единого всеобъемлющего закона природы, и магия основывается уже не на недозволенных операциях, исполняемых с помощью духов, но на целесообразном приложении сил природы, какие были известны или, по крайней мере, считались известными в ту эпоху. Это преобразование магии и есть та великая реформация, которую старался произвести Агриппа; этим он хотел достигнуть того, чтобы ученых магов впредь считали не за подозрительных чернокнижников, но за носителей «высочайшей и священнейшей науки».

Мы познакомились теперь с той точкой зрения, на которую стали после Агриппы все магические науки и которой они держались в течение целого века. Этот период следует считать за расцвет магических наук, так как в это именно время они достигли высшего развития во всех своих отдельных отраслях.

Отдельные отрасли магических знаний

АСТРОЛОГИЯ

Мы начнем с астрологии, как важнейшей и наиболее предпочитаемой из наук. Так как звезды являются ближайшей причиной всех явлений, происходящих на земле, то их положение служит также естественным средством для исследования будущего. Остальные авгуральные науки суть только подчиненные методы, которые вполне опираются на астрологию. Таково было фактическое отношение между этими науками в XVI и следующих столетиях. Сказалось ли в этом влияние системы Агриппы, или он только старался лучше обосновать уже существовавшие ранее отношения,— решать это я не берусь; во всяком случае после Агриппы считали за невозможное понимать отдельные отрасли магии без знания астрологии.

Нельзя в коротких словах дать очерк хотя бы только наиболее важных астрологических методов и правил. Так как наука достигла своего высшего пункта развития, то для нее не существовало более такой задачи, которую она не могла бы решить. Землетрясения и политические перевороты, ветры и бури, судьба новорожденного и дипломатические замыслы, исход войны и место нахождения потерянных вещей: все это астрология могла предсказать и определить при помощи

звезд. Эта наука распадалась на такое же множество отдельных отраслей, на сколько разнообразны были те многочисленные задачи, которые она решала; существовала политическая и метеорологическая астрология, астрология обыденной жизни и генетлиология, т. е. учение о предсказании судьбы новорожденного. Каждая из этих отраслей имеет свои собственные методы и правила, но даже беглый их обзор завел бы нас слишком далеко. Мы займемся здесь только одной отраслью науки, генетлиологией, несомненно, имевшей наибольшее применение. Она имеет для нас еще и тот интерес, что мы можем контролировать ее результаты, так как гороскоп известных исторических личностей всегда может сравниваться с их действительной судьбой. Однако и здесь мы должны ограничиться лишь несколькими главными чертами; кто же хочет ближе познакомиться с этим искусством, должен обратиться к специальным сочинениям *.

Всякий астрологический труд, естественно, распадается на две главные части, установление и толкование гороскопа. Первая есть чисто астрономическая работа.

Установить гороскоп — это значит нарисовать общую картину звездного неба в данный момент; эта работа предполагает, следовательно, основательное знание астрономии и астрономических вычислений. Кто обладает такими знаниями, тот может установить гороскоп без всяких дальнейших указаний; для того же, кто не обладает такими знаниями, краткие указания с нашей стороны не имели бы никакого значения. Поэтому мы оставим их в стороне и остановимся лишь на том, что более существенно.

Выше мы уже говорили (стр. 112), что небесный свод делился на 12 равновеликих частей, на 12 обителей. Так как обыкновенно наблюдали только положение на небе зодиака и планет, а неподвижные звезды не принимались в расчет, то в гороскоп заносили только тот пункт зодиака, с которого начиналась каждая обитель и наблюдаемое положение планеты в зодиаке. Отсюда обнаруживалось также, в какой обители находится какая планета. Для средневекового астролога, с его жалкими инструментами и малоразвитой еще математикой, такие определения были весьма затруднительны, и потому эта работа чаще выполнялась ими довольно невнимательно. Когда же позднее Тихо Браге усовершенствовал искусство наблюдения звезд и когда стали издавать эфемериды, т. е. астрономические таблицы, определяющие на каждый день положение планет, то сразу поднялось требование на большую точность гороскопа. Астрологи стали составлять такие таблицы, по которым можно было легко читать положение небесных знаков в 12 обителях, если только было известно, какая точка была в данный момент кульминационным пунктом.

Изображенная здесь фигура (рис. 41) есть гороскоп датского короля Христиана II при его рождении **. Его легко понять, если припомнить вышеприведенное учение о 12 обителях. У границ каждой обители тот пункт зодиака, с которого начинается обитель, отмечен знаками и градусами. В каждой обители обозначены все находящиеся там планеты, а также и тот пункт зодиака, в котором они находятся. Кроме того, в фигуре имеется еще знак, о котором до сих пор еще не упоминалось, именно: «колесо счастья» ⊗; под этим названием разумеют пункт, отделенный на такое же расстояние от Луны, как Солнце от горизонта. Так как гороскоп показывает, что Солнце ☉ стоит в 18° ♍, а первая обитель начинается с 15° ♌, и так как этот пункт находится как раз на горизонте, то, следовательно, Солнце отдалено от горизонта на 27°. Луна стоит в 19° ♍; если к этому прибавить 27°, то получается 16° ♎; здесь, следовательно, и находится колесо счастья; мы сейчас же скажем о его значении.

Чтобы определить судьбу натуса, т. е. новорожденного, по вышеприведенному гороскопу, надо прежде всего определить продолжительность его жизни; Птоломей верно заметил, что было бы бес-

---

* Из таких сочинений, появившихся в магическую эпидемию нового времени, укажем следующие: Lilly, Introduction to Astrology, ed. Ladkiel. Zadkiel. 1852. Zadkiel: Grammar of Astrology. London, 1852. Paerce: Science of the stars. London, 1881. Pearce, Text.-boox of Astrology. Vol. 1, 2. London, 1879. *Прим. автора.*

** Она взята из сочинения Гаркеуса: Astrologiae methodus, Basil. 1576, но там она несколько неполна, так что я сам дополнил недостающие в ней части. *Прим. автора.*

смысленно определять, будет ли человек здоров и счастлив в своей жизни, не зная еще, достигнет ли он такого возраста, в каком может быть речь о подобных вещах. При этом, как и при всех других вопросах, прежде всего необходимо уяснить себе значение 12 обителей. Это значение указано выше (стр. 120). Из данного там перечня мы видим, что продолжительность жизни определяется по первой обители, причем счастье или несчастье определяется по тому, какая планета стоит в первой обители. Юпитер ♃ и Венера ♀ приносят счастье. Позднейшие астрологи присоединили к ним еще колесо счастья. Напротив, Марс ♂ и Сатурн ♄ приносят несчастье. Так как значение остальных небесных тел определяется по другим обстоятельствам, то их рассматривают прежде всего как нейтральные. Гороскоп показывает, что ♀ находится в первой обители, а это означает для новорожденного долгую жизнь.

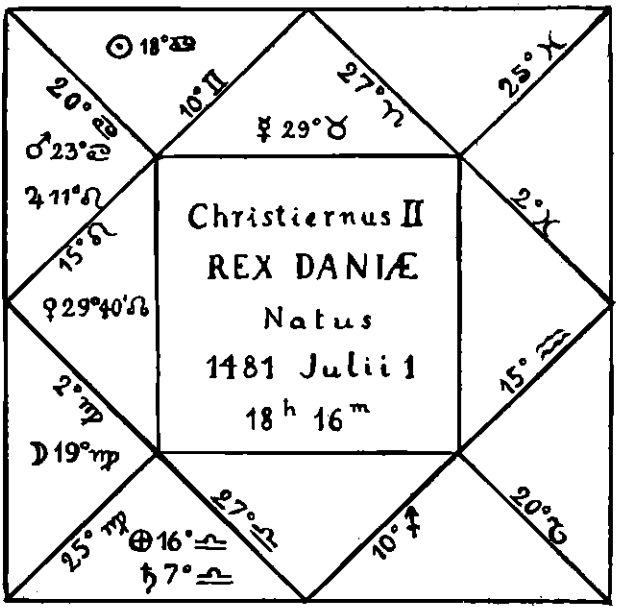


Рис. 41. Гороскоп Христиана II.

Однако дело не ограничивается только этим; отдельная звезда не определяет еще судьбу человека. Мы должны поэтому исследовать аспекты, т. е. взаимное положение планет на небесном своде, величину их угловых расстояний. Угол в 60° и 120°, по Птоломею, считается благоприятным, в 90° — неблагоприятным. Позднейшие астрологи считали также неблагоприятным признаком, если две планеты стоят в конъюнкции, т. е. в том же самом месте небесного свода, или если они находятся в оппозиции, т. е. под углом в 180°. Конъюнкция, квадратура (90°) и оппозиция (180°) считались неблагоприятными аспектами; напротив, секстиль (60°) и тригон (120°) — благоприятными.

В вышеприведенном гороскопе ♀ не стоит в аспекте ни с какой другой планетой, кроме Меркурия ☿, они «глядят друг на друга в квадратуре». Но так как значение Меркурия определяется по звезде, с которой он стоит в аспекте, то в квадратуре с ♀ нет неблагоприятного признака. Необходимо только исследовать, как стоит Гилег, предсказатель жизни. Гилег есть или солнце (днем), или луна (ночью), если они находятся в 1, 10, 11, 7 или 9 обители. Если в этих обителях нет ни Солнца, ни Луны, то Гилегом может быть и одна из планет. В вышеприведенном гороскопе солнце стоит над горизонтом в 11-й обители, следовательно оно Гилег. Что же касается аспекта Солнца, то оно стоит в конъюнкции с Марсом ♂, приносящим несчастье; они отдалены друг от друга только на 5°. Во всяком случае вблизи находится Юпитер ♃, приносящий счастье, и, следовательно, поддерживающий ☉; но все же приходится признать, что знак стоит против знака: ♀ в 1-й обители, т. е. асцендент, означает долгую жизнь, ♂ же в конъюнкции с Гилегом — означает обратное. Поэтому вопрос может быть решен только определением различной силы планет в гороскопе.

Сила влияния планеты определяется с помощью тех основных значений, которые составляют главный пункт астрологии Птоломея. Для этих определений основные значения должны быть соединены в виде наглядной таблицы; она находится во всех более старинных астрологиях, и мы приводим ее здесь.

Знаки	Обители	Восхождение	Треугольник			Мера планет по вычислениям египтян										Вид		
			День	Ночь	Спутник	Град.		Град.		Град.		Град.		Град.		0—10	10—20	20—30
Овен ♈	Марс ♂	☉	☉	2↓	♂	0	2↓	6	♀	12	☿	20	♂	25	♄	30	♂	☉	♀
Телец ♉	Венера ♀	☽	☽	♀	♄	0	♀	8	☿	14	2↓	22	♄	27	♂	30	☿	☽	♄
Близнецы ♊	Меркурий ☿		♄	☿	2↓	0	☿	6	2↓	12	♀	17	♂	24	♄	30	2↓	♂	☉
Рак ♋	Луна ☽	2↓	♀	♂	☽	0	♂	7	♀	13	☿	19	2↓	26	♄	30	♂	☿	☽
Лев ♌	Солнце ☉		☉	2↓	♂	0	2↓	6	♀	11	♄	18	☿	24	♂	30	♄	2↓	♂
Дева ♍	☿	☿	☽	♀	♄	0	☿	7	♀	17	2↓	21	♂	28	♄	30	☉	♀	☿
Весы ♎	♀	♄	♄	☿	2↓	0	♄	6	☿	14	2↓	21	♀	28	♂	30	☽	♄	2↓
Скорпион ♏	♂		♀	♂	☽	0	♂	7	♀	11	☿	19	2↓	24	♄	30	♂	☉	♀
Стрелец ♐	2↓		☉	2↓	♂	0	2↓	12	♀	17	☿	21	♄	26	♂	30	☿	☽	2↓
Козерог ♑	Сатурн ♄	♂	☽	♀	♄	0	☿	7	2↓	14	♀	22	♄	26	♂	30	2↓	♂	☉
Водолей ♒	♄		♄	☿	2↓	0	☿	7	♀	13	2↓	20	♂	25	♄	30	♀	☿	☽
Рыбы ♓	2↓	♀	♀	♂	☽	0	♀	12	2↓	16	☿	19	♂	28	♄	30	♄	2↓	♂

В первой рубрике отмечены 12 знаков зодиака; в ближайших рубриках обозначено, какая планета имеет в данном небесном знаке свою обитель, восход, треугольник, меру и вид. Каждый треугольник, куда вступает небесный знак, имеет трех повелителей; один из них господствует днем, другой ночью и третий есть спутник. В графе «мера планет» всякая планета стоит между двумя числами, которые определяют пределы ее господства. В графе «вида» даны три планеты; так как первая господствует в первых десяти градусах знака, вторая в пределах от 10° до 20° и третья от 20° до 30°.

Чтобы судить о силе планет, необходимо исследовать, какие из них господствуют над пятью гилегиальными или афетическими пунктами; последние суть следующие: асцендент (первая обитель), Солнце, Луна, середина неба (десятая обитель) и колесо счастья.

Мы начнем с асцендента; гороскоп показывает, что 15° ♌ находится в асценденте. Из вышеприведенной таблицы видно, что знак Льва есть обитель для ☉; ни одна из планет не находится в восхождении; в треугольнике господствует Солнце (так как в данный момент — день), а ♂ есть спутник. В ♂ 15° Льва Сатурн имеет свою меру, а 2↓ свой вид. Точно так же и в других гилегиальных пунктах. ☉ стоит в 18° ♋; здесь же Луна имеет свою обитель, 2↓ — свое восхождение и т. д. Таким образом получается следующая таблица для приведенного гороскопа.

АФЕТИКА	Знаки	Обители	Восход	Треугольник	Мера	Вид
Асцендент	15° ♌	☉		☉ ♂	♄	2↓
☉	18° ♋	☽	2↓	♀ ☽	☿	☿
☽	19° ♍	☿	☿	☽ ♄	2↓	♀
Середина неба	27° ♈	♂	☉	☉ ♂	♄	♀
⊕	16° ♎	♀	♄	♄ 2↓	2↓	♄

Взаимодействие сил планет определяется следующим образом: планете, имеющей господство в обители, дают числовое значение 5, 4 — для восхождения, 3 — для треугольника, 2 — для меры и 1 — для вида. В приведенной таблице солнце господствует в обители, его же власти подчинены восхождение и два треугольника, следовательно его числовое значение выражается суммою: $5+4+3+3=15$. Таким же образом числовое значение других планет выражается:

♄ 15, ♃ 12, ♂ 11, ☉ 15, ♀ 10, ☿ 12, ☽ 11

☉ с суммою, равной 15, сильнее ♂, кроме того оно поддерживается силою ♃, который точно также сильнее ♂; итак натусу можно предсказать долгую жизнь. Христиан II прожил 78 лет.

По вычисленному отношению сил планет можно также решить, какая из планет есть Dominus geniturae, господин новорожденного. Это — планета сильнейшая из всех и стоящая в одной из четырех угловых обителей (10, 1, 7 и 4). Гороскоп показывает, что это относится только к ☿ и ♀; из них ☿ сильнее, ибо его число 12. Так как далее 10-я обитель имеет преимущество перед первой, то ☿ становится господином рожденного, но относительно ♀ видно, что она сопутствует ему. Исходя из этой комбинации, старинные астрологи говорят: «Если dominus geniturae будет ☿, то это обозначает человека, который очень любопытен, откровенен и словоохотлив и стремится к познанию великих тайн. Если ему сопутствует ♀, то natus будет красноречивым оратором или поэтом».

Как первая обитель имеет преимущественное отношение к продолжительности жизни, так точно и каждая из остальных имеет свое особое значение. Таким образом, на основании распределения планет по обителям и по аспектам, можно предсказать счастье и несчастье в различных случаях жизни. Вот пример. Из обзора 12-й обители выводятся заключения обо всем, что касается врагов «рожденного» (natus); сюда относятся страдания, заботы, несчастья и в особенности лишение свободы. Присутствие зловещей планеты в 12-й обители — знак весьма неблагоприятный; предсказание еще ухудшается, если она находится в несчастном аспекте. Так, напр., старинные астрологи отметили, что ♂ в соединении с ☉ в 12-й обители представляют вероятное предсказание темницы для «рожденного». Как раз все это мы имеем у Христиана II. Его гороскоп представляет именно сочетание Марса и Солнца в 12-й обители — и вот, как известно, он 27 лет проводит в заключении.

Однако астрологи могут не только предсказать известное событие, но и берутся даже определить, когда именно оно случится. Достигают этого они при помощи так называемых «дирекций».

Эти последние основаны большею частью на довольно запутанных вычислениях, описывать подробности которых мы здесь не будем; однако, чтобы дать представление о самых методах этого рода, мы объясним наименее сложный из них, дающий приблизительно те же результаты. Принцип нахождения дирекции состоит в том, что вычисляют, сколько градусов дуги не хватает между двумя планетами, чтобы из них составился определенный аспект.

Наш гороскоп показывает, что между Меркурием и Марсом имеется угол в 54°. Властитель рождения, Меркурий, должен таким образом быть направляем углом в 54°, чтобы образовать многозначительное сочетание с несущим несчастие Марсом, который угрожает рожденному тюрьмою. Между Венерою и Сатурном, второю из зловещих планет, угол в 37°, таким образом Сатурн должен быть направляем углом в 53°, чтобы составить с Венерою гибельный аспект, т. е. квадратуру. Эти числа совпадают, и так как астрологи считают градус за год, то мы узнаем, что Христиану II это несчастие грозит через 50 и еще несколько лет после рождения. Действительно, ему был 51 год, когда он был заключен в Зондербург (на Альсене).

Однако вычисления астрологов не всегда попадают так в цель. Случается, что даже важнейшие события жизни человека не совпадают с теми, которые были ему предназначены по гороскопу. Тогда говорят, что последний составлен неверно. Для таких неудачных случаев имеется целый ряд приемов, при помощи которых гороскоп исправляется. Самый верный метод такого исправления — per accidentia nati — состоял в том, что гороскоп подвергался переделкам в зависимости от фактов, пока не подходил вполне к событиям случая (accidentia) «рожденного». После этого гороскоп всегда совпадал с действительностью.

ОСТАЛЬНЫЕ АВГУРАЛЬНЫЕ НАУКИ

Об остальных методах предсказания будущего мы скажем кратко. Их число было очень велико. Так в одном сочинении, относящемся к концу XVI столетия, мы находим 26 различных авгуральных наук, причем список этот еще не полон. Однако большинство их имеют мало значения и, вероятно, никогда не были настолько приведены в систему, чтобы получить раз навсегда установленные правила. Для примера мы остановимся на трех из них, наиболее употребительных и пользовавшихся наилучше разработанными методами; таковы: *хиромантия,*

геомантия и *арифмомантия*. Из менее систематизированных мы опишем *хиромантию*.

Хиромантия, т. е. учение о предсказаниях по руке, очень интересна по своей истории, весьма еще впрочем темной и загадочной.

По-видимому, халдеи и египтяне не знали этого искусства; во всяком случае на него нет ни одного указания в их многочисленных описаниях. В Ветхом завете при часто повторяемых перечислениях запрещенных искусств, хиромантия также не упоминается. Однако Цицерон и Ювенал уже замечают, что в их время существовали люди, которые были специально заняты тем, что по линиям руки угадывали будущее, и «притом с таким успехом,— замечает Цицерон,— что при всем своем искусстве были близки к голодной смерти». Кроме этих единичных указаний мы ничего более не знаем про хиромантов древних времен. В средние века, насколько мне известно до начала XV столетия, искусство это нигде не упоминается. По-видимому, о нем основательно забыли, потому что оно возбудило большое удивление, когда цыгане в XV столетии снова занесли его в Европу. Один французский писатель рассказывает, что в августе 1427 г. появилась в окрестностях Парижа толпа в 120 человек — мужчин, женщин и детей. Отечество их нельзя было определить с точностью; их назвали богемцами, потому что они пришли из Богемии; сами себя они называли египтянами, утверждая, что происходят из Нижнего Египта. Волосы их были черны и жестки, наподобие конского хвоста; сами они были страшно грязны и ходили почти голые. Несмотря на нищету, между ними были колдуны, «которые смотрели на руку человека и каждому говорили, что с ним было и что его ожидает в будущем». Граждане Парижа толпами устремились в их лагерь и заставляли их гадать, причем они заработали много денег. Очевидно, цыгане были искуснее тех хиромантов, о которых говорит Цицерон.

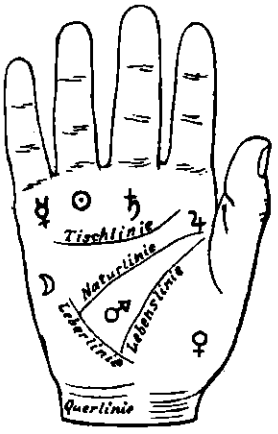


Рис. 42.
Линии и холмы руки.

Что они действительно в глазах народа считались мастерами хиромантии, видно из «Книги о Фаусте» Видмана (1599 г.), где говорится: «когда д-р Фауст и его спутники пришли к цыганам, или бродячим татарам, как их обыкновенно тогда называли, то он долго с ними имел дело и изучил у них, насколько это было ему нужно, хиромантию, т. е. как гадать по руке». Из этого также видно, что европейские колдуны лишь очень поздно обратили внимание на это искусство и попытались сделать из него науку. В самом древнем, имеющемся у нас трактате о хиромантии, а именно в introductiones apotelesmaticae in chiromantiam (Francfort, 1522), сделана явная попытка поставить хиромантию в связь с астрологией, как это установил и Агриппа. Однако главные положения хиромантии совершенно не подходят к терминам астрологии, из чего ясно видно, что первая возникла совершенно независимо от второй. Главные основы хиромантии по этому сочинению следующие: ладонь, как показывает рисунок, разделяется на 7 холмов, которые носят названия семи планет. Только средняя область руки «холм Марса», не есть возвышение, почему и называется «долиною» или «впадиною» (cavea Martis).

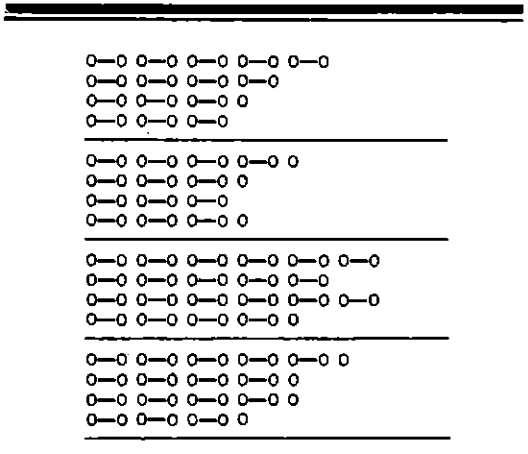
Из многочисленных линий руки важнейшими считаются здесь изображенные. По ним одним можно сделать заключения обо всем, что касается характера и судьбы человека; таким образом, гадания по холмам, в сущности, излишни. Вообще благоприятно, если линия длинная, ясно выражена, нигде не прерывается, не пересекается другими, не представляет внезапных зигзагов и углублений, не имеет пятен и не составляет с боковыми ветвями каких-либо определенных фигур. Обратно, присутствие перечисленных знаков служит дурным предзнаменованием, с определенным для каждого значением. По виду «линии жизни» или «линии сердца» судят о продолжительности жизни и о состоянии сердца; особым образом измерив ее, узнают, сколько лет проживет человек. Если она тонка у пальцев и утолщается возле корня кисти, то это знаменует слабость в молодости и силу в зрелом возрасте, и обратно; перерыв в известном месте предвещает насильственную смерть. Из «линии природы» или «головной» выводят различные заключения о состоянии души и головы. «Столовая» линия относится к домашнему быту, семейному счастью и экономическим отношениям, тогда как линия «печеночная» или «легочно-желудочно-печеночная» имеет прямое отношение к общему состоянию здоровья и возможным болезням человека *.

* На рис. 42 Lebenslinie — л. жизни, Naturlinie — л. природы, Tischlinie — столовая, Leberlinie — печеночная.

При исследовании холмов прежде всего обращают внимание на их счастливое или несчастливое расположение. В первом случае они стоят как раз против пальцев и не испещрены переплетенными линиями, пятнами и глубокими ямками. Каждый из таких признаков грозит особым несчастьем. Значение холмов совпадает с планетами, именем которых они обозначены. По холму Марса судят о военных способностях человека, по холму Венеры — о его любовных делах, по холму Юпитера — о его духовных качествах и репутации, по холму Сатурна — об экономических отношениях, по холму Солнца — о придворных милостях, по холму Меркурия — о торговле, искусстве и науках; холм Луны дает понятие о состоянии человека вообще. Так как трудно найти даже у двух людей одинаковое расположение линий на руке, то правильная оценка их значения требовала огромного количества детальных правил, о которых, конечно, здесь не место распространяться.

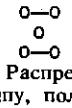
Геомантия. Первоначально под этим именем подразумевали «предсказания земли», выводимые из подземных звуков: треска, грохота, землетрясений и т. д. Так как эти явления большей частью очень редки и наблюдаются только в вулканических странах, то и геомантия получила развитие только в немногих местностях. Позднее под этим именем стали понимать другое, очень древнее гадание, так называемое искусство пунктирования, применявшееся у халдеев и, вероятно, от них уже распространившееся повсюду и существовавшее в течение столетий как одно из звеньев целой цепи магических операций. Гадание это производилось при помощи песка и потому название геомантия для него довольно уместно. Так называемое выливание происходит, по-видимому, из того же источника. Оно заключается в том, что растопленный воск или расплавленный свинец выливаются в воду; из полученных фигур выводят предсказания о судьбе лиц или предприятий, смотря по обстоятельствам. Так как такие фигуры были делом чистейшей случайности и толкование их зависело от минутного вдохновения гадателя, то способ этот не мог сложиться в систему и сделаться наукой со строго установленными правилами. Ученые магики, которые прежде всего заботились об устойчивости и планомерности в магических науках, предпочитали искусство пунктирования, которое, как мы знаем, уже к концу XV столетия было приведено в систему. Это искусство очень остроумным способом было впоследствии введено в астрологию Корнелием Агриппой; по крайней мере, под его именем известна геомантическая операция, составленная совершенно в его духе; поэтому нет ничего невероятного, что она принадлежит именно ему. На основании ее мы изложим главнейшие черты описываемого искусства.

В плоской коробке с песком или на куске бумаги ставится случайно, не считая ряд точек, расположенных в 16-ти рядах; эти точки разделены горизонтальными чертами на 4 группы, по 4 ряда в каждой, как изображено в приложенной фигуре. Точки соединяются маленькой горизонтальной чертой по две, чтобы сразу можно было легко заметить четное или нечетное число точек в каждой строке, потому что в этом лежит вся суть следующей операции. Строки с четным числом точек обозначаются 2-мя точками (o—o), с нечетными — одною (o). Из каждой группы составляется на этом основании фигура.

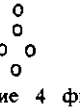


Строки первой группы, напр., расположены так: четное, четное, нечетное, четное; это изображается

№ 1



Распределив по такому же принципу 2-ю группу, получаем: нечетное, нечетное, четное, нечетное; фигура II

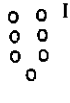


и т. д., пока не получим следующие 4 фигуры, носящие, как и самая первая, названия материнских.

I

II

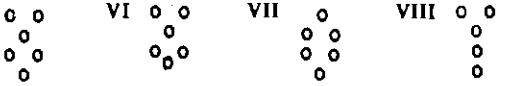
III



IV

Из этих, в свою очередь, выводятся 4 «дочерних» следующим образом: выписываются все

4 материнских рядом, слева первая, затем вторая и т. д. и читают горизонтальные строки, обозначая их также одной или двумя точками. (По нашему рисунку 1 — четная, затем II — нечетная, III — четная, IV — нечетная). Из этих точек опять составляется новая фигура. Также поступают с тремя остальными строками. Через это получается 4 новых фигуры.



Необходимо, однако, найти еще 4 фигуры; их получают так, что складывают восемь раньше полученных по две: I + II, III + IV и т. д. Если считать I + II за одну фигуру, то из четырех строк получаем: нечетное, нечетное, нечетное, нечетное как в IV и т. д. Таким образом, получается всего 12 фигур. Эта операция носит название «проекция». Для предсказания нужно знать значение фигур. Легко вычислить, что всех различных геомантических фигур может быть 16. Поэтому почти в каждом геомантическом сочинении мы имеем таблицы, объясняющие значение этих 16 фигур. Найденные посредством проэкции 12 фигур располагаются по известному астрологическому плану, как планеты в гороскопе, т. е. по 12 обителям гороскопа. Чтобы знать, с какой обители нужно начинать, считают общее количество случайно начерченных точек — в нашем примере 139 — и делят на 12. Остаток показывает, в какой обители должна поместиться первая фигура. В нашем примере $\frac{139}{12} = 11$ и остаток 7, следовательно, фигура I рисуется в 7 обители, фигура II в 8 и т. д., в каждой обители по фигуре. Значение 12 обителей то же, что и в гороскопе. Таким образом, выясняются благоприятные и неблагоприятные предсказания на все случаи жизни. Окончательная выкладка делается при помощи расписания, объясняющего значение фигур в каждой обители.

Арифмомантия. Об этой любопытной науке Агриппа пишет в Occulta philosophia; «мы знаем, что в основе букв лежат божественные числа; при их помощи из имен предметов познается тайное будущее, если сложить числовое значение букв. Этот способ гадания называется арифмомантией, потому что производится при помощи чисел. Так, один александрийский философ научает нас, как из числового значения букв можно найти восходящий знак и путеводную звезду человека и кто из супругов первый умрет. Далее, можно узнать исход любого предприятия. Это учение, которым не пренебрегает даже астролог Птоломей, будет сейчас изложено». Затем Агриппа в самом деле подробно излагает, как 27 букв азбуки, разделенные на 3 группы, применялись у греков и иудеев для изображения чисел. 1-я группа означает единицы, 2-я — десятки, 3-я — сотни. «Наша римская азбука,— говорит он,— может также служить для этой цели, если позаботиться о том, чтобы она имела 27 букв».

«Если желают знать, под какою звездою родился человек, то берут имена его самого и родителей, складывают числовое значение всех букв и полученную сумму делят на 9; если в остатке 1 или 4, то это означает, что путеводною звездою человека служит Солнце; 2 и 7 означают Луну; 3 — Юпитера; 5 — Меркурия; 6 — Венеру; 8 — Сатурна; 9 — Марса. Разделяя на 12, получают знак, находившийся в асценденте при рождении человека, так как каждый остаток указывает на соответственный знак». Агриппа объясняет подробно, почему то или другое число соответствует определенному знаку, все вполне согласно со своею магической системой. Такого рода методы допускают бесконечное разнообразие. В небольшой книжке 1553 г. «Большая планетная книга», написанной по-немецки, следовательно, предназначенной для обширного распространения, можно найти на 50 страницах почти столько же способов, при помощи которых из имен получаются самые невероятные предсказания. Методы друг от друга отличаются тем, что буквам придается разнообразное числовое значение и меняются делители; остатки дают указания не только на звезды и небесные знаки, под влиянием которых находится человек, но и на его характер и судьбу и т. д. Все это интересно только тем, что показывает, какие детские измышления можно было предлагать тогдашним людям. Если сравнить с ними теперешние спиритические гадания, то все же можно усмотреть шаг вперед.

Тогда как вышесказанные ветви авгуральных наук были приведены в системы и тем получили научный отпечаток, существует целый ряд других способов гадания, которые не получили правильного устройства. Примером может служить *гидромантия*, т. е., как видно из самого имени, гадание водою. Кто желал знать будущее, вливал в чашу воды и упорно смотрел на блестящую поверхность, пока не возникали какие-либо образы, в которых и заключалось само предсказание. Не всякому удавалось видеть что-либо таким способом; но в таком случае наблюдения можно было поручить за себя другому; всего лучше подходили для этого мальчики, девочки и беременные женщины.

Прием этот допускал множество видоизменений. Иногда наблюдатель ничего не видел, но слышал шепот и, таким образом, получал ответ на заданный вопрос. Такое искусство называлось *лекономантией*. Если вместо чаши употреблялся стакан, то это называлось *гастромантией*, если в воду клали зеркало или блестящую металлическую пластинку, то — *каптромантией*. Очень часто практиковалось видоизменение, называвшееся *онимантией*, когда вместо воды бралась смесь масла с сажею и ею натирали ноготь или ладонь. При *кристалломантии* вместо воды применялся кристалл или полированный камень. Во всех этих методах дело, очевидно, заключалось в пристальном смотрении на блестящую поверхность, пока не появлялись образы. В психологическом отношении эти гадания очень интересны, а потому в последней части этой книги они будут подвергнуты подробному разбору.

Мы уже раньше видели, как старинная египетская теургия была принята позднейшими александрийскими философами и горячо ими защищалась. Несомненно, что именно из их работ европейские магики почерпнули философские основы искусства заклинания. Едва ли, однако, там же было заимствовано все, что относится к практической стороне дела, т. е. формулы заклинаний и т. п., потому что философы не сохранили из этих формул ничего важного, не придавая им, вероятно, большого значения, хотя они и признавали практическое применение формул. Христианские магики также, надо думать, воздерживались от языческих формул, даже если и были знакомы с ними, потому что по учению церкви, языческое колдовство отождествлялось с дьявольским и преследовалось с беспощадною строгостью. По одному этому ученые европейские магики были принуждены искать другой источник для своих волшебных операций. Сочинения по магии начала XVIII столетия указывают, что вся магическая процедура была целиком заимствована у иудеев.

Уже и в древние времена эти последние славились как превосходные заклинатели, изучив это искусство, как и многое другое, во время вавилонского пленения. Как теоретики кабалисты старались согласовать свои рассуждения с законами Моисея, так и колдуны-практики стремились найти санкцию своему искусству в священном писании, несмотря на то что оно самым определенным образом запрещает такие беззакония. С этой целью уже очень рано прибегали к легендам, в которых начало искусства заклинания приписывалось мудрейшему из еврейских мудрецов — царю Соломону. Иудейский историк Иосиф, живший в I веке по Р. Х., пишет о нем: «Бог даровал ему власть посредством заклинаний умилостивлять божество и изгонять злых духов, которые причиняют болезни, и этот способ исцелять больных и теперь еще у нас преобладает». Иосиф рассказывает, что он был очевидцем, как один из его соотечественников, Элеазар, в присутствии императора Веспасиана и многих других знатных римлян изгнал бесов из нескольких одержимых при помощи заклинаний и приемов, предписанных именно царем Соломоном. Из этого видно, как была распространена вера в силу чар этого царя. От иудеев сказание это перешло к народам, бывшим с ними в постоянных сношениях, между прочим, и к арабам. Всем известно, какую важную роль в арабских сказках тысячи одной ночи играет печать Соломона и ее власть над духами.

Иудеи при своем расселении по всему цивилизованному миру разнесли повсюду свое искусство заклинания как некоторое национальное имущество. Вероятно, они очень рано начали записывать употребительные при этом приемы и формулы. Такого рода литература имела, очевидно, тесную связь с собственно кабалистическими сочинениями, т. е. с объяснениями Сефер Ецира и Зехера, содержащими теоретическое изложение учения об ангелах и демонах, составлявшего практическую основу приемов заклинания. Поэтому само искусство заклинания, эта, так сказать, обрядовая магия, известна также у европейских магиков под именем «практической кабалы». Особенно почиталось и имело большое значение одно сочинение — Clavicula Salomonis (ключ к мудрости Соломона). Вероятно, это сочинение и другие ему подобные находились в распоряжении Агриппы и его современников и из них они черпали свои главные сведения о заклинании духов. На это указывают многочисленные имена еврейского происхождения и магические таблицы с еврейскими буквами, приложенные к таким сочинениям *.

Агриппа не дает нам в своей «Occulta philosophia» описания процедуры заклинания духов, да навряд ли он и мог сделать это без серьезной опасности. Но 50 лет спустя появилось составленное будто бы Агриппою описание магических церемоний, которое по первоначальному плану должно было составить 4-ю книгу его

* В настоящее время эти старинные еврейские сочинения, кажется, уже не существуют более. Clavicula Salom, напечатанная в 1686 г. и потом вновь напечатанная в 1846 г. в издании Шейбле D-r Joh Faust (т. I—IV. Штутгарт, 1846—9), не одинакова со старинной Clav. Sal. *Прим. автора.*

обширного сочинения. Однако Агриппа, наверное, не был автором такого труда, так как это положительнейшим образом отрицает Иоганн Мейер, его знаменитый ученик, которому это могло быть лучше известно, чем кому-либо другому. В истории магии мы встречаем далеко нередко появление сочинений, приписываемых известным старинным авторам, конечно, с целью привлечения внимания. При появлении писаний, касающихся заклинания духов и иных такого рода предметов, для подобной мистификации были, вероятно, и другие причины. В те времена, при полном процветании преследования и процессов колдунов, было весьма рискованно выступать с подобными произведениями; поэтому сочинитель предпочитал лишиться авторской славы, но зато спокойно пожинать экономические плоды своего предприятия. Таким образом, вскоре после смерти Агриппы появляется целый ряд сочинений по практической магии под его именем, а также Петра Абаноса и других знаменитых магиков. Многие из таких произведений попали в общее собрание лейденского издания трудов Агриппы в 1600 году.

Эти сочинения, сопоставленные с писаниями самого Агриппы, могут послужить основой для краткого изложения практической кабалы. Во многих местах «Occulta philosophia» мы находим указания на способы выполнения практической магии. Мы уже раньше привели одно из важнейших положений, заключающее в себе при ближайшем рассмотрении полное руководство в этом направлении. «Так как все на свете стремятся притянуть к себе силы однородного, а следовательно, и связанного с ним, то мы можем, собрав предметы, относящиеся к соответствующим звездам, привлечь к себе силы небесных тел. А так как небесные тела получают свою силу от мира идей, то мы можем привлечь, таким образом, не только небесные силы, но и разумы, и демонов, которые действуют через планеты». Если смотреть на это положение с точки зрения всей системы Агриппы, то мы имеем в нем достаточное указание для заклинаний, т. е. для того, чтобы привлечь к себе небесного разумного духа или демона. Недостает только одного: имени и числа существа, долженствующего служить объектом заклинания, потому что «в числах заключены величайшие, таинственнейшие и могущественные силы, так как числа сами по себе совершенны и основаны на небесных свойствах. Поэтому числа лучше всего приспособлены к таинственным операциям и могут много способствовать для достижения демонических или божественных даров». Следовательно, прежде всего нужно найти имя соответствующего духа, и Агриппа дает, к тому же, все нужные указания.

Злых и добрых духов бесконечное число; их настоящие имена и дела знает только Бог, которому одному ведомо число и названия звезд. В св. писании мы встречаем много таких имен; точно также другие имена названы у древних еврейских мудрецов. Впрочем, есть и иные способы открыть имена многих добрых и злых духов, и эти-то способы переданы нам кабалистами. Один из них называется методом вычисления и выполняется при помощи прилагаемой таблицы. Вычисление исходит от имени Божия, имеющего особую силу. Берут одно из этих имен, которые называются 72 Шеймгамфойрош (сравни выше стр. 99).

	☽	☿	♀	☉	♂	♃	♄	Добрые
Ф	Ц	В	Х	Д	Г	В	А	А
Ш	Н	М	Л	К	Ю	Т	Х′	В
Р	Ш	Р	К	Ц	Н	О	С	Г
К	В	Х	Д	Г	Б	А	Ф	Д
Ц	М	Л	К	Ю	Т	Х′	Ц	Х
Н	Р	К	Ц	П	О	С	Н	В
О	Х	Д	Г	Б	А	Ф	Ш	З
С	Л	К	Ю	Т	Х′	З	В	Х
Н	К	Ц	П	О	С	Н	М	Т
М	Д	Г	Б	А	Ф	Ш	Р	Ю
Л	К	Ю	Т	Х′	З	В	Х	К
К	Ц	П	О	С	Н	М	Л	Л
Ю	Г	Б	А	Ф	Ш	Р	К	М
Т	Ю	Т	Х′	З	В	Г	Д	Н
Х′	П	О	С	Н	М	Л	К	С
З	Б	А	Ф	Ш	Р	К	Ц	О
В	Т	Х′	З	В	Х	Д	Г	Н
Х	О	С	Н	М	Л	К	Ю	Ц
Д	А	Ф	Ш	Р	К	Ц	Н	К
Г	Х′	З	В	Х	Д	Г	Б	Р
Б	С	Н	М	Л	К	Ю	Т	Ш
А	Ф	Ш	Р	К	Ц	Н	О	Ф
Злые	♄	♃	♂	☉	♀	☿	☽	

Если нужно найти имя ангела, то подыскивают буквы его имени в столбце под заглавием «добрые». Если затем брать в том же порядке буквы соответствующей строки в рубрике, относящейся к соответствующей планете, то получается имя ангела. Если нужно найти имя демона, то обращаются к столбцу с надписью «злые» и снова берут буквы из столбца соответствующей планеты. Например, нужно найти имя одного из демонов Солнца. Прежде всего берут одно из имен Бога, напр. М. Л. Х. Мелахель, эти три буквы ищут в рубрике с надписью: «злые». Под знаком Солнца в соответствующих строках стоят: против М—А, против Л—Х, против Х—М. Следовательно, имя демона А Х М. Для того, однако, чтоб отличить имена демонов от ангельских, принято прибавлять к последним одно из имен всемогущества божьего, напр., Э Л или О Н, И А Х или И О Д и произносить все вместе. Так как ИАХ есть название благодеяний, а ИОД применяется только к божеству, то их можно прибавить только к именам ангелов. Наоборот ЭЛ, означающее «власть» или «силу», приложимо и к добрым и к злым духам, так как злой дух, если у него отнять силу Бога, не может ни действовать, ни существовать». И так имя искомого демона А Х М Э Л (Ахамиэль). Это очень могучий дух, потому что его число есть 7× на священное 7. АХМ = 49.

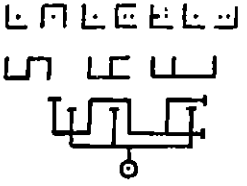


Рис. 43.
Печать Ахамиэля.

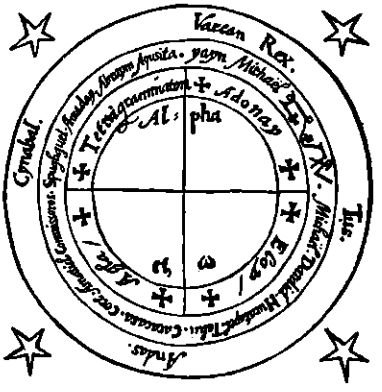


Рис. 44. Пентакль.

Далее, из имени необходимо вывести природу духа или его печать (Sigillum). Это определенный вид букв или письмен, которые защищают имена духов и богов от употребления всуе. У евреев было много способов находить эти печати. Древнейшие из них — это именно те письмена, которые употреблялись Моисеем и пророками, почему они и не могут быть легкомысленно обнаружены каждому. Кабалисты пользовались также другим приемом, к которому прежде относились с большим почтением, но теперь он стал известен всем и применяется постоянно. После этого Агриппа описывает вышеприведенную (на стр. 100) кабалу «девяти камер». Для каждой буквы рисуют соответствующую фигуру (Ахамиэль), стирают точки, соединяют оставшиеся линии букв (2-я строка) и, наконец, сдвигают все вместе (3-я строка). Это и есть характерный знак Ахамиэля. В существующей еще и теперь Clavicula Salomonis для описанной сейчас цели применяется именно этот способ, но такие же магические фигуры можно получить и другими способами. Приемы «вызывания» духа весьма разнообразны и видоизменяются отчасти соответственно его природе, отчасти в зависимости от поставленной цели. Здесь достаточно будет привести немногие данные из 4-й книги «тайной философии»: «Когда хотят вызвать злого духа, то нужно принять в расчет природу его самого и соответствующей планеты. Нужно избрать время, когда она господствует, и производить работу днем или ночью, сообразуясь с требованиями духов и звезд. Затем описывают круг для защиты самого заклинателя и вписывают туда пентакли, т. е. такие фигуры, которые, предохраняя нас от вредных воздействий и обуздывая злорадных демонов, привлекают духов благожелательных. Пентакли состоят из имен и характеров добрых духов высшего порядка, затем из священных фигур, подходящих изречений, геометрических фигур и соединений различных имен Бога. Кроме того, в кругу пишутся имена добрых гениев, властвующих в соответствующие часы, потому что при их помощи можно получить власть над вызываемым духом. Внутри круга или вне его должны быть положены угловатые фигуры, число которых имеет связь с делом заклинания. После этого надо позаботиться об освещении, мазях и фимиамах, составленных согласно природе духов и планет и гармонирующих с ними по своим природным свойствам. Священные или освященные предметы также должны быть налицо, ибо служат защитою заклинателю и присутствующим и налагают оковы на духов; сюда относятся: священные таблицы, изображения, пентакли, мечи, платье из соответствующего материала и надлежащей окраски и т. п.

Когда все подготовлено, то магик со своими спутниками вступает в круг и освящает его и предметы, которые должны быть в употреблении; затем он громким голосом начинает моление, обращая его сперва к Богу, а потом к добрым духам. Когда моление окончено, то он зовет того духа, с которым желает беседовать, и, указывая на свою силу и авторитет, обращается, произнося мягкие и дружеские заклинания, ко всем сторонам света. Затем он останавливается и смотрит, не пришел ли дух. Если этот последний колеблется, то он повторяет заклинание трижды. Если дух все еще не появляется, то он произносит заклинание сначала, но более сильными словами. Если дух, наконец, явится, то к нему обращаются мягко и просят сообщить имя. Если он лжет или упирается, то его укрощают соответственными заклинаниями. Можно также концом меча начертить вне круга треугольник или пятиугольник и принудить духа войти туда. Его заставляют дать нужную клятву и подтвердить ее, положа руку на меч. Когда желаемое достигнуто, то ему приветливо дается разрешение исчезнуть; если дух не исчезает, его принуждают при помощи энергичной формулы заклинания. Только по прошествии некоторого времени после исчезновения, можно покинуть круг. Если духи совсем не явились, то все же не нужно выходить из круга, не дав им из предосторожности предварительно приказания удалиться, потому что случается, что духи присутствуют незримо для заклинателя и могут ему повредить, как только он выступит за круг, если он, конечно, не находится под более могучею защитой». При вызывании духа доброго приемы остаются те же, только требуется более продолжительное подготовление заклинателя: не менее 7 дней, а иногда даже целые годы. Во всяком случае, последние дни проходят в посте, молитвах, очищениях и т. д. После всего этого можно вступить в круг, который должен быть расположен в уединенном, освященном месте, и тогда уже начинать соответствующие заклинания.

Все это можно производить и без заколдованного круга, обладая особой книгой, где начертаны имена духов, поклявшихся повиноваться магику. Необходимо, чтобы пергамент этой книги не был раньше употребляем. На левой стороне каждого листа имеется изображение духа, на правой — его характерный знак, а сверху написана клятва, заключающая его обязательство повиновения. Книга содержит также перечисление имен духов, их ранг в среде себе подобных, их обязанности и заклинания, нужные для их вызова. Книга должна быть тщательно переплетена и заперта, потому что магик может получить вред, если она открывается без необходимости.

Для составления этой книги есть много способов. Самый употребительный следующий: рисуют круг, соблюдая вышеописанные правила, и вызывают духов, имена которых записаны в книге. При появлении духа книга кладется в треугольник вне круга. После этого читают клятвенную формулу духа, обязывающую его к повиновению, и каждый из них принуждается при этом чтении прикоснуться к листу книги, где находится его изображение. После этого книга закрывается, и духи получают разрешение удалиться. Когда потом магику понадобится дух, то ему стоит только открыть книгу на месте, где стоит имя духа и прочитать формулу, обязывающую его к повиновению; дух немедленно появляется. Когда он исполнит требуемое, его каждый раз отпускают при помощи особой формулы.

АЛХИМИЯ

Как уже было замечено раньше, алхимия в системе магических наук не играла значительной роли. Агриппа говорит о возможности делать золото и даже старается доказать это, хотя на полдороге сам начинает колебаться. Вообще, это искусство в теории его мало интересует. На практике наука эта, однако, играла очень большую роль. В течение многих веков алхимик был таким же необходимым лицом в каждом придворном штате, как и астролог. Первый обязывался добывать средства для предприятий, за благополучный исход которых ручался второй. Кроме того, искусство делать золото весьма интересовало многих важных духовных особ и, вообще, состоятельных лиц; огромные суммы разлетались прахом в тщетных стараниях открыть великий эликсир. По этим причинам было даже несколько опасно посвящать себя этому искусству. Постоянно возникали слухи, что тому или другому удалось, наконец, добыть эликсир и этим поддерживалось мужество менее счастливых. Почему, в самом деле, при помощи упорного труда им также не добиться удачи, не возместить своих издержек и не насладиться, наконец, плодами долгих усилий? В силу таких соображений старания продолжались вплоть до разорения. Только государи могли себе позволить более продолжительные опыты. Так, напр., король датский Фридрих III истратил в течение своего 20-летнего правления многие миллионы таллеров на алхимические опыты.

Едва ли найдется между небом и землей вещество, которое не попало бы в колбу или тигель алхимиков. Все испытывалось, из всего старались извлечь квинтэссенцию, не теряя надежды, что случайность откроет составные части знаменитого эликсира. Путем этих опытов было приобретено множество драгоценных сведений о взаимодействии веществ, но не это было нужно алхимикам.

Ясным признаком этого может служить огромная алхимическая литература XVI—XVIII столетий. Современная химия воспользовалась всем, что нашла ценного в этом материале. Однако, несмотря на великое изобилие рецептов для превращения металлов, ни один из них не содержит в себе именно того, что от него требовалось.

Конечно, иначе и не могло быть. Если бы кому-нибудь, в самом деле, удалось открыть философский камень, то он, конечно, не был бы настолько глуп, чтобы описать и опубликовать свое открытие. Во всяком случае, история алхимии учит нас, что превращение металлов ни разу не удавалось наиболее известным алхимикам, которые работали на государей и прославились в своей области как писатели. Все сведения о каких-либо превращениях металлов сообщают, что подобные открытия были сделаны неизвестными, которые так же быстро исчезали, как и появлялись. Лучшие исследователи, работавшие в этом направлении, в надежде добиться превращения откровенно и единодушно признаются, что им никогда не удавалось добыть золота больше, чем было взято в начале опыта. Таковы, напр., были, как выше было сказано, Арнольд Вилланова и Корнелий Агриппа.

Исключение составляют только *Иоганн Баптист ван Гельмонт* и *Иоганн Фридрих Гельвециус*, два выдающихся голландских врача и алхимика XVII столетия, которые сообщают обстоятельно случай превращения металла и притом рассказы их совпадают.

Неизвестный человек посетил их, и когда разговор зашел об алхимии, то он объявил себя горячим ее адептом, подарил им небольшое количество красного порошка и затем ушел. Ван-Гельмонт высыпал свой порошок, закатанный в восковой шарик, на ртуть, которая тотчас же обратилась в золото, причем одна весовая часть порошка превратила 19 200 частей ртути. Гельвециус всыпал свой порошок в расплавленный свинец и получил большую массу чистого золота. Просто непонятно, каким образом эти два человека дали провести себя; оба они были выдающиеся химики и легко могли отличить золото от окрашенных металлических смесей. Не может быть сомнения, что в основании их сообщения лежит ошибка, потому что во всех случаях, когда исследовали алхимическое золото, находили только похожие на золото смеси, иногда содержавшие немного настоящего золота. Так, напр., венский монетный музей и теперь обладает медалью, сделанною из алхимического золота, но удельный вес ее 12,6, тогда как вес настоящего золота 19,3, следовательно, это не настоящее золото. В 1675 г. в Австрии были отчеканены червонцы из алхимического золота; они имели надпись: «Силою порошка Венделя Сейлера я из олова стал золотом». Монеты эти были больше обыкновенных дукатов, но меньшего веса, следовательно, тоже не были из чистого золота.

Богатая алхимическая литература содержит в себе достаточно доказательств, что методы, при помощи которых хотели добиться превращения металлов, давали в результате только подражание и фальсификацию, так что могли ввести в заблуждение только людей несведущих в химии; впрочем, сами алхимики были часто невеждами и, вероятно, не раз бывали искреннейшим образом убеждены, что добились именно того, к чему стремились.

Методы алхимии, вообще, распадаются на две группы: общие и частичные. При первых, применявшихся, правда, редко, стремились достигнуть полного превращения металла неблагородного в благородный. Все дошедшие до нас рецепты сводятся к тому, чтобы добиться весьма искусственным и сложным путем сплава одних неблагородных металлов с другими и сообщить им окраску и внешний вид золота или серебра; но так как и в XVI столетии были известны многие способы отличить такие смеси, то такой вид превращения мог практиковаться только перед несведущими людьми. Поэтому так называемые частичные процессы были более обычны; при помощи их удавалось или увеличить вес известного количества благородного металла, или превратить некоторую часть металла неблагородного в золото или серебро. И эти методы по нашим химическим воззрениям были совершенно напрасно усложнены, может быть, для того, чтобы результаты их труднее было контролировать. Несколько примеров таких частичных способов дадут о них достаточное понятие.

Общераспространенный метод увеличения веса золота назывался *цементированием*. Золото смешивалось с серебром и медью и затем ударами молота превращалось в тончайшие листки, которые складывались в тигель слоями и пересыпались цементным порошком. Тигель в течение многих дней держался в постоянно возраставшем жару. После такой операции пластинки, по-видимому, состояли из чистого золота и были несколько тяжелее первоначального веса его. Разгадка очень проста:

цементные порошки составлялись так, что при высокой температуре растворяли серебро и медь, но не золото. Таким образом, в пластинках оставалось одно золото, однако, с небольшою примесью обоих других металлов, если приняты были предосторожности не брать слишком много порошка. Общий вес золота мог оказаться больше первоначального, но это уже не было чистое золото.

Для частичного превращения металлов неблагородных в благородные было выработано множество методов. Водяные растворы солей серебра, напр. азотнокислого, совершенно бесцветны и по виду невозможно угадать, что они содержат некоторое количество благородного металла. Если к этой жидкости прибавить ртуть, то часть серебра, заместившись ртутью, осаждается и соединяется с остальной ртутью, образуя твердое тело. Если такую «фиксированную» ртуть нагреть, то она испаряется и остается только чистое серебро. На первый взгляд кажется, что прибавленная жидкость превратила часть ртути в серебро, хотя, конечно, в конце концов нельзя серебра получить больше, чем его содержалось в растворе. Подобные фокусы можно сделать и с золотом: если его ввести в расплавленный сернистый натр, то получится вещество, по-видимому, не содержащее золота. Если в этот раствор опустить кусок серебра, то оно исчезает, а золото выделяется, и весь процесс кажется весьма удивительным тому, кто не знал, что золото было там с самого начала.

Впрочем, алхимики не ограничивались такими тонкими фокусами, когда хотели обмануть князей или каких-нибудь других богатых людей. Было неоднократно доказано, что они вводили золото в плавильные тигли, искусно заполнив им предварительно трещины в кусках угля или в снарядах, которыми перемешивалась расплавленная масса; отверстия маскировались закрашенным воском.

Если таким куском угля покрывался тигель, то золото вводилось в смесь, и тогда уже доказать его присутствие было нетрудно. Превращали также железо в золото, опуская гвоздь в заранее приготовленную жидкость. Через несколько минут гвоздь вынимался, ополаскивался водой, и оказывалось, что он сделался золотым до черты погружения в жидкость. Объяснение также просто: гвоздь заранее снабжался золотым наконечником, который был покрыт подходящей к железу краской; при погружении или обмывании она сходила, и золото появлялось на свет. Таких гвоздей в княжеских коллекциях было немало.

Совершенно понятно, что разоблачения таких обманов вместе с бесплодными стараниями большого числа честных алхимиков похоронили окончательно веру в возможность делать золото.

Натуральная магия

СИМПАТИИ И АНТИПАТИИ ПРЕДМЕТОВ В ПРИРОДЕ

Великая реформа, произведенная в магии Агриппой, имела задачей обратить ее в нечто вроде науки. Все магические действия основаны, по его воззрениям, на скрытых свойствах и силах предметов, проявляющихся в том, что каждый из них притягивает однородное и отталкивает разнородное, причем этот закон относится не только к миру элементарному, но распространяется и на высшие миры. Учение о взаимной симпатии и антипатии вещей, игравшее уже немалую роль в философии неоплатоников, возведено было Агриппой в степень общего закона природы и более двух столетий служило ключом для объяснения всех явлений, о которых не могли себе составить точного понятия иным путем. Конечно, Агриппе не удалось убедить все партии, особенно духовенство, в том, что сущность магии состоит в пользовании силами природы; однако, может быть, и помимо своего желания он сделался родоначальником новой науки, нашедшей после него повсеместно множество последователей и получившей название *натуральной магии*. Он не отличался чрезмерной разборчивостью по отношению к фактам, которыми пользовался для доказательства своего всеобщего закона симпатий и антипатий. Все, что можно было найти у древних, напр. в естественной истории Плиния, о чудесных свойствах камней, растений и животных, он принимал беспрекословно, добавляя еще много своего, заимствованного из предрассудков того времени. Из материала, послужившего ему для обоснования упомянутого закона, очень многое, конечно, должно быть отнесено к области басен, но многое было выводом верных, только неправильно истолкованных наблюдений. Однако ни Агриппа, ни его ближайшие последователи не были в состоянии произвести научную сортировку материала, так что все это, взятое вместе, составило фундамент новой науки — magia naturalis, т. е. учение о магических силах вещей в природе.

Эта наука получила особое значение, когда основные положения ее,— правда, с некоторыми изменениями,— были введены в сферу врачебного искусства Парацельсом. Несколько позже Джианбеттиста делла Порта дал ей окончательную обработку и образовал из нее самостоятельную науку. Порта очень тщательно придерживается теорий Агриппы и цитирует те же басни, но прибавляет к ним множество физических опытов, истолковывая их совершенно правильно, так что область симпатий и антипатий у него является значительно урезанной. Но все же еще через столетие, даже такой человек, как Галилей, не был окончательно свободен от влияния этих воззрений. На основании некоторых опытов он начал сомневаться в правильности одной из многочисленных «антипатий природы» — horror vacui — боязни пустоты,— но не дожил до того времени, когда это фантастическое объяснение было заменено исследованием истинных причин явления. В его эпоху симпатические средства занимали выдающееся место в медицине. Впоследствии, по мере роста научных сведений, исследователи природы начали мало-помалу выделять басни и заменять их фактами, открытыми при помощи точных опытов. *Таким образом, натуральная магия* постепенно в XVII и XVIII столетиях превращается в прикладную физику и химию и *составляет переходную ступень от старых магических наук к современным естественным.* Следуя за ее развитием, мы имеем весьма точную картину того, как вера в магические силы исчезает перед растущим знанием законов природы. Поэтому нам следует присмотреться к этой науке поближе и выяснить себе на нескольких примерах, каким образом Агриппа доказывает свой закон о симпатиях и антипатиях.

«Взаимодействие вещей часто проявляется наподобие дружбы и вражды; из стихий, напр., огонь враждебен воде, а земля — воздуху. Между минералами, растениями и животными также замечаются подобные наклонности. Магнит с особенной силой действует на железо, изумруд — на богатство и здоровье, яшма — на рождение, агат — на красноречие. Точно также нефть притягивает огонь, который тотчас на нее перескакивает, как только они встретятся. Такая же наклонность существует между мужской и женской пальмами: они сплетаются между собой и без мужской женская не дает плодов. Миндальное дерево также менее плодоносно, если стоит в одиночестве. Между растениями и животными и у животных между собой установлены такие же отношения. Кошка радуется, видя мальву, и трется об нее; говорят, что, таким образом, она может забеременеть без кота. Многие животные имеют инстинктивные сведения о целебном искусстве. Когда черепаха бывает укушена ядовитым животным, она ищет шалфей и трет об него раненое место, чтобы предохранить себя от яда. Когда у льва лихорадка, он исцеляет себя, поев мяса обезьяны. Что трава стрелолистник годится для извлечения стрел, мы узнали от оленей, которые, будучи поражены стрелою, едят корень этого растения и стрела выходит наружу. То же делают козы на острове Крит. Если слон проглотит хамелеона, то он лечится, поедая листья дикого масличного дерева и т. д.

В противоположность таким дружеским отношениям мы находим в природе много вражды, как бы естественную ненависть, неодолимое отвращение, в силу которого одна вещь убегает от другой противоположной и отталкивает ее от себя. Так сапфир отталкивает чумные бубоны, лихорадку и глазные болезни; аметист действует против пьянства, яхонт против кровотечения и злых духов, изумруд против недостатка целомудрия, агат против яда, кораллы против ложных видений и страданий желудка, топаз против таких страстей, как скупость, пьянство, любострастие и т. п. Огурец в высшей степени ненавидит масло, так что сгибается в виде крючка, чтобы не прикоснуться к нему. Алмаз ненавидит магнит, так что этот последний теряет способность притягивать железо, если рядом положить алмаз. Среди зверей мышь и ласка взаимно ненавидят друг друга, так что мыши не трогают сыр, при приготовлении которого вместо фермента был употреблен мозг ласки. Пантера боится гиены; пантеровая шкура теряет все волосы, если ее повесить против шкуры гиены. То же бывает и с овцами: если повесить волчью шкуру в овчарне, то овцы делаются печальными и перестают есть от чрезмерного ужаса» и т. д. Достаточно этого отрывка, чтобы понять, какого рода басни пользовались полным доверием у тогдашних ученых и заставляли тратить немало времени для приведения их в систему. После всего сказанного мы легче поймем странную мысль, положенную Парацельсом в основу его магической медицины.

ПАРАЦЕЛЬС И МАГИЧЕСКАЯ МЕДИЦИНА

Авреолус-Филипп-Феофраст-Бомбаст фон-Гогенхейм-Парацельзус родился в 1493 г. в небольшой деревушке возле Цюриха. Он принадлежал к древней, славной швабской семье и был очень тщательно воспитан своим отцом, преподавшим ему уже в молодости алхимию, хирургию и медицину. 16-ти лет он уже поступил в университет в Базеле, но, по-видимому, не имел достаточно спокойствия и настойчивости, чтобы основательно пройти университетский курс, неудобные последствия чего ему не

раз пришлось испытать позднее. Через несколько лет он попал в Вюрцбург, к аббату Тритгейму, который посвятил его во все тайные науки. По рекомендации последнего он был принят в лабораторию богатого алхимика Фуггера, сообщившего ему все тайны химии.

О последующих 12 годах его жизни известно очень мало; он путешествовал, но сведения о местах, где он был, очень сбивчивы. Одно, впрочем, весьма недостоверное, сказание утверждает, что он побывал в Азии и в Африке и даже некоторое время провел в плену у татар. Вероятнее, что он посещал разные страны Европы, в том числе Швецию и Данию. В этих путешествиях он виделся не только с врачами и алхимиками, но посещал знахарок, цирюльников, евреев и цыган с целью собрать полезные медицинские сведения. 32-х лет он возвратился в Германию и многими удачными излечениями приобрел громкую врачебную славу. В 1526 г. он был назначен профессором в Базеле и очень скоро обратил на себя большое внимание тем, что вполне порвал со старыми традициями. Лекции читал он по-немецки, а не по-латыни, как было тогда принято. Обычное преподавание медицины в то время состояло в чтении и толковании сочинений Гиппократа, Галена и Авиценны, но Парацельс начал преподавать науку по-своему; он дошел до того, что в Базеле, на базарной площади, сжег писания старых авторов как совершенно ни к чему непригодные. Этим, конечно, он возбудил весьма неблагосклонные чувства у других врачей; они называли его шарлатаном и утверждали, что он потому отвергает старые рукописи, что не может их достаточно понять по незнанию латыни. Ко всему этому Парацельс затеял процесс с важным лицом, желавшим обмануть его в плате за удачное излечение, и принужден был в 1528 г. оставить Базель. До самой смерти скитался он по Германии всегда в сопровождении нескольких учеников, которые следовали за ним до тех пор, пока не узнавали всех тайн его медицинского искусства и не начинали практиковать самостоятельно. Врачебная слава везде сопутствовала ему, но все, что он зарабатывал своими удачными излечениями, он спускал в трактирах и кабаках в обществе бродяг и других людей низкого звания. В 1541 г. Парацельс был приглашен в Зальцбург тамошним епископом, но в том же году изменнически убит по проискам враждебно настроенных врачей.

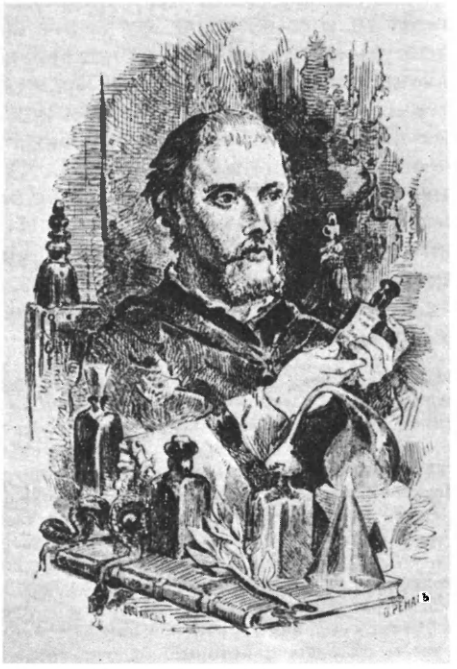


Рис. 45. А. Парацельс.

Не многие люди и их дела получали столь разнообразную оценку, как Парацельс. Горячие поклонники называли его «королем всех тайн». Высокоученые сердились на него за распущенный образ жизни и пьянство, а главным образом за то, что этот «мечтатель-бродяга» без правильного образования излечивал болезни, с которыми они не могли справиться. В силу этого они старались, по возможности, больше насолить ему. Парацельс не оставался в долгу: его сочинения изобилуют выходками и бранью против ученых. Во всяком случае, несомненно, что он был высоко даровитый человек и собрал множество драгоценных сведений; без этого он, конечно, не мог бы ни быть таким выдающимся практическим врачом, ни сделаться реформатором теории медицины, каковым он был бесспорно. Писал он очень много: немецкое издание полного собрания его сочинений составляет три больших фолианта. Понятно, что при таком обилии в них можно найти массу противоречий. При своем непостоянном образе жизни он имел мало случаев для спокойных занятий; кроме того, им самим издана только небольшая часть его трудов; остальное писано под диктовку его учениками и притом большей частью утром, когда он, не совсем твердо стоял на ногах, возвращаясь с пирушки. Он диктовал тогда очень быстро: «точно дьявол из него говорил». Понятно, что при таких условиях не всегда можно ожидать ясности и согласованности в его описаниях.

Оценка его заслуг в медицине не входит в нашу задачу. Благодаря своей гениальности он во многих случаях угадывал верно, так что идеи его, действительно, были большим шагом вперед. Только в одном отношении, как я думаю, его оригинальность оценивается выше заслуженного, а именно: общие философские воззрения, на которых основана его медицинская теория и как творца которых его более всего прославляли, несомненно, заимствованы им у Агриппы. Всю систему магии, которая у этого автора так точно и ясно формулирована, мы находим и у Парацельса, только в несколько более запутанном виде и осложненную им самим изобретенными терминами. Если вспомнить, что учителем Парацельса был аббат Тритгейм, доверенный друг Агриппы, который раньше чем кто-либо другой мог познакомиться с «Occulta philosophia», то можно не сомневаться, что Парацельс этим путем уже в молодости познакомился с системой Агриппы. Это занятие послужило ему исходной точкой для его медицинской реформы, состоявшей главным образом в том, что он старался применить к медицине теории Агриппы. Сочинения Парацельса очень много читались и обсуждались; поэтому его и стали считать творцом философской системы, истинный основатель которой был забыт. Во всяком случае, сходство между двумя системами настолько значительно, что мы не имеем нужды особо излагать теорию Парацельса. Магическая сторона его врачебных теорий основана именно на подчинении низшего высшему и на симпатиях и антипатиях вещей. Из этих законов выведены два главных метода лечения Парацельса: *«арканы»* и *«симпатические средства»*. Их мы и рассмотрим.

Так как каждый член человеческого тела подчинен определенной планете или знаку зодиака, то вещества, принадлежащие одним и тем же знакам, будут самыми действительными средствами против заболеваний соответствующего члена. Таким образом, золото имеет специфическое действие против болезней сердца, так как оба подчинены Солнцу; также и в других случаях. По воззрениям Парацельса, каждое вещество действительно лишь на отдельной, ограниченной области тела и не влияет на все тело вообще. Такие вещества с ограниченным действием он называет «арканумы»; и одно из главных его положений следующее: все действующие вещества есть «арканумы» и ни в каком случае не действуют на комплекцию (весь организм). Так как уже и тогда химики открыли много веществ, оказавшихся сильными арканумами, то Парацельс думает, что истинная задача алхимии состоит не в изготовлении благородных металлов, а именно этих средств. «Неверно утверждают, говоря, что алхимия должна делать золото и серебро; важнее всего, чтобы она изготовляла «арканумы» и направляла их на лечение болезней». Он очень горячо рекомендует изучение химии, которая должна нам открыть способы извлечения из растений действующих веществ. Одним этим утверждением он уже оказал большую услугу медицине. Менее ценно, как мы видели, его определение средств, назначенных для лечения болезней. Так как все дело сводится к тому, чтобы выбрать вещество, находящееся под тем же знаком небесного свода, как и заболевший член, то очевидно, что медицина не нуждается в специфически действующих средствах. Печати и магические «характеры», содержащие в себе силы соответствующих звезд, могут принести ту же пользу. В его работе «Archidoxeos magicae» изображено множество таких печатей, могущих служить предохранительными врачебными средствами против чахотки, подагры, падучей болезни, судорог и т. д.

Так как однородные силы взаимно притягиваются, то болезнь может быть излечена тем, что часть ее материи переносится на другие тела — растения, животные и т. п. Если это сделано с соблюдением известных предосторожностей, то удаленные вещества перетянут к себе всю болезнь, которая переселится на растение или животное, а больной выздоровеет. Этот прием носит название симпатического лечения и основан, очевидно, на представлении о взаимном притяжении однородных веществ. Парацельс, однако, смотрел на дело несколько иначе: он признавал, что только одна сторона вещей, их «жизненная сила» или «мумия», производит притяжение. Удалив часть болезненных веществ, мы удаляем с нее и

часть «мумии» болезни. Эти вещества вместе с заключенной в них мумией Парацельс называет «магнитами». Будучи перенесены на другое живое существо, зарыты в землю или каким-либо образом уничтожены, магниты вместе с собой переносят и уничтожают и остальную болезнь. Таковы магнитные способы лечения уже давно, по-видимому, практиковались среди народа; Парацельс их усвоил и дал им теоретическое обоснование.

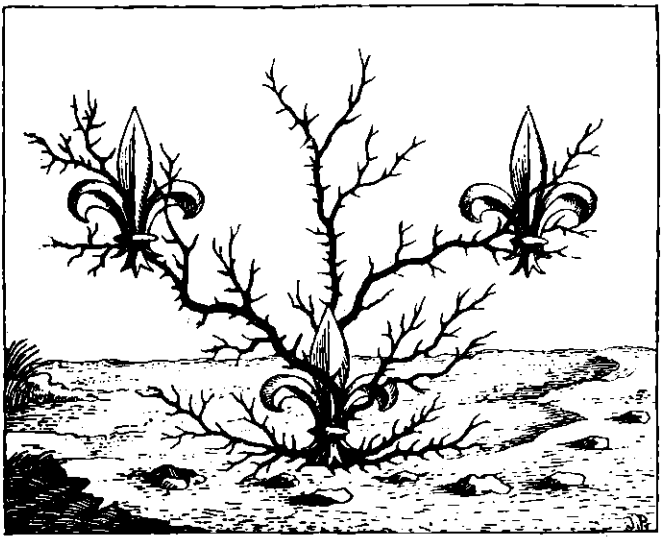


Рис. 46. Предсказание Парацельса о Бурбонах.
(Из Prognosticatio iximii, 1536 г.).

«Думают, что все несчастные случаи человеческого тела могут быть легко излечены, если красную и еще теплую кровь пациента заключить в куриное яйцо, подложить его под курицу, пока оно не загниет, а потом, смешав с хлебом и мясом, дать съесть какому-нибудь животному...»

«Зубная боль пересаживается на вербу, орешник и т. д. таким образом: содрав немного кору, вырезают из дерева спичку, вкалывают ее в десну, пока не пойдет кровь, затем спичку вкладывают на старое место, опять закрывают корой и залепливают грязью...»

«Чахотка может быть излечена следующим образом: возьми белого хлеба сколько угодно и размачивай его в хорошем вине в течение 24 часов. На следующий день, испустивши предварительно мочу, выпей вина и так продолжай 9 дней, воздерживаясь от всякого другого питья; в это же время собирай всю мочу и повесь ее в дыму, чтобы она постепенно исчезла; тогда чахотка твоя постепенно пройдет».

Таких симпатических средств очень много в писаниях Парацельса. Знахарки знают и применяют и теперь подобные средства.

НАТУРАЛЬНАЯ МАГИЯ

Первый, обработавший натуральную магию как самостоятельную науку, был Джианбеттиста делла Порта (Иоганн Баптист Порта).

Родился он в 1538 г. в Неаполе и принадлежал к богатой и уважаемой семье, так что мог свободно предаться изучению своих любимых наук. Уже в 1553 г., имея от роду всего 15 лет, издал он свое главное сочинение «Magia naturalis», возбудившее всеобщее удивление. После долгих путешествий он основал в 1560 г. в Неаполе «общество для исследования тайн природы», которое, однако, скоро было закрыто по приказанию папы. Тем не менее он продолжал свои физические опыты и в 1589 г.

выпустил новое издание своей магии, весьма дополненное. В то время как первое издание содержит 4 части, второе есть уже очень обширное сочинение из 20 книг. Умер он в 1615 г.*. Всего более, по-видимому, читалось первое издание из 4 книг, вероятно, потому, что оно вмещает в себе наибольшее число суеверных воззрений тогдашнего времени. Порта утверждает, что он лично проделал все опыты, им описанные; если это так, то он, очевидно, не обращал ни малейшего внимания на удачу и неудачу опыта, так как приводит множество невозможных опытов. Может быть, однако, именно им книга и обязана своим огромным успехом, согласуясь вполне с тогдашним вкусом к необычайному.

Первая книга содержит изложение теории натуральной магии, т. е. изложение магической системы Агриппы, даже с его примерами, в том же порядке и с теми же толкованиями, так что, в сущности, это есть только выдержка из книги «Occulta philosophia». Остальные три содержат, напротив, практические советы, хорошие вперемешку с нелепыми. Они, в сущности, не имеют никакого отношения к первой книге, так как теория нисколько не применяется для разъяснения опытов. 2-я книга есть нечто вроде трактата по садоводству; в ней содержатся указания способов изменять внешний вид плодов, окрашивать цветы, делать прививки таким образом, что одно дерево приносит разные цветы и плоды. Советы бывают иногда очень оригинальные: так, напр., для получения разной окраски цветов одного дерева нужно сделать на ветвях надрезы и, введя в них различные краски, прикрыть корой. Это, на самом деле, отчасти выполнимо, и Порта, очевидно, сам делал такой опыт, так как прибавляет, что не нужно никогда употреблять аурипигмента (сернистый мышьяк), который немедленно убивает растение.

Во 2-й книге мы находим собрание рецептов для фейерверков, для факелов, не задуваемых ветром; способы составления чернил, проявляющихся только после известной обработки бумаги, средства для окраски волос, сохранения красоты и т. д. И тут Порта дает самые удивительные указания. Напр., он рассказывает, что можно придать черный цвет глазам ребенка, намазав ему затылок маслом, смешанным о пеплом из сожженного креста. Далее он утверждает, что можно сделать так, что все присутствующие в комнате будут иметь по-видимому, ослиные головы. Для этой цели кипятят ослиную голову 3 дня в масле, пока не обнажатся кости; эти последние толкут, смешивают порошок с маслом и наливают им лампы. Если эти лампы зажечь, то проявляется вышесказанное чудесное действие. Он рассказывает также о своих опытах над волшебными мазями. Единственным их действием было то, что ведьмы впадали в глубокий сон и переживали в грезах различные чудесные приключения.— 3-я книга посвящена алхимии. С самого начала автор предупреждает читателя, что он не сулит ему золотых гор, которых алхимия дать не может. Взамен этого он предлагает множество рецептов для окраски металлов и выполнения других химических фокусов. В 4-й книге дело идет о применении зеркал и увеличительных стекол, причем приводятся очень многие важные и до тех пор неизвестные опыты. Среди других аппаратов описывается также laterna magica (волшебный фонарь).

Большое издание 1589 г. содержит еще много суеверий, но самые нелепые басни уже исключены; взамен их даются новые сведения, касающиеся охоты, рыболовства, поваренного искусства и т. п. Особенно интересны некоторые указания 8-й книги, дающие понять, что Порте и членам его общества были известны явления гипноза и гипнотического внушения. Методы, конечно, не совпадают с современными, но их гипнотическое действие несомненно. Так описываются точно способы заставить человека плавать по полу подобно рыбе, ходить вперевалку, как утка, хватать ртом траву и т. п. действия гипнотического внушения.

В последующие столетия натуральная магия развивалась параллельно с естественными науками. Многие последующие издатели этой книги,— она появлялась до 1715 г.,— прибавляют от себя примечания о неисполнимости содержащихся в ней указаний и стараются объяснить, почему прежде люди верили подобным вещам. Появлялись новые сочинения по натуральной магии, но с ходом времени их содержание все более и более приближается к сочинениям по физике. Правда, большая «Magia universalis» Скотта, 1657 г., содержит в предисловии рассуждения о разных видах магии, но вообще это есть, в сущности, руководство к физике с указанием о применениях ее к волшебным фокусам. Однако вера в старые симпатические средства исчезла еще не так скоро. Имеется небольшая интересная книжка, относящаяся к 1702 г., под названием *«Тайные беседы о натуральной магии»*, разговор между теологом и философом, причем последний весьма старательно разбирает старую симпатическую теорию Агриппы. *«Изучение натуральной магии»* Мартиуса, 1751 г. есть лечебник, написанный совершенно в духе Парацельса. Однако, как кажется, эти воззрения не продержались дальше половины XVIII столетия. 3-е издание последней книги (1779) совершенно переделано.

* Для иллюстрации необычайного распространения книги Порта я обращу внимание на список, который мне удалось собрать о числе ее изданий (конечно, неполный). Мне известно 30 изданий на латинском, итальянском, французском, немецком и голландском языках. Кажется было издание и на арабском. Книга тем более интересна, что дает нам полную картину знаний того времени по физике и по химии. *Прим. автора.*

Сохранив старое название, она в сущности превратилась в руководство для делания фокусов с картами, зеркалами и т. д. То же самое можно сказать о гигантском труде Галлеса, состоящем из 17 томов (1784—1802) под заглавием *«Магия или волшебные силы природы»*. Это самая пестрая смесь физики, химии, агрономии, поваренного искусства и т. д. Однако, кроме того, она содержит очень много интересных указаний на способы, которыми древние магики обманывали других, а отчасти и себя. Я думаю, нет нужды говорить о том, что́ под именем натуральной магии понимается в XIX столетии.

VIRGULA MERCURIALIS (ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА)

Этот снаряд, по крайней мере, в том виде, как он применялся в Европе, есть лишь одно из звеньев целой системы магических приспособлений. Его прообраз, несомненно, существовал в глубокой древности; однако невозможно установить прямой связи между тогдашними способами его применения и теми, которые мы встречаем в Европе в конце средних веков. Надо допустить, что в течение всего промежуточного периода волшебная палочка была распространена в народе и приемы ее применения подвергались различным изменениям. Какова была ее судьба в это время, нам неизвестно, так как средневековые авторы о ней умалчивают, и мы ничего не можем сообщить о ее истории. В кратких чертах известно следующее.

При императоре Валенте (364—379) многие знатные люди были обвинены в том, что составили заговор против него и волшебными способами старались узнать имя его преемника. Они пользовались для этого кольцом, повешенным на тонкой нитке; один из присутствовавших держал ее над круглой металлической чашей, на краях которой, на равных расстояниях, были выгравированы буквы. Кольцо приводилось во вращательное движение вдоль краев чаши и на некоторых буквах оно как бы спотыкалось. По этим указаниям составлялось нужное слово.

С тех пор подобные аппараты нигде не упоминаются до самого Парацельса, который в одном из своих сочинений рассказывает, что германские рудокопы пользуются для отыскания скрытых руд прутиком, имеющим форму Y. Удерживая снаряд за два конца в горизонтальном положении, искатель медленно движется по полю: свободный конец палочки наклоняется к земле в том месте, где есть металл. Не всякий, однако, может это сделать, да и указания тросточки не всегда достоверны, так что Парацельс причисляет этот прием к «неверным средствам». Вероятно, обычай этот не был особенно распространен, потому что иначе почти всеведущий по делам магии Агриппа, наверное, упомянул бы о нем, так как такого рода явление очень хорошо подходило к его теории о симпатии вещей. Парацельс при своих скитаниях среди низших классов, вероятно, наткнулся случайно на этот способ и, описав его в своих сочинениях, способствовал широкому его распространению. Во всяком случае, о волшебной палочке упоминают уже все последующие авторы; между прочим, говорится о ней и в алхимических сочинениях Базилиуса Валентинуса *.

Взгляды на волшебную палочку и ее применение были очень разнообразны; некоторые авторы говорят, что прутик должен быть взят из дерева, имеющего естественную симпатию к отыскиваемому металлу, т. е. для каждого металла необходим особый вид дерева. Другие утверждают, что порода дерева ничего не значит, а важно, чтобы прутик был гибкий, так что лучше всего его брать из вер-

---

* Я обращаю внимание на это сочинение потому, что Валентинус, по мнению многих, был бенедиктинский монах и жил в Эрфурте почти за 100 лет до Парацельса. В таком случае указания на волшебную палочку отодвигались бы к периоду гораздо более раннему. Всего вероятнее, однако, что этот Валентинус никогда не существовал, хотя его сочинения и появились в 1600 г.; иначе сказать, это был псевдоним, под которым пожелал скрыть свое имя издатель, советник Тольде во Франкенгаузене.

бы, орешника или ясеня. Одни объясняют все дело природной симпатией, другие — особенно духовенство — видят в нем козни дьявола, наконец, третьи называют его просто суеверием.

В 1630 г. один французский дворянин в Богемии сделал драгоценное открытие, что ивовые и ольховые прутики могут служить также для обнаружения подземных водяных жил. Научный мир, однако, до 1692 г. не интересовался этим

Рис. 47. Различные способы держать волшебную палочку.
(Из книги L'abbé de Villemont, Traité de physique occulte).

явлением, но с этого года начинается самая любопытная глава в истории волшебной палочки. 5 июля 1692 г. в 10 часов вечера были найдены убитыми в Лионе виноторговец и его жена. Так как власти не нашли никаких следов убийцы, то по инициативе частного лица, богатого землевладельца, был призван богатый крестьянин Жак Аймар, пользовавшийся известностью за свое умение при помощи волшебной палочки открывать не только металлические и водоносные жилы, но также воров и убийц. Аймар сразу же сказал, что его палочка тянет его в трех направлениях, так что убийц должно быть три. Он следовал указаниям палочки на протяжении нескольких миль и по земле и по воде и, наконец, открыл лицо, на которое и указал как на убийцу. Этот сначала отрицал свое участие, но все же был казнен, так как суду удалось получить от него кое-какие сомнительные признания. Происшествие это произвело большое волнение; было написано несколько ученых книг, которые на разные лады старались объяснить такое действие палочки. Духовные усмотрели в этом происки дьявола, но ученый теолог Валлемонт высказался совершенно категорически в своем сочинении «Physique occulte, ou traité de la baguette divinatoire», что явление это состоит в полном согласии с магнетическими и электрическими действиями и что потому нет никакого основания допускать здесь вмешательство сверхъестественных сил. Он, как и все остальные ученые, совсем забыл об одном вопросе, действительно ли палочка исполняла то, что от нее требовали. Тяжелый удар получила вся теория, когда было обнаружено, что известный физик Афанасий Кирхер доказал почти на полвека раньше, что прутик не наклоняется ни к воде, ни, вообще, к другому предмету, если не находится в руках человека, а прикреплен за два конца так, что может свободно

вращаться. Дело еще ухудшилось, когда Жак Аймар был вызван к сыну герцога Конде и его заставили проделать разные эксперименты. Выяснилось, что он не мог найти ни воды, ни металла, спрятанных людьми, не в состоянии был открыть и воров уже известных полиции. Тогда только начали сомневаться, действительно ли казненный был убийцей.

Наконец, патер Лебрен дал разгадку вопроса, выяснив его путем многих экспериментов над лицами, в руках которых палочка приходила в особо оживленное движение. Прежде всего он предположил влияние дьявола и поэтому горячо убеждал тех, с кем делал опыты, молить Бога, чтобы палочка оставалась недвижимой, если в дело замешаны злые духи. После этого палочка тотчас делалась неподвижной. Всего удивительнее, что из таких опытов патер совершенно неожиданно вывел самое правильное заключение, именно, что «причина движения палочки лежит в желаниях человека и направляется его намерениями».

После этого ученые потеряли интерес к волшебной палочке, но в народе вера в ее силу живет и до сих пор.

Популяризация наук

СКАЗАНИЕ О ФАУСТЕ

«Последний из ученых магиков умер, и его черная собака исчезла с лица земли» (сравни стр. 131).

Плоды свободного исследования считались ересью, пока они не совпадали со взглядами церкви; исследователи должны были отказываться от своих воззрений, если не предпочитали смерть на костре. Трудно, однако, было обвинять в колдовстве людей, которые в него не верили и своими работами шаг за шагом уничтожали магические верования. Они низвергли астрологию, самую главпую из суеверных наук, служившую основой остальным, лишив землю ее привилегированного центрального положения, вычислив пути планет и найдя законы для скорости движения мировых тел. Под остальными магическими науками почва также заколебалась, когда опыты над падением тел, качанием маятника, давлением атмосферы выяснили с полной очевидностью всем рассудительным людям, что истинное понимание природы может быть достигнуто только тогда, если причины земных явлений искать на земле, а не среди высших сфер. Так постепенно исследователи разорвали магическую связь земли с небесными и духовными мирами. С этой точки зрения церковь могла только приветствовать их как своих лучших помощников и союзников; поэтому она никогда не обвиняла их в колдовстве. Толпа, следуя во всем лозунгам церкви, также не нашла случая украсить людей новых времен венком легенд и чудесных сказаний, как это она делала относительно их предшественников. Все удивительные легендарные известия об исследователях прошлых веков народная молва собрала как бы в фокусе, сосредоточив их на одном лице. Этот прием не был чем-нибудь новым, неизвестным уже раньше. В «золотой легенде» (legenda aurea) мы имеем образец подобных сказаний, унаследованный от более раннего времени и пользовавшийся всеобщей известностью в течение всех средних веков.

В ней рассказывается, как великий магик первых времен христианства — *Киприан из Антиохии* преследовал и мучил христиан при помощи волшебной силы; особенно одну христианскую девицу — Иустину, которой он желал завладеть. Однако, несмотря на то что Киприан выпустил на нее целый сонм злых духов и, наконец, даже самого князя тьмы, повелев им прельстить ее чарами, Иустина преодолела все посредством молитвы. Когда Киприан убедился, что бесы бессильны против нее, он начал над ними глумиться, разорвал союз с их князем, и сам стал христианином; несмотря на большое количество тяжких грехов, которые лежали на его совести, он стал великим мужем церкви и в конце концов принял мученический венец.

Нельзя решить достоверно, существовал ли, на самом деле, когда-нибудь Киприан? Очень возможно, что в основе легенды лежит исторический факт, однако значительно искаженный с течением времени, так как легенда имеет два варианта, совершенно противоречащих друг другу. Рассказы о великом и чудесном искусстве Киприана, очевидно, с течением времени все умножались, так что к концу древних веков на нем одном сосредоточена была большая часть рассказов, относившихся, вообще, к тогдашним колдунам, т. е. александрийским философам. Позднее этот Киприан удостоился незаслуженной чести быть слитым в одно лицо с историческим карфагенским епископом Киприаном, который с Киприаном легенды имеет только то общее, что оба были вначале язычниками и кончили мученичеством В доказательство того, что не епископ карфагенский послужил главным лицом легенды, можно привести то, что сказание о Киприане и Иустине уже было написано на Востоке тогда, когда о епископе Киприане там вовсе не было еще известно.

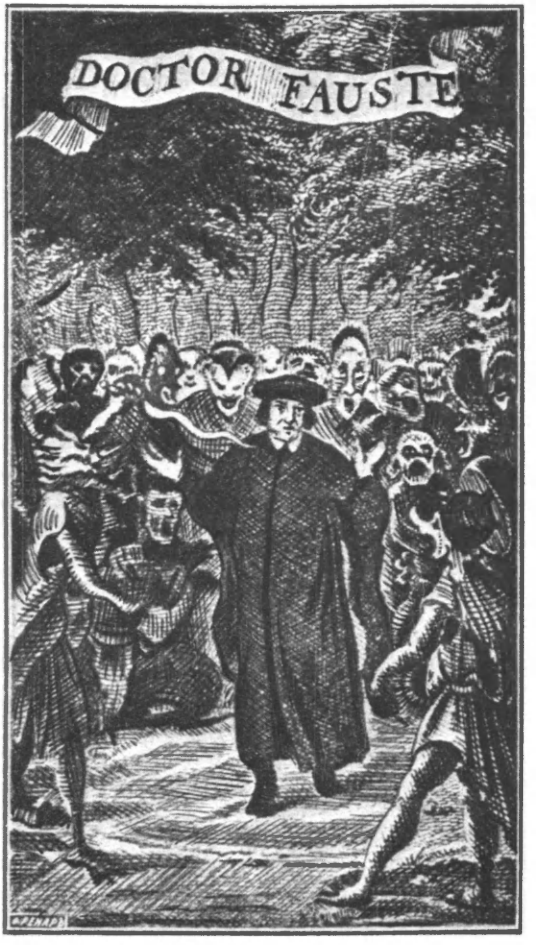
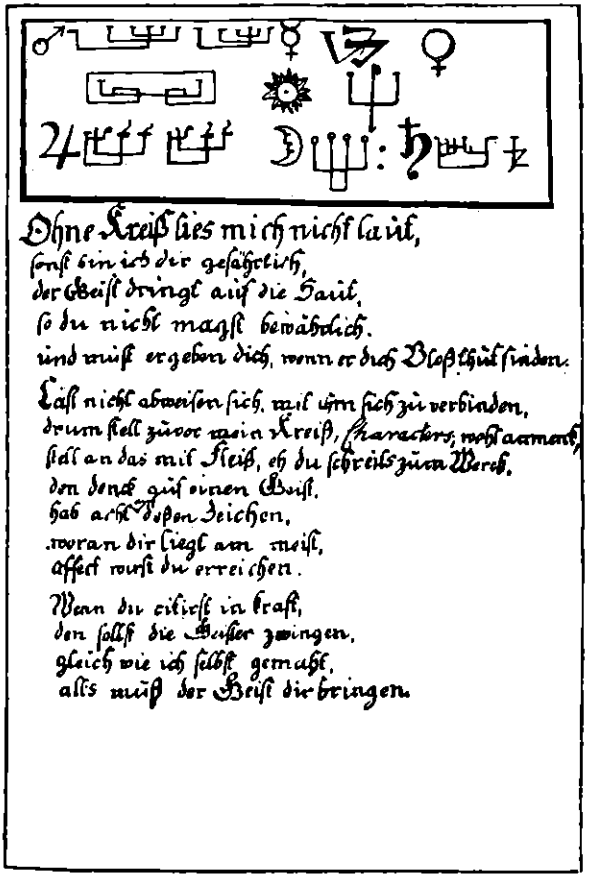


Рис. 48. Доктор Фауст в заколдованном круге, окруженный демонами. (Со старинной гравюры).

Параллельно сказанию о Киприане имеем мы легенду о Фаусте. Исторической основой ее служат похождения некоего бродячего фокусника и шарлатана Георга Сабелликуса, который сам себя называл «Фаустом младшим» и, по мнению народа, был в тесном союзе с дьяволом. Мнение это нашло себе подтверждение в том, что он умер насильственной смертью, но неизвестно, как именно; тогда прошел слух, что дьявол взял его душу вместе с телом. Случилось это приблизительно в 1540 г. Аббат Тритгейм и ученик Агриппы Иоганн Вейер утверждают, что они лично видели этого Георга Сабелликуса Фауста и что о нем, вообще, было очень много разговоров. Он звал себя «Фаустом младшим» в отличие от типографщика Иоганна Фауста, который благодаря своему ремеслу также слыл в народе за чернокнижника и союзника дьявола. Впоследствии забыли, что типографщик Фауст или Фуст и фокусник «Фауст младший» были два разных лица и Георг Сабелликус сделался Иоганном Фаустом.

Самое древнее издание сказания о Фаусте появилось во Франкфурте-на-Майне в 1587 г., напечатанное Иоганном Шписом. В этом сказании говорится, что Фауст был крестьянский сын, очень способный, попавший в дом состоятельного родственника, а затем посланный в университет для изучения теологии. Получив с большим отличием степень магистра, он попадает в дурное общество, увлекается магией и, наконец, вызывает дьявола, с которым заключает контракт; дьявол обязуется служить ему 24 года, а затем должен владеть его душой. В книге приведены длинные

разговоры его с дьяволом, который преподает ему дальнейшие тайны магии; после этого Фауст отправляется путешествовать сперва по аду, который он осматривает, потом по земле. Во время этого путешествия он всех поражает своим магическим искусством. Тут автор получает возможность сосредоточить вокруг личности Фауста все сказания об ученых магиках средних веков. Между прочим, Фауст попадает во дворец папы, проделывает там несколько штук и осмеивает папу и высшее духовенство. Это последнее, конечно, показывает, что легенда о Фаусте выросла на протестантской почве. В более поздней, на 12 лет, обработке сказания, в Видманновской книге о Фаусте (1599), сказано ясно, что герой был введен в соблазн и предался магии благодаря колдовству и безбожию



Ohne Kreiß lies mich nicht faul,
sonst bin ich dir gefährlich,
der Geist dringt auf die Faul,
so du nicht magst bewährlich.
und must ergeben dich, wenn er dich Bloßhüt findet.

Laß nicht abweisen sich, mit im sich zu verbinden,
drum stell zuvor mein Kreiß, Characters, mehr nammen,
stell an das mit Fleiß, eh du schreits zum Werch,
den denck auf einen Geist.
hab acht deßen Zeichen,
woran dir liegt am meist,
effect wirst du erreichen.

Wann du citirst in Kraft,
den sollst die Geister zwingen,
gleich wie ich selbst gemacht,
alls muß der Geist dir bringen.

Рис. 49.
Форма заклинания.

папства. Кончается история тем, что по окончании контракта дьявол готовит Фаусту ужасную смерть для устрашения и предостережения всех его единомышленников. Другого исхода легенда, конечно, не могла иметь. Язычник Киприан грешил по неведению и мог спастись, сделавшись благочестивым христианином, но для теолога Фауста не может быть спасения, потому что он предался магии с полным сознанием страшного греха.

Так как в то время никто не сомневался в материальном существовании дьявола и только исключительные критические умы сомневались в возможности заключить с ним формальный контракт, то книга о Фаусте получила чрезвычайное распространение. Появился целый ряд изданий с различными изменениями, и так как д-р Фауст стал олицетворением ученой магии, то предприимчивому издателю было очень легко выпустить под его именем любое сочинение по магии; имя Фауста прикрывало самое негодное содержание и обеспечивало хороший сбыт. Таким образом, в конце XVI столетия появилось под этим именем множество сочинений, содержащих большею частью формулы для заклинания разных духов. Известно более дюжины таких сочинений с различными заглавиями. «Д-р Фауст и его страшный договор с адом», «Могучий морской дух», «Книга чудес и искусства д-ра Фауста» или черный ворон, или тройная адская работа и т. п. Из всех этих

сочинений ясно видно, что они написаны на основании указаний, почерпнутых из книги Агриппы и других магиков. Кроме этих мы имеем еще и другие сочинения, которые ставятся в связь с Фаустом, но, в сущности, это переработки гораздо более древних иудейских сказаний; напр., написанная по-немецки книга «Semiphoras et Shemhamphoras Salomonis regis» или «Четвертной контракт Фауста с адом» и др. Однако существующее еще и теперь сочинение «Clavicula Salomonis» не есть перевод или обработка старого кабалистического трактата «Ключ Соломона» (сравни стр. 147). Наконец, есть еще и латинские сочинения, напр., «Verus Iesuitarum libellus», содержащее заклинания, приписываемые Киприану. Впрочем, авторы, вероятно, только воспользовались его именем, не имея с ним

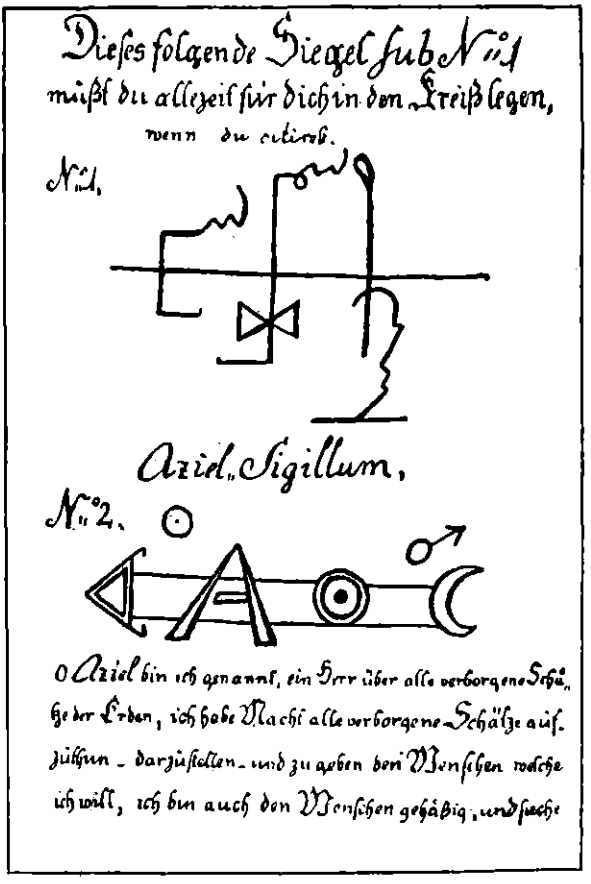


Рис. 50.
Форма заклинания.

ничего общего. В начале эти сочинения, относящиеся к концу XVI или началу XVII столетия, существовали только в рукописном виде и стоили до 200 талеров, сумма по тому времени огромная. Очевидно, издателям было выгоднее пускать их в обращение в рукописях, чем напечатать. Печатные экземпляры начинают попадаться в конце XVII стлетия; хотя на многих из них выставлен 1500 г., но язык, печать, бумага и проч. явно свидетельствуют, что они, по крайней мере, на 200 лет новее *.

Характерной чертой всей этой литературы о Фаусте, относящейся к XVII и XVIII столетиям, можно считать ее явно выраженный, более популярный характер по сравнению с магическими сочинениями более раннего времени. В старых сочинениях содержатся также все нужные указания для заклинаний, но магик должен сам, и притом со значительным затруднением, искать имя духа, его печать

* Из этих различных сочинений произошла книга о Киприане, из которой заимствованы прилагаемые рисунки; подлинник ее находится в королевской библиотеке в Копенгагене.

и пр., точно также, как и подходящие слова для заговора. Все эти затруднения устранены в книгах о Фаусте: в них уже все готово: имена, печати, молитвы, заклинания; самому магику нечего больше делать. Это, вероятно, означает, что философы и натуралисты уже не занимаются более магией и интерес к ней спустился в низшие народные слои.

«КУРЬЕЗНЫЕ НАУКИ»

В то время как искусство заклинания распространилось в народе посредством книг о Фаусте, другие магические науки также стали общедоступными при помощи большого числа книг. Отчасти это были переводы старых латинских авторов, а отчасти новые объяснения различных наук. С течением времени сочинения такого рода все более и более распространялись в народе и делались все доступнее. Теперь уже были твердо установленные правила для всего, и умозрениям вопрошающего не оставалось места. Даже такие способы гадания, как напр., онейромантия, т. е. толкование снов, бывшее у древних делом личного вдохновения, были приведены в систему, несмотря на слова Агриппы, что для них невозможно установить прочных правил. Это было, конечно, всего удобнее; но такое грубомеханическое толкование снов необходимо должно было оказывать гибельное влияние на самое предсказательное искусство и на доверие к нему. Впоследствии мы увидим, что снотолкование, как оно употреблялось в древности, отнюдь не было простой иллюзией; когда же это искусство отпечатывают в виде словаря, то оно становится несомненным шарлатанством. Точно так же обстоит дело и с большинством других магических наук: чем более механический характер они приобретают, чем меньше остается в них простора для фантазии отдельного лица, тем легче открывается, что они обещают больше, чем могут сделать. Поэтому вера в них страдает от популяризации гораздо больше, чем от чего бы то ни было другого.

Замечательно также, что авторы этих руководств по «курьезным наукам»,— такое именно они получили себе название,— всегда с большой осторожностью высказываются относительно ценности излагаемых методов. Нередко можно встретить, что автор в своем предисловии прямо замечает, что в подобные вещи, конечно, уже больше не верят, но что они тем не менее убеждены в противном.

В одной брошюре, содержащей около 20 страниц и озаглавленной «Астрологический предсказатель, для всеобщего употребления составленный в 1703 году», говорится:

«Благосклонный читатель! Поелику употребление следующих таблиц совершенно просто, ибо при нем надо помнить лишь то, что указанными примерами можно пользоваться лишь при помощи календаря этого года, то они не требуют пояснений. Они, несомненно (однако не иначе как при доверчивом отношении), приносят немалую пользу в звездном и врачебном искусстве и в других человеческих делах и науках; хотя иным и кажется, что они не особенно полезны или необходимы, однако ежедневный опыт учит другому. Прощай, и да послужит тебе употребление этой книжки на всяческую пользу».

Медленно исчезала вера в магические науки, а вместе с ней и интерес к ним. Последние сочинения такого характера появились в начале этого столетия. Затем наступила пауза, пока в пятидесятых годах внимание образованных людей снова не направилось на магию благодаря спиритизму. В народе же, именно у «знахарок», до сих пор можно найти много суеверных воззрений и любопытных врачебных советов, составляющих прямое наследие ученых магиков.

НАРОДНОЕ СУЕВЕРИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Здесь, конечно, мы не можем перечислить всех суеверных представлений, какие, быть может, до сих пор продолжают еще жить в народе. Суеверие различно не только в каждой отдельной стране, но даже и в отдельных местностях одной и той же страны. Сверх того, едва ли возможно установить, что в данное

время служит объектом веры, а что — нет: многие суеверия еще долго продолжают существовать в качестве простых оборотов речи, хотя со словами уже давно не связывается их действительное значение. Поэтому попытка изложить те суеверия, какие еще встречаются и в наши дни, представляет из себя довольно бесплодную работу. Тем не менее нас должно интересовать выяснение того, откуда ведут свое начало суеверные понятия и магические приемы нашего времени. Вопрос этот можно решить, конечно, лишь в общих чертах, причем придется оставить без внимания частности. Прежде всего мы коснемся наследия ученых магиков.

Сюда именно относятся чисто астрологические заключения относительно влияния луны и других планет на различные действия, болезни и т. п. Далее следуют многочисленные симпатические средства и магнетические способы лечения, которые до сих пор еще в большом ходу и которые по большей части представляют из себя более или менее искаженные формы методов, применявшихся последователями Парацельса. Затем еще можно встретить употребление волшебной палочки при отыскивании воды — прием, который еще и теперь с неоспариваемым успехом употребляется у нас многими старыми колодезниками. Наконец, надо упомянуть также о том, что далеко не забыты еще сказания, которые с древнего времени были связаны с «Киприаном»: если этой книгой и не пользуются для вызывания духов, то все-таки она продолжает быть предметом суеверного ужаса. Начало этих отраслей суеверия и волшебства с полной уверенностью можно отнести к ученой магии.

С другой стороны, существует еще много суеверий, происхождение которых относится ко времени язычества. Веру в домовых, карликов и гномов, в оборотней, скрытые клады, нечистую силу и колдовство можно проследить за все то время, на которое вообще простираются наши исторические предания. Очень древнее происхождение имеют, очевидно, также волшебные формулы и заклинания, полухристианский, полуязыческий характер которых ясно показывает, что это просто преобразованные языческие изречения, употреблявшиеся для целей волшебства. Конечно, многие своеобразные способы для ограждения себя от колдовства и злых духов, несомненно, получили особенно сильное развитие в эпоху процветания процессов против ведьм, однако этим нисколько не исключается возможность того, что тогда старые языческие представления только приобрели себе христианскую форму. Наконец, остается еще множество воззрений и приемов, происхождение которых никогда не будет выяснено.

ОТДЕЛ III

СОВРЕМЕННЫЙ СПИРИТИЗМ И ОККУЛЬТИЗМ

Предшествующая история современного спиритизма

СПИРИТИЗМ ДО СВЕДЕНБОРГА

В более новых спиритических произведениях часто можно встретить утверждение, будто спиритизм столь же стар, как и человеческий род. Когда такое утверждение,— как это и бывает в большинстве случаев,— выставляют решительно безо всякого доказательства, то оно объясняется, по-видимому, прежде всего стремлением приписать магическим искусствам возможно более древнее происхождение, чтобы тем возвысить их значение и достоинство. Такого рода прием достаточно известен из сочинений более старых магиков. Однако указанное утверждение не совсем лишено основания, так как нельзя отрицать, что суеверие более ранних времен как в теории, так и в практике содержит в себе много такого, что в значительной степени напоминает теперешний спиритизм. Чтобы доказать это, мы должны, конечно, прежде всего с достаточной определенностью выяснить себе сущность современного спиритического учения. Пока же этого не сделано, всякая попытка найти аналогии из более ранних времен будет лишь неуверенным исканием, производимым наугад.

Нелегко, однако, указать главные черты спиритизма, как он существует в наше время: как он ни молод, он, однако, прошел уже многочисленные стадии развития и подразделился на различные направления — на более популярное, собственно спиритизм, и на более научное, оккультизм. Представители науки, интересующиеся спиритизмом, внесли в его изучение некоторые требования, не известные широким слоям общества, напр. знание законов природы и душевной жизни. Поэтому они должны были понимать спиритические явления иначе, чем «неученые» люди. Но даже если мы оставим в стороне научные, оккультистические теории и ограничимся лишь собственно спиритизмом, о котором пока только и будет речь, то и тут мы далеко не найдем общего согласия по всем пунктам. Можно провести резкую границу между англо-американским и французским направлениями; первое совершенно отвергает один из главных пунктов последнего. Впрочем, это разногласие, по-видимому, существенным образом связано с некоторыми религиозными вопросами, которые едва ли имеют особенно значительное влияние на характер спиритизма, какое бы решение они себе ни находили. Ведь спиритизм получает свой своеобразный отпечаток от учения о природе духов и об их отношении к людям, а касательно этого все, по-видимому, согласны со *следующими положениями:*

Человеческая душа бессмертна и после смерти тела может вступать в общение с живущими людьми и вызывать ряд физических и психических явлений, которые не в состоянии вызвать человек, по крайней мере, насколько мы теперь знаем, силы природы и душевную жизнь. Чтобы духи или души умерших могли вступать в общение с миром людей, для этого необходим в качестве посредника особенным образом одаренный человек, так называемый медиум. Способность быть медиумом, «медиумизм», присуща в большей или меньшей степени каждому человеку,

но даже и наиболее совершенные природные дарования должны быть развиты путем упражнения.

Этим содержание спиритизма, конечно, далеко не исчерпывается, это только его характеристические положения, формулированные коротко и ясно. Если взять их в качестве исходного пункта, то нетрудно будет отыскать подобные мысли даже в самых старинных письменных преданиях, где иногда встречаются также и определенные указания, каким образом можно вступать в общение с духами. Как мы видели выше, у египтян существовало древнейшее верование, что душа, кху, может после смерти возвращаться на землю, принимать различный вид и даже проникать в живых людей, «занимать» их (сравни выше, стр. 106). У Гомера мы находим подробное изображение того, каким способом Одиссей вступил в сношение с духами (сравни выше, стр. 46). Это, вероятно, древнейший медиум, о котором имеется определенное известие; правда, его метод, бесспорно, представляет собой нечто иное, чем наши медиумические приемы, но этому не следует придавать большого значения. Ведь все спириты согласны в том, что душа не тотчас же после смерти становится совершенной. Ею владеют еще все представления земной жизни, которые лишь постепенно должны уступить место высшему разумению. Поэтому вполне естественно, что грек Одиссей, желавший говорить со своими лишь недавно умершими друзьями, должен был прибегнуть к средству, которое в то время считалось пригодным для воздействия на духовные существа; на этом основании он принес жертву умершим, как обыкновенно делал это по отношению к богам, и тем именно достиг своей цели, вызвал к себе духов и получил от них указания относительно будущего. Таким образом, его цель была та же, как и у теперешних спиритов, только метод у него был иной, каковым он и должен был быть. Если бы Одиссей прибег к современному приему и стал со своими товарищами вокруг стола, то он едва ли достиг бы чего-нибудь; во-первых, греческие бронзовые столы были чрезвычайно тяжелы и неудобоподвижны, а затем ни Одиссей, ни его умершие друзья не умели читать и писать, так что попытка вызвать письменное сношение при помощи стука окончилась бы, конечно, неудачей. Отсюда мы видим, что хотя основные мысли остаются теми же, однако каждое время имеет свои особые методы, согласующиеся с общепринятыми представлениями данной эпохи. Этим объясняется и то, что чем ближе подходим мы к нашему столетию и чем более духовная жизнь становится, в общем, похожей на нашу, тем более и спиритическая практика принимает свой теперешний характер.— Здесь я могу привести еще одно свидетельство древности. В конце древнего мира мы встречаемся с упомянутой выше (стр. 108) книгой «De mysteriis» и видим из нее, что ее автору вполне известен медиумизм и условия, при которых может действовать медиум. Он знает, что медиум должен быть приведен в особое состояние, называемое им экстазом, восхищением или энтузиазмом; это, очевидно, то самое состояние, которое теперь носит название «транс». Затем он указывает на большое различие в силе медиумов. Обыкновенный маг, говорится в «Книге о мистериях», может действовать лишь с помощью демонов, но он и вызывает только призрак, а не действительность. Напротив, теург, благочестием возвышающий свою душу до подобия богам, на самом деле может вызвать то, что хочет. На теперешнем спиритическом языке это значит, что менее совершенный и менее развитой медиум может вступать в сношение лишь с низшими, лживыми и злыми духами, сообщения которых обыкновенно оказываются обманом; чтобы вызывать выше стоящих духов, медиум непременно должен достичь высокой степени развития и быть благочестивым человеком.

В средние века и в более новое время указанное сходство с современным спиритизмом проявляется все сильнее и сильнее. Я не буду останавливаться здесь на ученых приемах, какими пользовалась научная магия, чтобы вступать в сношение с духами: они с достаточной подробностью изложены выше (стр. 147—150). Нельзя отрицать, что в теоретическом отношении мы находим здесь существенные уклонения от теперешнего спиритизма. Ученые магики делали разли-

чие между интеллигенциями (ангелами) и демонами и считали эти две группы духовных существ за особые создания, не имеющие ничего общего с душами умерших. Теперь, напротив, думают, что как ангелы, так и демоны являются лишь определенными ступенями в развитии душ, живших прежде на земле. Не надо, однако, придавать этому различию большого значения, так как оба направления согласны в том, что эти духовные существа, каково бы ни было их происхождение, могут вступать в общение с людьми. Что касается практики, то ученые магики, правда, прибегали к массе замечательных фокусов, которые соответствовали их ложному представлению о Вселенной, но на эти фокусы надо смотреть лишь как на совершенно ненужные придатки. Большое значение придавали они также употреблению при заклинаниях наркотических курений, откуда мы видим, что они считали необходимым экстатическое состояние и даже знали средство, как его вызывать. В общем, практическую кабалу надо считать особой формой спиритизма, затемненной некоторыми излишними вещами.

Когда таинственные науки вошли во всеобщее употребление и для них перестали считаться необходимыми значительные научные средства, то вместе с этим преобладающее значение получила сущность упомянутых магических фокусов, общая с теперешним спиритизмом. Так, в сочинениях, относящихся к XVII веку и началу XVIII, встречаются указания относительно развития медиумизма, вполне согласные с тем, что говорится об этом в новейших сочинениях. Мы находим здесь лишь одно существенное различие, обусловливаемое духом времени. Как известно, церковь никогда не относилась дружелюбно к магическим фокусам, особенно же к заклинанию духов, и еще два столетия тому назад прибегала к весьма сильным средствам, чтобы удерживать людей от подобного рода опытов. Поэтому если кто хотел ими заниматься, то ему всего лучше было делать это втайне. По той же причине не могло быть речи и о том, чтобы выработать из себя медиума с помощью кружка единомышленников, приходилось достигать этого одними своими силами. При таких обстоятельствах и выработка эта требовала более долгого времени, потому что, как прекрасно знают это спириты, усиление и развитие медиума в значительной степени зависит от того, действует ли он в «гармоническом» кружке. Где же этого условия нет, там и развитие должно идти медленнее. За этим исключением развитие медиумизма происходило совершенно так же, как и теперь, и результат получался тоже одинаковый.

В одной небольшой, но замечательной книге Авраама Вормсского «Книга истинной практики в древнейшей божественной магии», относящейся, вероятно, к XVII столетию, находится полное указание, каким образом развить в себе медиума по методу тогдашнего времени. Для этого нужны прежде всего молитвы, воззвания и другие священные обряды, и весь процесс совершается ровно в полтора года. В течение всего этого времени не происходит ничего особенного, но в конце концов получается вполне развитый медиум.

«В первый день (четвертого полугодия), прежде чем наступит полдень, как только пламенная молитва изыдет из твоего сердца и проникнет через облака пред лицо Бога, ты увидишь, что всю комнату наполняет необычайный свет и вокруг тебя распространится приятный запах».

Мы едва ли ошибемся, если примем, что здесь речь идет о тех световых явлениях, которые так часто бывают при теперешних спиритических сеансах.

«На третий же день ты испытаешь, насколько ты успел за время этих 18-ти месяцев в усвоении истинной мудрости Господа, когда перед тобой явится подлинный твой ангел-хранитель, избранный ангел Господа, в образе прекрасного ангела и обратится к тебе со столь дружественным и милым словом, что подобной сладости не может выразить никакой человеческий язык. Он объяснит также тебе, в чем состоит истинная мудрость, откуда она идет, погрешил ли ты и каким именно образом в своей деятельности, чего тебе еще недостает, как ты можешь и должен поступать впредь, чтобы повелевать злыми духами и всякое твое предприятие доводить до счастливого конца».

Здесь мы имеем, очевидно, материализированного духа, который наставляет медиума, как это случается и теперь, и берется руководить им. В следующих строках мы ближе коснемся современных параллелей к этому старинному изображению, что откроет нам значительное сходство между старым и новым.

Уже и в те времена вполне точно знали, каким образом может развиваться медиумизм. Но было известно также,— притом, вероятно, в гораздо большей степени, чем теперь,— внезапное и непроизвольное (самопроизвольное) насту-

пление медиумизма. Летописи процессов против ведьм полны сообщений об «одержимости бесами»; сообщения эти вполне согласуются с описаниями, какие встречаются в современных спиритических журналах под названием «самопроизвольные приступы медиумизма». При таких приступах в сношение с людьми вступают обыкновенно низко стоящие, злые духи (нечистые); они терзают и мучают медиума и его окружающих своими проявлениями, откуда легко понять, почему несколько столетий тому назад в подвергающемся такому приступу человек видел «одержимого дьяволом». Предполагалось, что ближайшую причину такой одержимости надо искать в ведьме, желавшей за что-нибудь отомстить; поэтому указанные приступы постоянно служили поводом для начала процесса.

Нам нет нужды далеко ходить за примерами такой «одержимости», «самопроизвольного медиумизма» или как бы там ни называли это явление. Достаточно будет привести лишь одну типичную историю *, записанную одной женщиной, Анной Бартскьер, в семье которой она произошла в 1608—1609 гг.; в 1674 г. история эта была издана с дополнениями и пояснениями ректором в Герлуфсгольме, магистром Брунсмандом. Несколько цитат из 1-й главы этой книги покажут, что уже три века тому назад вполне были известны явления, которые играют такую большую роль в теперешнем спиритизме.

«Первый раз пережили мы страх в нашем доме ночью, когда мы с моим покойным мужем Гансом Бартскьером лежали в постели; тогда под нашим изголовьем послышались звуки, подобные тому, как когда наседка сзывает своих цыплят. Через некоторое время покойный Ганс Бартскьер отправился в Германию. Спустя четырнадцать дней у нас начался великий ужас, и мы стали свидетелями отвратительных вещей. При нас находился маленький мальчик двенадцати лет, сын дяди моего мужа по матери. Когда вечером он должен был лечь спать, он начал кричать и плакать, говоря, что не решается ложиться на чердаке, так как там вокруг него происходит столько гадкого. Тогда я положила его у нас в комнате. Вскоре после того, как он улегся, мы услыхали его жалобные крики. Мы поспешно подбежали к нему: все четыре кроватные ножки, качаясь, подбрасывали его туда и сюда; его глаза были так широко раскрыты, как только это возможно, и никто не мог их закрыть; его рот был так стиснут, что никто не мог его разжать. Мы долго стояли возле него, пока он опять не получил голоса и не закричал... Вечером (следующего дня), когда мы собирались ужинать, он стоял возле стола, чтобы получить свою долю. Тогда я сказала ему: «Яков, поешь, иди спать и поручи себя охране Бога. Если с тобой опять начнется то же, что в прошлую ночь, ты нас всех этим так напугаешь, что мы должны будем убежать из дома».— Когда я это сказала, комнатная и кухонная двери распахнулись настежь. Мальчик быстро был выхвачен от стола во двор и поднят на воздух на полтора фута от земли. Так висел он в воздухе с вытянутыми руками, открытыми глазами и сжатым ртом. Его подбородок то поднимался, то опускался, как бы собираясь отвалиться. Мы схватили его за ноги и за плечи и тянули его изо всех сил, желая опустить его на землю. Но мы не могли сдвинуть его с места. Тогда мы здесь же пали все на колени и стали взывать к вечному Богу, чтобы он явил нам милосердие и сострадание. И когда мы помолились, он был освобожден и стал на землю, но его рот был еще стиснут, а он не мог совсем говорить».

Медиумические явления, здесь упомянутые, это — частью ударные звуки, именно клохтанье наседки под подушкой, частью самостоятельные движения неодушевленных предметов, дверей и кровати, наконец, висение медиума в воздухе, так называемая левитация. Впоследствии у нас будет много случаев поговорить обо всем этом подробнее; читатель, недостаточно знакомый с такими явлениями за более новое время, пусть только прочтет отдел о возникновении современного спиритизма, откуда он увидит, что пресловутые истории о гайдсвильском и стратфордском привидениях представляют из себя лишь копии, притом, конечно, весьма слабые копии, только что рассказанного случая.

Этим мы покончим с более старыми формами спиритизма и медиумизма и перейдем теперь к краткому описанию жизни и деятельности человека, который, бесспорно, имел наибольшее непосредственное влияние на суеверие нашего времени.

ИММАНУИЛ СВЕДЕНБОРГ

«Иммануил Сведенборг, самый замечательный провидец более нового времени, родился 29 января 1688 г. в поместье Сведен в Даларне. Он был второй сын ученого епископа Яспера Сведберга и получил вместе со своими сестрами весьма тщательное и благочестивое воспитание. Еще на родине приобрел он значительные познания в теологии и древних языках. В Упсальском университете он изучал главным образом естествоведение и продолжал эти занятия за границей, когда чума заставила его в 1710 г. покинуть Упсалу. Через четыре года он возвратился домой с богатыми познаниями, как о том свидетельствует составленное им ученое сочинение по математическим и физическим вопросам. Он был приглашен государством в качестве с о в е т н и к а при устройстве каналов и доков, потом был членом горной коллегии, и в этих должностях им были сделаны много-

* В Дании она известна под названием «Köge Huskors». *Прим. автора.*

численные изобретения и усовершенствования. Благодаря своим выдающимся сочинениям по физике и минералогии он приобрел себе такую громкую известность в качестве ученого, что был избран членом большинства ученых обществ. Сверх того, за свои заслуги отечеству он был возведен в дворянское достоинство под фамилией Сведенборг».

Такова внешняя сторона жизни Сведенборга. Она настолько блестяща, что кажется необъяснимым, почему знаменитый естествоиспытатель в 1745 г. внезапно просит об отставке от всех должностей и посвящает остаток своей жизни все-таки более сомнительному занятию предсказателя и мистика. Но его жизнь имеет также «темную сторону», менее привлекательную, здесь-то именно и надо искать причину этого явления. Из этой темной истории известны начало и конец, но нетрудно представить себе и то, что происходило в середине. Началом служит несчастная юношеская любовь. Хотя он и обручился уже со своей возлюбленной, но, заметив вскоре, что она идет за него вследствие принуждения со стороны своих родителей, он возвратил ей ее слово. Но забыть ее он не мог и навсегда остался холостяком.

Рис. 51. Иммануил Сведенборг.

Заключение истории мы знаем из дневника, который вел Сведенборг в 1743—1744 гг., проезжая по Голландии в Англию. Книга эта содержит весьма мало сведений о самом путешествии и о том, что Сведенборг видел в различных местах; все ее содержание состоит из подробнейших описаний его снов и его внутренней жизни. Из этих описаний Сведенборг выступает как человек, нервная система которого была совершенно расстроена половыми излишествами, которые он сам называет своей «ночной главной страстью». Сны его полны женских образов, свое отношение к которым он изображает с такой подробностью и откровенностью, что Сведенборг едва ли, конечно, думал когда-либо о том, что эта книга может со временем быть предана гласности. Но мало того, что его сны вращаются около половых отношений,— и во время бодрствования его сознание находится во власти подобных же представлений, так что он не в состоянии работать. Единственный способ, каким он может на короткое время освободиться от таких отвратительных мыслей, заключается в том, что он пламенно взывает к Богу и прибегает под покровительство распятия. В то время как он находился в таком состоянии борьбы между глубокими религиозными размышлениями и мыслями самого противоположного свойства, он имел ночью с 6 на 7 апреля 1744 г., в полубодрственном состоянии, первое так называемое «видение».

Оно описано в дневнике следующим образом: «Около десяти часов я лег в постель; спустя полчаса я услыхал под головой стук и подумал, что искуситель теперь исчезнет. Вслед за тем я испытал при продолжающемся шуме сильное потрясение с головы до ног. Мне показалось, будто надо мной находится нечто священное; потом я заснул. Примерно между 12 и 2 часами по мне снова пробежала дрожь с головы до ног, причем слышался такой шум, как если бы столкнулось много ветров.

Это привело меня в сильное сотрясение и повергло ниц. В то мгновение, когда я был сброшен, я был в полном сознании и видел, что сброшен, и дивился, что бы это обозначало. И я начал говорить, как если бы я был бодрствующим, но оказалось, что слова были вложены в мои уста, и я сказал: «О всемогущий Иисус Христос, то, что ты по твоей великой милости соизволяешь прийти к столь великому грешнику, делает меня достойным твоей милости!». Я сложил свои руки, и тогда показалась рука, которая крепко охватила мои руки; вслед за тем я стал продолжать свою молитву и сказал: «Ты обещал оказать милость всем грешникам, ты не можешь не сдержать своего слова!» В то же мгновение я уже был на его лоне и видел его лицом к лицу, и это был облик со святейшим выражением, которого нельзя описать» и т. д.

После этого случая, который Сведенборг считает за действительное откровение, он убежден в милости Божией. Он продолжает свои религиозные размышления и чтение Библии и вместе с тем, по-видимому, все более и более овладевает своими отвратительными мыслями. Но при этом, конечно, его нервная система еще долго не может оправиться, что видно хотя бы из того, что он год спустя после первого видения имеет второе, в котором он видит себя как человека, призванного Богом для возвещения нового откровения. Об этом видении он сообщает следующее:

«Я был в Лондоне и ужинал поздно вечером в обычной гостинице, где я имел свою собственную комнату, чтобы оставаться одному. К концу ужина я заметил, что перед моими глазами расстилается как бы облако, и я увидел, что пол был покрыт противными пресмыкающимися, змеями, ящерицами, жабами и другими. Я тем более испугался при этом, что сделался почти полный мрак. Однако мрак скоро исчез, и я увидел сидящего в углу комнаты мужа, окруженного лучезарным светом; он сказал мне громким голосом: «Не ешь так много!» При этих словах видение исчезло, а придя в себя, я быстро пошел домой, никому не сообщив об этом случае. Я много размышлял о нем, но не мог объяснить себе явления. Следующей ночью мне снова явился тот же блестящий образ и сказал: «Я Господь Бог, творец и искупитель, я избрал тебя для объяснения людям внутреннего духовного смысла священного писания и буду внушать тебе то, что ты должен писать». Муж был одет в пурпур, и явление продолжалось около получаса. В эту ночь открылся мой внутренний взор, так что я получил возможность видеть духов на небесах и в аду, среди которых я увидел и раньше мне известных. С этого момента я отрешился от всех светских дел, чтобы исключительно посвятить себя духовным размышлениям, как это мне было приказано. Впоследствии взор моего духа часто открывался, так что я среди дня мог видеть то, что происходит на том свете, и мог говорить с духами как с людьми».

Рассказ этот в высшей степени достоин внимания. Первая часть видения, множество отвратительных гадов, могли бы, пожалуй, служить указанием на состояние, похожее на бред, но так как Сведенборг постоянно отличался большой умеренностью в еде и питье, то в его нервной системе надо предположить другого рода расстройство. Насколько он был болен, явствует также и из последующей части видения. Весьма, конечно, невероятно, чтобы Бог действительно открылся ему с целью приказа ему меньше есть. Видение это было просто галлюцинацией. Тем не менее Сведенборг считает себя призванным в качестве орудия нового откровения. Отсюда становится понятным и то, почему он внезапно возвращается к частной жизни; всякий беспристрастный судья согласится, однако, что его позднейшая деятельность в качестве прорицателя происходит, говоря снисходительно, из несколько мутного источника.

Сведенборг не переставал сноситься с духами до самой своей смерти, последовавшей в 1772 г. Он виделся и говорил не только с лицами, которых он знал при их жизни, но даже с такими людьми, как Вергилий, Лютер и Меланхтон; с ними он вел разного рода поучительные разговоры. Мы зашли бы слишком далеко, если бы подробнее остановились на всех этих явлениях. Но чтобы показать, насколько сам Сведенборг был проникнут верой в их действительность, мы приводим одно из этих свиданий с духами, при котором присутствовал известный абоский профессор Портан. Он посетил Сведенборга в Лондоне, но не мог его видеть немедленно, так как у того находился кто-то другой. Портан слышал также, что Сведенборг оживленно разговаривает с кем-то в соседней комнате, но он не мог уловить ни одного звука из того, что говорил другой. Затем дверь отворилась, и Сведенборг, продолжая разговор, проводил невидимого для Портана посетителя до двери, где с величайшей вежливостью простился с воображаемым лицом. После этого он обратился к Портану и рассказал ему, что у него сейчас был Вергилий, который отнесся к нему чрезвычайно дружелюбно и сообщил ему различные интересные сведения.

Подобные явления Сведенборга не представляют из себя ничего удивительного, так как они просто указывают на больной мозг, который вызывал перед ним в виде галлюцинаций те лица, которые его живо интересовали. Зато у него развился, вероятно, также после 1743 г. другой дар, вызвавший много в высшей степени загадочных явлений. Именно он стал сновидящим во времени и пространстве, так что мог видеть, как то, что должно случиться в будущем, так и то, что в данную минуту происходило в отдаленных местах. Относительно этого имеются многочисленные известия, и так как большинство их записано людьми, способными к критике и отнюдь не легковерными, которые употребляли всевозможные усилия, чтобы выяснить истинную сущность явления, то эти истории не могут быть отвергнуты без дальнейших рассуждений как вымышленные. Так, знамени-

тый современник Сведенборга, Иммануил Кант, указывает в различных сочинениях результаты своих исследований относительно его ясновидения.

Мы приведем здесь несколько случаев, сообщаемых Кантом.

Самым замечательным примером Сведенборгова ясновидения является, конечно, его известное указание на стокгольмский пожар, 1 сентября 1758 г. Сведенборг возвратился в Швецию и в 4 часа пополудни сошел на берег в Готенбурге. Один из его друзей тут же пригласил его в гости. Около шести часов Сведенборг оставил общество, но через минуту снова возвратился, бледный и испуганный. Он рассказал, что в Стокгольме свирепствует большой пожар; он чувствовал себя очень неспокойно и часто выходил на свежий воздух. Около восьми часов он сказал, что пожар потушен как раз за три дома до его собственного жилища в Стокгольме. Эти указания Сведенборга, конечно, немедленно стали известны в городе и дошли до слуха губернатора. Последний отправил на следующее утро к Сведенборгу своего посланного, которому тот описал все подробности пожара. Только в понедельник вечером из Стокгольма в Готенбург прибыла эстафета, а во вторник утром — королевский курьер. Привезенные, таким образом, сообщения вполне согласовались с описаниями Сведенборга. Кант записал это происшествие около шести лет спустя после того, как оно случилось. Свои сведения он получил от одного друга, лично бывшего в обоих упомянутых городах и говорившего с очевидцами, которые еще хорошо помнили этот замечательный случай. Кант рассказывает еще подобный же пример. Госпожа Мартевиль, вдова голландского посла в Стокгольме, получила от одного золотых дел мастера счет на 25 000 голландских гульденов. Она была убеждена в том, что ее умерший муж, весьма добросовестно относившийся к денежным делам, уже давно заплатил по этому счету, но не могла отыскать расписки мастера. Тогда она обратилась к Сведенборгу и попросила его, если он встретит в мире духов ее мужа, осведомиться у него относительно счета. Сведенборг обещал; затем, придя через три дня, рассказал, что он говорил с господином Мартевилем; последний сообщил ему, что помянутая расписка лежит в тайном ящичке одного шкафа. И действительно, она была там найдена. Как можно отсюда видеть, Сведенборг верил, что он получает свои сведения от духов,— убеждение, которому мы не придаем большого веса. Эта история, как и первая, скорее должна указывать на ясновидение, если только она, на самом деле, произошла так, как она здесь рассказана. Дело в том, что второй муж госпожи Мартевиль дал впоследствии более точное описание этого случая. По его словам, госпожа М. видела ночью во сне, где находится расписка; она немедленно встала и действительно нашла ее там. На следующее утро пришел к ней Сведенборг и рассказал, что она ночью видела сон, будто расписка лежит в упомянутом шкафу. Это было как раз там, где госпожа М. сама нашла ее. Хотя при таком изображении дело не становится понятнее, однако то обстоятельство, что один и тот же случай рассказан столь различно, делает вероятным, что все произошло гораздо более естественным образом.

Существует также множество рассказов и о способности Сведенборга предвидеть будущее. Так, говорят, он предсказал день и час окончания одного морского путешествия, причем удивительно то, что назначенный им срок был короче, чем какой обыкновенно употребляли для этого путешествия при благоприятных обстоятельствах. В одном обществе Сведенборга спросили, кто из присутствующих умрет первый. Сведенборг открыл спрашивавшему, что некто О. О. (один из присутствующих) умрет уже на следующее утро без четверти шесть; это, как говорят, и случилось на самом деле. Мы не будем, однако, дольше останавливаться на этих удивительных историях, в которых истина, вероятно, настолько перемешана с ложью, что отделить их друг от друга было бы теперь уже невозможно. Гораздо больший интерес имеют для нас мистико-религиозные сочинения Сведенборга; в них мы находим все теоретическое обоснование современного спиритизма, который, несомненно, заимствовал оттуда свои наиболее важные положения.

Сведенборг написал множество обширных произведений, в которых он изложил свои теологические рассуждения и толкования священного писания. Он рассуждает при этом в совершенно кабалистическом духе, отыскивая в каждом слове писания новый скрытый смысл. «В каждом отдельном выражении слова Божия лежит внутреннее значение, так что под ним надо понимать не естественные и мирские вещи, заключающиеся в его буквальном значении, а духовные и небесные; и это справедливо не только относительно значения многих слов, взятых вместе, но и относительно каждого отдельного слова». Эти мистические толкования, благодаря которым Сведенборг стал основателем новой религиозной секты, не имеют для нас никакой важности; здесь мы должны коснуться лишь одной стороны его учения, трактующей о духах, т. е. о душах умерших людей, и об их положении. Почти все, относящееся к этому вопросу, заключается в его сочинении «De Coelo et ejus mirabilibus et de inferno, ex auditis et visis», Лондон, 1758 г. Книга эта, очень скоро переведенная на различные европейские языки, есть, бесспорно, самое распространенное из его произведений, и сравнение между содержащимися в ней учениями и современными спиритическими воззрениями ясно показывает, как много последние заимствовали от Сведенборга. Мы не будем, однако, про-

изводить здесь подобного сравнения, а лишь рассмотрим главные пункты учения Сведенборга. Читателю самому будет легко потом сравнить их со сделанным ниже изложением спиритизма.

Учение Сведенборга во многих отношениях отклоняется от протестантизма и приближается к католицизму, именно главным образом в том, что оно признает существование мира духов, т. е. такого среднего состояния, через которое душа проходит после смерти, чтобы быть приготовленной или для неба, или для ада.

«Мир духов есть не небо и не ад, а среднее место и среднее состояние между небом и адом; туда прежде всего приходит человек после своей смерти, и по отбытии там некоторого срока, сообразно со своей жизнью на свете, или возносится на небо, или же низвергается в ад».

«Продолжительность пребывания в этом мире не определена; некоторые только входят в него, чтобы немедленно быть или вознесенными на небо или низвергнутыми в ад; другие остаются здесь в течение нескольких недель, иные же в течение многих лет, но не свыше тридцати».— В противоположность всем прежним понятиям о сверхземных вещах Сведенборг принимает, что первоначально не существовало ни ангелов, ни дьяволов; все это, по его мнению, бывшие люди. «В христианском мире совсем не ведают о том, что небо и ад населены человеческим родом; думают, будто ангелы созданы с самого начала, и, таким образом, возникло небо, а также будто дьявол, или сатана, был светлым ангелом, но впоследствии за непокорность был низвергнут вместе со своей свитой, через что и возник ад. Ангелы сильно удивляются тому, что в христианском мире существует такое верование. Поэтому они хотят, чтобы я от их имени подтвердил достоверность того, что во всем небе нет ни одного ангела, который был бы создан таковым с самого начала, а также в аду нет ни одного дьявола, который был бы создан ангелом света и затем низвергнут, но что все эти небесные и адские существа происходят от человеческого рода».

Все духи, ангелы и дьяволы, имеют человеческий образ

«Что дух человека после своего отделения от тела остается человеком и имеет такой же образ — в этом убедил меня ежедневный опыт многих лет; я тысячи раз их видел, слышал и говорил с ними. Поэтому, сделавшись духом, человек сознает, однако, что он заключен в тело, которое он имел на земле, и, следовательно, не знает даже и того, что он умер. Человек-дух сохраняет также все внешние и внутренние чувства, какие у него были на земле. Он видит, слышит и говорит по-прежнему, так же обладает обонянием и вкусом, и когда его трогают, он и это чувствует по-прежнему. Он по-прежнему также имеет стремления, желания, потребности, думает, рассуждает, подвергается влияниям, любит и имеет волю, и если кто отличается любовью к научным занятиям, тот читает и пишет по-прежнему».

Чтобы входить в общение с духами, человек должен находиться в особенном состоянии. Но состояние это может иметь две различные формы в зависимости от того, отвлекается ли человек (т. е. дух живущего человека) от тела или же тело уводится от духа в другое место.

«Что касается первой формы, извлечения из тела, то оно происходит таким образом: человек приводится в известное состояние, занимающее середину между сном и бодрствованием. При этом он сознает, однако, что вполне бодрствует. В таком состоянии я совершенно явственно видел и слышал духов и ангелов и даже странным образом прикасался к ним, именно так, как будто бы мое тело не принимало в этом особенного участия.

Что же касается второй формы, именно отвлечения тела от духа в другое место, то я 2—3 раза живо испытал, что это такое и как оно случается. Приведу лишь один пример. Я шел по улицам одного города и по полям и в то же самое время вел беседу с духами, вполне, однако, сознавая, что я бодрствую, и даже видя все совершенно так же, как и всегда. Но после того как я, таким образом, ходил в течение многих часов, я внезапно заметил и увидел уже телесными глазами, что я нахожусь в совершенно другом месте».

Мы узнаем от него также, каким образом происходит разговор духов с людьми. «Беседа ангелов и духов с человеком слышна так же явственно, как и беседа человека с человеком; но из присутствующих ее не слышит никто, кроме лишь того, с кем идет разговор. Причина этого заключается в том, что речь ангела или духа сначала достигает мыслей человека, а отсюда уже по внутреннему пути доходит до его органа слуха, так что этот последний приводится в движение изнутри». Такое явление всего лучше, конечно, было бы назвать одержимостью. «Но в настоящее время редко кому дано говорить с духами, так как это опасно: в таком случае духи узнают, что они находятся при человеке, чего они иначе не знают; между тем природа злых духов такова, что они питают смертельную ненависть против человека и ничего так не ищут, как того, чтобы погубить как его душу, так и тело». Можно бы было распространить эту цитату еще дальше и изложить большую часть главных положений современного спиритизма просто в виде выдержек из произведения Сведенборга. Но для нас будет достаточно приведенного, так как мы указали здесь наиболее важные пункты.

НЕМЕЦКИЕ ПНЕВМАТОЛОГИ

Нет ничего нового под луной. Движение подобное тому, которое в наше время исходит от американских спиритов, уже существовало некогда, хотя, конечно, в меньшем объеме. Приверженцы Сведенборга распались на два направления — на популярно-некритическое и на более научное. Первое слепо приняло самые дикие фантазии «северного духовидца» относительно неба и ада за религиозные догматы и построило на них особую религию, «церковь нового Иерусалима». Другое направление, представляемое, главным образом, немецкими врачами, юристами и теологами, сначала усвоило лишь основные мысли Сведенборга о возможности общения между людьми и миром духов; впоследствии же эти мысли получили дальнейшее развитие и были приведены в согласие с наличным научным знанием различных времен. Это последнее направление, так называемая немецкая пневматология, или «учение о духах», имеет для нас здесь особенный интерес, так как пневматологам принадлежит та бесспорная слава, что они впервые изложили учение, известное теперь под именем «спиритизм». Мы не хотим этим сказать, будто идеи американских спиритов представляют из себя лишь заимствования у немецких пневматологов. Вероятно, американцы не знали этих последних даже по имени. Тем не менее остается фактом, что учение, согласное с американским спиритизмом, было разработано европейскими учеными, по крайней мере, за два десятилетия до начала современного спиритического движения. Мы изложим в кратких чертах этот европейский спиритизм, или пневматологию. Так как, однако, мы зашли бы слишком далеко, если бы стали останавливаться на различии точек зрения у отдельных исследователей, то здесь будут упомянуты лишь те лица, воззрения которых существенным образом сходятся с воззрениями современных спиритов.

Истинным теоретиком пневматологии был *Иог. Генрих Юнг-Штиллинг.*

Он родился в 1740 г. в Нассау, в семье одного бедного сельского учителя. Его дед и бабушка, у которых он воспитывался, были строгими пиетистами, что не мешало им, однако, отличаться суеверием, так что его фантазия с ранней юности была занята историями о предчувствиях, предзнаменованиях и нечистой силе. Он изучал медицину в Страсбурге и приобрел большую известность в качестве глазного врача; впоследствии он был профессором политических наук в Гейдельбергском университете. Умер он в 1817 г.

Юнг-Штиллинг написал множество мистико-религиозных сочинений и романов, которых мы не будем здесь рассматривать. В его «Теории духоведения» (Нюрнберг, 1808) дано связное изложение его учения о духах, так что мы можем исключительно держаться этого произведения. В существенном автор держится здесь точки зрения Сведенборга. Но это произведение приобретает особый интерес от того, что оно содержит первую попытку объяснить отношение человека к миру духов с помощью гипнотизма. Движение, вызванное в 1779 г. Месмером, повлекло за собой более близкое знакомство с гипнотическими, или (как тогда выражались) месмерическими, или животно-магнетическими явлениями. Юнг-Штиллинг в качестве врача, конечно, хорошо был знаком с ними, а так как тогда думали, что, придя в глубочайшее гипнотическое состояние, в сомнамбулизм, человек может стать ясновидящим, то естественно было воспользоваться этим признанным фактом для объяснения ясновидения. Теория Юнг-Штиллинга потому достойна внимания, что она почти предвосхищает положения современного оккультизма. Человек состоит из тела, души, или нервного духа, и настоящего духа. Дух имеет божественное происхождение, его познавательная способность была бы безгранична, если бы нервный дух не связывал его с телом. Эта связь между телом и духом в значительной степени может быть устранена месмерическими приемами, благодаря чему познавательная способность сомнамбулов освобождается, они становятся ясновидящими в пространстве и во времени и могут даже получить дар духовидения. Когда дух живого человека вместе с нервным духом освобождается от тела, то он может являться другим людям в

весьма отдаленных местах; таким образом, сомнамбул может обратиться в двойника. В этом случае он становится видимым благодаря тому, что дух через посредство нервного духа привлекает к себе материю из окружающей его в данный момент обстановки и, таким образом, формирует для себя тело. Поэтому призрак может стать видимым сразу для многих. Здесь, очевидно, предвосхищены существенные пункты объяснения современных материализаций. То же самое найдем мы и относительно большинства других спиритических явлений и теорий, если поближе познакомимся с сочинениями Юнг-Штиллинга. Мы не будем, однако, останавливаться на них, так как в противном случае предстоящее нам далее изложение современного спиритизма оказалось бы лишь скучным повторением. Между тем спиритическая теория и практика нашего времени, бесспорно, могут претендовать на наше преимущественное внимание, так как они получили такое распространение и значение, каких никогда не было у старой пневматологии.

Рис. 52. Блаженство детей. (Из сочинения Юнг-Штиллинга «Приключения после смерти»).

В одном отношении европейский спиритизм имел ценные результаты: он пробудил интерес к старым формам суеверия, еще сохранившегося в народе, и вызвал усердные заботы, направленные на собирание соответствующих сведений. Так как для понимания суеверия прежде всего необходимо, чтобы человек был знаком с самими суеверными представлениями, то подобные сборники материала имеют, очевидно, немалую научную ценность. Величайшая заслуга в этом отношении принадлежит проповеднику Георгу Конраду Горсту (1767—1838). Его «Демономагия» (Франкфурт, 1818) является первой попыткой написать историю процессов ведьм. В своей «Волшебной библиотеке» (1821—1826) он дал точное воспроизведение множества старых книг и рукописей, посвященных различным областям суеверия и волшебства. В этом сборнике он обратил внимание на то, что ясновидение отнюдь не представляет чего-либо необыкновенного и встречается не только у исторически известных ясновидцев, но что существуют целые племена, напр. горные шотландцы, у которых оно принадлежит почти к повседневным явлениям. Затем он собрал в своей «Девтероскопии» (изд. в 1830 г.) множество сообщений об исполнившихся предсказаниях. Здесь он проявил очень критическое отношение к делу, постоянно стараясь добыть необходимый материал для суждения о достоверности ясновидца, о котором идет речь. Благодаря этому «Девтероскопия» Горста стала образцовым произведением, которое уступает лишь некоторым английским работам подобного рода, появившимся за последние годы. Он отказывается давать какое-либо объяснение многим замечательным случаям; он постоянно повторяет: «Как это объяснить? — Не знаю». Точно также мы не находим у него никакой систематизации материала, да она, конечно, была бы

и весьма затруднительна. Тем не менее автор обращает внимание на существенное различие между такими видениями и снами, которыми предвещается наступившее впоследствии событие, и той гораздо более обычной группой их, когда на такое событие дается лишь символический намек. Примером первого рода могут служить предсказания Сведенборга. Впрочем, оба рода ясновидения могут встречаться наряду друг с другом в одной и той же семье и даже у одного и того же лица.

Для ближайшего пояснения этих явлений я приведу здесь из книги Горста несколько наиболее удостоверенных историй. Они имели место в одной фленсбургской семье Лизиусов, где в каждом поколении имелось по нескольку ясновидящих. Самый выдающийся член этой семьи, Генрих Лизиус, умерший в середине прошлого столетия профессором теологии в Кенигсберге, был ревностным противником веры в ведьм, восставал против их преследования и таким образом, по-видимому, был для своего времени мало суеверным. Этот человек сам отличался ясновидением. Он составил свод видений, бывших в его семье. Его бабушка, Анна Ланг, видела однажды спускающуюся по улице великолепную похоронную процессию, которую она описала во всех подробностях. Описание это могло указывать лишь на похороны какого-нибудь дворянина, между тем таковых совершенно не было на почтовом дворе, откуда, по ее словам, вышла процессия. Но два дня спустя вне стен Фленсбурга произошла дуэль между двумя голштинскими дворянами. Один из них, смертельно раненный, был принесен на почтовый двор и здесь умер; отсюда же последовало и его погребение, притом именно в таком виде, как то заранее было изображено в мельчайших подробностях Анной Ланг. Этот случай иллюстрирует нам прямое предвидение будущего события. Когда старая бабушка захворала, ее кровать поставили в гостиной, чтобы легче можно было ходить за ней. Однажды вечером Лизиус, побывав у нее, хотел возвратиться в свой кабинет. Тогда он увидел перед дверью гостиной гроб, который был поставлен таким образом, как его обыкновенно ставят при парадной постели. Но он стоял на самом неудобном месте во всем доме, загораживая две наиболее нужные для прохода двери. Лизиус тотчас позвал свою старшую сестру (которая тоже была ясновидящей) и спросил ее, не видит ли она и мертвеца. Она испугалась, побледнела и вышла, ничего не ответив. Вскоре после этого бабушка умерла. В день же погребения, в отсутствие и без ведома Лизиуса, гроб был поставлен как раз на том месте, где он его видел раньше, что особенно удивительно именно ввиду того, что место это было выбрано крайне неудачно.

Старинные известия упоминают, как нечто общеизвестное среди горных шотландцев, что в некоторых семьях ясновидение передается по наследству и что лицо, имеющее какое-нибудь видение, может передавать его другому путем простого прикосновения. Это мы видим и из приведенных историй. Бабка и оба внука, а также их мать — все обладают ясновидением; сестра же имеет одинаковое видение с братом, как это довольно ясно доказывает ее смущение.

В качестве примера *символического сна* можно привести другой факт из жизни Лизиуса. Он был по делам в Копенгагене и лежал однажды вечером на кровати с балдахином, повернувшись лицом к стене. В последнем письме, полученном им из дома, сообщалось, что все обстоит там благополучно. Вдруг в комнате сделалось совершенно светло, и он увидел, что по занавеси кровати скользит тень какого-то человека. «В то же время,— пишет Лизиус,— у меня в уме явилась настойчивая мысль, совершенно как если бы кто-нибудь громко сказал мне: «Umbra matris tuae (это тень твоей матери)». Он немедленно исследовал комнату, но не нашел ничего, чем можно было бы объяснить явление. С ближайшей почтой он получил известие, что мать его умерла как раз в тот вечер, когда он имел это видение.

В данном случае смерть матери указана легко понятным символом; в большинстве же подобного рода историй символы настолько причудливы и фантастичны, что поистине нужен немалый произвол, чтобы отыскать в видении даже какое бы то ни было значение. Из богатого сборника Горста я возьму лишь один подобный пример, подлинность которого, как говорят, удостоверена также весьма надежными свидетелями. Одна молодая знатная дама возвратилась совершенно здоровой из гостей домой и легла спать. Когда она раздевалась, то в спальне находились ее компаньонка и ее горничная. Затем компаньонка спустилась по лестнице в свою комнату; на лестнице она увидела свою хозяйку, которая шла к ней навстречу, но не раздетая, как она ее оставила, а в том платье, в каком та ездила в гости. Молодая дама сильно испугалась и села на свою кровать бледная и трепещущая. Вскоре к ней вошла горничная и спросила, что с ней. Компаньонка отвечала: «Я видела...» В то же мгновение горничная воскликнула: «Да, я тоже видела...» Обе они имели одинаковое видение, которое в тот же самый вечер рассказали мужу своей барыни. Последний, конечно, позаботился о том, чтобы жена его ничего об этом не знала, но в ту же ночь она захворала, а восемь дней спустя умерла.

Здесь все-таки представляется весьма сомнительным, правда ли, что обе женщины имели одно и то же видение; во всяком случае, у нас нет никакого ручательства за то, что ни одна из них не дополнила своего рассказа по рассказу другой. Но, помимо этого, случай этот не представляет ничего особенно замечательного. То обстоятельство, что они видели свою госпожу в выездном наряде, есть, конечно, крайне сомнительное предзнаменование смерти; саван был бы более ясным указанием. Вся эта история кажется случайным стечением различных обстоятельств, которых я не буду здесь разбирать подробнее; в последней части этой книги я дам более точную оценку подобного рода рассказам.

Как мы уже сказали, Горст не дает никаких объяснений этим явлениям; он сообщает только, что, по наблюдениям над шотландскими, а также и над другими ясновидящими, глаза их, пока продолжается видение, остаются широко открытыми и неподвижными и что люди в этом состоянии легко подвергаются обмороку, если они внезапно испытают сильное чувственное раздражение. Это указывает, по его мнению, на болезненное, сомнамбулическое состояние, в котором, быть может, и надо искать объяснения. Товарищ Горста, врач и философ Карл-Август фон-Эшенмайер, не обнаруживает, однако, такого трезвого взгляда на вещи. Он прямо утверждает, что эту способность к предчувствиям можно объяснить, лишь признав существование духов-хранителей, которые и вызывают у человека видение. В таком объяснении, Эшенмайер является предшественником современной спиритической теории. Но еще замечательнее, конечно, то, что он, профессор философии XIX столетия, не пошел дальше точки зрения наших древних германских предков: они таже объясняли все подобного рода видения с помощью духов-хранителей (Фильгъяр, сравни стр. 57).

ПРЕФОРСТСКАЯ ЯСНОВИДЯЩАЯ

Мы видели, каким образом Сведенборг развил учение о взаимном общении между миром людей и миром духов и каким образом пневматологи отнесли сюда также ясновидение и такое новое явление, как материализация духов. Этим, однако, далеко не исчерпываются все спиритические теории и опыты. Существует еще обширная группа физических явлений, которым спиритизм в значительной степени обязан своим чрезвычайным распространением и значением. Выше было уже упомянуто, что явления эти вполне были известны в Европе и в более отдаленное время: Горст мог бы собрать о них многочисленные сообщения в документах, относящихся к процессам против ведьм, если бы он не мог найти их в другом месте. Но пневматологам не было нужды довольствоваться историческими свидетельствами: в их исключительном распоряжении находился медиум, *Фридерика Гауффе*, урожденная *Ваннер*, которая, быть может, была самым выдающимся медиумом нашего столетия. Она обладала ясновидением как по отношению к будущему, так и по отношению к далекому расстоянию, постоянно имела общение с духами, говорила и писала как медиум и вызывала самостоятельные движения у всевозможных неодушевленных предметов, одним словом, это был универсальный медиум.

Она жила в течение двух лет у известного врача Андрея *Юстина Кернера* (1786—1862) в Вейнсберге. Кернер тщательно записывал те замечательные явления, которые происходили у него во время ее пребывания; сверх того, он производил с нею много опытов. Число «сеансов»,— употребляя это современное выражение,— простиралось, по его словам, до двух тысяч. Все, что он наблюдал при этом, собрано им в его большом произведении «Префорстская ясновидящая» (Штутгарт, 1829). Из этой удивительной книги мы заимствуем здесь сведения для краткого описания жизни и деятельности этой ясновидящей.

Фридерика Ваннер родилась в 1801 г. в маленьком горном селении Префорст в Виртемберге. Его обитатели, как и все горные жители, отличаются здоровьем: большинство их достигает глубокой старости, не испытав на своем веку никакой действительной болезни. Обычные в долинах болезни показываются здесь редко; напротив, нервные заболевания часто обнаруживаются уже с детства. Так, в окрестности Префорста дети подвержены эпидемической болезни, сходной с Виттовой пляской, которая постигает их всех одновременно. Фридерика Ваннер, бывшая, по-видимому, необыкновенно здоровым ребенком, не страдала этими нервными припадками. Тем не менее уединенность страны и отсутствие удовлетворяющего занятия привели к тому, что она рано замкнулась в себе и обнаружила склонность к задумчивости. Уже тогда она начала проявлять ясновидение, по крайней мере, в своих снах; когда же впоследствии она перешла в дом своих деда и бабки в Левенштейне, в полутора милях от Префорста, то ей стали показываться и привидения. Когда ей было около 17-ти лет, она вернулась в родительский дом, именно сначала в Префорст, а затем в Оберштенфельд, куда был перемещен ее отец, служивший лесничим. Во время продолжительной болезни ее родителей, потребовавшей от нее много забот и бессонных ночей, ее настроение принимало все более болезненную окраску; она все более углублялась в себя. В 1821 г. она вышла замуж за кирнбахского купца Гауффе, и с тех пор ее жизнь приняла совершенно иной характер. Кирнбах лежит в глубоко замкнутой горами долине; климатические условия были здесь другие по сравнению с теми, к каким она привыкла раньше. Гораздо хуже было, однако, то, что в качестве жены делового человека она была вынуждена вести большое хозяйство, тогда как прежде она знала лишь уединение. Поэтому она должна была делать над собой большие усилия, чтобы казаться веселой и предупредительной. Но ее хватило не более чем на семь месяцев такой жизни, и в начале 1822 г., после одного ночного сновидения, у нее случился сильный истерический припадок со страшными судорогами. Совершенно неправильное лечение

деревенских фельдшеров и знахарок еще более расстроило ее организм; напр., в течение короткого времени ей 32 раза пускали кровь. Так как это не привело ни к какому улучшению, тогда обратились, наконец, к настоящему врачу, который лечил ее внушением при помощи магнитного натирания. Это несколько помогло, хотя она далеко не излечилась.

В последующие четыре года ее жизни она попеременно пребывала то у себя на родине, то у своих родителей в Оберштенфельде, то на купании в Левенштейне. Во всех этих местах она лечилась у врачей магнетизмом и у различных шарлатанов — амулетами и симпатическими средствами. За эти же годы она имела двоих детей, старший из которых вскоре умер. Все это вызвало у нее постепенно усиливающееся психическое расстройство; она постоянно видела духов, а ее ясновидение развивалось все более и более. Об этом периоде Кернер рассказывает следующие подробности.

«За это время она чувствовала, что в течение семи дней, каждый вечер в семь часов, ее магнетизирует какой-то дух, видимый только ею. Магнетизация производилась тремя пальцами, которые дух раздвигал подобно лучам. Движение этих пальцев доходило по большей части только до подложечной ямки. Больная узнала в этом духе свою бабушку. Непонятен, но многими свидетелями удостоверен факт, что в течение этого времени вещи, дальнейшее прикосновение которых было ей вредно, были отбираемы у нее как бы какой-то невидимой рукой. Видели, как подобные предметы, напр. очень часто серебряная ложка, вынимались из ее руки и клались на довольно большом расстоянии от нее на тарелку, причем они не падали, как брошенные, а очень медленно двигались по воздуху, как будто какая-нибудь невидимая рука относила их туда, где им следовало быть».

Затем про нее рассказывается, что она проявляла в это время особенный дар ясновидения. В стекле и зеркалах она видела вещи, которые происходили в очень отдаленных местах. Так она весьма точно описала экипаж, сидящих в нем людей, цвет лошадей и т. д., а спустя полчаса подобный экипаж действительно проехал мимо дома. Несмотря на правильное медицинское лечение и кратковременные улучшения, ее состояние, в общем, не особенно поправилось, почему окружающие снова отказались от врачей и прибегли к шарлатанам самого низменного сорта. Когда же муж пожелал, чтобы она вернулась к нему, и действительно склонил ее к этому, то ее состояние стало еще хуже. К ее прежним болезням теперь присоединились еще кровотечение, скорбут и т. п. Снова обратились к врачам, и почти против воли Кернера было решено, что она отправится в Вейнсберг на его попечение. О ее состоянии в это время Кернер рассказывает:

«Госпожа Г. прибыла сюда 25 ноября 1826 г., имея вид мертвеца, совершенно обессиленная, неспособная вставать и ложиться. Каждые 3—4 минуты ей надо было давать ложку супа, который она часто не могла проглотить, а только брала в рот и затем выплевывала. Если же ей не давали супа, она впадала в обморок или столбняк. Ее десны сильно распухли от скорбута, постоянно кровоточили, ее зубы все выпали. Судороги и сомнамбулическое состояние сменялись лихорадкой, соединенной с ночными потами и кровавыми поносами. Каждый вечер в 7 часов она впадала в магнетический сон. Когда она впала в этот сон в первый вечер по прибытии, она потребовала меня, но я велел ей сказать, что теперь и в будущем буду говорить с ней только во время ее бодрствования.

Когда она проснулась, я отправился к ней и объяснил кратко и серьезно, что не придаю никакого значения тому, что она говорит во сне, что я совсем не желаю знать, что она тогда говорит и что ее сомнамбулизм, столь давно уже продолжающийся на горе ее родственникам, должен, наконец, прекратиться. К этим словам я прибавил еще несколько весьма строгих заявлений: моей целью было установить строгое психическое лечение и тем вызвать в ее мозгу возбуждение сильной воли, подавить преобладающее влияние ее брюшной системы».

Этот, конечно, вполне правильный план, совершенно, однако, не удался.

«Способ лечения, который я хотел применить, оказался слишком запоздавшим. Благодаря прежним магнетическим воздействиям различного рода ее нервная жизнь приняла необычайное, извращенное направление; у нее не было уже жизни, которая исходила бы от силы органов; она не могла жить уже иначе, как заимствованной жизнью, нервной силой других, магнетическими влияниями, как, очевидно, она и жила уже долгое время... Она была погружена в столь глубокую сомнамбулическую жизнь, что — как это достоверно стало известно лишь впоследствии — она никогда не находилась в бодрственном состоянии, даже когда она и казалась находящейся в нем».

Поэтому Кернер увидел себя вынужденным прибегнуть к новому гипнотическому лечению, лишь бы сохранить в ней жизнь. Так как лечение это применялось регулярно и велось столь искусным врачом, как Кернер, то силы пациентки постепенно возвращались, а медиумические явления стали удивительно часты и сильны. Мы не будем останавливаться здесь на таких фактах, какие известны нам уже о Сведенборге: появлениях духов и предсказаниях, которые были точно контролируемы и, по утверждению Кернера, всегда сбывались. Большой интерес представляет для нас медиумическая деятельность госпожи Гауффе в другом отношении. Уже выше было приведено несколько примеров замечательных физических явлений, имевших место в ее присутствии. Нечто подобное случилось и в доме Кернера; вот что он рассказывает:

«Вечером в 7 часов 6 октября 1827 г., когда я и несколько других лиц находились в комнате у госпожи Г., вдруг дверь передней сама собой отворилась и опять закрылась. Мы немедленно посмотрели туда, но нигде не оказалось человека, который мог бы сделать это. Вскоре в воздухе комнаты, где мы находились, вполне явственно послышались настоящие металлические, довольно мелодичные звуки, продолжавшиеся несколько минут, причем, однако, не было заметно никакого видимого явления. 7 октября, в половине 12 утра, в воздухе комнаты снова раздались подобные же звуки, и госпожа Г. скоро увидала дух какой-то женщины, прошедшей мимо открытой двери, которая вела из передней в ее комнату».

Госпожа Г. играла также выдающуюся роль и в качестве врачующего медиума. В сомнамбулическом состоянии она указывала, что должно случиться не только с ней, но и другими лицами, спрашивавшими ее совета. Во многих случаях она ни разу не видела этих лиц, а только слышала описание их состояния. Кернер приводит много примеров в высшей степени мистических врачеваний, примененных по указанию ясновидящей и действительно приведших к желанному результату. Так как она рекомендовала почти исключительно амулеты, то нетрудно видеть, в чем в этих случаях заключалась тайна целебной силы.

Современные пишущие и говорящие медиумы пользуются только такими языками, которые или продолжают еще существовать, или существовали раньше. Правда, они часто предпочитают делать свои сообщения на языке, который неизвестен ни им, ни их окружающим, но все-таки этот язык всегда выдается за какой-либо из живых или мертвых. Префорстская прорицательница значительно опередила в этом отношении своих теперешних коллег: она писала и говорила обыкновенно такими выражениями, которые она называла своим «внутренним языком», утверждая о нем, что это особый язык духов. Кернер вполне серьезно замечает:

«Языковеды на самом деле открывали в этом языке некоторые слова, сходные с коптскими, арабскими и еврейскими. Так, для обозначения руки она употребляла выражение «бьят». Но «би» или лучше «пи» есть в коптском, древнеегипетском языке член определенный: «Ять» слово еврейское и значит «рука». То же самое, по-видимому, имеет место и по отношению к выражению «пи ёги», «овцы».

Слова эти, как оказывается, она употребляла вполне последовательно, так что окружающие ее стали в конце концов понимать, что именно она разумела под ними. Она и писала на этом языке, пользуясь для этого не обыкновенными буквами, а тоже своими собственными, особыми знаками. Знаки эти все-таки хоть отчасти были составлены из букв; одни и те же слова часто писались различным образом, так что только она одна могла читать их. К сожалению, Кернер так слепо верил тогда в нее, что, очевидно, совершенно не обратил внимания на то, однаково ли также читала она в разное время те же самые знаки. Мы имеем, конечно, полное основание относиться к этому с некоторым сомнением.

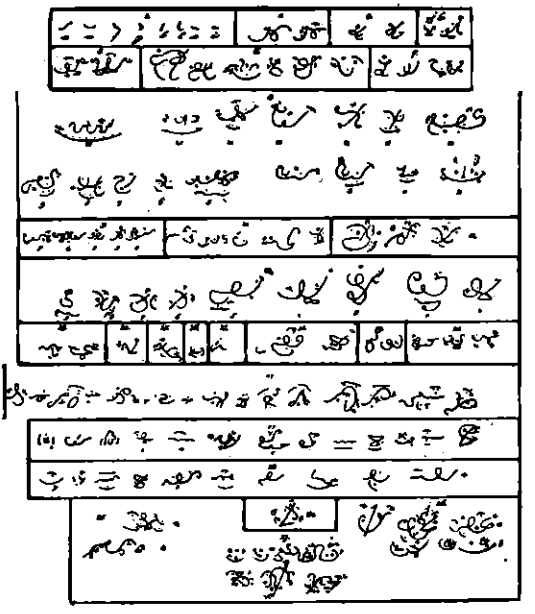


Рис. 53. Образчик письма префорстской ясновидящей.

Из всех многочисленных теоретико-мистических сведений относительно мирового порядка, сообщенных этой ясновидящей, заслуживает упоминания лишь одно, являющееся предвосхищением одной современной спиритической теории, предназначенной для объяснения физических проявлений медиумизма. Вот оно:

«При помощи нервного духа душа связана с телом, а тело с миром. Этот нервный дух уходит с душой после смерти и не подлежит уничтожению. Благодаря ему душа образует вокруг духа эфирную оболочку. После смерти он продолжает сохранять способность к росту, и через него именно духи промежуточного царства в связи с особым веществом, привлекаемым его силой из воздуха, вызывают звуки, которыми они могут давать знать о себе людям: через него также они в состоянии уничтожать в телах тяжесть, получая тем возможность двигать их с места или поднимать, бросать и т. д.; через него же могут они делать себя ощутимыми для человека. Человек, умирающий в совершенно чистом, блаженном состоянии, что, впрочем, случается лишь с немногими, не уносит с собою этого нервного духа. Блаженные духи, с которыми не связан такой нервный дух, не могут сделать себя слышимыми и не являются в виде привидений. Всего более способны делать это нечистые духи».

Современный спиритизм едва ли содержит хоть один факт или теорию, на которые не существовало бы ясных указаний в немецкой пневматологии, после того как эта последняя получила свое окончательное развитие у префорстской ясновидящей.

Возникновение спиритизма в Америке

АНДРЬЮ ДЖЕКСОН ДЭВИС

Андрью Джексон Дэвис, «Сведенборг нового света», как его не без основания назвали, родился 11 августа 1826 г. на маленькой ферме в Блуминг-Грове, в графстве Орендже нью-йоркского штата. Обстановка его жизни в родительском доме была крайне бедная. Отец его был починщик обуви, сильно любивший выпить, мать — очень религиозная и с тонко развитым чувством женщина, которая с большой нежностью оберегала слабого и непонятливого ребенка; она отличалась, однако, нервностью и была ясновидящей, так что молодой Дэвис имел дурную наследственность как с отцовской, так и с материнской стороны и был предрасположен к сомнамбулизму. Задатки эти получили сильное развитие благодаря тому, что ребенок постоянно находился под присмотром суеверной и экзальтированной матери; в этих условиях его фантазия и чувства постоянно получали новую пищу, тогда как другие его способности настолько отстали, что его можно было послать в школу лишь на десятом году. Но уже спустя год, прежде чем он успел усвоить первые начатки знания, его школьное обучение прекратилось. Затем он работал сначала на гипсовой мельнице, а затем у одного сельского лавочника, но оказался слишком слабым и неловким для этих занятий. Одна очень набожная вдова фермера взяла его тогда пастухом для своих овец. Приученный ею к ревностному изучению катехизиса и к церковным службам, он, вследствие вызванных этим религиозных размышлений, дошел до видений в сомнамбулическом состоянии. Восемь ночей подряд бродил он во сне и изобразил картину «райского сада», каким этот последний представился ему во сне. После многократной перемены своей карьеры он снова сделался купеческим учеником и получил теперь возможность возместить недостатки своего образования, посещая вечернюю школу. В это время, в конце 1843 г., в жизни Дэвиса случился большой переворот. Он попал в руки одного магнетизера, Левингстона, который в этом мальчике, с его ненормальными задатками, нашел отличного медиума для своих экспериментов; при таком воздействии эти задатки получили чрезвычайно быстрое развитие. В сомнамбулическом состоянии Дэвис имел видение за видением; особенно часты были его сношения с духами Галена и Сведенборга. Предметом его ясновидения за это время было преимущественно лечение больных; он сделался врачующим медиумом, указывая в сомнамбулическом состоянии как болезнь пациентов, так и средства против нее. В качестве такого медиума он несколько лет разъезжал по Америке вместе с Левингстоном и одним духовным лицом, Смитом; своим большим досугом он пользовался для усердного изучения медицинских и естественноисторических сочинений, мистических произведений Сведенборга и т. д.

В мае 1845 г. Дэвис имел ряд видений, в которых ему были даны «необычайные откровения» с приказанием обнародовать их для настоящего и будущего блага людей. Тогда он поселился в Нью-Йорке и продиктовал здесь в сомнамбулическом состоянии полную философию естество- и духоведения. Эта работа продолжалась два года, и результатом ее явилось первое и главнейшее произведение Дэвиса «The principles of nature, her divine revelations, and a voice to mankind» (Принципы природы, ее божественные откровения и голос к человечеству). Мысли, изложенные в этом удивительном сочинении, встретили себе много возражений, но и создали Дэвису толпу горячих приверженцев, распространивших новую философию по всей Америке.

Дэвис стал известным человеком. В 1850 г. он был приглашен в Стратфорд, чтобы высказать свое суждение относительно происшедших там историй с нечистой силой. Для выяснения их он написал свое собственно спиритическое произведение «The philosophy of spiritual intercourse» (Философия общения с духами). Он жил теперь частью тем, что совершал поездки и читал лекции о своей философии, частью тем, что редактировал различные спиритические журналы. Дальнейшую разработку своих основных мыслей дал он затем в громадном произведении «The great harmonia» (Великая гармония 1850—1860 гг., 6 больших томов). Он был женат три раза, и за одной из своих жен, несомненно, получил немалое приданое. Он написал еще разного рода другие сочинения, автобиографию «The magic staff» (Магический жезл) и различные книги о воспитании детей. В 1884 г. медицинская коллегия Соединенных Штатов признала его доктором медицины и антропологии. Год спустя он удалился для более спокойной жизни в Нью-Джерси, где, насколько мне известно, он продолжает жить еще и теперь.

Из многочисленных сочинений Дэвиса мы рассмотрим пока лишь первое, его «Principles of nature». Хотя книга эта стоит в более отдаленном отношении к тому, что собственно составляет наш предмет, однако уже здесь содержатся те основные мысли о состоянии души после смерти, из которых Дэвису для полного развития его спиритической системы оставалось лишь вывести следствие, что он и сделал потом в «Учении об общении с духами». Благодаря этой внутренней связи между обеими книгами учение, которое проповедуется в «Принципах природы», сделалось для многих спиритов религиозной, а отчасти и социальной программой. Огромное распространение рассматриваемой нами книги — в пятьдесят лет она выдержала около сорока многочисленных изданий — показывает также, что она играет выдающуюся роль в духовной жизни современной Америки. Во всяком случае, дальнейшая история спиритизма не может быть понята без знакомства с этой книгой.

Дэвис был совершенно невежественным человеком, когда он писал свое главное произведение. Везде, где дело идет о положительных астрономических, геологических или исторических сведениях, он делает самые непростительные промахи. Поэтому для сколько-нибудь образованного человека

составляет истинную пытку преодолеть первые части этой книги. Но третья часть «a voice to man kind», посвященная социальным отношениям нашего времени, захватывает интерес читателя, который начинает понимать смысл книги: здесь сказывается глубокое сострадание сына пролетариев к своим обездоленным товарищам, несчастное положение которых он слишком хорошо знает по собственному опыту. Где Дэвис говорит об этих отношениях, там он возвышается до истинного красноречия.

«Бедные люди — это те, желания которых остаются без исполнения. Таково их жалкое положение, и их существование совершенно ни во что не ставится. Это те, на которых лежит весь гнет и страдания данного поколения, и в силу своего невежества они вынуждены оставаться в подобном положении. Они не могут с трогательным красноречием изобразить порок и нищету, которые царят среди них; они не могут освободиться от оков, которые держат их и притягивают к земле. Они не могут ни уйти из темницы сектантства, ни поднять своего голоса против множества бесчеловечных приемов, против них направленных. Бедные занимают низшую ступень в обществе и потому своими неустанными трудами несут лежащее на них великое бремя мира. У них нет средств высвободиться из-под него и идти вперед для самих себя, ибо все преграждает их движение и мешает их подъему...»

Рис. 54. Андрью Джексон Дэвис.

Все это произведение Дэвиса оказывается теперь задуманным, с тем чтобы утешить пасынков общества, показать им, что прогресс действительно возможен, что бедность не есть *необходимое* зло. Но здесь он наталкивается на главное затруднение: господствующая религия защищает противоположную точку зрения, утверждая, будто бедность, вообще, нельзя искоренить. Сначала надо устранить этот камень преткновения, и для этого Дэвис приступает к делу с основательностью, гораздо более напоминающей немца, чем американца. Он пишет полную космологию.

Он начинает свою книгу изложением развития мировых тел из первичного тумана, а затем переходит к геологическим формациям земли и к возникновению и развитию жизни растений и животных. Вторая часть посвящена первобытной истории человеческого рода, где, естественно, особое внимание обращено на происхождение религий, а между ними, главным образом, на библейское учение, которое разобрано весьма тщательно. Библию Дэвис знает, очевидно, в совершенстве, но хладнокровие, с каким он искажает исторические «факты», когда дело идет о доказательстве мифологического характера религий, не имеет, конечно, себе другого примера.

«Причина, побудившая меня обратить особое внимание на «библейскую историю», заключается в том, что ее существование вызвало в свете чудовищные примеры невежества, суеверия и ложных представлений. На этом основании я показал, что некоторые из ее частей есть компендии, или выдержки, из восточной мифологии — иудейской, египетской и персидской поэзии — и из произведений самой блестящей фантазии сведущих духов. Много благородных и просвещенных лиц представлено именно теми страницами ее, где сила мысли и богатство фантазии вызывают в нас наиболее глубокое почтение и удивление. Многие встречающиеся здесь аллегорические и символические картины необычайно прекрасны и допускают в высшей степени блестящее и великолепное объяснение. Но мир усматривает в этой истории более божественности, чем на какую она *сама* претендует, и, таким образом, облекает все в одеяние мрачности и непроницаемого мистицизма или тайны, которое насилует суждение и выбивает способности духа из их естественного состояния и способа их деятельности».

Среди догматов христианства ему в особенности ненавистны первородный грех, искупление и вечное осуждение.

«Учение о первородном грехе изображает человека одаренным первоначально чистотою как в телесном, так и в духовном отношении, цветом Божьего творения; оно приписывает человеку почти все свойства небесного существа. В то время как человек жил такою жизнью, он был подвергнут столь обольстительным искушениям, что оказался неспособным противиться им. Но какое противоре-

чие — приписывать Божеству создание человека и в то же время думать, будто Бог, одарив человека всем чистым и добрым, отказал ему, однако, в способности противиться искушению. Неприлично приписывать Божеству пагубный план, имеющий целью сделать человека несчастным на все время, а быть может, даже на вечность,— план, который простирается даже на неродившиеся еще поколения за целые тысячелетия. Таким образом, первородный грех предполагает большую и в высшей степени неправедную хулу на мудрость и любовь Творца».

«Признают, что Христос был назначен служить средством для доставления человеку возможности избежать вечного осуждения. Такое воззрение очень приближается к теологии первых обитателей земли. Но неправда,— можно даже сказать, что в подобном утверждении нет ни капли здравого смысла,— будто Христос явился для того, чтобы искупить вину, совершенную человечеством». «Не мешает также отметить, что вера в вечное осуждение достигает своего высшего процветания там, где царят глупость, невежество и суеверие. Не менее достойно внимания и то, что этот ужасный и неправедный догмат теряет свою силу в той же степени, в какой человеческий дух отбрасывает предвзятые мнения и становится разумным. Догмат этот возник из мрака, он порождает мрак и сам по себе отличается столь необычайной мрачностью, что не может приблизиться к чистому, яркому свету, окружающему трон просвещенного разума. Люди, на самом деле, были прельщены верить в океан вечного огня, находящего себе горючий материал в отверженных и осужденных душах, страдания которых якобы служат для умножения славы и величия божественного духа! На самом деле проповедуется, будто дух этот создал пылающую пропасть и будто от него исходят огненные стрелы, которыми кара всемогущего низвергает человека в ужасную муку!»

В противоположность к этому мрачному учению Дэвис рисует лучшие картины загробной жизни. В большом лирическом излиянии, достойном истинного пророка, Дэвис дает изображение жизни духов и их непрестанного прогресса в «другой сфере».

Недостаток места не позволяет мне, к сожалению, целиком привести этот большой отдел, отрывок же из него мог бы дать лишь недостаточное представление о том действительно возвышенном, пророческом тоне, в каком говорит здесь Дэвис. Его мысли очень близки к мыслям Сведенборга, с тем только различием, что Сведенборг признает еще существование ада для духов, не желающих идти вперед, по Дэвису же невозможно ни состояние покоя, ни движение назад: все души идут вперед все к большему совершенству.

Понятно, что взгляд Дэвиса на духовенство не отличается особенной симпатией. Но в его нападениях нет грубости, он всегда остается гуманным человеком, который сильнее своих противников сожалеет об их заблуждениях и говорит о них не без остроумия.

«Духовные лица находятся в крайне несчастном положении. Они заслуживают симпатий всего света, но их занятие должно бы быть изменено как только можно скорее. Их влияние должно бы быть направлено более на истину, чем на невежество, более на доброжелательство, чем на стеснение, более на свет, чем на мрак, более на природу, чем на книгу, более на Бога, чем на черта, который в настоящее время представляет из себя одну из самых важных личностей, служивших для поддержки и охраны их колеблющихся систем против натиска естественной нравственности и человеческой разумности».

Таким образом, религиозный отдел книги имеет полемическую приправу в часто встречающихся здесь выходках против тех религий, которые осуждают большую часть человечества на безысходную бедность на земле и на еще более печальную участь за гробом.

Дэвис, напротив, как мы уже видели, признает уделом индивидов прогрессивное развитие в будущей жизни, да и на земле, непрестанное движение к более сносному положению. Мы живем в состоянии несовершенства, но подобно тому как небесные тела со своими правильными движениями развились из хаоса, так и человеческое общество переходит от неустроенного состояния к состоянию более устроенному.

НЕЧИСТАЯ СИЛА В ГАЙДСВИЛЕ И В СТРАТФОРДЕ

Мы коснемся теперь происшествия, которое собственно и послужило поводом ко всему спиритическому движению.

В маленьком селе Гайдсвиле, в графстве Вайне, один человек был разбужен ночью стуком в его дверь. При открытии двери никого, однако, не оказалось. Но едва он снова лег в постель, как опять раздался стук, и, несмотря на многократное повторение этого явления, он не мог раскрыть его причины. Спустя некоторое время его маленькая дочь с криком проснулась в полночь и рассказала, что у нее по лицу прошла какая-то холодная рука. Тем дело и кончилось, пока через восемнадцать месяцев в этот дом не переехал один уважаемый методист, Фокс, с женой и тремя дочерьми. В феврале 1848 г.,

однажды вечером, когда дети были уложены спать, снова начался своеобразный стук. Одна из девочек, шутя, начала щелкать пальцами, и стук продолжался в такт этим звукам. Девочка закричала: «Считай теперь один, два, три, четыре» и т. д.; перед каждым числом она хлопала в ладоши. Неведомое существо выстукивало столько же ударов. Тогда госпожа Фокс предложила ему счесть до десяти, после чего послышалось десять ударов. Потом она спросила о возрасте детей, и для каждого из них было получено соответствующее число ударов. После этого она спросила, человеческое ли существо производит такой стук, но не получила никакого ответа. На ее вопрос, не дух ли это, и на просьбу, в случае утвердительного ответа постучать два раза, последовало два удара. Она продолжала свои вопросы далее и узнала, что разговаривающий с ней дух был на земле лавочником, жил в этом самом доме, здесь был убит и зарыт в погреб. Впоследствии, при осмотре погреба, действительно нашли там скелет. Факт этот обратил на себя внимание соседей, которые в большом количестве сходились сюда, чтобы слышать странный стук, который с тех пор не переставал повторяться; никто не мог открыть его причину. Семья Фоксов была признана одержимой дьяволом и исключена из методистской церкви; вскоре она уехала в город Рочестер.

Здесь у них снова начался стук и по-прежнему обратил на себя внимание. Так как он происходил лишь в присутствии детей, то вполне естественно стали думать, что это именно они производят каким-нибудь образом подобные звуки.

Поэтому была назначена комиссия из самых уважаемых лиц в городе, с поручением исследовать дело. Она тщательно принялась за это, поставила детей босиком на подушки и удостоверилась в том, что у них нет никакого предмета, которым они могли бы производить стук. Несмотря на такие меры предосторожности, стук продолжал слышаться на полу и на стенах, причина же его все-таки оставалась скрытой. По вечерам к семье Фоксов стало приходить много народа, чтобы слушать этот подозрительный стук; собирались обыкновенно вокруг довольно большого стола, и звуки, казалось, исходили от него. Таким образом, был открыт стук столов, а вскоре и движение стола, столоверчение. Многие лица открыли тогда, что такие звуки и движения могут возникать по соседству и с ними, тогда как у других людей этого никогда не замечалось. Таким образом, была, следовательно, установлена особая способность — медиумизм.

Тогда сначала в Рочестере, а затем в соседних городах стали читаться публичные лекции, посвященные этим замечательным явлениям. Благодаря этому дело стало известно в более широких кругах: повсюду стали экспериментировать со столами, и в короткое время движение это распространилось по всей Америке и перешло затем в Европу. Как оно развивалось здесь дальше, это мы увидим впоследствии; теперь же мы скажем лишь о его положении в Америке. Немного, конечно, потребовалось времени для открытия того, что духи могут делать и еще кое-что, кроме простого стучания ножками стола. На спиритических сеансах стали наблюдаться всякого рода удивительные явления, особенно когда собирались вокруг стола в темном помещении. Предметы, которых никто не касался, приходили в движение; музыкальные инструменты сами собой играли целые мелодии; медиумы начинали говорить и делать сообщения о вещах, которых они совершенно не могли знать,— все это указывало, что здесь замешаны высшие разумные существа. Нет нужды входить в ближайшее рассмотрение этих первых слабых зачатков, так как впоследствии мы будем поодиночке разбирать наиболее своеобразные медиумические явления и тогда, насколько это будет возможно, подробнее остановимся на историческом развитии каждого из них. Так как все эти факты были совершенно непонятны, то они побуждали ученых к ближайшему исследованию их. Подобное исследование действительно было произведено весьма уважаемым американским юристом Эдмондсом и профессором химии Гэром (Hare). О их наиболее интересных изысканиях мы поговорим впоследствии, здесь же достаточно будет указать тот факт, что оба они примкнули к спиритическому учению, как к единственно возможному объяснению. В то же время, однако, поднялись с различных сторон и весьма серьезные возражения против их выводов. Один американский гипнотизер, Додс, ясно показал во всех описаниях Эдмондса такую неопределенность и ненадежность, которые не дают никакого ручательства за то, что наблюдавшиеся им факты не являются результатом обмана со стороны медиумов в связи с известными гипнотическими явлениями. Таким образом, американским ученым не удалось поставить медиумические явления вне всякого сомнения.

Едва прекратился стук в Рочестере, как в другом американском городе, Стратфорде, начались подобные же истории еще более важного свойства. Факт этот заслуживает особого интереса потому, что он дал приглашенному туда

Дэвису повод разработать всю теорию о сношении духов с людьми, как мы находим ее в настоящее время, хотя и с небольшими видоизменениями, у всех настоящих спиритов.

Происшествие это случилось в доме проповедника д-ра теологии Фельпса, началось оно, как и в Гайдсвиле, стуком и движениями. Сверх того, различные предметы непонятным образом падали в комнатах, и даже когда запирались двери, это не мешало им поднимать своеобразную возню. Видели, как один стул поднялся с пола и пять или шесть раз опускался на него с такой силой, что весь дом сотрясался и даже соседи чувствовали эти удары. Большой металлический канделябр, стоявший на камине, был поставлен невидимой силой на пол и до тех пор ударялся о него, пока не сломался. В одной из комнат появлялись фигуры, образованные из одежды, какая находилась в доме; одежда эта располагалась таким образом, что получалось подобие людей. Всего чаще явления эти были связаны с личностью молодого одиннадцатилетнего Гарри Фельпса. Нечистая сила различным образом мучила его: то разрывала его одежду, то бросала его в колодец, а однажды он был даже связан и привешен к дереву. Впоследствии начались всякого рода разрушения: в доме разбивались окна и стеклянная посуда; вырывались листы из записных книг д-ра Фельпса, лежавших в запертом письменном столе; наконец, в нем вспыхнул даже огонь, так что сгорело множество писем и рукописей. После того как при таких обстоятельствах прошло года два, решились наконец вступить с враждебными силами в переговоры по способу, указанному семьей Фоксов, и тогда эти беспокойства мало-помалу прекратились.

Между тем, как уже упомянуто, дом этот посетил Дэвис, который был свидетелем указанных явлений. Нельзя, конечно, было ожидать, чтобы сомнамбул Дэвис, сам имевший частое общение с духами, проявил разумное понимание подобных вещей. Поэтому он пришел к тому же результату, как и другие: бесчинство духов было причиной явлений в Стратфорде, в Гайдсвиле и везде, где стучали столы. Для объяснения того, почему и как производили духи эти явления, он написал свою весьма странную книгу «Philosophy of spiritual intercourse». Здесь он сообщает различные, не лишенные значения, сведения о своих наблюдениях в Стратфорде. Прежде всего он указывает на то, что мальчик Гарри обладает весьма нервной организацией; затем он говорит: «Родители постоянно во всех случаях принимали показания мальчика за буквально истинные, я же заметил, что он часто, находясь в известном духовном возбуждении, был не в состоянии различать между явлениями, которые вызвал он сам, и явлениями, которые вызывались каким-либо присутствующим духом». Наконец он замечает: «Относительно несчастных случаев, имевших здесь место, я слышал, как их приводили в качестве доказательства сатанинского воздействия, но мне удалось открыть, что некоторые из них производились мальчиком в шутку, а другие — непростительно злонамеренными лицами, совершенно чуждыми этой семье».

Нельзя отрицать, что уже эти слова несколько уменьшают загадочность дела. Становится даже весьма вероятным, что явления эти утратили бы весь свой таинственный характер, если бы при них присутствовал человек, который не был бы, подобно Дэвису, заранее склонен верить в духов, а был бы несколько знаком с прежней историей подобных наваждений в Европе.

СПИРИТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ДЭВИСА

Когда Дэвис подпал возрастающему влиянию спиритических идей, то ему, как знаменитому ясновидцу, естественно, должно было прийти в голову написать теорию спиритизма. Его книга об «общении с духами» в высшей степени наивна и, подобно «принципам природы», обличает в авторе недостаток основательных исторических и естественноисторических познаний. Так, напр., он совсем ничего не знает о том, что явления, подобные происходившим в Гайдсвиле и Стратфорде, уже сотни раз наблюдались раньше в Европе; для него они представляются чем-то совершенно новым.

«Во все времена, несомненно, существовали отдельные, в высшей степени слабые, темные указания на невидимые духовные силы: некоторые индивиды, а также различные секты получали указания, считавшиеся откровениями относительно невидимого и таинственного мира. Но никогда раньше человечеству не было дано столь ясных, связных и бесспорных доказательств существования и влияния духов, как в этом столетии. Причиной же этому служит то, что люди вообще, за немногими лишь исключениями, никогда не осмеливались прежде обращать свой разум на таинственные и сверхъестественные происшествия. Всякая попытка со стороны духа обнаружить свое действительное существование и свое назначение постоянно отклонялась уничтожающим скептицизмом или фанатическим суеверием... Но теперь настало время, когда два мира, духовный и естественный, подготовлены к тому, чтобы встретиться и обняться на почве духовной свободы и прогресса».

Не одни люди, однако, виноваты в том, что до сих пор не могло установиться правильное сообщение между двумя мирами,— в этом виноваты отчасти и духи, которые только теперь открыли средства для такого сообщения и привели методы в систему. Это объясняется тем, что все духи по своему происхождению есть человеческие души, которые не становятся совершенными тотчас после смерти.

«Совершенно ошибочно думают многие люди, будто души тотчас же получают почти безграничное знание, как только они вступают в новую жизнь. В высших сферах духи преуспевают в любви и мудрости совершенно так же, как на этом свете человек обогащает свое знание научными и философскими сведениями».

Более того, совершенствование духов всегда бывает односторонним: большинство из них развивается обыкновенно лишь в том направлении, в каком они преимущественно действовали здесь на земле.

«Многие духи достигают большого совершенства именно в той истине или науке, к которой они чувствуют наибольшую симпатию и наибольший интерес, тогда как в других истинах и науках они могут оставаться сравнительно непросвещенными».

При таких обстоятельствах, прежде чем могли начаться правильные сношения, должны были сперва явиться духи с определенными интересами, и духи эти должны были сделать известные открытия. Но теперь способ для таких сношений найден, именно благодаря знаменитому соотечественнику Дэвиса Веньямину Франклину, открывшему великий «принцип пантеи», или метод электрических колебаний.

Дэвис следующим образом рассказывает об этом открытии, приводя подлинные слова Франклина, слышанные им во время долгой беседы с этим передовым духом.

«При исследовании многочисленных проявлений, в которых сказалось присутствие духов у многоразличных сект и племен земли, я заметил, что обитатели земли никогда не имели правильного понятия о великом всеобщем принципе аномального общения с духами, хотя эти последние и дают о себе знать время от времени. Согласно с великой неисчерпаемой любовью, какую я чувствую к научным исследованиям и изысканиям, я постоянно,— со спокойной и пламенной радостью,— шел в этом познании все далее и далее, прослеживая принципы пантеи, или электричества, до их бесчисленных сплетений и различных видоизменений. Я созерцал могущественное действие этого элемента в великой нервной системе природы, его переход от созвездия к созвездию, от планеты к планете, его далекие и мощные полеты от обитателей высших кругов второй сферы до населения самых отдаленных миров; и во всех его далеких полетах и многоразличных действиях я признал Бога. Эти дивные и поглощающие душу наблюдения были сделаны также индивидами, далеко превосходящими меня по своим умственным способностям и открытиям, хотя эти духи еще не занимались применением принципов пантеи в качестве средства для установления сношений с обитателями земли».

Подобными вещами наполнена вся книга Дэвиса, который имеет смелость эту нелепую бессмыслицу выдавать своим читателям за слово духа Франклина. В заключение Франклин и его друзья по загробному миру открывают, как они с помощью принципа пантеи, или «божественного элемента», приводят в движение земные предметы и, таким образом, могут сноситься с людьми. Они делают опыты в различных местах земли, и им удается там и сям вызвать некоторые слабые звуки, «особенно же в Рочестере,— где оказались необходимые для этого условия,— дали мы о себе первые вести, которые до известной степени обратили на себя внимание света и заинтересовали скептический рассудок. Мы радовались благоприятному исходу наших опытов, в особенности когда мы видели, что вызванные нами звуки обратили на себя внимание многих, которые начали исследовать их происхождение и повод; но мы все-таки не могли помешать частым недоразумениям. Вследствие раздражения и незнания духовных причин многие лица придавали данным указаниям совершенно ложное значение; таким образом, возникли многие неверные суждения и мнения, которые до сих пор остаются неисправленными. Не могли мы также помешать тому, чтобы люди не прибегали к почти точному подражанию нашим вибрациям, причем иногда получались изречения, противоречащие указаниям, какие мы давали медиумам, и несогласные с условиями, которые отмечены нами как пригодные для сношения при помощи звуков».

Тут Дэвис должен, к сожалению, согласиться, что «аномальное общение при помощи принципа пантеи» не дало особенно блестящих результатов. «Правда, все сведения, полученные до сих пор через электрические колебания, не могут, по-видимому, удовлетворить просвещенного человека. Ответы совершенно не связаны между собой и крайне лаконичны; часто они оказывались совсем ненадежными, а сплошь и рядом даже лишенными всякого значения. Сообщения тривиальны и указывают, в сравнении с обычными разговорами между людьми, на столь низкое умственное развитие, что многие серьезные люди сомневаются в том, чтобы, вообще, когда-нибудь можно было получить посредством духов ценные сведения; на том же основании скептики объявляют, что звуки эти просто-напросто производятся людьми именно с целью ввести в обман. Общее впечатление таково, что мир духов должен был бы указывать более достойные и возвышенные истины».

Причину, почему до сих пор были получены такие крайне жалкие результаты, Дэвис видит в том, что ни духи, ни люди не умеют надлежащим образом пользоваться новым открытием. «Духи не всегда могут объяснить людям дело со всех сторон, особенно же применяя несовершенный, медленный и скучный метод электрических звуков. Но так как духи не безошибочны, не всемогущи и в то же время принуждены сообразоваться с условиями нового метода, которым они не вполне владеют, то не всегда можно полагаться на число ударов, долженствующих передать ту или другую мысль». Благодаря этому часто возникают недоразумения; иногда духи даже противоречат сами себе. «Противоречия эти надо приписать обширному классу симпатических духов, куда относятся духи, которые хотя и покинули землю, но все-таки не вполне освободились от прочных уз и отношений, связывающих их с людьми. Вследствие этого когда они приближаются к кружку собравшихся друзей, чтобы вступить с ними в сношение, то ими до такой степени овладевает господствующий здесь порядок мыслей, что они соглашаются почти со всем, что стал бы утверждать спрашивающий. В доказательство справедливости этого мнения я мог бы привести сотни примеров, когда духи, делавшие сообщения посредством звуков, прежде говорили то, чему впоследствии противоречили самым решительным образом. К ним обращаются с теологическими вопросами: в одном собрании и при известных обстоятельствах получаются ответы, вполне совпадающие с господствующими воззрениями этого кружка; в другом же собрании и при совершенно иных влияниях данные прежде ответы видоизменяются, так что совпадают с главными воззрениями нового кружка».

Всего прискорбнее при этом, по словам Дэвиса, то обстоятельство, что такого рода сообщения делаются от имени какого-нибудь апостола или другого высокого духа. «Но я имею возможность ответить здесь на вопрос, который, вполне естественно, возникает у читателя, именно: каким образом столь развитой дух, как, напр., св. Павел, может ставить свои ответы в такую зависимость от желаний членов кружка. Я весьма тщательно исследовал этот вопрос и путем критического внутреннего обзора прошлых явлений открыл, что ни один из упомянутых кружков не имел дела с действительным апостолом Павлом или с кем-нибудь из его славных товарищей. В замен того я нахожу, что какой-либо умерший друг или родственник одного или нескольких из присутствующих вступил в симпатическое общение с собранием и отвечал на его вопросы... И подобно тому как во внешнем мире люди могут повиноваться чужому руководству и зависеть от окружающей обстановки и влияния отдельных лиц, так и во внутреннем мире существует разряд неразвитых духов, которые, сносясь с каким-нибудь кружком при помощи звуков, подпадают под влияние положительных представлений его членов. Эти духи, преуспевшие больше в божественной любви, чем в мудрости, легко подчиняются такому влиянию и начинают чувствовать как раз то, что чувствует и думает большинство лиц в кружке». Поэтому когда во время сеанса задается вопрос о присутствии того или другого высокого духа, то такой симпатический дух отвечает «да», так как он руководствуется желаниями присутствующих и сообразуется с ними в своем ответе. Таким путем члены кружка получают подтверждение всех своих воззрений: духи просто только поддакивают им.

«Согласно господствующим теперь верованиям многие мыслящие люди придерживаются того мнения, что обязательно должны существовать злые духи, входящие в общение с людьми под ложным именем и выражающие согласие с такими положениями и мыслями, о которых у них нет ясного представления, благодаря чему они вводят людей в заблуждение и противоречат себе самим. Но я имею право удостоверить своих читателей, что все дело может обойтись и без признания наличия злых или хотя бы только невежественных духов. Есть дружественные, любящие и восприимчивые духи, которые чувствуют себя увлеченными общением с оставшимися в живых родственниками и друзьями и которые под властью своих симпатических чувств соглашаются со всем, о чем их спрашивают».

Произведение Дэвиса содержит еще другие дикие фантазии, напр., об освобождении души от тела смертью, об устройстве мира духов, об «утонченном» электричестве, с помощью которого духи приводят в движение столы, и т. д. Все это посторонние вещи, которые не имеют значения для понимания спиритизма и потому могут быть здесь опущены.

Дальнейшее распространение спиритизма

ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СПИРИТИЗМА

Из Америки спиритизм быстро перешел в Европу и повсюду возбудил величайшее внимание. В начале пятидесятых годов им занимались все, и у него были миллионы ревностных приверженцев. При ближайшем рассмотрении перед нами выступает в высшей степени замечательное явление. Совершенно невежественный сомнамбул-американец и несколько детей вызвали движение, которое распространилось не только в отечестве «шарлатанства» (humbug), но и во всем цивилизованном мире. И движение это не исчезает с такой же быстротой, как оно возникло; напротив, теперь, полстолетия спустя, оно распространеннее и жизнеспособнее, чем когда-либо прежде. Но даже если бы мы пошли так далеко, чтобы приписать

победу спиритизма тому, что он истина, чего я, конечно, отнюдь не думаю, то это все-таки не уяснило бы дела. Ведь спиритизм не есть какая-либо новая истина: в то время когда родился Дэвис, он существовал уже, вполне развившись во всем своем теперешнем виде. Немецкие пневматологи изложили это учение яснее, чище и с большей глубиной и основательностью, чем могли сделать это неученые американцы. Почему же спиритизм не распространялся уже в первой четверти нашего столетия, когда он был представлен рядом талантливых, высоко уважаемых людей? Учение Дэвиса о духах, поскольку оно идет далее того, что находится в соответствующих книгах Юнг-Штиллинга, Эшенмайера и Кернера, есть собственно одна галиматья; почему же удалось обратить на себя внимание ему, а не им, когда они предлагали эту так называемую истину? Чтобы понять это, мы должны обратить внимание на тонкие различия, существующие между американским спиритизмом и немецкой пневматологией. Здесь особенно бросаются в глаза два отклонения, которых уже достаточно, чтоб объяснить все явление: 1) американцы открыли столоверчение, а немцы его не знали; 2) американский спиритизм, несмотря на свой ложнонаучный покрой, имеет ясно выраженный религиозный отпечаток, немецкая же пневматология, несмотря на то что она тесно примыкает к христианству, была философской системой. В этих двух фактах и лежит, несомненно, тайна распространения спиритизма, почему мы и рассмотрим каждый из них несколько подробнее.

Столоверчение, бесспорно, послужило поводом, почему спиритизм, вообще, стал известен в более широких кругах. Удивительное утверждение, что стол должен приходить в движение от того, что около него располагается круг людей, спокойно держащих на нем свои руки, необходимо было обратить на себя внимание. Явление это такого рода, что все могли испытать его, так как единственный необходимый для этого снаряд, стол, имелся везде. Известный факт — о нем помнят еще многие из живущих теперь людей,— что в первые годы после 1850 г. во всей Европе свирепствовала настоящая эпидемия столоверчения. Приводить столы в движение было тогда прямо общественной игрой, которую все хотели испробовать, а интерес к ней затих лишь тогда, когда все убедились в том, что явление это может быть вызвано без труда. Конечно, не всякий, забавлявшийся столоверчением, становился верующим спиритом. В газетах и брошюрах ученые указывали более или менее правильные объяснения интересующего всех факта; карикатуры забавлялись над ними в летучих листках. Но именно столоверчение, как над ним ни насмехались и как его ни карикатурили, очевидно, способствовало распространению известности того учения, с которым оно теснейшим образом было связано. Таким образом, столоверчение было несомненной причиной того, что спиритизм, вообще, стал известен.

Но познакомиться с учением и принять его — это, конечно, две вещи, весьма различные. Тот факт, что спиритизм нашел себе приверженцев, основывается уже на втором из названных обстоятельств, на его религиозном характере.

По мнению самих спиритов, высказываемому чуть не на каждой странице их периодических журналов, успех спиритизма происходит, главным образом, от того, что он является справедливым и живым протестом против естественнонаучного материализма, который до сих пор господствовал над всем нашим мышлением, но от которого люди уже успели утомиться. Утверждение это столь же поверхностно, как и ложно, подобно большинству суждений, выставляемых спиритами. Прежде всего естественнонаучный материализм уже давно прекратил свое существование. Правда, в середине этого столетия материалистические идеи приобрели себе на короткое время большую популярность, имея своими представителями таких людей, как Фогт, Молешотт и Бюхнер, но этот период их процветания напоминает скорее вспышку пламени перед его угасанием. Уже в 1857 г. Ф. А. Ланге в своей «Истории материализма» настолько основательно показал полную несостоятельность грубого материализма, что с той поры этот последний не овладевает уже умами, да в данное время едва ли может овладевать

ими. Если бы какой-либо ученый стал теперь утверждать, что все явления можно объяснить с помощью только материи и ее сил, то он доказал бы этим лишь свое незнакомство с самыми элементарными философскими понятиями. Насколько мне известно, за последнее поколение материализм не имел даже ни одного представителя, имя которого пользовалось бы авторитетом в ученом мире. Таким образом, утверждение, будто материалистические идеи слишком долгое время были единственно господствующими, лишено всякого основания, а следовательно, совершенно несостоятельна также и та мысль, будто люди утомились ими и потому стали искать спасения в спиритизме. Философский спор по поводу материализма, происходивший в середине этого столетия, возбудил, конечно, внимание и всех ученых кругов, но все это движение продолжалось так недолго, что не оставило никаких следов в сознании народа. Книга Бюхнера «Сила и материя», самое популярное из материалистических сочинений, уже давно забыта и если еще читается, то, конечно, только философами. Таким образом, объяснение спиритов относительно успеха, какой, бесспорно, достался им на долю, настолько поверхностно и несостоятельно, что оно становится даже совершенно бессмысленным, если брать его в отдельности само по себе. Но оно становится понятным, если его рассматривать в связи с несметным количеством насмешек и ругательств, какими спириты осыпают естествоиспытателей за то, что те совершенно игнорируют спиритическое учение. С этой точки зрения выражение «естественнонаучный материализм», подобно столь многим другим выражениям, становится просто бранным словом; его не надо принимать в строго философском смысле, а оно обозначает лишь науку, которая не дает у себя места духам. А по понятиям спирита, само собой разумеется, нет ничего более прискорбного, как если его духи оставляются без всякого применения.

Но мы охотно оставим теперь в стороне, быть может, и благонамеренные, но неудачные нападки спиритов и исследуем значение религиозного характера спиритизма. Выше мы уже видели, что сущность учения Дэвиса заключается в следующем: «Противоположности между добром и злом нет; можно говорить лишь о большем или меньшем совершенстве. Несовершенное развивается и постепенно становится совершенным. Следовательно, не существует и злых духов: все они, даже самые низшие, станут в конце концов совершенными, блаженными». Или коротко и ясно: вечного осуждения не существует. Далее мы увидим, что это положение, будучи развито на почве католицизма *Алланом Кардеком*, составляет основной пункт французского спиритизма. Учение Кардека о перевоплощении имеет своей целью как раз доказать то, что все духи могут стать блаженными. Это, конечно, не случайность, что два человека, стоящие на столь различной религиозной основе, как Дэвис и Кардек, пришли к одному и тому же результату. В действительности, оба они хотели подорвать именно учение о вечном осуждении: на это сознательно направлены их системы. Вместе с этим легко становится понятен и значительный успех спиритизма. Для массы народа он является прямо религией, как и всякая другая, и к нему прибегают за тем, чтобы высвободиться из-под церковного догмата, не гармонирующего с гуманным представлением нашего времени об оправдании и возмездии. Поэтому и в будущем спиритизм будет находить себе все новых приверженцев и делать дальнейшие успехи.

Я, впрочем, отнюдь не утверждаю, будто успех спиритизма зависел исключительно от религиозных интересов. Многие замечательные явления, имевшие место в присутствии медиумов, также, конечно, способствовали тому, что люди, не могущие подыскать для них никакого другого объяснения, обратились к вере в духов. Утверждение, что сами факты должны были убедить людей в существовании особого мира, далеко, конечно, не имеет той силы, как обыкновенно думают: «факты» эти чрезвычайно редки. Среди тысячи спиритов едва ли не найдется один, который бы собственными глазами видел что-либо такое, что действительно могло бы убедить его в воздействии духов, если бы он заранее уже не имел веры в них.

Явления, происходящие в частных спиритических кружках, обыкновенно бывают настолько ничтожны, что не могут ни одного разумного человека побудить к тому, чтоб он усмотрел в них участие духов. Надо заранее уже верить в них, чтобы находить подтверждение этой веры в том, что случается на частных сеансах. Такая вера, естественно, может возникать,— и она во многих случаях действительно так возникла,— благодаря тому, что человек читает сообщения о гораздо более замечательных явлениях, чем какие он пережил сам. Если эти удивительные явления, по утверждению лиц их наблюдавших, могут быть объяснены лишь действием духов, то этим самым указывается, что духи врываются в человеческий мир. Отсюда, конечно, уже очень недалеко до того, чтобы признавать участие духов и при менее замечательных явлениях.

Как уже указано, не подлежит сомнению, что многие именно таким путем сделались верующими спиритами. Но в этом нельзя видеть достаточного объяснения успехов спиритизма: многие люди науки с течением времени исследовали медиумические явления и признали их подлинность, но, за исключением Уоллеса и, быть может, Цёльнера, ни один из них, обладающий каким-либо значением, не примкнул к спиритизму. Это скорее оккультисты, т. е. они принимают, что подобные явления вызываются какой-то до сих пор еще неизвестной, «скрытой» (occulta) естественной силой. Большое количество ученых сходятся в таком объяснении; впоследствии мы возвратимся к ним и их опытам. Почему же спириты не хотят принять это более естественное объяснение? Почему они приписывают все милым для них духам? Одним словом, почему спиритизм не уступает места оккультизму?

Ответ на это ясен для всякого, кто сам не спирит. Сопротивление естественному объяснению может быть вызвано только религиозным интересом. За веру в духов потому крепко держатся, что только духи могут дать достоверные указания относительно будущей жизни. Можно бы думать, что для спиритов должно быть совершенно безразлично, как объясняет наука медиумические явления, раз только она допускает их существование. Однако это для них становится уже не безразличным. Человеку, который мало учился по книгам, не приходит в голову оспаривать физика, когда тот объясняет движения маятника; он спокойно соглашается, что физик лучше знает это дело. Но тот же человек руками и ногами борется против всякого естественного объяснения гораздо более трудных медиумических явлений. Почему он не допускает, что психологи и физиологи должны больше понимать в этом, чем он? Тут возможно лишь одно объяснение: он прежде всего хлопочет о том, чтобы получить гарантию в правильности так называемых сообщений со стороны духов. А такой гарантии у него не окажется, если он должен перестать верить в то, что сообщения эти действительно идут от духов.

Итак, у большинства людей вера в спиритизм имеет чисто религиозный характер. Кто чувствует потребность в самостоятельном мышлении, но не может вполне отрешиться от веры, основанной на какого-либо рода авторитете, тот находит себе в спиритизме могущественную поддержку. Духи всегда предписывают ему такие религиозные положения, которые отвечают его религиозной потребности; этим он достигает двойной выгоды: он находит религию, в которой нуждается, и эта религия гарантируется ему сверхъестественным путем, через откровения. Поэтому-то спиритизм делает все большие захваты и имеет за собой будущность.

Теперь я изложу в кратких словах развитие спиритизма в Европе, причем у меня будет случай с большей потребностью остановиться на различных частностях, которые пока высказаны в качестве простых утверждений. Сначала мы отдельно рассмотрим французский спиритизм, затем общий ход развития этого учения в Европе и, наконец, сделаем детальный разбор популярно-спиритических сеансов.

ФРАНЦУЗСКИЙ СПИРИТИЗМ

Франция была той европейской страной, где спиритизм нашел себе первых приверженцев и впервые стал распространяться. Уже в 1849 г., по почину одной возвратившейся из Америки дамы, здесь образовались различные спиритические кружки, которые собирались вокруг столов и с помощью их получали сообщения от духов. Во Франции же появился в 1851 г. и старейший спиритический журнал «La table parlante» (Говорящий стол). Уже это заглавие показывает нам, что столоверчение было самым известным изо всех медиумических явлений и что ему именно более всего обязан спиритизм всеобщим вниманием. Почти в то же время, в начале пятидесятых годов, возникла также богатая литература из специальных спиритических произведений, которые рассматривали отчасти с практической, отчасти с теоретической точки зрения как мир духов, так и медиумизм и столоверчение. Мы не можем подробнее касаться этих произведений и их авторов. Большинство их давно уже забыты и вытеснены сочинениями человека, которого надо считать истинным творцом французского спиритизма, именно — *Ривэля*, по прозванию *Аллан Кардек*. Он, впрочем, много пользовался сочинениями своих предшественников, заимствуя оттуда подходящий материал, так что при рассмотрении его деятельности мы вместе с тем получаем обзор тогдашних спиритических воззрений во Франции.

Рис. 55. Аллан Кардек.

Ипполит Денизар Ривэль родился в 1804 г. в Лионе и получил воспитание у знаменитого педагога Песталоцци. Впоследствии он изучал право, медицину и языки; говорят, он был знаком со всеми европейскими языками, за исключением русского. В 1850 г. он поступил в один спиритический кружок, оперировавший с одним из лучших медиумов Целиною Яфет. Ривэль скоро убедился в том, что Целина, действительно, находится в общении с духами, и тогда предложил ей целый ряд вопросов относительно духов и их жизни. Она отвечала ему в сомнамбулическом состоянии, частью письменно, частью вдохновенными речами. Все, что им было узнано через Целину и другую сомнамбулу, госпожу Бодэн, Ривэль собрал в своей знаменитой книге «Livre des Esprits» (Книга духов. Париж, 1858). Так как Ривэль, прежде чем сделаться спиритом, был ревностным сторонником веры в предсуществование и переселение душ, то нет ничего удивительного в том, что сообщения духов во всем подтверждали это учение, так что оно образует основной пункт «Книги духов». Книга эта была издана под псевдонимом Аллана Кардека, так как, по заявлению духов, таково было имя Ривэля при одном из его прежних существований.

«Книга духов» стала своего рода библией для всех спиритов в романских землях. Она рассматривает всевозможные вопросы относительно Бога и человеческой души как в том ее состоянии, когда она связана с телом, так и в том, когда она освобождается от него, т. е. становится духом. Основные положения всего этого учения Кардек издал в небольшой книжке «Qu'est-ce-que le spiritisme?» (Что такое спиритизм? Париж, 1859). Достаточно будет привести отсюда несколько цитат, чтобы наметить пункты, имеющие для нас наибольший интерес. Особенное внимание обращаем мы на религиозную сторону его учения.

«Если бы возможно было заставить всех разумных людей высказаться, на основании их сокровеннейших мыслей, относительно вечного наказания, то мы скоро бы увидали, в какую сторону склоняется большинство их. В самом деле, представление о вечной каре есть очевидное отрицание неисчерпаемого милосердия Божия. Спиритизм может объяснить и возникновение этого верования. Нам приходится иногда иметь дело со страдающими и несчастными духами, которые, вследствие ограниченности своих понятий и своего знания, не ведают того момента, когда должны прекратиться

их мучения. Они подавлены тем убеждением, что мучения эти будут продолжаться вечно, и в этом заключается отчасти их наказание. Впрочем, для продолжительности наказания низших духов не существует никаких определенных границ. Путь к улучшению всегда открыт для них, но путь этот может быть далек, а так как они, как мы уже имели возможность видеть, часто подвергаются подобным мучениям в течение многих веков, то у них есть основание думать, что мучение это должно быть вечным.

«Спиритизм не признает существования дьяволов в обычном значении этого слова, но, конечно, допускает, что есть злые духи, которые причиняют много зла, пробуждая дурные желания и мысли. Вместе с тем спиритизм учит, однако, что эти духи не созданы специально для того, чтобы делать зло, и что они не осуждены на вечное подчинение силе зла, что они — не отбросы творения и не палачи человечества, но что это несовершенные и недоступные для добра духи, улучшение которых Бог предоставил будущему. С этим согласуется учение Оригена о том, что дьявол в конце концов исправится, откуда следует исправление злых духов, чем и отвергается учение о вечной каре».

В качестве пути, который всех духов в конце концов приводит к блаженству, Кардек принимает *возрождение*. Однако его учение отличается от древних представлений о переселении душ тем, что, по его положительному утверждению, человеческая душа может поселиться опять лишь в человеческом теле, тогда как, по мнению древних, для ее временного пребывания могли служить и животные. Учение Кардека может быть вкратце передано в следующих положениях:

«Духи становятся чище и благороднее, благодаря тем испытаниям, которым они подвергаются в земной жизни. Но так как эта жизнь, в сравнении с безграничной продолжительностью духовной жизни, есть лишь мгновение, то *одного* пребывания в этой жизни не могло бы быть достаточно для полного очищения духа; поэтому дух столько раз покидает земную жизнь и снова в нее возвращается, сколько это необходимо для достижения такой цели. Число земных существований, через которые должен пройти каждый отдельный дух, остается неопределенным. Дух, прошедший все возрождения, нужные для его очищения, более им не подвергается. Тогда он становится чистым духом и наслаждается высшим блаженством вечной жизни. При каждом перевоплощении дух приобретает все большие познания и опытность, которые споспешествуют его облагорожению. Таким образом, возрождение есть средство, предоставленное духу для того, чтобы он постепенно мог преуспевать в облагораживании. То, что дух приобретает во время земного существования по части знаний и нравственности, никогда уже им не утрачивается».

После этих образчиков Кардековского спиритизма не может оставаться никакого сомнения в том, что все его учение по своей сущности имеет источником религиозные интересы. Сверх того, оно также особенно пригодно для того, чтобы служить для объяснения различных медиумических явлений. Эта сторона спиритизма трактуется Кардеком в его втором главном произведении «Le livre des médiums» (Книга медиумов. Париж, 1861). В этом весьма объемистом труде дается изложение всех медиумических явлений, которые были известны в то время. Всего интереснее кажется мне тот отдел, где говорится о различных видах медиумов. Здесь мы, несомненно, имеем первую попытку их классификации. Особенно сильным логиком Кардек, очевидно, не был.

Его подразделение медиумов проводится с двух различных точек зрения, которые он, однако, перемешивает, принимая в расчет то состояние медиумов, то их действия. При этом получаются следующие разряды: физические медиумы, вызывающие звуки и движения неодушевленных предметов; чувствительные (сензитивные) медиумы, ощущающие присутствие духов; слышащие, которые слышат духов, и видящие, которые их видят. Говорящие медиумы есть те, через посредство которых духи дают о себе знать путем слов, пишущие — те, с помощью которых духи делают письменные сообщения. Затем имеются еще медиумы-сомнамбулы, которые могут действовать лишь в сомнамбулическом состоянии, и врачующие медиумы, сообщающие диагнозы и предписания духов по отношению к болезненным явлениям.

Во всем этом делении всего страннее то, что Кардек нигде, насколько я могу судить, не пытается объяснить, почему медиум обыкновенно принадлежит лишь к одному из этих разрядов. Можно бы думать, что пишущий медиум, с помощью которого духи приводят в движение карандаш, будет двигать также и другие не-

одушевленные предметы, следовательно, будет также физическим медиумом. Но это совершенно не так. Неясно даже и то, в чем собственно заключается назначение медиумов. Кардек, надо заметить, заимствовал из немецкой пневматологии положение, что духи имеют полуматериальную оболочку, нервный дух или, по его терминологии, перисприт. При телесной жизни перисприт соединяет дух с телом, после смерти же он следует за духом, благодаря чему последний получает возможность делать себя видимым или слышимым для медиума и воздействовать на земную материю. Но если дух с помощью перисприта может воздействовать на какой-либо предмет, напр. на стол, по соседству с которым нет никакого медиума, то для чего же вообще нужно тогда присутствие медиума? Это остается совершенной загадкой. Кардек, очевидно, прав, утверждая, что спиритизм есть несовершенная наука, так как много еще, конечно, нужно экспериментальных исследований и теоретических соображений, прежде чем дело станет несколько более ясным, хотя бы только в общих чертах.

СПИРИТИЗМ В ОСТАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Не только во Франции, но и в остальной Европе спиритизм тотчас по своем появлении привлек к себе большое внимание. Повсюду, особенно же в Германии, был написан целый ряд книг относительно замечательных спиритических явлений, главным образом относительно наиболее обычного и наиболее известного из них — стучания и говорения столов. Но ни один из многочисленных авторов, занимавшихся спиритизмом, не дал ему столь всестороннего изложения и не приобрел такого значения, как Аллан Кардек. Поэтому мы спокойно можем обойти молчанием этих многочисленных, совершенно или отчасти забытых авторов. Впрочем, в большинстве стран спиритическое движение, очевидно, скоро пришло к концу, за исключением Англии. Вероятно, частные спиритические кружки сохранили там и сям свое существование, правильно собираясь вокруг столов, чтобы пользоваться общением с дорогими умершими. Но особенно выдающегося медиума, который возбудил бы внимание в более широких кругах, нигде, по-видимому, не оказалось за первые двадцать лет после появления спиритизма, кроме Англии.

В Англии же интерес к спиритизму сохранил бóльшую живость, вероятно, вследствие более близкой связи с Америкой. Обе сестры Фокс, имя которых неразрывно связано с историей современного спиритизма, вышли замуж за англичан, а так как они сохраняли свои спиритические свойства в течение многих лет, то достаточно было уже их пребывания в Англии, чтобы движение пустило здесь прочные корни. Но, так как медиумы обыкновенно развиваются в таких кружках, где производятся спиритические опыты, то вполне естественно, что на английской почве постепенно возникало все больше хороших медиумов. Наконец, фактов накопилось столько, что ученые были вынуждены приступить к более тщательному расследованию дела; с этого момента, т. е. около 1870 г., можно считать начало современного оккультизма. Но еще раньше на сторону спиритизма стал известный выдающийся ученый, естествоиспытатель *Альфред Руссель Уоллэс*. В 1866 г. он издал маленькую книгу «The Scientific Aspect of the Supernatural» (Научная сторона сверхъестественного), где он, между прочим, приводит свои собственные опыты. Так как интересно видеть, что могли сделать хорошие медиумы того времени и что способствовало обращению столь скептической натуры, как Уоллэс, то я приведу здесь несколько из его замечательнейших наблюдений.

В кругу своей собственной семьи Уоллэсу удавалось вызывать лишь движения и стучащие звуки у столов. Он прямо говорит, что явления дальше этого не пошли; отсюда он заключает, что со стороны участников в опытах не было применено никакого обмана, так как нельзя думать, чтобы образованные люди стали забавляться постоянным повторением столь жалкого и ничего не выражающего обмана. В этом надо с ним, конечно, согласиться. Столоверчение и стучащие звуки не требуют для своего появления никакого «искусства», и, будь в деле замешан обман, конечно, имели бы место более замечательные явления. Но так как Уоллэс не был доволен тем, что ему удавалось видеть при таких об-

стоятельствах, когда была исключена возможность обмана, то в сентябре 1865 г. он начал посещать одного известного медиума, м-ра Маршаля в Лондоне. Здесь, конечно, возможность обмана была исключена как можно менее, и в результате ему удалось быть свидетелем множества чудес. Посмотрим некоторые из них.

Обычный способ, каким получались у м-ра Маршаля сообщения от духов, заключался в следующем. Тот, кому были нужны эти сообщения, указывал подряд на буквы напечатанного алфавита. При этом раздававшиеся удары отмечали те буквы, из которых складывался ответ. Таким путем быстро могли слагаться имена или целые предложения. И вот Уоллэс рассказывает, что однажды его сопровождали к Маршалю его сестра и еще одна дама, которые прежде никогда там не были. «Дама эта пожелала, чтобы из букв составилось имя одного ее умершего родственника, и начала, как обыкновенно, указывать буквы алфавита, причем я (Уоллэс) записывал буквы, отмеченные стуком. Первые буквы оказались у, г, п. «Это чистый вздор,— сказала дама,— всего лучше начнем сызнова». В ту же минуту вышло е, и так как, казалось мне, я понял, что это значит, то я заметил: «продолжайте, пожалуйста, я понимаю». В конце концов получился такой ряд букв: y r n e h k c o c f f e j. Дама все-таки не могла признать имен, пока я не написал их следующим образом: yrneh kcocffej, что действительно дало имя задуманного умершего, Henry jeffcock, только написанное в обратном порядке букв.

Рис. 56. Альфред Уоллэс.

В другом случае меня сопровождал один приехавший йз деревни друг, совершенно неизвестный медиуму и имя которого ни разу не было произнесено. После того как мы получили сообщение якобы от его умершего сына, под стол был положен кусок бумаги, и несколько минут спустя на нем оказалось написанным имя моего спутника. При этих опытах под столом, наверное, не находилось никакого механизма, так что остается лишь вопрос о том, не мог ли медиум снять сапоги, взять пальцами ноги бумагу и карандаш, написать имя, которое он сначала должен был угадать, и затем, наконец, вновь надеть сапоги, не снимая при всем этом рук со стола и ничем не выдавая своих усилий».

Когда Уоллэс, таким образом, был посвящен м-ром Маршалем в явления высшего спиритизма, он стал искать в кругу своих собственных знакомых такого медиума, который мог бы вызывать не одни только стуки. Ему и в самом деле удалось найти медиума-женщину, в присутствии которой были получены различные физические явления. Одно из них, которое он часто имел случай наблюдать, описано им следующим образом: «Мы стояли вокруг маленького рабочего стола, доска которого имела около 20 дюймов в диаметре, и держали все свои руки вблизи от центра, плотно сомкнувши их. Спустя немного времени стол совершил колебание с одной стороны на другую, как бы желая прийти в равновесие, поднимался в отвесном направлении на высоту 6—12 дюймов и часто держался, таким образом, в воздухе от пятнадцати до двадцати секунд. В это время один или двое из присутствующих могли ударять или нажимать его, так как он оказывал значительное сопротивление. Первое впечатление, какое при этом получается, естественно, будет то, что кто-нибудь поднимает стол ногой. Чтобы устранить такое предположение, я устроил цилиндр из испанского тростника и прутьев, обтянув его бечевкой. Стол ставили в этот цилиндр как в колодец, и так как высота цилиндра была около 18 дюймов, то он совершенно ограждал стол от ног и дамских платьев. Между тем это приспособление нисколько не устраняло движений стола вверх, а так как руки медиума, покоясь на плоскости стола, все время находились на виду у всех присутствующих, то ясно, что здесь должна была действовать та или другая новая и неизвестная сила».

Это последнее предположение можно считать ближайшим указанием на то, что Уоллэс, принимая в качестве причины рассматриваемых явлений некоторую неизвестную силу, стоял на точке зрения оккультизма; впоследствии же он решительно примкнул к спиритизму. В 1874 г. он много раз поручал фотографировать себя фотографу Гедсону в присутствии медиума м-ра Гёппа. На карточках вместе с ним появлялось более или менее явственное изображение его давно умершей матери. Он сам смотрел за всеми пластинками во время их проявления, и посторонний образ каждый раз

выступал в то мгновение, когда проявитель наливали на пластинку; его же собственное изображение становилось видным лишь около двадцати секунд спустя. Таким образом, не могло оставаться никакого сомнения в том, что действительно существуют духи, которые в состоянии вторгаться в земную жизнь и воздействовать на материю.

На подобную же точку зрения стал и известный немецкий астрофизик *Цёльнер*; для объяснения спиритических явлений он выставил теорию о «четырехмерных разумных существах», в которых, по его словам, заключается истинная причина медиумических явлений. Цёльнер явно приближается здесь к спиритизму, поскольку он усматривает в этих явлениях участие разумных существ, которые не являются людьми, но, с другой стороны, он расходится с грубым популярным спиритизмом в том, что характеризует эти существа как «четырехмерные». Это добавление показывает, что исходная точка Цёльнера заимствована из математических теорий относительно измерений пространства; известно к тому же, что, прежде чем приступить к спиритическим опытам, он много занимался этой отраслью математики. Хотя теория о четырехмерных существах в высшей степени фантастична, тем не менее она, бесспорно, есть правильный вывод из некоторых математических построений. И этот вывод был сделан Цёльнером, чтобы дать естественное объяснение спиритическим явлениям. Именно, если есть существа, созерцающие пространство в четырех измерениях, то, как показывает Цёльнер, они могут вызывать все спиритические явления, притом как раз только через посредство четвертого измерения пространства, без помощи каких-либо других естественных сил, кроме тех, какие до сих пор нам известны.

Таким образом, основная мысль Цёльнера заключается в том, чтобы объяснить спиритические явления естественным путем; а так как таково именно главное стремление оккультистов, то постольку же и он должен быть признан оккультистом. Но он отличается от других оккультистов тем, что делает весьма смелую попытку перенести в действительность некоторые математические абстракции. Другие оккультисты предпочитают более естественный выход, принимая наличность естественной силы, действия которой по временам обнаруживаются в медиумических явлениях, но закон которой мы пока еще не знаем. Ясно, однако, что гипотеза Цёльнера — будет ли она удачнее или неудачнее других, выставленных до сих пор объяснений — все-таки принадлежит к разряду оккультических исследований. Поэтому мы не будем здесь останавливаться долее на Цёльнере, впоследствии же в своем месте я подробно поговорю о его теориях и его многочисленных опытах, которые казались их подтверждением.

ПОПУЛЯРНЫЕ СПИРИТИЧЕСКИЕ СЕАНСЫ

Выдающиеся медиумы очень редки. Просматривая какой-нибудь из более значительных спиритических журналов, мы найдем, что за полстолетия, прошедшего со времени возникновения современного спиритизма, едва оказалось двадцать медиумов, которые возбудили такое внимание, что их имена стали известны в более широких кругах. Правда, число хороших медиумов несколько увеличится, если принять в расчет тех из них, которые никогда не выступают публично, принимая участие лишь в частных кружках. Но действенность таких частных медиумов, конечно, наблюдалась сравнительно только немногими — их друзьями и знакомыми, имевшими доступ в кружок. Поэтому с полной уверенностью можно утверждать, что из многих миллионов, примкнувших к спиритизму, лишь самой ничтожной частице удалось лично видеть более замечательные проявления медиумизма.

С другой стороны, несомненно, что на всей земле находятся тысячи спиритических кружков, которые правильно собираются на сеансы один или два раза в неделю. Что же происходит на этих сеансах? Так как хорошие медиумы крайне редки, а хороший медиум есть необходимое условие для получения хороших результатов, то на этих многочисленных сеансах не может происходить никаких

Рис. 57. Столоверчение.

особенно удивительных явлений. Но, с другой стороны, конечно, весьма интересно знать, чем занимаются участники этих собраний; при рассмотрении этого вопроса для нас выясняются многие существенные пункты. Прежде всего мы узнаем, чем должен довольствоваться обыкновенный спирит, какие явления известны ему по собственному опыту и какие факты служат к тому, чтоб укрепить в нем веру в духов. Тогда мы получим возможность резко отделить явления, которые наступают вследствие медиумической способности, имеющейся у большинства медиумов, от гораздо более редких явлений, которые предполагают особенное развитие медиумизма. Подобное различие, несомненно, имеет величайшую важность, если желательно распознать, что в конце концов лежит в основе медиумических явлений.

Дать точный отчет о том, что может вообще происходить в обыкновенных спиритических сеансах, есть вещь почти невозможная по самой природе дела. Так как

у медиумов существуют всевозможные ступени развития и так как каждый медиум может иметь свои «светлые мгновения», когда он дает более чем обыкновенно, то здесь нельзя провести никаких резких границ. Я нарочно заявляю это, чтобы какой-нибудь спирит не сделал мне упрека, что я не принял в расчет явлений, которые он, быть может, когда-либо видел или воображает, что видел. В последующем описании обыкновенных сеансов я касаюсь лишь тех явлений, которые, по моему мнению, надо считать средними, нормальными. Воззрение мое основывается на близком знакомстве со спиритической литературой и многолетнем участии в такого рода сеансах. Чтобы облегчить обзор этих явлений, я разделю их на три группы — на физические, физико-интеллектуальные и чисто интеллектуальные явления.

Физические явления. В сеансах, где духов заставляют обнаруживать свое присутствие посредством столов, сообщениям предшествует обыкновенно ряд порывистых и беспорядочных движений стола. Стол часто вертится и движется по полу с такой быстротой, что присутствующие лишь с трудом могут следовать за ним. Как только это движение началось, его легко могут поддерживать один или двое из участников сеанса, и даже достаточно одного медиума, чтобы проявить при этих обстоятельствах силу, которая, казалось бы, должна далеко превосходить силу одного человека. Так одна женщина-медиум без заметного напряжения может поддерживать движение стола даже в том случае, если на него садится взрослый, крепко сложенный мужчина. Я сам много раз клал тяжесть в пять килограммов на середину маленького, круглого стола, который поддерживался в сильном движении двумя женщинами-медиумами; несколько секунд спустя груз взлетал, как ракета, и падал далеко в комнате. Такое «столоверчение», вызываемое прикосновением рук участников, есть, насколько я могу судить, единственное физическое явление, какое получается при обыкновенных условиях. Как мы видели раньше, это было также единственным явлением, какое удавалось вызвать Уоллэсу, пока он не заручился содействием особенно развитого медиума. Вопрос о том, происходит ли на обыкновенных сеансах движение столов или других предметов без прикосновения рук, остается открытым. Правда, часто приходится слышать утверждение, что такое явление имело место, но у меня есть сильные основания сомневаться в этом. Именно я неоднократно в течение целых часов заседал с весьма хорошим медиумом и по всем правилам искусства старался привести в движение какой-нибудь предмет, над которым мы держали руки; но нам ни разу не удавалось даже по отношению к зажигательной спичке достичь того, чтоб она подвинулась хотя бы только на частичку миллиметра. Когда единственный раз медиумам показалось, будто стол слабо движется без прикосновения рук, то при ближайшем исследовании, к сожалению, выяснилось, что несколько пальцев все-таки с ним соприкасались. Отсюда можно с уверенностью утверждать, что для получения самостоятельных движений у неодушевленных предметов медиум должен обладать значительным развитием.

Физико-интеллектуальные явления. Когда стол утомится от своих круговых движений, тогда именно начинаются «стуки», которыми духи дают о себе знать. Сообщения от них могут получаться многими различными способами. Об одном методе мы упоминали уже раньше: он состоит в том, что спрашивающий указывает подряд буквы алфавита, а стук отмечает при этом буквы, из которых составится сообщение. При самом первоначальном, но более неудобном методе пользовались исключительно столом, который числом ударов прямо указывал место буквы в алфавите. Так, один удар обозначает «а», два удара — «б» и т. д. Если на какой-нибудь вопрос надо ответить при помощи «нет» или «да», то один удар обозначает «нет», три удара — «да», два же удара указывают на неопределенный характер ответа.

Вместо стола часто пользуются планшеткой. Это, собственно, не что иное, как маленький, треногий столик, на доску которого можно положить две руки. Ножки его имеют в длину всего несколько дюймов, две из них снабжены колесиками,

а третья — карандашом. Если поставить этот столик на лист бумаги и положить на него руки, то через небольшой промежуток времени он начнет двигаться, причем карандаш отмечает на бумаге ход этого движения. Под руками большинства людей сначала лишь получается, конечно, беспорядочная путаница штрихов, но достаточно некоторого упражнения, чтобы естественный медиумизм настолько развился, что начинают выходить буквы, слова и, наконец, целые предложения. Таким путем можно получать ответы на поставленные вопросы, и весьма часто сам медиум не знает того, что написали его руки. Мы сейчас рассмотрим обычный характер таких сообщений.

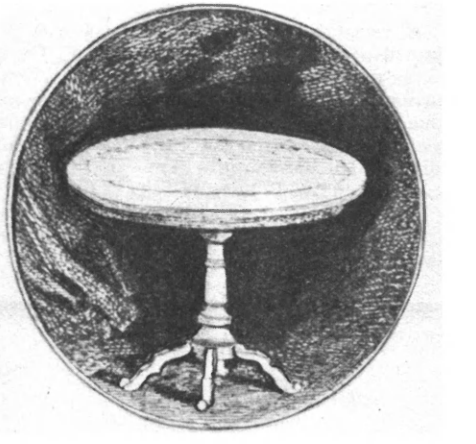


Рис. 58. Планшетка.

Чисто *интеллектуальные явления* отличаются от только что упомянутых лишь тем, что они не требуют для себя никакого особого физического снаряда. Явления эти состоят или в письме,или в речи, сообразно с чем медиумы делятся на пишущих и говорящих. Пишущие медиумы, конечно, нуждаются в каком-нибудь пишущем инструменте, напр. карандаше, с помощью которого духи получают возможность сообщать свои мысли; но, беря в руку этот инструмент, они не требуют уже никаких других особых вспомогательных средств — этим именно проявления их медиумизма отличаются от физико-интеллектуальных медиумических явлений. Легко убедиться, что при этих условиях для получения бессознательного письма требуется значительно большее развитие медиумизма. Лишь немногие люди в состоянии довольно долгое время удерживать в покое планшетку, когда на нее положены их руки; карандаш же обыкновенно не начинает писать, если его спокойно держать в руке. Различие это объясняется тем, что, когда рука должна скользить по куску бумаги, ей приходится преодолевать значительное сопротивление от трения; колесики же планшетки делают это сопротивление настолько ничтожным, что снаряд приходит в движение даже от самого легкого сотрясения. Настоящие пишущие и говорящие медиумы находятся обыкновенно, если не всегда, в своеобразном экстатическом состоянии транса. Такое состояние далеко не так часто у медиумов, которые делают сообщения через стук столов и тому подобные физические явления; отсюда следует, что для этого рода явлений достаточно меньшее развитие медиумизма. Дело в том, что если во время сеансов медиум впадает в состояние транса, то в этом склонны видеть признаки высокого развития его медиумической силы. Но, познакомившись с различными, более или менее развитыми медиумами, я пришел к тому заключению, что транс совсем не представляет из себя строго определенного состояния. Существуют, напротив, всевозможные степени его, и самые низшие из них часто бывает всего труднее констатировать. Надо, однако, признать, что действительные пишущие и говорящие медиумы обыкновенно проявляют более ясные признаки транса, чем упомянутые физические медиумы. Значение этой разницы будет ближе разобрано в последней части этой книги.

Теперь мы рассмотрим *обычный характер сообщений*, получаемых тем или другим способом, будет ли это через стук стола или через планшетку, через письмо

или речь. Во всех случаях я делаю строгое различие между тем, что я видел, и тем, что обыкновенно рассказывают. Именно тогда, как спиритические журналы полны известий о «сообщениях со стороны духов», которые, если только они вообще верны, могут быть объяснены лишь вмешательством высших сил, я лично был настолько несчастлив, что никогда не испытывал ничего подобного. В моем присутствии никогда не получалось ясных ответов на какой-либо вопрос, если, по крайней мере, хоть один из участников сеанса не мог сам отвечать на него. При этом медиумы никогда не могли дать более того, что не превышало их познаний или степень их образования. И все-таки могут получаться вещи весьма замечательные; я приведу ряд разнообразных примеров.

В течение довольно долгого времени я экспериментировал с тремя женщинами-медиумами, двумя финками и немкой, госпожой Г. Последняя уехала. В следующий за тем сеанс обе финки сели за планшетку и спросили: «Думает ли госпожа Г. о нас?» Ответ, написанный большими отчетливыми буквами, гласил: «infidele» (изменница). Такой ответ возбудил в медиумах большую печаль, и они спросили тогда: «Почему она изменница?» Ответ: «amour et autre amitie» (любовь и другая дружба). Тогда вмешался я и спросил: «Почему ты говоришь по-французски?» В ответ получилось: «Paris» (Париж). Когда я вслух прочел это слово, медиумы вдруг вспомнили: «Ах да! Около этого времени госпожа Г. должна быть в Париже». Ни одна из них не думала об этом раньше, во всяком случае, таково было их заявление, и я считаю его вполне вероятным. Ведь даже если б они думали об этом, у них все же не было никакого основания давать ответы на французском языке; родной язык их самих или госпожи Г. все-таки был бы уместнее, а обе дамы свободно говорили и писали на всех трех языках.

Рис. 59.

Один медиум-мужчина, живо интересовавшийся политикой, сидя на сеансе 20 марта 1893 г. у планшетки рядом с одной из вышеупомянутых женщин, задал вопрос: «Получим ли мы в этом году финансовый закон?» Ответ воспроизведен в натуральную величину на приложенной фигуре. Пусть читатель решает, обозначает ли он «ja» (да) или «nei» (по-датски — нет). По гениальной двусмысленности этот графический фокус не уступает, как кажется, знаменитым изречениям греческих оракулов.

Нет нужды долго работать с медиумами, принадлежавшими к различным классам общества, чтобы открыть, что то же самое различие, которое можно заметить в их повседневной жизни, обнаруживается также и в проявлениях их медиумизма.

Приведу несколько примеров из моего собственного опыта. В одном довольно большом спиритическом кружке, состоявшем исключительно из лиц более бедного городского класса, действовали два отличных медиума, женщины. В сеансах принимали участие как мужья, так и жены, но один из значительнейших членов кружка всегда являлся без жены, так как она пришла к убеждению, что сообщения духов представляют обыкновенно бессмыслицу, и потому не хотела присутствовать на собраниях. Этот взгляд, несомненно, делающий большую честь ее здравому смыслу, естественно, должен был раздражать духов, которые через различных медиумов обращались к ее мужу с длинными речами и писаниями, чтобы он внушил ей более правильные воззрения. Однажды на сеансе, на котором присутствовал и я, одним из медиумов овладел дух В., выдававший себя за дочь упомянутых сейчас супругов; под влиянием этого духа медиум сначала обратился с длинной речью к отцу, а затем написал письмо к матери. Письмо это, во всяком случае, не дошло по своему назначению, так как я его взял себе. Оно занимает две странички листа, из которых первая воспроизведена здесь в половину своей величины по снятой с нее фотографии (см. рис. 60). Письмо было написано в почти темной комнате, причем еще медиум находился с закрытыми глазами; он был в столь глубоком трансе, что не заметил, как я двигал взад и вперед лист бумаги между его глазами и листом, на котором он писал. Вполне естественно поэтому, что строчки письма заходят одна на другую, что часто имеются излишние буквы и т. д. Вот содержание письма:

«Min dyrebare Moder. Jég er saa enderlig glad ved Fader, og Moder du maa for Aalt ikke tro at at Aanderne ikke altid er saa oprigtig, men min Dyrebare Moder jeg taler ikke hos C... taler jeg ikke hjos, men prōv dem rigtig. Min kjäre Moder jeg vil gjärne tale med dig for der er mange ting, somjeg har at tale med dig. en Venlig hilsen fra din kjäre lille V... til min kjare Moder. Farvel for i Dag».

(«Дорогая матушка. Я так бесконечно рада за батюшку; и, матушка, ты отнюдь не должна верить, что духи не всегда бывают столь откровенны, но, дорогая матушка, я не говорю у К... я не

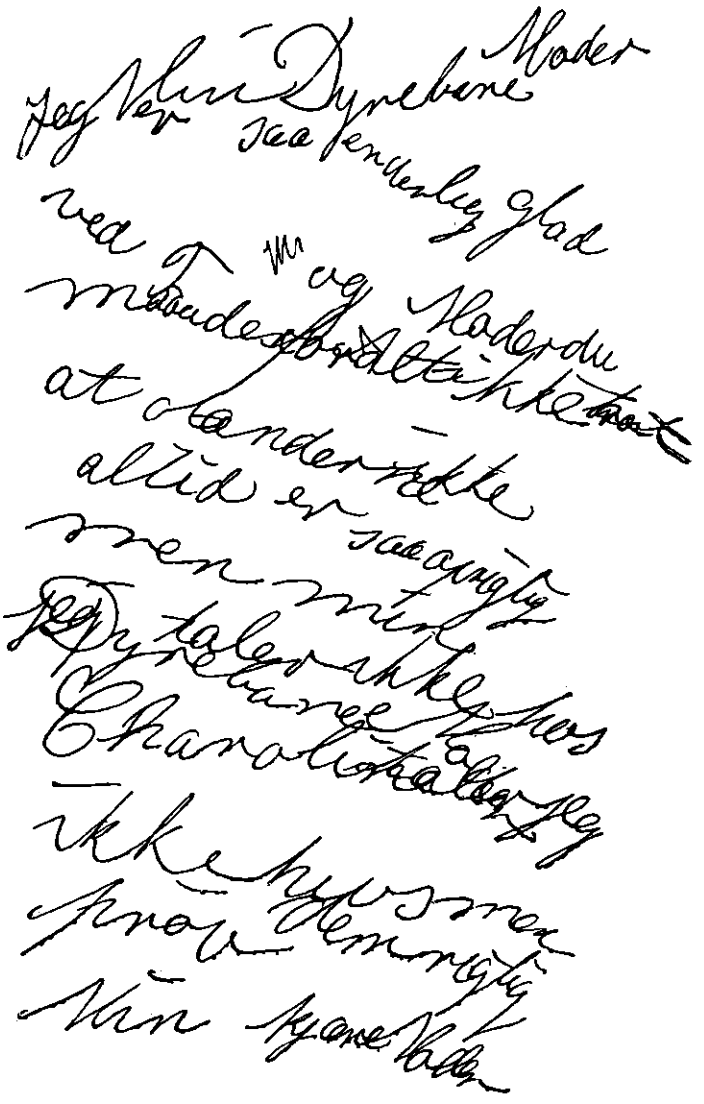


Рис. 60.

говорю, но испытай же их на деле. Милая матушка, мне очень бы хотелось говорить с тобой, так как есть столь много вещей, о которых мне надо поговорить с тобой. Сердечный привет от твоей милой маленькой В... моей милой матушке. Прощай на сегодня»).

Надо согласиться, что письмо это ни по форме, ни по содержанию ничем не отличается от произведения простой мещанки.

На том же сеансе я получил еще подтверждение того, что медиум в своих действиях не может идти далее своих познаний и степени своего образования. Один медиум, как мне рассказали заранее, часто говорил «на языках». Этим выражением спириты обозначают то явление, что медиум говорит на таком языке,

которого он часто сам не понимает и на котором, во всяком случае, он не может говорить в нормальном состоянии.

Существует целый ряд рассказов о подобного рода случаях: один из самых интересных подробно изложен американским судьей Эдмондсом, дочь которого Лаура обладала медиумизмом. Кроме своего родного языка она знала лишь французский; тем не менее однажды на сеансе, где присутствовал некий господин Евангелидес из Греции, она понимала его и говорила с ним по-новогречески, причем грек подтвердил, что она говорит правильно. Я, конечно, с нетерпением ждал случая наблюдать что-либо подобное, но мне пришлось горько разочароваться в своем ожидании. Правда, один говорящий медиум был охвачен духом недавно умершего шведского проповедника, который его устами произносил длинные проповеди; но при всем этом представлении меня удивило лишь одно, именно как скоро шведский священник позабыл в ином мире свой родной язык. Его речь была просто составлена по довольно известному рецепту: если звук «е» на конце датского слова заменить звуком «а», то оно делается шведским. Проповедник забыл даже самые обыкновенные шведские выражения; еще хуже было то, что выговор отдельных шведских слов, которые у него попадались, был неверен. Так, напр., он много раз употреблял слово «genom», но оно всегда произносилось у него с датским g вместо je. Одним словом, все дело имело такой вид, как будто медиум видел однажды оторванный клочок какой-нибудь шведской газеты и теперь, находясь в состоянии транса, воспроизводил из него некоторые кусочки, не имея при этом ни малейшего представления о правильном шведском произношении.

После таких опытов не может явиться большой склонности верить истории о мисс Лауре Эдмондс и ее правильном новогреческом языке, если предполагать, что она действительно никогда не училась этому языку.

Вполне, конечно, возможно, что медиум в трансе сообщает вещи, которых он не сознает, или говорит на языках, которыми в нормальном состоянии не владеет. Но все-таки непременным условием для этого является то, чтобы медиум раньше знал данный язык и был осведомлен о том вопросе, которого он касается. Все эти знания могут быть совершенно забыты, но по данному поводу они снова всплывают во время транса. Спириты, правда, утверждают, что иногда даются сообщения о вещах, относительно которых медиум никогда ничего не знал и никогда не мог знать. Но нелегко доказать, что человек никогда ничего не слышал о каком-нибудь определенном предмете: ведь крайне редко дают себе труд исследовать, не находится ли, быть может, сообщенное в пределах знаний медиума. Когда же, в исключительных случаях, подобное исследование производится, то обыкновенно приходят к иному результату.

В качестве примеров здесь можно привести несколько весьма замечательных медиумических сообщений, полученных на многочисленных частных сеансах известным русским спиритом статским советником Аксаковым. Медиумами служили его близкие родственники. Аксаков, несомненно, очень добросовестный и энергичный человек, пришел в конце концов к тому заключению, что его медиумы, вероятно, вычитали соответствующие выражения в какой-нибудь книге и скоро опять забыли их. Расскажу здесь вкратце один из таких случаев.

На одном из сеансов Аксакова психограф сложил слова: «EMEK HABACCHA». На вопрос о значении этих слов он отвечал, что они значат по-еврейски «долина слез». Затем было сообщено, что это известный эпиграф, употребленный одним врачом, португальским евреем по имени Сардови. Впоследствии психограф объявил, однако, что имя это дано неверно, что врач назывался Б. Кардосио.

Исследовав дело, Аксаков нашел, что приведенное выражение действительно еврейское, значит «долина слез» и встречается в Ветхом завете лишь однажды — Пс. 84, ст. 7. Относительно же Кардосио он мог выяснить только то, что существовал португальский врач по имени Фернандо Кардозо, который перешел в иудейство. Но Аксакову не удалось ни в одной из находившихся в его распоряжении книг найти указание на то, воспользовался ли когда-нибудь этот человек таким еврейским изречением. Однако он не оставил своих изысканий и спустя несколько лет рассмотрел различные произведения Кардозо в Британском музее; они были наполнены еврейскими цитатами, но интересующего его выражения Аксаков не мог отыскать. Поэтому оставалось загадкой, каким образом медиум узнал эти еврейские слова и почему он поставил их в связь с Кардозо, который, конечно, совсем неизвестен большинству людей. Только через несколько лет нашел Аксаков решение этой загадки, именно в одном небольшом немецком сборнике остроумных изречений и девизов он прочел слова «EMEK HABACCHA — долина слез», указанные как эпиграф, встречающийся у португальско-еврейского врача Б. Кардосио. Таким образом, выяснилось, что медиумы отсюда именно заимствовали неправильно написанное имя и эпиграф. При дальнейшем знакомстве с книгой Аксаков нашел, что такое же происхождение имеют многие из замечательных сообщений на чужих языках, полученные им на его сеансах. Книга появилась за несколько месяцев до этих сеансов, и потому более чем вероятно, что какой-нибудь из медиумов наскоро прочел ее; при этом некоторые изречения остались у него в памяти и потом были воспроизведены медиумически.

Если бы все спириты столь же тщательно исследовали вопрос о том, откуда идет знание медиумов, то скоро исчезло бы значительное число спиритических чудес и был бы подготовлен путь для строго научного объединения этих явлений. Но именно поэтому-то спириты и остерегаются слишком подробно рассматривать медиумические сообщения.

ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

1869 г. был важным годом в истории спиритизма. В этом году составилась первая научная комиссия со специальной целью исследования спиритических явлений. Так как комиссия эта после восемнадцатимесячной работы дала отчет, который, во всяком случае, сильно высказывался за подлинность некоторых медиумических явлений, то, по-видимому, спиритизм получал себе этим признание со стороны науки, какого никогда не могли доставить ему отзывы отдельных американских ученых. Спириты торжествовали, хотя сообщение комиссии далеко не было уже столь благоприятным для спиритической теории. Комиссия хотя и допускает наличность известных явлений, однако склонна рассматривать их как действия какой-то, до сих пор неизвестной, естественной силы. Такое воззрение, обозначаемое обыкновенно названием оккультизма, выступало в последующие годы со все более резкой противоположностью собственно спиритизму; оно нашло себе сочувствие и дальнейшее развитие у различных ученых. Но зерно различных теорий, предложенных этими учеными, все-таки заключается в докладе диалектического общества, и потому *начало современного оккультизма надо считать с основания этого общества.* Теперь мы посмотрим, как составлялась названная комиссия и как она работала.

Весной 1867 г. в Лондоне образовалась ассоциация под названием «Диалектическое общество». Своей целью она ставила прежде всего предоставление своим членам возможности вполне свободного и ничем не ограниченного обмена мыслей по таким вопросам, которые нелегко обсуждать в повседневной жизни.

В программе общества об этом говорится:

«Средний класс граждан, вообще говоря, не достиг еще столь передовой точки зрения, чтобы позволять отдельному лицу высказывать свои честные и благородные воззрения, не навлекая на себя более или менее строгих осуждений. Вследствие этого люди опасаются высказывать такие мнения, которые должны бы были, если они неправильны, быть исправленными, а если правильны — быть принятыми. Поэтому в Лондонском диалектическом обществе никому не должны делаться упреки за его взгляды, а, напротив, каждый должен поощряться к тому, чтобы отдавать своим товарищам полный отчет в своих воззрениях».

Общество состояло из уважаемых ученых, врачей, юристов, инженеров и людей с выдающимся положением в практической жизни; председателем был знаменитый исследователь сэр Джон Лёббок. Согласно с программой здесь свободно обсуждались всякого рода избегаемые обществом вопросы, и, таким образом, в январе 1869 г. зашла наконец речь и о спиритизме. В последующем заседании, 26 января, от слов перешли к делу и избрали комиссию с поручением выяснить — частью путем собственных опытов, частью путем допроса достоверных свидетелей и собирания соответствующих данных, насколько спиритические явления истинны или ложны. Комиссия эта заключала в себе тридцать членов. Она разделялась на различные подкомиссии, из которых каждая имела свое особое назначение. Полтора года спустя, 20 июля 1870 г., комиссия представила свой доклад, выразив пожелание, чтобы он был отпечатан на средства общества. Общество, однако, не согласилось на это, так как собранные в докладе свидетельства и объяснения исследованных явлений заключали в себе столько противоречий, что, собственно говоря, неизвестно было, чему верить, а чему нет. Тогда комиссия опубликовала отчет под свою собственную ответственность; он образует толстый том in-octavo.

В этой большой книге всего интереснее сообщения экспериментальной подкомиссии о ее опытах, а также заключения, которые из них выводятся. Эти заключения сама комиссия формулирует в следующих шести пунктах:

«Сообщения различных подкомиссий взаимно дополняют друг друга и, по-видимому, позволяют установить такого рода положения:

1. Могут получаться звуки весьма различного характера, которые кажутся исходящими от мебели, от пола и от стен, и часто могут явственно ощущаться сопровождающие их колебания. Эти звуки не могут быть результатом какой-либо мускульной деятельности или механических изобретений.

2. Тяжелые тела могут приводиться в движение без каких бы то ни было механических приемов и без соответствующего напряжения мускульной силы со стороны присутствующих, а часто даже и без всякого соприкосновения или соединения с каким-либо лицом.

3. Упомянутые звуки и движения часто имеют место в такое время или в такой форме, как этого пожелают присутствующие лица; сверх того, они могут отвечать на вопросы или слагать с помощью ряда знаков связные сообщения.

4. Полученные таким путем ответы или сообщения по большей части лишены всякого смысла; иногда, впрочем, сообщаются также факты, известные лишь одному из присутствующих.

5. Условия, при которых возникают эти явления, бывают различны; важно, однако, то обстоятельство, что некоторые лица, по-видимому, необходимо должны присутствовать для их наступления, тогда как присутствие других лиц обыкновенно служит для них помехой. Это различие не зависит, однако, от того, верят или не верят данные лица в возможность подобных явлений.

6. Наступление этих явлений, впрочем, отнюдь не обеспечивается присутствием или отсутствием определенных лиц».

Отсюда видно, что результаты усилий столь многих выдающихся людей далеко не были значительны. Большая часть того, что выяснено комиссией, может быть установлена на каждом обыкновенном сеансе. Наличие определенных лиц, медиумов, представляет из себя общеизвестное условие для появления духов. Интеллектуальные явления, наблюдавшиеся комиссией, были по большей части лишь «бессмыслицами»; никогда не оказалось чего-либо такого, о чем не был бы уже осведомлен тот или другой из присутствующих. Единственным, более редким явлением, которое могла констатировать комиссия, было движение тяжелых тел без прикосновения, да и то оно наблюдалось лишь одной экспериментальной группой. Но так как не безынтересно знать, как производились эти опыты, то я приведу здесь самое существенное содержание отчета подкомиссии ее собственными словами:

«Со времени своего назначения комиссия имела 40 собраний, на которых произведены опыты. Все эти собрания происходили в частных помещениях членов с той именно целью, чтоб исключить всякую возможность заранее устроенных механических приспособлений. Опыты производились с тяжелыми обеденными столами; самый маленький из них был около 6 футов длиной и 4 футов шириной, самый большой имел 9 футов в длину и $4^{1}/_{2}$ фута в ширину. Комната, где происходили опыты, постоянно осматривалась до и во время опытов, чтоб иметь уверенность в отсутствии всякого механизма и всякого инструмента, при помощи которых могли бы производиться движения или звуки. Опыты всегда, когда можно, делались при полном газовом освещении стола. Во многих случаях некоторые члены сидели в течение опытов под столом.

Комиссия совершенно не пользовалась услугами профессиональных или оплачиваемых медиумов. Все присутствующие были члены комиссии, люди с выдающимся общественным положением и неподкупной честностью; они не получили бы никакой выгоды от обмана, но все потеряли бы в глазах своих товарищей, если бы таковой был открыт.

Комиссия имела также несколько собраний без участия медиумов, чтобы испытать, не могут ли члены собственными произвольными усилиями вызывать действия, подобные тем, которые получались в присутствии медиумов. Но им никак не удавалось вызвать такого рода явления.

Долго и тщательно производившиеся опыты, при которых были приняты все возможные меры предосторожности, привели к установлению следующих положений:

1. При известных телесных и душевных состояниях у одного или нескольких присутствующих лиц обнаруживается сила, достаточная для того, чтобы вызвать движение тяжелых тел без приме-

нения мускульной силы, без прикосновения или какого бы то ни было материального соединения между этими телами и названными лицами.

2. Сила эта может производить явственные звуки, представляющиеся исходящими от твердых предметов, которых никто не трогает и которые не имеют никакой видимой связи ни с одним из присутствующих лиц. То, что эти звуки исходят от различных твердых тел, доказывается тем, что при прикосновении можно ощущать колебания этих тел.

3. Наконец, действиями этой силы часто руководит разум.

Описание одного отдельного эксперимента и способ, каким он был произведен, всего лучше покажут ту тщательность, с какой комиссия вела свои исследования. Пока нога, палец или одежда касались движущегося или звучащего предмета или хотя бы только могли касаться его, до тех пор нельзя было иметь уверенности в том, что движения и звуки не вызываются прямо лицом, касающимся этих предметов. Поэтому устроили такого рода опыты. Группа в одиннадцать человек сидела сначала в течение 40 минут около одного из упомянутых раньше больших обеденных столов и вызывала в нем различного рода движения и звуки. Затем стулья были отодвинуты от стола на девять дюймов и обращены к нему спинками, а все присутствующие стали на стульях на колени и держали свои руки на спинке стула. В таком положении все ноги были удалены от стола, так что никто не мог ими дотронуться до него. Все руки были видны под столом и держались на расстоянии около четырех дюймов от его поверхности. Не прошло минуты, как совершенно изолированный от прикосновения стол двинулся четыре раза, сначала пройдя около пяти дюймов в одну сторону, затем двенадцать дюймов в противоположную, потом еще пять и, наконец, около шести дюймов. После этого все участвующие отодвинулись от стола еще дальше, но он, несмотря на то, все-таки продолжал двигаться. Такие опыты были произведены и в другие вечера; всего комиссии удалось наблюдать более пятидесяти таких движений без прикосновения. При опытах такого рода всегда применялись самые строгие меры предосторожности, чтобы помешать всяким механическим или каким-либо иным уловкам. Но последние были исключены уже потому, что движения происходили то в одном, то в другом направлении. Таким образом, фальши или обмана здесь быть не могло. Благодаря постоянному повторению этих опытов при весьма различных обстоятельствах все члены, как бы они ни были скептически настроены сначала, пришли к тому убеждению, что существует сила, которая может двигать тяжелые тела без материального прикосновения, и что эта сила каким-то неизвестным еще образом зависит от присутствия некоторых человеческих существ.

Комиссия не может высказать никакого определенного мнения относительно природы и происхождения этой силы; она занималась лишь исследованием того, насколько такая сила есть действительность или вымысел».

Вот что мы узнаем из отчета подкомиссии. Он, несомненно, отличается достаточной ясностью и определенностью и не оставляет никакого сомнения в том, что действительно наблюдались замечательные явления, что тяжелые тела двигались без прикосновения, при условиях, где, по-видимому, был исключен всякий обман. Но значение отчета умаляется, к несчастью, тем, что не все члены комиссии согласны признать полную достоверность всего происходившего. Многие из них, притом наиболее уважаемые, представили длинные особые мнения, где они приходят к совсем иным результатам. Так, имеется записка, поданная м-ром Джеффри, который, впрочем, неизвестен ничем другим. Записка эта, по-видимому, составлена особенно удачно, так как многие другие члены комиссии просто присоединились к его мнению. Он пришел к следующему результату:

«Все наблюдавшиеся нами действия так называемых «трансовых медиумов» в большинстве случаев были, по всей вероятности, не что иное, как обычные проявления истерии, тогда как в других случаях они носили печать сознательного обмана; сверх того, слова, произносимые медиумами в состоянии транса, сплошь были бессвязны и нелепы.

Пишущие и рисующие медиумы, которых мы видели, пользовались пером и карандашом обычным способом, с тою только разницей, что медиумы эти иногда подпадали под влияние импульсов со стороны фантазии.

Мы никогда не могли получить путем стуков или каким-либо другим способом сообщений о неизвестных фактах, которые можно было бы проверить впоследствии; сообщения никогда не содержали какого-либо наставления с практическим значением или какой-либо новой мысли, напротив, они были или пусты, или нелепы.

Если считать эти сообщения за вести, подаваемые духами умерших, то они противоречат нашим естественным возвышенным представлениям о состоянии душ после смерти; эти якобы откровения прямо шокировали разумных, религиозных людей.

Все явления, составляющие предмет наших исследований, были такого рода, что их легко можно было вызвать путем обмана; они были сильно рассчитаны на людское легковерие. Но большинство спиритов отличаются такой ревностной верой, что их свидетельство становится через это ненадежным; сверх того, сознательный обман и самообман не имеют между собой резкой границы, а отделены обширной областью, в которой некоторое время свободно могут действовать очень многочисленные ходячие приемы для отвода глаз.

Тем не менее многие из нас были свидетелями замечательных явлений, которые мы все-таки не могли свести к сознательному или бессознательному обману».

Достойно внимания, что м-р Джеффри нисколько не колеблется объяснять сознательным обманом или самообманом многие из замечательных явлений, которые наблюдали, как им казалось, многие члены комиссии. Этот пункт подробнее рассмотрен в одном весьма обстоятельном мнении, которое было предоставлено д-ром Эдмёндсом, председателем одной из подкомиссий. Он пишет между прочим:

«Вполне правдивые люди будут, без сомнения, рассказывать вещи, которые, если они истинны, остаются необъяснимыми, если не призвать на помощь гипотезу о каком-нибудь сверхъестественном вмешательстве. Но я собрал достаточное количество опытов, которые убеждают меня, что подобного рода рассказы есть результаты самообмана в той или иной форме; такой рассказ гораздо более является продуктом фантазии, чем сообщением фактов. Если бы, напр., предложить полдюжине самых достоверных лиц, чтобы каждое из них написало отчет о явлениях, имевших место на одном из этих сеансов, то их рассказы непременно оказались бы весьма несходными между собой».

Затем д-р Эдмёндс приводит несколько примеров, когда показания одного участника относительно известных замечательных подробностей какого-нибудь собрания решительно отрицались другими участниками. Это очень знаменательно. Эдмёндс отмечает здесь факт, значение которого довольно долгое время оставалось без надлежащей оценки: только спустя 20 лет рядом гениальных опытов было доказано, что многие участники одного и того же собрания обыкновенно видят совсем не одно и то же, а следовательно, и рассказы их о виденном совершенно не сходятся. Особенно ясно обнаружилось то, что явление, которое по одним известиям представлялось большим чудом, в других столь же надежных показаниях получало гораздо менее загадочный характер. Этот факт имеет, несомненно, огромное значение при обсуждении вопроса о том, насколько вообще можно доверять подобным рассказам. Ввиду этого мы рассмотрим его подробнее в последней части этой книги.

Крукс и психическая сила

ОПЫТЫ КРУКСА НАД ИЗМЕНЕНИЯМИ ВЕСА

Понятно, что отчет диалектического общества не мог быть последним словом науки в вопросе о действительности медиумических явлений. Здесь одни утверждения так противоречат другим, что беспристрастному читателю трудно было судить, на чьей стороне правда. Поэтому все были рады известию, что, еще раньше чем диалектическое общество закончило свои изыскания, уважаемый химик *Вильямс Крукс*, член королевского общества, решил подвергнуть дело новому тщательному рассмотрению. Особенное внимание с его стороны привлекли к себе опыты диалектического общества относительно движений без прикосновения: он хотел повторить их при более надежных и потому более доказательных условиях. Именно, пока суждение о выполненных движениях основывалось исключительно на отзывах присутствующих, до тех пор не была исключена возможность того, что наблюдавшиеся движения были только в воображении участников, были просто их галлюцинациями. Но если заставить силу действовать на приборы, устроенные таким образом, чтобы они автоматически отмечали выполненное движение, то всякая подобного рода возможность была бы исключена: как бы ни были присутствующие склонны обманываться в своих восприятиях, все-таки нельзя думать, будто медиум может оказывать внушающее воздействие на инструмент. К тому же Крукс исходил из того предположения, что с помощью таких приборов ему легко удастся доказать, что все это дело есть суеверие и основывается лишь на неоткрытых еще уловках. Однако он пришел к совсем иному результату.

При своих опытах Крукс пользовался помощью знаменитого медиума *Даниила Дёнглеса Юма*. В его присутствии обнаруживались замечательные явления. В сравнении с ним то, чего достигал Крукс с другими медиумами, было совершенно ничтожно. Юм, главным образом, обладал даром извлекать звуки из музыкаль-

ных инструментов, которых он прямо не касался (обыкновенно для этого пользовались гармоникой), а также изменять вес тела. Оба эти проявления особенно пригодны для точного научного исследования, и Крукс выполнил его, очевидно, с большой тщательностью. Эти опыты с Юмом и другими медиумами изложены им в ряде статей в «Quartely Journal of Science» за 1871—74 гг., важнейшие из которых собраны в небольшой книжке «Researches in the phenomena of Spiri-

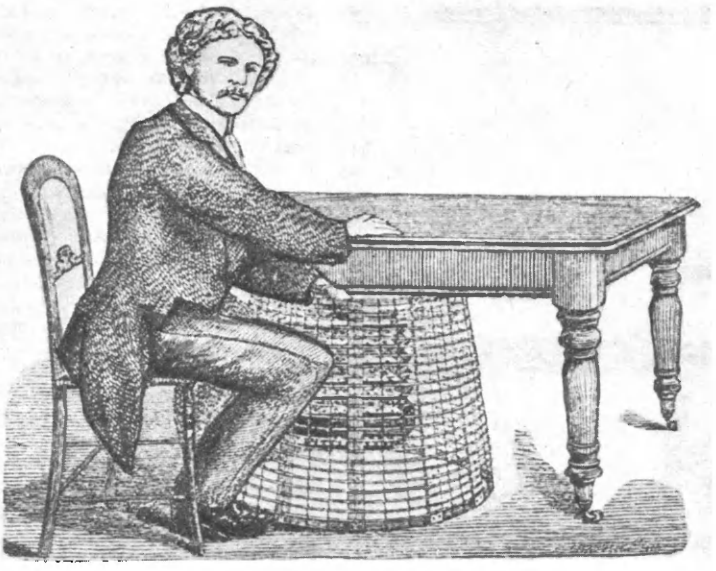


Рис. 61. Юм и его гармоника.

tualism» (Изыскания относительно спиритических явлений). По этому источнику я укажу подлинными словами Крукса его наиболее замечательные выводы:

Отчет этот так часто цитировался и комментировался, что, конечно, едва ли для кого будет иметь интерес новизны; если же тем не менее я привожу его здесь дословно с немногими лишь выпусками, то это делается мною, как читатель сейчас увидит, с определенной целью.

«Сеансы происходили вечером в большой, освещенной газом комнате. Прибор, служивший для того, чтобы контролировать движение гармоники, состоял из клетки, снабженной двумя деревянными обручами, из которых диаметр одного был равен 1 футу 10 дюймам, а другого — 2 футам. Эти обручи были соединены друг с другом двенадцатью узкими пластинками, так что весь снаряд имел вид барабанообразного остова, открытого сверху и снизу (см. рис. 61). Кругом этот остов был обтянут 50 ярдами * изолированной медной проволоки в виде 24 оборотов таким образом, что два соседних оборота были удалены друг от друга на расстояние несколько меньшее одного дюйма. Эти обороты, в свою очередь, были скреплены шнурками; таким образом, образовались петли, имевшие несколько менее 2 дюймов в длину и 1 дюйма в ширину. Высота клетки была такова, что она как раз могла подойти под мой обеденный стол, и когда она там стояла, никто не мог проникнуть в нее рукой или ногой ни сверху, ни снизу.

Гармоника была совершенно новая, так как я купил ее нарочно для этих опытов. Юм никогда не видал ее, а тем более не имел ее в руках до начала опытов.

В другой части комнаты был установлен прибор (см. рис. 62) для исследования изменений в весе тел. Он состоял из доски красного дерева в 37 дюймов длиной, $9^1/_2$ дюймов шириной и 1 дюйм толщи-

* = 45,7 метра.

ной. На каждом конце ее был привинчен в виде ножки брусок красного дерева в полтора дюйма шириной. Один конец доски лежал на неподвижном столе, а другой поддерживался пружинными весами, укрепленными на устойчивом треногом штативе. Весы были снабжены автоматическим регистратором, который отмечал наивысшее давление, испытанное весами. Снаряд был установлен таким образом, что доска лежала горизонтально, а ножка ее плотно прилегала к поверхности стола. В таком положении весы показывали тяжесть в 3 фунта *.

Аппарат был расположен таким образом, прежде чем Юм вошел в комнату; последний находился в совершенном неведении относительно его назначения, пока не занял своего места. Чтобы предупредить легко возможные критические замечания, не мешает, быть может, заметить, что после обеда в этот день я посетил Юма в его квартире; он просил меня продолжать разговор в его спальне, пока он переодевался. Поэтому я могу засвидетельствовать, что на его теле не было спрятано никакой машины, никакого прибора или какого-нибудь тайного приспособления.

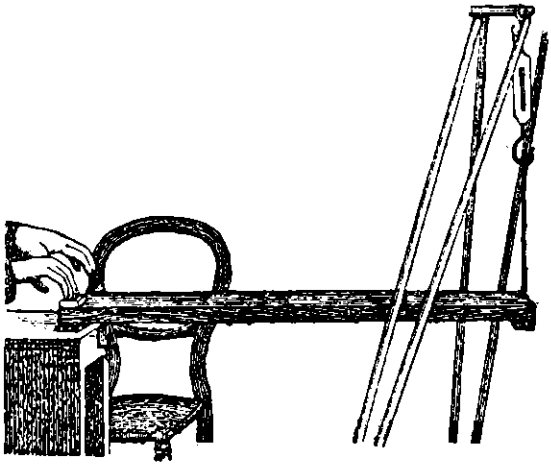


Рис. 62. Прибор для измерения изменений веса.

При опытах присутствовали выдающийся физик д-р В. Геггинс, адвокат (sergeant of law) Э. В. Кокс, мой брат и ассистент моей химической лаборатории.

Юм сидел на низком кресле. Между его ногами находилась под столом упомянутая выше клетка. Сам я сидел совсем рядом с ним слева, другой наблюдатель поместился столь же близко от него на правой стороне; прочие присутствующие заняли места вокруг стола. Большую часть вечера, особенно если получалось что-либо значительное, наблюдатели с обеих сторон Юма держали свои ноги на его ногах, так что были в состоянии открыть самое незначительное движение с его стороны.

Юм взял гармонику рукой, держа ее большим и средним пальцем с той стороны, где нет ключей. Затем я сам открыл басовый ключ и выдвинул из-под стола клетку как раз настолько, чтобы в нее могла быть опущена гармоника ключами книзу; затем она снова была пододвинута под стол, насколько позволяла сделать это рука Юма, притом, однако, так, что его кисть не была скрыта от взора наиболее близких его соседей. Вскоре затем гармоника начала удивительнейшим образом качаться взад и вперед, потом она издала несколько звуков и, наконец, ею последовательно были сыграны разного рода тоны. В то время как это происходило, мой ассистент подлез под стол и сообщил, что гармоника растягивается и сокращается; мы со своей стороны видели в то же время, что рука, которой Юм держал гармонику, остается в полном покое, другая же рука его лежала на столе. Вслед за тем мы двое, сидевшие возле самого Юма, заметили, что гармоника движется в клетке то из стороны в сторону, то по кругу, продолжая вместе с тем играть. Д-р Геггинс тоже взглянул под стол и сказал, что инструмент движется, хотя рука Юма находится, по-видимому, в полном покое.

Пока Юм все время держал гармонику указанным образом ключами вниз, другая его рука спокойно лежала на столе, а его ноги крепко держали его соседи. Между тем мы явственно слышали последовательно изданные отдельные тоны, после чего была сыграна целая мелодия. Так как подобный результат мог получиться лишь при надлежащем одновременном нажимании ключей инструмента, то присутствующие считали этот опыт решающим дело. Но последующий эксперимент был еще поразительнее: Юм совершенно отнял руку от инструмента, вытащив ее из клетки и подав ближайшему соседу. Инструмент продолжал играть, хотя его никто не касался.

После того как мы достигли столь решительных результатов с гармоникой в клетке, мы обратились к упомянутому выше прибору с весами. Юм слегка прикоснулся пальцами к тому концу доски, который лежал на столе, в то время как д-р Геггинс и я сидели у него по обе стороны и наблюдали, что теперь последует. Почти тотчас же стрелка весов начала опускаться, а несколько секунд спустя снова стала подыматься. Это движение повторялось много раз, указывая, по-видимому, на волнообразное движение в психической силе. Во время опыта конец доски колебался вверх и вниз. Тогда Юм по собственному почину взял маленький ручной колокольчик и коробку из-под спичек, находившиеся поблизости, и положил эти предметы один под одну, другой под другую руку с целью убедить нас в том, что он не производит никакого давления. От этого весьма медленное движение пружинных весов сделалось еще заметнее, и д-р Геггинс, наблюдавший стрелку, сказал, что она опустилась на

* 1 английский фунт = 373,24 грамма.

величину до $6^1/_2$ фунта. Так как нормальный вес доски в ее первоначальном положении был равен 3 фунтам, то давление увеличилось на $3^1/_2$ фунта. Когда же вслед затем посмотрели на максимальную отметку, то оказалось, что она опустилась до 9 фунтов. Это соответствовало, следовательно, усилению давления на 6 фунтов.

Чтоб исследовать, нельзя ли было оказывать какое-либо действие на пружинные весы посредством давления на то место, где Юм держал свои пальцы, я влез на стол и поставил одну ногу на конец доски. Д-р Геггинс, наблюдавший за стрелкой весов, объявил, что весь вес моего тела (140 фунтов), когда я раскачивался вверх и вниз, заставлял стрелку опускаться на $1^1/_2$—2 фунта, Юм сидел на низком кресле, и потому он не мог бы вызвать упомянутых выше изменений веса даже при помощи

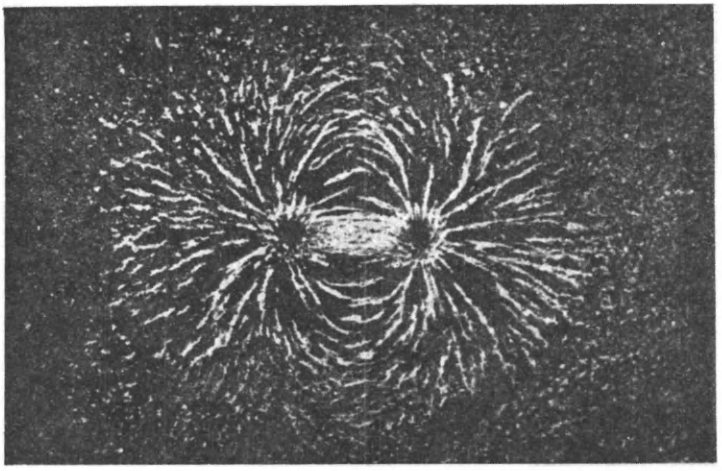


Рис. 63. Подделка будто бы фотографического изображения магнетических лучей.

величайших усилий. Едва ли, конечно, надо мне упоминать, что как за его руками, так и за его ногами тщательно следили все, находившиеся в комнате, и потому опыт этот кажется мне, если возможно, еще более доказательным, чем опыт с гармоникой».

Крукс делает еще несколько замечаний относительно причины этих явлений, т. е. той силы, которая их вызвала, но эти замечания для нас не имеют интереса. Он называет эту неизвестную причину «психической силой», но оговаривается, что преждевременно было бы предлагать какую-либо гипотезу относительно ее природы и деятельности. В одной позднейшей статье он высказывается в том смысле, что его так называемая «психическая» сила есть то же самое, чему женевский профессор Тури уже в 1855 г. дал название «эктенической, или действующей на расстоянии» силы — название, которое, быть может, предпочтительнее, так как оно совсем ничего не говорит относительно происхождения данной силы. Но так как наименование не играет здесь никакой роли, то мы пользуемся более известным выражением «психическая сила»*.

* В более новых спиритических сочинениях психическая сила часто смешивается или отождествляется с рейхенбаховской од-силой, поэтому мы несколько ближе коснемся отношений этих двух гипотетических сил.— Химик Карл барон фон-Рейхенбах, исходя из того факта, что северное сияние бывает преимущественно на магнитных полюсах земли, предположил, что такое световое явление должно возникать всюду, где имеется магнетизм, и потому он стал пробовать, нельзя ли вызывать подобное сияние при полной темноте с помощью больших искусственных магнитов. Хотя ни ему самому, ни многим другим ничего не удалось заметить таким путем, у него нашлись все-таки некоторые лица, которые при абсолютном мраке действительно видели сияние у полюсов больших магнитов. Однако эти люди, так называемые «сенситивы», испытывали при этом не одни только зрительные ощущения — воздействию подвергалось и их чувство температуры, так как, держа руки под магнитными полюсами, они ощущали теплоту и холод. Наиболее чувствительные из них даже притягивались магнитами, так что, пользуясь магнитным притяжением, можно было подымать их члены вверх.

Теперь мы рассмотрим другой ряд опытов Крукса, произведенных с тем же, но только несколько целесообразнее устроенным, прибором.

«Когда я первый раз приступил к этим опытам, я считал необходимым, чтобы рука Юма касалась того подвешенного тела, вес которого должен был измениться; но потом оказалось, что в этом нет безусловной необходимости, и потому я видоизменил свой прибор таким образом, как это изображено на прилагаемом рисунке (рис. 64).

AB есть упомянутая раньше доска красного дерева, которая у B подвешена к пружинным весам C; весы поддерживаются устойчивым треножником E. Далее, прибор был устроен теперь таким образом, что мог автоматически отмечать происходящие изменения веса. Необходимое для этого приспособление не указано на рисунке. Оно заключалось в следующем. К стрелке весов было припаяно в горизонтальном положении тонкое стальное острие. Острие это могло скользить по зачерненной стеклянной пластинке, которая приводилась в движение часовым механизмом, помещенным под весами. При этом, пока весы находятся в покое, на зачерненной поверхности должна получаться прямая линия. Но как скоро давление на доску изменяется, острие на стрелке весов колеблется вверх и вниз и, следовательно, чертит на стеклянной пластинке кривую линию. По форме этой линии можно высчитать, каково было давление на доску в любой момент времени.

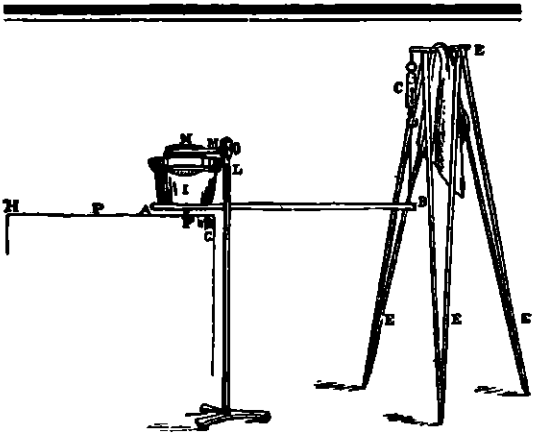


Рис. 64. Другой прибор Крукса для взвешивания.

В то время как конец B доски поддерживается весами, другой ее конец A покоится на клиновидном куске дерева, крепко привинченном под доской. Нижнее ребро клина, служащее осью вращения доски, лежит на прочной и устойчивой деревянной подставке GH. На доске, как раз под ее точкой опоры, помещен стеклянный сосуд J, наполненный водою. L есть массивный железный штатив, плечо которого снабжено кольцом MN; в это последнее вставлен медный сосуд полукруглой формы с дном, продырявленным многочисленными отверстиями. Штатив этот не касается доски AB, и его плечо с медным сосудом установлено таким образом, что сосуд этот на полтора дюйма опущен в воду, не касаясь, однако, ни дна, ни края склянки. Оказалось теперь, что вес не претерпевает ни малейшего изменения, если трясти железный штатив или ударять по нем; точно так же нельзя было проследить перемены веса и в том случае, если кто-нибудь опускал руку в воду настолько, насколько позволял это продырявленный сосуд. Таким образом, никакая механическая передача силы от медного сосуда к доске была невозможна.

Проследив эти явления далее, Рейхенбах нашел, что такое сияние испускают не только магниты,— оно оказалось присущим всякому предмету, который был выставлен раньше на солнечном свете или которого коснулся какой-нибудь химический процесс. Кристаллы, а особенно человеческое тело, были постоянными источниками этого сияния: в темном пространстве они являлись для сенситивов светящимися предметами. Неизвестную силу, которая, по его предположению, должна была производить все эти действия, Рейхенбах назвал «од-силой». Он пытался также сфотографировать од-сияние и измерить связанную с ним теплоту, но это ему не удавалось. Правда, однажды ему показалось, что он получил фотографический снимок од-сияния после 65-часовой экспозиции, но впоследствии он признал, что такое заключение основывалось на ошибке. Таким образом, указанием на существование од-силы служили исключительно только восприятия чувствительных лиц — сенситивов.

Первые свои опыты Рейхенбах опубликовал в ряде статей «Изыскания относительно динамида» (Untersuchungen über die Dynamide, 1849); впоследствии он написал по тому же вопросу большую книгу «Чувствительный человек и его отношение к оду» (Der sensitive Mensch und Verhalten zum Ode, 1854—55). Когда он ближе познакомился со столоверчением, то он и это явление объяснил действием од-силы. Именно, по словам сенситивов, од-пламя истекало из человеческого тела с известной силой, и когда это пламя начинало действовать на какое-нибудь тело, последнее должно было приходить в движение. Таким образом, можно было объяснить движения магического жезла, танцующих столов и вращающихся ключей, как это подробно развито у Рейхенбаха в его сочинении «Одное пламя и некоторые двигательные явления» (Die odesche Cohe und einige Bewegungserscheimungen, 1867). Исходящий от людей од,— Рейхенбах называет его биодом — отчасти совпадает, таким образом, с «психической силой», современных оккультистов, но в то время как психическую силу надо считать связанной непременно с людьми или, во всяком случае, с животными, предположенная од-сила встречается повсюду в природе. *Прим. автора.*

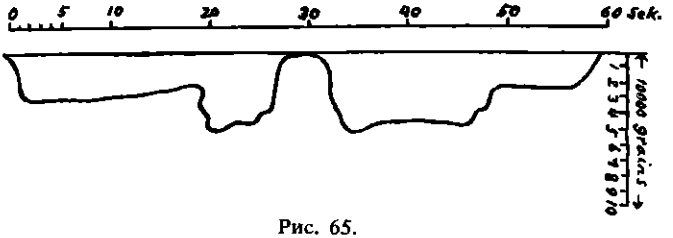


Рис. 65.

Рис. 66.

Рис. 67.

Ради удобства я распределю опыты на несколько групп и для более подробного описания изберу из каждой группы один отдельный пример. Я буду приводить, однако, только такие опыты, которые были повторены много раз; некоторые из них были произведены также в отсутствие Юма с другими лицами, у которых оказались подобные же свойства. В комнате, где устраивались опыты (в моей собственной столовой), постоянно было достаточно света, чтобы можно было видеть все, что происходит.

Эксперимент I. До появления Юма в комнате прибор был уже вполне приготовлен; тогда Юма попросили войти и опустить пальцы в медный сосуд N. Он встал и погрузил в воду кончики пальцев правой руки; его левую руку и его ноги крепко держали присутствующие. Когда он сказал, что чувствует, как из его руки исходит какая-то сила или влияние, я привел часовой механизм в движение, и почти в то же мгновение мы увидели, что конец B доски стал медленно опускаться и около 10 секунд оставался внизу, затем несколько поднялся и, наконец, возвратился в свое нормальное положение. Потом он снова упал, вдруг поднялся, постепенно опускался в течение 17 секунд и, наконец, опять поднялся до своей нормальной высоты, на которой он оставался до окончания опыта. Самая низкая точка, отмеченная на зачерненной стеклянной пластинке, соответствовала непосредственному давлению в 5000 гранов (323 грамма). Предлагаемый рисунок (рис. 65) представляет из себя копию кривой, оказавшейся на стекле. Горизонтальный масштаб отмечает время в секундах, а вертикальный — давление в гранах.

Эксперимент II. Так как прикосновение через воду оказало точно такое же действие, как и непосредственное механическое прикосновение, то я хотел видеть, не будет ли наша сила влиять на весы также и через другие части прибора и через воздух. Стеклянный сосуд с водой, железный штатив и проч. были удалены, и Юм положил свои руки на стол, служивший опорой для одного конца доски, в месте, обозначенном буквой P (см. рис. 64). Один из присутствующих, в свою очередь, положил свои руки на его ноги. Я сам тоже все время зорко смотрел за ним. В тот же момент был пущен в ход часовой механизм. Доска неравномерно поднималась и опускалась, так что в результате получилась кривая, изображенная на рисунке (рис. 66).

Эксперимент III. Юм был поставлен на расстоянии 1 фута от доски по одну сторону ее. Его руки и ноги крепко держал один из присутствующих. На движущейся стеклянной пластинке оказалась новая кривая, представленная на рисунке (рис. 67)».

Приведенного достаточно, чтобы судить, каким образом поступал Крукс при этих опытах. Им было произведено еще много других экспериментов как с упомянутыми, так и с другими приборами; но они дали немногим более того, с чем мы уже познакомились. Впрочем, не может быть, конечно, речи о том, чтобы мы напечатали здесь полный перевод книги Крукса; приведенных выше выдержек вполне достаточно, чтобы дать читателю представление об этих знаменитых исследованиях. В том виде, как описал их здесь Крукс, они, по-видимому, отличались большой тщательностью и строгой научностью. Крукс сам выдумывает и применяет регистрирующие измерительные приборы, и с Юмом поступают как со своего рода динамомашиной, которую ставят то здесь, то там, чтоб испытать ее при различных условиях. Освещение комнаты позволяет видеть все происходящее, и многие авторитетные ученые наблюдают за правильным ходом опытов. Здесь, очевидно, имеются налицо все мыслимые гарантии того, что полученные результаты вполне надежны, и потому-то опыты Крукса всегда служили тяжелым камнем преткновения для ученых, желавших объявить такого рода медиумические явления обманом со стороны медиума. Подобное предположение, по-видимому, совершенно не может иметь места по отношению к описанным здесь экспериментам, раз допущено, что описание это, вообще, верно.

Но этого-то и нет. Напротив, оно настолько является продуктом фантазии Крукса, что его как раз можно привести в доказательство того, как может впасть в самообман выдающийся в своей области ученый, когда он решается вступать в незнакомую ему сферу. Такое утверждение могло бы показаться, конечно, очень смелым, если бы сам Крукс не представил доказательства его справедливости. Через восемнадцать лет после этого первого отчета он дал иное описание тех же самых опытов, из которого оказывается, что все дело имело несколько иной вид. Всякий, кто прочтет вышеприведенные описания от 1871 г., получает то впечатление, что упомянутые опыты были произведены на немногих сеансах, где все шло как по маслу. Всем заведуют люди науки; не оказывается никаких перерывов, помех или неудавшихся опытов, никаких подозрительных движений со стороны Юма; его психическая сила действует с такой точностью, как если б она исходила не из человека, а из хорошо настроенной машины. Но прочтите теперь заметки Крукса об этих опытах в его дневнике, впечатление получится, несомненно, иное. Заметки эти, сделанные частью во время сеансов, частью непосредственно после них, опубликованы Круксом в «Протоколах Общества для психологических изысканий» (Proceedings of the Society for Psychical Research, часть XV, 1889). Здесь напечатана лишь небольшая выдержка из его дневников; но те сеансы, о каких вообще тут говорится, рассказаны со всеми подробностями. Для ближайшего пояснения разницы между обоими описаниями я приведу здесь отчет об одном отдельном сеансе, на котором были устроены некоторые из раньше указанных опытов:

«Среда, 21-го июня 1871 г. Сеанс на частной квартире Крукса. От 8 ч. 40 м. до 10 ч. 30 м. вечера. Присутствующие: м-р Д. Д. Юм (медиум), м-рис Вал. Крукс, м-р Вал. Крукс, м-рис Гемфри, м-р К. Джимингем, доктор прав Кокс, м-р Вил. Крукс, м-рис Вил. Крукс, мисс А. Крукс — в столовой, освещенной газом, вокруг обеденного стола. На столе находилась принадлежащая мне гармоника, длинная и тонкая деревянная линейка, карандаш и бумага; на одной стороне, отчасти опираясь на стол, был поставлен прибор (см. рис. 64) для исследования изменений в весе тела. Под столом находилась упомянутая выше клетка.

Явления. Почти сейчас же после того как мы уселись, в столе стали ощущаться очень быстрые сотрясения. Сотрясения эти отвечали на многие предложенные вопросы «да» и «нет». Руки Юма подвергались очень своеобразным судорогам, по-видимому, крайне болезненным. Он поднялся и осторожно опустил пальцы правой руки в воду медного сосуда, причем он тщательно избегал коснуться какой-либо другой части прибора. М-рис Вил. Крукс, сидевшая как раз возле, видела, как конец доски медленно опустился и снова поднялся. Отметка автоматического приспособления показала, что произошло увеличение давления на 10 унций (311 граммов). Этим дело и кончилось.

В тот же вечер от 10 ч. 45 м. до 11 ч. 45 м. Этот сеанс имел место тотчас после предыдущего. Мы все поднялись, прошлись, открыли окна и переменили места. Мисс А. Крукс оставила общество; затем было предложено всем снова сесть. Комната, стол и приборы те же, что и раньше. Огонь был уменьшен, но все-таки было еще достаточно светло, чтобы мы могли различать друг друга и видеть

каждое движение. Прибор тоже можно было явственно различать. Автоматический указатель был плотно прижат к твердой стрелке весов. Мы сидели теперь вокруг стола в таком порядке, как это отмечено на прилагаемом рисунке (рис. 68). А обозначает упомянутую выше линейку. Почти в ту же минуту раздалось приказание: «Руки со стола!» После того как мы спокойно просидели 1—2 минуты, взаимно держа друг друга за руки, мы услышали тяжелые удары по столу, а затем по полу, возле прибора с весами. Последний был приведен в движение, и слышно было, как весы быстро опускаются вниз. Тогда мы получили следующую весть: «В весах некоторая перемена. Посмотреть!» Я подошел и взглянул на деления, по которым обнаружилось увеличение давления на 9 фунтов. Так как этот результат был достигнут при столь слабом освещении, что едва можно было видеть движение доски и стрелки, то я попросил, нельзя ли повторить опыт при более сильном свете. Горелка была отвернута, и мы сидели, как раньше. Тогда можно было видеть, что доска двигалась вверх и вниз, между тем как Юм находился на некотором расстоянии от нее и не прикасался к столу, так как мы крепко держали его руки. Теперь стрелка указала увеличение давления на 2 фунта.

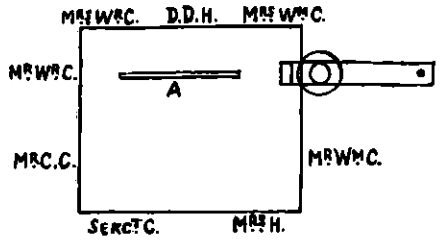


Рис. 68.

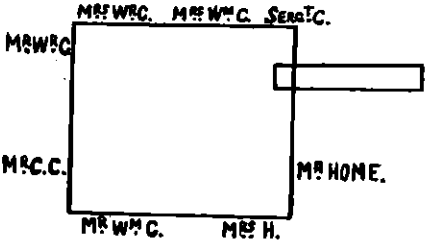


Рис. 69.

Тогда Юм попросил нас поменяться местами. Мы уселись, как изображено на прилагаемом рисунке (рис. 69). Был отдан приказ: «Все руки, кроме Дена (Юма), со стола!» Юм подвинул свой стул к самому углу стола и повернул свои ноги прочь от прибора, поставив их непосредственно возле м-рис Г. Послышались тяжелые удары в стол, а затем в доску, которая начала сильно двигаться вверх и вниз. Тогда была получена следующая весть: «Теперь мы сделали все, что было в силах!» Автоматическая стрелка отметила увеличение веса на 4 фунта; я увидел это, когда подошел к весам».

На том же сеансе происходили еще некоторые другие замечательные вещи, но они имеют меньше интереса; для нас важно здесь лишь узнать, при каких условиях были произведены опыты с названным прибором. Относительно же этого мы получили достаточные указания, которые весьма поучительны, по крайней мере, в одном отношении. Прибавлю здесь лишь, что только что описанный сеанс произвольно выбран из числа других и может быть признан вполне типичным. То же, что было здесь, происходило и на всех прежних сеансах, записи о которых опубликованы Круксом. Легко видеть, что на основании заметок этого дневника получается совсем иная картина опытов, чем на основании первоначальных сообщений. Многие из сеансов или, во всяком случае, некоторые их части были почти сеансами в темноте: к ним можно приложить это название, раз лишь рядом сидящие могли наблюдать то, что происходило. Затем мы видим, что ходом опытов руководит своими приказаниями Юм, а никак не Крукс. Крукс и другие участники только повинуются, занимая указываемые им места, пока что-либо не произойдет. Юм, напротив, свободно расхаживает, подходит по собственному почину к приборам, двигает свой стул и т. д. Наконец дело не обходится и без разного рода маленьких перерывов: руки то должны быть на столе, то нет; газовый рожок завертывают и потом отвертывают; меняются местами и тому подобное. Все это показывает, что эти знаменитые круксовские сеансы совершенно ничем не отличаются от других спиритических сеансов: в них обнаруживаются такая же нерациональность и произвольность, такая же зависимость от благоусмотрения медиума.

Это, во всяком случае, справедливо относительно тех сеансов, о которых Крукс опубликовал свои первоначальные записи. Возможно, что он произвел также другие опыты, выполненные при более надежных условиях. Но все-таки остается невероятным, чтоб он выбрал из своих записей как раз те, которые наименее убедительны, а опустил те, которые имеют доказательную силу. Поэтому мы с полным правом можем заключить, что все его опыты произведены на сеансах, имевших совершенно тот же характер, как и описанные выше. Следовательно, его первоначальный отчет в 1871 г. не представляет собой точного изложения того, что происходило на самом деле, а есть экстракт, в котором указаны лишь некоторые определенные явления с опущением всех сопровождающих побочных обстоятельств. Мы не будем здесь исследовать, насколько именно важно то, чего Крукс счел возможным не помещать в свой отчет,— мы поговорим об этом подробнее в последней части нашей книги. Здесь мы констатируем только два факта: 1) Опыты Крукса не были строго научными исследованиями; они произведены на вполне обыкновенных спиритических сеансах, и именно так, как это было удобно медиуму, который играл роль руководителя, сообщая «вести от духов». 2) Крукс едва ли подозревал все значение тех обстоятельств, которые он обходит молчанием в отчете 1871 г. В противном случае он никогда не мог бы составить приведенного раньше описания, не совершая тем сознательного обмана.

ФОТОГРАФИИ ДУХОВ

В своем историческом изложении мы не можем, конечно, останавливаться на всех медиумических явлениях, которые когда-либо имели место, и на вызванных ими изысканиях, а ограничиваемся частью такими явлениями, которые подверглись особенно тщательному испытанию со стороны более выдающихся исследователей, частью такими, которые приобрели решающее значение в теоретическом отношении. С обеих точек зрения, наряду с другими явлениями, якобы доказывающими материализацию духов, важное место занимают так называемые «фотографии духов». Из всех свидетельств в пользу подлинности подобных явлений, показания Крукса надо, конечно, считать наиболее надежными; их теоретическое значение очевидно. Именно рассмотренные до сих пор медиумические явления могут быть объясняемы и без помощи спиритической гипотезы. Возможно, правда, что физические и интеллектуальные эффекты достигаются действительно при участии духов, которые производят их в присутствии медиумов. Но мыслимо также, что причина этих явлений кроется лишь в душевной жизни медиума и, следовательно, они имеют чисто психический характер, что, таким образом, медиума надо считать одаренным силами, на которые психологи до сих пор не обращали достаточного внимания. В таком случае при объяснении медиумических явлений вполне можно было бы обойтись без спиритической гипотезы. Таково воззрение Крукса и прочих оккультистов. Насколько, с одной стороны, им кажется невероятным, чтобы духи опускались до таких ребяческих шалостей,— ведь действительно нельзя иначе назвать многих медиумических эффектов,— настолько, с другой стороны, они признают вероятным, что в природе, а также в человеке существуют силы, еще неизвестные науке. Надо поэтому согласиться, что с первого взгляда, пожалуй, оккультизм должен бы иметь верную надежду на победу. Напротив, если бы удалось доказать, что духи действительно являются нам в виде живых существ, то это, естественно, было бы сильным доводом в пользу спиритизма. Поэтому его приверженцы с самого начала ревностно искали таких непосредственных и надежных указаний на вмешательство духов, и уже с первых сеансов начинаются сообщения о том, что их участники видели руки и чувствовали прикосновения и именно при таких условиях, что виновником этих явлений не мог быть кто-либо из присутствующих. Но пока подобного рода свидетельства исходили лишь от отдельных лиц, все-таки не была исключена возможность того, что все дело заключается в галлюцинациях, в чистом вообра-

жении какого-нибудь наблюдателя, обладающего богатой фантазией. Полная уверенность достигалась бы только в том случае, если бы присутствие духа можно было доказать с помощью фотографии или, по крайней мере, если б он настолько явственно предстал пред многими, строго критически относящимися к делу наблюдателями, что не могло бы быть места ни для какого сомнения в объективном характере наблюдаемого.

И спириты на самом деле приобрели с течением времени большую ловкость в добывании подобного рода доказательств. Конечно, нельзя было ожидать, что цель будет достигнута сразу. Как медиумам, так и духам нужно было время для развития этого нового способа самообнаружения. Вначале удавалось получать фотографии лишь существ, которые были видны исключительно медиумам, для всех же прочих оставались незаметными. Но через 20 лет духи развили материализацию до такого совершенства, что их можно было видеть большому кругу зрителей и фотографировать при сильном электрическом свете. Их дыхание и пульс были измерены; у них отрезали локоны, сохраняя для вечного воспоминания. Однажды на сеансе у Крукса, где объявился дух Кэти Кинг, один из участников даже прямо заявил, что если этот дух есть какая-то психическая сила, то последняя должна быть женщиной. После этого надо было сознаться, что превзойдены самые смелые ожидания и даны поразительные доказательства. Мы рассмотрим теперь эти доказательства несколько подробнее, следуя их историческому развитию.

Рис. 70. Дух г-жи Боннер с неизвестным лицом. Фотография Мёмлера.

Самые первые фотографии духов относятся к времени дагерротипии. В одном американском спиритическом журнале за 1855 г. редактор его сообщает, что долгое время делались тщетные попытки воспроизвести являющихся духов на дагерротипной пластинке, но что теперь имеются самые верные надежды достигнуть этого.

Именно незадолго до того один профессиональный дагерротипист, бывший в то же время медиумом, снял карточку со своего маленького сына, и на этой карточке сверху вышла широкая облакоподобная световая полоса, которая опускалась на плечи мальчика и там терялась. Эта световая полоса походила на солнечный луч, врывающийся через маленькое отверстие; при ближайшем рассмотрении она оказалась несколько прозрачной. Ни на одной из прежних карточек не появлялось ничего подобного. Несмотря на самое тщательное исследование окружающей обстановки, для этого явления не удалось отыскать какой-либо разумной причины.

В том же году и в том же журнале сообщается второй подобный случай. Но после этих, во всяком случае, весьма сомнительных результатов, дух, по-видимому, перестал проявлять себя таким путем; о подобного рода карточках ничего более не было слышно вплоть до 1862 г. В этом году начал свою деятельность *Мёмлер*, самый, быть может, известный из всех лиц, занимавшихся фотографированием духов.

Мёмлер был первоначально гравером, но по воскресеньям он имел обыкновение посещать одного своего друга, служившего в фотографическом заведении, и с удовольствием наблюдал за его работой. Таким образом, он постепенно научился технике фотографирования, не имея в то же время никакого представления о природе и действии химических веществ. Находясь в одно из воскресений совершенно один в мастерской своего друга, он попытался снять свой собственный портрет и получил при этом на пластинке, кроме себя, еще какую-то другую фигуру. До тех пор он еще совершенно ничего не слышал о снимках с духов и потому сначала думал, что эта вторая фигура получилась оттого, что пластинка была не совсем чиста и сохраняла следы какой-нибудь прежней карточки, как это нередко случалось при употреблявшемся тогда коллодийном способе. Но позднейшие опыты, при которых эта возможность была совершенно исключена, привели его к убеждению, что подобные изображения духов получаются от действия силы, над которой человек не властен. Так как подобные изображения часто получались на его пластинках, то он решил, по совету некоторых друзей, оставить свое прежнее занятие и посвятить себя фотографии. После правильного обучения этому искусству, он стал работать в качестве фотографа и медиума, но его деятельность продолжалась недолго, так как обнаружилось, что на различных его фотографиях в виде духа фигурирует изображение особы, находящейся в живых. При этом открытии публика потеряла к нему доверие, и о нем и его карточках ничего не было более слышно, пока он не появился в 1869 г. в Нью-Йорке. Здесь, однако, через несколько месяцев на него было подано обвинение в обмане. Именно несколько фотографов открыли метод, посредством которого он вызывал на пластинках образы духов. Правда, четверо других специалистов объявили, что они следили за всеми его операциями и никогда не замечали ничего подозрительного. Один из них даже приглашал Мёмлера к себе в дом, но и здесь все-таки получались изображения духов, хотя Мёмлер имел дело с пластинками и аппаратами, которые раньше никогда не были в его руках.

После этого свидетельства судья решил, что хотя лично он убежден в том, что обвиняемый действовал обманным образом, но все-таки по отношению к нему нельзя постановить обвинительного приговора за неимением достаточных доказательств. Это довольно сомнительное оправдание, конечно, было сильно утилизировано спиритами.

В этом процессе фигурировали также различные лица, утверждавшие, что в изображениях духов они вполне явственно могли признать своих умерших родственников и друзей. Это, конечно, казалось весьма убедительным доводом в пользу подлинности таких изображений. Но чтобы читатель сам мог судить, насколько ценны подобного рода доказательства, здесь воспроизведены несколько таких фотографий, снятых Мёмлером с духов. Для меня было бы весьма удивительно, если бы большинство людей при сколько-нибудь добром желании также не открыло известного сходства между этими неясными белыми фигурами и кем-либо из своих знакомых.

В то время как Мёмлер был, таким образом, оправдан и еще много лет продолжал свою деятельность на радость верующим спиритам с профессиональными фотографиями духов, выступившими в Европе, дело обстояло значительно хуже. В 1872 г. английский фотограф *Гедсон* начал приготовлять такие же изображения, какие получались у Мёмлера, но они были исполнены настолько грубо, что сами спириты возымели подозрение и отреклись от Гедсона. Немногим больше досталось успеха на долю *Паркеса*, который несколько лет спустя выступил в Англии с подобного же рода фотографиями. Но наибольшее внимание и негодование возбудил *Бюге* в Париже. Рекомендованный Леймари, редактором «Спиритического Обозрения» (Revue spirite), и поддерживаемый весьма известным в то время медиумом Фирманом, он начал свою деятельность в 1873 г. Но *Ломбар*, фотограф, состоящий на службе у полиции, возымел подозрение, что у него все основано на обмане. Он явился под вымышленным именем к Бюге, чтобы тот снял его вместе с духом. Когда Бюге намеревался вставить кассетку с пластинкой в аппарат, Ломбар взял у него кассетку и потребовал, чтобы пластинка была проявлена без экспозиции. Тогда Бюге стал отговариваться, что изображение духа уже заранее могло находиться на пластинке. Затем при обыске у него были найдены куклы, закутанные в саван, и сверх того множество голов, вырезанных из фотографических карточек и наклеенных на картон. С помощью таких приспособлений Бюге подделывал различные изображения духов.

Хотя и в этом случае многие лица заявили, что они узнают в фигурах духов на карточках Бюге своих умерших друзей, однако обвиняемые все-таки были признаны виновными в обмане: Бюге и Леймари поплатились годом тюрьмы и денежным штрафом в 500 франков, Фирман же — шестью месяцами тюрьмы и штрафом в 300 франков.

Всего замечательнее в этих фотографиях духов и в возникших по поводу их процессах быть может то обстоятельство, что они ясно показывают, насколько

сильно в человеке стремление во что бы то ни стало попадать в обман. Известный спирит Аксаков долгое время относился с недоверием к Бюге и писал об этом некоторым французским спиритам.

«Но мои предостережения,— говорит он,— остались благодаря французскому энтузиазму без всякого внимания. Прежде чем печатно высказать свое подозрение, я ждал результатов поездки Бюге в Англию; мне было известно, что английские спириты прошли в этом отношении хорошую школу: у них также был фотограф духов, м-р Гедсон, который подпал обычному искушению соединять ради барыша истину с ложью, но они скоро сорвали с него маску и оставили его. Однако отзыв английских спиритов оказался благоприятным Бюге... К сожалению, процесс доказал теперь, что мои подозрения были более чем справедливы, и что Бюге брал заслуженную дань с французского легковерия, перемешивая истинное с ложным» (Психические этюды, 1875, стр. 339).

Рис. 71. Дух г-жи Боннер с ее мужем.

Рис. 72. Редактор Waverley Magasine и близкий ему дух.

Фотографии Мёмлера.

Отсюда можно видеть, что Аксаков все-таки не особенно далеко ушел от своих товарищей по вере в духов. Хотя процесс вполне ясно доказал, что Бюге был простым обманщиком, Аксаков все-таки хватается за чрезвычайно слабую опору, намекая, что среди многих тысяч фальшивых снимков, полученных Бюге якобы с духов, могли быть, однако, и подлинные («истинное с ложным»). То же, по его мнению, справедливо и относительно Гедсона. Здесь Аксаков, конечно, имеет в виду, главным образом, те карточки, на которых можно найти так называемые «доказательства тождества», т. е. разного рода предметы,— особенно же части одежды,— которые были характерны для умерших. Очевидно, что на смутных изображениях духов такой предмет, имеющий особенную форму, может быть признан гораздо легче, чем черты человеческого лица, и потому подобного рода

определенный признак кажется сильным доказательством подлинности изображения,— конечно, если предполагать, что фотограф не знал умершего, а следовательно, и характерной для него приметы; в противном случае он, разумеется, с таким же удобством мог бы воспроизвести данное доказательство тождества, как и образ самого духа. К сожалению, история возникновения таких изображений малоизвестна; большинство известий слишком неполны, чтоб из них можно было видеть, в какой степени были приняты необходимые меры предосторожности. Если судить по одной из немногих историй, описанных с некоторой подробностью, то эти доказательства тождества не особенно убедительны.

Рис. 73. Дух отца М-с Х.

Одна неизвестная по имени дама (мы можем назвать ее м-рис Х) пришла однажды со своим другом м-ром Ф. к Гедсону и была им снята. На карточке (рис. 73) оказался ее умерший отец в бархатной шапочке, которую он носил в последние годы своей жизни и по которой именно м-рис Х узнала его. Ближайшие обстоятельства, при которых возникла эта карточка, рассказаны самой м-рис Х в одном письме к приятельнице, а письмо это было напечатано в «Человеческой природе» (Human Nature за 1894 г.) известным спиритическим писателем Стэнтоном Мозесом под псевдонимом М. А. (Оксон). Из этого довольно пространного письма я приведу следующие главные пункты.

М-рис Х жила в деревне в пятнадцати милях от Лондона и не знала никаких других спиритов, кроме своих двух дочерей, из которых одна была медиумом. Через эту дочь она постоянно получала сообщения от одного духа, который выдавал себя за ее умершего отца; дух этот очень хотел показать себя ей, но сила медиума была для этого недостаточна. Однажды вечером, когда они по обыкновению сидели у стола, вдруг получилось сообщение: «иди к Гедсону, я покажу себя там». Тогда они согласились в том, что надо условиться в каком-либо определенном признаке на случай, если сходство изображения будет незначительно, и мать сказала дочерям, что она только будет думать об этом признаке, но не назовет его, чтобы его не выдать. Она так и поступила, и стол показал своими оживленными движениями, что он одобряет выбор.

Несколько дней спустя мать отправилась с той дочерью, которая не была медиумом, в Лондон. Дорогою дочь попросила у матери, чтобы та сообщила ей избранный признак: в противном случае, если этот признак будет известен только матери, скептики легко могут сделать потом свои возражения. Тогда м-рис Х шепнула дочери на ухо то, что она задумала. По прибытии в Лондон они расстались: дочь отправилась посещать разные лавки, а м-рис Х пошла к своей приятельнице, чтоб идти вместе с нею к Гедсону. Она никогда не была у него прежде, а он не знал ее даже по имени; но уже на самой первой пластинке вышел ее умерший отец со своими резкими чертами лица под упомянутой черной бархатной шапочкой, которая как раз была тем доказательством тождества, которое задумала мать.

Таково краткое содержание письма. Факт этот бесспорно был бы весьма убедителен, если бы м-рис Х была настолько предусмотрительна, чтобы не выдавать задуманной приметы. Но ради чего ее дочь непременно хотела знать эту примету? Разве не естественно думать, что она, желая доставить матери радость, решилась на благочестивый обман, сообщив тайну Гедсону? У нее было достаточно времени для этого, так как она знала, что ее мать должна сначала зайти к приятельнице, Гедсон же, конечно, был заинтересован в сохранении секрета; таким образом, не представлялось ни малейшей вероятности, что дело будет открыто. К сожалению, этот-то именно важный пункт и обойден в рассказе полным молчанием.

История эта имеет, однако, еще интересный эпилог. В одной книге относительно фотографий духов, появившейся в 1894 г. под заглавием «Приподнятое покрывало» (The veil lifted), находится следующий буквальный рассказ об этом случае. «Мать пошла к Гедсону со своей дочерью. Она не сказала фотографу, что ею задумано. Она думала и желала, чтобы показался ее отец. Она ничего не сказала ни дочери, никому другому о том признаке, который был ею избран. Она задумала, чтобы

Рис. 74.

Рис. 75.

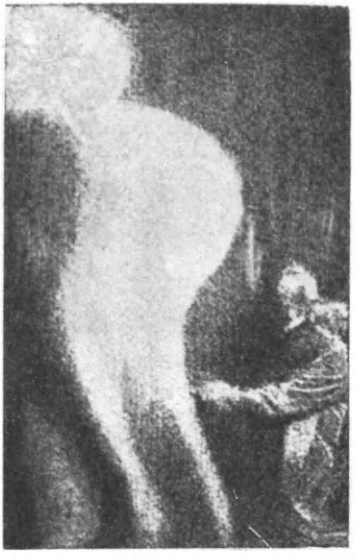


Рис. 76.

Рис. 77.

Фотографии духов Битти.

отец ее показался в своей особенной черной шапочке, которую он носил в последние годы своей жизни. Эту примету она держала в секрете, пока не была проявлена пластинка; но здесь также вполне явственно вышла шапочка, как это можно видеть и на рисунке; черты лица тоже выражены настолько ясно, что не остается никакого сомнения». Рассказ этот служит хорошим примером того, каким образом описываются у спиритов факты. Автор без всякой церемонии опускает здесь маленькую подробность, которая, вероятно, заключает в себе объяснение всего замечательного случая, именно, что дочь выманила у матери тайну. При таком изложении случай этот становится, конечно, в высшей степени загадочным и сверхъестественным. Но это-то и нужно; что же касается истины, то она менее важна.

Если спиритические писатели допускают подобные искажения даже в тех случаях, когда известны подлинные обстоятельства дела, то можно составить себе приблизительное понятие о том, насколько надежны их сообщения в тех случаях, когда они излагают свои собственные наблюдения.

В то время как все выдающиеся профессиональные фотографы духов раньше или позже оказывались обманщиками, несколько иначе обстоит дело с людьми, которые пытались получить фотографии духов как любители, из простого интереса к делу. Некоторые из этих лиц, во всяком случае, действовали с полной верой

Рис. 78.

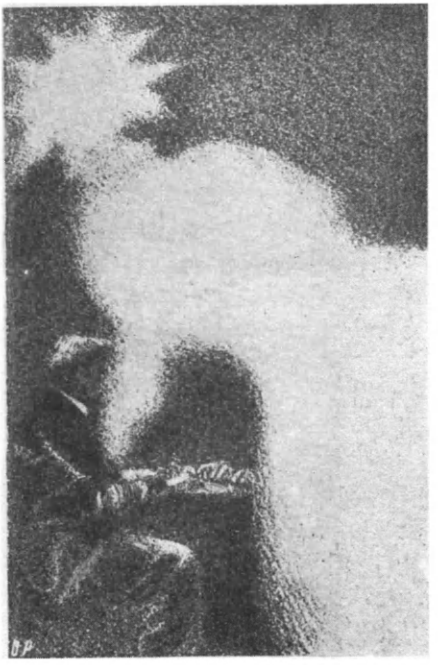


Рис. 79.

Фотографии духов Битти.

и отнюдь не могли быть подозреваемы в сознательном обмане: между тем коекому из них удалось получить изображения духов. Наибольшую известность приобрел среди них англичанин *Битти*, человек занимавший почтенное положение в обществе; он был фотографом, но потом оставил это занятие. Когда были обнаружены обманы Гедсона, ему пришла в голову мысль самому исследовать дело.

Для этого он соединился с несколькими своими друзьями, честными и уважаемыми, и нанял мастерскую и приборы у одного специалиста-фотографа, Джостей; этот Джостей, о котором Битти нигде далее не упоминает, постоянно помогал ему и отчасти, по-видимому, служил также в качестве медиума. О Джостее ничего более неизвестно, кроме того, что дела его шли все хуже и хуже; он предавался пьянству, сделался несостоятельным и кончил жизнь в богадельне.

Опыты Битти были произведены в 1872 и 1873 гг. Спириты считают их наиболее достойными внимания из всех такого рода экспериментов, которые когда-либо были сделаны. Сначала на карточках ничего не было видно, но постепенно стали вырисовываться неправильные, более светлые части, которые в конце концов приняли вид человеческих фигур. Приложенные фотографии (рис. 74—77) представляют из себя четыре из карточек Битти, выбранные из всего их ряда, чтобы показать такое постепенное развитие. Не надо, конечно, упускать из виду, что медиум Джостей, а иногда и один из

остальных участников заранее могли сказать, что получится на пластинках. А если также принять во внимание, что м-р Джостей как раз не отличался хорошей репутацией, то не будет невероятным, что при возникновении изображений он пускал в ход свои пальцы. Но это маленькое и в то же время существенное обстоятельство стало известно лишь в 1891 г.; первоначальные же известия об опытах Битти ни словом не упоминали об участии Джостея, и потому понятно, что карточки Битти должны были иметь большое значение для спиритизма.

МАТЕРИАЛИЗАЦИИ

На основании предыдущего надо было считать делом решенным, что духи действительно могут являться в образах, отражающих или испускающих химические лучи. Поэтому они и могли действовать на фотографическую пластинку, продолжая быть невидимыми для обыкновенных человеческих глаз. Теперь оставалось достигнуть еще только одной цели, именно — побудить духов, чтобы они являлись на виду у *всех*: тогда победу спиритизма надо бы признать верной и окончательной. Эта цель и на самом деле была достигнута вскоре после того, как Битти изготовил свои сделавшие эпоху фотографии. Уже года за два до этого из Америки пришло известие, что духи явственно предстали перед целым собранием в присутствии медиума м-ра Эндрью (Andrew). Европейские медиумы немедленно начали устраивать сеансы с тою же целью, и им действительно скоро удалось вызвать подобные же явления. Правда, при этом довольно подозрительно было одно обстоятельство, именно, что материализованные духи всегда обнаруживали странное сходство с самими медиумами не только в чертах лица, но также в голосе, походке и разговорах. Ввиду этого противники спиритизма тотчас стали говорить об обмане. Тогда за исследование дела взялся в 1872 г. *Крукс*. В качестве медиума он избрал пятнадцатилетнюю Флоренсу Кук, от которой, благодаря ее юному возрасту, наверно, нельзя было ожидать никакого обмана. Более двух лет она находилась в исключительном распоряжении Крукса и его друзей; они все время экспериментировали с ней в различных частных квартирах и при всех возможных мерах предосторожности, чтобы исключить всякий обман. И все-таки им не удалось установить, что или кого представляла из себя та фигура, которая постоянно являлась с ней вместе.

К сожалению, относительно этих опытов Крукса не существует связного отчета. Сообщения о них печатал то тот, то другой из участвовавших на сеансах, и эти статьи разъяснены в различных периодических изданиях. Интереснейшие отрывки переведены Аксаковым в «Психических этюдах» (1874 г.), но описания здесь настолько коротки, что с полным основанием можно предполагать, что в них опущены многие существенные частности. Поэтому теперь нет возможности решить, кто такой был дух «Кэти Кинг». Сам он сообщил, что представляет из себя материализованный образ одной придворной дамы, Энни де-Морган, из времен королевы Анны. Если отвергнуть это объяснение, то остаются лишь две возможности. Или медиум сам изображал из себя духа, или же Кэти Кинг есть лицо, отличное от медиума. Мы рассмотрим теперь различные основания, которые говорят в пользу той или другой из этих двух возможностей.

За то, что Флоренса Кук и Кэти Кинг суть одно и то же лицо, говорит собственно лишь одно обстоятельство, именно, что никто не видал лица их обеих одновременно. Во время опытов медиум постоянно лежал в состоянии транса в темном пространстве, отделенном от места пребывания зрителей плотной занавеской, тогда как дух часто в течение целых часов свободно двигался между зрителями. Только поодиночке получали участники позволение входить в темное помещение медиума, но здесь если они видели этого последнего, то дух обыкновенно исчезал для них. На одном из последних сеансов Кэти была сфотографирована при помощи электрического света, причем занавеска была отдернута в сторону, так что можно было видеть и медиума; но на карточке, воспроизведенной здесь (рис. 80), вышла только часть фигуры медиума, так как его лицо заслонено Кэти. Поэтому,

конечно, можно было бы думать, что Флоренса Кук сама выступала в роли духа, причем связка набитого платья должна была представлять спящего медиума. Однако такое предположение имеет за себя мало вероятности.

Гораздо скорее можно признать, что медиум Флоренса и дух Кэти были два различные лица. Они, несомненно, были очень похожи друг на друга, но Кэти была на полголовы выше медиума, ее волосы были светлее и пышнее и ее уши были лишены проколов, тогда как Флоренса обыкновенно носила серьги. Сверх того, Кэти была полнее и имела светлый цвет кожи. К тому же Кэти всегда являлась в белом одеянии, с вырезкой на шее, медиум же до начала сеанса обыкновенно был в темноте, плотно закрывающем шею платье. А так как часто Крукс, входя в темное помещение, видел медиума всего несколько секунд после того, как Кэти становилась видной для всех, то почти немыслимо, чтоб она могла так быстро переменить свою одежду. Наконец, при некоторых опытах Крукс применял электрический прибор, который тотчас указывал малейшее движение со стороны медиума; между тем прибор этот не обнаруживал никакого изменения, в то время как Кэти Кинг расхаживала среди зрителей. Поэтому не подлежит, по-видимому, никакому сомнению, что Кэти Кинг и Флоренса Кук были двумя различными лицами.

Рис. 80. Кэти Кинг и Флоренса Кук.

Но кто же была эта Кэти Кинг? Крукс щупал ее пульс и исследовал ее дыхание; он отрезал у нее локон, после того как убедился, что у нее на голове действительно были волосы. Однажды он даже поцеловал ее — после специально испрошенного позволения. При этом, по его собственным словам, он пришел к убеждению, что она представляет собой столь же телесную женщину, как и медиум. Другие присутствующие также утверждали, что они имели случай чувствовать теплоту ее тела сквозь ее легкое облачение. А так как можно было считать доказанным, что Кэти и медиум два различные существа, то естественно было заключить, что Кэти Кинг есть земная родственница Флоренсы Кук. Этим сразу были бы объяснены как их замечательное сходство, так и их индивидуальные различия.

Этого заключения Крукс, однако, не вывел. Он считал невозможным, чтобы пятнадцатилетняя Флоренса в течение нескольких лет могла совершать столь утонченный обман,— он скорее соглашался, что дух Кэти представлял собой род лучеиспускания медиума, действие его психической силы. Но каким образом психическая сила может создавать самостоятельное, разумное существо с телом и кровью, об этом он благоразумно умалчивает.

Здесь не место входить в ближайшее рассмотрение того, кто было загадочное существо Кэти. Мы ограничимся констатированием двух фактов, которые имеют огромное значение при решении этого вопроса.

1. Хотя различные сообщения о круксовских сеансах подробно говорят о мерах предосторожности, с помощью которых старались помешать самой Флоренсе

выступать в образе духа, но нигде почти не упоминается о мерах против того, чтобы медиум не мог получать поддержку извне. Единственный только раз передается, что все двери в темную комнату, где находился медиум, были заперты и заклеены, за исключением лишь той, перед которой сидели зрители. Но эти меры были, конечно, недостаточны, чтобы совершенно исключить возможность внешней помощи. В этом слабый пункт опытов Крукса.

2. Доказано, что Флоренса в одном случае,— а вероятно и во многих,— сама выступила в виде Кэти. Именно в 1879 и 1880 гг. она устроила в «Британской ассоциации спиритов» (British Association of Spiritualits) ряд сеансов, на которых появлялась Кэти. Некоторые из присутствующих возымели, однако, подозрение, что Флоренса (бывшая тогда уже замужем за м-ром Корнером) сама изображает духа, облачаясь в белое одеяние. На одном сеансе, 9 января 1880 г., они внезапно выскочили и схватили Кэти, которая при исследовании действительно оказалась м-рис Корнер только с фланелью под платьем и в корсете.

Спириты объявили этот прискорбный случай «псевдоматериализацией». Оказывается, что медиум, лежащий в трансе, легко может под влиянием самовнушения бессознательно выступить в роли духа, прежде чем начнется действительная материализация. Это объяснение, бесспорно, справедливо, к сожалению, только до сих пор не имеется ни одного состоятельного доказательства в пользу того, что лишь некоторые, а не все материализации есть такие же или подобные им псевдоматериализации. Кроме круксовской карточки Кэти Кинг и Флоренсы Кук в настоящее время существует еще лишь одна достоверная фотография, изображающая одновременно духа и медиума. Этот снимок сделан в 1887 г. *Аксаковым* в одном лондонском частном кружке.

Здесь, по-видимому, для медиума была устранена всякая возможность получить какую бы то ни было поддержку извне. Но медиумом служил известный, неоднократно уличенный в обмане Эглингтон, дух же, который не был подробнее исследован присутствующими, довольно похож на куклу, образованную из маски, сюртука, простыни и проч. (см. рис. 81). Впрочем, сама оригинальная фотография настолько неявственна, что сначала надо еще спросить, не есть ли «дух» медиум, а медиум кукла. Да и сделанное Аксаковым пространное описание того, что происходило на сеансе, нисколько не исключает возможности предполагать, что Эглингтон играл обе роли, являясь попеременно, смотря по надобности, то в своем собственном платье, то в одеянии «духа». Во всяком случае, надо признать, что *до сих пор не имеется еще ни одного положительного и бесспорного доказательства подлинности материализаций.*

Рис. 81. Эглингтон и неизвестный дух. Фотография Аксакова.

Таким образом, фотографии духов, как мы видели, распадаются на две группы: на карточки духов, которые во время фотографирования не видны для людей (за исключением, быть может, медиума), и на карточки, при снимании которых духа в то же время видят многие лица. Относительно всех карточек первого рода с достоверностью или, по крайней мере, с величайшей вероятностью доказано, что к их пластинкам были применены какие-либо обманные уловки. Напро-

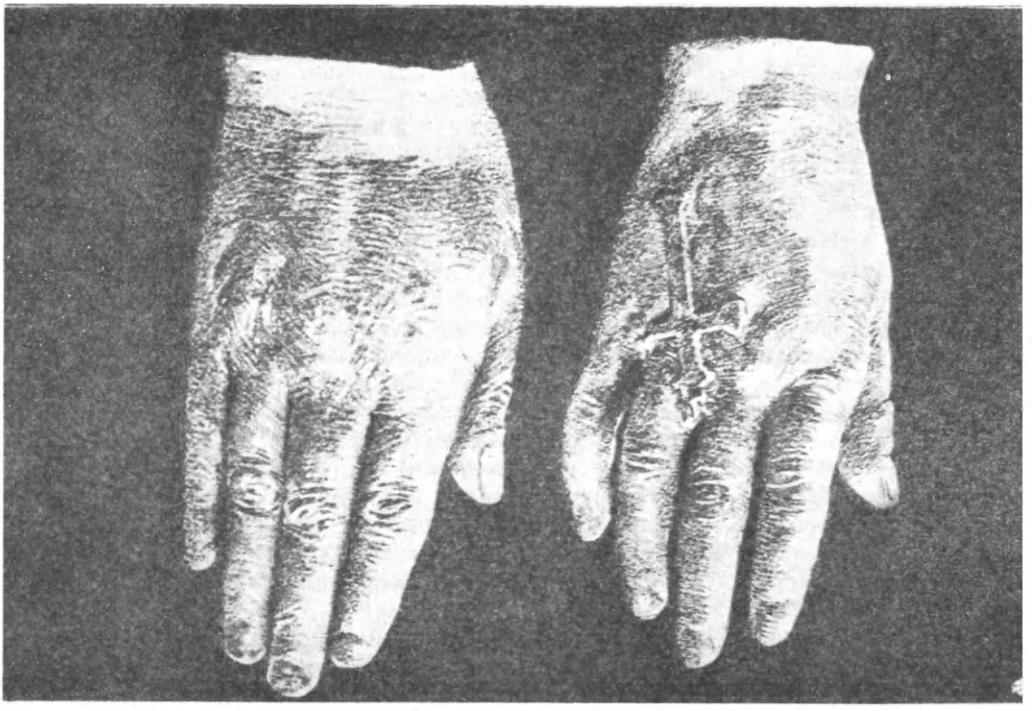


Рис. 82. Отливки рук духа Берти, полученные Реймерсом.

тив, немногие существующие карточки второго рода приготовлены людьми, имя которых, во всяком случае, ручается за то, что фотографическая пластинка не была подвергнута никакой недобросовестной манипуляции. Но прежде всего во всех таких случаях сфотографированный «дух» и сама его природа не стоят вне всяких сомнений. А затем, если даже допустить, что хотя некоторые из этих изображений «подлинны», т. е. вызваны иными средствами, чем известные нам естественные силы, то это все-таки нисколько не докажет истинности спиритизма. Крукс, который все же один из самых опытных исследователей в этой области, утверждает, как мы видели выше, что вполне возможно видеть в образах духов просто явления, вызванные психической силой самого медиума. В новейшее время эту мысль снова выставил Э. фон Гартман, который провел ее в частностях, показав, как легко объясняется с помощью психической силы большинство медиумических явлений. Эти различия во мнениях между спиритами и оккультистами имеют для нас тот интерес, что они не показывают, насколько непрочно то основание, на которое опирается как спиритическая, так и оккультическая теория. Мы хотим лишь констатировать, что спириты *отнюдь не достигли той решительной победы, какой они ждали от материализаций.*

Для полноты изложения здесь надо упомянуть также, что помимо фотографий существует еще другое более осязательное доказательство материализации духов, именно *отливки рук и ног духов*. Впервые получил такие отливки американский геолог проф. Дентон. Он сделал наблюдение, что если погружать палец сначала в растопленный парафин, а затем в холодную воду, то на пальце получается тол-

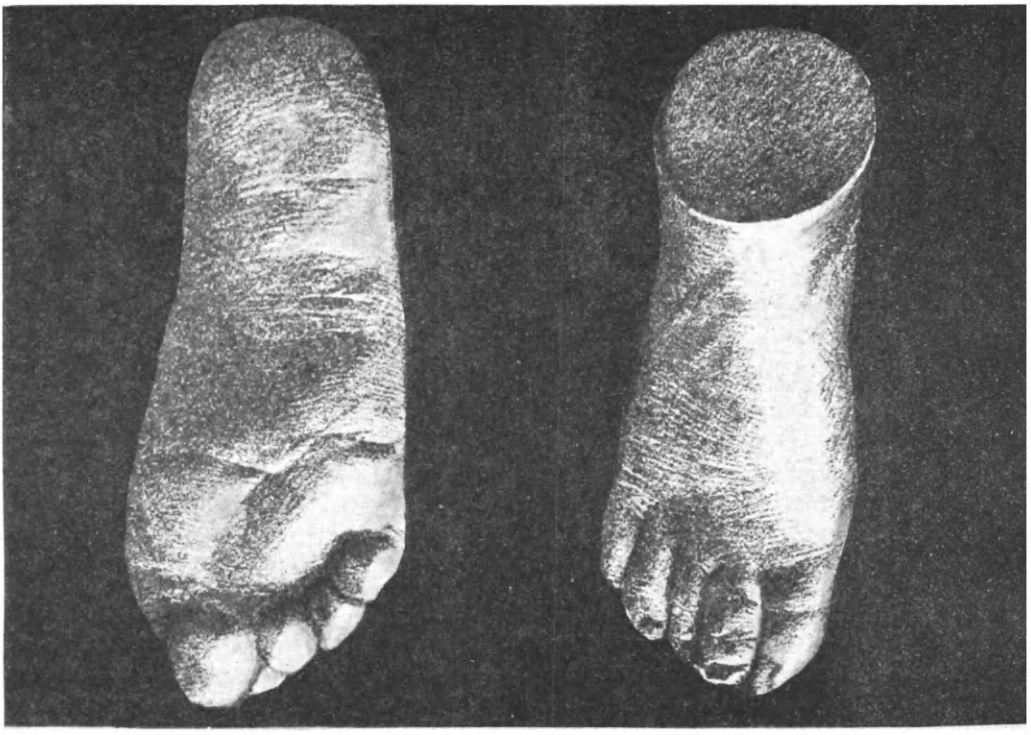


Рис. 83. Отливки ног духа Берти.

стая парафиновая оболочка, которую можно снять, не повредив ее. Если затем наполнить этот парафиновый футляр гипсом, то получится вполне точный отливок пальца: каждая пора и линия кожи выражена на нем так ясно, что ни один художник не смог бы воспроизвести этот палец с такой точностью. Своим открытием Дентон воспользовался на одном сеансе с материализацией и получил отливки пальцев, не имевших никакого сходства с пальцами присутствующих. Впоследствии спириты добывали таким путем отливки целых рук и ног, считая это весьма сильным доказательством участия духов. По их утверждению, такая парафиновая форма не может быть снята с руки человека, не сломавшись, так как рука должна пройти сквозь узкое отверстие у ручного сустава. Если же эта форма остается неповрежденной, то она должна принадлежать руке менее материального существа, чем человек.

В глазах оккультистов, напротив, это утверждение, очевидно, не имеет большой цены, так как если «психическая сила» может в каком-нибудь месте пространства вызвать нечто подобное живому существу, то она может также заставить это существо распасться на этом же месте и исчезнуть, когда получится форма. Таким образом, и возникновение этих парафиновых форм тоже можно объяснить с помощью «психической силы».

Однако доказательство в пользу материализации духов, представляемое парафиновыми формами, столь же мало состоятельно, как и другие подобные доказательства, так как формы эти получались на спиритических сеансах тоже при совершенно ненадежных условиях. В книге Аксакова «Анимизм и спиритизм»,

часть I, находятся многочисленные сообщения о подобного рода сеансах. Добытые формы то совершенно сходны с руками и ногами медиума, то нет. Что касается последнего случая, то нигде нет полной гарантии того, что медиум не имел данную форму при себе еще до начала сеанса. Наконец, и утверждение, что человек не может снять без повреждения наложенную на его руку или ногу форму, совершенно неосновательно. Для многих достаточно лишь небольшого упражнения, чтобы приобрести такую способность. В последней части нашей книги мы поговорим об этом подробнее.

Цельнер и четырехмерные существа

ПСИХОГРАФИЯ, ИЛИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ПИСЬМО

В истории спиритизма *Фридрих Цельнер* (род. 1834 г., ум. 1882 г.), профессор астрофизики в Лейпциге, занимает сходное положение с Вильямом Круксом. То, чему исследования этих двух людей обязаны своим значением, заключается не в новизне наблюдаемых явлений, так как те же явления уже намного раньше были в большей или меньшей степени известны спиритам. Но все прежние известия об этих явлениях исходили почти исключительно от профанов, от мужчин или женщин, которые были лишены научного образования и относительно которых никогда не имелось доказательства того, что они обладали достаточным навыком в наблюдении и экспериментировании. Естественно, что сообщения эти, совершенно противоречившие законам природы, принимались с большим недоверием, особенно в ученом мире. Иной вид приняло дело, когда в защиту подлинности таких явлений выступали после долгих опытов два столь выдающихся экспериментатора, какими были, по всеобщему признанию, Крукс и Цельнер. Их сообщения нельзя было без дальних слов объявить за продукт фантазии. Или наблюдаемые явления действительно должны были иметь место или надо было показать, каким образом эти знаменитые исследователи могли впасть в ошибку при данных условиях. Значение их защиты спиритизма всего яснее видно из того, что, с одной стороны, его приверженцы постоянно указывают своим противникам на авторитет этих ученых, с другой же — именно их участие послужило поводом к подробным и интересным изысканиям относительно того, при каких условиях и в каком объеме, вообще, можно полагаться на наблюдения и рассказы других. Поэтому научный авторитет Крукса и Цельнера имел как для спиритов, так и для их противников большое значение, чем тысяча однородных показаний, сделанных другими лицами. По этой причине и при рассмотрении явлений, уже задолго до них наблюдавшихся другими, для них особенно интересны результаты, к которым пришли эти исследователи.

Опыты Цельнера были произведены сообща с американским медиумом Генри Слэдом и касались преимущественно двоякого рода явлений: «непосредственного письма» и «проницаемости материи». Здесь мы ближе рассмотрим каждую из этих групп в связи со своеобразной теорией, выставленной Цельнером для объяснения соответствующих явлений.

«Непосредственное», или «психическое письмо» впервые было открыто лифляндским бароном Людвигом фон Гюльденштуббе вместе с его сестрой Юлией. Он издал отчет о своих опытах под заглавием «Позитивная и экспериментальная пневматология» (Pneumatologie positive et experimentale. Париж, 1857). Из этой книги можно видеть, что автор был, вероятно, необыкновенно хорошим медиумом, так как он получал известные результаты даже и при таких условиях, когда

другому медиуму едва ли удалось бы что-либо сделать. Он начал с того, что положил бумагу и карандаши в запертую шкатулку, ключ от которой он постоянно носил с собой. От времени до времени он осматривал бумагу. По прошествии двенадцати дней на ней впервые показались какие-то мистические знаки. При позднейшем же наблюдении, открыв шкатулку, он явственно видел, как письмо как бы зарождается на бумаге без всякого участия карандаша. С этого времени он совершенно устранил карандаш и постепенно получил тысячи психограмм просто тем, что клал кусок белой бумаги на стол в своей комнате или на подножие какой-нибудь статуи в общественном здании, на надгробные памятники в церквах или на кладбищах. Такого рода факты имели место в античной зале Лувра, в соборе Сэн Дени, в британском музее, в Вестминстерском аббатстве, на различных парижских кладбищах и т. д., часто в присутствии многочисленных свидетелей. Письмо это постоянно принадлежало духам знаменитых умерших: как Гюльденштуббе, так и его сестра видели духа за работой. Подобных результатов, насколько известно, не достигал ни один медиум ни раньше, ни позже.

Рис. 84. Генри Слэд.

Медиум, наиболее после Гюльденштуббе преуспевший в области психографии, есть названный выше американец *Слэд*. У себя на родине, говорят, он добился непосредственного письма уже в 1860 г. Но знаменитость он приобрел лишь с тех пор, как прибыл в 1876 г. в Лондон и здесь устроил публичные сеансы. Эти последние возбудили к себе огромное внимание; в них принимали участие многие более или менее известные люди, которые сообщали о своих наблюдениях в газетах и журналах. Значительное число этих отчетов собрано в маленькой интересной книжке: «Психография, трактат об одной из объективных форм психических или спиритических явлений», составлен М. А. (Оксон) (Psychography, a treatise on one of the objective forms of psychic or spiritual phenomena, by M. A. (Oxon.), Лондон, 1878); сверх того, здесь есть также сообщения относительно подобных же сеансов с другими медиумами. Автор, между прочим, приводит и несколько своих собственных опытов со Слэдом, но они изложены так коротко и описаны так поверхностно, что совершенно лишены всякого значения. Более ценны, напротив, сведения, сообщенные членами Британской ассоциации спиритов (British Association of Spiritualists). Это общество хотело подвергнуть вызываемые Слэдом явления точному контролю в своем собственном помещении. Слэд согласился с тем условием, чтобы при опытах всякий раз присутствовало не более двух членов. Описание действий медиума мы находим в нескольких сообщениях об одном сеансе. Отчет некоего м-ра Эдмендса гласит:

«Слэд явился на сеанс испытательной комиссии и был приведен в назначенную для опыта комнату, где он последовательно принимал по два члена. Последними вошли туда м-р Хенна и я. Мы нашли Слэда стоящим у обыкновенного складного стола, который вместе с тремя назначенными для нашего сидения стульями был удален от остальных предметов, находившихся в комнате на расстояние от восьми до десяти футов. От членов, бывших у Слэда ранее м-ра Хенна и меня, я получил две доски, из которых одна была обыкновенная школьная доска, другая же двойная, с шарнирами. В начале сеанса на школьной доске, находившейся отчасти под столом, была написана короткая фраза. Тогда я выразил желание, чтобы что-нибудь было написано в моей записной книжке, которую

я подал Слэду вместе с кусочком синего карандаша. Мы получили указание, что будет сделана попытка добыть для нас какую-нибудь весть.

«Слэд, взяв карманную книжку, держал ее над столом открытой и вполне у нас на глазах; затем он положил врученный ему мною кусочек карандаша на открытую страницу и закрыл книжку, насколько позволял это сделать его большой палец, которым он держал книжку за один ее угол. Через минуту мы услышали указание, что дело сделано, за это время медиумом не было произведено никакого движения, так как мы вполне могли видеть как книжку, так и обе руки Слэда, в книжке действительно оказалось письменное сообщение. Тогда на одну половину двойной доски был положен кусочек грифеля и прикрыт другой ее половиной, так что грифель очутился между двумя досками. Закрытую доску Слэд держал одно мгновение под столом, но, по предложению Хенна, она была положена на стол, где Слэд касался ее лишь концом своих пальцев. Положив доску на стол, Слэд открыл ее и показал нам, что на ней еще ничего не было написано. Но почти в то же мгновение мы услышали, что уже написано, и, открыв доску, нашли на ней фразу. Это сообщение было спрятано м-ром Хенна и мной и засвидетельствовано тем, что мы написали свои фамилии на рамке доски».

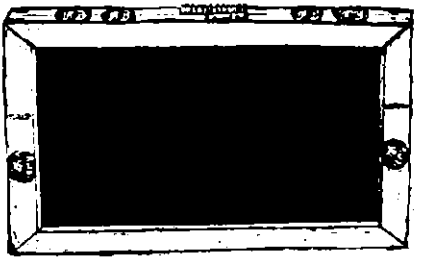


Рис. 85.

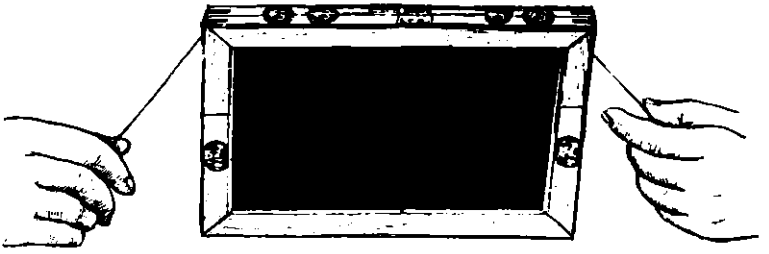


Рис. 86.

Закрытая доска Слэда. Открывание доски Слэда.

Отчет м-ра Хенна относительно первого и последнего опытов во всем существенном согласуется с рассказом м-ра Эдмендса, и потому излишне приводить из него эти два места. Но его описание опыта с карманной книжкой несколько отличается от предыдущего:

«М-р Эдмендс выразил желание, чтобы что-нибудь было написано в его карманной книжке. На нее был положен кусочек цветного карандаша, и Слэд держал ее совершенно открытой, наполовину спрятанной под углом стола. По прошествии минуты книжка обнаружила сотрясение при отсутствии всякого движения со стороны медиума, и мы услышали указание, что что-то написано; мы могли видеть как книжку, так и обе руки Слэда».

Ясно, что оба рассказа нельзя считать вполне верными. По одному Слэд держал книгу закрытою над столом, по другому же выходит как раз обратное, именно, что книга была открыта и отчасти находилась под столом. Но это не единственное разноречие, и в сообщениях других членов комиссии встречаются подобные же, хотя и не столь значительные несогласия. Сверх того, одно сообщение часто

Рис. 87. Цельнер и Слэд.

упускает из виду чрезвычайно важные вещи, о которых упоминает другое. Так, например, Эдмендс в своем приведенном выше рассказе говорит, что они осмотрели двойную доску, когда та была положена на стол; между тем м-р Хенна совершенно умалчивает об этом. Кому же теперь верить? Если различные известия относительно той же самой вещи в такой степени расходятся между собой и опускают важные обстоятельства, то это, конечно, не усиливает нашего доверия к надежности наблюдателя. Возможно даже, что обе стороны впали в ошибку и там, где они согласны между собой, и нельзя утверждать, чтобы исследования «Британской ассоциации спиритов» сколько-нибудь способствовали оправданию Слэда от возбужденного против него обвинения в обмане.

Вскоре по прибытии Слэда в Лондон, вероятно в сентябре 1876 г., зоолог проф. *Ленкестер* возымел подозрение, что деяния Слэда не более как ловко ис-

полняемые фокусы. И вот, когда Слэд однажды опустил под стол якобы чистую доску, Ленкестер выхватил у него эту доску и нашел, что там уже имелась «весть от духов». Он еще раньше приметил, что вся рука Слэда совершала движения как раз такие, как если б он писал на доске. Тогда Ленкестер возбудил против Слэда обвинение в обмане, и тот по «закону о бродягах» был присужден к трем месяцам рабочей тюрьмы. Рассмотрев жалобу на это решение, апелляционный суд отменил его, впрочем, лишь на основании нарушения формы, совершенного в первой инстанции. Слэд был выпущен на свободу, но это, конечно, еще не доказало, что он был невиновен в обмане.

В следующем году он жил попеременно в Англии и Голландии. Осенью 1877 г. прибыл он в Берлин. Его деятельность возбудила здесь такое же внимание, как и в Лондоне, но, несмотря на все усилия, спиритам все-таки не удалось побудить к исследованию этих явлений Гельмгольца, Вирхова и других знаменитых ученых. Зато в Лейпциге этим делом решился заняться Цельнер. 15-го ноября 1877 г. Слэд, по его приглашению, в первый раз явился в Лейпциг. С некоторыми более или менее значительными перерывами Цельнер экспериментировал с ним до июня 1878 г. При этих лейпцигских опытах «сила» Слэда достигла своего высшего проявления: в присутствии Цельнера у него удачно выходили различные опыты, которых впоследствии ему никогда не удавалось воспроизвести опять. Описание этих опытов вместе со своими заключениями Цельнер издал в 1—3 томах своих «научных статей» (Wissenschaftliche Abhandlungen. Лейпциг, 1878—79). Впрочем, самим опытам посвящена лишь незначительная часть этих томов, заключающих в себе 2000 страниц. Большую часть их занимают яростные нападки Цельнера на различных немецких ученых за то, что эти последние не хотели согласиться на исследование деяний Слэда, а постоянно считали его за ловкого фокусника, который все время обманывал Цельнера. При чтении этих ожесточенных выходок, которые по большей части переходили далеко за цель, невольно получается такое впечатление, что в последние годы своей жизни Цельнер действительно, как это часто утверждали, был не совсем нормален. Его горячее желание доказать подлинность медиумических явлений обратилось в настоящую мономанию, которая заставляет его позабывать все, что называется «научным методом». Вместо того чтобы сообщить вполне точные сведения о своих опытах и представить их в таком положении, которое исключало бы всякую мысль о возможности при данных условиях какого-либо обмана, он ограничивается тем, что указывает в нескольких строках результаты, опуская побочные обстоятельства; но при этом он на многих печатных листах осыпает своих противников отборнейшими грубостями. Подобное изложение есть все что угодно, только не научное сочинение: сообщения Цельнера принадлежат к самым пустым работам, какие, вообще, только появлялись в этой области.

Только в виде исключения и большей частью по совершенно другому поводу Цельнер снисходит до изображения самого главного, именно окружающей обстановки. Об одном из своих замечательнейших опытов относительно непосредственного письма он рассказывает мимоходом следующее (Wissensch. abh. т. 2, стр. 216, прим.).

«Две мною самим купленные, снабженные метками и тщательно вытертые аспидные доски были крепко связаны вместе крестообразно наложенным шнурком в 4 квадратных миллиметра толщиной, после того как сначала между ними был помещен отломок от нового грифеля толщиною около 3 миллиметров. Такая доска была положена у самого угла, незадолго перед тем лично мною купленного, ломберного стола из орехового дерева. В то время как В. Вебер, Слэд и я сидели за столом и занимались магнетическими опытами, причем все наши шесть рук лежали на столе, а руки Слэда были удалены от доски на расстояние более двух футов, внезапно между никем не тронутыми досками начались очень громкие звуки писания. Развязав доски, мы нашли девять следующих строк... На доске находилась та метка, которую я заранее нанес на нее, так что здесь не может быть речи о ее подмене или предварительном приготовлении».

Даже посредственный фокусник был бы в состоянии написать что-нибудь на паре связанных вместе досок, в то время как сидящие возле двое старых ученых

погружены в другие опыты: едва ли, конечно, можно было бы найти более благоприятные условия для обмана. Но Цельнер усматривает в этих и тому подобных явлениях свидетельство в пользу действительного существования разумных, четырехмерных существ. Что существа, которые пишут сравнительно неглупые фразы, должны быть названы разумными, это ясно само собой; почему же Цельнер называет их «четырехмерными», это мы увидим далее.

ПРОНИЦАЕМОСТЬ МАТЕРИИ

В многочисленных отчетах о спиритических сеансах приходится читать, что более или менее неподвижные предметы внезапно оказывались в замкнутом пространстве, где они раньше не были. Так, перед глазами присутствующих в запертой комнате, где происходил сеанс, вдруг появляются большие букеты цветов. Вещи, незадолго до того находившиеся в одном конце дома, переносятся будто бы без содействия со стороны людей в другое место, куски металла попадают в герметически закрытые стеклянные бутылки и т. д. Ясно, что подобного рода факты нелегко объясняются без признания у духов способности делать проницаемой земную материю, так что через нее могут проходить не только сами духи, но и более материальные предметы, причем прохождение их не оставляет после себя никакого следа. Поэтому такие явления справедливо считаются самыми замечательными среди проявлений медиумизма, так как они находятся в полном противоречии с известными нам законами природы. Но, с другой стороны, несомненна также необычайная трудность контроля над этого рода опытами. В самом деле, так как предмет появляется в замкнутом пространстве всегда совершенно неожиданно, то вдобавок ко всему прочему почти невозможно бывает установить, не был ли он уже заранее принесен на сеанс естественным путем. Здесь все зависит от осторожности и точности наблюдателей, и отчет, претендующий на убедительность, должен содержать чрезвычайно подробные сведения о всем, что делали наблюдатели и медиумы. Описания же, появившиеся до сих пор в литературе, не удовлетворяют даже самые скромные требования в этом отношении.

Один из самых старых опытов этого рода был произведен в 1858 году в лаборатории американского химика профессора *Хэра*. Кроме медиума, молодого человека 19-ти лет, на нем присутствовали лишь Хэр и некий д-р Петерс, которому принадлежит единственное имеющееся описание того, что происходило во время этого опыта. Сначала они получили несколько сообщений от духов при помощи «спиритоскопа». Это был изобретенный Хэром прибор, существенной составной частью которого была стрелка, двигавшаяся по скрытому алфавиту, так что медиум не мог знать указываемых ею букв. Одно из этих сообщений гласило: «Пусть д-р Петерс положит в ящик две бутылки и два куска платины». Хэр встал и взял две герметически закрытые бутылки и два куска платины величиною в пулю. Вещи эти были положены в длинный, узкий ящик, стоявший на столе; д-р Петерс тщательно исследовал его и не нашел в его устройстве ничего подозрительного. Затем ящик был заперт, и присутствующие снова занялись опытами со спиритоскопом. По прошествии *55* минут прибор сообщил: «У нас есть подарок для д-ра Петерса; пусть он подойдет к ящику и возьмет его». Ящик находился от Петерса на расстоянии всего одного фута; открыв его, он нашел обе платиновые пули в герметически закрытых бутылках.

Вот все, что содержится в отчете д-ра Петерса. Здесь ни одним словом не упоминается о том, что происходило в те *55* минут, которые понадобились духам, чтобы поместить платину в бутылки. Мы узнаем только, что ученые продолжали работать со спиритоскопами; но ведь это, конечно, едва ли могло непрерывно происходить в течение целого часа. Д-р Петерс не упоминает также о том, сколько раз за это долгое время он переставал смотреть на ящик; наконец, в его отчете нет и следа какого-либо доказательства в пользу того, что бутылки и платиновые

пули были в конце опыта те же, как и в начале. В течение 55 минут медиум легко мог найти случай открыть ящик и подменить его содержимое бутылками, содержащими платиновые куски. Таким образом, сообщение Петерса не дает нам никакой гарантии того, что все не произошло вполне естественным путем.

О подобном же факте рассказывает *Крукс*. Здесь дело идет о небольшом колокольчике, который внезапно исчез из комнаты, где два мальчика приготовляли уроки, а затем очутился в старательно запертом помещении спиритических сеансов. При этом, однако, большое подозрение возбуждают два обстоятельства. Прежде всего нам настолько хорошо известен метод круксовского положения, что мы уже заранее имеем право не придавать большого значения его рассказу. Во-вторых, медиумом служила известная мисс Фэй, которая еще и теперь продолжает разъезжать и давать престидижитаторские представления *; а это обстоятельство делает весьма вероятным, что появление колокольчика в комнате сеанса было лишь ловко выполненным фокусом. Впоследствии такие происшествия часто повторялись на спиритических сеансах. Мы не можем, однако, входить здесь в обсуждение отчетов, составленных совершенно неизвестными лицами, и потому обращаемся к самым широким опытам этого рода, именно к опытам Цельнера.

Задолго до того, как заинтересоваться спиритизмом, *Цельнер* занимался особой группой математических проблем, учением о *четырехмерных* пространствах. В то время как мы, люди, можем представить себе в пространстве лишь три измерения, с чисто математической точки зрения вполне мыслимы пространства с четырьмя или даже еще большим числом протяжений, и ограниченные части таких четырехмерных пространств столь же доступны для вычислений, как и обыкновенные трехмерные тела. Когда Цельнер впоследствии занялся спиритическими исследованиями, он напал на мысль, что многие из чудесных явлений, в особенности те, которые, по-видимому, обусловливаются проницаемостью материи, легче можно было бы объяснить иным способом. Именно если принять, что пространство, воспринимаемое нами в трех протяжениях, имеет еще четвертое, то станет возможным перенесение какого-либо тела в любое замкнутое пространство. Надо только провести это тело по четвертому измерению, и оно будет тогда видно в каждом пункте какого-либо ограниченного трехмерного пространства, не вступая в столкновение с известными до сих пор естественными силами. Этой, несколько темной для обыкновенных смертных, мысли Цельнер попытался дать популярное изложение в небольшой статье, помещенной в «Трехмесячном научном журнале» (Quarterly Journal of Science, апрель, 1878 г.). Для лучшего уразумения учения Цельнера я привожу здесь важнейшие места из этой статьи его собственными словами:

«Приложим теперь это представление о четырехмерном пространстве к тому, как завязывается узел на вполне гибком шнурке. Пусть линия *a* ———— *b* будет таким шнурком; когда он вытянут, то может целиком лежать в пространстве с *одним* измерением. Если теперь согнуть шнурок таким образом, чтобы все его части остались при сгибании в одной и той же плоскости, то для этой операции потребуется пространство с двумя протяжениями. Мы можем, например, придать шнурку форму, указанную на рис. 88, если считать его бесконечно тонким, то все его части будут лежать в одной плоскости, т. е. в пространстве с двумя измерениями. Если наш гибкий шнурок надо снова привести к первоначальной прямой линии, не разрывая его, причем все его части должны оставаться при этой операции в той же самой плоскости, то этого можно достичь лишь тем, что один конец шнурка опишет полный круг в 360°.

«Для существ, воспринимающих пространство лишь в двух измерениях, операции со шнурком будут соответствовать тому, что мы сообразно с нашим трехмерным восприятием называем «завязывать и снова развязывать узел». Если бы теперь какое-нибудь существо, которое по своей телесной

* Что опыты мисс Фэй суть фокусы, с этим, конечно, теперь согласны все здравомыслящие спириты. Именно, по учению спиритизма, действительный медиум никогда не знает заранее того, что произойдет, и никоим образом не может ручаться за исход какого-либо определенного опыта. Мисс Фэй же работает по наперед составленной и напечатанной программе, и ее «эксперименты» всегда удаются, независимо от числа и настроения зрителей. Все это находится в противоречии с природой медиумических явлений. *Прим. автора.*

организации должно ограничиваться восприятием лишь двух измерений, все-таки обладало свойством совершать действия, возможные исключительно лишь в трехмерном пространстве, то такое существо было бы в состоянии развязать двухмерный узел гораздо более легким способом. Тогда ему достаточно было бы лишь перевернуть одну часть шнурка, причем эта последняя только вышла бы из данной плоскости и затем снова легла бы в нее. В этом случае шнурок последовательно принял бы положение, изображенное на рис. 89. С помощью тех же приемов, исполненных в обратном порядке, такое существо было бы также в состоянии завязать двухмерный узел, не прибегая при этом к тому длинному процессу, который необходим, когда все части шнурка должны оставаться в одной и той же плоскости.

«Если применить теперь аналогичное рассуждение к узлу в трехмерном пространстве, то легко видеть, что подобный узел не может быть завязан или вновь развязан без приемов, при которых части

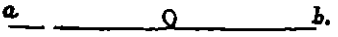


Рис. 88.

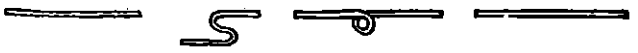


Рис. 89.

Рис. 90.

шнурка описывают двойной изгиб, как изображено на прилагаемом рисунке (90). Мы, трехмерные существа, можем завязать или развязать такой узел, лишь поворачивая один конец шнурка на 360° в плоскости, не совпадающей с другой плоскостью, в которой лежит двухмерная часть узла. Если же между нами встречались бы существа, которые были бы в состоянии выполнять четырехмерные движения с материальными вещами, то существа эти могли бы также гораздо легче завязывать и развязывать узел подобно тому, как это было сказано о двухмерном узле».

Для читателя, не привыкшего к геометрическим соображениям, вероятно, несколько затруднительно следить за ходом мыслей Цельнера. Но один чрезвычайно простой опыт сделает каждому понятными, по крайней мере, его выводы. Возьмем кусочек бечевки длиной с локоть, завяжем на нем самый обыкновенный, простой узел, как он изображен на рисунке 90. Легко видеть, что узел этот нельзя развязать, не продев одного конца бечевки сквозь петлю. Свяжем же теперь вместе оба ее свободные конца и для большей уверенности припечатаем еще это связанное место, тогда ни один человек не будет в состоянии развязать узла, сделанного на шнурке. Теперь у нас получился бесконечный шнурок с узлом на нем. Но раньше мы убедились в том, что узел можно развязать лишь в том случае, если продеть один конец шнурка сквозь петлю, а так как шнурок не имеет теперь концов, то узла этого, само собой разумеется, невозможно развязать, по крайней мере для нас, людей. Точно также мы не будем в состоянии и завязать на шнурке нового узла. Но для цельнеровских четырехмерных существ ничего не стоит развязать этот узел или завязать новый, ни в одном месте не повреждая шнурка. Как это может случиться, мы, люди, правда, не можем понять, именно потому, что мы только трехмерные существа, для того же, кто в состоянии проследить ход мыслей Цельнера, будет ясно, что это должно быть возможным. И это не только возможно, но и, действительно, было сделано. Пусть опять говорит сам Цельнер:

«Опыт этот — завязывание узла на бесконечном шнурке — удался в течение немногих минут в Лейпциге 17 декабря 1877 г., в 11 ч. утра, в присутствии американца Генри Слэда. На прилагаемом рисунке (рис. 91) представлен шнурок с четырьмя узлами и вместе положение моих рук, которых касались рука Слэда и левая рука другого лица. Между тем как печать все время лежала на виду на столе, шнурок, на котором тогда еще не было узлов, был крепко прижат моими большими пальцами к доске стола; остальная часть шнурка свешивалась ко мне на колени. Я пожелал, чтобы был завязан лишь один узел; тем не менее в течение немногих минут были сделаны четыре узла, которые точно воспроизведены на рисунке.

Пеньковый шнурок имел в толщину около миллиметра, он был крепок и нов; я сам купил его. Вся длина шнурка, прежде чем на нем были завязаны узлы, равнялась 148 сантиметрам, так что длина двойного шнурка, получившегося от соединения концов, составляла около 74 сантиметров.

Концы были связаны обыкновенным узлом; концы эти, находившиеся (после их соединения) от узла на расстоянии около полутора сантиметров, были положены на кусок бумаги и запечатаны обыкновенным сургучом таким образом, что узел был виден у самого края печати. Бумага вокруг печати была обрезана, как это показано на рисунке.

Этим способом я лично запечатал два таких шнурка своей собственной печатью в своей комнате вечером 16-го декабря в присутствии нескольких друзей; Слэда при этом не было. Два подобных шнурка такого же качества и длины были запечатаны Вильгельмом Вебером его печатью и в его собственной комнате утром 17-го декабря. С этими четырьмя шнурками я отправился в находившийся по соседству дом, где жил один из моих друзей; последний предложил Слэду поместиться у него на квартире, чтобы тот мог находиться в исключительном распоряжении меня и моих друзей и на некоторое время укрыться от внимания публики. Упомянутый сеанс имел место в помещении Слэда тотчас по моем прибытии. Я сам выбрал один из четырех запечатанных шнурков и, чтобы не терять его из глаз, пока мы сидели за столом, накануне накинул его себе на шею, так что печать свешивалась спереди и постоянно была на виду. Когда надо было приступить к опыту, я положил оставшуюся без изменения печать перед собой на стол так, как упомянуто выше. Руки Слэда все время были на виду; левой рукой он часто проводил по лбу, жалуясь на боль. Часть шнурка, свешивавшаяся со стола, лежала у меня на коленях и потому не была видна, но я всегда мог видеть руки Слэда. Особенно я смотрел за тем, чтобы они не меняли своего положения. Сам он казался совершенно пассивным, так что никак нельзя предполагать, чтобы он сознательно и намеренно завязал эти узлы. Можно лишь утверждать, что они образовались в его присутствии при описанных здесь условиях без всякого видимого прикосновения, и это произошло в комнате, ярко освещенной дневным светом».

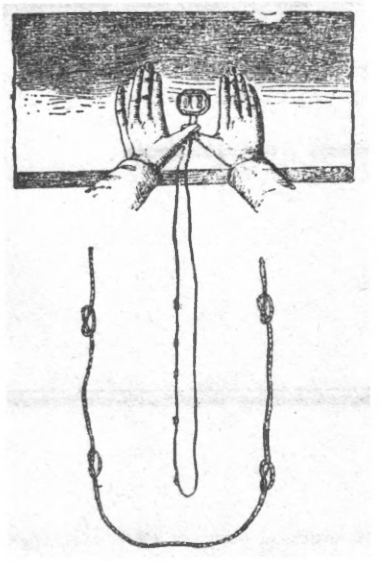


Рис. 91.

Теперь легко понять, почему Цельнер считает причиной этих и тому подобных явлений «четырехмерные» существа. Именно здесь было произведено действие, которое хотя и невозможно для нас, людей, с нашими тремя измерениями, но, по теории Цельнера, должно быть возможным для существ, имеющих в своем распоряжении еще четвертое измерение. То же самое приложимо и к явлениям писания на внутренней стороне связанных вместе досок; их тоже легко можно было бы объяснить с помощью четвертого измерения, не прибегая к признанию проницаемости материи, т. е. к низвержению законов природы. Таким образом, предположение Цельнера о существовании четырехмерных разумных существ есть гипотеза, предназначенная именно для такого объяснения медиумических явлений, которое не было бы в противоречии с физическими законами. Называть ли эту гипотезу спиритизмом или нет, это будет, очевидно, спор лишь о слове.

В каком же положении находится дело с упомянутым опытом? При чтении цельнеровского подробного отчета, несомненно, получается такое впечатление, что ошибка здесь была совершенно невозможной: Цельнер должен был, в самом деле, наблюдать нечто такое, что не могло быть объяснено как фокус со стороны Слэда и потому обусловливалось действием каких-то неведомых сил. С этим, бесспорно, надо согласиться; если дело действительно происходило так, как оно описано, т. е. если бы Слэд мог произвести требуемые узлы тотчас без всякого приготовления. *Но это не так.* Цельнер сам сообщает по другому поводу (Научные сообщения — Wissenschaftliche Mitteilungen, т. 2, стр. 1191), что он неоднократно, однако *безуспешно,* пытался получить узлы на запечатанных шнурках. Те, которые он получал, постоянно имели такой вид, что их могли завязать люди, не повреждая печати. Лишь 17-го декабря удалось добыть описанные выше настоящие узлы. Сообщение это имеет, очевидно, величайшую важность. Прежде всего мы узнаем из него, что Цельнер не один раз повторял этот опыт, не достигая цели. Затем нам известно, что в тот раз, когда опыт удался, он принес с собой четыре новых шнурка. Где же остались прежние? Сохранил их Цельнер или уничтожил? Совершенно ли устранена возможность предположения, что Слэд присвоил себе один или несколько из них? Если он это сделал, то он мог также изготовить слепок с печатей, и для него ничего не стоило снабдить какой-нибудь шнурок узлом и потом запечатать его. Затем, разве впоследствии, на сеансе Цельнера, он ни одного мгновения не имел в руках нового шнурка? Если же имел, то ему также легко было подменить шнурки и тот, который был заранее им заготовлен, положить на стол таким образом, что узлы незаметно помещались на коленях Цельнера. Тогда фокус был бы выполнен.

В описании Цельнера все эти вопросы совершенно обойдены молчанием. Следовательно, у нас нет также никакой гарантии в том, что все дело не произошло чисто естественным путем, в роде предположенного выше. Лишь тогда, если на указанные выше вопросы будут даны такие ответы, которые устранят всякое предположение об обмане со стороны Слэда, можно считать цельнеровский опыт за действительно новое явление, для которого надо искать какое-либо другое объяснение. А так как Цельнер совершенно не касается этих различных пунктов, да, очевидно, и не подозревает, насколько важно то обстоятельство, что раньше было уже произведено несколько неудачных опытов такого же рода, то его исследования не могут считаться выполненными с надлежащей тщательностью. Поэтому нам совсем нелегче от того, что впоследствии он различным образом видоизменял опыт с узлами, что он удачно оперировал с кишечными шнурками, деревянными кольцами и многими другими вещами. Все это теряет свое значение, раз описания не надежны. Возможно, конечно, что дело происходило так, как он рассказывает, но невозможно также, что он просто опустил многие обстоятельства, которые могли бы дать основание для вполне естественного объяснения. Это опущение сделано им в одном случае, следовательно, оно могло иметь место и в других.

Следует, однако, упомянуть еще один опыт, так как он не удался. Между тем как Слэд легко производил узлы на кишечных шнурках, концы которых были связаны вместе и запечатаны, ему не удалось сделать это со шнурком, который был вырезан из кишки таким образом, что представлял одно непрерывное кольцо. И это очень подозрительно. На действительно бесконечном шнурке, на замкнутом кольце человек может завязывать узлы только в том случае, если шнурок будет перерезан; но тогда его нельзя соединить опять таким образом, чтобы это место осталось незамеченным. Если же дело идет о том, чтобы завязать узлы на шнурке, концы которого связаны и запечатаны, то это легко сделать, если иметь слепок с печати, так что можно наложить такую же печать, когда узлы будут завязаны. Таким образом, Слэд, по-видимому, совершал лишь то, что можно произвести обыкновенными человеческими средствами.

Теософия и факиризм

Г-ЖА БЛАВАТСКАЯ И ТЕОСОФИЯ

Особое промежуточное положение между популярным спиритизмом и более научным оккультизмом занимает теософия. Подобно спиритизму она представляет собой преимущественно религиозную систему, но имеет с оккультизмом то общее, что отрицает вторжение духов в человеческий мир и объясняет медиумические явления как действия еще неизвестных нам естественных сил. Но далее этих главных пунктов согласие теософии с обоими названными направлениями не простирается: во всех остальных вопросах она занимает особое положение и обнаруживает здесь лишь весьма незначительное сродство с какой-нибудь другой европейской религиозной или философской системой. Основные мысли теософии, очевидно, заимствованы скорее из азиатских религий, особенно из буддизма. Этим в развитие европейского духа был внесен новый момент, который мы также не должны обходить молчанием, как не можем оставить без внимания и высокодаровитую, во многих отношениях замечательную родоначальницу всего этого учения.

Елена Петровна ф.-Ган-Роттенштерн, дочь русского полковника графа Петра Ф.-Г.-Р., родилась в 1831 г. в южнорусском городе Екатеринославе. С самого раннего детства она была предоставлена на попечение прислуги. Таким образом, ее фантазия получила себе пищу в нянькиных сказках о всевозможных духах: сверх того, ей рано привили веру в то, что она в качестве «воскресного дитяти» должна быть особенно способна видеть духов и иметь с ними общение. Затем это

был очень нервный сомнамбул-ребенок, страдавший галлюцинациями и истерическими припадками. В результате она считала себя постоянно окруженной существами, которые хотя и были невидимы для других, но в обществе которых она чувствовала себя особенно хорошо. Сверх того, в детстве, говорят, она была, с одной стороны, в высшей степени нелюбезна, сварлива и упряма, а с другой — обнаруживала наклонность к мистическим умствованиям. Легко понять, что из таких задатков, в связи с неукротимой энергией, должно было развиться нечто особенное.

В 1848 г. Елена Петровна вышла замуж за генерала *Блаватского*, но спустя три года брак был расторгнут, и г-жа Блаватская в течение двенадцати лет путешествовала по Европе, Америке, Египту и Индии. Во время этой кочевой жизни она развила и свои способности как медиума. Относительно последующих семи лет, вплоть до 1870 г., ее биография не содержит никаких указаний. По ее собственным словам, она провела это время у махатм в Гималае. Эти махатмы, честь отыскания которых принадлежит г-же Блаватской, представляют, как оказывается, общество мудрых мужей, которые живут в самых недоступных местностях Тибета и своей святой жизнью и прилежным исследованием тайн природы достигли почти божественной прозорливости и мощи. Махатма, или адепт, обладает способностью читать мысли людей и оказывать внушение на каком угодно отдаленном расстоянии. Он может разнимать или разлагать материальные предметы на их составные части; с помощью тайных сил он в состоянии «устремлять» эти части в любое место, где он снова собирает их в первоначальную форму: таким путем какой-нибудь предмет может внезапно появиться в замкнутом пространстве. Далее, адепт может вызывать звуки, приводить тела в движение, не касаясь их, и с помощью невидимой силы препятствовать перемещению предметов. Он может на всяком расстоянии без материального посредства делать сообщения другим адептам и, наконец, на некоторое время отделять душу от тела, так что она получает возможность по собственной инициативе предпринимать экскурсии независимо от времени и пространства.

При этом (вымышленном) братстве мудрых мужей, которое, по ее словам, существует многие тысячелетия, г-жа Блаватская будто бы провела семь лет, была посвящена в его тайны и сама сделалась адепткой. Между тем как до сих пор махатмы хранили свою мудрость при себе как глубокую тайну, теперь, по их определению, настало время выступить с нею перед людьми; поэтому они отправили хелу-женщину, или ученицу, чтобы она возвестила миру «учение посвященных». В 1870 г. г-жа Блаватская возвратилась из Индии и сначала основала в Каире спиритическое общество, которое, однако, скоро распалось, а затем, по приказанию своего учителя, махатмы Кута Хуми, проехала через Европу в Нью-Йорк. Здесь она сошлась с ревностным спиритом полковником Генри Олькоттом и в 1875 г. учредила совместно с ним теософическое общество. Последнее имело своей целью: 1) положить основание всеобщему братству, которое охватывало бы собой все человечество без различия народности, цвета и вероисповедания; 2) содействовать изучению арийских и других сочинений по религии и науке и отстаивать значение древней азиатской литературы, особенно же браманской, буддийской и зороастровской философии; 3) исследовать сокровенные тайны природы, особенно психические силы, дремлющие в человеке. Полковник Олькотт был первым президентом этого общества и перевел его «главную квартиру» в предместье Адьяр около Мадраса в Индии.

Несколько лет спустя, в 1877 г., г-жа Блаватская издала в Бостоне свое большое главное произведение «Раскрытая Изида» (The Isis Unveiled, в двух толстых томах). Здесь она старается доказать, что так называемая «теософия» есть лишь тайная, внутренняя сущность, содержащаяся в религиозных и философских системах древних времен, в магии, спиритизме и т. д. Иными словами, предлагаемое ею учение представляет собой экстракт из самых разнообразных систем; она обнаруживает при случае свою большую начитанность в древних, редких

Рис. 92. Елена Петровна Блаватская.

магических произведениях. Впрочем, по словам составительницы, книга эта отнюдь не возникла чисто естественным путем; напротив, большая часть ее исходит от махатм, души которых посещали автора ночью в его рабочем кабинете; на следующее утро она всегда находила множество исписанных листов, далеко превышавшее то, что она могла бы написать за то же время.

Г-жа Блаватская и полковник Олькотт стали разъезжать по Индии и всюду проповедовать новую религию, теософию. Они, на самом деле, приобрели множество приверженцев, которые распространяли затем это учение далее, так что в последующие годы теософические общества стали основываться повсюду, в особенности же в странах с английской речью. То обстоятельство, что теософия нашла себе немало последователей, объясняется, в сущности, теми же причинами, как и распространение спиритизма. Прежде всего религиозные догматы теософии, имеющие буддийское происхождение, обладают своеобразной прелестью в том мистико-фантастическом отпечатке, которым они совершенно уклоняются от типа западных религий. Уже одно то, что теософия не признает учения о вечном осуж-

дении, создало для нее немало сторонников. Вместе с тем г-жа Блаватская засвидетельствовала истину своего учения и доказала свою собственную принадлежность к адептам с помощью ряда чудесных деяний. С потолка комнат, где она находилась, падали письма от ее друзей, махатм, в особенности от ее учителя Кута Хуми; в письмах этих содержались данные, подробные обсуждения глубокомысленных проблем, о которых только что шли прения. Предметы, которые она сейчас держала в руке, исчезали и оказывались в других домах, где она совсем не была. Брошка, потерянная одной, совершенно неизвестной ей, особою в совсем другом месте Индии, явилась по ее желанию к ней и оказалась в подушке, которая совершенно произвольно была избрана среди других имевшихся у нее подушек. Особенно часто случались эти чудесные вещи на главной квартире в Адьяре. Здесь показал себя в астральном образе Кут Хуми, т. е. явилась его душа, снабженная лишь тонкой материальной оболочкой, чтобы его могли видеть смертные. Здесь же находился «ковчег» (the shrine), священный шкап, к которому туземцы относились с религиозным благоговением. Разбитые предметы, положенные в него, исчезали и заменялись новыми того же рода. Точно также в нем исчезали письма с вопросами к махатмам, а спустя несколько минут оказывались пространные ответы на них и т. д.

Все эти чудеса возбудили, конечно, большое внимание, но настоящим образом они стали известны благодаря маленькой, мастерски написанной книжке Саннета «Сокровенный мир» (The Occult World, 1881 г.), которая переведена на большинство европейских языков. Автор обнаруживает здесь большую практичность. Он не довольствуется передачей происшествий и утверждением, что все это случилось вполне естественным путем, благодаря высшему разумению махатм и их учеников. Он показывает в то же время, что эти кажущиеся чудеса вполне согласуются с известными теперь законами природы, так что западные естествоиспытатели нуждаются лишь в более глубоком знании естественных сил, чтобы получить возможность производить то же самое. Книжка действительно написана так хорошо и получает через это такую кажущуюся достоверность, что, во всяком случае, не решаешься отрицать заранее возможности рассказываемых здесь чудес. И все-таки, как оказывается, они были лишь утонченным обманом. Некто г-н и г-жа Кулом, долгое время проживавшие на главной квартире в Адьяре, разошлись однажды с г-жой Блаватской и стали всюду рассказывать, что они вместе с двумя индийскими факирами были соучастниками г-жи Блаватской в совершении ею обманов. Это возбудило столь большое внимание, что лондонское «Общество психических изысканий» (Society for Psychical Research) послало одного из самых выдающихся своих членов, м-ра Ходгсона, в Индию, чтоб он расследовал дело на месте. Он устроил перекрестные допросы обеих сторон, собрал сведения и добыл несколько писем г-жи Блаватской и таких, которые якобы принадлежали махатмам. Письма эти были подвергнуты сравнению лондонскими графологами, причем оказалось, что письма махатм были написаны самой г-жой Блаватской. Затем Ходгсон установил, что большинство рассказов о различных чудесах противоречат друг другу. «Ковчег» оказался просто-напросто фокусническим прибором с выдвижной задней стенкой, так что в него можно было проникнуть через потаенную дверь, находившуюся в стене спальни г-жи Блаватской. В своем обширном отчете, напечатанном в 9-й части «Протоколов» общества за 1885 г. Ходгсон приходит к тому выводу, что «г-жа Блаватская — самая образованная, остроумная и интересная обманщица, какую только знает история, так что ее имя заслуживает по этой причине быть переданным потомству».

Отчет Ходгсона нанес удар теософии. Многие из теософических обществ распались, и дело нисколько не выиграло от того, что в 1885 г. Синнет написал биографию г-жи Блаватской «Случаи из жизни госпожи Блаватской» (Incidents in the life of Madam Blavatsky), где он старается очистить ее от всех обвинений. Теософические общества отпали от главной квартиры, и та, которая подняла всю бурю, умерла в 1891 г. в Лондоне, забытая и оставленная большинством.

Религиозная система теософии, как упомянуто выше, была изложена впервые г-жой Блаватской в ее «Раскрытой Изиде». Это громадное произведение появилось в 1887 году в совершенно переработанном виде под заглавием «Тайное учение» (Secret Doctrine). Впоследствии она дала краткое изложение главных пунктов своей системы в «Ключе к теософии» (Key to Theosophy). Но лучшее, наиболее наглядное и талантливое выражение эта система нашла себе у Синнета в его «Тайном буддизме» (Esoteric Buddhism, 1883). В противоположность большинству других положительных религий теософия является в этих произведениях как самый чистый пантеизм. В «Ключе к теософии» говорится: «Мы отвергаем представление о личном, вне мира стоящем, человекообразном боге, который есть лишь исполинская тень человека и даже не лучшего человека. Мы веруем во всеобъемлющее, божественное начало, корень всего, из которого все выходит и к которому все вновь возвратится в великом круговороте жизни». Для этого учения характеристичны также две мысли, заимствованные у буддизма, именно о карме и перевоплощении.

Карма есть «закон неизбежных следствий». Все, что случается с человеком здесь на земле, не только его внешние отношения, но и развитие его личности, есть строгое последствие его прежней жизни в этом или в прежних существованиях. Когда человек умирает, его душа отправляется в Девахан, где она вкушает совершенное блаженство, утрачивая всякое воспоминание или знание о бедствиях земной жизни. Такое состояние блаженства служит наградой за добро, которое душа совершила во время своего пребывания на земле; она продолжается до тех пор, пока не будут вознаграждены эти заслуги. Тогда душа опять рождается, снова входит в человеческое тело, и как внешние отношения, так и внутреннее развитие, начинающиеся теперь для души, являются прямыми следствиями ее прежней земной жизни. В чем душа тогда погрешила, то отомщается ей рано или поздно, приводя за собой свои естественные последствия. Таким образом, душа попеременно пребывает то в девахане, то на земле, пока не будет искуплена вся ее вина и вместе с тем не отпадет необходимость возрождения. Тогда душа сливается со всеобщим божественным началом, нирваной.

Так можно в кратких чертах изложить учение теософии о человеческой душе и ее судьбе. Надо, впрочем, заметить, что, представляя всю эту систему в таком кратком резюме, мы этим самым отнимаем у нее ее своеобразный дух. Многие заимствованные у буддизма подробности, которыми снабжено не только учение о душах, но и космология, носят столь ясный отпечаток богатой восточной фантазии, что собственно лишь через это становится понятным, почему теософия нашла себе столь многочисленных приверженцев. В нашу задачу не входит ближайшее рассмотрение этих интересных частностей: для нас важнее исследовать доказательства, какие теософия пытается представить в пользу истинности своего учения.

Подобно тому как спириты находят подтверждение своего учения в сообщениях духов, так теософы ссылаются на махатм. Теософия есть до сих пор содержавшееся в тайне учение последних, а так как они и в других областях далеко превосходят остальных смертных своим разумением, то их учение о мировом порядке и о судьбе человеческой души должно стоять выше всякой критики. Сверх того, они получили непосредственные наставления от Гаутамы Будды во время его последнего воплощения, и так как Будда при своем предпоследнем пребывании на земле успел уже настолько очиститься, что мог приступить к вечному блаженству нирваны и только добровольно отрекся от него, чтобы еще раз родиться среди людей в качестве учителя,— то знание махатм имеет почти божественное происхождение. Но если мы спросим, какое же можно получить удостоверение в существовании и сверхчеловеческом знании махатм, то нам укажут на чудесные деяния, совершенные г-жой Блаватской и другими адептами. Таким образом, г-жа Блаватская для оправдания своей миссии должна была, как и другие основатели религий, прибегнуть к чудесам. Но, как дочь 19-го столетия, она сама не верит

в чудеса в смысле нарушения естественного порядка вещей: она видит в них скорее лишь результаты высшего уразумения законов природы и держится того взгляда, что западная наука тоже постепенно дойдет до них. А в чем состоит «высшее разумение» г-жи Блаватской и чем доказывается существование ее учителей, махатм, это можно считать достаточно выясненным после расследования английского научного общества. Вместе с тем теософия низводится до степени простого продукта фантазии.

ФАКИРИЗМ

Со стороны г-жи Блаватской было решительно гениальной мыслью отнести местопребывание махатм в Тибет, т. е. в недоступную область, лежащую на границе Индии. Ведь индийские факиры, особенно же высшая их группа или секта, так называемые «йоги», уже давно пользуются в Европе великой славой как волшебники. Теософы видели в этих «йогах» род несовершенных махатм, поскольку они хотя, действительно, и могут совершать много чудесных вещей, но не достигают, однако, высоты адептов. В самом деле, нельзя отрицать того, что индийские факиры, очевидно, уже давно знакомы с некоторыми психологическими процессами, которые западной науке стали известны лишь гораздо позже. Так, например, известно, что португальский аббат Фариа научился у факиров вызывать гипноз путем внушения, и это было уже в начале настоящего столетия, следовательно, в такое время, когда в Европе едва успели расстаться с шарлатанством, каким окружил себя месмеризм. Затем несомненно, что факиры умеют приводить себя в состояние искусственного сна, подобного тому, который представляет собой естественное явление у многих животных, так что они могут жить без пищи и почти без дыхания довольно долгое время, целые недели или даже месяцы. Факты эти свидетельствуют, конечно, о познаниях, которые в некоторых областях превосходят наши сведения. Противоестественным же поэтому нельзя считать ни вызываемого внушением гипноза, ни «живого погребения» факиров.

Иначе, по-видимому, обстоит дело с другими действиями факиров. В 1875 г. француз *Жаколльо* издал книгу «Спиритизм в разных местах света. Посвящение и сокровенные науки в Индии» (Le spiritisme dans le monde. L'initiation et les sciences occultes dans l'Inde), где он описывает наиболее известные фокусы факиров, виденных им лично. Тяжелые бронзовые предметы движутся по одному знаку волшебника; палочки пишут на песке ответы на задуманные вопросы; семечки, выбранные самим Жаколльо, вырастают в несколько часов в большие растения и т. д. Все это происходит, по-видимому, без непосредственной связи с факиром, который спокойно и полуобнаженный сидит при этом на полу, имея при себе лишь свою бамбуковую палку с семью узлами как знак своего достоинства. Таким образом, здесь, по-видимому, совершенно исключено всякое фокусничество; поэтому Жаколльо и приходит к заключению, что здесь участвуют неизвестные еще силы. Наблюдения Жаколльо имеют, однако, тот недостаток, что он всегда виделся с факиром совершенно наедине: этим именно он хотел помешать тому, чтобы волшебник не нашел себе сообщников в своих служителях-туземцах. И так как он должен признаться, что не мог выдерживать пронзительных глаз факира, пристально смотревшего на него иногда по целым часам, прежде чем что-нибудь случится, то нет ничего невозможного, что последний прямо гипнотизировал его. Во время же гипноза факир мог внушить ему обманным образом все то, что, по его воображению, он видел открытыми глазами. Впрочем, факиры могут выполнять множество столь же чудесных вещей лишь благодаря своей изумительной ловкости в фокуснических проделках. М-р Ходгсон воспользовался своим вышеупомянутым пребыванием в Индии, чтобы поступить в учение к факирам: по его словам, он знает уловки, необходимые для большинства из указанных фокусов. Сверх того, он приводит поразительные примеры, как даже искусные наблюдатели оказываются не в состоянии давать надежные сведения о том, что они видели при

Рис. 93. Индийский фокусник и его помощник.

таких представлениях. Факты оказываются при передаче гораздо чудеснее, чем они были в действительности. Впоследствии мы возвратимся к этому пункту его исследований.

Одного из таких фокусов стоит, однако, коснуться ближе, так как он имеет особую историю. Известие о нем мы находим в «Раскрытой Изиде». Факир входит на открытое место, где его тотчас окружает толпа зрителей. Он расстилает на землю кусок ковра и топчет его кругом ногами. Ковер скоро начинает двигаться и вскоре затем из-под него выползает мальчик. Тогда волшебник берет свиток каната и бросает его в воздух. Свиток распускается и поднимается все выше и выше, пока один конец каната исчезнет в воздухе, а другой спустится до земли. Мальчик влезает по канату и скрывается вверху из глаз зрителей. Тогда между факиром и мальчиком завязывается разговор, оканчивающийся тем, что факир в гневе схватывает нож и тоже взбирается по канату. Он проводит наверху некоторое время, и вскоре затем оттуда падают окровавленные члены мальчика вместе с головой и туловищем; потом опять появляется факир, спускаясь по канату. Волшебник кладет разрубленное тело мальчика в мешок и встряхивает последний: из мешка снова выскакивает живой мальчик и убегает. Так рассказывает дело г-жа Блаватская, приводя этот факт как доказательство чудесных деяний, совершаемых факирами.

В конце 1890 г. один молодой американец, м-р С. Эльмор, описал такой же случай в «Чикагской трибуне» (Chicago Tribune), прибавив тут же, что он сам присутствовал с одним своим другом при этом представлении в Индии. Друг этот, художник, сделал тогда несколько набросков, а Эльмор получил ряд моментальных снимков. На набросках художника оказалось все, о чем говорилось в сообщении. На фотографических же карточках был лишь факир, оживленно жестикулировавший, и зрители, смотревшие по ходу действия то вверх, то вниз. Но каната, мальчика, окровавленных членов и т. д. на снимках не было ни малейшего следа. Отсюда автор выводил заключение, что факир загипнотизировал своих зрителей и внушил им все явление в виде галлюцинации. История эта обошла все газеты, а также попала в научные периодические издания.

Так как по нашим теперешним сведениям о гипнотизме совершенно непонятно, каким образом один, отдельный человек мог загипнотизировать целый круг зрителей и вызвать одну и ту же галлюцинацию у всех, притом также у иностранцев, даже незнакомых с его языком, то это дело возбудило огромное внимание. М-р Ходгсон написал издателям упомянутой американской газеты, сообщая им, что во время своего пребывания в Индии он тщетно старался увидеть этот фокус; ему даже не удалось отыскать человека, который когда-либо видел его или хотя бы только знал кого-нибудь, кто был свидетелем такого представления. Поэтому ему очень бы хотелось узнать, где м-р Эльмор присутствовал при этом редком зрелище. М-р Эльмор чистосердечно сознался, что вся эта история вымышлена; у него составилось мнение, что фокусы факиров основаны просто на гипнозе и что это можно доказать с помощью моментальной фотографии. На основании этой гипотезы он выдумал свой рассказ и употребил псевдоним С. Эльмор (sell more — обманывают больше) с целью намекнуть досадливому читателю, что все это есть мистификация. Таким образом, весь фокус оказался просто продуктом фантазии изобретательного янки.

Но откуда взяла эту историю г-жа Блаватская? Это объясняет нам Кизеветтер в «Психических этюдах» (Psich Studien 1891, стр. 419 сл.). Известно, что эта дама или скорее кто-нибудь из ее сообщников были очень сведущи в старинной европейской литературе, касающейся магии. И вот как раз совершенно такая же история рассказывается в книге Иоганна Вейера «О чарах демонов» (De praestigiis daemonum); поэтому весьма вероятно, что г-жа Блаватская свободно обработала этот рассказ и отнесла его к Индии, чтобы воспользоваться им в качестве доказательства высоких способностей, какими обладают факиры. Таким образом, рассматриваемый фокус представляет собой вымысел от начала до конца. Мораль этой истории, очевидно, та, что к подобным сообщениям надо относиться с большой осторожностью, даже если моментальные снимки и иные научные данные сообщают им некоторую кажущуюся вероятность.

Спиритизм в последнее десятилетие

При развитии спиритизма за последние десять лет в нем резче, чем когда-либо раньше, определилось различие между его религиозной и научной стороной. Спиритизм, как религия, приобретал себе все большее и большее число приверженцев. Как ни кажется этот факт с первого взгляда неестественным и противным разуму, однако он вполне понятен. Ведь мысль о связи между человеком и миром духов и сама по себе действительно привлекательна, если не обращать внимание на причудливые формы, какие она часто принимает на спиритических сеансах; сверх того, как указано выше, она имеет большое значение с точки зрения религиозной свободы. Потому мысль эта все более проникала также в образованные классы и без критики принималась в качестве религиозного догмата. На действия пишущих и говорящих медиумов смотрели в таком случае как на доказательство участия духов, не считаясь с указаниями науки, что все эти речи и писания имеют вполне естественное и чисто человеческое происхождение. Но от внимания образованных спиритов все-таки не могло укрыться, что сообщения духов сплошь отличаются крайней ничтожностью и только выставляют спиритизм в смешном свете перед его противниками. Поэтому религиозные спириты все более склоняются к мысли, что медиумические явления представляют собой вредный придаток, от которого всего лучше было бы отделаться. К такой точке зрения очень близко подходит норвежец Кр. Янсон в своей известной речи «О спиритизме, его значении и опасностях»; такой же взгляд, по-видимому, чуть ли не сделался всеобщим и в Америке. Вместе с тем спириты отняли у своего учения экспериментально-научный отпечаток и *обратили его в чистую религию*. В близкой связи с этим стоит происшедшее несколько лет тому назад объединение англо-американских спири-

тов с романскими, при котором всеми было принято в несколько измененной форме учение о перевоплощении.

В то время как спиритизм получал, таким образом, все большее распространение в качестве новой религии, более глубокомысленные, научно-развитые спириты поняли, что для объяснения большинства медиумических явлений совсем нет необходимости в гипотезе об участии духов. Поэтому в настоящее время гипотеза эта удерживается передовыми борцами спиритизма лишь для отдельных, сравнительно редких явлений. Все же остальные проявления объясняются естественными или сокровенными силами. Иными словами, *научный спиритизм сильно приблизился к оккультизму.* Но и оккультизм с своей стороны подвергся существенным изменениям, именно главным образом вследствие удостоверения, что многие необъяснимые прежде медиумические явления суть просто действия известных нам психических сил. Этим область сокровенных сил была сильно ограничена. Теперь мы вкратце изложим здесь те обстоятельства, которые повлекли за собой упомянутые изменения в спиритизме и оккультизме. Победоносной спиритической религии мы при этом совершенно не будем касаться.

Конец семидесятых годов был временем высшего процветания физических медиумов. То, что совершал Слэд в Лейпциге, едва ли когда-нибудь было достигнуто или превзойдено раньше или после. Можно было подумать, что медиумические проявления лишь для того достигли такой головокружительной высоты, чтобы тем глубже было последующее падение. Именно последующие годы принесли с собой целый ряд *разоблачений*, которыми известнейшие медиумы уличались в том, что они при своих действиях применяли фокусы или иные уловки. Нельзя сказать с уверенностью, что собственно послужило причиной для этой «обличительной эпидемии». Возможно, что слава Слэда возбудила зависть других медиумов, так что они отважились выйти за границы своей медиумической способности и прибегли к обманам, которые в конце концов не могли остаться не открытыми. Быть может также, что глаза людей были открыты на такого рода обманы той критикой, которой подверглись деяния Слэда со стороны осмотрительных ученых, лично с ними познакомившихся. Во всяком случае, в 1878 г. на одном материализационном сеансе в Голландии, происходившем в чисто спиритическом кружке, присутствовавшие схватили медиумов Вильямса и Риту и уличили их в том, что они сами фигурировали в качестве «духов». 1880 г. принес не менее двух сенсационных случаев такого рода, причем в одном из них дело шло об Эглингтоне в Мюнхене, а в другом — о Флоренсе Куке, известном медиуме Крукса. Это последнее происшествие уже рассказано выше, на стр. 336. Последующие годы также были богаты разоблачениями: в 1881 г. пострадали м-р и м-рис Флетчер, в 1882 г. м-рис Вуд; особенно же замечателен в этом отношении 1884 г., когда известный всей Европе медиум, американец Бастиан, был уличен в обмане австрийским кронпринцем Рудольфом и эрцгерцогом Иоганном.

При всех таких случаях спириты, естественно, старались ослабить дурное впечатление при помощи более или менее остроумных гипотез и объяснений, как мы видели это уже относительно случая с Кук. Здесь не место входить в ближайшее рассмотрение того, кто прав — спириты или их противники. Что во многих случаях, несомненно, не было сознательного обмана со стороны медиумов, с этим надо, конечно, согласиться. Но многочисленные разоблачения, естественно, не могли не оказать своего действия. Медиумы стали боязливее, и это, в свою очередь, понижало их медиумическую способность, так что многие из них не осмеливались более выступать публично, прочие же обнаружения их силы продолжали быть сравнительно незначительными. Поэтому в последующие годы, до начала нынешнего десятилетия, медиум был большой редкостью; даже не оказалось более ни одного значительного профессионального медиума этой категории. Этому существенным образом способствовала еще появившаяся в 1881 г. в Лондоне книга «Исповедь медиума» (Confessions of Medium), которая повергла в ужас всех правоверных спиритов. Так как мне не удалось достать экземпляра этой книги,

то я должен довольствоваться кратким рефератом о ней в «Психических этюдах» (Psychischen Studien 1883, стр. 191). Известный по процессу Бюге медиум Альфред Фирман имел в течение нескольких лет своим помощником некоего *Чепменна*, который мало-помалу был посвящен во все тайны профессионального медиума. При этом он узнал, что физические проявления — по крайней мере, у медиума Фирмана — были просто фокуснические уловки. В конце концов ему стало невыносимо более постоянно обманывать легковерных и простодушных людей, и он объявил Фирману, что думает предать гласности его постыдный образ действия. Тогда Фирман оставил его в чужой стране, где он был лишен всяких средств существования; он тотчас привел в исполнение свой план и написал упомянутую книгу. В ней сеансы физических медиумов описаны с такой точностью, которая ни в ком из присутствовавших когда-либо на подобном представлении не может оставить сомнения в том, что автор целые годы вращался в этой области. Сверх того, здесь подробно описаны все уловки для произведения данных явлений.

В ответ на эти разоблачения, достоверность которых стоит выше всякого сомнения, более здравомыслящие спириты соглашались, что на будущее время для обеспечения себя от обмана надо приступать к делу еще осторожнее, чем прежде. Редактор «Психических этюдов» д-р Виттег воспользовался даже этим случаем, чтобы открыто признать несомненную подложность некоторых из лучших доказательств в пользу материализации. Он имел в виду несколько парафиновых форм, снятых с рук, появившихся на сеансах, которые устраивал в Англии с различными медиумами немец Реймерс (См. стр. 338)*.

Таким образом, в лагере спиритов увидели, что у них не все благополучно. Также медиумы, которые всего лучше должны были знать, в каком объеме применялись ими обыкновенно те приемы, которыми пользовался Фирман, естественно, стали слишком осторожны, чтобы продолжать идти по этой дороге. А это, в свою очередь, имело то действие, что физические эффекты стали менее сильными и частыми.

Если, таким образом, дело с доказательствами истинности спиритизма стояло довольно плохо, то тем пышнее расцвела теоретическая литература по этому вопросу. В 1885 г. появилось известное произведение *Эдуарда фон-Гартмана* «Спиритизм», где он, исходя от медиумических явлений как фактов, старается доказать, что совсем нет нужды принимать духов в качестве их действующей причины. Тому, что обнаруживалось до сих пор, можно, по его мнению, дать достаточное объяснение уже при помощи «психической силы». Медиум в трансе оказывает гипнотическое воздействие на всех присутствующих, которые приводятся в некоторого рода сомнамбулическое состояние. Затем при этих обстоятельствах умственные представления медиума переносятся в виде галлюцинаций на окружающих, так что последние действительно верят потом, будто они пережили то, что им было лишь внушено. Но так как фотографическую пластинку или школьную доску нельзя загипнотизировать, то Гартман должен признать, что психическая сила медиума, на самом деле, способна вызывать светящиеся привидения в пространстве и приводить в движение неодушевленную материю, так что могут получаться фотографические снимки, писание, парафиновые формы и тому подобные наглядные результаты.

Эта теория имеет, к сожалению, тот в высшей степени неприятный недостаток, что она пытается объяснить одну и ту же вещь различными способами. Если на каком-нибудь сеансе появляется фигура духа, то это, по Гартману, обыкновенно просто галлюцинация, воображение всех присутствующих; если же кто-нибудь внезапно нажмет пуговку фотографического аппарата и, таким образом, навсегда закрепит на карточке эту фигуру, то последняя вдруг становится образовавшимся

---

* После этого признания становится тем более удивительным, что как раз именно эти руки духов изображены в виде доказательств в книге Аксакова «Анимизм и спиритизм». *Прим. автора.*

из психической силы привидением, так как иначе ее нельзя было бы сфотографировать. И Гартман часто пользуется обеими гипотезами, смотря по тому, как ему удобнее. Но воззрение, которое произвольно прибегает к подобного рода шатким объяснениям, в научном отношении несостоятельно. Поэтому для выдающегося руководителя, каким является много раз уже упомянутый нами русский статский советник *Аксаков*, нетрудно было опровергнуть Гартмана. В своих статьях «Критические замечания на книгу д-ра ф.-Гартмана «Спиритизм», печатавшихся в «Псих. этюдах» в течение пяти лет и вышедших потом в отдельном издании под заглавием «Анимизм и спиритизм», он рассматривает все известные до сих пор медиумические явления. Пункт за пунктом опровергает он своего противника, исходя из того предположения, что всякое явление всегда должно быть объясняемо одинаково, но что различные разряды явлений совсем не должны все иметь начало в одной и той же причине. Нельзя отрицать, что спирит вполне приводит здесь философа ad absurdum. И ответ Гартмана «Спиритическая гипотеза о духах» (Die Qeisterhypothese des Spiritismus. Лейпциг, 1891) невольно подтверждает это теми жалкими изворотами, к которым прибегает автор, подавленный критикой своего противника.

Аксаков не представляет из себя спирита-фанатика. Он постоянно ищет наиболее близкую и естественную причину медиумических явлений и потому делит последние на три большие группы в зависимости от обусловливающих их причин. К первой группе он относит *элементарные* медиумические явления, каковы столоверчение, сообщения через стук стола, через письмо и речь. При всех этих явлениях известным, естественным образом действует личность самого медиума; самое большее, если в некоторых случаях, особенно у пишущих и говорящих медиумов, оказывается необходимым более или менее ненормальное психическое состояние, транс. Вторую группу образуют анимические явления, где психическая сила медиума, по неизвестным пока законам, производит действия, превосходящие то, что могут произвести телесные силы. Сюда принадлежит, например, передача мыслей на более значительные расстояния, движение предметов без прикосновения и материализация. Таким образом, в вопросе об этих явлениях Аксаков также примыкает к оккультистам. Наконец спиритические явления по отношению к форме своего обнаружения ни в чем не уклоняются от явлений первых двух групп: на первый взгляд они могут быть совершенно однородны с этими последними, отличаясь, однако, от них своим интеллектуальным содержанием. Только если сообщение действительно превосходит знания медиума и присутствующих, тогда мы имеем право и вынуждены предполагать участие высших разумных существ. Поэтому Аксаков лишь в очень ограниченном числе случаев видит несомненное доказательство участия духов и прямо предостерегает от признания каждого необычайного явления за обнаружение деятельности духов. В каждом отдельном случае всегда, по его мнению, надо искать наиболее близкое и наиболее естественное объяснение.

Такой же точки зрения придерживается чрезмерно плодовитый спиритический писатель *Карл дю-Прель*. Он, действительно, гениальным образом разработал учение Цельнера о четырехмерных разумных существах, так что вмешательство последних в людской мир не только не стоит в противоречии с законами природы, но есть естественное следствие их собственного прогрессивного развития, а также развития людей. Дю-Прель по праву может сказать, что его оккультическое учение есть простой, хотя и фантастический, вывод из дарвиновской теории развития. Так как дю-Прель и Аксаков являются в настоящее время наиболее выдающимися представителями спиритизма, то из сказанного можно видеть, что более научный спиритизм приближается к оккультизму.

С другой стороны, в последние десятилетия оккультисты относили все большее число сокровенных явлений в область известных нам сил природы. Этому способствовали в особенности научные исследования относительно гипноза, начавшиеся около 1880 г. При этих исследованиях оказалось, что многие из явлений,

которые до сих пор были известны лишь по спиритическим сеансам, могут быть вызваны искусственно у загипнотизированных лиц, особенно если последние истеричны, следовательно, находятся в «большом гипнозе», в истеро-гипнотическом состоянии. Через это многие до тех пор загадочные явления получили теперь совсем иное освещение. Рука об руку с этими строго научными опытами работали люди, задавшиеся совсем другими целями. В 1882 г. в Лондоне было основано «Общество для психических изысканий», имевшее своей преимущественной задачей исследование таинственных психических явлений; президентом общества

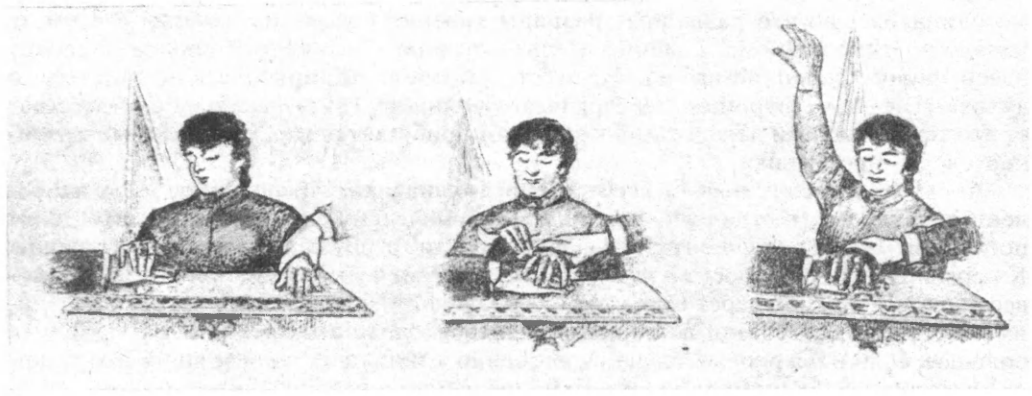


Рис. 94. Проделка Е. Палладино, освобождающей руку.

был известный профессор *Генри Сиджвик*. Первые статьи, появившиеся в «Протоколах» Общества, имеют сильный оккультический отпечаток. Но, после того как общество своими широкими исследованиями разоблачило чудеса г-жи Блаватской, это возбудило недоверие к подобного рода явлениям, и все последующие статьи содержали все новые доказательства против гипотезы сокровенных сил. Особенно благодаря гениальным исследованиям Общества относительно ошибок, нормально присущих всем человеческим наблюдениям, стало в высшей степени вероятным, что чудесное имеет место совсем не на спиритических сеансах, а лишь в тех сообщениях, какие делают о них их участники. Теперь, впрочем, мы не будем останавливаться долее на этих исследованиях, так как они будут подвергнуты более подробному рассмотрению в последней части нашей книги.

Насколько мне известно, только один представитель науки французский естествоиспытатель *Поль Жибье* выступил на основании своих собственных опытов в качестве защитника медиумических явлений. Его книга «Спиритизм» (Le spiritisme, Париж, 1886 г.), кроме крайне некритического изложения истории спиритизма и некоторых фокусов, проделываемых факирами, содержит отчет о его собственных опытах. Последние были устроены с известным медиумом Цельнера Слэдом: они почти исключительно касаются лишь непосредственного письма. Хотя сообщение Жибье составлены несколько тщательнее и подробнее, чем большинство подобного рода описаний, однако и они страдают очевидными погрешностями. Способный к критике читатель без труда откроет, что Слэд, несмотря на неоднократные уверения Жибье в противном, все-таки имел достаточную возможность заняться принесенными Жибье досками, в то время как последний и его друзья осматривали комнату. Впрочем, и здесь я сошлюсь на последнюю часть своей книги, где указано, что исследования «Общества для

психических изысканий», посвященные ошибкам при наблюдении, всецело подрывают и значение опытов Жибье.

Но этим история оккультизма не оканчивается. Напротив, в последние годы появился новый значительный медиум в лице итальянской крестьянки *Евсапии Палладино*, которая сумела привлечь к себе всеобщее внимание. В течение нескольких лет она без всякой огласки подготовлялась к роли медиума одним своим соотечественником синьором Эрколе Киалой; затем, по завершении этого воспитания, последний представил ее для исследования некоторым ученым, а также научным комиссиям. Эти сеансы происходили в 1891 г. в Неаполе и в 1892 г.— в Милане. В них принимали участие знаменитый итальянский психиатр Ломброзо, астроном Скиапарелли, французский физиолог Ш. Рише, спириты Аксаков и дю-Прель и еще некоторые итальянские ученые. Исследования эти представляют особенно большой интерес по той тщательности, с какой они были произведены. Явления были здесь те же, какие известны по другим спиритическим сеансам: движения и изменения в весе неодушевленных предметов, изменение в весе медиума, материализации, отпечатки рук духов на глине или муке и т. д. Но участники знали уже, на что надо обратить внимание при подобного рода опытах, и потому они в гораздо большем объеме, чем прежние исследователи, могли принять необходимые меры предосторожности, насколько позволял сделать это медиум. Поэтому и опубликованный отчет относительно миланских опытов составлен чрезвычайно подробно и осторожно.

Однако эти опыты отнюдь не убедили всех участников в подлинности наблюдавшихся явлений. Рише изложил свой взгляд на дело в 1893 г. в «Летописи психических наук» (Annales des sciences psychiques), где он приходит к тому выводу, что ни одно из этих явлений не происходило при, безусловно, надежных и доказательных обстоятельствах. Постоянно оказывалась какая-нибудь маленькая зацепка: когда стол должен был подняться без прикосновения, платье Евсапии оттопыривалось так, что касалось какой-нибудь ножки стола; когда она стояла на весах и происходило изменение веса, то это случалось только тогда, если она до кого-нибудь дотрагивалась, «чтобы вобрать больше силы», или если ее платье касалось пола и т. д. Если же хотели с помощью особых приспособлений предотвратить эти подозрительные побочные явления, то или Евсапия противилась этому, или же с того мгновения ничего более не случалось. Собственно экспериментирования с медиумом совсем не происходило. Комиссия должна была ограничиться наблюдением явлений, которые обнаруживались вблизи медиума, и именно при установленных им условиях. «В той же мере, в какой присутствующие пытались определить эти условия, явления теряли свою силу»,— говорит Рише. Впрочем, все-таки не удалось уличить медиума в действительном обмане; поэтому Рише считает дело еще не решенным.

Впоследствии Евсапия была исследована варшавским профессором Охоровичем в присутствии различных ученых. Официального отчета об этих опытах еще не появлялось. То, что пока проникло в публику, доказывает, по-видимому, что эксперименты (если только здесь, вообще, можно говорить о них) были устроены очень умно. Время покажет, удалось ли Охоровичу то, в чем не посчастливилось ни одному из его предшественников,— именно провести исследования таким образом, что они могут выдержать основательную критику. Нет ничего невозможного в том, что будущему предстоит сделать в этой области драгоценные открытия. *Ни один осторожный исследователь не будет в наше время заранее отрицать возможность того, что в человеческой природе существует еще неизвестная нам сила. Одно только несомненно: до сих пор никому еще не удалось представить неопровержимое доказательство наличности подобного рода сил.*

ОТДЕЛ IV

МАГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ДУХА

Человек как центр магических сил

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

При историческом обозрении суеверия и колдовства мы видели, что человечество всегда верило в возможность магических операций, посредством которых добивались двух целей: во-первых, стремились к познанию фактов, лежащих вне пределов обыкновенного опыта и необъяснимых общепринятыми способами; во-вторых, пытались получить власть над внешним миром, недостижимую обыкновенными средствами. Ввиду этого, с одной стороны, мы видим упорное стремление поднять завесу будущего при помощи целого ряда методов, которые можно назвать одним термином: гадания; с другой — видим страстное желание получить власть над материальным миром для достижения различных практических целей: лечения болезней, удлинения жизни, приобретения знатности, богатства и половых наслаждений, для эмансипации себя от времени и пространства, для вреда и пользы ближнему — вообще для всего, что близко человеческому сердцу. Во все эпохи человеческой истории мы встречаемся с твердой уверенностью, что все это может быть достигнуто посредством магического искусства. Временами вера эта проникает во все слои общества, временами изгоняется в среду малообразованных классов, а затем опять с новой силой охватывает все человечество. Такой же судьбе подвергаются и теории, которыми пытаются объяснить магические явления.

Если отбросить несущественные частности, то все многочисленные теории этого рода могут быть сведены к двум типам. По современной терминологии первый тип может быть назван «спиритическим», так как все магические явления объясняются им вмешательством высших разумных существ. Второй тип может быть назван «оккультистическим», так как истинной причиной упомянутых явлений он считает какую-то неизвестную силу природы. Оба рода теорий в течение целых веков мирно уживались рядом друг с другом. Магическое искусство халдеев, состоявшее из разнообразных заклинаний, имело спиритический характер, тогда как их гадания носили, несомненно, научно-оккультистический отпечаток. В равных периодах европейской магии мы наблюдаем обратное отношение: все тогда были убеждены, что магические операции имеют непосредственную власть над предметами, тогда как при предсказаниях считали нужным обращаться к действию «фильгьяров» или других духов.

После смешения халдейской и европейской магии преобладало то одно, то другое воззрение, но даже в магически-философских толкованиях такого человека, как Корнелий Агриппа, у которого научно-оккультистические воззрения явно преобладают, вера в существование духов играет большую роль. По его мнению, господство ученых магиков над тайными силами достигает высшей степени в тех случаях, когда им удается заручиться содействием небесных «разумов» и демонов, от которых эти тайные силы исходят. Таким образом, и у него обе теории прекрасно уживаются. Только в последнее время эти два, по существу, противоположные принципа вступили в открытую борьбу.

Конечно, во все времена теоретические воззрения находятся в тесной связи с практическими манипуляциями магического искусства. Поскольку теории имеют задачей объяснить смысл манипуляций, постольку эти последние должны подтвердить истинность теорий, достигая на практике предсказанных ими результатов.

Так как все подобные теории и уверенность в действительности магических приемов упорно держатся в умах человечества от колыбели его до самого последнего времени, то, несомненно, в основе этих представлений должно лежать нечто истинное. С одной стороны, должны быть такие явления, которые порождают уверенность в существовании высших существ и тайных сил; с другой — необходимо, чтобы, хотя иногда, магические приемы достигали желанного результата. Если б этого не случалось, то вера в них, несомненно, давно бы разрушилась и в своем крушении неминуемо увлекла бы все связанные с нею теории. Можно с уверенностью утверждать, что это уже давно бы случилось, если бы соответствующие факты были только плодами фантазии, не имеющими за собою определенных наблюдений над действием магических манипуляций. История самих суеверий доказывает нам, что такова неминуемо судьба каждой, недостаточно обоснованной теории. Всякое предположение, которое сперва даже как будто имело кое-какие основания, немедленно падало, когда дальнейший опыт показывал недостаточную прочность этих оснований.

Для подтверждения этого можно привести не один пример. Астрология халдеев основывалась на предположении, что существует некоторая причинная зависимость между периодически повторяющимися комбинациями небесных светил и между также до известной степени повторяющимися событиями в жизни человечества. Эта вера во влияние звезд продержалась до 19-го столетия и начала колебаться и пала только при постепенном усовершенствовании методов наблюдения новейшей астрономии. Оказалось, что самым точнейшим образом составленные гороскопы нисколько не согласны с ходом действительных событий и что для устранения разницы приходилось прибегать к величайшим натяжкам. Сомнение в верности теорий явилось, как только обнаружилась несостоятельность ее магических приложений. Однако люди науки только тогда вполне оставили всякую веру в астрологию, когда были точно установлены законы движения небесных тел и стало очевидным, что не может быть никакого отношения между этим движением, подчиненным точнейшим законам, и явлениями человеческой истории, не допускающими, по-видимому, никаких заранее сделанных вычислений. То же повторилось и с алхимией, возникновение которой, как мы видели, связано с открытием изменений в наружном виде металлов. Так как, по недостатку точных сведений, не было установлено, какого рода могут быть эти изменения, то теория допустила возможность перехода одного металла в другой; но вера эта немедленно пала, как только опытами было обнаружено, что все изменения ограничиваются только физическими свойствами металла и что, несмотря на огромную затрату сил, средств и времени, ни разу не удалось достигнуть изменения в самом веществе их. Эти примеры доказывают, что ни теории, ни прикладные практические приемы не могут удержаться, не опираясь на действительные наблюдения; поэтому не подлежит сомнению, что в основе суеверий и магических приемов, существующих в течение многих веков, должно быть зерно истины. Это тем более вероятно, что и «спиритисты», и «оккультисты» постоянно ссылаются на множество наблюдений в подтверждение излюбленных ими учений. Особенного внимания заслуживает то обстоятельство, что современные наблюдения удивительно точно совпадают с описаниями аналогичных явлений в старое время, так что очевидно, что мы имеем дело с повторением однородных явлений. Вера в духов и тайные силы природы непременно должна иметь в основе несомненные факты, раз она удержалась от тьмы доисторических времен до последних дней.

Нам предстоит исследовать вопрос, какого именно рода явления породили и поддерживают до наших дней всевозможные суеверия, веру в гадания и прочие

магические операции. При нашем определении слова «суеверие», такое исследование составляет главный пункт нашей задачи, потому что в зависимости от его результата мы имеем право те или другие существующие мнения относить в область суеверий или выделять из нее. Только если нам удастся доказать, что вся теория и практика магии основаны на неточных наблюдениях и неправильном истолковании обыденных, более или менее известных явлений, в таком случае мы будем иметь право назвать эти теории суевериями. Если же при этих исследованиях обнаружится, что действительно существуют явления, необъясняемые действием известных нам сил, то мы принуждены будем откровенно признать, что в этих пунктах верующие в магию были правы. В истории науки далеко не новость эпизоды, когда известный век насмешливо клеймил кличкою суеверия то, что впоследствии оказалось правдой. Не мудрено поэтому, что при обозрении всей упомянутой нами области явлений мы натолкнемся на такие, которым наука пока еще не может дать удовлетворительного объяснения.

Рис. 95. Гороскоп Валленштейна.

Первый вопрос, который нам предстоит решить, заключается в том, где искать источник сил, проявление которых наблюдается при магических операциях: в живой или неживой природе? Просто ли это физические или же психофизические явления? Кажется, не может быть сомнения, что силы эти кроются в природе одушевленной или, точнее выразиться, в самом человеке. Современная физика и химия бессильны перед явлениями магии и не могут объяснить их при помощи сил, с которыми они имеют дело. С другой стороны, современное развитие естествознания делает весьма маловероятным предположение о существовании каких-то еще неизвестных сил, неизменно действующих на каждом спиритическом сеансе, но тщательно избегающих проявить свое действие в лаборатории ученого.

По этому одному можно с вероятностью предположить, что магические силы должны быть скрыты в самом человеке. Исторические исследования подтверждают такое мнение, так как во все времена существовала твердая уверенность, что не каждый может быть колдуном и что этому нельзя «обучиться», как, напр., обращению с паровой машиной или телефоном. Магическое искусство ставило определенные требования тем, кто хотел к нему приблизиться. Ведьмы, колдуны, магики и медиумы всегда должны были обладать определенным «предрасположением», которое, в свою очередь, должно было подвергнуться некоторой обработке и развитию. Беспристрастные наблюдения новейшего времени обнаружили, что существует, так сказать, «медиумический ценз» и что только единичные лица — медиумы — имеют необходимые способности для приведения в действие магических сил. Следовательно, *человек есть центр магических сил.*

Поэтому прежде всего мы должны обратить особое внимание на исследование различных психических свойств и способностей человека, чтобы выяснить, в какой мере они могут служить к объяснению магических явлений.

Еще один важный факт обнаруживается при историческом пересмотре вопроса, а именно: только наблюдения новейшего времени дали нам точные описания различных магических феноменов, так как совершенство современных естественнонаучных методов исследования не осталось без влияния на область магических явлений. В течение последних десятилетий многие естествоиспытатели занимались изучением круга этих явлений; их наблюдения во время спиритических сеансов, конечно, много точнее и достовернее однородных описаний прежних времен, тем более что таких описаний мы имеем очень мало. В старых отчетах преобладающее место занимает изложение применяемых методов, но очень мало говорится о полученных результатах. Предположим, мы имеем несколько старинных гороскопов, которые, по-видимому, вполне точно совпадают с последующей судьбою соответствующих лиц; мы знаем также несколько описаний превращения одних металлов в другие и несколько рассказов о произведенных некоторыми магиками заклинаниях духов. Но все эти сведения, во-первых, очень кратки, а во-вторых, несомненно, составлены лицами, вполне погруженными в суеверия своего времени; почти нет ни одного подобного сообщения со стороны известных скептиков соответствующих эпох. Поэтому мы предпочтительно будем придерживаться описаний нашего времени. К сожалению, история со спиритизмом поучает нас, что и современные исследования далеко не безупречны. Нередко мы встречаем резкое противоречие при описании одного и того же явления двумя наблюдателями; там же, где показания совпадают, в них весьма часто так мало ясности и точности, что основывать на них какой-нибудь вывод совершенно невозможно.

Ввиду таких соображений оказывается необходимым, прежде чем приступить к разбору цикла магических явлений, сделать некоторые изыскания относительно наблюдательной способности людей вообще, чтобы точнее определить ряд ошибок, возможных и неизбежных при всяком наблюдении. Может быть, при этом мы найдем, что магические явления имеют наклонность обнаруживаться только при таких обстоятельствах, когда правильные наблюдения невозможны и когда даже опытному наблюдателю самые обыкновенные происшествия покажутся чудесными.

Итак, прежде всего мы должны исследовать, какие ошибки наблюдения могли вкрасться в описания известного явления.

Мы еще не имеем полного и всестороннего изображения обстоятельств, породивших суеверные представления и веру в магические явления прежних времен. Хотя спор между спиритистами и оккультистами привел к установлению разнообразных теорий, но все они опираются исключительно на новейшие факты, и только немногие единичные авторы, как, напр., Шиндлер, Перти, Мори и отчасти дю-Прель, вводят в круг своих наблюдений многие, отступающие от нормы, явления прежних времен. Однако никто из них не упоминает о возможных ошибках наблюдений, вследствие чего целый ряд явлений остается неразъясненным. Так как для нас имеют некоторое значение и древние объяснения загадок магии, то мы начнем с краткого обзора самых старейших попыток объяснения их.

СТАРЫЕ ПОПЫТКИ ОБЪЯСНЕНИЯ

Очень интересен факт, что такой человек, как Корнелий Агриппа, живший в период наивысшего развития европейской магии и давший в своих сочинениях столь ясное доказательство своей глубокой веры в магию, тем не менее проявляет поразительно правильное ощущение того, где нужно искать источник магических сил.

В одном из писем к Аврелию Аквапенденте он говорит: «Все необыкновенное, великое, что рассказывают, читают и пишут о непобедимой силе магического искусства, о чудесных картинах астрономов и проч., окажется ничтожным, выдуманным и фальшивым, если понимать это буквально. Однако сообщается это великими философами и святыми мужами, которых нельзя заподозрить во

лжи. Такое заключение, по крайней мере, было бы очень неблагочестиво. Следовательно, под этими буквами скрыт загадочный, окутанный тайнами смысл, неразгаданный до сих пор ни одним из великих древних учителей. Кто хочет один, без надежного руководителя, проникнуть в таинственный смысл этих письмен, тот должен быть озарен божественным светом, а это дано немногим... Однако знай, что мы не должны искать причины столь великих действий вне нас самих, внутри нас живет деятельное существо, могущее без оскорбления Божества и религии выполнять все,что обещают астрологи, магики, алхимики и некроманты. Я утверждаю: в нас самих живет начало, творящее чудеса:

Nos habitat non tartara, sed nec sidera coeli,
Spiritus in nobis qui viget, illa facit».

(Живут в нас не адские силы и не светила небесные, а бодрствующий дух, все это совершающий.)

В его «Occulta Philosophia» мы находим множество примечаний в таком же духе, где он указывает, что различные магические действия могут быть проявлены не только при содействии внешних сил: здезд, демонов и т. д., а исключительно силами нашей собственной души. Одно из таких мест гласит следующее: «многое может сделать наш дух при помощи веры, состоящей из глубокого убеждения и напряженного внимания, которые нам помогают во всяком деле и сообщают силу предприятию, которое мы думаем совершить. Таким образом, в нас возникает одновременно и новое представление о силе, которую мы должны воспринять извне, и яркая картина того, что должно произойти в нас или быть совершено нами. Поэтому при каждом деле, при всяком применении какой-либо вещи мы должны возбудить в себе страстное желание, напрягать силу нашего воображения, иметь непреложную надежду и крепчайшую веру. Все это весьма способствует успеху... Для магических действий нужна поэтому твердая вера и непоколебимое доверие. Нельзя иметь ни малейшего сомнения в успехе и даже допускать подобной мысли. Твердая вера творит чудеса даже иногда будучи неправильно направлена, а малейшее сомнение и оговорка рассеивает духовную силу магика».

Кизеветтер собрал и изложил все такого рода рассеянные замечания Агриппы под заглавием: «Эзотерическая жизнь Агриппы», т. е. тайное учение магии, предложенное магиком избранным лицам. Но при этом он слишком высоко оценил сущность воззрений Агриппы, который после некоторых неудачных опытов мог получить неясное ощущение, что источник магических сил кроется в душе человека, но, конечно, был далеко не способен систематически установить психологическое объяснение такого рода явлений. Еще неудачнее нужно считать попытку Кизеветтера навязать Агриппе на основании этих рассеянных и случайных заметок свои собственные спиритически-оккультические теории. Своими стараниями сделать это он только доказал справедливость положения, высказанного Агриппой, что твердая вера может совершить самое чудесное.

В заметках Агриппы мы имеем только слабые, случайные намеки на возможность психологического объяснения магии. Оставив без внимания многочисленные другие, более или менее удачные попытки такого отношения к предмету, мы только 300 лет спустя в книге врача Бруно Шиндлера «Магические стороны духовной жизни» (1857 г.) находим систематически проведенное объяснение магических явлений на почве психологии.

Шиндлер исходит из того положения, что наша душевная жизнь, «как и все силы природы», имеет два полюса. Психологи, полагает он, обращали внимание только на один нормальный, бодрствующий, «дневной полюс» душевной жизни, между тем как другой — «ночной полюс» — не менее важен, так как в нем мы должны искать источник всех мистических событий, магических влияний и т. д. Чем сильнее проявляется действие «ночного полюса», тем более он оттесняет на задний план «дневной полюс» и тем отчетливее проявляется магическое состояние. Можно проследить целый ряд таких состояний в постоянно усиливающейся прогрессии. Подобно тому как «дневной полюс» получает все возможные впечатления путем внешних чувств, «ночной полюс» также воспринимает впечатления от всей природы через посредство чувств внутренних.

Эти явления обнаруживаются уже на низших ступенях «ночного самосознания — в снах». «Во сне, когда раскрывается внутреннее сознание, когда, с одной стороны, индивидуум оградил себя от всех жизненных явлений внешней природы и когда бесчисленные лучи космических и теллурических сил отражаются в индивидууме, когда, с другой стороны, преобладает низшая, вещественная, пластическая жизнь, тогда и в сновидениях проявляются оба направления душевной деятельности: с одной стороны, возникает мутная игра фантазии, возбуждаемая низшими ощущениями плоти, запятнанная телесными страстями, обремененная впечатлениями греховной дневной жизни, с другой стороны, восстает голос природы, подобно оракулу изъясняющий прошедшее, прозревающий настоящее, возвещающий будущее, и достигает порога сознания в форме предчувствия, вдохновения и пророчества». Более высокую степень магического состояния мы наблюдаем в «предчувствии», возникающем в тех случаях, когда «ночной полюс» начинает проявлять себя в «дневном сознании». Если представления принимают определенный образ, то мы имеем временное «ясновидение». Если «ночное сознание» делается преобладающим, то мы имеем «пророчество», которое проявляется только

при полном экстазе, выраженном с внешней стороны судорожными движениями. Это последнее обстоятельство ясно указывает, что власть воли над телом утрачена и «дневной полюс» оттеснен окончательно. Так как во всех этих состояниях человек сам не знает, откуда у него взялись эти представления, то и приписывает их либо откровению, либо бесовскому наваждению.

Все искусственные средства, употребляемые для вызывания экстатического состояния: натирания, курения, заклинания, воздержания, гипнотизирующие средства и т. д., действительны, по мнению Шиндлера, лишь потому, что способствуют усилению ночного полюса на счет дневного. Впечатления, дремлющие в ночном сознании, выступают на первый план и получают яркость действительных явлений. Субъект видит лишь то, что ему желательно видеть: поэтому все вызывания духов приводят только к галлюцинациям. Истинную ценность имеет только ясновидение прошедшего и будущего, овладевающее индивидуумом при экстатическом состоянии, потому что эти явления порождаются воздействием «всего сущего» на «ночной полюс», сознания, хотя точный путь такого воздействия нам неизвестен. Шиндлер, однако, полагает, что при этом значительную роль играет открытая Рейнбахом Од-сила; внутреннее чувство, очевидно, просвещается Од-светом; поэтому пророки всех времен говорят о каком-то сверхъестественном свете. Впрочем, при пророчестве действуют, конечно, и другие неизвестные нам силы. Вообще мы еще слишком мало знаем о «ночном полюсе» сознания, чтобы говорить о законах, управляющих его функциями. По мнению Шиндлера, вся практическая магия основана на действии на расстоянии некоторой силы, исходящей из «ночного полюса» человека и могущей вызывать движения неодушевленных вещей и разнообразные изменения в других людях.

Таким образом, своеобразность Шиндлеровской теории состоит в том, что все магические явления он приписывает «ночному полюсу» человеческого сознания, весьма отличающемуся от нормального дневного полюса психической жизни. Ночной полюс получает из внешней природы воздействия совершенно иного характера, чем известные нам впечатления, получаемые через органы чувств, и деятельность его настолько различна от деятельности дневного полюса, что мы не можем определить его законы. Однако психологические исследования нашего времени не подтвердили такого расчленения душевной деятельности на две неравные части. Конечно, Шиндлер прав, говоря, что в нормальном бодрственном сознании мы не можем заметить явлений, могущих объяснить магические феномены и что такое объяснение нужно искать в гораздо менее исследованной области, которую в настоящее время называют бессознательною (внесознательною) душевною жизнью, лежащею «за порогом сознания». Но он не прав, считая эти оба вида душевной жизни за противоположные наподобие полюсов магнита. Поскольку современной научной психологии удалось проникнуть в темную область «бессознательной сферы», постольку выяснилось, что она подчинена действию тех же законов, как и сознательная душевная жизнь. Шиндлер, ничего этого не подозревавший, мог только указать, что действительный источник магических сил нужно искать за порогом нормального сознания, но более точных указаний дать, конечно, не мог. При последующем изложении мы увидим, насколько и как новейшие исследования механизма бессознательной психической жизни могут содействовать объяснению магических явлений.

Значительный шаг вперед делает Максимилиан Перти в своем замечательном сочинении: «Мистические явления человеческой природы» (1861). Перти, бывший до 1876 г. профессором зоологии в Берне, много занимался физиологией и психологией и стоит, конечно, гораздо ближе к современной науке, чем Шиндлер. Большую часть мистических явлений: сны, лунатизм, беснование, вызывание духов, чудесные исцеления, объясняет он без всякого магического вмешательства, так как все эти явления могут быть подведены под известные физиологические и психологические рубрики. Здесь мы не будем подробно приводить его объяснения, так как они во многом совпадают с тем, что будет сказано дальше при анализе аналогичных феноменов. Только небольшое число явлений, как, напр., угадывание будущего, внушение известных мыслей, обнаружение значительной механической силы на близких и далеких расстояниях, потребуют другого объяснения, так как Перти не может объяснить их известными ему силами и принужден в этих случаях допустить у человека какую-то неизвестную магическую силу. Главный недостаток работы Перти — полное отсутствие указания на несовершенства, присущие наблюдательной способности человека, и недостаточно критическое отношение к материалу. Он считает все, имеющиеся у него под руками, сообщения

достоверными, не разбирая, от кого они исходят. Это — главная причина, почему ему пришлось отказаться от объяснения значительного числа мистических феноменов; и она же заставила его в конце концов склониться к спиритизму.

В одной из своих последних работ: «Современный спиритизм» он выражается очень определенно: «Если принять в расчет, какое значительное число выдающихся и здравомыслящих людей Европы и Америки подтверждают действительность спиритуалистических явлений, то можно объяснить только невежеством смелость некоторых писателей, называющих всю область этих явлений бредом, суеверием и шарлатанством. Свидетельство органов чувств здоровых людей признается достаточным в торжественных судебных заседаниях всех народов, следовательно, должно быть признано достаточным и относительно проявлений спиритизма. То обстоятельство, что эти явления носят характер необыкновенного и противоречат, по-видимому, известным до сих пор законам природы, не может считаться достаточным основанием к их отрицанию. Спиритизм, очевидно, может повести к проникновению человеческого взора за пределы сферы механических явлений».

Это довольно странное рассуждение. Из того, что судебные показания нормальных лиц, касающиеся самых обыденных жизненных явлений, принимаются как почти достоверные, вовсе еще не следует, что такое доверие обязательно относительно каждого заявления о спиритических явлениях, явно противоречащих всему, что мы видим ежедневно. Кажется, было бы правильнее сделать как раз обратное заключение, а именно: так как спиритические проявления совершенно не соответствуют фактам обыденной жизни, то при наблюдении их трудности весьма возрастают, а поэтому наблюдатель должен удовлетворять исключительно высокие условия, чтобы показания его не подлежали сомнению. Переход Перти в ряды спиритов может служить прекрасным примером, куда может завести слепая вера в достоверность показаний.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Подведя итоги всего вышесказанного, мы тем самым наметим путь дальнейших исследований. Историческое развитие суеверий поставило вне всякого сомнения, что источник магических сил кроется в самом человеке. Так как, однако, при нормальном бодрствующем сознании мы не наблюдаем явлений, могущих нам объяснить возникновение веры в магические силы, то источник такой веры должно искать в более редких состояниях психической жизни: в болезни, во сне и подобных сну состояниях. Уже такие исследователи, как Шиндлер и Перти, доказывали, что многочисленные суеверные представления имеют источником именно эти фазисы психической жизни. Психологические изыскания последнего десятилетия в еще большей степени убедили нас, какое огромное значение имеют вторжения бессознательного в область сознательной жизни; уже одним этим пролит свет на целый ряд загадочных до того фактов. Ввиду этого в дальнейшем изложении мы специально займемся анализом расстройств сознательной психической жизни и изучением внесознательной ее области, причем особое внимание будет нами обращено на факты, могущие дать ключ к объяснению вопроса о возникновении суеверий, описанных в исторической части этой книги. Необходимо собственно уяснить два пункта: как возникли суеверия и чем они поддерживались. Первый пункт представит особые затруднения, так как зарождение суеверий большей частью скрыто во мраке времен, и мы не имеем положительных сведений из той эпохи. На основании предыдущего можно, однако, с большой вероятностью допустить, что одни и те же факты и порождают и поддерживают суеверия. Конечно, в отдельных случаях необходимо будет обсудить вопрос, в самом ли деле эти явления были достаточны, чтобы вызвать возникновение суеверия; в случае отрицательного ответа, для этого придется искать другие причины.

Всякий раз, когда нам удастся показать, что какая-либо группа представлений возникла на почве неправильного восприятия и толкования обыденных физических и психических феноменов, мы с полным правом назовем ее суеверием. Чтобы ввести некоторую систему в разнородный материал, с которым нам предстоит

иметь дело, мы прежде всего сделаем несколько замечаний о наблюдательной способности человека, так как это необходимо для правильной оценки достоверности сообщаемых фактов; затем перейдем к рассмотрению психических явлений, сперва нормальных и обыденных, затем более редких, наконец ненормальных и болезненных. В заключение сделаем очерк технических приемов магии, не входящих в рамки психологического исследования.

Наблюдательная способность человека

НОРМАЛЬНЫЕ ОШИБКИ НАБЛЮДЕНИЯ

Мы уже неоднократно упоминали, что наблюдательная способность человека весьма несовершенна, так что не всегда можно положиться на показания даже таких людей, правдивость которых стоит вне всякого сомнения. Такое заключение противоречит общераспространенному убеждению, что человек со здоровыми органами чувств может правильно наблюдать. Даже более: наше утверждение, по-видимому, способно подорвать всякое доверие к выводам современных естественных наук, которые целиком основаны на наблюдениях. В самом деле, каким образом естествознание могло бы достигнуть такой высокой степени развития, если бы человек не мог делать правильных наблюдений?

На это можно возразить следующее: достоверностью своих выводов естественные науки обязаны именно тому, что они ставят свои наблюдения в самые благоприятные условия, при которых возможность ошибок делается минимальной. В музеях, лабораториях и обсерваториях исследователь находится в полном покое и ничто не мешает его работе; он может произвольное число раз повторять свои наблюдения, чтобы, по возможности, исключить случайные ошибки. Чего он не заметил сегодня, то он увидит завтра. Техника предоставляет в его распоряжение множество средств для увеличения восприимчивости органов чувств и т. д. Но главное — это возможность немедленно записать результаты наблюдения и отсутствие необходимости полагаться на свою память; каждый наблюдатель отлично понимает, что уже через короткое время он упустит из виду много мелочей, если они не будут отмечены тотчас же. Только при таких условиях могут быть произведены достоверные — конечно в пределах человеческой возможности — наблюдения. Известная доля упражнения также необходима наблюдателю. Каждый учитель естественной истории знает по опыту, что даже способные дети старшего возраста, когда им показывают животное или растение и направляют их внимание на определенную часть предмета, все-таки не могут рассказать о том, что они должны были заметить: они как будто его не видят. Для наблюдения, как и для всего прочего, нужна привычка. Поэтому только тогда можно положиться на верность наблюдения, когда опытный наблюдатель работал при благоприятных условиях.

Из сказанного понятно, что наблюдения мистических событий не могут иметь значительной достоверности, потому что большей частью они произведены людьми совершенно неопытными в деле наблюдения и притом в самых неблагоприятных условиях. Хотя в самое последнее время наблюдения над мистическими явлениями иногда ведутся в лабораториях по известному плану, но и здесь, несмотря на значительно лучшие условия, ошибки очень возможны по самому свойству наблюдаемых явлений. Все подобные явления, как уже замечено, совершенно несходны с явлениями обыденной жизни: это явления редкие, которые не находятся в нашей власти, а возникают и исчезают неожиданно и внезапно, большей частью в темноте; поэтому наблюдения над ними, даже в лабораториях, очень затруднительны.

Еще хуже обстоит дело, когда эти неожиданные факты, как это обыкновенно и бывает, появляются перед людьми совершенно неподготовленными к тому, чтобы видеть нечто необыкновенное; источники ошибок возрастают тогда непомерно, тем более что наблюдателю редко удается сохранить надлежащее хладнокровие, а никто не может ручаться за точность своих впечатлений при сильном волнении. Но, допустивши даже, что исследователь совершенно спокоен, все же правильность его наблюдения подвержена многим сомнениям: часто он не может ближе исследовать известного явления, не имея для этого достаточно времени или не будучи в состоянии занять необходимое удобное положение. Кроме того, в его распоряжении могло не быть средств для точного определения времени и пространства, так что в этом отношении ему приходится положиться только на глазомер. Хуже всего, однако, то, что, несмотря на устранение всех неблагоприятных условий, наблюдатель не может немедленно записать воспринятое и, таким образом, оставляет большой простор для всевозможных неточностей. Записывая известные оттенки явления, он забывает другие; не всегда правильно может воспроизвести ход событий. Описание делается, конечно, еще менее точным, если воспроизведение откладывается на недели, месяцы, а иногда и годы. Мы после увидим, как велики могут быть в этих случаях ошибки памяти. Таким образом, неточности очень легко закрадываются в описания, если последние ведутся без определенного плана и без системы. Ошибки могут быть двух родов: ошибки наблюдения и ошибки памяти, последние при письменном или устном изложении воспринятого. На практике разделение это имеет мало значения, потому что всякий отчет о виденном заключает в себе и те, и другие; но так как при последующем изложении нам придется обратить особое внимание на искание и оценку подобного рода ошибок, то не мешает принять в расчет эту разницу. Для той же цели мы считаем нужным рассмотреть ближе вопрос о том, на чем основываются настоящие ошибки наблюдения.

Наблюдательная способность не есть простая функция душевной жизни человека, но состоит из многих душевных элементов. При наблюдении какого-либо предмета наши органы чувств получают от него известную сумму раздражений и передают в сознание соответствующие различные впечатления. Если наше внимание привлечено на известный пункт, то мы легко пропускаем многое, происходящее в других местах; поэтому для восприятия впечатлений от какого-либо предмета мы прежде всего должны направить на него наше внимание. Появляющиеся в нашем сознании впечатления комбинируются со многими, раньше существовавшими впечатлениями, и только путем такого сложного психического процесса мы получаем представление о предмете и имеем право сказать, что наблюдение сделано. Для иллюстрации приведем пример. Я иду по улице. На окне магазина лежат яблоки; мой взор скользит по ним, но я их не вижу, если я, например, занят наблюдением за какой-нибудь уличной сценой. Наконец, я обращаю на них внимание и только тогда воспринимаю ряд зрительных впечатлений; я вижу нечто круглое, желтое и красное. Мне уже знакомы эти впечатления; они обыкновенно связаны с определенными вкусовыми и обонятельными ощущениями. Предмет, от которого я их воспринял, изучен уже мною под именем яблока. Все эти впечатления, вследствие частого одновременного возникновения в моем сознании, тесно связаны между собой: они *ассоциированы*, так, что при возникновении одного одновременно являются и другие. Я полагаю, что наблюдаю яблоко; но, на самом деле, только часть соответствующих впечатлений воспринята мною вновь, остальное пополнено моим сознанием без соответствующего внешнего раздражения. Таков обыкновенный ход психических процессов. Полное наблюдение состоит из чувственного восприятия, связанного с функционированием внимания и дополненного ассоциацией представлений, причем каждая из этих составных частей всего акта вносит в него свои особые ошибки, характер и результат которых мы должны анализировать отдельно. При этом мы еще не принимаем в расчет мелких неправильностей, на которые обращено внимание

только в последнее время, зависящих от несовершенства наших органов чувств или от особенностей процесса внимания и возникновения ассоциаций; напр., об иррадиации, окрашенных краях образов, слиянии тонов, явлениях контраста, передвижения времени при наблюдении сразу несколькими чувствами и т. п. Эти неточности имеют исключительно теоретическое значение и практический интерес приобретают только при тонких исследованиях. При наблюдениях грубых, производимых без всяких технических приспособлений, с которыми именно нам придется иметь дело по самому свойству предмета, мы должны остановить наше внимание лишь на ошибках, возникающих при обыкновенных условиях нашей обыденной практики.

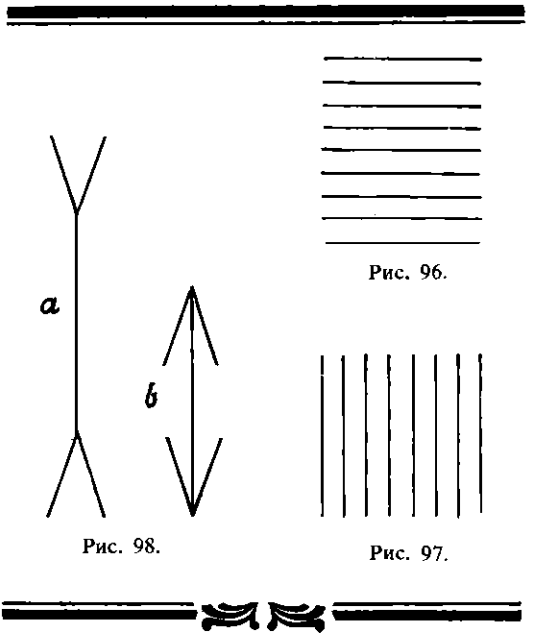


Рис. 96.

Рис. 98.

Рис. 97.

Чувственные восприятия. В огромном большинстве случаев мы пользуемся только тремя чувствами: *зрением, слухом* и *осязанием*; обоняние и вкус применяются гораздо реже. Из первых трех главную роль играет зрение, так как при его помощи мы делаем гораздо более точные заключения о наружном виде предметов, их отдалении от нас и об их положении в пространстве, чем при помощи других чувств. Мы хорошо знаем, как часто глаз нас обманывает. Если впечатления, получаемые от предметов, слабы и неопределенны, то мы получаем весьма неверное представление о них; хотя главный источник ошибок в этом случае лежит не в самом зрительном процессе, а в сопутствующих и дополняющих его ассоциациях. Зрение не только дает нам понятие об очертаниях предметов, но также о величине их и о положении в пространстве. Говоря точнее, последние два отношения познаются не глазом, а функцией связанного с ним мышечного аппарата. Однако, несмотря на сложность или даже скорее вследствие этой сложности зрительного органа, наши суждения о величине и положении предметов подвержены большим ошибкам.

Проанализируем самые частые из них. При обыкновенных обстоятельствах мы довольно легко судим об относительной длине линий и о величине поверхностей. Но при малейшем осложнении наше умение нам изменяет.

На прилагаемом чертеже (рис. 98) мы имеем две линии *a* и *b* совершенно одинаковой длины, но этому трудно поверить, глядя на рисунок: впечатление совершенно изменяется вследствие прибавок на концах их. Точно также изображенные на рис. 96 и 97 четырехугольники суть точные квадраты; но, вследствие расположения линий, один кажется длиннее, а другой — шире. Подобных фигур можно начертить очень много. На основании этих простых примеров можно легко судить, насколько увеличивается вероятность ошибки при определении величины предмета на глазомере под открытым небом и при неблагоприятных для наблюдения обстоятельствах. Брэм в своей «Жизни животных» делает такое замечание: «По собственному опыту я знаю, как необычайно трудно определить правильно длину змеи. Когда случалось с меркой в руках проверять показания людей, даже очень опытных, то оказывалось, что они были весьма ошибочны. Даже имея дело с небольшими змеями, не более метра длины, находящимися в полном покое и дающими возможность хорошо вглядеться в них, ничего не стоит ошибиться на целую треть; при определении величины змей длиннее 3 метров трудность определения и вероятность ошибки делается вдвое и даже втрое больше. Когда же змея движется, то угадать длину ее делается совершенно невозможным. Я не знаю, от чего это зависит, но убедился, что все решительно ошибаются, и притом всегда в смысле преувеличения, сколько бы раз не повторялся опыт. Ошибка узнается только в тех случаях, когда есть возможность пустить в ход мерку. Ничего нет удивительного, если воображение туземцев со свойственной южным народам пылкостью

и не знающее никаких границ преувеличивает длину змеи в 3 или 4 раза. Тот самый индеец, или южноамериканец, который с видом полной правдивости уверяет, что видел и убивал змей в 50 футов длины, заявляет хладнокровному исследователю, убившему змею в 6 метров, что это чудовище по длине превышает все, что он «когда-либо видел». Эти замечания подтверждаются и с других сторон. Если, таким образом, даже достоверные натуралисты, несмотря на опытность, принуждены сознаться в своем бессилии точно определять величину, то становится очевидным, как мало можно доверять показаниям разных древних авторов о зверях необыкновенной величины и т. д. Нужно заметить, что эти ошибки вовсе не зависят от страха наблюдателя при виде чудовища. Я проверял показания Брэма посредством канатов различной длины, положенных изгибами на траве. Четыре опытных наблюдателя на глазомер определяли их длину, а затем была прикинута мерка. Деланные при этом ошибки были меньше приводимых Брэмом, но зато были постоянны. Длина моих искусственных змей, короче 2-х метров, всегда определялась меньше настоящей; у более длинных — ошибка была обратная. Величина ошибок была очень различна у разных наблюдателей. От 1/20 до 1/30 у более опытных и от 1/8 до 1/4 у менее опытных. Причина того, что наши ошибки были меньше указанных Брэмом, я думаю, заключалась в том, что наши змеи были несколько безопаснее настоящих, и мы смело могли подходить ближе и выбирать для наблюдения удобную позицию.

Совершенно такие же неправильности мы видим при глазомерном определении расстояний. Только очень немногие лица способны сделать это достаточно точно. При сколько-нибудь значительных расстояниях величина ошибки иногда во много раз превосходит самое расстояние, и даже у очень опытных наблюдателей ошибка редко бывает менее $^1/_{10}$.

По этому поводу мне пришлось просмотреть кое-какие таблицы военных упражнений. Расстояния определялись глазомерно от 100 до 2100 метров. Ошибки колебались от $^1/_{10}$ у опытных до $^1/_6$ у малоопытных.

При подобных упражнениях ошибки бывают в обе стороны, главным образом, в зависимости от погоды и состояния атмосферы. При дожде, тумане и т. п., когда очертания предметов неясны, они кажутся дальше действительного; при ясной погоде, когда очертания предметов выражены резко, бывает обратное.

Из всего сказанного следует: *величина и отдаленность предметов могут быть определены только приблизительно; при неблагоприятных условиях неточности могут быть очень велики.*

Подобно зрению, и слух может быть источником значительных ошибок, если звуковые впечатления так слабы и неясны, что точное восприятие их невозможно; об этом придется говорить после. Дальнейшим частым источником ошибок является то обстоятельство, что наш слуховой орган не имеет особого приспособления для определения направлений звука. Мы судим об этом по тому, каким ухом мы лучше слышим звук и при помощи некоторых приспособлений ушных раковин, но всегда получается только приблизительное определение, к тому же возможное только в открытом месте или в правильном помещении, в котором немного вещей. В загроможденном пространстве такое определение становится совершенно невозможным. Сидя, напр., в своей комнате, мы слышим шум экипажа на улице; по силе звука мы можем судить о приближении или удалении экипажа, но совершенно не можем угадать его направления. Если много лиц сидят за столом и кто-нибудь из них будет царапать одну из ножек стола, то обыкновенно невозможно определить, с какой стороны исходит звук, но, зная характер звука, можно всегда угадать, что он исходит от стола. Если же дело идет о неизвестном звуке, о происхождении и причине которого можно только догадываться, то становится совершенно невозможно различить, откуда идет звук. Я делал опыты в этом направлении; одни из присутствующих думали, что звук идет от пола, другие — что от стен, третьи указывали на водопроводную трубу в углу комнаты; на самом деле я касался маленьким аппаратиком ножки стола, за которым все сидели. Из этого следует, что *исходная точка звука может быть точно определена только при крайне благоприятных условиях. При незнакомом характере звука такое определение делается почти всегда невозможным.*

Поэтому когда в рассказах о спиритических сеансах передают, что «стуки» исходили из всех углов комнаты, даже вдали от медиума, то таким заявлениям нельзя придавать никакого значения. Медиум отлично может производить какой

угодно звук, а присутствующие этого не заметят. Вся суть чревовещания, игравшего такую роль в магических операциях всех времен, состоит в том, что присутствующие не могут определить исходный пункт необычайного звука.

Наибольшее доверие мы склонны питать к нашему *осязанию* в тесном смысле, а также в виде ощущения давления и температуры. Когда хотят указать на достоверность чего-нибудь, то говорят: «В этом можно осязательно убедиться». К сожалению, и осязание нас часто обманывает: *ощущение давления и холода остается некоторое время после того, как причина ощущения уже перестала действовать.*

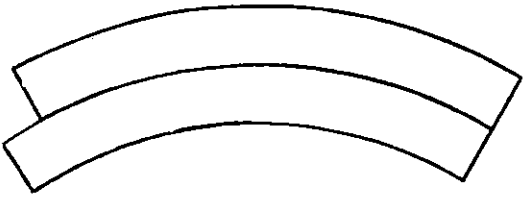


Рис. 99. Верхняя линия кажется короче.

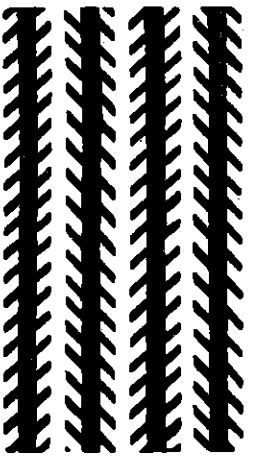


Рис. 100. Вертикальные линии кажутся непараллельными.

На этом свойстве основан известный фокус: ловкий артист кладет нам на руку монету и сильно ее придавливает, затем велит сжать руку в кулак. Мы ясно чувствуем, что монета в руке, тогда как, на самом деле, она была им удалена. Этот опыт удается еще лучше при холодном предмете. Если положить очень холодную руку на руку другого человека, то можно ее отнять и участник опыта этого не заметит, конечно, если не увидит движения. На этом был основан один из ловких фокусов мисс Фай. Охладивши руки ледяной водою, она садилась рядом с «контролирующей» особой и их закрывали одеялом по шею. Сосед с правой стороны берет ее правую руку, а левую она кладет сверху его руки. Тогда начинаются «проявления». Кто не знает сути дела, будет глубоко убежден, что ее левая рука покоится в его руке, потому что он продолжает ощущать холод, между тем как, на самом деле, рука отнята еще при начале манифестации и действует свободно. Такого рода проделки, вероятно, нередко повторяются спиритами в темноте.

Внимание. Из опыта обыденной жизни мы все хорошо знаем, что, углубившись в какое-нибудь занятие, поглотившее все наше внимание, мы часто не видим и не слышим ничего из окружающего нас. Хотя внимание и может быть обращено одновременно на некоторое число впечатлений, но ясность каждого из них убывает прямо пропорционально их числу. Это только кажется, что мы можем одновременно и читать и принимать участие в разговоре; на самом деле мы перестаем понимать в один и тот же момент или то, или другое. Значение внимания для всей нашей психической жизни может быть формулировано в следующих 2-х пунктах:

1. Если сосредоточить внимание на каком-либо одном определенном предмете, то все остальные, одновременно получаемые, впечатления не доходят до полного сознания.

2. Чем большим числом предметов занято одновременно ваше внимание, тем неопределеннее будет полученное нами впечатление о каждом из них.

В этих двух фактах заключаются источники бесчисленных ошибок наблюдения. Так, напр., из всякого, сколько-нибудь сложного события мы обыкновенно

замечаем только известные особенности. Если внимание будет сосредоточено на одной стороне явления, то мы пропустим множество фактов, имевших место одновременно. Если будем «разбрасываться» и стараться заметить многое в разных местах, то представление о каждом из отдельных фактов получится неполное и неясное. На этом основании даже отличные наблюдатели легко попадают в ловушку искусного фокусника. Конечно, большая часть фокусов требуют проворства рук и навыка, но сущность дела состоит в том, что «артист» умеет направить внимание зрителей на ложный след. В то время как всеобщее внимание устремлено именно туда, куда ему это нужно, он без всякого стеснения проделывает свои операции в другом месте. Впоследствии мы ближе увидим, как далеко можно зайти в этом направлении.

Посредством внимания мы также производим *определение времени*. Определения величины пространства зависят от известных ощущений; с определением времени дело обстоит иначе. Так называемое «чувство времени» не есть специальное ощущение и не связано с каким-либо определенным восприятием или впечатлением; оно зависит исключительно от перемены, но не столько от смены разнообразных впечатлений или представлений, сколько от последовательных перемен в степени напряжения внимания. Если бы дело зависело только от числа представлений, то мы легко определяли бы время. В более долгий промежуток времени при прочих разных условиях можно сделать больше, чем в короткий; поэтому и число всплывающих в сознании представлений должно быть пропорционально истекшему времени, и можно было бы, пожалуй, предположить, что по количеству представлений мы можем судить о прошедшем времени. В некоторых случаях это действительно возможно. Опытный оратор по количеству своих слов приблизительно знает, сколько времени он говорил; люди, занятые привычной работой, по количеству сделанного угадывают, который час. Но, с другой стороны, мы знаем, что в приятном обществе часы летят как минуты; здесь время кажется нам кратким, несмотря на обилие сменяющихся представлений. С другой стороны, при ожидании время делается «бесконечным» именно оттого, что мы ничем не заняты. Из всего этого можно вывести, что оценка времени не зависит от числа представлений.

С другой стороны, факты нам определенно указывают, что в этой оценке играет большую роль внимание. Если мы заняты интересным разговором, то время летит незаметно, потому что внимание наше приковано к одному предмету. Если же мы по каким-нибудь причинам хотим прервать разговор, то время кажется нам бесконечным, потому что ощущения, передаваемые нашими органами чувств, постоянно отвлекают наше внимание от разговора. Если мы напряженно ждем чего-либо, что должно наступить, то время нам кажется коротким, так как внимание наше постоянно остается концентрированным. Навряд ли кто-нибудь был бы способен целыми часами сидеть у стола, ожидая, пока он запляшет, если бы напряженное ожидание не сокращало времени. Мы видим, что время идет быстро, когда наше внимание равномерно напряжено; если же напряжение внимания чередуется с его ослаблением, то происходит обратное. Таким образом, наше суждение о времени гораздо более зависит от состояния внимания, чем от числа сменившихся впечатлений. Только при однородном напряжении внимания, вошедшим в привычку, течение времени может верно оцениваться по числу сменившихся представлений. Следовательно: *определение времени только при особых привычных условиях может быть сделано приблизительно правильно.*

Ассоциация представлений играет также важную роль в процессе наблюдения, дополняя и объединяя первоначальные впечатления. Но с другой стороны, и эта составная часть всего акта наблюдений бывает источником ошибок. Каждое ощущение связано в нашем сознании с целым рядом разнообразных представлений, но постоянно и всего теснее только с известной группой их; поэтому известное ощущение всегда влечет за собою определенные привычные представления. Вследствие этого при некоторых обстоятельствах очень легко составить себе со-

вершенно ложное представление о предмете, если первоначальное восприятие не было достаточно точно и определенно. Поясним эту мысль примерами.

На некотором расстоянии мы видим человека, по росту и походке напоминающего нам близкого друга, тогда как при ближайшем рассмотрении оказывается, что это не он. По двум признакам наш ум составил полное представление об известном лице: мы введены в заблуждение процессом ассоциации представлений. Такого рода неправильные внутренние толкования внешних впечатлений носят обыкновенно название иллюзий и могут возникать на почве всех внешних чувств, раз первоначальное восприятие недостаточно резко и отчетливо. Так, звук голоса в соседней комнате может вызвать у нас полный образ какого-нибудь знакомого человека, тогда как, на самом деле, это могло быть лишь совершенно другое лицо, имеющее некоторое сходство в голосе. Во время ночных военных маневров мне пришлось однажды более получаса, притаившись, пролежать в канаве, так как я принял двух пасущихся лошадей за целый неприятельский взвод. И только когда движения предполагаемого неприятеля показались мне несколько странными, я убедился в своей ошибке и вылез из канавы.

Во всех подобных случаях нас обманывают ассоциации,и для всех таких иллюзий можно вывести следующее общее положение: *мы всегда склонны преувеличивать сходство незнакомых предметов с более знакомыми.*

Память. До сих пор мы говорили об ошибках, непосредственно связанных с самим процессом наблюдения. Затем возможен еще ряд ошибок, когда воспринятое налагается на память по прошествии некоторого времени. Конечно, острота памяти весьма различна у разных лиц, но всякий знает, как с течением времени постепенно ускользают частности и мелочи. Можно принять за правило, что удерживаются в памяти только те особенности, на которые было обращено наше внимание или произведшие на нас особое впечатление; но не всегда это суть существенные черты события.

Напр., мы видим на улице, как переехали прохожего, у нас в памяти остается образ окровавленного, беспомощно лежащего человека, потому что эти стороны явления особенно нас поразили. Кроме того, мы, может быть, заметили и еще кое-какие подробности, хотя обратили на них и менее внимания. Если же нам придется затем выступить свидетелем по этому делу на суде, то мы сейчас же заметим, как много существенных обстоятельств совершенно ускользнуло из нашей памяти. Воспоминания окажутся, конечно, тем более смутными, чем сложнее было самое событие и чем больше времени прошло с тех пор.

В нашей памяти сохраняются только те особенности, которые более всего сосредоточили на себе наше внимание или поразили наше мышление, однако может оказаться, что это вовсе не существенные черты всего события.

Если даже случайно память и сохранит большое число отдельных фактов из целой цепи происшествий, то все же представление о их последовательности во времени может весьма спутаться, если они не следуют друг за другом в естественном и необходимом порядке; так причина, естественно, предшествует следствию; поэтому мы не смешаем фактов, находящихся в причинной связи, если только для нас в каждом данном случае ясно, что причина, что следствие; но это не всегда так бывает. При фокусах, напр., мы никогда сразу не можем понять, какие из движений фокусника существенно необходимы для выполнения самого фокуса, и поэтому очень трудно запоминаем последовательность отдельных моментов, и каждый из зрителей изложит их по-своему. То же бывает при изложении сложных событий, состоящих из ряда явлений, причинная зависимость которых между собою неочевидна, здесь также очень легко исказить временную последовательность отдельных происшествий. Все мы хорошо помним некоторые эпизоды из нашей жизни, но часто не можем ясно себе представить, с какими именно другими событиями они связаны. Мы помним ясно отдельные случаи, но вся цепь событий от нас ускользнула. Итак, *при воспоминаниях о целом ряде происшествий мы легко утрачиваем представление о их взаимной последовательности, если не было особых обстоятельств, не допускающих этого.*— Кроме того, опыт учит нас, что мы очень легко смешиваем факты, почему либо между собою сходные. Если имели место два события, сходные между собой в существенных чертах, то второстепенные подробности их мысленно легко переносятся из одного в другое. Даже более, случается, что оба события в нашей памяти смешиваются в одно, если нет к тому существенных препятствий. Такие случаи редко бывают в жизни, но зато очень

часты при чтении. Прочитав два сходных рассказа, мы легко начинаем смешивать их подробности, и, наконец, они сливаются в нашей памяти в одно общее представление. То же мы наблюдаем при воспоминаниях о действительных происшествиях незначительной важности, даже когда нам не только пришлось слышать или читать о них, но и переживать их. Поэтому при перечислении ошибок памяти мы должны присовокупить следующее: *если в целом ряде событий было два или более сходных между собой, то мы легко смешиваем их друг с другом, хотя бы, на самом деле, между ними лежал большой период времени; если же нет каких-либо особых обстоятельств, разделяющих их, то они, наконец, сливаются в наших воспоминаниях в одно целое.*

ВЛИЯНИЕ ДУШЕВНОГО ВОЛНЕНИЯ И ПРИСТРАСТИЯ

До сих пор, анализируя ошибки наблюдения, мы предполагали, что сам наблюдатель беспристрастен и хладнокровен, между тем волнение и пристрастие к предмету должны быть непременно приняты в расчет, так как их влияние на ход и результат наблюдения весьма значительно.

Настроение духа. При каждом душевном волнении, радостном или печальном, сознание наше всегда переполнено представлениями, тесно связанными с причиной настроения. Пока держится аффект, наши мысли не могут уйти далеко от того, что вызвало нашу заботу или радость, гнев или страх; представления же иного характера не проникают в наше сознание. Вследствие этого, как нам о том известно из ежедневного опыта, человек в состоянии аффекта — очень плохой наблюдатель. Хотя на практике бывает довольно редко, чтобы нам приходилось делать наблюдения при сильном волнении, но зато весьма нередко случается, что наблюдение само является причиной аффекта, и нам приходится продолжать его именно в таком душевном состоянии, когда мы менее всего к тому способны.

Аффекты, овладевающие нами в таких случаях, не разнообразны; это суть: напряжение, ожидание, страх и ужас. Эти душевные состояния мы рассмотрим ближе.

Напряженное внимание и ожидание близко родственны между собою. Чувство, называемое напряжением, вызывается сознанием, что имеет произойти нечто нам мало известное. Мы с напряженным вниманием ждем чего-то, чего не знаем. Если же наше внимание направлено на известное и определенное, то мы говорим об ожидании. Поэтому можно сказать, что напряжение есть ожидание неизвестного, а внимание, обращенное на предмет известный, есть ожидание. Оба состояния психологически характеризуются усиленной работой внимания. Но так как внимание требует определенного объекта, а «чувство напряжения» как раз не имеет такого объекта, то оно вызывает характерное беспокойство, скачки внимания с одного предмета на другой. При ожидании, напротив, внимание обращено на предмет известный — предмет ожидания; мы мысленно совершенно ясно представляем себе грядущее и только сравниваем образ нашей фантазии с действительностью. Поэтому мы заранее можем сказать, что во всех подобных состояниях неправильности наблюдения зависят от ненормальной функции внимания; вероятность ошибок увеличивается вследствие легкой утомляемости его. После долгого ожидания мы теряем способность сосредоточиться именно тогда, когда явления начинаются.

Поэтому, если в спиритических сеансах слишком долго не появляются манифестации, то можно, наверное, сказать, что присутствующие не заметят самых грубых обманов вследствие утраты способности внимательного наблюдения. Если даже исключить это предположение, то и тогда вышесказанные эффекты очень мешают наблюдению. Беспокойное состояние во время напряженного ожидания ведет к тому, что наблюдаемый феномен появляется именно тогда, когда его

менее всего ждут, и драгоценные минуты могут быть упущены, пока зрителю удается сосредоточить внимание. При ожидании, наоборот, когда внимание направлено на заранее определенный пункт, можно легко просмотреть явления, совершающиеся вне его, хотя бы они были очень существенны. В последнем состоянии духа утомление внимания наступает гораздо скорее, чем в тех случаях, когда оно быстро переходит с одного пункта на другой. Наконец, при усиленном ожидании чего-нибудь определенного, мы очень легко даем волю фантазии и склонны смешать ее образы с тем, что произошло действительно. Бывает, и весьма нередко, что верующие спириты видят на заседаниях много такого, что не подтверждается более хладнокровными и критически настроенными наблюдателями. И в этом, несомненно, сказывается результат интенсивного ожидания. Многие психологи заметили, что фантастическая картина, на которой долго сосредоточено внимание, приобретает, наконец, такую яркость и осязательность, что при слабом освещении очень легко может быть принята за подлинную действительность.

Так как суждение о времени тесно связано с работой внимания, то легко понять, насколько страдает правильность его при состояниях ожидания и напряжения. Влияние ожидания известно каждому из обыденной жизни: если мы усиленно ждем чего-нибудь определенного, то время тянется бесконечно, потому что внимание не может быть очень долго сосредоточено на одном представлении об ожидаемом. Но и повторяющееся ослабление внимания ведет к тому, что продолжительность времени преувеличивается. При неопределенном напряжении время, напротив, летит быстро, потому что внимание, перебегая с предмета на предмет, остается в бодрствующем состоянии.

Чувство *страха* близко родственно обоим вышеописанным состояниям. Боязнь чего-нибудь есть постоянное напряженное ожидание чего-нибудь определенного и неприятного. Ввиду того, что страх есть, таким образом, частный случай ожидания, с ним связаны те же ошибки наблюдения, какими характеризуется и ожидание; однако вероятность ошибок еще увеличивается тем, что ожидание грядущих неприятных и вредных последствий переполняет и обременяет сознание соображениями о способах избежать опасности. Можно себе представить, насколько достоверны будут результаты наблюдений, сделанных при таких обстоятельствах. Когда выясняется, что не было никаких причин опасения, то дальнейшее наблюдение может идти правильно, но первая его часть уже утрачивает всякую ценность. Если же боязливое настроение продолжается, то отчет о событиях всегда преувеличен, потому что заранее созданный образ чего-то «страшного» занимает в воспоминаниях место действительности, которая наблюдается лишь поверхностно.

Что касается внезапного испуга, то это состояние духа не столько ведет к ошибкам наблюдения, сколько совершенно лишает человека способности производить какое бы то ни было фактическое наблюдение, подавляя все функции организма, а следовательно, и сознание. При неожиданном внешнем впечатлении или слишком сильном, или связанном с представлением о неизвестной опасности, человек впадает в состояние *«шока»*, оцепенения. Сердце почти останавливается, все мышцы расслабляются. Хотя очень скоро наступает реакция и оцепенение сменяется просто страхом, однако душевные и телесные функции долго не могут прийти в равновесие. Мышцы ослабели и не повинуются волевым импульсам, сердце бьется усиленно, разум «молчит». Конечно, о точных наблюдениях при таких состояниях не может быть и речи; можно получить только беглые впечатления от окружающего; в особенности все размеры оказываются преувеличенными, вероятно, вследствие расслабления глазных мышц. Так как почти невозможно противостоять испугу, когда мы внезапно встречаемся с необыкновенным явлением, то к описаниям всех подобных событий нужно относиться более чем осторожно, как к наблюдениям весьма малоценным.

Пристрастие. Этим термином мы называем такое отношение данного лица к предмету, которое основано не на фактах, но скорее на посторонних соображениях и обстоятельствах. *Предвзятое мнение* есть самая частая, хотя не единст-

венная причина и форма пристрастия. Если мы расположены к известному лицу, или чем-либо ему обязаны, то мы склонны довольно мягко относиться к его даже мало корректным поступкам; если же он нам неприятен, то происходит обратное. Таким образом, наше отношение к нему будет определяться не столько поступками, сколько сложившимся о нем раньше мнением. То же мы видим и при наблюдениях. Здесь пристрастие влияет с удвоенной силой. Иногда, на основании нашего предварительного воззрения на предмет, мы заранее склонны ожидать определенных результатов, и тогда являются на сцену все ошибки наблюдения, свойственные состоянию ожидания, т. е. ожидаемое смешивается с действительностью. С другой стороны, мы получаем наклонность невольно упускать из виду и отстранять все, что не совпадает с предвзятым мнением, чем и объясняется весьма известный житейский факт, что человек видит лишь то, что ему желательно видеть. Поэтому на сеансе убеждений спирит видит духов там, где другие ничего не видят, и отбрасывает все, что ведет к простому и естественному объяснению происшедшего. Но и «неверующий» со своей стороны, заранее убежденный, что «все это один обман», также легко пропустит много интересного и может быть необыкновенного. И «за», и «против» одинаково служат источником ошибок: нужно быть вполне беспристрастным, чтобы наблюдать правильно.

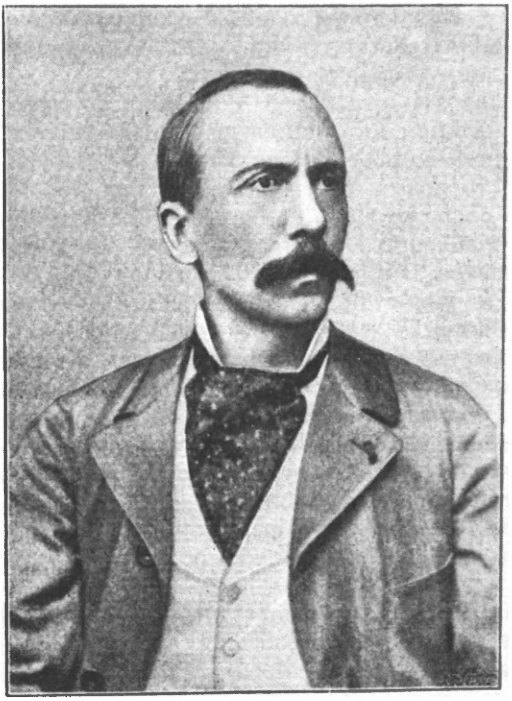


Рис. 101. Ш. Рише.

Даже в практике чисто научного исследования можно найти достаточно примеров, как наблюдатели, под влиянием предвзятого мнения, видят только то, что соответствует их воззрениям, и совершенно пропускают все противоположное. Приведем пример, взятый из области нашего исследования — истории суеверий. Французский физиолог Рише, на основании некоторых опытов, о которых мы поговорим впоследствии, пришел к убеждению, что передача мыслей одного лица другому возможна и на большом расстоянии; в доказательство того, что подобное явление бывает не только при искусственной обстановке, но и случайно, без ведома участников, он приводит следующий факт. «Утром 9-го февраля 1885 года я отправился в контору редакции моего журнала для обычных занятий. На углу двух улиц я увидал на противоположной стороне профессора Лакассань из Лиона, приезжающего в Париж не чаще одного-двух раз в год. Две недели тому назад он прислал статью в мою «Revue scientifique». Увидев его, я было собрался перейти улицу, чтобы поздороваться с ним, но затем оставил это намерение, полагая, что он непременно зайдет в контору редакции; при этом мне бросилось в глаза, насколько проф. Л. походит на г-на Л., моего знакомого глазного врача. Придя в редакцию, я виделся с разными лицами и почти забыл о встрече, когда вдруг в $10^{1}/_{2}$ час. мне подали визитную карточку профессора Лакассань, что меня после всего сказанного, конечно, не удивило. Лишь только он вошел в комнату, я немедленно увидал, что встреченное мною утром лицо было не профессор Лакассань. Я спросил его, находился ли он в 9 час. утра в указанном месте, но он отрицал это, так как был в это время в другом конце города. Каким образом я мог видеть там проф. Лакассань? Прохожий, обративший мое внимание, был блондин высокого роста, тогда как проф. Л. роста среднего и имеет темные волосы?» Рише верит в передачу мыслей и потому в самом обыденном происшествии усматривает нечто мистическое, что подтверждает правильность его взгляда, и упускает из виду при этом все побочные обстоятельства, объясняющие факт самым простым способом. Бывали и со мной подобные случаи, но так как я в передачу мыслей не верю, то всегда искал и находил ближайшую причину явления. Рассуждая по собственному опыту, я могу объяснить случай Рише

следующим образом: Рише идет в редакцию и размышляет о предстоящих занятиях и между прочим о статье проф. Л. По собственному признанию Рише, существует большое сходство между проф. Л. и д-ром Л. Встретив последнего, Рише легко заменяет его мысленно фигурой проф. Л., о котором он только что думал. Так могло быть дело, но мы ничего достоверного утверждать не можем, так как Рише опускает подробности, необходимые для объяснения данного случая; делает он это не с намерением ввести в заблуждение, а потому, что глубоко убежден в возможности передачи мыслей, и эта вера ослепляет его: *он относится к делу пристрастно.*

Так как вообще нет резкой границы между нормальным и болезненным состоянием, особенно в области психической жизни, то случай с Рише доказывает только, как легко человек, имея предвзятое мнение, просматривает естественный ход вещей; но дело становится гораздо серьезнее, когда случайные и единичные ошибки делаются более частыми и принимают широкие размеры. Если человек до того свыкся с мыслью о мистических событиях, что все обыденные происшествия кажутся ему проявлениями таинственной силы, то его уже нельзя назвать вполне нормальным. При этом мы имеем в виду не невежественных представителей толпы, которые вообще не понимают того, что совершается вокруг них в природе и человеческой жизни, но людей образованных и знающих, имеющих все данные для верных наблюдений и для того, чтобы сделать из них правильные выводы.

В моем распоряжении находятся несколько автобиографий, где авторы рассказывают свои приключения в мистической области. К сожалению, все это чисто частные сообщения, так что я не могу их опубликовать. За исключением одного факта, который, пожалуй, можно считать несколько чудесным, в этих описаниях нет, по моему мнению, ни одного явления, которое переходило бы границы естественного. Но авторы с непоколебимой последовательностью пропускают все, что может повести к простому объяснению «чудесного» и объясняют все со своей мистической точки зрения. Такого рода психическое состояние есть еще не помешательство, но нечто близкое к нему. Под именем «первичного помешательства» (paranoja) психиатры именно и разумеют болезнь, обнаруживающуюся целым рядом систематизированных бредовых идей, тогда как другие области психической жизни находятся в полном порядке. Болезнь поражает исключительно интеллектуальные функции, держится годами в одном положении и может нисколько не влиять на соматическое состояние субъекта. Бредовые идеи зарождаются и держатся без содействия галлюцинаций, обнаруживая, однако, наклонность к захвату все новых и новых областей мышления. Весьма аналогичные симптомы мы наблюдаем и у мистиков. Я не буду нисколько удивлен, если через несколько лет психиатры, познакомившись ближе с развитием современного мистического направления, установят новую форму душевной болезни — paranoja mystica; к сожалению, она, по-видимому, неизлечима.

Как выше замечено, пристрастие, т. е. недостаточно объективное отношение, не всегда зависит от предвзятого мнения. Отчет самого беспристрастного наблюдателя может оказаться весьма пристрастным, если между наблюдением и отчетом произошли события, вредящие ясности воспоминаний. Это, напр., бывает неизбежно, когда несколько человек сообщают об одном и том же событии, причем каждый слушает рассказ других. Два лица никогда не сделают вполне одинаковых ошибок наблюдения, а потому, как я впоследствии не раз убедился, составленные независимо друг от друга, отчеты никогда не совпадают. Если же событие описывается в присутствии всех очевидцев, то можно не сомневаться, что отчет последующих подвергается влиянию первых и сходство в рассказах окажется гораздо большим, чем в предыдущем случае. Поэтому, когда в старых сообщениях мы читаем, что два лица были очевидцами одного и того же видения (см. стр. 177), то доверять этому можно только в том случае, если их письменные показания были даны каждым отдельно и независимо друг от друга. К сожалению, в старые времена никому не приходила в голову мысль о необходимости таких предосторожностей.

ЗНАЧЕНИЕ УПРАЖНЕНИЯ И ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Физическая ловкость хорошего гимнаста доказывает нам, чего можно достигнуть надлежащим упражнением. При изучении ремесла или спорта, требующего сложных и тонких движений, новичок сначала должен напрягать все силы и внимание для их выполнения; часто ему приходится предварительно изучать отдель-

ные составные части соответствующего телодвижения, и только после таких подготовительных занятий он может исполнить его в целости. Чем чаще повторяются упражнения, тем скорее изучающий овладевает телодвижениями, которые наконец исполняются автоматически и без участия мысли. Приобретя опытность в одном каком-нибудь физическом упражнении, мы тем самым приобретаем ловкость, полезную и при других подобного рода занятиях. Гимнаст, свободно управляющий своими мышцами, легко преодолеет трудности другого спорта, напр. бега на коньках, но и ему придется, прежде чем сделаться первоклассным конькобежцем, путем упражнения усвоить целый ряд специальных приемов. Вполне аналогичное значение имеет упражнение при наблюдениях. Кто привык делать наблюдения в какой-нибудь одной области знания, тот приобретает навык пользоваться своими органами чувств во всяком деле, но все же без соответствующей практики он не может считаться первоклассным наблюдателем в другой области. Для этого мало умения пользоваться слухом или зрением; хотя последний применяется одинаково при всякого рода наблюдениях, но все же при переходе к другим областям явлений, сверх общей приспособленности, приходится усвоить и некоторые новые знания, понятия и воззрения.

Каждый согласится, что зоолог-специалист даст лучшее описание замечательного животного, чем человек, ничего не понимающий в зоологии, так как он знает, какие именно особенности важны для назначения данному существу надлежащего места в царстве животных. Профан, напротив, прежде всего обратит внимание на бросающиеся в глаза, но может быть нисколько не существенные подробности. Никто, конечно, из этого не сделает вывода, что он не способен пользоваться своими глазами,— наоборот, он может обладать столь же большой природной или приобретенной способностью к наблюдению, но так как он не имеет нужных сведений для установления правильной точки зрения и потому не знает, на что именно нужно направить внимание, то сделанные им наблюдения и описания теряют всякую цену.

Вообще люди очень склонны оценивать слишком низко то значение, которое в известной области имеет точка зрения для ценности самих наблюдений. Поэтому публика смотрит на естествоиспытателя как на человека, который по самой профессии своей есть хороший наблюдатель и сообщениям которого о его наблюдениях нельзя не верить. Между тем это совершенно неправильно. В настоящее время, когда отдельные естественные науки получили столь громадный объем, никто уже не может быть естествоиспытателем, вообще: он или физик, или химик, астроном, геолог, зоолог, ботаник и т. д., т. е. или он посвящает себя вполне одной из этих специальностей, или остается дилетантом. Разумеется, физик, напр., может быть знающим человеком и в других областях, но обладать знанием всех отраслей естествоведения в настоящее время одному человеку невозможно. Таким образом, его точка зрения в большинстве научных отделов может оказаться относительно ограниченной, нельзя быть специалистом во всех них.

Из этого следует, что один и тот же человек может быть превосходным наблюдателем в одной области и весьма плохим в другой по недостатку правильного отношения к предмету. Поэтому ссылку спиритов и оккультистов на авторитеты Уоллеса, Крукса и Цельнера можно считать аргументом довольно слабым. Бесспорно, названные ученые — превосходные наблюдатели в своей специальной области, но они ничем не заявили своей компетентности в сфере наук, имеющих ближайшее отношение к медиумическим феноменам: психологии и «высшей магии», т. е. фокусничеству и т. д. Только лица, хорошо знакомые с этими предметами, могут сказать веское слово в этом деле, а таких, вероятно, немного. Так, например, д-р М. Дессоар в Берлине, известный фокусник-любитель, присутствовавший при многих сеансах медиумов Слэда и Эглинтона, пришел к заключению, что все происходившее в его присутствии можно считать явными фокусами или обманом сознательным и бессознательным. С другой стороны, он, однако, соглашается, что в отчете одного из своих друзей он усмотрел намеки на некоторые загадочные феномены, безусловно заслуживающие более пристального ознакомления. Такое свидетельство имеет, конечно, гораздо более значения, чем многочисленные заявления обратного характера, хотя бы даже со стороны видных ученых, не обладающих, однако, достаточными знаниями, чтобы вывести на свежую воду ловкого фокусника.

В одной из ближайших глав мы увидим, какое большое значение имеют неправильные наблюдения в деле зарождения и поддержания суеверий, и как много

способствует устранению ошибок правильное предварительное понимание предмета. Мы увидим, как знание, постепенно возрастая на основе правильной системы наблюдений, истребляет суеверия, главным образом, обостряя способность к точным наблюдениям, и тем облегчая выработку правильного отношения к фактам.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАД ОШИБКАМИ НАБЛЮДЕНИЯ

По поводу всего вышеизложенного можно возразить, что все это одна теория, не имеющая практического значения, что хотя и нельзя отрицать, что бывают ошибки в наблюдениях, но нет основания думать, что они были столь постоянны; почему, в самом деле, не допустить предположения, что при крайне внимательном отношении к ходу событий большое число ошибок может быть избегнуто? Именно такого рода возражения делались со всех сторон, когда лет десять тому назад было высказано предположение, что источником суеверий служат ошибки наблюдения. Для выяснения вопроса был сделан ряд интереснейших опытов, какие когда-либо производила экспериментальная психология. Кому, собственно, принадлежит первоначальный почин в этом деле, трудно точно установить; по-видимому, в этом случае повторилось явление, часто наблюдаемое: когда назрело время для какого-нибудь крупного открытия, то о нем сообщается почти одновременно с разных сторон.

М-р Годжсон, сорвавший маску с г-жи Блаватской, рассказывает в одном из сообщений о «the possibilities of malobservation», как он в июне 1884 г. присутствовал на сеансе с Эглинтоном. При попытках дать точное описание всего им виденного, он оказался в большом затруднении; при сравнении же своего отчета с таковым же одного из своих друзей он был поражен огромной разницей между обоими. Во время пребывания своего в Индии, год спустя (по делу о теософии), он отметил несколько случаев, которые доказали ему с полной очевидностью, насколько трудно при известных обстоятельствах вести правильные наблюдения. Между прочим он передает такой случай, сделавший на него сильное впечатление. Однажды, сидя на веранде в обществе многих европейцев, он смотрел на индуса, показывавшего фокусы. Маг сидел на земле; в нескольких шагах от него лежали куклы и монеты; по приказанию фокусника, эти вещи поднимались, прыгали и выделывали самые удивительные эволюции. Один из присутствующих офицеров, вынув из кармана монету, спросил, может ли она делать такие же штуки. Получив утвердительный ответ, он положил монету к остальным и она действительно приняла участие в общем танце. Вечером того же дня офицер, рассказывая в большой компании об этом фокусе, утверждал, что он сам положил монету на землю. Несмотря на возражения некоторых из присутствующих, что фокусник взял монету в руки, офицер упорно стоял на своем, хотя на самом деле он был неправ. М-р Годжсон, знавший сущность фокуса и обративший внимание на что следует, видел ясно, как индус, наклонившись слегка вперед, схватил монету как раз в момент ее падения на землю; иначе успех фокуса был бы невозможен. В описываемом случае так и осталось не выясненным, просмотрел ли офицер движение фокусника, или забыл его, но для Годжсона это было новым доказательством того, насколько велики трудности при наблюдении и описании подобных явлений, когда сущность их неизвестна.

Почти одновременно пришла к таким же выводам М-с Сиджвик (жена известного профессора в Кембридже).

Она в течение нескольких лет принимала участие во множестве спиритических опытов и уяснила себе, насколько значительны трудности точного наблюдения при подобных обстоятельствах. Опыты удавались только в тех случаях, когда единственной гарантией честности их выполнения было тщательное наблюдение участников; и обратно опыты постоянно были неудачны, как только были принимаемы более строгие меры предосторожности, и присутствующие не имели надобности напрягать свое внимание до чрезвычайности. Так, напр., медиум очень легко вызывал разные надписи на двух аспидных досках, если они были легко доступны и дело происходило в темноте, но оказывался бессильным, если доски были соединены винтами или печатями, а карандаш и бумага были заключены в запаянной колбе. Так как нет никакого основания думать, что условия, облегчившие присутствующим наблюдение, почему-то особенно стесняли проявление тайных сил, то кажется весьма вероятным, что чудодейственная сила медиумов состояла исключительно в недостаточном наблюдении со стороны присутствующих. Эти замечания М-с Сиджвик в 1886 г. изложила в статье, озаглавленной «The physical Phenomena of spiritualism», в Proceedings of S. P. R. вызвавшей, конечно, целую бурю негодования и ряд возражений со стороны оккультистов.

Однако многие были согласны с М-с Сиджвик, и, между прочим, один из игравших важную роль в дальнейших опытах, М-р Девэй.

В различных сеансах, где М-р Девэй присутствовал вместе с Эглинтоном, «духи» настойчиво заявляли, что он обладает всеми задатками выдающегося медиума. Девэй пытался делать опыты с целью вызвать «прямое письмо», но все неудачно, до тех пор, пока не купил несколько полезных советов у фокусника! До этого он был глубоко убежден во власти Эглинтона над тайными силами, но теперь должен был согласиться, что Эглинтон пускал в ход именно те проделки, с которыми он только что познакомился. Не замечал он этого раньше исключительно благодаря ошибкам наблюдения. После небольшой практики в роли медиума, Девэй посвятил в свою тайну Годжсона и совместно с ним проделал ряд интереснейших опытов, убедивших его еще более в значении ошибок наблюдения в деле исследования этого рода явлений. Они приглашали уважаемых и проницательных лиц на повторные сеансы, и Девэй вызывал целый ряд спиритических манифестаций, прося присутствующих самым тщательным образом подвергать все предварительному осмотру и внимательно следить за ходом сеанса. Кроме того, он настоятельно просил их в тот же день письменно изложить все ими виденное и отчеты прислать ему. Собравши таким образом на двадцати сеансах значительный материал, он снабдил его критическими замечаниями и опубликовал в вышеназванных malobservations Годжсона. В этих документах прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что все описания разнятся настолько, что даже трудно предположить, что дело идет об одном и том же сеансе. При внимательном разборе каждого отчета в отдельности, получается впечатление, что здесь именно наблюдались сверхъестественные явления; многие присутствующие признают, что вызванные Девэем явления значительно превосходят все произведенное знаменитейшими медиумами. В конце концов выдающиеся английские спириты с Уоллесом во главе остались при убеждении, что Девэй — сильнейший медиум. От Годжсона требовали доказательств противного, ссылаясь, между прочим, на то, что присутствовавший на одном из сеансов известный английский фокусник Гофман также утверждал, что подобные явления никоим образом не могут быть вызваны естественным путем. В ответ на это Девэй посвятил его в свои секреты и заставил признать, что все произошло вполне естественно. После смерти Девэя в 1892 г. Годжсон в «Proceedings» описал главнейшие из применявшихся Девэем методов, так что утверждение спиритов, продолжавших настаивать на медиумизме Девэя, было вполне отвергнуто.

Критические примечания Девэя доказывают неотразимо, как много дефектов можно найти в наблюдательной способности человека. Почти каждый из свидетелей делал такую массу ошибок, что ответы их представляют карикатуру действительно бывшего. Почти непонятно, как могут интеллигентные люди допускать, чтобы им так отводили глаза. Отчасти, впрочем, это объясняется тем, что Девэй обладал в высшей степени талантами фокусника. Возможность таких ошибок казалась мне при чтении отчета столь невероятной, что я решил сам в феврале 1894 г. повторить эти опыты. Годжсоновы описания примененных Девэем методов дали мне нужные технические указания и я сделал попытку образовать из себя медиума. Усвоивши себе нужные манипуляции, я проделал первые опыты в небольшом размере и успех превзошел всякие ожидания. Тогда я пригласил нескольких знакомых, ученых, деловых людей, журналистов и т. д. на целый ряд заседаний. Опасаясь,что никто не захочет придти, если я буду приглашать на фокусы, я окрестил будущее представление именем спиритических явлений. Сеанс я открыл заявлением, что мне самому непонятно в том, что увидят присутствующие. Я обратился с просьбой к присутствующим заметить все обстоятельно и затем изложить мне письменно по возможности в скором времени.

Таким образом я собрал около 20 отчетов, из которых здесь привожу некоторые с согласия авторов. Так как я не обладаю никаким фокусническим талантом, то мой репертуар был все время ограничен небольшим кругом самых простых фокусов, и я не позволял никому присутствовать более одного раза. Но то обстоятельство, что я был плохим фокусником в сравнении с Девэем, еще увеличивает интерес моих опытов, так как ими ясно доказывается, насколько легко даже плохому фокуснику провести интеллигентных людей и порядочных наблюдателей. Я не мог избежать одного или двух разоблачений, но и то только со стороны тех присутствующих, которые заранее ясно видели истинную подкладку дела; однако и этим предубежденным лицам удавалось найти разгадку только отдельных опытов, а последующие манифестации им оставались непонятны. Последнее служит доказательством того, что для дела довольно безразлично, будут ли осведомлены зрители о действительной причине явлений. Будучи убеждены, что все манифестации суть только ловкие фокуснические проделки, присутствующие все-таки не в состоянии поймать артиста на месте преступления.

Чтобы читатель мог убедиться, насколько могут расходиться описания одного и того же события, я приведу подлинные отчеты двух лиц об одном и том же сеансе. Имена заменены произвольно взятыми буквами, а мои критические заметки помещены под чертой. Гарантией того, что мои отметки о ходе событий верные, служит то, что мои действия были заучены заранее и все было записано немедленно после сеанса; кроме того возможность ошибок с моей стороны мало вероятна, так как я знал, какие явления были произведены какими техническими приемами. Должен сознаться, что оба

очевидца были уверены в моей добросовестности и не подозревали фокуснического характера моего предприятия.

Отчет г. А. Б.

В понедельник 5 марта 1894 г. я был приглашен совместно с г. В. Д. присутствовать при некоторых опытах в лаборатории д-ра Л. После тщательного осмотра стола, у которого мы сидели [1], и аспидных досок, которые должны были служить для опытов [2], мы приступили к постановке вопросов. Первый вопрос был таков: состоится ли в нынешнем году соглашение? [3] После этого д-р Л. спрятал [4] под стол обыкновенную аспидную доску, которую мы ему предварительно стерли. Между доской стола и аспидной доской положен был кусочек грифеля, который едва мог двигаться в промежутке между обеими. Мы начали делать попытки в этом направлении и могли слышать, как движется грифель; однако, на вынутой доске не нашли никаких знаков [5]. Мы образовали затем цепь: д-р Л. и г. В. Д. держали аспидную доску под столом, я же, сидя между ними, касался обоих руками. Так как долго не было никакого эффекта, то я и В. Д. поменялись местами [6] и д-р Л. спросил: скоро ли?

Немедленно после того зашуршал грифель, и на вынутой доске мы увидели отчетливую надпись «мы здесь, Психея». Надпись стерли, доску опять засунули под стол, и снова был повторен тот же вопрос: «произойдет ли в этом году соглашение?» Опять зашуршал грифель [7]. На доске стояло: «мы думаем, что да». Доску опять опустили под стол [8], мы образовали по-прежнему цепь и поставили вопрос: «сколько лет г-ну В. Д.?» Мы стали обсуждать подробно вопрос, как могла появиться надпись на доске, и в это время, прикладывая ухо к доске стола, явственно слышали, как грифель танцевал по доске. Когда доску вынули, то на ней оказалось следующее небезызвестное мудрое изречение, написанное очень отчетливо, почерком, несходным с почерком кого-либо из присутствующих [9].

Есть много на земле, мой друг Горацио,
Что и не снилось вашей школьной мудрости — даже высшей математике — Гамлет [10].

Мы обратили внимание, что Гамлет сделал вставку насчет математики в честь присутствующего В. Д., причем написал это слово Matematik без h, В. Д. и я объяснили, что мы имеем привычку писать его с h, тогда как д-р Л. давно его отбросил. Ответ на вопрос о летах В. Д. был нацарапан такими каракулями, что понять его было невозможно.

Затем д-р Л. предложил нам двойную створчатую аспидную доску [11] с замком и попросил написать вопрос и прибавить к нему, каким грифелем должен быть написан ответ: белым, красным или голубым. В присутствии В. Д. я написал следующие слова: «где Нансен? Красным». Д-р Л. в это время стоял настолько далеко, что не мог видеть написанного [12]. Я самолично положил между створок кусочки белого, красного и голубого мелков, запер доски, а ключ положил в карман. Запертая доска пролежала некоторое время на столе, а мы тем временем занялись опытами с психографом [13], причем, однако, не получили удовлетворительных результатов, равно как не получили ответа на доске на вопрос, что написано на 5-й строке 7-й страницы одной докторской диссертации [14]. После этого мы взяли створ-

[1] Нельзя сказать, чтобы осмотр был произведен «тщательно». Так, вовсе не упоминается, что на столе лежала чертежная доска, выдававшаяся за край стола и что с ней именно соприкасались аспидные доски.

[2] Только одна доска была исследована: если бы были исследованы и другие, то последующие опыты вряд ли удались бы.

[3—4] Аспидная доска сначала была помещена под стол, а затем начался длинный политический разговор, продолжавшийся до тех пор, пока я не попросил поставить определенный вопрос.

[5] Это относится к гораздо более позднему опыту, после того, как на доске уже два раза появлялись надписи.

[6] Аспидная доска лежала на столе, когда приступили к обмену мест; но уже оказалась под столом, когда он был кончен.

[7] Здесь пропущено, что снова произошла перемена мест и опять доска некоторое время лежала на столе.

[8] Здесь память совершенно изменяет г-ну А. Б. Не одна, а две доски были взяты для опыта; обе лежали на столе, а между ними кусок мела. Так как ответ не появлялся, то я взял створчатую аспидную доску, о которой будет сказано ниже, и попросил написать на ней вопрос, который мне был неизвестен. Во время писания этого вопроса я имел время похозяйничать незаметно на столе. Сравни отчет г. В. Д. опыт 3-й.

[9] Почерк имел весьма подозрительное сходство с моим.

[10] Как сказано в прим. 9, эта надпись появилась между двумя досками, но присутствующие не заметили, что я перевернул доски, открывая их, так что верхняя оказалась внизу и на ней-то именно и стояла надпись.

[11] Это случилось гораздо раньше. См. прим. 9.

[12] Я действительно сидел за столом и весьма был занят приведением в надлежащее состояние двух досок, о чем сказано в прим. 9.

[13] Разговор о психографе начался сейчас же после прочтения слова Гамлет; аппарат был принесен и мы посредством него пытались получить ответ на вопрос о летах В. Д. Опыт, как сказано, не удался.

[14] История с докторской диссертацией рассказана слишком коротко. Не сказано, что оба господина отправились к книжному шкафу на другой конец комнаты, чтобы выбрать книгу, а я остался сидеть у стола и даже выходил из комнаты; когда я возвратился, то оба господина сидели опять за столом.

чатую доску [1], замкнули цепь и стали прислушиваться. Я забыл упомянуть, что всякий раз перед тем, как грифель приходил в движение, по телу медиума пробегали нервные подергивания, которые появились и на этот раз, и мы услыхали шорох грифеля. Доски отперли и там оказалась отчетливая надпись красного цвета: «у полюса». Я и В. Д. отправились домой совершенно потрясенные [2].

Отчет г-на В. Д.

Аспидные доски, ранее опыта, были осмотрены [3], вытерты мной и г. А. Б. и положены на стол.

Опыт 1-й. Был поставлен вопрос: «будет ли в этом году соглашение?» Аспидная доска, на которой лежал грифель около 1/3 вер. длиною, была спрятана под столовую доску [4] и прижата к краю стола. Д-р Л. и я придерживали ее в этом положении один правой, другой левой руками. Затем была замкнута цепь таким образом, что моя правая рука и левая д-ра Л. лежали на столе, а г. А. Б. касался их своими руками. Рамки аспидной доски позволяли грифелю не прикасаться к столовой доске. Так как опыт не удавался [5], то я поменялся местами с А. Б., что повторялось неоднократно и при последующих опытах [6]. При всех опытах по телу д-ра Л. пробегало нервное подергивание. Наконец, послышался скребущий звук, по прекращении которого д-р Л. вынул доску из-под стола, на ней была написана связная строчка с подписью, но разобрать ее было невозможно [7].

Опыт 2-й. Вопрос был повторен и опыт возобновлен по-прежнему плану. На доске оказалась строчка, состоящая из 3-х слов, из которых первое и последнее походили на «что» или «чего», но среднее нельзя было прочитать [8]. Д-р Л. предложил нам сложную доску, соединенную по одному краю шарнирами, так что ее можно было закрывать и открывать наподобие книги; внутри лежало 3 разноцветных мелка. По просьбе д-ра Л., А. Б. написал на доске вопрос: «где Нансен? Красным». Последнее слово должно было означать, что ответ надо написать красным мелом. Д-р Л. не знал, что написано. Доска была заперта и лежала на столе перед нашими глазами [9] до самого опыта. Ключ А. Б. взял себе в карман.

Опыт 3-й. Две аспидные доски были положены на столе; между почти соприкасающимися краями их лежал кусочек грифеля. Решено было сделать опыт, состоящий в том, чтобы узнать возраст г. В. Д. Все трое участников положили концы пальцев на края досок. Через несколько минут послышался скребущий звук [10], который, однако, как мне показалось, исходил не со стороны досок [11]. Звук прекратился, когда д-р Л. принял руки из цепи, и снова возобновился, когда цепь была восстановлена. Когда шум прекратился, доски были разведены и на одной из них стояло ясно написаное двустишие. Есть много на земле и т. д. [12].

Опыт 4-й. А. Б. и я наметили несколько слов на известной строке известной страницы без ведома д-ра Л.[13] Однако опыт, произведенный по способу опыта № 1, не удался. Ни слова, ни соответствующие цифры не были написаны. Так как д-р Л. чувствовал утомление, то перешли к опыту № 5.

Опыт 5-й. Створчатая доска была положена на стол, как при № 3 [14]. По прошествии 2-х минут д-р Л. объявил, что опыт кончен. Доску открыли. Против вопроса отчетливо были написаны красным мелом слова: «Возле полюса».

---

[1] Я взял таблицу левой рукой, сунул ее под стол, а правой привел в надлежащее положение.

[2] Я был сам очень изумлен, что ни разу не попался; это был один из моих первых опытов и я был очень обрадован удачей.

[3] Только одна доска была осмотрена. О чертежной доске г. В. Д. также не упоминает. Примеч. 10 и 11, стр. 267.

[4] Она уже находилась давно под столом, прежде чем был написан вопрос, вызванный политическим спором. Сравни прим. 12 и 13, стр. 267.

[5] Не упоминается, что доска лежала на столе, пока происходила перемена мест, а затем опять была засунута под стол (см. прим. 6, стр. 267).

[6] Весьма много значит, когда именно.

[7] В. Д. считает ее неразборчивой. А. Б., однако, прочел ее правильно.

[8] Здесь не упомянуто, что доска во время этого опыта, по крайней мере, один раз вынималась и была положена на стол и что произошла перемена места, при таких же условиях, как сказано в прим. 1.

[9] Неверно. На доску не было обращено никакого внимания, по крайней мере, 4 минуты.

[10] Прежде этого был перерыв в опытах, во время которого и был написан вопрос на створчатой доске.

[11] Заслуживает внимания то обстоятельство, что г. А. Б. именно при этом опыте отмечает, что слышал, приложив ухо к столу, как грифель плясал по доске. Г-н В. Д. решил, что звук исходил из угла комнаты из водопроводной трубы (сравни стр. 256).

[12] Это двустишье служило ответом на поставленный мною вопрос, о котором ни тот, ни другой из свидетелей не упоминают.

[13] Г-н В. Д., по-виднмому, забыл об опытах с психографом, а также то, что оба ходили к шкафу для выбора книги и что я тем временем уходил из комнаты.

[14] Обратно; она была под столом.

Приведенные отчеты мало нуждаются в объяснениях. Они разнятся, как видно, весьма значительно; не только ход отдельных опытов, но и их последовательность переданы различно. Следовательно, по крайней мере, один из них должен быть неправильный. Как показывают мои примечания, оба наблюдателя допустили очень большие погрешности. Все виды ошибок наблюдения имели в них место. Так мы находим ошибки восприятия: источник звука определяется неправильно. Есть и ошибки внимания, так как пропущен целый ряд весьма значительных движений с моей стороны; наконец, мы имеем налицо целый ряд ошибок памяти: некоторые опыты описываются совершенно несогласно с их действительным ходом; порядок отдельных явлений верен только в главных чертах; различные подробности совершенно забыты. Все остальные имеющиеся у меня отчеты грешат тем же. Приведенные здесь вовсе не самые худшие,— напротив, я их избрал как самые обстоятельные. Другие еще дальше уклоняются от действительности. По этим отчетам можно ясно убедиться, как трудно, или лучше сказать, невозможно, составить описание происшествий, характер которых нам неизвестен. Мы не знаем, на что собственно должны обратить внимание, а так как опыты следуют один за другим, по-видимому, без плана и без взаимной связи, то последовательность легко забывается. Поэтому совершенно простые явления в подобных описаниях оказываются чудесными.

Мне хотелось бы обратить внимание читателей еще на некоторые стороны цитированных отчетов, могущие осветить нам источник весьма частых ошибок наблюдения в обыденной жизни. В одном сеансе мне хотелось сделать опыт появления на аспидной доске слов, намеченных предварительно в книге, без ведома медиума. Присутствующие выбрали слово. На доске появилась надпись «Det er vel Maximum», но такая неявственная, что никто не мог разобрать, даже я сам, сделавший ее. Когда доска была повернута так, что буквы стали вверх ногами, то один из присутствующих воскликнул: «А вот верно: вот слово «Undersögelse» (опыт), находящееся в начале выбранной нами строчки». В отчете этого очевидца обращено особое внимание на факт, что на доске чудесным образом появилось слово, которого медиум не мог знать. На самом деле все было очень просто: он знал, какое слово должно стоять, и принял неудобочитаемые каракули за это слово. Трудно найти лучший пример иллюзии и склонности преувеличивать сходство малознакомого предмета с хорошо известным. После этого не может казаться странным то обстоятельство, что многие спириты узнают почерк своих умерших друзей или родных.

Сравнивая отчеты, я нахожу в тех, которые были доставлены мне учеными, наклонность к систематизации; их описания дают не сырой материал, но уже обработанный, опыты у них разделены на группы; существенное отделено от несущественного и т. п. Мы видим попытку в этом роде в одном из приведенных отчетов, но у меня есть другие, где это выражено еще гораздо резче. У некоторых лиц лишь мельком упомянуто о неудавшихся опытах, зато удачные описаны подробно. Само собой разумеется, что такие обработанные отчеты дают совершенно ложное представление о действительном ходе дела. Читатель, конечно, согласится, что мои примечания изображают факты гораздо естественнее и понятнее, чем они изложены в отчетах. Впечатление чудесности и получается именно потому, что многое пропущено и чем больше пропускалось, тем сверхъестественнее и непонятнее кажутся факты. Поэтому описания, где пропущены подробности неудавшихся опытов и перерывы между удавшимися, теряют всякий смысл. Но именно этим отчеты ученых грешат гораздо более, чем простых смертных. Из исторического обзора спиритизма нам известно, что таковы были описания спиритических явлений даже у таких наблюдателей, как Крукс и Цельнер; в них, безусловно, пропущены все мелочи, которые, однако, имеют столь большое значение для истинного понимания процесса. На этом только основании я позволил себе назвать свидетельства этих ученых лишенными всякой цены, а читатель сам теперь может судить, как много виденного ими чудесного основано только на ошибках

в наблюдениях. Если такие ошибки играют столь важную роль при современных исследованиях, то можно себе представить, насколько подобные ошибочные наблюдения способствовали зарождению и поддержанию суеверий в прежние времена.

Еще одно замечание: достоверно, что как Девэй, так и я достигли результатов через фокусничество. Я вполне убежден, что и Слэд и Эглинтон и все прочие медиумы весьма широко пользовались этими средствами. Материальные медиумы так часто подвергались разоблачениям, что способы, которыми они производили разные манифестации, можно считать вполне известными; однако из этого еще не следует, что всякий фокусник есть непременно и медиум. Даже при моих медиумических опытах обнаружились некоторые указания на в высшей степени замечательные психические феномены, обусловившие отчасти мои успехи, и я уверен, что наличность такого рода явлений именно и отличает медиума от простого фокусника. Я убежден, что именно Девэй в этом смысле был сильным «медиумом», нисколько не менее чем Слэд и другие знаменитости, и что только этому он обязан удивительным успехом своих опытов. Конечно, в таком медиумизме нет ничего чудесного или сверхъестественного, а есть только весьма интересная, но вполне объяснимая игра психических сил.

ЗНАЧЕНИЕ ОШИБОК НАБЛЮДЕНИЯ В СУЕВЕРИИ

Мы теперь знаем, что различные формы психической деятельности по природе своей заключают в себе возможность определенных ошибок наблюдения, если не приняты особые меры для их избежания; однако последнее возможно лишь в том случае, если мы до известной степени можем управлять наблюдаемыми явлениями, или, по крайней мере, можем приготовиться к наблюдению. Именно этой подготовленностью и отличаются наблюдения научные от случайных, которые производятся всегда более или менее неправильно. Доказав опытами, что наблюдения над явлениями малоизвестными сопровождаются особенно многочисленными ошибками, мы, кажется, теперь вправе утверждать, что целый ряд суеверий и неправильных воззрений основан прямо на таких неточных наблюдениях. С первого раза можно даже подумать, что всякое ложное представление имеет свое основание в ошибках наблюдения; но это бывает не всегда: иногда фактическая сторона замечена правильно, но фактам дано совершенно ложное истолкование, под влиянием чрезмерно поспешных умозаключений, не достаточно проверенных опытом. Если же самое наблюдение было неправильно, то вывод неизбежно ложен. Однако такие неправильные выводы, получаемые непосредственно из ошибочных наблюдений, ведут обыкновенно лишь к большему укреплению существующих суеверий. Мне могут сделать следующее возражение: известно, что у диких народов, проводящих жизнь среди природы, внешние чувства гораздо острее. Так, напр., обоняние, которое у нас почти не идет в счет, у них играет большую роль. Из этого легко сделать вывод, что ошибки наблюдения в древние времена, или у диких народов, вследствие более тонкой способности восприятия, должны гораздо реже иметь место и служить исходной точкой для суеверий. Но заключение это вполне ложно. Действительно, при более острых внешних чувствах подробности будут лучше отмечены, но в интересующей нас области мелкие подробности имеют мало значения. Для того, чтобы в кратких чертах отметить общий ход событий и их последовательность, точно определить пространство и время, не нужно острых чувств, а эти именно стороны наблюдения важны в разбираемых нами явлениях. Правильное заключение зависит от всей серии психических процессов, качество которых нисколько не улучшается, напр., при более остром зрении. Кроме того, знание и понимание наблюдаемых явлений играет решающую роль в правильности наблюдения, а я думаю, не может быть

сомнения, что знание законов природы и душевной жизни в древние времена во многом уступало нынешним. Поэтому трудно допустить, чтобы наблюдения и заключения древних времен были более достоверны, чем новейшие.

Ввиду этого, ничего нет удивительного, что у древних авторов мы находим много сообщений, основанных на неверных наблюдениях, а иногда просто выдуманных. Возьмем, напр., образец из «Естественной истории» Плиния, особенно богатой такого рода рассказами.

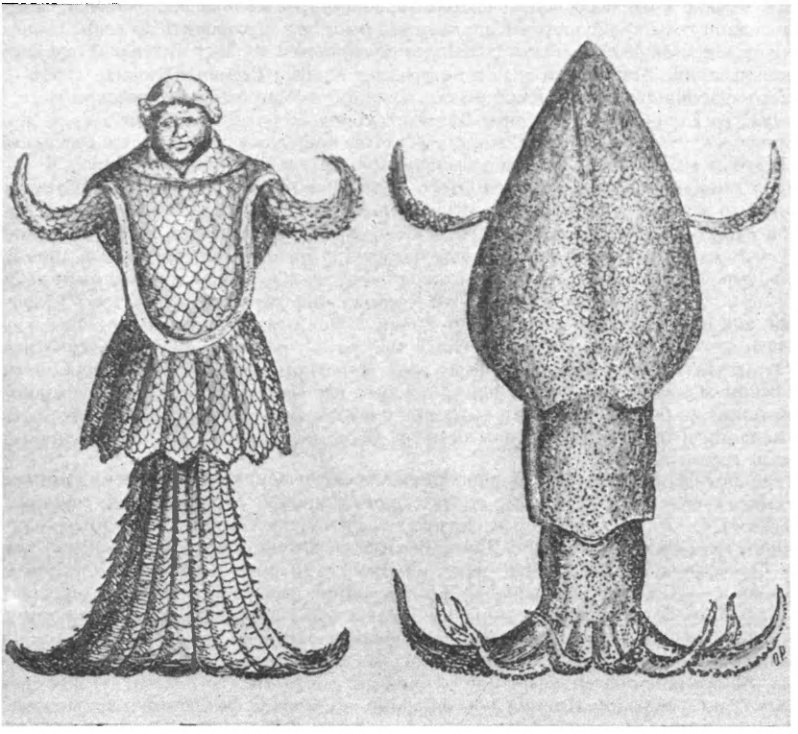


Рис. 102. Морской монах.

«В Индии,— говорит Плиний,— живут огромные змеи, могущие без труда поглотить оленя или буйвола. В Понте живут змеи, которые хватают на лету птиц, как бы быстро они не двигались и как бы высоко не находились. Всем знакомо происшествие около Карфагена с огромным змеем в 120 фут. длины, борьбу против которого, во время последней Пунической войны, пришлось вести при помощи осадных машин, как против укрепленного города». К этим описаниям Плиний присовокупляет еще несколько рассказов о необычайных происшествиях, напр., о борьбе чудовищных змей со слонами, оканчивающейся обыкновенно гибелью обоих противников, так как мертвый слон, падая, раздавливает змею. «Все эти змеи,— говорит Плиний в другом месте,— не ядовиты». Очевидно, речь идет об известных «тигровых пифонах», а рассказы об огромной величине змей основаны на неверных глазомерных определениях, на что обращено внимание в приведенных выше выписках из жизни животных Брэма. Еще больше ошибок наблюдения встречаем мы при описании всего внешнего вида животного; в сочинении Плиния мы найдем множество таких неточностей.

Приведу еще пример из более близкого времени; я говорю о знаменитом «морском монахе». Мы имеем не только описание этого чудовища, но даже изображения, которые, конечно, скорее всего помогут нам выяснить, где именно кроются ошибки наблюдения. Самое древнее известное мне описание встречается у немецкого натуралиста Конрада Мегенберга, написавшего в 1349 г. первую немецкую естественную историю «Das pouch der natur»; но его сочинение есть только обработка еще более древнего латинского оригинала «liber de natura rerum» Фомы Кантимпратензиса (1270). Послед-

нее не было напечатано и имеется только в немногих рукописях, которых мне не удалось видеть, вероятно и у него уже есть это описание морского монаха. Изложение Конрада Мегенберга настолько характерно, что заслуживает дословной передачи: «Monachus marinus. Морским монахом называется чудовище в образе рыбы, а верх, как у человека; оно имеет голову, как у вновь постриженного монаха. На голове у него чешуя, а вокруг головы черный обруч выше ушей; обруч состоит из волос, как у настоящего монаха. Чудовище имеет обычай приманивать людей к морскому берегу, делая разные прыжки, и когда видит, что люди радуются, глядя на его игру, то оно еще веселее бросается в разные стороны; когда же может схватить человека, то тащит его в воду и пожирает. Оно имеет лицо, не совсем сходное с человеком: рыбий нос и рот очень близко возле носа».

Мы знаем теперь, что подобное чудовище действительно существует. Экземпляр его был пойман возле Малмьё между 1545-50 годами. Датский историк Арильд Хвитфельд сообщает в «Хронике Датского королевства» следующее: «В 1550 году поймана возле Орезунда и послана королю в Копенгаген необыкновенная рыба. У нее была человечья голова, а на голове монашеская тонзура. Одета она чешуями и как бы монашеским капюшоном. Король велел рыбу эту похоронить. С рыбы было сделано несколько рисунков, которые были посланы разным коронованным лицам и натуралистам Европы». Эти-то рисунки и дошли до нас. Известный врач и натуралист Конрад Геснер в Цюрихе (1516—1665) пишет по поводу этого чудовища: «Этот морской монах, говорят, пойман был в Балтийском море, возле города Элбье в 4 милях от Копенгагена, столицы Датского королевства. Длина рыбы четыре локтя; она была прислана королю и считается за чудо. Говорят, она была поймана в сети вместе с селедками. Альбертус пишет, что такие же рыбы неоднократно бывали пойманы в Британском море».

Сравнивая описания и изображения этого чудовища между собой, проф. Стеенструп пришел к заключению, что все они относятся к десятищупальцевой каракатице. Это животное имеет черную с красным окраску, а бородавки на коже и присоски на щупальцах могут легко быть приняты за чешуи. Если представить себе это животное, лежащее на берегу, брюшной поверхностью вниз и с подобранными щупальцами, то можно усмотреть некоторое сходство с монахом, снабженным рыбьим хвостом; чтобы оно было нагляднее, мы даем на рис. 102 изображение каракатицы, взятое у Стенструпа, и морского монаха, как он изображен у Геснера и Ронделэ. Вся эта история служит очень ярким доказательством того, что при поверхностном взгляде мы легко преувеличиваем сходство незнакомого со знакомым. Это относится не только к общему виду животного, но даже и к подробностям. Все сообщения о морском монахе говорят о чешуях, которых нет на каракатице. Но, очевидно, рассуждали так: морской монах — рыба, рыба одета чешуями, следовательно, у морского монаха есть чешуи. При некотором желании и при поверхностном осмотре бородавки и присоски можно принять за чешую. *Сходство было преувеличено.*

Единственное противоречие между описанием морского монаха и каракатицей может быть только относительно величины в четыре локтя, далеко превосходящей обыкновенные размеры каракатицы. Однако возможно, что и было поймано животное четырех локтей длины: по крайней мере были случаи поимки немного меньших экземпляров. Такой именно гигантский экземпляр, пойманный в 1853 году, навел проф. Стенструпа на мысль, что перед ним и есть in puris naturalibus морской монах.

Возвратившись к Плинию, мы найдем у него источник рассказа об очень интересном и много раз описанном животном, баснословном единороге. Этот зверь упоминается еще в Библии у Аристотеля, но у Плиния ясно видно, что вера в его существование основана на ошибке наблюдения.

«Самое неукротимое животное есть единорог, имеющий тело лошади, голову оленя, ноги слона и хвост кабана. На средине лба он имеет рог, длиной в 2 локтя (почти 1 метр). Никто не мог изловить зверя живым». Таким образом, Плиний при описании единорога прибегает к сравнению его членов с таковыми же других животных, и мы должны ожидать, на основании до сих пор нам известного, что сходство это преувеличено. Все же, однако, Плиний дает нам признаки, достаточные для определения единорога. Есть только два животных, которых ноги похожи на слоновьи: бегемот и носорог. Так как только последний может дать повод к описанию рога на лбу, то легко предположить, что он именно и есть загадочный единорог. Хотя тело его мало походит на тело лошади, а голова на оленью, но этому нельзя придавать большого значения; мы знаем, что сходство преувеличивается; ведь и ноги носорога тоже не вполне похожи на ноги слона по числу копыт. Утверждение Плиния, равно как и других писателей, о крайней дикости единорога, конечно, также вполне соответствует нраву носорога, который нигде никогда не был домашним животным. Однако против этого можно возразить, что носорог был прекрасно известен Плинию, у которого есть верное описание его. Плиний сам говорит, что не раз видал его на арене цирка. Поэтому казалось бы, что в основание рассказа Плиния о единороге не могло быть положено смешение его с носорогом, так как он описывает двух животных, из которых

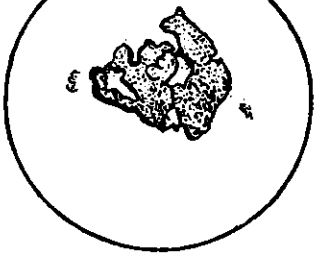


Рис. 103. Пятно на яйце в виде рисунка курицы и лисицы.

одно он сам видел. Мне кажется, однако, что такое смешение вполне возможно; единорога он описывает лишь основываясь на словах какого-нибудь прежнего автора, которого он просто пересказывает целиком, он мог не подозревать, что введен в заблуждение и что мнимый единорог есть не что иное, как хорошо известный ему носорог. При изучении других авторов мы можем найти подтверждение этого предположения. Современник Плиния, географ Изидор Медийский говорит также о единороге (monoceros), но уже прямо прибавляет, что это то же животное, которое называется носорогом (rhinoceros). Изидор говорит далее, что единорог (он же носорог) настолько дик и быстр, что не может быть пойман обыкновенными средствами, а только непорочною девицей; — это примечание играет потом большую роль в средневековых легендах об единороге.

Эти примеры, число которых можно было бы увеличить до бесконечности, доказывают нам, что и в старинные времена неточности наблюдения были те же, что и теперь. Из них же видно, как из таких ошибок зарождаются суеверия и баснословные образы, которые существуют много веков и искореняются только более тщательными исследованиями. Прежде чем перейти к разбору более сложных случаев, рассмотрим еще несколько примеров, где были такие же ошибки наблюдения, но которые повели к возникновению суеверий совершенно в другой области.

Рис. 104. Настоящий портрет г-жи Боннер. (Сравни рис. 70, 71).

Существует очень старое и очень упорное убеждение, что если беременная женщина испугается какого-нибудь зверя, или другого предмета, то на плоде окажутся знаки того, что причинило испуг. Или весь ребенок будет иметь сходство со страшным предметом, или только его лицо, или наконец на теле его будут родимые пятна, сходные по форме с испугавшим. Уже во времена Агриппы имелась готовая теория для объяснения этого. Теория эта конечно неверна, но все же и новейшие наблюдения подтвердили, что при особых обстоятельствах, напр., у истеричных, путем вазомоторных рефлексов, могут выступить пятна на коже и даже произойти кровоизлияния. Эти явления остаются местными и отчасти воспроизводят представления, завладевшие сознанием субъекта. Следовательно, явление это происходит на нервной почве. Но, так как никакой связи между нервной системой матери и плода не существует, то передача впечатлений от матери плоду была отвергнута и все приведенное признано было за суеверие. Вероятнее всего, что в основе этого верования лежит также неправильное наблюдение. Весьма нередко беременные женщины бывают обуреваемы навязчивыми идеями, а потому если у плода окажется уродство, или пигментное пятно, то при некотором желании, сходство его с содержанием патологической идеи матери может быть легко преувеличено и последние приняты за причину первого. Несколько примеров помогут нам понять дело и убедиться, что такое объяснение имеет основание. Пример наш относится не к человеку, а к курице, но это не изменяет дела. На рис. 103 изображено в естественную величину яйцо с темноватым причудливым пятном на вполне белой скорлупе. Пусть читатель попробует угадать, что должно изображать это пятно; этого не могли сделать и те, кто видел подлинную фотографию. Но если знать «историю» яйца, то в пятне можно найти смысл. Курица попала в зубы лисицы, но была отбита хозяином. Некоторое время курица лежала как бы подавленная ужасом, но потом оправилась вследствие тщательного ухода, а через три дня снесла яйцо с пигментным пятном, в котором собственник очень ясно усмотрел изображение всей истории, т. е. курицу в когтях лисицы. Некоторое весьма отдаленное сходство, пожалуй, можно усмотреть, но чтоб узнать в причудливом пятне всю историю, нужно знать ее заранее и тогда, конечно, очень легко преувеличить сходство. Вероятно, нападение лисицы, вызвав нервное потрясение у курицы, помешало всему яйцу принять темную окраску, как это иногда бывает, но сделать из пятна изображение всего происшествия может только безграничная фантазия наблюдателя, знакомого с ним заранее.

Наконец, на наших глазах происходит зарождение нового суеверия, имеющего, однако, совершенно такое же основание, как и все старые: неправильное наблюдение. Я говорю о предполагаемом сходстве между «фотографиями» и почерком «духов» и фигурами и почерками покойников. Такие сходства встречаются далеко не часто, и именно поэтому высоко ценятся те случаи, когда в очертаниях «духа» можно усмотреть некоторое сходство с известным покойником. Спириты признают, что изображения эти действительно подлинны, что вызвавшие их фотографы

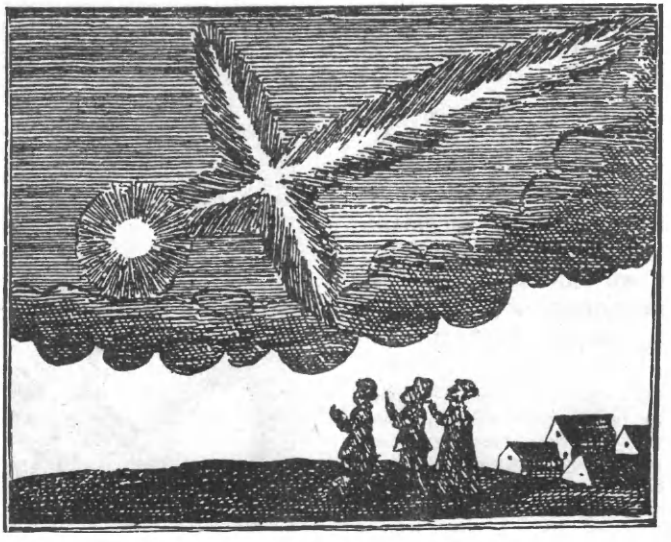


Рис. 105. Изображение комет.
(Из книги Die wunder Ceottes 1744).

действительно медиумы, и что они прибегали к помощи искусственных средств только в тех случаях, когда «сила» была мала. Я думаю, мы можем более удовлетворительно объяснить дело, убедившись в наклонности человека преувеличивать сходство предметов мало знакомых с хорошо известными. Если изображение хоть одной черточки напоминает покойного, то верующий спирит наверное найдет «полное сходство» и увидит «яркое доказательство», хотя бы фотограф и был впоследствии уличен в применении самых естественных средств для получения изображения. Таким образом, «поразительное сходство служит гарантией, что фотография подлинна».

Мы имеем другого рода более сложные примеры, где ошибки наблюдения и дефекты памяти послужили источником новых суеверий не прямо, а в связи с ранее существовавшими предрассудками. Сюда относятся разные предзнаменования, предостережения и предсказания. В числе такого рода феноменов главную роль в прежнее время играли кометы и их объяснение. Известно, что еще в прошлом столетии видели в них чудесные вещи: горящие факелы, обнаженные мечи, отрубленные головы, драконов и всяких чудовищ. Само собой разумеется, что все они предвещали страшные несчастья.

Известный в свое время ученый Конрад Вольфхард Ликостенес в Базеле (1518—1561) издал в 1557 году обширное латинское сочинение «Prodigiorum ac ostentorum chronica», в котором он собрал все описания комет, которые он мог найти у старых авторов, и сопоставить их с последовавшими затем общественными бедствиями. В том же году книга появилась в немецком переводе, а за-

тем не раз перепечатывались из нее краткие извлечения. Последующие описания и рисунки взяты из одного из таких изданий, а именно из вышедшей в 1744 году во Франкфурте книги: «Чудеса Бога и природы при появлении комет». В предисловии к ней сказано, что как текст, так и рисунки взяты из сочинения Ликостенеса. Книга иллюстрирована 83 рисунками, из которых два мы приводим здесь. В первом (рис. 105) еще можно признать комету под видом меча, но в следующем (рис. 106) изображении фантазия наблюдателя скинула всякую узду. Это изображение должно воспроизвести вид кометы, появившейся в 1527 году, т. е. при жизни самого Ликостенеса. Об этой удивительной комете он пишет следующее: «В 1527 году 11 октября рано утром, в 4 часа, появилась видная почти во всей

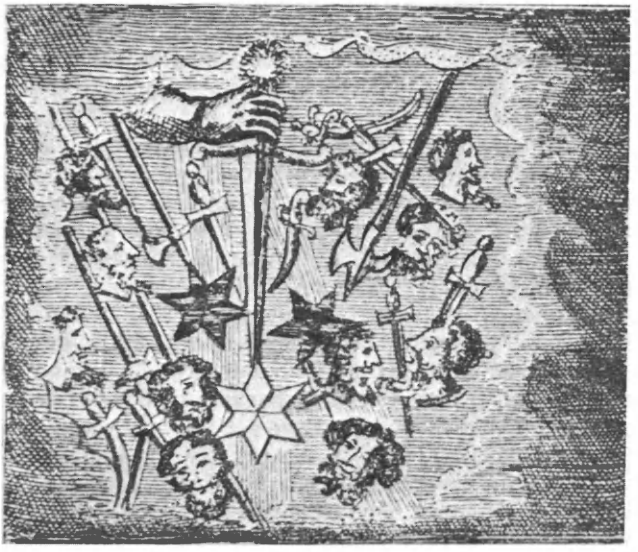


Рис. 106. Изображение кометы.
(Из книги Die wunder Ceottes 1744).

Европе огромная звезда — метла, горевшая на небосклоне около 1 $^{1}/_{4}$ часа и имевшая поразительную длину и кровавый, красный цвет. Верхняя часть ее имела вид согнутой руки, державшей в кулаке обнаженную шпагу, как бы готовую разить. У острия шпаги и по обеим сторонам клинка было три больших звезды, причем первая превосходила обе другие по величине и блеску. От нее во все стороны в виде хвоста расходились темные лучи, имевшие вид копий, алебард, сабель, кинжалов, окруженных множеством человеческих голов с бородами и волосами. Все это имело кровавый блеск, так что многие ужасались и заболели. Затем последовали времена скорби и плача: турки вторглись в Европу, и Рим был взят Бурбоном. Папа едва удержался в замке св. Ангела, но 40 000 дукатов освободили его, и император вновь водворил его на престол».

Этот рассказ во многих отношениях интересен.

Не то, конечно, удивительно, что многие заболели от страха перед таким ужасным видением, а то, что оказалось возможным открыть столько ужасов в невинной комете. Ведь и в нашем столетии на горизонте появлялись блестящие кометы, однако никто не замечал даже слабого подобия страшных подробностей, описанных Ликостенесом. Если отклонить предположение, что кометы стали вежливее и стесняются пугать человечество, то не останется другого объяснения, как то, что все виденное Ликостенесом была сплошная ошибка наблюдения. Но этим еще не все объясняется. Необузданное воображение, конечно, не нуждается в кометах, чтобы представить разные ужасы: оно может довольствоваться более скромными предметами и простое облако превратить в какое угодно страшилище, однако не слышно, чтобы в таких случаях люди заболевали от страха. Очевидно, что удивительные вещи, виденные в кометах, не были чистой фантазией, но что тут

было своего рода наблюдение, и что люди, видевшие все страхи в комете Ликостенеса, не были в нормальном настроении. Иначе невозможно понять, почему появление кометы производило такую панику и заставляло видеть вещи, конечно, не существовавшие. Первоначальным явлением был страх, и он-то и заставлял видеть в кометах необычайные образы. Следовательно, вопрос можно формулировать так: какая причина страха, внушаемого кометами?

Мы можем дать на это определенный ответ. Мы имеем сведения, относящиеся к самым древним временам, что у всех народов существовала глубокая вера, будто бы некоторые явления природы — особенно редкие — суть предзнаменования, т. е. указания, которыми Божество предваряет людей о грядущих важных событиях, главным образом, о бедствиях. Хотя христианская церковь усиленно боролась с этим воззрением, как вообще со всем наследием язычества, но оно продержалось очень долго и даже не совсем исчезло теперь. Поэтому появление таких редких и заметных феноменов, как большие кометы, всегда связывалось с ожиданием больших потрясений, и уже один их вид наводил ужас на умы простых людей. Впрочем, не много лучше чувствовали себя и ученые. Разгоряченная фантазия наблюдателя рисовала вокруг кометы пламя, мечи, кровь и отрубленные головы, главным образом потому, что война и ее бедствия были тогда у всех на уме. Появление кометы возбуждало все эти представления, которые поэтому и виделись в горящем небесном светиле. Первоначальное происхождение этого суеверия, вероятно, коренится в самых основах некоторых религиозных воззрений человечества. Боги любят людей и, желая предупредить и подготовить их к грядущим бедствиям, посылают предзнаменования в виде необычайных явлений природы. Раз зародившись, такая вера находит значительную поддержку в дальнейших ошибках наблюдения. Устрашенный кометой, человек готов был видеть на ней и вокруг нее всевозможные чудеса, а так как характер видений определялся его фантазией, то, конечно, на первый план выступали образы, угнетающие его дух и стоящие в тесной связи с тем, чего он боится, или чего ожидает. Можно с уверенностью сказать, что суеверные опасения постоянно оправдывались, потому что всегда можно было указать на бедствие, последовавшее за появлением кометы, так как бедствия были явлением обыденным.

В сочинении Ликостенеса мы встречаем такое описание: «в 194 году до Р. Х. в Риме и Понте появилась необычайно большая звезда — комета, повергшая всех в ужас и удивление. Звезда появлялась 80 дней подряд, и немедленно после этого самаритяне напали на иудеев и произвели между ними большое опустошение. В это же время родился Митридат, царь понтийский, больше повредивший впоследствии Риму, чем кто-либо из других врагов. Очевидно, нападение самаритян слишком ничтожно, чтобы заслуживать появление кометы, и вот приходится навязать ей все бедствия, позднее причиненные Риму Митридатом. Распоряжаясь столь произвольно историческими событиями и выбирая из них только то, что подходит к данному случаю, можно найти какое угодно подтверждение своему мнению. В такого рода рассуждениях обыкновенно упускают из виду удачи и счастливые события, последовавшие за кометой.

В 1666 году польский дворянин Станислав Любинецкий написал ученый трактат «Theatrum cometicum», где он доказывает, что за каждым появлением кометы следует столько же счастливых событий, сколько и бедствий, так что нет основания бояться комет. Но только через полвека удалось Ньютону доказать, что кометы суть такие же небесные тела, как и планеты, и что пути их так же поддаются вычислению, как и пути других светил. Только с этого времени слава комет, как провозвестниц великих событий, стала падать, и лишь в наше время утрачена окончательно. Теперь каждая комета, задолго до того, когда ее можно видеть простым глазом, находится в поле зрения телескопов, газеты за месяцы предупреждают публику об ожидаемом появлении, к которому все относятся спокойно, и когда комета появляется, то никто ее не боится, так как все предупреждены и каждый знает, что светило повинуется определенным естественным законам. Вероятно, поэтому кометы и утратили свои страшные физиономии, т. е. *ошибки наблюдения более не повторяются, так как предмет наблюдений не внушает более опасения и к нему относятся хладнокровно.*

Все сказанное о кометах можно целиком отнести и к другим предзнаменованиям и чудесам, т. е. к таким явлениям природы, которые в силу своей необычайности пользовались особым вниманием. Вера в их пророческое значение, зародившись неведомым путем в тьме доисторических времен, находила подтверждение и поддерживалась уже на глазах истории последующими событиями и их неправильным истолкованием. Смысл предсказания всегда подлежал многим толкованиям, тем более, что во многих случаях нельзя было решить, хорошо или дурно происшедшее. Для каждого, кто желал принять знамение на свой счет, конечно, не трудно было найти в последующей жизни какой-нибудь случай, для которого данное происшествие служило будто бы предсказанием. Цицерон в своем небольшом, но интересном сочинении «De divinatione» приводит множество подходящих примеров: «Если у мулицы (обыкновенно бесплодной) рождался жеребенок, из под жертвенников появлялся уж, или в храме падал щит, или под военачальником спотыкалась лошадь, и т. п., то все это признавалось за предзнаменования, немедленно призывался гадальщик и должен был решать, какого рода это предсказание, дурное или хорошее». Цицерон говорит обо все этом с насмешкою и глубоко убежден, что подобного рода случаи не заключают в себе ничего чудесного.

«Ничто не происходит без причины,— пишет он,— чего не может быть, того и не бывает; если же случается что-либо возможное, то в этом нельзя видеть чуда. Если все редкое считать чудом, то мудрец был бы величайший из чудес; я уверен, что мулица чаще рождает жеребят, чем природа мудрых людей. Можно утвердительно сказать: невозможное не совершается, а возможное не есть чудо. Если кто-либо придет к гадателю и сообщит ему, как о чуде, что в его доме уж обвился вокруг шеста, то гадатель может не без остроумия ему ответить: «было бы действительно чудесно, если бы шест обвился вокруг ужа». Этими словами он правдиво бы указал, что нельзя считать чудом того, что имело возможность совершиться».

Против этого решительно нечего возразить, и рассуждение это совершенно согласно с нашими современными понятиями. Однако не следует забывать, что если в наше время вера в предзнаменования пала, то лишь потому, что мы лучше постигли смысл причинной зависимости явлений, и кроме того, мы твердо убеждены, что даже там, где такая зависимость еще пока не вполне выяснена, наука в свое время откроет естественную связь явлений. Если смотреть на каждое событие как на отдельное звено в целой цепи причин и следствий, то представлению о предзнаменованиях, посылаемых произволом божества, не найдется места в этой цепи. Тот факт, что прежде находили возможность связать какое-либо редкое и поразительное явление, напр. комету, с последующими событиями основан преимущественно на ошибках наблюдений. Так как обыкновенно предзнаменование истолковывалось очень неопределенно и должно было предвещать только крупные события общего характера, то, конечно, в течение ближайших лет весьма не трудно было подыскать факт, якобы предсказанный заранее. Но этим обыкновенно дело не кончалось. По миновании первого ужаса, обыкновенно приступали к разбору предзнаменования, пытались заранее определить роль ожидаемого события и его исход и таким образом переходили к другому виду магической деятельности — к гадательному искусству, уже гораздо более сложному.

Мы знаем, что было много видов гаданий. Определенные предсказания извлекались не только из событий необыкновенных, но и из самых простых. Старались определить будущее по полету и крику птиц, виду молний, внутренностям жертвенных животных и т. д. Явились на сцену гадательные «науки»: астрология, хиромантия, геомантия, кристалломантия *. Кроме того думали получить прямые предсказания будущего из объяснения снов, предчувствий и ясновидений в экстазе. Происхождение всех этих «методов» несомненно теоретического, религиозного или философского характера. Халдеи, как бы предчувствуя непоколебимую связь явлений, старались только из настоящего извлечь намеки на будущее, но у европейских народов гадания, по-видимому, основывались преимущественно на

* Гадание посредством зеркал.

религиозных представлениях. Во всяком случае, трудно постигнуть, каким образом все эти искусства могли так долго пользоваться лишь полным доверием? При наших современных познаниях, мы можем точно доказать, что не может быть никакой связи между судьбою отдельных лиц и расположением, напр., звезд, полетом птиц, или рисунком в печени быка. Следовательно, гадания, основанные на таких приемах, должны были неминуемо оказываться ложными. Невольно является вопрос, каким же образом могло случиться, что, несмотря на

Рис. 107. Гадание по внутренностям жертвы (гаруспиции).

ложные предсказания, гадания и гадатели пользовались таким кредитом во все времена? Прежде всего допустить, что число ложных предсказаний было менее, чем можно было ожидать, так как некоторая часть предсказаний исполнялась благодаря случайным обстоятельствам. Кроме того, необходимо принять в расчет, что различные психические состояния гадателя и гадающего, напр., гиперестезия, гиперемнезия первого, предрасположение к восприятию внушения второго, вероятно, нередко весьма способствовали исполнению предсказаний, несмотря на всю неосновательность методов. Все же огромное число предсказаний оказывалось ложным.

Цицерон приводит много тому примеров в вышеупомянутом сочинении. «Фламиний не послушался предсказаний, и это стоило ему и его войску жизни. Год спустя, Павел повиновался предсказаниям и при Каннах подвергся той же участи. Такова судьба всех пророчеств. Я хорошо помню множество предсказаний халдейских астрологов Крассу, Помпею и Цезарю; все они должны были умереть в глубокой старости у своего очага в полном блеске славы и величия. После этого для меня составляет предмет большого изумления, как могут еще находится люди, верящие таким вещам, опровергаемым ежедневным опытом».

Удивление Цицерона вполне понятно. Раз человек убедился, что пророчества исполняются редко и случайно, то он, конечно, будет свободен от суеверия: но все же Цицерон не прав, утверждая, что предсказания исполняются только случайно, так как дело гораздо сложнее. Если люди, несмотря на ежедневный опыт, все же

продолжают верить в предсказания, то это возможно только потому, что они очень мало обращают внимания, или даже совсем не замечают массы ложных предсказаний. Конечно, когда дело касалось событий государственной жизни или больших предприятий, то ошибочные гадания скрыть было трудно, но зато всегда можно было увернуться, сославшись, напр., на какое-нибудь упущение в процессуальных подробностях при совершении обряда, вследствие чего гадание, конечно, теряло силу, или в толковании оказывалась двусмысленность, на которую обращалось внимание только впоследствии. Наконец, как замечает Цицерон, старались как-нибудь заставить забыть о происшествии. В случае же удачного гадания успех не так легко забывался, как вследствие стараний о том гадателей, так еще и потому, что в данном случае результат совпадал с установившейся верой.

Таким образом, мы видим, что вера в предсказания постоянно поддерживается ошибками наблюдения, или точнее памяти. Раз у нас существует предвзятое мнение о достоверности гаданий, то мы пропускаем и легко забываем все, что с этой уверенностью не совпадает. Поэтому всякая «статистика на память» совершенно ничего не стоит, так как подтверждает всегда то, что нам угодно и чего мы от нее ждем. Если бы гадания в настоящее время играли такую же видную роль, как при Цицероне, то тщательная запись результатов, вероятно, убедила бы самого доверчивого человека, насколько не достоверна «статистика на память». К счастью, теперь уже невозможно собрать такой материал. Тем не менее мы можем до известной степени пользоваться в этом деле цифрами. В последнее время было предпринято статистическое исследование числа галлюцинаций. Исследователи по самому свойству предмета должны были прибегнуть к опросу, т. е. к памяти опрашиваемых, и при этом им пришлось убедиться в том, что вообще на нее нельзя полагаться и что статистика, основанная на подобного рода материале, не имеет никакой цены. Мы еще раз вернемся к этому предмету в главе о нормальных галлюцинациях.

Всем до сих пор сказанным еще не исчерпывается значение ошибок наблюдения в вопросе о происхождении и поддержании суеверий. Мы видели только отдельные примеры того, что такие погрешности частью служат источником новых суеверий, частью же способствуют к поддержанию уже существующих, возникших на другой почве. Мы можем более не останавливаться на этом вопросе, потому что в дальнейшем изложении мы найдем еще много подтверждений вышесказанного. Везде, даже в самых сложных случаях, с полной очевидностью выяснится преобладающее значение, которое имеют ошибки наблюдения в деле происхождения и поддержания суеверий.

Явления дрожания и их магическое действие

ЯВЛЕНИЯ ДРОЖАНИЯ

Всем известно, что какой-либо член человеческого тела, напр. вытянутая рука,не может находиться в полном покое, не имея какой-либо внешней поддержки. Незначительные непроизвольные дрожательные движения членов бывают весьма различной величины у отдельных лиц. У стариков и больных это явление часто бывает выражено настолько резко, что видно издалека, и упомянутые субъекты не могут поднести ко рту сколько-нибудь полный стакан, не расплескав части содержимого. У молодых и здоровых людей, напротив, дрожания почти не заметны и при обыкновенных условиях никто на них не обращает внимания и не сознает их. Однако, если бы кто вздумал отрицать это явление, то пусть возьмет палку и прицелится ею, как из ружья, в какую-нибудь точку; он убедится, что конец палки движется вокруг цели. Факт этот был давно известен, но никто не подозревал, что *эти ничтожные движения при известных обстоятельствах могут*

произвести очень большие действия. Такого рода эффекты были наблюдаемы не раз, но так как причина была неизвестна, то их приписывали различным магическим силам. Таким образом, столь обыденное явление, как непроизвольное дрожание членов, послужило источником целого ряда суеверий. Нам предстоит, присмотревшись ближе к этим суеверным представлениям, доказать, что факты, лежащие в их основе, суть лишь измененная форма непроизвольных дрожательных движений.

Для того, чтобы сделать это, мы должны пересмотреть все факторы, могущие так или иначе влиять на дрожательные движения, а также все видоизменения, которым последние могут подвергнуться при действии различных сил. В видах получения точных графических изображений, Прейер построил чрезвычайно чувствительный аппарат, названный им пальмографом, отмечающий не только силу колебаний, но и их направление вверх и вниз, направо и налево, вперед и назад. В тех случаях, когда нет необходимости именно в регистрации движения во все стороны,— что на самом деле редко бывает нужно,— можно пользоваться сфигмографом, применяемым в физиологических лабораториях для исследования пульса (рис. 108).

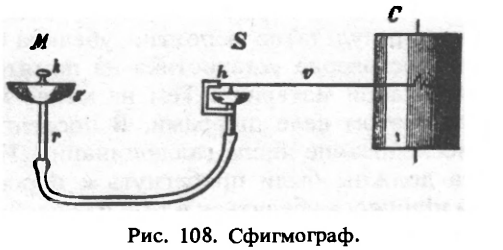


Рис. 108. Сфигмограф.

Аппарат этот состоит из 3-х частей: из приемника M, пишущего аппарата S и барабана C, на котором пишут. M состоит из металлической чашки s, переходящей в тонкую трубку r, на конец которой надета резиновая трубка, соединяющая M с S. Верхнее отверстие s затянуто каучуковой пленкой, в средине которой прикреплена легкая деревянная пуговка k. Пишущий аппарат устроен аналогично и состоит также из металлической чашки, удлиненной внизу в трубочку и на которую сверху тоже натянута каучуковая перепонка. Над чашкой S к подставке h прикреплен гибкий и длинный стальной рычажок v, вращающийся в точке h очень свободно. В другой точке он опирается на маленькую пуговку, укрепленную в средине каучуковой пленки, затягивающей чашечку S, а заостренный его конец прикасается к цилиндру C, имеющему, посредством часового механизма, равномерное вращательное движение вокруг оси. Действие всего аппарата легко понятно. Самое легкое давление на пуговку k передается посредством сжатия воздуха в чашечку S и приводит в соответствующее колебание ее каучуковую пленку, движение которой передается рычажку v и в очень увеличенном размере воспроизводится его концом. Если поверхность цилиндра покрыть сажей, то кончик рычага чертит тонкую белую линию на черном фоне, когда барабан C приведен в движение.

Показания аппарата тем чувствительнее, чем тоньше и подвижнее обе резиновые пластинки, поэтому необходимо при разных опытах, результаты которых должны быть сравниваемы, позаботиться о том, чтобы толщина и напряжение пленок были одинаковы. Большое значение для точности записей имеют качество и величина резиновой трубки, соединяющей обе чашечки. Когда воздух или жидкость движутся толчками вдоль эластичной трубки, то сопротивление стенок ее сглаживает отдельные толчки и передает только равномерное колебательное движение. Чем длиннее трубка, тем резче выражен этот эффект. Поэтому, если нужно записать тончайшие колебания, то трубка должна быть наивозможно короче; иначе будут переданы только более значительные колебания, а все мелкие оттенки исчезнут. При некоторых опытах нам придется прибегнуть к этому способу. Пользуясь этим аппаратом, мы можем вследствие точности, с которой он записывает малейшие движения в увеличенном виде, замечать дрожания, безусловно невидимые простым глазом. Если пуговку слегка придавить к артерии руки, или еще лучше шеи, то на цилиндре весьма точно воспроизводятся колебания пульса. Таково происхождение кривой B на рис. 110. Если же чашечка M укреплена неподвижно и вертикально, и рука вытянута, указательный палец лежит на пуговке, то на барабане появляется в высшей степени неправильная линия, доказывающая, что рука не находится в совершенном покое. Рис. от 109—112 и 115—116 представляют собой такие кривые, соответствующие различным видоизменениям дрожательных движений. Рисунки эти получены от безусловно здоровых субъектов, мужчин и женщин. Необходимо поближе познакомиться с этими кривыми, чтобы выяснить точнее причины таких движений.

Было уже ранее сказано, что при этом аппарате дрожания по всем трем измерениям записываются на одной кривой. Пуговка k при движениях направо и налево, взад и вперед имеет очень незначительное движение, но при дрожаниях

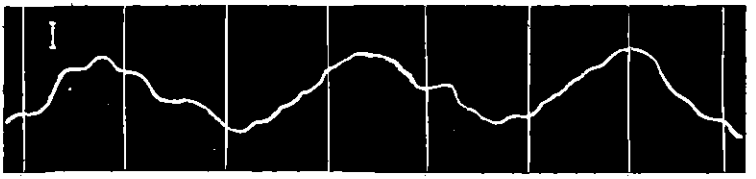


Рис. 109.

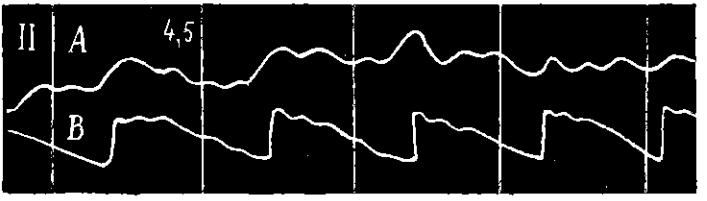


Рис. 110.

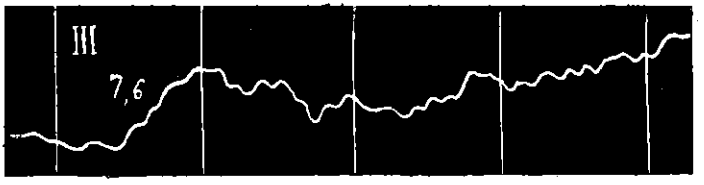


Рис. 111.

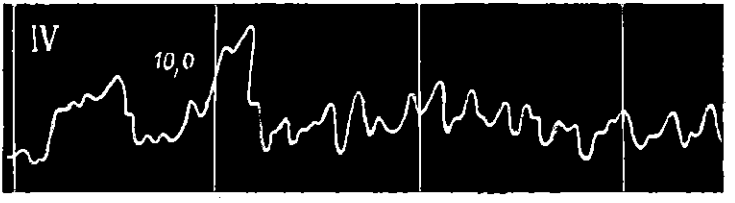


Рис. 112.

вверх и вниз делает гораздо большие колебания, что ясно отражается на записываемых кривых. Самые крупные колебания при всех этих опытах зависят прежде всего от дыхания, так как рука следует за движением грудной клетки. Рис. 109 показывает кривую такого происхождения. При нормальном состоянии человек делает одно дыхание в промежутке 3—5 секунд.

Вертикальные линии на чертеже показывают разделение на секунды. Каждым 3—4 секундам соответствует подъем волны, которая сама состоит из неправильно-волнистой линии, а вся кривая походит на морские волны после бури, когда валы еще высоко ходят, а легкий ветер морщит их поверхность. Крупные волны здесь соответствуют дыхательным движениям, а мелкая рябь — другим разнообразным

влияниям. Эти вторичные волны сравнительно малы и малочисленны, так как для данного опыта была взята соединительная трубка длиной в 10 метров. При такой постановке опыта все мелкие дрожания сглаживаются, а остаются только крупные дыхательные волны. При очень тихом дыхании, или при полной задержке его, большие волны рис. 109 совершенно исчезают, что, конечно, еще более подтверждает выше приведенные объяснения. На рис. 110—112 и 115—116 совсем не видно больших дыхательных волн, потому что человек, желающий короткое время удержать руку в спокойном состоянии, невольно задерживает дыхание.

Что же, однако, причиняет остальные мелкие колебания? Некоторые из них зависят от сердечных толчков. При каждом сердечном сокращении каждая точка тела получает изнутри толчок вследствие внезапного наполнения кровеносной системы. При благоприятных обстоятельствах бывает иногда отчетливо видно, даже издали, что дрожание руки точно совпадает с пульсовым толчком. Если сравнить на рис. 110 обе линии А и В, из которых В есть кривая пульса, а А — кривая дрожания руки, то мы увидим в них большое сходство. Даже мелкие колебания на нисходящем колене пульсовой кривой В отражаются на кривой А. Кривая рис. 110 начерчена через час после обеда, когда организм вполне отдохнул и я находился в полном покое. Наверное поэтому влияние пульса и выступило так отчетливо на кривой дрожания. Когда мышцы и нервы утомлены, то мозг теряет долю своего влияния и мускульные сокращения совершенно затемняют пульсовые колебания. Такого рода кривую мы имеем на рис. 111, записанном в полночь, после очень беспокойного дня.

На этом рис. пульсовые волны совершенно не заметны, колебания имеют более широкие размахи, линия очень неправильна и зазубрена. Малые цифры на рисунках указывают число колебаний в секунду; по ним также можно судить, что беспокойство при записывании рис. 111 было значительно более сравнительно с рис. 110. Еще большее число дрожаний мы видим на рис. 112, записанном после того, как рука в продолжение нескольких минут находилась в вытянутом горизонтальном положении, которое считается одним из самых напряженных и сопровождается усиленным дрожанием. Отсюда мы можем заключить, что дрожание члена прямо пропорционально степени утомления нервов и мышц.

Мы разобрали, как дыхание, кровообращение, мышечная усталость отражаются на непроизвольных движениях. Теперь нам предстоит рассмотреть влияние другой более обширной и важной категории причин, которые не только вызывают определенные формы дрожания, но в известной мере влияют на направление прочих движений. Мы говорим о влиянии различных состояний сознания, которое известно из опыта обыденной жизни.

Непроизвольные движения вызываются отчасти известным настроением духа, отчасти, при достаточном сосредоточении внимания, сознательными представлениями или о движении вообще, или такими, которые обыкновенно ассоциируются с движениями. Правильность такого заключения можно легко подтвердить примерами. Каждое усиленное напряжение вызывает дрожание; так страх и нетерпение заставляют дрожать; при подобных психических состояниях явление может принять такие размеры, что становится видимым без всяких аппаратов. Так, когда во время экзаменов голос отвечающего дрожит, то это очевидно только видоизменение того же явления. По мере увеличения волнения, растут и дрожания и могут перейти в очень сильные толчки. Но даже и тогда, когда явление не настолько сильно, чтоб быть видимым посторонним, сам субъект может легко его ощущать. Всякий знает, что привычная, вполне усвоенная работа часто не удается, когда человек очень спешит. Напряжение, опасение опоздать, заставляет дрожать руки и требуемые работой тонкие движения не удаются. Не только неприятные ощущения, но и приятные вызывают непроизвольные дрожания. Таков смех: обусловленное им потрясение распространяется не только на диафрагму, но, смотря по его силе, и на все тело.

До сих пор мы коснулись только одной стороны предмета. Выше было сказано, что есть дрожания, вызываемые только представлением об известном движении, или о предмете, связанном с движением (идиомоторный принцип Карпентера). Это может быть доказано простым опытом. Повесьте свинцовый шарик в дюйм диаметром на шнурок,— в крайнем случае могут служить карманные часы на легкой цепочке — и держите этот импровизированный маятник в вытянутой руке; он понемногу начнет качаться. Направление и форма качания определяются представлениями, имеющимися у лиц, подвергаемых опыту. Я десятки раз повторял эксперимент и, если не встречал упорного сопротивления со стороны испытуемого лица, то всегда с успехом. Например, проводя пальцем под маятником, говорят, что он будет двигаться по указанному направлению, и это исполняется. Если палец переходит в круговое движение, то маятник следует за ним. Еще лучше удается опыт с лицами, которые не знают его сущности, или если он облечен в несколько мистическую форму. Я, напр., говорил, что маятник всегда движется по направлению оловянной полосы, положенной под ним, перпендикулярно к стальной полосе и описывает круг над стеклянной пластинкой. Все это исполнялось в силу той же причины. *Направление движения определяется представлением об известном движении.*

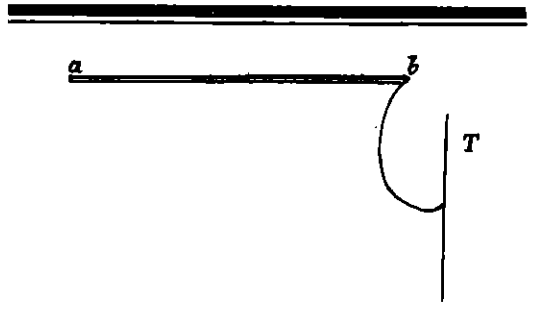


Рис. 113. Аппарат Прейера.

Остается третья группа дрожательных движений, вызываемых не столько мыслью о самом движении, сколько представлением о предметах или актах, связанных с известным видом его. У человека с нормальной речью каждое представление о каком-нибудь имени или слове теснейшим образом связано с соответствующими движениями органов речи. Поэтому совершенно правильно говорят, что мысль его беззвучная речь. Это явление особенно часто обнаруживается в привычке шептать фразу перед тем, как ее написать. Если обратить на это внимание во время процесса писания, то можно всегда уловить движения языка. То же самое наблюдается, когда долгое время мысль сосредоточена на одном слове. Впоследствии мы увидим, какие удивительные результаты могут получиться от этого. Соответственным образом наши представления о писанных словах очень часто связываются с небольшими движениями ручной кисти.

Прейеру удалось очень остроумным способом начертить на доске эти маленькие письменные движения. Применяемый им аппарат (рис. 113) очень прост: он состоит из длинного, легкого, тонкого рычажка *ав*, соединенного в точке *в* очень свободным шарниром с изогнутой иглой, конец которой прикасается к таблице *Т*. Рычажок в точке *а* крепко привязывается к тыльной стороне ручной кисти, или держится наподобие писчего пера в напряженно вытянутой руке. Если в таком положении лицо, подвергаемое опыту, живо представит себе написанное слово или цифру, то игла начертит на закопченной доске некоторую фигуру. Такого происхождения фигуры на рисунке 114. Так как и остальные причины, вызывающие дрожания, продолжают действовать, то полученные кривые очень сложны и в них (смотря сбоку) довольно трудно узнать задуманную букву или число. Все же приблизительное очертание настолько сходно, что влияние задуманного на полученную фигуру очевидно.

Еще одна из форм воздействия представлений на непроизвольное движение обнаруживается в постоянно наблюдаемой склонности соблюдать в движениях такт и ритм. Это можно видеть даже на маленьких детях, которые подпрыгивают в такт музыке, не учившись еще танцевать. Многие взрослые не могут слышать музыки, не отбивая такта движениями головы или ног. Поэтому невольно является вопрос не отразится ли эта тесная связь между слуховыми впечатлениями

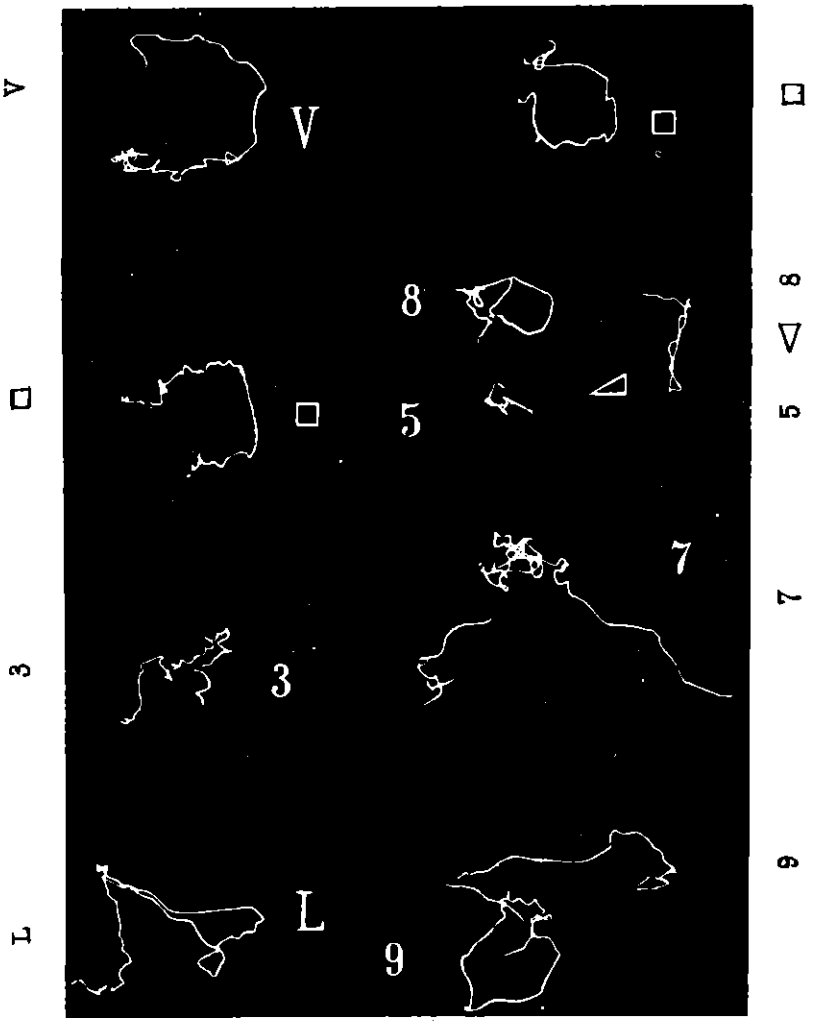


Рис. 114.

и ритмическими движениями в форме дрожаний. Опыты вполне подтвердили это предположение и, кроме того, доказали, что характер и способ влияния такта на получаемые кривые у разных лиц находятся в тесной зависимости от темперамента их. Кривые рис. 115 и 116 суть результаты таких опытов. На рис. 115 кривые получены от лица, слушавшего бой метронома: *A* соответствует 120-ти ударам в минуту, а кривая *B* — 40 ударам.

Медленный, полусонный такт в 40 ударов вызывает ровные, пологие волны кривой B, а в три раза быстрейший такт придает линии A нервный, порывистый характер.

На рис. 116 мы видим такого же рода явления, но иначе изображенные. Под каждой кривой имеется правильная линия, начерченная самим метрономом; подъемы соответствуют бою его. Можно заметить, как при медленном такте

(36 в минуту) каждый удар вызывает большую резкую волну (испуг), а быстрый такт (117 ударов) производит ряд незначительных, но постоянных дрожаний.

До сих пор речь шла о влиянии на непроизвольные движения *ясно сознаваемых* представлений, так как только при этом условии возможно было установить и доказать связь между дрожанием и психическими процессами; но опытным путем обнаружено, что и *неосознанные душевные состояния* имеют такое же действие. Некоторые лица, например, во время оживленного разговора могут

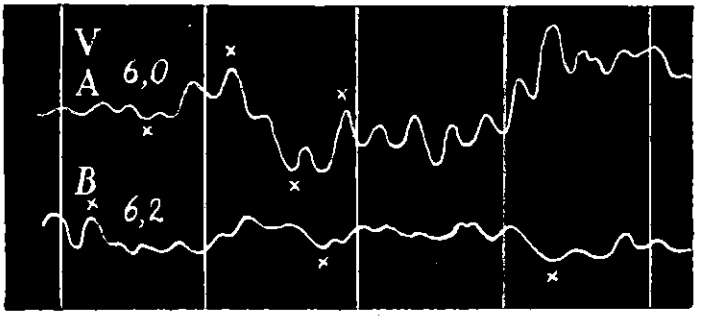


Рис. 115.

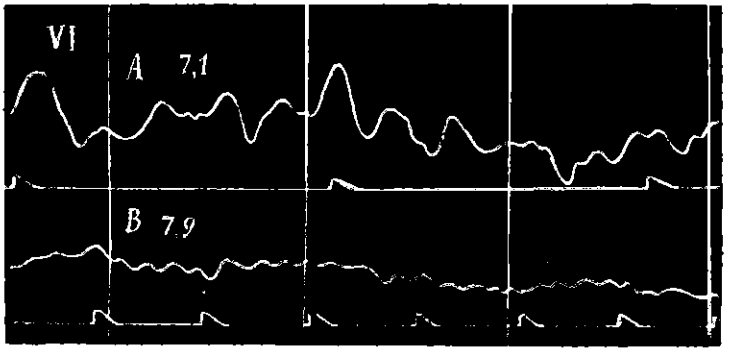


Рис. 116.

писать и чертить фигуры, указывающие на строй мыслей, очень далекий от данного разговора; в этом случае, очевидно, в душевной деятельности существуют такие мысли, которые не сознаются и не ощущаются, а проявляются лишь в виде непроизвольных движений *. Об этом нам придется еще вести речь, когда мы

* Когда впоследствии мы будем говорить об этих явлениях, то будем называть их *бессознательными* душевными состояниями (бессознательные представления и т. п.), не обращая внимания на то, что само по себе это выражение не имеет никакого смысла. Но именно вследствие отсутствия в нем определенного смысла, его и следует предпочесть таким выражениям, как подсознательные, стоящие за порогом сознания и т. п., которые заключают в себе определенные гипотезы о природе этих явлений. Подобно тому, как математик употребляет для обозначения некоторых величин выражение a^{-n}, не имеющее смысла, так и мы будем употреблять выражение «бессознательное представление» для обозначения таких явлений, существование которых доказывается опытом, но природа которых остается для нас неизвестной. *Прим. автора.*

коснемся вопроса о вторжении бессознательного в область сознательной жизни. При рассмотрении вопроса о влиянии непроизвольных движений на происхождение суеверий, очень трудно будет разделить случаи, где такие движения зависели от сознательных или от бессознательных психических процессов. Так как на самой форме движений различие исходных точек нисколько не проявляется, то только очень тщательным разбором одновременного состояния сознания можно будет приблизительно определить, лежит ли их источник в сознательной или бессознательной областях. Хотя при последующем изложении я, главным образом, принимаю во внимание только случаи первого рода, т. е. происхождение движений под влиянием сознательных представлений, но не нужно упускать из виду и возможного воздействия неосознанных процессов, так как они могут вызывать точно такие же явления.

МАГИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Под этим именем мы разумеем такого рода передвижения неодушевленных предметов, причину которых в разные времена приписывали действию магических сил, так как нельзя было отыскать более простого объяснения. Все видели передвижения, но так как причинявшие их лица сами не сознавали своих действий в этом направлении, то объяснение приходилось искать во вмешательстве сверхъестественных сил, таинственно скрытых в известных людях или в существах высшего порядка. В исторической части нашей книги мы познакомились с двумя группами таких движений, именно там были описаны колебания волшебного прутика и столоверчение в его различных формах. Постараемся доказать, что в обоих случаях сущность дела заключается в проявлении непроизвольных движений. После всего сказанного мы не усмотрим ничего чудесного *в гаданиях посредством кольца*, сведения о котором у нас сохранялись со времен императора Валента (см. стр. 158). Кольцо, подвешенное на нитке, при держании ее в вытянутой руке, непременно придет в движение и именно в том направлении, которого ждет испытующий. Если он ожидает, напр., имени, то кольцо, касаясь букв, расположенных по краю чаши, сложит как раз это имя, о котором он больше всего думает. Все это вполне понятно после того, как мы установили, что направление движения зависит от представления о нем. То же самое можно сказать о волшебном прутике. Этому снаряду придавали различную форму, но чаще всего бралась вилообразная раздвоенная ветка тополя или орешника. Видоизменение того же аппарата допускалось в форме топора, заключенного в полено и удерживаемого в равновесии на конце пальца. Применяли также и решето различными способами. В зависимости от снаряда, самый способ носил название рабдомантии, аксиномантии или коскиномантии. Но везде основной принцип был один и тот же: снаряд приходил в движение и указывал место, направление или лицо, о котором шла речь. Из всего этого до настоящего времени уцелел один только волшебный прутик и основанная на нем рабдомантия, поэтому только о ней мы и будем говорить, хотя, конечно, те же объяснения с полным правом могут быть перенесены и на остальные методы. На основании известных нам вышеизложенных опытов мы знаем, что прутик приходит в движение, если держащее его лицо ожидает этого и кроме того именно в ожидаемом направлении. В противном же случае прутик сохраняет полную неподвижность.

Это знал еще патер Лебрен в конце 17 столетия и вывел совершенно правильное заключение, что «причина движения есть воля человека, а направление определяется его желаниями». Другими словами, Лебрен, за 1 $^{1}/_{2}$ столетия до Карпентера, дал указания на идиомоторные движения, хотя только в одном частном случае.

Совершенно независимо от Карпентера, дал такое же объяснение Шеврёль в 1853 г., указав, что ожидание известного колебания со стороны прутика есть его главная причина. Так как опыты патера Кирхера выяснили, что прутик не

наклоняется ни к воде, ни к металлу, если не находится в руках человека, то не может быть сомнения, что при соответствующих случаях двигательные импульсы исходят действительно из человеческого сознания. Но если так, то все-таки остается загадочным, каким образом прутик может указывать воду и руду? Что такие рассказы не сплошная выдумка, можно уже думать потому, что и в наше время еще действуют «водяные искатели», к помощи которых обращаются даже весьма образованные люди всякий раз, когда нужно рыть колодец.

Вблизи одного большого города местный врач указывал мне большое число колодцев, вырытых исключительно по указаниям «водяного искателя». Многие из них находились на местах, где трудно было ожидать воды, и где, кроме того, попытки обойтись без помощи искателя оказались бесплодными.

Объяснение этих удивительных фактов, вероятно, приблизительно следующее: «водяные искатели» суть обыкновенно старые колодезные мастера, вследствие долговременной практики приобретающие общее представление о расположении водяных жил. Искатель, так сказать, чутьем и почти инстинктивно узнает, где следует быть воде, и его неясные мысли приводят в движение прутик во время его изысканий. Если бы его допросить, по каким признакам он определил присутствие воды, то, вероятно, вопрос остался бы без ответа. Он сам не знает почему, но на соответственном месте возникает ожидание движения и прутик колеблется. Мы увидим впоследствии, что нечто подобное вполне возможно и нередко бывает, а пока ограничусь одним случаем, в котором я сам был действующим лицом.

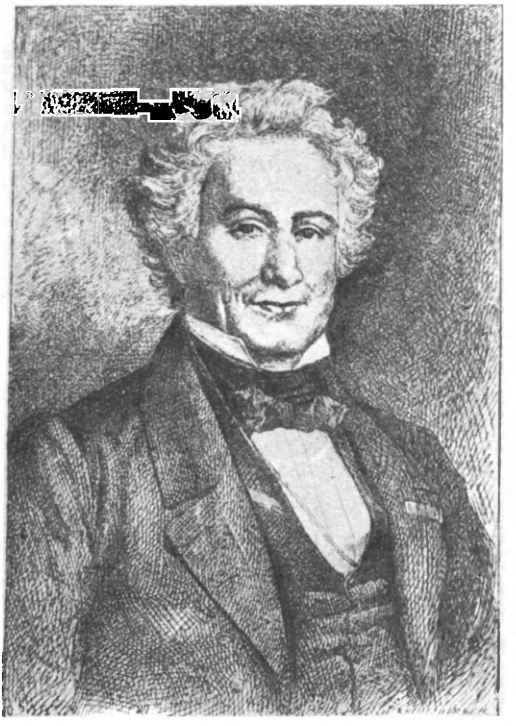


Рис. 117. Шеврель.

Я познакомился с одним из таких искателей воды, который пожелал меня убедить, что прутик колеблется без всякого усилия с его стороны, и поэтому предложил произвести опыт в моем присутствии. Я старался следить и усвоить его приемы. Я, конечно, не мог видеть незначительных движений руки, но колебания ветви были выражены ясно. Затем он предложил мне самому сделать опыт, хотя предупредил, что удача мало вероятна, так как уже многие действовали по его указанию, но, за исключением одного случая, всегда безуспешно. Впрочем, никакого вреда,— по его мнению,— от попытки быть не могло. Мастер отправился в сопровождении многих свидетелей, и место, где прутик пришел в движение, было обозначено по возможности незаметно. Затем я стал на место, откуда он отправился, и мне было указано приблизительно направление. В результате получилось, что в моих руках ветка пришла в движение на расстоянии аршина от того места, где это произошло и у водоискателя. На самом деле, когда я прошел часть пути, то мне вдруг представилось, что именно здесь должно произойти колебание ветви. Как только явилось представление, сейчас же наступило и самое движение. Но каким же образом мысль явилась на настоящем месте? Что здесь имело значение нечто, выступившее из области бессознательного, не подлежит сомнению. Может быть я руководился смутным представлением о времени, приблизительно прошедшем после ухода водоискателя, и это неясное ощущение руководило мною при выборе места. Одно могу сказать, что мне внезапно пришла в голову мысль о том, что прутику пора шевелиться. Во всяком случае этот опыт служит доказательством, что источником непроизвольных движений служат смутные чувства и представления индивидуума, происхождение которых он сам не сознавал.

Очень близко к волшебному прутику по своей сущности подходят современные и более сложные аппараты: психограф и планшетка. Путем повторных опытов можно убедиться, что они приходят в движение вследствие незаметных дрожательных колебаний, вызванных известными представлениями. Если положить руки на аппарат и упорно думать о каком-нибудь слове, то это слово скоро оказывается написанным. Если такой аппарат попадает в руки медиума, то, несомненно,

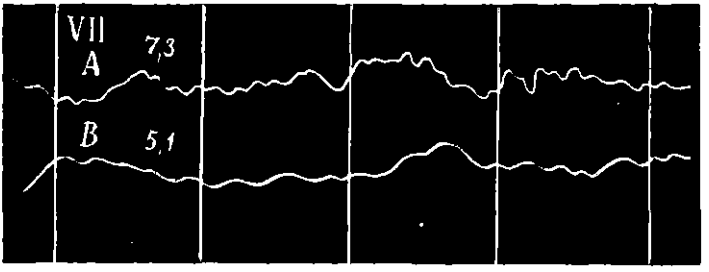


Рис. 118.

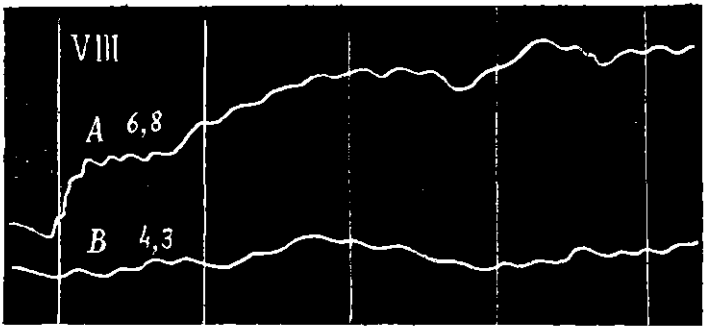


Рис. 119.

движения вызываются бессознательными представлениями и этим одним объясняются те удивительные сообщения о вещах, о которых сам медиум не имеет понятия и которые легко могут породить у несведущих присутствующих мысль об участии высших существ.

От волшебного прутика, психографа и планшетки уже не далеко до столоверчения и стуков. Разница между этими двумя предметами состоит только в том, что маленькие предметы и снаряды приводятся в действие одним лицом, тогда как для передвижения массивных столов необходимо содействие многих лиц, что, конечно, весьма осложняет дело. Не подлежит, однако, сомнению, что и здесь источником двигательной силы служат непроизвольные дрожательные движения всех участников. Очень скоро после того, как мода на столоверчение распространилась по Европе *, английский врач Джемс Брэд, прославившийся своими ис-

* Принято думать, столоверчение есть новейшее изобретение; поэтому достойно внимания, что Кизеветтер у отца церкви Тертуллиана нашел фразу, ясно указывающую, что уже и тогда знали это явление и пользовались им для гадания.

следованиями в области гипноза, доказал, что стол приходит в движение только тогда, когда этого ждут участники; если же внимание их отвлечено на другой предмет, то движения не происходит. В том же 1853 году его соотечественник, физик Фарадэй, доказал при помощи остроумно придуманного индикатора, что руки присутствующих сообщают столу ряд маленьких толчков, которые, несмотря на ничтожную величину каждого из них, в совокупности приводят в быстрое движение тяжелые столы. Хотя таким экспериментальным путем была установлена главная причина явления, но понадобились еще исследования для устранения кажущихся противоречий. Казалось бы, вероятнее было допустить, что когда за столом сидят несколько лиц и каждое из них сообщает столу ряд мелких толчков, то эффект их будет взаимно уничтожаться и стол останется в покое, чем, что толчки непременно должны суммироваться. Конечно, стол может прийти в движение только в том случае, если все слагающие импульсы будут происходить одновременно и в одном направлении. Маленький ребенок, рядом ничтожных подергиваний за канат, может привести в движение тысячефунтовый церковный колокол, но для этого толчки должны быть часты и следовать в одном направлении. Из опыта известно, что столоверчение не всегда удается; следовательно, успех попытки зависит от каких-то особых обстоятельств. Для выяснения всего этого я, при самых разнообразных обстоятельствах, записал движения рук участников сеансов, как до наступления движений стола, так и во время их. Мне кажется, что полученные при этих опытах кривые могут разрешить вопрос.

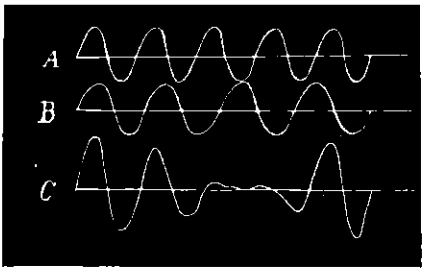


Рис. 120.

Чтобы не отвлекать внимание читателей, на этих рисунках мною приводятся только типические кривые, а все более сложные случаи не упоминаются (рис. 118 и 119). Кривая А записана до начала движений стола, В — во время движений. Между ними существенная разница: 1) кривая В равномернее и более приближается к прямой. 2) На ней меньше малых волн, но вместо них волны большого размера. Эти данные как будто противоречат тому, что можно было ожидать; в самом деле казалось проще было бы допустить, что люди, у которых руки так дрожат, что приводят в движение стол, не могут удержать вытянутой руки в спокойном состоянии; однако опыт показывает обратное. Кривая В рис. 118 несколько походит только на кривую рис. 110, записанную после полного часового покоя. Еще следует обратить внимание на то, что кривые В могут быть разделены на две группы, из которых одна (рис. 118) имеет пять колебаний в секунду, другая (рис. 119) только четыре. Мы видели, что при всех других опытах число колебаний у нормального человека гораздо больше от шести до десяти в сек. и только при движениях стола оно падает до пяти у одной группы участников и до четырех у другой. Бывают, конечно, и промежуточные цифры, но их мало и я поэтому оставляю их в стороне. Кроме того, мои опыты выяснили, что это деление на две группы наступает тем раньше, чем легче удается участникам привести в движение стол. Очевидно, что это разделение имеет какое-то значение и при внимательном рассмотрении мы найдем, что, по-видимому, именно в нем и заключается главная причина движений.

Допустим, что число дрожаний у всех участников приблизительно одинаково (как это и бывает обыкновенно в начале сеанса), тогда все они будут действовать или в одном направлении, или прямо противоположно. В обоих случаях дви-

жение не может получиться, в последнем потому, что сумма толчков, действующих в одном направлении, в следующий момент парализуется такой же суммой их в противоположном. Когда же участники разделяются на две группы с разным числом колебаний в секунду, то дело пойдет иначе. Взгляд на рис. 120 объяснит это вполне. А есть кривая с 5-ю, В с 4-мя колебаниями в секунду. Если обе группы движений сообщаются столу, то равнодействующая всей их суммы получается в виде кривой С. Только два раза толчки суммируются и действуют в одном направлении, в остальных случаях они, суммируясь, действуют в противоположном, так что в продолжение значительной доли секунды взаимно уничтожаются. После такого заметного равновесия следует сильный толчок. И только тогда участники получают представление о движении в известном направлении, а мы знаем, что присутствие такого представления весьма определенно влияет на дрожательные колебания и усиливает их в данном направлении. Поэтому крайне вероятно, что стол приходит в движение только тогда, когда непроизвольные дрожания участников сделались уже настолько разновременными, что могут сообщить ему сильные толчки, разделенные промежутками покоя.

Это объяснение требуется, однако, лишь для тех случаев, когда между присутствующими нет медиума, особенно развитого в спиритическом смысле. Такой медиум всегда очень скоро проявляет решительное влияние, так что в сущности остальные участники делаются совершенно излишними. То же самое бывает, когда, при отсутствии известного медиума, какое-нибудь одно лицо приобретает сразу преобладающее влияние на движение стола, т. е. проявляет выдающиеся медиумические способности. Приведенное объяснение не годится также для тех случаев, когда предметы приходят в движение без прикосновения к ним. Очень тонкими аппаратами, описывать которые здесь не место, я убедился, что дрожания не передаются ни через воздух, ни через плотные тела; поэтому движение предметов без прикосновения к ним не может быть объяснено бессознательными дрожаниями. Мы видели, что такого рода проявления требуют уже очень высокого развития медиумизма, а поэтому мы и отложим беседу об этом предмете до главы, где вопрос о медиумизме будет рассмотрен всесторонне.

Остается сказать еще несколько слов о формах, принимаемых движением стола при различных обстоятельствах. В том, что музыка влияет на них и что стол танцует в такт музыке, не будет ничего удивительного, если мы вспомним сказанное выше о влиянии такта и ритма на непроизвольные движения (сравни стр. 283). Гораздо интереснее вопрос о стуках, которыми стол дает ответы на заданные вопросы. Это последнее явление происходит весьма различно в присутствии медиума, или без него. Во втором случае стол очень часто не дает понятного ответа, по крайней мере на такие вопросы, на которые не может ответить никто из присутствующих. Здесь проявляется по-прежнему влияние представлений о движении на само движение. Если представления участников не совпадают и никто из них не имеет преобладающего влияния, то обыкновенно не бывает никакого определенного результата. Я неоднократно наблюдал, что при неуверенности участников, первые движения были очень нерешительны, пока не получилось нечто вроде начала какого-нибудь слова. Тогда дело шло живее, потому что представления участников делались определеннее; конечные буквы слова выходили очень быстро. При начале каждого слова нерешительность повторялась, пока не получался намек на фразу всем ясную, и тогда конец ее выбивался очень быстро и решительно. Если же вопрос был такого рода, что допускал различные ответы, то с трудом и только случайно, можно было подобрать подходящие буквы, чаще же всего получалась бессмыслица, или если получился понятный ответ, то последний, насколько это можно было проверить, не совпадал с действительностью.

Совсем иначе идет дело, когда участвует медиум, или один из присутствующих получает преобладающее влияние; такое лицо совершенно овладевает столом и ответы начинают сообразоваться с настроением и особенностями медиума. В этих

случаях проявляются или бессознательные представления самого медиума, или сообщения, получаемые им через чтение и передачу мыслей присутствующих. В результате получаются те необычайные сообщения, о которых мы знаем из отчетов о спиритических сеансах. Однако и здесь впечатление чудесного зависит от незнакомства с соответствующими психологическими явлениями.

ЧТЕНИЕ И ПЕРЕДАЧА МЫСЛЕЙ

Возможность чтения мыслей открыта американцем Броуном, который тогда же дал в общем удовлетворительное объяснение этому явлению, но, как человек практический, пожелал извлечь пользу из своего открытия, давая публичные представления и, конечно, не особенно стараясь о том, чтобы его объяснение стало общеизвестным. Через несколько лет американский врач Бирд в Нью-Йорке написал небольшую брошюру о «психологических основах чтения мыслей». Затем, когда Бишоп и Кумберлэнд познакомили Европу с этим явлением, Карпентер в Англии и Прейер в Германии, независимо друг от друга и не зная сообщений Бирда, дали вполне однородное объяснение феномена. По их мнению, основа его лежит в непроизвольных дрожательных движениях. Для более точного объяснения опишем ход самого процесса чтения мыслей.

Мысль, которую нужно «прочитать», или, вернее, угадать, бывает различного рода: приходится, например, отыскать спрятанный предмет, или угадать задуманное слово, фразу, число, или даже целый сложный план путешествия. Способ действия угадывающего видоизменяется в зависимости от вида задачи, но всегда необходимо, чтобы одно лицо (руководитель, проводник) сосредоточило все внимание на том, что должно быть угадано. С этим лицом угадывающий непременно должен войти в соприкосновение, взяв его за руку, или приложивши его руку ко лбу, или — что, конечно, всего эффективнее — держась с ним за два конца палки. При искании предмета, угадывающий идет или скоро, или медленно, шаг за шагом, то колеблясь и постоянно меняя направление, то быстро устремляясь прямо к определенному месту. Впрочем, опыты очень часто не удаются. Если должно быть угадано число, то проводник должен сосредоточить внимание на каждой отдельной цифре; угадывающий, соединившись по одному из упомянутых способов с проводником, пишет цифры на доске, сделав предварительно несколько разнообразных движений мелом по воздуху. Если предстоит угадать план поездки, то угадыватель становится перед картою, а руководитель должен сосредоточить все внимание сначала на точке отправления, затем на первой станции, затем на второй и т. д. Сущность разгадки всех этих действий кроется в том, что постоянная концентрация мысли на том именно, что должно быть угадано, вызывает целый ряд непроизвольных более сильных движений; так что,— например, при искании предмета,— не угадчик руководит проводником, как может показаться с первого взгляда, а обратно. Если первый направляется не туда, куда следует, то чувствует известное сопротивление. Если он идет правильно, то и руководитель идет свободно, давая только небольшие невольные, и со стороны незаметные толчки в те минуты, когда угадчик готов уклониться от настоящего пути. Напротив того, при ошибочном направлении, ищущий все время испытывает известное сопротивление, ослабевающее только тогда, если он случайно нападет на правильный путь. Тот же процесс происходит, когда угадывается план поездки, и во всех случаях, где нужно избрать определенное направление. Непроизвольные, незаметные дрожательные движения руководителя наводят угадчика на известный след.

Итак, для процесса чтения мыслей нужно только приобрести навык ощущать непроизвольные движения человека. Очень часто подобные эксперименты удаются у лиц вполне неопытных, если проводником избрано лицо, мало способное владеть своими мышечными движениями даже при незначительных душевных

движениях; а такие лица встречаются очень часто. Для доказательства я могу привести типический, почти всем удающийся, опыт. На столе раскладывают ряд карт, а затем просят кого-нибудь, лучше всего субъекта нервного, сосредоточить внимание на одной из них. Взяв его за руку и медленно прикасаясь к каждой карте, экспериментатор на задуманной карте обыкновенно ощущает столь ясное пожатие, что не может быть никакого сомнения в том, что выбрана именно эта карта. Если объяснение всего выше описанного верно, то должно случаться и обратное, т. е. отгадчик делается бессильным, попав случайно на проводника, который действительно умеет владеть своими мышцами. Нередко бывает, что после целого ряда неудачных опытов с одним лицом, ход дела совершенно изменяется, как только будет переменен проводник. Прейер говорит, что он не раз был проводником знаменитейших отгадчиков и ни разу никто не был в состоянии узнать его мысли, так как он умел не выдать себя ни малейшим движением. Следовательно, объяснение верно.

Рис. 121. Кумберлэнд.

Гораздо труднее угадать задуманное число. Мы уже знаем, как представление о какой-нибудь цифре или фигуре вызывает в руке движения письма, но они так неясно выражены, что могут быть восприняты только особо приспособленными аппаратами. Если роль аппарата Прейера, описанного выше, примет на себя угадчик, то он должен напряженно следить за движениями руки, чтоб угадать число или букву, что, конечно, требует большого навыка.

Какую роль в древней магии играло чтение мыслей, трудно сказать. Мне не приходилось встречать упоминания о подобных явлениях, что, конечно, не служит доказательством их отсутствия. В наше время, в несколько скрытом виде, искусство это применяется некоторыми профессиональными спиритическими медиумами. Во многих больших городах имеются такие спиритические медиумы; обыкновенно это легко гипнотизируемые сомнамбулы, которые за известную плату берутся установить сношения между живыми и мертвыми. Медиум и его заказчик садятся к легкому столику и кладут на него руки. Заказчик должен сосредоточить все свои мысли на умершем и стараться вызвать перед собою его образ. Очень скоро стол выбивает имя духа и затем с ним устанавливается полный разговор. Жюль де ля Турет доказал, что в этом случае происходит не что иное, как видоизмененный опыт чтения мыслей, при котором стол служит связующим звеном между двумя лицами. Непроизвольные движения медиума приводят стол в движение, постукивание же управляется сопротивлением, ощущаемым со стороны заказчика. Таким образом, содержание разговора есть только отражение мыслей последнего, сообщения получаются те, которых он ожидает. Эти профессиональные, оплачиваемые фокусы имеют лишь тот интерес, что ими доказывается, какими простыми способами можно еще и в наше время вводить в заблуждение несведущих и доверчивых людей.

Перенос мыслей. Как уже было описано выше на стр. 197 и следующих, на спиритических сеансах медиумы, честность которых несомненна, сообщают иногда вещи им наверное неизвестные, но иногда знакомые лишь кому-либо одному или

немногим из присутствующих. Мы уже говорили, что иногда такой результат зависит от внезапного возникновения забытого представления; мы возвратимся к этому, когда будем говорить о вторжении бессознательного в область сознания; иногда же это просто чтение мыслей, если существует непосредственное соприкосновение медиума с тем из присутствующих, кто знает о данном предмете. Однако известны случаи, где оба объяснения, по-видимому, не годятся и где как будто приходится допустить непосредственное воздействие мыслей одного лица на мысли другого. Общество Soc. for Physical Research (S. P. R.), основанное 25-го февраля 1882 года, одной из первых своих задач поставило исследование вопроса о том, насколько возможно подобное явление прямой «передачи мыслей». В июне того же года, учрежденная для этого комиссия, под председательством физика проф. Баррета, могла уже сообщить результаты целого ряда опытов по этому вопросу. Разосланные вопросные листы привели к открытию семьи священника Крири, где из пяти дочерей четыре старших могли без непосредственного соприкосновения угадывать мысли остальных. Такою же способностью обладала и молодая девушка, служанка этого семейства. С последнею комиссия делала многие опыты, и хотя они не всегда удавались, но все же результаты оказались настолько благоприятными, что отнести их удачу исключительно на счет счастливой случайности оказалось невозможным.

Отчет об этих опытах, опубликованный в Procedings of S. P. R. T. 1, возбудил большой интерес. Всюду: во Франции, Германии и Америке начали делать такого рода опыты. Первоначально в качестве воспринимающих мысли лиц (перципиентов) фигурировали молодые девицы в бодрствующем состоянии, но затем их стали гипнотизировать, так как при этом условии опыты, по-видимому, удавались лучше. В следующее десятилетие число такого рода сообщений весьма увеличилось (большинство их опубликовано в Proceed S. P. R.). Кроме того французский физиолог Рише обнародовал свои исследования по этому предмету в отдельной работе, под заглавием: «Экспериментальные исследования в области передачи мыслей», появившейся в 1891 году вторым изданием.

Нельзя отрицать, что всеми этими сообщениями, по-видимому, доказывается возможность передачи мыслей на небольших расстояниях; в действительности, однако, многие из опытов должны быть признаны не имеющими никакого значения. Так, некоторые опыты по своей краткости не исключают возможности случайного совпадения, в других случаях исследователи — лица совершенно неизвестные и их имя не может служить ручательством в том, что были приняты все предосторожности для обеспечения от обмана со стороны подвергнутых опыту субъектов. Что такой обман вполне возможен в течение довольно долгого времени, выяснилось потом из заявления сестер Крири, которые сознались, что, по крайней мере иногда, пользовались заранее условленною между ними системою знаков. Следовательно, доверять вполне всем сообщениям ни в коем случае нельзя, а многие из них надо вовсе откинуть. Кроме работ Рише, имеется еще ряд достоверных опытов, произведенных под руководством проф. и м-с Сиджвик. Эти исследователи делали опыты исключительно над двузначными цифрами, что давало возможность вычислить вероятность случайных угадываний. Всего приведено у них 1300 случаев, среди которых оказалось 18 % вполне правильного переноса мыслей, т. е. такое число, которое далеко превышает возможность случайных удач,— таким образом факт передачи мысли, по-видимому, был установлен. При этом м-с Сиджвик доказала, что не каждый может быть лицом передающим или воспринимающим,— напротив того, для удачи опытов нужны особые условия для обеих сторон. Вследствие этого стали думать, что между двумя данными лицами возможно взаимодействие на расстоянии,— телепатия,— и на счет этого свойства были отнесены многие загадочные феномены, наблюдавшиеся в спиритических сеансах. Однако предположения о природе телепатических сил до сих пор лишены всякого основания. Конечно, значение самого факта не умаляется от того, что его до сих пор не умеют объяснить. Мы к нему еще вернемся.

Если задать себе вопрос, не происходит ли телепатия через посредство органов чувств, то многое говорит за то, что мысль передается посредством звука. Действительно, опыты всего лучше удаются, когда передающий гипнотизирует воспринимающего, а при этом состоянии, как известно, внешние чувства чрезвычайно обостряются; особенно слух улавливает звуки совершенно недоступные бодрствующим. Поэтому воздействие на расстоянии имеет свои границы. При описанных выше опытах м-с Сиджвик, оба участника находились в одной комнате. Если они были в разных комнатах, то число удачных опытов падало до 9 %.

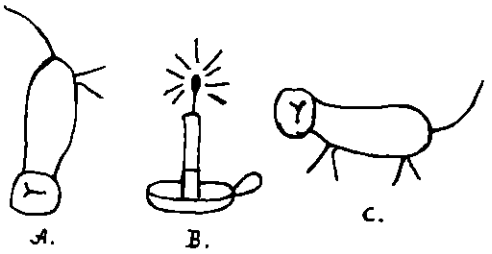


Рис. 122.

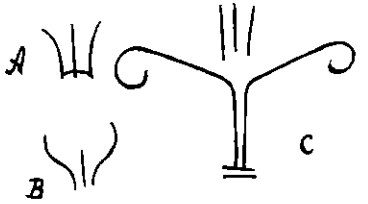


Рис. 123.

Когда же участники находились в разных домах, то ни один опыт не удался. Наконец, необходимым условием успеха является полнейшее сосредоточение передающего на передаваемой мысли, а при этом, как мы видели, почти неизбежны слабые движения органов речи; поэтому вполне допустимо, что крайне обостренный слух воспринимающего улавливает этот непроизвольный шепот и что *телепатия может быть основана исключительно на передаче звука.*

Для выяснения этого, я, совместно с врачом Ф. Ганзеном предпринял ряд опытов. Для избежания затруднительного постоянного гипноза я применял вогнутые зеркала. Если два вогнутых зеркала установить так, что их оси при продолжении совпадают, то каждый звук, исходящий из фокуса одного, собирается в фокусе другого. Если поместить в одном фокусе ухо воспринимающего, а в другом рот передающего, то первый слышит шепот гораздо лучше, чем если б он был даже вблизи второго. Таким образом, слух воспринимающего был искусственно обострен, как при гипнозе. Чтоб иметь возможность сравнить наши опыты с Сиджвиковскими, мы оперировали исключительно с двузначными числами. Мы нашли, что *передающий только с большим трудом мог подавить слабые движения органов речи, если он некоторое время сосредоточивал мысль на задуманном числе. Он мог держать рот плотно закрытым и, по-видимому, не издавать ни малейшего звука, но если только ему сильнейшим напряжением воли не удавалось подавить движения языка и голосовых связок, то воспринимающий, находясь в соответственном фокусе, слышал легкий шепот,* в котором он легко угадывал ту или другую цифру. Всего нами сделано было 1000 опытов, и результат оказался удачным в 33 %. При этих опытах несомненно заслуживают внимания также ошибки, сделанные воспринимающим. Если составить таблицу их, то можно заметить, что чаще всего ошибки делаются в тех случаях, когда в названиях чисел смешиваются согласные *; если мы применяли слова, сходные с английскими, то

* Так вместо датского en (1) я слышал ni (9) или fem (5); таким образом n и m легко смешиваются. Вместо to (2) слышалось tre (3), или otte (8) вместо fire (4) fem, вместо sex (6) suv (7) и т. д.

ошибки получались у нас чрезвычайно сходные с Сиджвиковскими. Это только доказывает, что передача мыслей в английских опытах происходила так же, как и у нас, т. е. что в основании ее лежал невольный шепот, который правильно или неправильно понимался воспринимающим. Сделавши вычисление, приводить которое здесь не место, я получил, что такое объяснение в 4000 раз вероятнее всякого другого. Так как английские опыты ничем существенно не отличаются от других подобных, то можно с большою достоверностью предположить, что *так называемая передача мыслей основана исключительно на непроизвольном шептании.* Впрочем, при многих опытах успех основан только на чистой иллюзии. Так, напр., Рише и многие другие пытались передавать воспринимающему лицу рисунок, который воспринимающий должен был воспроизвести. В работе Рише и в Proceedings of S. P. R. мы находим множество таких попыток, но в большинстве случаев при всем желании трудно найти сходство копии с оригиналом. А как легко иногда можно случайно получить отдаленное сходство, видно, например, из следующего случая. Однажды г. Ганзен пытался передать рисунок, тщательно подавляя в себе непроизвольные движения речи. Я (воспринимающий) действительно ничего не слыхал, но почему-то в моем сознании возникла некоторая фигура (рис. 122, A), которую я нарисовал на бумаге и передал Г. Он в ней нашел заметное сходство с оригинальным рисунком (рис. 122, B). Конечно, некоторое отдаленное сходство найти можно, но, к сожалению, я думал не о свече, а о кошке. Почему я не окончил рисунка, я не помню; но если бы прибавить еще несколько черточек, то получился бы детский рисунок кошки (C). Таким образом сходство получилось иллюзорное; оно есть плод фантазии наблюдателя, а не результат передачи мыслей.

При опытах Рише и других в том же роде, сходство не больше. Достаточно одного примера. В одном из опытов Рише над сомнамбулой она нарисовала фиг. A, B, C (рис. 123) и объяснила так: «чаша с фонтаном, а в средине нечто для цветов». Оригинал представлял рака. Конечно, при взгляде на рисунок никому не придет в голову рак, и только зная оригинал, можно вообразить некоторое сходство. Если б оригинал изображал цветок на столе, или выплывающего из волн кита, пускающего фонтаны, то и с этим можно было бы найти сходство. Рише видит в этих рисунках доказательство переноса мыслей; но на самом деле они подтверждают только хорошо известный нам закон ошибок: мы склонны преувеличивать сходство незнакомого предмета с известным.

Сон и сновидения

сон

Из всех нарушений нормальной деятельности сознания самое частое есть, конечно, сон. Каждый человек проводит приблизительно 1/3 часть суток во сне; поэтому такие периодические перерывы сознательной жизни должны считаться явлением нормальным. Во сне душевная жизнь человека совершенно изменяет свой характер, сравнительно с состоянием бодрствования. В грезах человек чувствует в себе способности и дарования, которыми вовсе не обладает наяву: переносится в далекие незнакомые страны и входит в сношения с отдаленными или уже давно умершими людьми. Эти особенности, по-видимому, уже в древности обратили на себя внимание людей; и в наше время, пожалуй, не существует такого низко стоящего племени, которое не придавало бы большего или меньшего значения снам. И так как только в течение последних десяти лет психологические исследования внесли немного света в эту темную область, то понятно, что в древние времена сны были объектом разнообразных толкований и послужили источником бесчисленнейших суеверий, к разбору которых мы и приступим.

Различные грезы и сновидения, как известно, сопровождают многие, «подобные сну» состояния, но так как нормальный сон самая частая и обыкновенная причина их, то мы сперва приступим к разбору этого явления, а затем перейдем к другим сходным с ним состояниям; при этом разборе, однако, мы не будем останавливаться на различных гипотезах о сне, так как они не имеют значения для объяснения сновидений.

Из опыта обыденной жизни нам известно, что сон есть состояние покоя; физиологические и психологические исследования подтверждают это, доказывая, что во сне все телесные и душевные функции ослабевают. Характерные черты этого состояния следующие: прежде всего полное расслабление глазных, а затем и других произвольных мышц. Если сон захватил человека в сидячем положении, то постепенно тело опускается, голова наклоняется вперед, вследствие расслабления спинных и шейных мышц. Каждому известно неприятное ощущение толчка, получаемого при этом. Сотрясение обыкновенно настолько сильно, что оно пробуждает, но затем весь процесс повторяется опять, пока человек наконец, или не впадет в глубокий сон, или усилием воли не приведет себя в бодрое состояние. Во время бодрствования мозг рассылает во все мускулы постоянные импульсы,— скрытая иннервация,— и этим вызывается некоторый мышечный тонус. При наступлении сна тонус этот ослабевает, все тело опускается и голова падает прежде всего, так как удержание ее в вертикальном состоянии требует значительного напряжения мышц. Однако усиление волевой энергии может вновь поднять иннервацию, заменить собою то, что теряется вследствие расслабления тела.

Уже по этому явлению мы можем судить, что понижение деятельности не ограничивается мускулатурой, но распространяется и на нервную систему. Это в особенности относится к двум важнейшим функциям растительной жизни: дыханию и сердцебиению. Первое становится реже и глубже,— вместо 18-20 раз в минуту при бодрствовании, 14-15 во сне. Сердечная деятельность также падает и притом на одинаковое число ударов во всех возрастах. У детей со 100 до 89, у взрослых с 70 до 60, т. е. вообще около 10. Далее, содержание углекислоты в выдыхаемом воздухе уменьшается, что указывает на падение обмена веществ; но так как последний составляет причину теплоты тела, то параллельно с этим ограничивается теплообразование, и температура тела должна понизиться. Действительно, у здоровых людей она падает ночью на $^1/_2$ градуса и поэтому нужно усиленно покрываться одеялами для избежания охлаждения кожи.

Подобно телесным функциям отдыхают во сне и душевные. Спящий не знает, что вокруг него происходит, пока сильное чувственное раздражение не разбудит его. Самая заметная и, может быть, самая существенная особенность сонного состояния есть изолированность спящего от внешнего мира вследствие понижения способности восприятия впечатлений. Если назвать силу внешнего явления необходимую для восприятия «пределом раздражения», то можно сказать, что во сне «предел раздражения отдаляется», вследствие чего сознание наше во время сна ограждено от многих впечатлений, легко доходящих до него в бодрствующем состоянии. Такое отсутствие внешних раздражений уже само по себе способствует понижению психической деятельности. Когда говорят, что один спит чутко, а другой крепко, то этим обыкновенно хотят характеризовать сравнительную силу внешнего фактора, необходимую для пробуждения субъекта. Такие же колебания крепости сна можно наблюдать не только у разных лиц, но и у одного и того же в различные часы ночи. Под утро человека легче разбудить, чем ночью. Таким образом, *чем крепче сон, тем больше должно быть внешнее раздражение для пробуждения.* Кольшютер и Михельсон воспользовались этим признаком для измерения крепости сна. По практическим соображениям для этих опытов были избраны звуковые раздражители, так как слух есть единственное доступное во время сна чувство и звуковые раздражения легко поддаются точному измерению. Физика нас учит, что сила звука при ударе твердых тел прямо пропорцио-

нальна весу правильного тела — напр., шара и высоте его падения, поэтому стук производился шарами, бросаемыми с известной высоты на твердую подкладку. Сила звука при падении шарика в один grm с высоты одного ctm может быть названа граммо-сантиметром, а поэтому, заметив при какой силе звука испытуемый субъект пробуждается, можно выразить в граммо-сантиметрах крепость его сна в данную минуту.

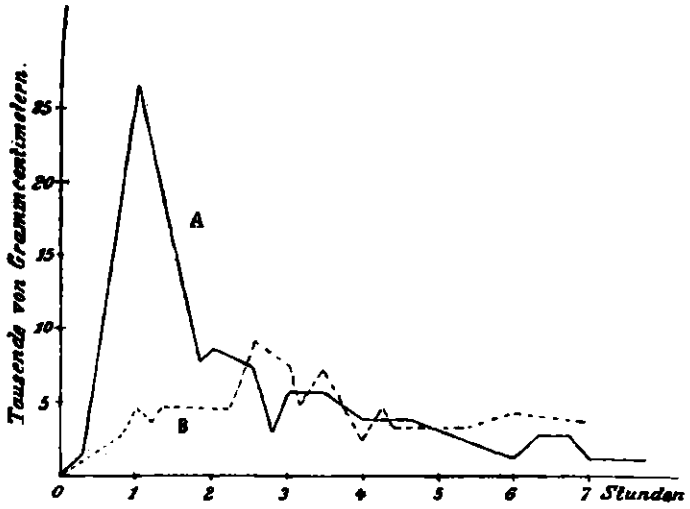


Рис. 124.

На рис. 124 изображены результаты некоторых наблюдений, произведенных немецким врачом Михельсоном при соблюдении всех необходимых предосторожностей.

Кривые А и В относятся к двум лицам. На горизонтальной линии означены часы сна, на вертикальной его глубине в 1000 грмсент. Кривая А, относящаяся к здоровому человеку, показывает, что сон очень легок в первую $^1/_2$ часа, затем быстро усиливается, достигая наибольшей крепости в конце первого часа; после того убывает, сначала также быстро, а потом очень постепенно с приближением к часу пробуждения. Такова была кривая сна у многих нормальных людей, которых исследовал Михельсон. Кривая В относится к нервному, переутомленному человеку, и показывает, что здесь в первые часы сон далеко не так крепок, как у здоровых, и достигает наибольшей силы только к концу 2-го часа; напротив, утром он крепче, нежели сон нормального человека.

Эти интересные исследования наглядно доказывают нам, насколько во время сна наше сознание делается, смотря по обстоятельствам, более или менее доступным для внешних раздражений. Для того, чтобы разбудить спящего, нужен шум в 25 т. грмсент., тогда как в бодрствующем состоянии тот же человек наверное услышал бы шум в $^1/_{100}$ грмсент. Следовательно, не может быть сомнения, что во время сна восприятие, а вместе с тем (по причинам, о которых будет сказано ниже), вероятно, и вся сознательная жизнь значительно понижены. Психическая деятельность, также как и физическая, затихает. Часто говорят, что утомление есть единственная причина сна: когда энергия организма истощилась, то наступает сон, во время которого вновь накопляется энергия. Но на самом деле, как показывают многие наблюдения, это не так. Известно, например, что интересное занятие может отогнать сон, несмотря на усталость. С другой стороны, нередко люди, не привыкшие оставаться наедине со своими мыслями, легко засыпают, даже не будучи усталыми, при отсутствии внешних раздражений. Известно также, что большинство людей нелегко засыпают после утомительной и возбуж-

дающей работы. Если эта работа была умственная, то деятельность мышления не сразу успокаивается; после же трудной физической работы долго не удается уснуть вследствие тягостного ощущения в членах, как бы от неудобного положения. Но всего больше мешают сну различные душевные волнения. Кто в детстве не проводил много бессонных часов в ожидании какого-нибудь праздника, а затем, наконец заснувши, ежеминутно не просыпался с вопросом, не пора ли вставать? Есть ли такой счастливец, который бы не испытал в своей жизни, как горе и заботы прогоняют сон? Все это доказывает, что сон находится в тесной зависимости от психического состояния человека; пока душевная деятельность идет правильно и оживленно, сон не наступает. Но так как правильный ход умственных процессов зависит главным образом от сосредоточения внимания, то *настоящая причина наступления сна лежит в утомлении и ослаблении внимания.* Всем известен факт, что всего легче можно заснуть, если не останавливать внимания на чем-либо определенном, а позволить мысли легко переходить с одного предмета на другой; такое порхание мысли многими справедливо называется «сном наяву», и на самом деле легко переходит в нормальный сон.

Не имея возможности более подробно останавливаться на разборе этого положения, мы тем не менее впоследствии убедимся, что своеобразная душевная деятельность, проявляющаяся во сне, всего легче может быть понята, если за причину его принять очень слабое функционирование внимания. Этим же ослаблением внимания легко объясняется и вышесказанное отдаление предела раздражения. Мы знаем, что даже во время бодрствования внешние раздражения тем труднее достигают сознания, чем слабее работает внимание. Так как во сне внимание ослабляется, а в глубоком сне и вовсе исчезает, то раздражения редко могут вызывать впечатления, т. е. предел раздражения повышается. Отдаление предела раздражения, вероятно, происходит не одновременно и не в равной степени для всех органов чувств. Известно, что внешнее раздражение невольно привлекает к себе внимание; чем более орган чувства доступен внешним влияниям, тем большее число впечатлений он получит и передаст сознанию и тем долее внимание будет держаться в области данного чувства. Опыт учит нас, что при засыпании внимание прежде всего перестает возбуждаться теми органами чувств, которые могут механически оградить себя от внешних впечатлений: вкусом, зрением и обонянием. Затем, вероятно, следует осязание и чувство температуры; последними остаются мышечное чувство и слух. Этот последний способ сношения с внешним миром никогда не уничтожается вполне; многие лица знают по опыту, что можно находиться в полусне и достаточно отдохнуть, продолжая вместе с тем слышать все окружающее. Такой своеобразный, частичный сон имеет, по-видимому, свойство сохранять восприятие только известного рода звуков. Во всяком случае, сомнительно, можно ли подобное состояние назвать нормальным сном, о котором мы теперь говорим.

УСЛОВИЯ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ПОЯВЛЕНИЯ СНОВИДЕНИЙ

Жизнь сознания во время сна продолжается в своеобразной форме грез или сновидений. Некоторые психологи утверждают, что сон всегда непрерывно сопровождается грезами, но только воспоминание о них исчезает при пробуждении. Однако это теоретическое предположение не имеет достаточных оснований; напротив, опытом почти достоверно доказано, что сон легко может быть без грез и что даже *глубокий сон, вероятно, всегда бывает без грез.* Конечно, математически точно доказать это невозможно, потому что никогда нельзя решить, имеет ли человек сновидения в данную минуту или нет, так как внешним образом они могут ничем не проявляться. Здесь мы вкратце изложим доказательства за и против существования сна без сновидений, так как при этом получим, мо-

жет быть, также данные для решения интересующего нас вопроса о происхождении снов.

По каким признакам возможно судить о присутствии какой-либо душевной деятельности? Если мы видим, что какое-нибудь существо при известных обстоятельствах действует так, как поступали бы мы сами, то мы вправе предположить, что оно руководствуется теми же представлениями и ощущениями, как и мы.

Поэтому мы признаем, что по крайней мере все высшие животные одушевлены и имеют сознание более или менее сходное с нашим. Но, если от известных проявлений деятельности, мы заключаем о том, что в основании их лежат известные состояния сознания, то обратного заключения мы не имеем права сделать, т. е. не видя поступков, мы еще не можем отрицать присутствия сознания. Собака, отравленная американским стрельным ядом — кураре, вероятно, претерпевает ужаснейшие мучения, но не обнаруживает их ни воем, ни каким-нибудь движением. Яд парализовал ее произвольные мышцы,и собака не бежит и не воет только потому, что не владеет органами движения. Таким образом, сильные ощущения могут не сопровождаться видимыми действиями.

Относительно человека мы могли бы найти другое средство для решения вопроса, было ли у него в данную минуту сознание, именно, обратиться к его памяти, но, к сожалению, и этот прием сомнителен. Мы знаем случаи двойного сознания, когда субъект по временам и на периоды различной продолжительности делается совершенно иным лицом; с другими наклонностями, характерами и дарованиями. В это время, которое может продолжаться целые месяцы, поступки его так же разумны, как и у всех других людей, но по миновании «приступа» и возвращении первого «я» всякое воспоминание о втором состоянии пропадает. Забыто все: заключенные договоры, начатые занятия, всякие дела и т. д. Следовательно, отсутствие воспоминания о данном времени не доказывает одновременного отсутствия сознания в это время.

По отношению к нашему вопросу — существуют ли сновидения во время крепкого сна, само состояние крепко спящего человека, т. е. полная его неподвижность и отсутствие каких-либо признаков сознательной жизни как будто служат доказательством вероятного отсутствия снов в это время. Конечно, даже очень живая психическая деятельность может остаться без внешних проявлений, но все же вероятнее, что крепкий сон не сопровождается сновидениями; ведь на самом деле, способность реагировать на сильные раздражения движениями остается у спящего, а между тем при внезапном пробуждении от глубокого сна человек не сохраняет ни малейшего воспоминания о прошедших грезах. Немецкий физиолог Вейганд, вообще видящий очень много снов и легко их запоминающий, позволил сделать над собою ряд опытов в этом направлении. Оказалось, что при внезапном пробуждении от крепкого сна он решительно не мог припомнить никакого сновидения. Несколько лет тому назад один молодой психолог Герваген разослал вопросные листы касательно этого предмета и получил около 400 ответов от лиц, принадлежащих главным образом к немецкому учебному персоналу, что позволяет относиться с известным доверием к этим показаниям. Из этого материала Герваген сделал несколько выводов, из которых для нас интересны следующие:

Чем слабее сон, тем больше сновидений.

Сон женщин в среднем отличается большей чуткостью, а потому женщины видят больше сновидений.

Ясность сновидений также больше у женщин и вообще у лиц, которые видят их больше.

Чем чаще человека посещают сновидения, тем лучше он их запоминает.

Итак, чем слабее сон, тем сновидения чаще и живее. Если это верно, то оно должно быть верно и для одного человека, т. е. можно предположить, что сновидения по преимуществу возникают во время легкого сна, т. е. вечером при засыпании и под утро, перед пробуждением, а глубокий сон не сопровождается видениями.

Затем возникает другой вопрос, могут ли быть без сновидений также и периоды легкого сна, бывающие, как показывает рис. 124, у всякого человека? Многие люди утверждают, что они никогда не видят снов. Но это сомнительно, так как мы видели, что отсутствие воспоминаний не доказывает фактического отсутствия сновидений. Почти все психологи, близко занимавшиеся этим вопросом, согласны, что при воспоминании сновидений играет большую роль упражнение и интерес к делу.

Я это испытал на себе. Однажды, во время каникул, когда я занялся этим вопросом, то сначала мне казалось, как будто я совсем ничего не вижу во сне. Тогда я поставил себе за правило каждое утро при пробуждении немедленно обратить внимание на сновидения предшествующей ночи. И оказалось, что они, по-видимому, бывают ежедневно. Иногда я помнил самый сон, иногда же только сохранял воспоминание о том, что я что-то видел во сне. Все, что я помнил, я немедленно записывал, и этим путем мне удалось даже установить известную связь между сновидениями и бодрствующим состоянием сознания. Эту удачу я приписываю, главным образом, тому, что во время каникул мне больше нечего было делать и не о чем думать. Когда после каникул я принялся за свои занятия и пришлось думать о многом другом, то воспоминания о сновидениях исчезли, потому что немедленно после пробуждения мои мысли обращались на другие предметы. Однако и теперь часто бывает, что какое-нибудь одно слово или обстоятельство в течение дня вызывает во мне воспоминание о сновидении, которого утром я вовсе не помнил. Вообще я пришел к следующим выводам, согласным с наблюдением других лиц, занимавшихся этим вопросом, и которые я считаю вероятными:

Сновидения бывают всегда во время легкого сна, непосредственно предшествующего пробуждению, но мы не всегда их помним, если немедленно по пробуждении не направим на это своего внимания, а будем развлечены посторонними мыслями. Такое заключение делает понятным еще один факт, установленный Гервагеном, заметившим, что сон с возрастом теряет крепость, а между тем сновидения становятся реже. Это кажущееся противоречие с предыдущим объясняется тем, что у людей зрелого возраста сновидения легче забываются, так как немедленно после пробуждения внимание обращается на предстоящую работу и заботы дня. Вообще же количество сновидений у молодых и у взрослых, вероятно, одинаково.

Против опытов Вейганда, которыми он хотел доказать отсутствие сновидений при крепком сне (внезапное пробуждение, отсутствие воспоминаний), можно бы возразить, что в данном случае мы имеем просто пример забывчивости. Когда человек пробуждается от глубокого сна, то внимание его невольно обращается на разбудившее его явление; вместе с этим исчезает и возможность вспомнить сновидение. Однако дело обстоит несколько иначе, когда опыты были несколько раз произведены психологом; в первый раз он мог быть смущен, но, вероятно, у него скоро установилась привычка немедленно после пробуждения сосредоточивать свое внимание на сновидениях. В конце концов, можно считать, что Вейганд своими опытами доказал, что даже люди, много и часто посещаемые грезами, во время глубокого сна их не имеют.

ОБЩИЕ ХАРАКТЕРНЫЕ СВОЙСТВА СНОВИДЕНИЙ

Прежде чем перейти к изложению причин сновидений, постараемся уяснить себе их общий характер. Может быть, покажется довольно бесцельным предприятием искать общие черты такого заведомо запутанного и, по-видимому, не подчиненного никаким законам явления. Еще полвека тому назад психологи называли сновидение «полярной противоположностью» бодрствующего сознания, желая этим сказать, что они совершенно независимы от законов, обязательных для бодрствующего состояния. Однако это неверно. Своими крупными успехами в последнее время психология обязана в особенности признанию того, что одни и те же законы управляют сознанием в нормальном деятельном состоянии и во всех, по-видимому даже значительно отступающих, случаях. Только таким путем подведения ненормальных состояний под точку зрения общих законов удалось выяснить их сущность и в свою очередь получить новые важные указания на про-

цессы нормальной сознательной жизни. Поэтому и сновидения могут быть выяснены лишь тогда, если считать их подчиненными общим психологическим законам. Что это так и есть, доказывается прежде всего уже тем, что нет резкой границы между сном и бодрствованием. Если закрыть глаза и позволить мыслям бесцельно бродить во все стороны и переходить с предмета на предмет, то мы получим состояние по своей бессвязности и неустойчивости весьма сходное со сновидением. Такой ход мышления отличается от обычного тем, что внимание не сосредоточивается на представлениях, имеющих определенную цель. Быстрая смена последних еще более способствует ослаблению внимания, уменьшая одновременно впечатлительность к внешним явлениям, т. е. «отдаляя предел раздражения». Если такое состояние не будет прервано усилием воли, то оно очень легко переходит в настоящий сон. Таким образом, превращение правильного и плавного течения мышления в необузданный поток грез совершается постепенно, чем и доказывается, что сон отличается от бодрствования не сущностью своей, а только низшею степенью функционирования внимания. Приняв в расчет этот факт, можно из него вывести все характерные черты сновидений.

При нормальном ходе мышления во время бодрствования, мы наблюдаем два взаимопереплетающихся психических процесса: течение представлений по законам ассоциации и работу внимания. Каждое представление вызывает ряд других, с которыми оно раньше было связано. Внимание из всего этого ряда разнородных представлений останавливается на тех только, которые более всего подходят к определенной цели, а остальные исчезают из поля сознания. Выделенные таким образом представления путем ассоциации вызывают ряд других (вторичных), из которых опять внимание выбирает те, которые, по-видимому, более соответствуют данной цели и т. д. до конца процесса. Таким образом, материал для мышления доставляется ассоциациями представлений, а выбор и фиксация их производится работою внимания. Если же деятельность внимания ослабеет, или совсем прекратится и перестанет управлять последовательностью представлений, как это бывает во сне, то появление и исчезновение представлений будет происходить исключительно по законам ассоциации.

Для лучшего объяснения сказанного, я расскажу один из наиболее характерных моих снов. Мне снилось, что я сижу в вагоне с одним моим родственником, который мне рассказывает о велосипедной гонке, где он присутствовал, причем один из гонщиков был ранен. Тотчас мне представился велосипедист, входящий со своею машиною в омнибус; при этом он ее уронил и ранил себе ногу. Все присутствующие думали, что нога сломана, но упавший легко вскочил и пошел своей дорогой. Потом вдруг мы очутились за обедом с д-ром К., который страшно на меня сердился за то, что я взял несколько луковиц, которые он очень любил, а я терпеть не мог, и только в рассеянности положил себе на тарелку. Здесь я проснулся. Конечно, такой сон со стороны может показаться сплошной чепухой, но для меня он весь построен на ассоциациях представлений. Историю с раненым велосипедистом я накануне сквозь сон слышал в вагоне, и при этом мне вспомнился случай, виденный мною несколько недель назад, когда велосипедист хотел влезть в экипаж и при этом уронил свою машину, так что колесо упало ему на ногу, впрочем без всякого вреда и для него и для велосипеда. Картина быстро излеченной ноги вызвала представление о враче К., прославившемся своими излечениями ног и действительно большого любителя лука. Таким образом, одно представление вызвало другие, находившиеся с ним в какой-нибудь связи; из этого видно, что путаница, видимая во сне, является естественным следствием того, что большая часть представлений в течение времени образует самые разнообразные ассоциации.

Итак, мы видим, что капризный ход сновидений состоит из ряда представлений, управляемых исключительно законом ассоциации и не контролируемых деятельностью внимания. Но тут привходит еще другое обстоятельство, именно то, что вследствие ослабления внимания, вся сумма внутренних ощущений организма, из которых слагается наше «я», также перестает доходить до сознания; поэтому и самосознание в глубоком сне тоже исчезает. Спящий совершенно не ощущает своего положения, а видит самого себя в разных условиях, действующим точно посторонее лицо. При более легком сне, однако, эти внутренние процессы не остаются вполне бесследными и могут даже видоизменять картины снов.

Мне, напр., однажды снилось, что я стою на берегу очень крутой пропасти, и не могу удалиться от края, потому что толпа людей постоянно преграждает мне дорогу. После многих неудавшихся

попыток спуститься, я проснулся и увидел, что лежу в самом неестественном положении, ногами вверх. Вероятно, такое неловкое состояние вызвало представление о неустойчивом равновесии и было причиною описанного сна.

Перед пробуждением нередко бывает, что положение, занятое телом, ощущается в сознании, а между тем воображаемое «я» ощущает себя в совершенно другом положении. Таким образом, это последнее обстоятельство, естественно, служило источником многочисленных суеверных представлений.

Что касается продолжительности сновидений, то все исследователи согласны, что даже при самых, по-видимому, длинных и содержательных снах она редко превышает несколько минут, многие сновидения бывают даже гораздо короче.

Я имел случай убедиться, что время в пять секунд было достаточно для длинного сна; нередко даже бывает, что весь сон вызывается тем самым раздражением, которое ведет к пробуждению. Я знаю много рассказов в этом роде, приведу следующий: один землевладелец заснул во время вечернего чтения в постели. Во сне он увидел, что в дверь крадется бандит, направляет на него ружье и стреляет. Одновременно с этим взрывается лампа, стоявшая около его кровати и горящий керосин разливается по полу. Очевидно, выстрел был не что иное, как звук взрыва лампы; в эту ничтожную долю секунды он успел, увидавши целый сон, проснуться и заметить происшествие с лампой. Радешток передает сон, рассказанный ему одним французом, по имени Мошар: «я лежал больной в постели, мать моя сидела около меня. Мне казалось, что мы живем во время великой революции; я видел кровавые сцены и был приведен в заседание революционного трибунала. Я увидел Робеспьера, Марата, Фукье-Тенвиля и других известных деятелей революции; я спорил с ними и, наконец, после ряда приключений, которых я уже не могу ясно припомнить, услышал свой смертный приговор. Затем я видел толпу с высоты роковой тележки, взошел на эшафот и палач привязал меня: топор упал и я почувствовал как голова моя отделилась от шеи. В этот момент я проснулся в страшном ужасе и увидал, что одна из перекладин полога упала и ударила меня как раз по шее. Мать уверяла, что я проснулся сейчас же после падения перекладины». Здесь очевидно удар вызвал весь сон, который должен был поместиться в коротком периоде нескольких секунд между падением и пробуждением.

Таким образом, мы считаем себя в праве сказать, что внешнее раздражение может вызвать одновременно и сновидение и пробуждение. Но каким образом это возможно? Здесь очевидно являются два вопроса: во-первых, как может одно и то же раздражение и вызвать сновидение и прекратить его, служа для него и исходной точкой и окончанием, во-вторых, как длинный ряд представлений может поместиться в короткое время между наступлением раздражения и пробуждением? Для разрешения этих вопросов нам придется познакомиться еще с несколькими интересными фактами.

Прежде всего известно, что ощущение, для того чтобы достигнуть сознания, должно употребить некоторое время. Идя, напр., задумавшись по улице, я могу пройти мимо человека очень хорошо мне знакомого, которого я ясно увижу, но только через несколько шагов сообразу, что это знакомый мне человек. Так как внимание было обращено на другие предметы, то я получаю лишь общее представление о человеке и только, направив внимание на это представление, узнаю самое лицо. Вероятно, то же самое происходит и во сне, когда внимание не обращено на другие предметы, но вовсе не функционирует. Внешнее раздражение вызывает сперва только неясные ощущения, которые по законам ассоциации влекут за собою целый ряд представлений, сознаваемых нами как сновидения. Если раздражение было достаточно сильно, то оно в конце концов возбуждает деятельность сознания и причиняет пробуждение в тот момент, когда внимание окончательно остановилось на чем-нибудь. Так, во сне Мошара первое неясное ощущение удара вызывает смутное представление о казни, и путем ассоциации все сцены революции. В момент, когда первоначальное ощущение, дойдя с достаточной силой до сознания и сделавшись яснее, привлекло на себя внимание, получается заключительная картина сновидения: падение топора, и человек просыпается. Таким образом, подобные явления, где одно и то же внешнее раздражение оказывается одновременно и началом и концом сна, объясняются тем, что между неясным первым ощущением и моментом концентрирования внимания, что вызывает пробуждение, проходит некоторый период времени, в который и укладывается все сновидение. Продолжительность этого времени, конечно, различна,

смотря по глубине сна и силе раздражения, но, во всяком случае, она не более нескольких секунд.

Как же, однако, длинное сновидение укладывается в такое короткое время? Дело в том, что у всех нормальных людей, о которых только здесь пока и идет речь, сновидения состоят почти исключительно из зрительных образов. Все, что происходит во сне, тянется как бы в виде ряда картин перед нашими глазами, хотя, впрочем, нередко бывают и звуковые представления в форме разговора и т. д. Картины, воспроизводящие ряд сцен, сгруппированных вокруг одного какого-нибудь главного события, согласно законам ассоциации представлений, бесконечной цепью тянутся перед глазами, так как внимание отсутствует и не может остановиться на какой-нибудь одной. Психофизические измерения доказали, что для вызова тесно ассоциированных представлений нужна всего 1/3 доля секунды, следовательно, в течение немногих секунд перед сознанием могут пройти около дюжины образов, что совершенно достаточно для длинного сновидения. Описанный сон состоит из нескольких сцен суда, уличного шума, эшафота и т. д., наконец заключительной картины, и для обозрения всего этого вполне достаточно нескольких секунд. Таким образом,это сновидение и другие ему подобные не заключают в себе ничего необъяснимого с точки зрения современной психологии.

Кроме представлений зрительных и слуховых, во сне бывают также представления двигательные. Сонный человек говорит во сне, иногда даже вскакивает и бродит. Первое весьма обыкновенно, последнее у нормальных людей бывает редко. Сами по себе процессы, происходящие в психомоторных центрах, заведующих движением, нисколько не удивительнее тех, что происходят при обыкновенных сновидениях, но внешние их проявления в форме разговора и хождения во сне имеют уже особенности, чуждые обыкновенным сновидениям. Ввиду огромного значения этих явлений в деле происхождения суеверий, нам придется посвятить им особую главу.

Еще одно обстоятельство заслуживает внимания. Хотя после пробуждения мы ясно сознаем бессмысленность и неправдоподобие сновидений, но в то время, как мы их видим, они кажутся нам естественными и понятными, и мы их считаем такой же действительностью, как и наши самые ясные восприятия в бодрствующем состоянии. Следовательно, сновидения суть галлюцинации. Для объяснения этого явления ссылались на особое состояние мозга во время сна, указывались и другие обстоятельства, напр., что долгий пост вызывает особенно живые сновидения. Но дело может быть объяснено проще и вернее. Когда я сижу в комнате и заставляю проходить перед собой картины прошлых путешествий по далеким странам, то я хорошо знаю, что эти образы суть только воспоминания, а не действительность, потому что я во всякое время невольно сопоставляю их с окружающим и сознаю их противоречие с текущими впечатлениями. Знакомые мне стены комнаты, звуки и шумы, происходящие в соседних помещениях и на улице,постоянно напоминают мне, где я на самом деле. Кроме того, я свободно распоряжаюсь картинами своей фантазии: ярко освещенные поля по произволу заменяю мрачными ледяными вершинами, и такая власть над картинами и событиями дает мне отчетливое чувство, что это не действительность, а только воспоминания. Если же допустить, что я огражден от всех внешних впечатлений и потерял возможность посредством работы внимания направлять по желанию возникающие картины, то могу ли я отличить их от реально существующего? Очевидно, нет. Я не знаю более, что делается вне меня и потому, оставшись наедине с образами воспоминаний, я не имею над ними более власти и не могу контролировать их путем сопоставления с текущими впечатлениями. Поэтому они воспринимаются как действительные факты. В таком именно положении мы находимся во сне, когда мы отделены от внешнего мира и не владеем более вниманием. Вполне естественно, что сновидения, возникающие и исчезающие по своим собственным законам и не контролируемые внешними впечатлениями, кажутся спящему подлинной действительностью. Правильность такого объяснения, т. е. что снови-

дения сходны с галлюцинациями, подтверждается следующими соображениями: когда у человека являются галлюцинации, т. е. образы фантазии принимаются им за нечто реальное, то, значит, эти образы отличаются особенной силой и яркостью. Из этого заключали, что и образы сновидений должны обладать особенной интенсивностью и именно поэтому-то и признаются за действительность. Однако это не верно. Известно, что сила действительных впечатлений, вплетающихся в сновидения, чрезвычайно преувеличивается.

Однажды мне казалось, что я лежу на операционном столе, и в руку мою была воткнута длинная игла, которая при обратном вынимании сильно поранила мне руку. Я почувствовал такую сильнейшую боль, что проснулся и почти дошел до обморока. Оказалось, что указанное место руки подверглось самому незначительному давлению со стороны ручки дивана, на котором я заснул.

Такое, весьма обычное, преувеличение доказывает, что реальные ощущения, влияющие на сознание спящего, гораздо сильнее, чем впечатления образов самих сновидений: весьма часто они получают решающее значение для содержания последних, и во всяком случае ощущаются много сильнее, чем наяву. В исключительных случаях, сновидения, даже через некоторое время после пробуждения, сохраняют впечатление правдивости. Я неоднократно просыпался с убеждением, что мною только что сделано важное открытие. Так напр., я изобрел прекрасный способ летания; стоило только сделать несколько определенных движений ногами и руками, как я перед тем поступал во сне. Но постепенно впечатление исчезало и для меня становилось ясно, что знаменитое открытие было только очень живым сновидением.

ПРИЧИНЫ СНОВИДЕНИЙ

Мы раньше видели, что между сном и бодрствованием нет резкой границы и одно состояние постепенно и незаметно переходит в другое. Из этого вытекает естественное заключение, оправдываемое на самом деле опытом, что цепь представлений, начавшаяся при засыпании, тянется и во сне. Так как это продолжение совершается по закону ассоциации, причем одно представление вызывает другое, то такого рода сновидения можно назвать «сновидениями по ассоциации». Если верно, что с наступлением глубокого сна сновидения прекращаются, то нить ассоциаций должна прерваться, и сновидения, появляющиеся под утро, должны иметь уже другой характер и другую исходную точку. Тщательные исследования Вейганда и других над множеством сновидений доказали, что эти сновидения имеют исходной точкой раздражения нервов. Такие сновидения он назвал «снами раздражения». Хотя сознание наше во сне вообще весьма туго воспринимает внешние впечатления, однако все же легче всего доходят до него, вероятно, раздражения от давления и температуры, а ближе к утру слуховые и зрительные впечатления. Но наиболее обширное влияние на мозг имеет внутреннее состояние самого организма: свободное или затрудненное дыхание, кровообращение, химические изменения крови и тканей, состояние мышц, положение тела, голод и жажда, переполнение мочевого пузыря, всякие болезненные ощущения и т. д. Все это отражается на деятельности мозга и служит исходной точкой сновидений, хотя, конечно, течение их может видоизменяться под влиянием других раздражений, что, может быть, и составляет причину хаотического характера сновидений.

Конечно, найти исходный пункт сновидений в каждом данном случае невозможно. Так как мы часто сохраняем в памяти только заключительные формы его, то очень трудно подняться до его источника и определить первое раздражение, послужившее ему исходной точкой. Но даже и в тех случаях, когда мы помним все сновидение, иногда невозможно определить его первоначальную причину, которой могла быть скоропреходящая боль, или случайное положение тела, так как произведенное ими нервное раздражение часто уже исчезло при пробужде-

нии. В подобных случаях кажется, что сновидение возникло как будто без всякой особой причины.

Если допустить, что одинаковое нервное раздражение всегда вызывает одно и то же ощущение, то позволительно думать, что повторное раздражение какого-нибудь центростремительного нерва будет всегда вызывать одно и то же сновидение. Опыт действительно подтверждает, что у иных людей время от времени, некоторые сны, конечно за исключением мелких подробностей, повторяются. Даже более того, однородное нервное раздражение должно у разных людей вызывать аналогичные сновидения. Конечно, мы не можем ожидать, чтобы они были вполне тождественны, так как содержимое сознания у разных людей слишком не однородно,— факт, на который нам придется впоследствии обратить особое внимание; но если действительно доходящее до мозга нервное раздражение может влиять на ход сновидения, то мы должны у большинства людей встречаться со сходными снами, так как они возникают из сходных ощущений. Этот факт также подтверждается опытом. Всякому, напр., известны существующие в сновидениях ощущения летания, падения с высоты, затрудненного дыхания и т. д. При последующем изложении мы узнаем, что такие сновидения зависят от известных состояний внутреннего чувства и вызываются определенным нервным раздражением, по силе и продолжительности оказывающим особое влияние на весь ход психической жизни во время сна.

Рис. 125. Один из халдейских демонов, производящих кошмар.

Ощущения полета несомненно обусловлены очень свободным и легким дыханием. Вейганд приводит много примеров сновидений, где у него было такое ощущение, а проснувшись, он замечал, что дыхание его необыкновенно легкое. Однажды во время дневного сна на диване мне долго представлялось, что я с большим наслаждением поднимался и опускался в воздухе. Проснувшись, я заметил, что лежал на спине, с руками, вытянутыми по бокам, головой, откинутой назад, и приподнятой грудью (положение зависело от устройства дивана). Дыхание при этом было гораздо свободнее и приятное ощущение сильнее обычного. Психологическая противоположность летанию — давление, кошмар. Кажется, трудно найти более общеизвестную форму сновидения. Уже халдеи признавали особых демонов, занятых специально вызыванием этого явления. До нашего времени сохранилось поверие об особом существе, которому приписывают кошмар (домовой душит). Только в половине XIX столетия Борнер, который сам страдал от этого, после многих неудачных опытов напал на истинную причину этого явления,заметив, что оно неизбежно повторяется при всяком стеснении дыхания.

Для того, чтобы убедиться в верности этого объяснения, он подыскивал людей, подверженных кошмарам, и делал над ними опыты. Среди сна он клал им на лицо толстое шерстяное одеяло. Тотчас испытуемый начинал делать глубокие и редкие вздохи, лицо краснело, дыхательные мышцы начинали работать сильнее, испытуемый стонал, но не шевелился, пока, наконец, сильным движением не сбрасывал с лица одеяла и снова успокаивался. После пробуждения всегда рассказывалось о сильном кошмаре: к спящему на грудь вскакивало противное животное и душило его. Один из подвергнутых опыту рассказывал, что зверь обыкновенно медленно влезает к нему на грудь, а теперь он явился одним резким скачком. Эта подробность очень хорошо подтверждает объяснение Борнера, так как внезапный скачок, конечно, соответствует сразу наброшенному одеялу.

Обыкновенно же стеснение дыхания наступает постепенно и соответственно этому спящему кажется, что враждебные чудовища подползают медленно. Появление «домового» в классической форме теперь, конечно, встречается редко в образованных классах, потому что вера в их существование уже отсутствует, а привидения являются только тем, кто в них верит; но кошмар при стесненном дыхании принимает другие формы.

Я сам в детстве страдал довольно часто кошмарами, но мои сны имели при этом определенное содержание: мне снилось, что я должен пролезть в отдушину погреба, в котором часто играл наяву; я забивался все глубже и глубже в отверстие, стены давили все сильнее, я не мог двигаться ни вперед, ни назад, начинал задыхаться, пока сильным движением не вылезал из отверстия. Этот пример показывает, как одно и то же раздражение вызывает у разных людей сновидения, хотя различные, но в основе которых находится одно общее представление.

Ощущение падения с высоты достоверно зависит от расслабления мускулатуры ног.

Я имел случай наблюдать такого рода явление при особо благоприятных обстоятельствах. Однажды утром, уже в полусне, я лежал на спине с согнутыми коленями. Внезапно ноги мои соскользнули, вероятно потому, что сон сделался глубже и мышцы ног ослабели. При этом я ощутил ясное впечатление падения с высоты, но так как я уже почти проснулся и мог определить причину этого ощущения, то оно и не сопровождалось соответствующим сновидением.

Весьма часто ощущение падения есть развязка неприятного сна, где спящий подвергается преследованию. Для избежания опасности делается прыжок из окошка, или с высокой горы, и спящий пробуждается в ужасе. Такие сновидения обыкновенно связаны с неловким положением ног, причем кровообращение в одной из них нарушено вследствие давления на большой сосуд. Чтобы восстановить равновесие, сердце вынуждено усилить работу и с этим связано чувство страха, делающееся исходной точкой целого сновидения. Когда положение становится невыносимым, спящий делает резкое движение, нога скользит и получается ощущение падения, которым и заключается сон. Справедливость такого объяснения я проверял на себе, вызывая по произволу подобные сны тем, что засыпал, положив одну ногу на другую в известном, неудобном положении. Когда я просыпался при воображаемом падении, то пульс всякий раз бился гораздо сильнее нормального.

Ощущение оголенности появляется при падении одеял и действительном обнажении какой-нибудь части тела. Заслуживает внимания, что и здесь различные варианты сновидения обусловлены различным содержанием мыслей разных лиц: молодая дама видит себя в этом положении в бальном зале, профессор или проповедник на кафедре и т. д. Напор мочи очень часто служит определяющим мотивом для сновидений, которые все вертятся вокруг невозможности удовлетворить эту потребность. Кажется, эротические сны тоже часто зависят от переполнения пузыря.

Различные болезненные ощущения тоже часто влияют на содержание и характер сновидений. Конечно, в этом случае разнообразие следствий вполне соответствует разнородности причиняющих их болезненных явлений. Только в том случае, когда однородные заболевания часто повторяются, можно ожидать, что они будут отражаться и одинаковыми сновидениями. Так Вейганд сообщает, что его обычное страдание — астма — всегда сопровождалось представлением о том, что он со стоном взбирался на высокую гору; так что наступающая болезненная одышка выражается в грезах в виде тяжелого восхождения на гору. Подобные

постоянные сновидения случаются и при других болезнях и иногда являются предвестниками заболевания. Эта последняя особенность может быть принята за предсказание, и во всяком случае, она играла значительную роль в суевериях, так что на этом обстоятельстве мы в свое время остановимся подробнее.

СОДЕРЖАНИЕ СНОВ

Итак, мы видели, что за исключением сновидений, следующих непосредственно за засыпанием, большая часть их вызывается, вероятно, каким-либо нервным раздражением. Что касается, однако, *конкретного содержания их*, то оно будет весьма различно у разных людей и даже у одного лица в разное время, несмотря на тождественность причины. По содержанию своему сновидения будут субъективно различаться и видоизменяться в зависимости от содержания сознательной жизни данного лица и от имеющихся у него ассоциаций представлений, так как они большей частью состоят исключительно из рядов ассоциированных представлений. Не нужно только думать, что во время сна легче всего появляются в поле сознания те мысли, с которыми нам всего более приходится иметь дело. Многие предполагают, что они видят во сне преимущественно то, чем они заняты наяву. С другой стороны, уже в древности знали, что в сновидениях часто всплывают «темные» образы и занимают в них видное место. Эти «темные» представления суть или образы прошедших событий, уже давно изгладившихся из памяти, или быстро пролетевшие в недавнее время мысли, едва обратившие на себя внимание и исчезнувшие без видимого следа среди других представлений. Они всплывают вновь, когда сознательная жизнь бодрствующего состояния затихает.

Радешток очень образно объясняет такого рода психические процессы: «звезды», говорит он, «светят и днем, но они незримы в лучах солнца; как только эти могучие лучи погаснут, маленькие светила отчетливо появляются нашему глазу; точно также появляются маленькие «темные» представления, когда исчезнут более яркие впечатления дня». Далее он прибавляет: «на этом основан тот факт, что после сильных душевных волнений и потрясающих несчастных событий дня в сновидениях являются веселые и приятные представления и позволяют спящему забыть все горести и несчастья. «Любовь, которую бодрствующий энергически подавляет в себе; всецело наполняет его сердце во сне».

Хотя Радешток придает большое значение забытым мыслям, но все же он не считает их самым главным элементом сновидений, как делает это французский ученый Делаж. Последний был весьма поражен, заметив на самом себе, что тягостные впечатления от смерти дорогого человека начали проявляться в его сновидениях только через несколько месяцев, когда наяву скорбь уже несколько утихла. По этому поводу он начал тщательно следить за своими снами и открыл, что они частью состоят из забытых воспоминаний, частью же из представлений, на которых внимание днем останавливалось лишь на короткое время и которые были поглощены преобладающими мыслями.

Как хороший пример этого, Делаж передает следующее происшествие. Лестница его квартиры была украшена стеклянным шаром, который однажды был разбит и довольно долгое время не заменялся новым. Как-то Делажу приснилось, что вместо шара поставлено медное украшение в форме еловой шишки. Утром он рассказал об этом своей семье, и к своему величайшему удивлению узнал, что уже несколько дней тому назад именно такая медная шишка и была сделана. Несомненно, Делаж не раз замечал ее, так как дал весьма точное ее описание, но вместе с тем принужден был после всего описанного выйти на лестницу, чтобы на самом деле убедиться в ее присутствии.

Таким образом, мнения по вопросу о значении дневных представлений для последующих сновидений весьма расходятся. И это совершенно понятно, так как недостает материала, сколько-нибудь пригодного для решения вопроса. Чтобы немного помочь горю, я разослал листы с целым рядом вопросов, по известному плану, о содержании снов и т. д. Ответов я получил около 150. Из них я убедился, что едва ли можно вывести какие-либо законы о сновидениях. Около 60 из таких ответов очень интересны, так как исходят от воспитанников одного из лучших учебных заведений,— юношей и мальчиков в возрасте от 12 до 18 лет, живущих

в приблизительно одинаковых условиях. Некоторые преподаватели, интересовавшиеся этим делом, помогали ученикам в составлении ответов, так что эти ответы можно считать правдивыми и, насколько возможно, достоверными. Остальные листы принадлежат взрослым — образованным лицам обоего пола и различных общественных положений.

Разбирая содержание всех ответов,— не принимая во внимание возраста,— я убедился, что в 1/5 из них не указано никакой связи между сновидениями и событиями ежедневной жизни. Сны этих лиц вообще очень хаотичны и бессмысленны, а потому часто неприятны и тяжелы. Когда в них встречаются черты из действительной жизни, то они обыкновенно имеют второстепенное значение: знакомые лица или местности входят в состав сновидений, но не играют в них важной роли. Остальные 4/5 можно разделить приблизительно поровну на две части совершенно противоположного характера. Одни из отвечающих указывают, что события ближайшего времени и вообще все случаи, произведшие на них сильное впечатление, отражаются на их сновидениях; другие же утверждают как раз обратное, т. е. что такие факты только в виде исключения воспроизводятся тотчас в сновидениях и что часто события, произведшие сильное впечатление, появляются в них лишь спустя долгое время. Поэтому, насколько я имею возможность высказаться при моем ограниченном материале, я думаю, что оба мнения равно справедливы, или скорее равно ошибочны.

Конечно, было бы весьма интересно найти закон, определяющий, когда именно события действительной жизни немедленно воспроизводятся в сновидениях, когда через большой промежуток времени. Так как ничто не происходит случайно ни в природе вообще, ни в душевной жизни в частности, то и это обстоятельство должно иметь свою причину; но в душевной жизни такая закономерность часто лежит настолько глубоко и так скрыта от глаз наблюдателя различными индивидуальными особенностями, что попытки отыскать эти причины большей частью оказываются неудачными. Однако, все же, по интересующему нас вопросу, кажется, можно установить некоторый общий закон. Если взять исключительно лиц моложе 15-летнего возраста, то почти у 2/3 из них сновидения отражают в себе события дня. Так как при вышесказанном подсчете молодые не были выделены, то вследствие этого общий % таких случаев, когда дневные происшествия играют роль в сновидениях, должен был оказаться более высоким, из чего надо заключить, что у людей более взрослых такая связь между снами и действительностью встречается редко. Поэтому с некоторым основанием я считаю себя вправе сказать, *что юношество гораздо более, чем зрелый возраст, склонно переживать во сне то, что произвело особо заметное впечатление в течение дня.*

Так как в юности жизнь *чувства* обыкновенно преобладает, хотя отдельные ощущения и мимолетнее, чем в зрелом возрасте, то мы можем сделать вывод, что чувства имеют большое влияние на содержание снов. Это тоже факт не новый, замеченный и другими исследователями, выразившийся также и в собранном мною материале; однако, вследствие его недостаточности, я позволю себе только указать на полученные результаты, воздерживаясь от всяких статистических выводов.

Во-первых, кажется редко случается, что люди видят во сне предметы своих обычных занятий и то, по-видимому, только в случаях экстраординарных. Напротив, чаще всего воспроизводятся во сне, или заметно влияют на характер сновидений, те события дня, которые представляли нечто необыкновенное и произвели сильное впечатление на чувства. Иногда во сне воспроизводятся самые события, или их характерные черты, иногда же вызванное ими настроение дает лишь тон всему сну, или переходит в совершенно противоположное чувство. Так, напр., тоска по умершему дорогому человеку нередко вызывает его образ во сне, причем, однако, испытывается чувство счастья, сопровождавшее при жизни общение с ним. Оба случая, по-видимому, встречаются одинаково часто. Некото-

рые неприятные происшествия имеют особенно большую наклонность повторяться во сне. Охотникам, напр., снится, что ружье в самую нужную минуту дает осечку. Лица учащиеся стоят перед экзаменаторами и не могут сказать ни слова и т. д. Последний сон повторяется иногда даже и в старости.

Есть определенная группа чувств, которая всего более проявляет свое влияние на сновидения, если только субъект вообще склонен переживать в них действительные события: то, чего человек желает, ожидает или боится, постоянно кажется уже осуществившимся. Иначе и быть не может: каждая видимая во сне картина считается действительно существующей, а потому образ, тяготивший мозг наяву, как надежда или страх, повторяясь во сне, признается нашим сознанием за реальный факт внешнего мира. Но так как подобные желания, надежды и страхи на самом деле очень часто имеют шансы осуществиться, то подобные сновидения часто могут быть приняты за предвещание.

Таким образом, чувства, по крайней мере у многих людей, имеют значительное влияние на сновидения, но все же из этого не следует заключать подобно Спитте, что «настроение» или жизнь чувства всегда бодрствует и служит единственной исходной точкой для сновидений. Скорее можно сказать, что все люди по содержанию снов могут быть разделены на 2 группы, хотя по существу своему и не резко разграниченные: *у одной из них, большею частью состоящей из детей и молодых людей, в сновидениях обыкновенно отражаются события дня, особенно такие, которые заметно повлияли на чувства; другая группа, к которой принадлежат люди старшего возраста, видит во сне большей частью безразличные, обыденные вещи. Крупные события только тогда появляются в их сновидениях, когда вызванное ими волнение на самом деле уже несколько успокоилось.*

Хотя сновидения большей частью бессмысленны, но случайно некоторые из них могут отличаться чрезвычайной обстоятельностью; иногда даже человек исполняет во сне то, что ему никогда не удается наяву. Это обыкновенно такого рода дела, где по преимуществу требуется особенно сильная работа фантазии.

Известны, напр., случаи, когда люди во сне решали геометрические задачи и отгадывали загадки, с которыми не могли сладить наяву. Один известный старинный писатель рассказывает, что, будучи студентом, он во сне сочинил начало стихотворения, тогда как он не в состоянии был этого сделать наяву. То, что сочинено было во сне, вышло хорошо, другая же часть никуда не годилась. Очень интересен также сон проф. философии Люткена на острове Зеландия в Соре, о котором он любил рассказывать на лекциях. Ему казалось, что он в Рио-де-Жанейро любуется иллюминацией по поводу восшествия на престол императора. Особенно ярко выдавался транспарант с надписью vivat do(n) P(e)d(r)(o). Так как он не мог понять, что значат скобки вокруг 4 букв, то обратился с вопросом к прохожему, который ему объяснил, что это означает: да здравствует дон Педро и да не будет он Нероном (Nero). Интересно, что во сне сам составивший загадку не мог ее разгадать и принужден был обратиться как бы к другому лицу, от которого и получил требуемое решение. В таком же роде факт сообщает и голландский ученый Ван-Гоэнс.

Заслуживает, наконец, внимания и то обстоятельство, что у иных лиц сновидения продолжаются в течение нескольких ночей подряд. Мне кажется, что в этом можно видеть первый зародыш явлений двойной психической жизни, которая при иных обстоятельствах выражается гораздо яснее. Об этом нам придется еще говорить подробнее.

Значение снов для суеверий

ВЕРА В ДУХОВ

Мы так подробно остановились на разборе сновидений потому, что этого рода явления играют большую роль в деле происхождения большей части важнейших суеверий. Почти каждая из указанных нами особенностей послужила источником определенной группы мистических воззрений. Так, напр., даже почти в наши дни факт малой продолжительности снов послужил дю-Прелю поводом создать

оккультистические теории. Считая невозможным повторять все бессмыслицы, которые когда-либо были высказаны мистиками по поводу снов, я потому так подробно и остановился на изложении этих явлений, чтобы показать, что все они могут быть сведены к известным психологическим законам. Я имел в виду дать читателю возможность самостоятельно разобраться в этих мистических объяснениях и сделать им надлежащую оценку. В дальнейшем же мы остановимся только на тех из самых обыкновенных суеверий, которые несомненно вытекают из сновидений.

Во главе их должна быть поставлена вера в духов, деятельно вмешивающихся в человеческую жизнь. Большая часть остальных суеверных представлений непосредственно вытекает из этой веры. Нет ни одного дикого племени, у которого бы ее не было; у многих это даже единственный религиозный элемент, существование которого может быть доказано. При историческом обзоре мы также видели, что вера в духов существовала у всех народов древности, отчасти сохранилась до наших времен, и всегда имела в соответствующей области выдающееся значение. Даже у европейских народов, у которых до столкновения их с востоком она не была так ясно выражена, мы находим следы таких верований. Поэтому мы вправе думать, что подобные воззрения коренятся в общих свойствах человеческой души и что для них была причина, действовавшая во все времена, так как они наблюдаются даже у народов, из которых многие не могли их заимствовать путем сношения между собой. Можно возразить, что, несмотря на всеобщность суеверия, оно могло не иметь одной общей для всех времен причины; ведь на наших глазах тоже возникла и развилась вера в духов из группы явлений, несомненно неизвестных в древности. Однако, нужно помнить, что характер феноменов, обновивших в наше сравнительно просвещенное время старые суеверия, должен значительно отличаться от тех явлений, которые послужили первоначальным их источником у первобытных народов. Как теперь у диких народов образ жизни и культура гораздо однороднее, чем у более развитых типов цивилизации, так должно было быть и прежде, во времена детства человечества. Поэтому и предположение, что известное воззрение при общей духовной однородности было вызвано одинаковыми причинами, весьма допустимо. Конечно, многие причины могли действовать вместе, чтобы породить веру в духов, но скорее всего это были именно сновидения, как самое частое и постоянно повторяющееся психическое явление. Оно существует и у взрослых и у детей, и так как именно детские сны отличаются силой и яркостью, то можно с основательностью заключить, что при младенческом состоянии человеческой мысли, сновидения должны были по многим причинам играть гораздо большую роль в психической жизни людей, чем в настоящее время. Явления сновидений носят именно такой отпечаток, что они, можно сказать прямо, должны были внушить мысль о существовании особого мира духов. Но мы должны несколько ближе рассмотреть именно те моменты в сновидениях, которые, по-видимому, принимали участие в развитии этого верования.

Прежде всего надо помнить, что как бы дико и нелепо ни было сновидение, спящему оно кажется неоспоримой действительностью, и только по пробуждении, когда мы вспоминаем, что мы видели во сне, нам удается установить, что это был сон, а не действительность. Но иногда и это бывает трудно. В иных случаях сны бывают так отчетливы, что нам трудно отделаться от мысли об их реальности. Мы беседуем с умершими или отсутствующими, подвергаемся преследованию фантастических чудовищ, посещаем неизвестные местности; все это носит такой правдоподобный характер, что после пробуждения мы только потому перестаем верить в действительность виденного, что на основании долгого опыта, знаем, что все эти *«происшествия»* суть только образы нашего внутреннего мира, а не действительно существующие внешние факты. С раннего детства слова «ведь это только сон» успокаивали нас, когда мы с громким криком просыпались в ужасе от только что бывшего страшного сновидения. Таким образом, уже с малых

лет мы свыкаемся с мыслью, что сон не есть действительность. С годами, конечно, собственным опытом и сравнением мы узнаем истинное отношение между картинами сна и действительным миром. Для человечества, однако, понадобилось вероятно много опыта и времени, прежде чем оно сумело установить правильное различие между причудливыми событиями сновидений и явлениями действительной жизни. У многих диких народов и по сие время не выработано такого различия. Великий врачебный зверь индейцев не находится на земле. Его видит только

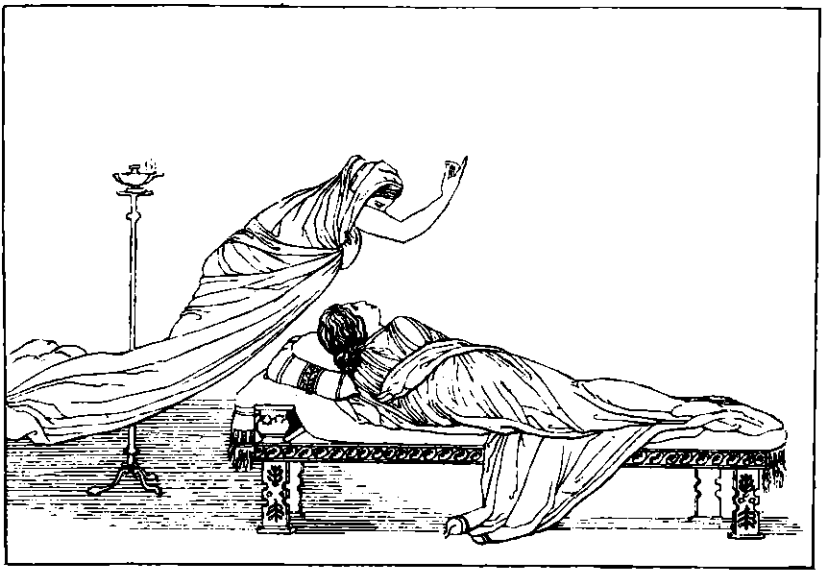


Рис. 126. Пенелопе во сне является ее сестра Ифтима.
(Одиссея IV 795—839).

шаман, да и то во сне; но вместе с тем он настолько уверен в его бытии, что хранит его кость в своей волшебной сумке (сравни стр. 19). Трудно себе представить лучший пример веры в реальное существование предметов наших сновидений.

Итак, мы должны допустить, что на первых ступенях культуры, когда знания законов природы и психической жизни вполне отсутствуют, *сновидения принимаются за подлинную действительность. Но этим самым порождается и вера в бытие духов.* Во сне нам являются покойники; правда, фигуры их несколько более смутны, чем при жизни, от их посещений не остается никаких следов, но тем не менее мы их видели и трудно убедиться в том, что их вовсе нет. Именно в подобной смутной, расплывчатой, тенеподобной форме рисуются духи в фантазии всех народов. Кроме наружного вида, по-видимому, также из снов почерпнуты сведения об образе жизни и свойствах духов. У австралийских негров и других народов существует поверье, что души живут вокруг жилищ некоторое время после смерти, а затем уже удаляются окончательно. Вероятно, эта вера основана на одной из описанных нами особенностей сновидений, хотя, конечно, положительно доказать это трудно. Мы видели (стр. 308), что у детей взволновавшие их события и чувства тотчас отражаются в сновидениях и затем по мере успокоения чувства исчезают из памяти одновременно и наяву, и во сне. Вероятно, то же бывает и у младенческих народов. Мертвые являются в сновидениях некоторое время после смерти,

пока свежи чувства, вызванные смертью. Когда же эти чувства улягутся, то и мертвецы успокаиваются и прекращают свои посещения, что и объясняется тем, что они на самом деле удалились далеко от земли. По мере роста наших познаний о психических особенностях сновидений, вероятно и многие другие произведенные от них представления о жизни духов получают свое объяснение.

Еще одно обстоятельство заслуживает внимания: мы видели, что вера в духов играет в первоначальной европейской магии очень малую роль. Единственные настоящие духи, упоминаемые в старых исландских сказаниях,— это фильгьяры; это покровительствующие духи, но они являются людям исключительно во сне. Обыкновенно изложение сновидения, в котором играют роль живые существа, начинается словами: «это вероятно были фильгьяры великих людей» (сравни стр. 69). Неужели такое близкое соотношение в северных сказаниях духов со снами случайно; или и в нем мы должны видеть новое доказательство происхождения веры в духов из сновидений? Так как северные народы не склонны к философствованию, то легко понять, что они не развили далее веру в духов, а ограничились тем,что признали существование духов там, где они их действительно видели, т. е. во сне.

Но не только сама вера в духов произошла из образов, являвшихся в сновидениях и признаваемых за действительность, но и их различные свойства были установлены из наблюдений над особенностями сонных видений. Во время сна человек лежит, по-видимому, покойно и безучастно ко всему окружающему, а между тем по пробуждении рассказывает о своих похождениях в далеких странах, где он виделся с живыми, или давно умершими, знакомыми ему людьми. Если все это принять за действительность, то невольно является мысль, что в человеке есть нечто, что может свободно двигаться независимо от тела, которое остается на месте. Это нечто можно назвать «душой». Легко предположить, что душа сделается еще удобоподвижнее, если совершенно оставит тело, а отсюда недалеко до представления о том, что она может в течение известного времени бродить возле прежнего жилища, даже когда тело уже погребено, сожжено, или даже съедено врагами. Таким образом,наблюдения над спящим человеком совершенно согласуются с его собственными самонаблюдениями в это время и легко наводят на мысль о двойственной природе человека: тело может лежать без признаков жизни, а душа будет свободно носиться; и даже после полного уничтожения тела душа продолжает существовать и время от времени показываться живым людям. Таким образом, основа веры в духов дана в явлениях сна и сновидений. Дальнейшее же ее развитие и принимаемые ею разнообразные формы не имеют для нас значения.

ВЕЩИЕ И ПРОРОЧЕСКИЕ СНЫ

При историческом обзоре мы видели, что во все времена люди верили, будто бы во сне они могут получить объяснение прошедшего и познание будущего, т. е. того, что скрыто от них наяву. Большей частью смотрели на это как на откровения богов, или других высших существ. Неоплатоники первые установили теорию, что при некоторых обстоятельствах сам человек может достигнуть высших знаний и сделаться равным богам (сравни стр. 157). Следы этого учения можно найти везде в «научной» магии, и мы видели, что вера в высшие свойства спящего духа имеется даже у весьма недавних исследователей, напр., у Шиндлера. Однако с первого раза кажется очень маловероятным, что душа спящего может обладать какими-нибудь такими силами, которых она лишена при бодрствовании. Если бы такие силы существовали в самом деле, то следовало бы ожидать, что проявление их сделается тем явственнее, чем более душа освобождается от влияния тела, т. е. чем крепче сон. Поэтому вещие сны должны были бы являться чаще при глубоком сне, между тем наши вышеизложенные исследования показали, что в глубоком сне, вероятно, вовсе нет сновидений. Как раз наоборот, они являются

во время перехода к бодрствованию, от которого это переходное состояние отличается только меньшей степенью внимания. Поэтому крайне невероятно, чтобы именно в этом переходном состоянии могли обнаруживаться какие-нибудь особенные магические силы. Скорее может явиться вопрос, каким естественным путем могла возникнуть вера в такие силы? Попытаемся объяснить это.

Мы уже несколько раз обращали внимание читателей на общую запутанность и бессмысленность сновидений и указывали, что именно эти характерные их особенности весьма затрудняют точное запоминание и воспроизведение их во всех подробностях после пробуждения. Если даже попытаться, проснувшись, немедленно записать сон, то и тогда окажется много отдельных подробностей, о которых сохранилось только неясное воспоминание. Если стараться пополнить эти пробелы, то в сон невольно вносится гораздо более осмысленное содержание, чем какое было в нем на самом деле. В действительной жизни факты проходят перед нами в виде непрерывной цепи причин и следствий; поэтому ум наш невольно вносит эту причинную зависимость и в события пережитого нами сновидения. Цепь образов в сновидении соединена вовсе не по законам причинности, а как мы знаем, по закону ассоциации; каждое же забытое звено пополняется таким образом, что между ними невольно вводится привычная причинная связь, а вместе с тем смысл, которого вовсе не было во сне. Таким образом и оставшиеся действительные воспоминания постепенно приобретают характер связных и разумных событий. Если в жизни рано или поздно случится что-либо напоминающее хотя немного этот сон, то он немедленно всплывает в нашей памяти, но уже в совершенно измененном виде. Нам кажется, что мы видели во сне именно то, что случилось в действительности, и в силу этой ошибки памяти сновидению придается значение «пророческого».

Париш * сообщает один из таких снов, интересный потому, что при этом ясно выразилось, как воспоминания приспособились к последующим событиям. «Я знал одну даму (очень любившую собак), которой приснилось, что она и ее семья прощаются со своим родовым имением, проданным за 750 т. пуделей. Над рассказом посмеялись и забыли его. Через несколько дней ее муж получает письмо от маклера с предложением продать имение, причем приблизительная цена назначается в 750 т. марок. Этого совпадения вполне было достаточно для того, чтобы убедить вполне правдивую даму в том, что оно касалось не только цифры, но и содержания ее, т. е. что в ее сне речь шла не о собаках, а о деньгах, которые должны были быть получены за имение; и не только сама дама, но и все окружающие твердо уверовали, что дело было именно так».

В прошедшие времена такие пророческие сны бывали чаще, чем теперь, так как тогда вообще больше видели снов, или, правильнее сказать, лучше их запоминали. В те времена взрослые, подобно нашим детям, ярко и отчетливо могли воспроизводить свои сновидения, потому что жизнь не была так сложна и не было такой интенсивной напряженности в борьбе за существование. Кроме того, снам придавалось важное значение, а потому прилагались особые усилия для удержания их в памяти, что, как мы знаем, очень способствует запоминанию. Все сказанное о детях вполне приложимо и к младенческим стадиям человеческого развития, когда сновидения не отличаются от действительности. Стоило только заметить случайное совпадение между каким-нибудь выдающимся сном и заметным событием, чтобы дальнейшие сновидения были подвергнуты тщательным наблюдениям и получили особый вещий смысл, который им непременно хотели навязать. Какое серьезное значение приписывали этим явлениям, напр. у халдеев, можно судить уже по тому, что многие из них занесены в летописи (см. стр. 38). Таким образом, мы видим, что сновидения уже потому могут получить пророческий характер, что при последующих воспоминаниях весьма легко извращаются. Но этим не ограничивается значение ошибок памяти. Если бы можно было запомнить большинство снов, то всякий легко убедился бы, что одни из них лишены всякого предсказательного значения, а пророчества других совершенно неверны. Такое убеждение должно бы действовать на суеверие разрушительно. Но оно

* Ueber die Trugwahrnehmung, Leipzig, 1894.

поддерживается несовершенством памяти. Никто не помнит всех своих снов, запоминаются только те немногие, которые согласуются с существующим суеверием и поддерживают его. Если случится что-нибудь, что хотя слегка напоминает отрывок какого-нибудь сна, сохранившийся в сознании, то немедленно весь сон воспроизводится в извращенном виде и таким образом получает необычайное, пророческое значение. Следовательно, только сопоставление с последующими событиями придает такое значение некоторым снам, причем память удерживает эти сны и отбрасывает другие, не совпадающие с последующими событиями. Конечно, сны, содержащие не сбывшиеся предсказания, тоже забываются, и нужно быть очень беспристрастным и свободным от всякой веры в мистическое значение этого явления, чтобы помнить такие ложные пророчества. В разосланных мной вопросных листах я затрагивал и этот пункт. Не менее 40 лиц упоминают о пророческих снах, общее число которых доходит до 100. Эта маленькая коллекция во многих отношениях интересна. Прежде всего обращает на себя внимание редкость таких случаев; у большинства отмечено, что пророческие сны были у них всего лишь по одному разу; лишь у немногих вещие сны повторяются довольно часто; а между тем почти все утверждают, что сновидения у них бывают часто, у некоторых даже каждую ночь. Итак, из огромного числа совершенно незначительных снов оказывается возможным выбрать лишь немногие отдельные случаи, имеющие якобы некоторое важное значение; это подтверждает верность сказанного нами выше, что только случайное последующее событие вызывает из забвения сновидение и делает его вещим. Бесчисленные забытые сновидения могли точно так же получить вещий смысл, если бы случилось что-нибудь, вследствие чего они были бы спасены от забвения.

Некоторые из моих корреспондентов указывают на часто бывавшие ложными пророчества, полученные ими во сне. Так, одному из них подробно был предсказан ход некоторого предприятия, но на деле оказалось совершенно иначе. Таких примеров довольно много. Очевидно, что между сновидением и последующими событиями вообще не существует никакой связи; только человек невольно устанавливает зависимость между ними, причем открывает в них или сходство, или противоположение, смотря по тому, на что он более обращает внимание — на аналогию или на контраст сновидения с действительностью. Моя коллекция еще интересна тем, что доказывает, насколько случайное совпадение играет ничтожную роль в происхождении вещих снов. Только три или четыре случая могут быть объяснены чисто случайным совпадением действительного происшествия с сохранившимся в воспоминании сновидением.

Так, напр., *А*, готовясь к экзамену, видит во сне, что он будет преподавателем в том самом заведении, где он учился. Это сбывается через 20 лет. *Б* разговаривает с приятелем о некотором растении, довольно редком в данной местности. Ночью ему снится, что он нашел это растение в определенном месте, и действительно на другой день он его находит именно там. *В* видит во сне погребальную процессию с двумя катафалками. Через короткое время один за другим умирают его два родственника. Собственно сон в данном случае исполнился не буквально, так как катафалков при погребении не было, и они служили только символами двух смертей. В четвертом случае сон уже, по-видимому, несколько извращен в воспоминании; именно *Д* видит во сне, что разбил несколько тарелок. Это сбывается на другой день, причем черепки получают именно ту форму, какая представлялась во сне. Последнее совпадение, вероятно, уже есть результат дефекта памяти.

Большей частью сновидение может получить пророческое значение только потому, что во время соответствующего события оно уже почти забыто, а начинают вспоминаться по бессознательному выбору только те особенности его, которые как раз именно нужны для придания ему вещего смысла. Как на поразительный пример обыкновенно ссылаются на случаи, когда люди видят во сне лиц совершенно им неизвестных и, по прошествии долгого времени, иногда даже через несколько лет, они на самом деле встречаются с такими лицами. В данном случае, однако, вполне позволительно усомниться, чтобы в мимолетном сне возможно было точно запомнить незнакомое лицо. Всего вероятнее, что в этом случае сходство бывает совершенно мнимое.

Кроме случайного совпадения и ошибок памяти, еще одно обстоятельство также сообщает снам как бы пророческий характер. Предсказанное во сне может быть просто естественным последствием действительных фактов, известных видевшему сон.

Е, напр., видит во сне отметки, которые он получит на экзамене; на самом деле он получает «приблизительно» (подлинное его выражение в ответе) эти отметки. Конечно, всякий, отправляющийся на экзамен, знает довольно хорошо, на что он может рассчитывать, поэтому в «приблизительном» совпадении сна с действительностью нет ничего удивительного. Некоторые пожилые люди, военные и штатские, сообщают мне, что перед войной им уже снилось, что она объявлена. В этом тоже нет ничего странного, потому что задолго до объявления войны слухи и разговоры о ней, конечно, занимают всех и могут служить источником сновидений. *Ж* описывает, что он во сне видел помолвку между двумя лицами, и это на самом деле скоро случилось. Вероятно, и наяву он сумел бы предсказать такой исход, наблюдая отношения между известными лицами. *Г* сопровождает по Копенгагену иностранца и оба ведут разговор о некоторой башне, откуда прекрасный вид. Ночью ему представляется, что они уже взошли туда. Через несколько дней он с иностранцем на самом деле взошел на эту башню. Нередко сновидения предсказывают смерть тех или других лиц. Конечно, и в этом нет ничего странного, если, например, известно, что данное лицо хворает. К счастью, такие пророчества далеко не всегда сбываются и если больной выздоровеет, то сон скоро предается забвению. В этом случае, как и всегда, только последующие события заставляют вспомнить сон, и придают ему пророческий характер.

В предыдущей главе было сказано, что в снах часто кажется осуществившимся то, чего мы на самом деле только еще опасаемся, или с нетерпением ждем. Но так как мы не можем испытывать ни страха, ни надежды перед невозможным или нелепым, то нисколько не удивительно, что и такие сны часто исполняются в действительности. В моей коллекции есть примеры и такого совпадения.

Один юноша желает попасть в известную школу и заявляет это своим родителям; однажды ему снится, что он уже держит приемный экзамен, а через несколько времени он действительно поступает в эту школу. Молодые дамы часто видят во сне, что получили письма от друзей или родных, и это часто сбывается. Вероятно, самое ожидание является в то время, когда есть действительные шансы на его осуществление. Всего интереснее следующий случай с *И*; он встречает друга, к которому очень привязан, и затем видит во сне, что тот заболел и умер. Это сбывается через несколько месяцев. Во время сна не было ни малейшего основания ожидать, чтобы упомянутый друг был так близок к смерти, так как он был молод и совершенно здоров. Для объяснения этого сна надо иметь в виду, что *И* принадлежит к тем лицам, у которых в сновидениях преобладает настроение как раз обратное тому, которое было у них наяву в предшествующий день. Радость свидания вызвала печальное и озабоченное настроение во сне, выразившееся в картинах болезни и смерти. У *И* часто бывали такие сны, но этот случай особенно остался у него в памяти, благодаря последовавшей смерти друга.

Конечно, такие сны, где представляются исполненными известные желания, могут сбываться в значительной степени уже потому, что и наяву данное лицо активно содействует достижению именно этого результата.

К желает побывать в Италии. Он видит во сне, что это уже случилось. Через несколько лет у него оказываются необходимые средства и он осуществляет свое желание.— Одна мать видит во сне, что ее сын в Париже посватался; она ему рассказывает свой сон. В более позднем возрасте сын едет в Париж и на самом деле женится, чего никак не решался сделать дома. Здесь, очевидно, сон подействовал как внушение и заставил его именно в Париже набраться смелости, которой ему не хватало на родине.

Часто сны бывают так запутаны, в них столько действующих лиц, что решительно нет возможности выяснить, в чем именно и как сон сбылся. Это можно сказать о таком примере.

Молодая дама *Л* видит во сне, что в доме пожар. Никакого вреда от огня не происходит, но она просыпается в ужасе от того, что слышит голос, говорящий, что ей надо опасаться определенного дня через несколько месяцев. *Л* рассказывает сон своим окружающим и между прочим молодой, но очень суеверной особе *М*, которая со страхом начинает ждать назначенного дня. Срок приходит, все о нем забыли, кроме *М*. Вечером все присутствующие, и между ними *Л* и *М*, оказываются очень сильно угоревшими вследствие рано закрытой трубы. Всего проще было бы объяснить это совпадение ошибкой памяти, т. е. что угар произошел вовсе не в назначенный день, но по собранным мною справкам этого, по-видимому, не было. Вероятнее допустить, что сон сбылся потому, что он действовал на *М* в качестве противовнушения. Боязливая особа, в страхе перед предсказанным огнем, вероятно, хотела противодействовать предсказанию, слишком рано закрыла трубу — и таким образом невольно сделала то, что сон сбылся. Известно, что подобные внушенные поступки нередко исполняются так, что сами виновники не только не сознают мотивов, но даже и не помнят самого факта, и потому вполне правдиво отрицают свое деятельное участие в известном происшествии. Впрочем, в данном случае очень трудно сказать, как именно было дело, так как это было уже довольно давно.

Мы уже говорили, что во сне всплывают воспоминания, давно исчезнувшие из поля сознания. Такие случаи могут, конечно, повести к тому, что сон правильно предсказывает такие события, о которых человек утратил всякое воспоминание наяву.

Для объяснения этого рода снов можно привести следующий пример. Один юноша, живущий среди чужих людей, видит во сне, что в доме родителей большой праздник. На другой день он получает письмо с описанием такого именно торжества по поводу юбилея деда. В этом случае, как и в других подобных, нельзя, конечно, доказать, что юноша знал о дате юбилея,— если же он имел о нем хоть малейшее сведение, то, конечно, вся загадочность сна исчезает. Весьма вероятно, однако, что юноша слышал что-нибудь о том, что в известный день дед будет праздновать свой юбилей, но потом совершенно забыл об этом, а во сне воспоминания явились как раз ко времени празднования. Пожилая болезненная акушерка *H*, имевшая часто пророческие сны, однажды увидала во сне известную ей молодую женщину, кричавшую: «помогите, помогите мне, г-жа *H*, а то я умру!» Утром она тотчас же рассказала своим домашним, а днем пришло известие, что упомянутая женщина действительно умерла вследствие родов и ее последние слова относились к *H*. Хотя *H* и не практиковала, она знала молодую женщину и вероятно ей было известно, что ей предстоят очень трудные роды и ожидала того, что случилось. По-видимому, на этих фактах, может быть забытых, и был основан сон.

Конечно, практического значения пророческие сновидения иметь не могут, так как их исключительный характер узнается только после происшествия, к которому они якобы относятся. И конечно, отношение таких сновидений к общему их числу бесконечно мало. Если бы кто вздумал руководствоваться в своей деятельности такими пророчествами, тот, конечно, всегда бы ошибался, так как ему пришлось бы считаться не с фактами действительности, а с образами фантазии. Несколько иначе можно отнестись к вещим снам, относящимся к прошедшим событиям. Так как в подобных снах всплывают представления, вовсе не бывшие в сознании личности вследствие того, что на обусловившие их раздражения не было обращено внимания, то они иногда могут содержать довольно ценный материал. Примером этому может служить вышеописанный сон Делажа. В моей коллекции есть случаи, где подобные сновидения содержали ценные указания и помогали людям выйти из больших затруднений.

P служил в сельской аптеке. Однажды вечером он потерял связку ключей и, несмотря на все старания, не мог разыскать ее. Ночью ему приснилось, что он сидит в саду на скамье, а ключи висят возле нее на ветке бузины. Утром он вспомнил сон и на указанном месте нашел ключи. Конечно, накануне он в рассеянности повесил там ключи, сам того не заметивши, а ночью несознанные представления проложили себе путь в сознание. Точно такой же сон рассказывал мне кассир банка,— передаю его собственными словами: «Однажды при проверке кассы, когда в ней было много денег, оказалось 1.000 крон лишних. Я и мои помощники в течение нескольких дней самым старательным образом искали ошибку, но все напрасно. Однако через десять дней я открыл ошибку во сне. Мне ясно представилось, как я одному человеку выдавал 14.000 крон; первые 12.000 я дал разными монетами, а потом выдал два чека по 500 крон, говоря: вот 13-я и 14-я тысячи. Получатель, не говоря ни слова, взял их и ушел. Утром, при пробуждении, я хорошо запомнил сон, а при ближайшей проверке все оказалось справедливым».

Таковы главные причины, по которым сновидение может иногда нечто указать или предсказать. Конечно, в каждом данном случае невозможно объяснить как именно было дело, но вообще каждый из таких случаев может быть объяснен всего проще естественным способом. Однако в литературе, особенно у древних писателей, мы находим сообщения о сновидениях столь чудесного характера, что естественные объяснения к ним не приложимы. Конечно, трудно сказать через сколько рук прошло каждое такое повествование прежде, чем попало на бумагу, и сколько изменений и украшений оно претерпело при словесном способе передачи. Поэтому вообще излишне пытаться объяснить их. Только в некоторых более достоверных случаях приходится решать вопрос: была ли тут случайность или телепатия, но об этом мы поговорим после.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВ

Хотя мы видели, что далеко не все сны имеют такой характер, чтобы им можно было приписать пророческое значение, но из истории мы знаем, что и совершенно безразличным снам придавался вещий смысл. Это вполне понятно. Раз укоренилось мнение, основанное на исключительно бросавшихся в глаза случаях пророческих сновидений, что посредством их боги дают откровения людям, то недалеко

было и до заключения о том, что все сновидения имеют известное значение. Стоило только предположить, что иногда боги предпочитают выражаться не ясно, символически и загадочно, предоставляя человеку угадывать смысл этих загадок. Не всякий, однако, считался способным к такому отгадыванию. Насколько простираются наши сведения в историческое прошлое, везде мы видим особых мудрецов, которые имели репутацию искусных снотолкователей и поэтому пользовались большим почтением. В халдейском героическом эпосе, равно как и в исландских сагах, упоминаются такие мудрые мужи (сравни выше стр. 38 и 68); да и не так еще давно ученые магики занимались толкованием снов (см. стр. 136).

Если это убеждение удержалось в течение веков, то только потому, что все разочарования ставились в вину самим толкователям: боги хотели добра людям, посылая им вещие сны, и не они виноваты, если их язык не понят и последовало ложное толкование по невежеству людей. Таким образом, вера в особое значение снов сохранилась даже до того времени, когда уже перестали верить в прямое вмешательство богов посредством снов, а скорее пытались толковать их научно. Как твердо держалась эта вера уже на исходе древних времен, можно видеть из знаменитого сочинения: «*Oneirokritika*», написанного профессиональным снотолкователем Артемидором из Далдиса (135—200 по Р. Х.). Артемидор был в своей области очень уважаемый, ученый и образованный человек, друг многих философов своего времени. В своих далеких поездках он собрал очень большой материал относительно снов, по-видимому, сбывшихся. Материал этот обработан совершенно рационально. Он определенно говорит, что если один сон сбылся, то нельзя еще из этого делать какие-либо заключения о значении того или иного образа, но необходимо сравнить несколько одинаковых сбывшихся снов и тогда только можно сделать соответственный вывод. В другом месте он говорит, что хотя по способу, как исполнились сны, можно заключить об их смысле и их пророческом значении, но почему именно они предсказывали такое, а не иное событие, этого мы не знаем: это должен решить сам толкователь, на основании собственного вдохновения. Здравая психология и самая дикая фантазия переплетены в этом сочинении. Автору ясно, что знание людей весьма важно для снотолкователя; он должен тщательно всматриваться в характер лиц, обращающихся к нему, «так как нередко бывает, что те, которые грезят убийствами, грабежом и святотатством, на самом деле виновны в этом». Однако же его толкования отдельных снов, на наш взгляд, вполне произвольны, хотя часто обнаруживают удивительное остроумие.

«Если ремесленник видит, что у него много рук, то это хорошее предвестие: у него всегда будет довольно работы. Сон именно означает, что ему нужно будет много рук. Кроме того, этот сон имеет хорошее значение для тех, кто прилежен и ведет добропорядочную жизнь. Я часто наблюдал, что он означает умножение детей, рабов, имущества. Для мошенников такой сон, напротив, предвещает тюрьму, указывая на то, что много рук будет занято ими».

Казалось бы, что такой человек мало должен доверять своему искусству, так как он имел много случаев убедиться в произвольности таких искусственных толкований. Однако, он говорит серьезнейшим тоном и глубоко убежден в верности своей науки. Это особенно заметно, когда он начинает излагать ряд сбывшихся снов, сборник которых составляет последнюю часть его сочинения. К сожалению Артемидор не упоминает, были ли эти сны предсказаны им или другим толкователем именно так, как они потом сбылись. Но можно наверное признать, что вещий смысл сновидения делался вполне ясным только тогда, когда сбывалось предсказанное им, так как между сновидением и последующими событиями так мало общего, что каждый сон мог признаваться исполненным даже тогда, когда произошло нечто совершенно противоположное.

«Некто привез своего сына на олимпийские игры в качестве метателя диска, и затем увидел во сне, что сын его убит на ристалище и похоронен. Молодой человек, конечно, возвратился победителем и имя его было увековечено на мраморной плите, как делают это на памятниках покойников». «Некто видит сон, что его трость сломана. Он заболел и охромел. Трость означала здесь его благосостояние и здоровье. Он был очень огорчен и грустил, тяготясь своим калечеством; и снова увидел во сне, что его трость сломалась. Немедленно после этого он выздоровел. В этом случае сон обозначал, что ему более не нужна трость».— «Некто видел, что ест хлеб, макая его в мед. После этого он занялся философией, сделался мудрым и этим приобрел большие богатства. Мед означал сладость познания, хлеб — богатство и обилие».

Раз даже такой человек, как Артемидор, с полным вниманием относится к подобным историям, видя в этих снах символы и исполнившиеся пророчества, то понятно, что его суеверные современ-

ники относились к делу не более критически. Но уже самая уверенность в правдивости предсказания может способствовать исполнению его, заставляя данное лицо, путем внушения, полусознательно действовать в указанном ему направлении. В книге Артемидора можно найти много и таких примеров. Ограничимся одним из них, взятым из всемирной истории. «Когда Александр осаждал Тир и был озабочен тем, что его осада затягивается, он однажды увидал во сне сатира (satyros), танцующего на его щите. Случайно в свите царя находился снотолкователь Аристандр, который изъяснил сон, разделивши слово сатир на два слога (са — тир), что означало: твой Тир. Это привело к тому, что был предпринят энергический приступ и Александр завладел городом». Разумеется, одного такого случая достаточно, чтобы дать снотолкователю величайшую известность.

ЛУНАТИЗМ

Нормальный человек вообще относится совершенно пассивно к тому, что совершается с ним во сне даже тогда, когда ему кажется, что он проявляет самую живую деятельность. Лучшим доказательством этого служит то обстоятельство, что сны вообще состоят только из вспоминаемых образов; всего чаще это суть зрительные образы; иногда, впрочем, возникают и звуковые представления, причем у некоторых людей они принимают характер больше разговоров, чем картин. Нередко, впрочем, особенно живые сновидения сопровождаются движениями, в особенности в тех случаях, когда они проникнуты каким-нибудь ясно выраженным настроением — преимущественно неприятного характера. При этом спящий ворочается на постели; при кошмаре делаются сильные движения, чтобы сбросить давящую тяжесть. Такие сновидения часто сопровождаются разговорами. Как было сказано выше, движения речи настолько тесно ассоциированы со слуховыми представлениями, что при известной силе последние всегда вызывают более или менее слышную речь. Поэтому не удивительно, что дети и молодые люди, сны которых живее и ярче, часто разговаривают во сне. Но от всего этого еще далеко до ночных прогулок лунатиков, так как зрительные впечатления, из которых состоят сны, у большинства людей в гораздо меньшей степени ассоциированы с движениями членов, чем слуховые представления с органами речи. Когда спящий видит себя во сне в известном положении, в котором он сознает себя действующим, то может быть и являются слабые стремления к действительному выполнению этих движений, однако они не совершаются пока нет настоящих двигательных представлений. Если же это случается, то субъект начинает осуществлять на самом деле те действия, которые он видит во сне: он становится «лунатиком».

У взрослых лунатизм встречается очень редко и почти всегда связан с определенными болезненными состояниями; его, напр., наблюдают после ранений головного мозга, при некоторых неврозах — особенно истерии и т. п. У детей, наоборот, это явление частое, хотя, к удивлению, до сих пор нет о нем статистических данных. Все, что я могу сказать в этом отношении, почерпнуто мною из моих листов, а этого материала чересчур мало. Из 51 мальчика, бывших в упомянутом учебном заведении, 8,т. е. 16 %, подвергались этой «болезни», хотя не более одного или немногих раз. Из 67 взрослых — 4 упоминают о такого рода явлениях, бывших у них после болезни, напр., тифа. Эти случаи мы не принимаем в расчет. 12 других вспоминают, что с ними это бывало между 15—16 годами жизни. Только у двух ночные прогулки продолжались до более зрелого возраста. Оба последние страдают явно выраженными нервными расстройствами. Остаются 10,т. е. 15 %, у которых лунатизм появлялся раз или два случайно, без явно заметных патологических предрасполагающих причин. Эта цифра близко совпадает с найденной у мальчиков. Таким образом, у 1/6 всех лиц мужского пола до 16 лет, наблюдаются отдельные случаи лунатизма. Если из этого недостаточного материала можно сделать какие-нибудь выводы, то отдельные случаи лунатизма довольно обыкновенны. Для нашего исследования, конечно, всего интереснее разобрать многочисленные чудесные истории, которые рассказывают о лунатизме. Субъекты, страдающие этой болезнью, будто бы с особой любовью избирают

самые невозможные места, крыши, края пропастей, двигаются там с непостижимой смелостью и уверенностью и выполняют самые головоломные эксперименты. Если их не разбудить, назвавши по имени, то они благополучно возвращаются в постель, пролезая через слуховые окна и другие неудобопроходимые отверстия, через которые они находят дорогу. В таком состоянии лунатик будто бы проявляет способности и знания, которых он не имел наяву: напр., говорит на иностранных языках, которым никогда не учился, и т. п. Таких историй великое множество, и мистики, само собою разумеется, вывели из этого заключение, что душа обладает высшими таинственными свойствами, которые проявляются тогда, когда тело спит. Нужно только заметить, что все такие удивительные явления ни разу не были констатированы людьми, на наблюдательность и беспристрастное суждение которых можно было бы положиться. Наоборот, немногие правильно исследованные случаи лунатизма доказали, что в этом явлении на самом деле нет решительно ничего таинственного. Все поступки лунатика становятся ясными, если признать, что они воспроизведение его грез. Большей частью лунатик делает лишь несколько шагов, берется ненадолго за какую-нибудь обычную работу и спокойно возвращается в постель. Во время своей прогулки лунатик совершенно поглощен своими грезами и способен понимать только то, что имеет прямое отношение к его сновидению. Часто наблюдали, что он слышит и отвечает, но только на вопросы, связанные с предметом его грез; все остальное для него не существует.

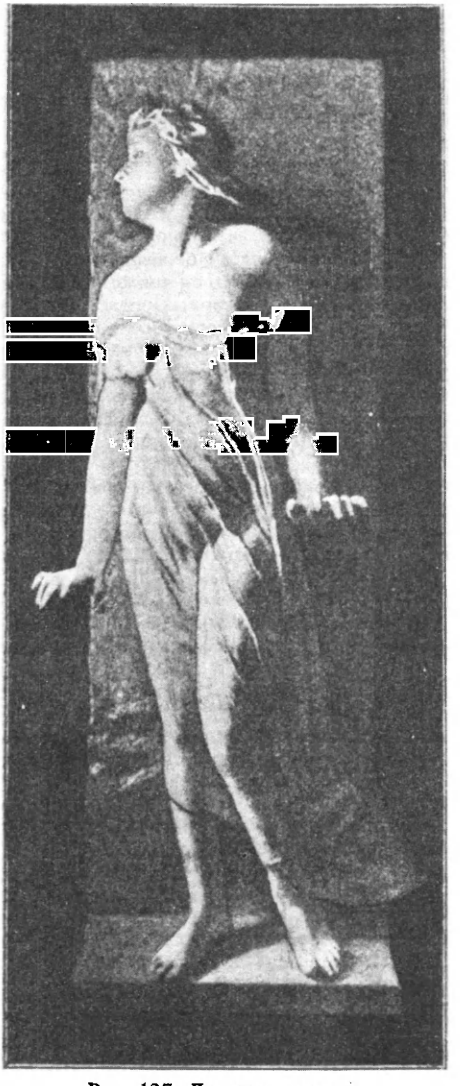


Рис. 127. Девушка-лунатик.

Д-р Соав, достаточно наблюдавший частые приступы лунатизма у фармацевта Кастелли, сообщает о нем следующее: однажды ночью его застали за переводом с итальянского на французский; он рылся в лексиконе и подбирал слова, как будто пользуясь светом рядом стоявшей свечи. Когда свечу погасили, то он отыскал ее и снова зажег. Между тем, это было совершенно не нужно, так как комната была освещена еще другими зажженными свечами, которых он не заметил, так как не знал, что они зажжены.

Конечно, может случиться, что под влиянием своих сновидений лунатик заберется на какое-нибудь опасное место, напр. на крышу, и будет там двигаться с уверенностью, совершенно недоступной людям наяву; но это совершенно естественно, если принять в расчет, что лунатик не знает, где он. Всякий человек уверенно пройдет по водосточному желобу или узкой доске, если они лежат на земле; если же эти предметы расположены на краю крыши высокого дома, то са-

моуверенность уничтожается исключительно сознанием опасности положения. Лунатик, не сознавая своего положения, движется так же спокойно на крыше, как и на земле. Однако, известны случаи, когда лунатики дорого платили за свои рискованные прогулки, что конечно не доказывает их полной безопасности.

Как уже сказано, имеется мало достоверных наблюдений над поступками лунатиков, а те, какие у нас есть, не заключают в себе ничего чудесного. Подробнее всего наблюдали упомянутого фармацевта Кастелли, но он исключительно повторял ночью свои дневные работы и притом неловко и бессвязно. Довольно точные наблюдения мы находим у Бинца, в работе «о сновидениях» (Ueben den Traum), изданной в Бонне в 1878 году. Его исследования весьма поучительны, так как доказывают, что многие поступки лунатиков, легко кажущиеся при поверхностном наблюдении проявлением высших душевных способностей, на самом деле состоят из ряда совершенно простых, автоматических действий. Остановимся несколько подробнее на этих сообщениях.

У д-ра Эберса в Бреславле был приемный сын, бойкий, здоровый мальчик, получивший в 13 лет припадки лунатизма. Он громко говорил во сне, во время полнолуния вставал, бродил бесцельно по комнатам, автоматически брал разные вещи, устранял с дороги препятствия, открывал окна и смотрел из них наружу. Глаза были полуоткрыты, но он не замечал свечи, которую держали перед ним; он не слыхал также обращенных к нему слов, и, побродивши некоторое время, сам возвращался в постель. На другое утро он не помнил своих ночных приключений. Все это естественно и понятно и во всем этом нет ничего мистического. Мальчик не знал иностранных языков, но однажды взял с полки французскую книгу и делал вид, что читает; при этом он, конечно, имел прекрасный случай проявить высшие душевные свойства, обнаружив знание неизвестного языка; но Эберс заметил, что он только механически переворачивает листы; так что не было основания предположить, чтоб он читал в книге; вероятно, он также отнесся бы и к книге, написанной на родном языке. После нескольких приемов глистогонных средств мальчик совершенно выздоровел от лунатизма. Бинц сообщает другой случай из собственных наблюдений. «К. здоровый человек, из здоровой семьи, обладавший прекрасным сном, страдал лунатизмом в юношестве и в первые годы мужества. В это время я несколько лет жил в одном с ним доме, а потом был его врачом. К. был очень живого характера. Обыкновенно его сны сопровождались бессвязным разговором и вскакиванием на постели и этим дело и оканчивалось; но однажды, когда ему было около 17 лет, он вскочил ночью, зажег свечу, оделся, собрал свои учебные принадлежности и отправился в гимназию, куда мы с ним оба ходили. Спустившись с лестницы в переднюю, он остановился перед старинными часами и поднял свечу, чтобы осветить циферблат, как мы иногда делали зимою рано утром. Случайно в этот момент часы пробили полночь. При последнем ударе он окончательно пришел в себя, сообразил свое нелепое положение и, испугавшись полночного времени, пришел ко мне, разбудил меня и рассказал о случившемся. Он стоял передо мной, держа книги в левой руке, а в правой нашу лампу. Я успокоил его, и он опять лег в постель. К сожалению, мы не проверили, те ли он собрал книги, какие нужны были к завтрему. К. видел сон, что уже 7 часов и пора собираться в гимназию».

Гораздо более характерен случай, бывший с тем же К., когда ему минуло 32 года и он уже женился. Около 2-х часов ночи К. просыпается от боли в коленях; комната освещена луной, что дает ему возможность сразу понять его странное положение. Он стоит в одной рубашке на коленях в спальне на верху кафельной печки вышиной около 6 футов, вцепившись судорожно руками в карниз печки, немного выдававшийся над ее плоскостью. К. громким голосом будит жену и с ее помощью слезает с печки. Как хороший гимнаст, он наяву взбирался на эту печь. Вероятно, он принял белую печь за какой-нибудь предмет своего сна, о котором он, впрочем, не сохранил никакого воспоминания. К. обыкновенно разговаривал, вскрикивал и метался во сне, если перед тем поздно вечером занимался трудной умственной работой или плотно ужинал; и то и другое имело место перед описанным происшествием. При соблюдении рационального умственного режима и тщательной диеты, ночные прогулки и тревожные сновидения прекратились.

Случаи эти мне кажутся поучительными по многим причинам. Каких бы чудес можно из них наделать при помощи услужливой и бойкой фантазии. Собирание книг легко могло обратиться в писание сочинений на латинском языке, влезание на печку оказалось бы головоломной прогулкой по крыше и т. п. Интересно также, что чрезмерное возбуждение как мозга, так и кишечника действовали как однородные раздражители. Что же остается таинственного в таком явлении, которое подобно тихим сновидениям имеет своим источником переполнение кишечника недостаточно усвоенной пищей?

Таким образом, удивительные вещи, сообщаемые о лунатиках, основаны, по-видимому, с одной стороны, на неточных наблюдениях, а с другой, на склонности людей преувеличивать значение подобных явлений и разукрашивать их цветами фантазии. По крайней мере никто из точных наблюдателей не сообщает ничего подобного. Старое поверие о влиянии луны на такого рода явления можно, кажется, также отнести в область басен. Наблюдения показали, что нет постоянной связи между разбираемыми нами ночными похождениями и светом луны, хотя они на многих языках даже и не

имеют другого названия, как лунатизм. Впрочем, отрицать косвенного влияния лунного света на лунатиков нет основания, только оно не заключает в себе ничего мистического, а объясняется вполне естественно. Так как наши веки не вполне непроницаемы для света, то лунный свет, ударяя в лицо спящего, может раздражать зрительный нерв и вызывать сновидения, побуждающие его к вставанию. Может быть вследствие этого ночные прогулки на самом деле совершаются чаще при луне, чем в другое время, что и послужило поводом к вере в таинственное влияние луны.

Вторжение бессознательного в сознательную область

I. Доказательства и характеристика

Уже не раз на предыдущих страницах нам приходилось затрагивать вопрос о бессознательном. Мы видели, что сновидения могут приобретать «вещий» смысл вследствие появления в поле сознания представлений или никогда, может быть, не доходивших до него, или же, после краткого пребывания в нем, снова совершенно забытых. Мы узнали также, что иногда и движения являются результатом целой цепи бессознательных представлений, о существовании которых индивидуум не знает достоверно, а только предполагает. Теперь нам предстоит заняться разбором явлений вторжения бессознательных элементов в сферу нормального, бодрствующего сознания и определить роль этого феномена в порождении и поддержании суеверий. Понятно, что роль эта немаловажна. У большинства людей это явление наблюдается в виде исключения и имеет определенные простые формы. Сложные случаи уже всегда принадлежат к странным и необыкновенным. Тут-то и проявляется своеобразный характер этих явлений. При внезапном появлении в сознании представлений, происхождение которых нельзя открыть в области чувственных восприятий, и которые не находятся ни в какой заметной связи с представлениями, составляющими содержание сознательной психической деятельности данной личности, легко в самом деле прийти к убеждению, что в этом случае действуют такие силы, которые обыкновенно не свойственны человеку. Представления, внезапно всплывающие из области бессознательного, нередко дают повод думать — как и при сновидениях — что человек обладает такими более или менее ценными знаниями, которые он не мог получить обычным путем. Такие проявления бессознательного легко приобретают характер прозорливости во времени и пространстве и почти нет сомнения, что у пророков, гадателей и ясновидящих всех времен в значительной мере имело место это действие бессознательного на сознательную психическую жизнь.

Чтобы сразу установить отличительные черты этого феномена, обратимся к примеру, который, вероятно, знаком каждому из собственного опыта. Если мы забыли, напр., какое-нибудь имя, и стараемся его припомнить, то мы направляем всю силу внимания на то или иное представление, которое, как нам кажется, должно иметь связь с этим именем. Это представление по законам ассоциации влечет за собой целый ряд других, из которых наше внимание опять выбирает некоторые, наиболее подходящие к данному случаю, и т. д. Таким образом, мы подвергаем просмотру определенный ряд представлений. Если цель не достигнута, то мы или снова возвращаемся к исходному пункту, или выбираем другой и опять проделываем весь процесс, пока забытое имя снова не вынырнет в сознании. Если это удастся, то мы, конечно, не можем говорить о вторжении бессознательного в поле сознания. Хотя, конечно, имя было забыто и потонуло в пучине бессознательного, но все активные усилия ума снова вызвать его оттуда происходили под контролем сознания. Но бывает и так, что все усилия припомнить оказываются неудачными. Тогда мы оставляем попытку, начинаем думать о другом, и вдруг в это время совершенно неожиданно требуемое имя само является в сознании.

Как это делается мы, конечно, достоверно не можем сказать. Так как сознание наше нисколько не участвовало в психической работе, вследствие которой требуемое имя явилось в нашей памяти, то говорят, что здесь имела место бессознательная психическая деятельность. Для нас в настоящую минуту не важно знать, какого рода этот процесс, чисто физиологический, без присоединения к нему побочных психических явлений, или же главную роль в нем играет психическая сторона. Но мы должны твердо помнить, что эти бессознательные процессы подчинены тем же законам, как и соответствующие сознательные. Без этого признания мы широко открываем двери всяким фантастическим и произвольным умствованиям. Новейшая психология представляет в этом отношении много поучительного. Пытались, например, резко разграничить «высшее сознание» от «низшего сознания» или сферы бессознательного и последней приписывали качества и способности, которыми «высшее» сознание якобы не обладает и которые представляют собою частые плоды фантазии. Рассуждая так, можно объяснить все, что угодно, нужно только разукрасить «низшее сознание» великими чудесными силами и качествами, какие понадобятся. Очевидно, это есть возвращение к старой мистической психологии какого-нибудь Шиндлера, к «ночному» и «дневному» полюсам души, только под другим именем. Но это значит заранее отказаться от научного объяснения явлений, так как для последнего прежде всего необходимо избегать новых гипотез без достаточных оснований. Хотя термин «подсознательное» был бы по разным причинам предпочтительнее, но я постоянно употребляю слово «бессознательное», чтобы не подать повод думать, что я присоединяюсь к этому новому учению о «высшем» и «низшем» сознании под которым скрываются старые «полюсы» души. Я, напротив, считаю своей задачей объяснить бессознательную деятельность теми же законами, которые установлены для сознательной психической жизни. В приведенном выше примере сделать это нетрудно. Очевидно, что «за порогом сознания» в области бессознательного продолжался какой-то психический процесс, благодаря которому появляется позабытое имя. На эту бессознательную деятельность мы должны смотреть как на аналогичную той, посредством которой воспроизводятся представления при всякой психической работе, т. е. что она совершается по законам ассоциации, и тогда все явление делается для нас понятным. Когда утомленное напрасными поисками внимание обратилось к другим предметам, образование представлений за порогом сознания продолжалось до тех пор, пока эта неосознаваемая работа не привела, наконец, к желаемому результату. Очень важно именно то обстоятельство, что работа здесь продолжается автоматически, без участия внимания, так как когда мы сознательно и произвольно ищем в нашей памяти какой-нибудь предмет, направляя внимание туда или сюда, то мы имеем столько же шансов удалиться от цели, как и приблизиться к ней. Между тем в бессознательной сфере представления текут своим чередом, без произвольного вмешательства внимания, и это течение в конце концов приводит к отыскиваемому имени. Конечно, нельзя утверждать, что это непременно случится, так как могут помешать осложняющие обстоятельства, о которых мы скажем ниже.

В приведенном нами примере начало бессознательной работе было положено активным усилием сознания. Не всегда, однако, таков источник бессознательных процессов: иногда они могут быть возбуждены непосредственно внешними раздражениями, не доходящими до сознания, и о существовании которых мы поэтому узнаем только после. Бинэ приводит этому весьма интересный пример.

Один из его друзей, д-р А., шел по улице Парижа, глубоко задумавшись о ботанике, по которой ему предстояло держать экзамен. Внезапно он увидел на двери ресторана карточку с ботаническим именем Verbascum thapsus. Удивленный этою не совсем обычною для ресторана надписью, он возвращается и видит, что на самом деле там написано Bouillon. Чтобы понять в чем дело, надо иметь в виду, что по-французски народное название Verbascum'a — bouillon blanc. Этим объясняется все происшествие. Д-р А., проходя мимо ресторана, смутно воспринял слова вывески. Впечатление не дошло до сознания, переполненного иными мыслями, но за порогом сознания вызвало образование ряда представлений. Слово bouillon повлекло за собой blanc, bouillon blanc по закону ассоциации вызвало

Verbascum thapsus, а этот ботанический термин уже легко проявился в сознании, занятом латинской ботанической номенклатурой. Так как весь промежуточный ход психической работы не дошел до сознания, то оно останавливается на последнем его звене и д-р А. подумал, что он прочитал на двери название растения. Возбужденное этим удивление повело к исследованию, разъяснившему все дело.

Эти примеры объясняют нам, при каких условиях происходит вторжение бессознательной психики в сознательную. Если в поле сознания внезапно возникает представление, не вызванное ни внешним раздражением, ни работой мысли, о которой мы можем дать себе отчет, то мы вправе думать, что оно есть продукт бессознательной психической работы. Однако для признания этого должны быть точно исключены оба упомянутых источника новых представлений. Если вновь возникающее представление вызвано непосредственно внешним раздражением, то оно ничем не отличается от обыкновенного наблюдения; если новое представление стоит в очевидной связи с одновременным содержимым сознания, то на него должно смотреть как на результат деятельности обыкновенной сознательной работы. Говорить о вторжении бессознательного в сознательное мы имеем право только тогда, если соответствующее представление не вызвано прямым чувственным раздражением и не находится в связи с содержанием сознания. Представления, являющиеся из бессознательной сферы, тем именно и отличаются, что стоят вполне независимо и даже как бы в противоречии с одновременным содержимым сознания. Они являются как бы произвольно и весьма настойчиво пробивают дорогу в сознание. Так как не мы их вызвали, то мы и не имеем власти над ними; иначе говоря, они имеют тот же характер, как и продукты действительного наблюдения.

Не следует, впрочем, думать, что бессознательные представления всегда имеют отчетливость действительного чувственного восприятия; они могут быть такими, но не всегда. В зависимости от большего или меньшего сходства таких представлений с действительными, имеющими источниками внешние впечатления, можно различить три их формы; однако между ними нельзя провести резкой границы, а потому и не всегда можно с точностью отнести их к той или другой группе. Если бессознательные представления столь же неопределенны и слабы, как картины памяти, то их, конечно, трудно смешать с реальными предметами. Поэтому они не привлекли к себе особого внимания и не получили определенного названия. Все подобные случаи отличаются тем, что легко найти ближайшую причину бессознательной работы. Так, в нашем примере о забытом имени, сознательное искание его было очевидно причиной того, что забытое имя потом «пришло нам в голову». Если же нельзя обнаружить ближайшей причины бессознательного процесса, то внезапно появляющиеся представления носят название *предчувствий*. Если образы, врывающиеся в поле сознания, получают значительную яркость и отчетливость, так что приближаются в этом отношении к чувственным восприятиям, хотя индивид не смешивает их с действительными восприятиями, то они носят название *ложных галлюцинаций*. Сюда, вероятно, должен быть отнесен случай с д-ром А., описанный выше. Слово Verbascum так ясно представилось его сознанию, что он счел его прочитанным им; таким образом это представление было близко к чувственному восприятию. Наконец собственно *галлюцинациями* мы называем образы такой яркости и силы, что они не могут быть отличены от реальных, полученных при посредстве органов чувств. Поэтому мы можем сказать, что галлюцинации есть *чувственные восприятия без соответствующего реального внешнего предмета*. Однако это может быть обнаружено лишь при ближайшем исследовании и такая галлюцинация всегда вводит данного индивида в заблуждение, представляя ему как действительность то, чего на деле не существует.

Нельзя думать, что все галлюцинации суть сознательные проявления бессознательной деятельности; они могут иметь место и при различных болезнях. Впрочем, об этих патологических галлюцинациях мы не будем говорить, так как они представляют для нас мало интереса, да и не всегда суть результат бессозна-

тельной деятельности. Мы остановимся только на более редких галлюцинациях у нормальных людей, или у таких, которые не страдают явно выраженною болезнью. Однако и эти нормальные галлюцинации не всегда суть выражения бессознательной деятельности, но могут быть вызваны непосредственным и внешним воздействием: внушением. Поэтому нужно различать *самопроизвольные* и *внушенные галлюцинации*. Только первые собственно отвечают тем требованиям, которые мы предъявляем явлению, если мы рассматриваем его как результат бессознательной работы. Здесь мы рассмотрим лишь самопроизвольные галлюцинации, внушения же подвергнутся разбору в одной из последующих глав.

Проявление бессознательных процессов в описанных трех видах происходит почти всегда самостоятельно, т. е. без содействия самого лица. Существуют, однако, средства, которыми можно достигнуть того же по желанию. Многие люди могут вызвать у себя зрительные образы и слуховые впечатления долгим и пристальным смотрением на полированные поверхности, или прислушиваясь к «шепоту» раковин. Такие представления имеют интенсивность настоящих галлюцинаций и явно стоят вне всякой связи с одновременным содержанием сознания субъекта, так что они несомненно суть проявления деятельности, происходящей в сфере бессознательного. Именно эти формы «кристаллогаллюцинаций» и «конхилогаллюцинаций» сделались в новейшее время предметом подробных исследований, которые дали возможность пролить больше света на бессознательную душевную деятельность. Наконец бессознательное может проявиться еще в совершенно другой форме, именно в движениях, которые не состоят в связи ни с внешними впечатлениями, ни с сознательной психической деятельностью личности. Несмотря на свою кажущуюся независимость, они целесообразны и, по-видимому, сопровождаются определенными представлениями. Такого рода движения носят название автоматических и имеют все характерные черты бессознательной психической деятельности, что и дает право отнести их именно к этой категории явлений. Многочисленные исследования последнего времени показали, что сложные формы автоматических движений не могут быть объяснены без допущения бессознательной душевной деятельности. Эти опыты также много способствовали уяснению законов, управляющих действиями бессознательного. Впрочем, о систематической обработке предмета не может еще быть и речи, так как сведения наши в этой области весьма ничтожны. Относительно многих вопросов едва сделаны первые шаги: так, напр., только в последние годы собран материал для обсуждения вопросов, при каких условиях возникают нормальные самопроизвольные галлюцинации. Поэтому мне приходится ограничиться лишь приведением подходящих примеров этих явлений и попыткою доказать, что явления эти суть выражения бессознательной деятельности, и что, как таковые, они подчинены тем же законам, как и соответствующие сознательные явления. Из этих же примеров я надеюсь уяснить, как такого рода феномены способствовали происхождению многочисленных суеверий. В форме предчувствий, галлюцинаций, автоматического письма и речи человек может получить «откровения» и сообщения, которые легко влекут его к вере в магические силы или поддерживают такую веру. Такие же откровения получаются во сне, а также другими путями. Поэтому, в заключение нам придется разобрать вопрос, может ли «высшая прозорливость», которой человек, по-видимому, достигает такими путями, быть удовлетворительно объяснена, если признать, что бессознательное управляется теми же законами, которые нам известны в сфере сознательной душевной жизни, или необходимо еще допустить для бессознательного какие-нибудь особенные силы, вроде телепатии и ясновидения.

II. Предчувствия и галлюцинации

Как было уже выше сказано, многие причины могут возбудить бессознательную деятельность, которая потом входит в сознание. Таким образом может случиться, что в сознании нашем появляется нечто такое, чему мы не можем найти

исходной точки в ряде наших сознательных представлений. Такие явления ежедневно бывают с нами, но именно по своей обыденности они проходят незамеченными, хотя иногда между ними бывают совершенно необыкновенные случаи. Мисс Гудрих (подписывавшаяся «Miss X.»), автор многочисленных статей о предчувствиях и галлюцинациях в Proceedings of S. P. R., собрала немало этого рода примеров. Особа эта известна как отличная наблюдательница; кроме того из ее статей видно, что она имеет очень светлый ум и свободна от всяких спиритических предрассудков; между тем она часто посещается предчувствиями и галлюцинациями, и так как многие из них оказались вещими или пророческими, то она стала вести им запись, к которой мы не раз будем обращаться.

Между прочим, она приводит следующий интересный случай: 20 июля 1890 года я с утра до полудня лежала на диване в саду. Я поправлялась от тяжелой болезни и не могла ходить без посторонней помощи. Поэтому невозможно, чтобы я возвращалась в дом и позабыла об этом, что могло бы случиться в другое время. Около 12 часов посетила меня подруга и, посидевши с полчаса, ушла в дом, где в прихожей она оставила книгу. Книги на прежнем месте не оказалось. Поискав ее во всех возможных местах, она пришла в сад, думая, не забыла ли ее там. Услышав ее рассказ, я сейчас же сказала: книга лежит в синей комнате на кровати. Это заявление было очень невероятно, так как упомянутая комната была пустая и никто туда не ходил. Однако же книгу именно там и нашли. Пока мы сидели в саду, в дом были принесены носильщиками картины и книги одного знакомого и все было прибрано в пустую комнату, случайно при этом захвачена была и книга, лежавшая на столе в прихожей.

К этому рассказу мисс X. делает следующие примечания: «Как произошло это? Со мною такие происшествия бывают слишком часто, чтобы объяснить их случайностью. Едва ли здесь можно говорить о телепатии, так как нет никакого основания предполагать, чтобы носильщик вполне сознательно захватил книгу вместе с другими и никто этого не видел. Точно так же не может быть речи и об ясновидении, потому что в моем сознании не было никакого определенного образа; я не имела и видения, в какой-либо известной мне форме, того места, где лежала книга. Мои слова не имели никакого основания, хотя я чувствовала, что говорю не наугад. Я могу выразить свое впечатление только сказавши, что мне это «пришло в голову». Так бывало со мною и в других случаях, когда я тоже не ошибалась, как ни странны были мои указания». Как видно, мисс X. нисколько не отказалась бы прибегнуть к телепатии или ясновидению, если бы она не могла объяснить себе данный факт иначе. Но она полагает, что в данном случае ничего подобного не было. Она не дает более подробного объяснения, да оно и не нужно, потому что дело, по-видимому, объясняется очень просто: слушая рассказ о том, что книгу искали везде где можно, она легко могла бессознательно сделать вывод, что книга может быть только там, где ее никто не подумал искать, т. е. в синей комнате. Даже определенное указание на кровать может быть объяснено очень просто, если кровать была единственной мебелью в пустой комнате. Можно, впрочем, дать и другие объяснения; впоследствии мы увидим, что мисс X. сама не раз констатирует, что ее предчувствия и пророчества были основаны на забытых фактах, которые являлись перед нею в форме видений. Так могло быть и в данном случае. Мисс X. могла мельком слышать, что принесены книги и положены в синюю комнату на кровать, но потом забыла об этом. Когда заговорили о книге, то путем бессознательной ассоциации мыслей представление о потерянной книге сплелось с представлением о других книгах и привело к заключению, что и эти книги находятся в синей комнате, на кровати. Разумеется, нельзя с точностью определить, каким именно путем мисс X. пришла к своему заключению. О ходе бессознательной психической деятельности в каждом отдельном случае можно только догадываться. Ясно только одно, что все происшедшее может быть проще всего объяснено, как выразившееся бессознательное заключение. Мисс X., по-видимому, и сама больше всего склонна так думать.

Предчувствия, в тесном смысле слова, т. е. представления, внезапно появляющиеся в сознании безо всякого очевидного повода, бывают у многих людей весьма нередко.

Конечно, мисс X. может многое рассказать по этому поводу. В 6 томе Proceed., в статье, озаглавленной «records of telepatic and other experiences», она приводит много выписок из своего дневника, касающихся предчувствий. Все это самые обыкновенные факты. Большею частью, мисс X. удивительно верно предчувствует, что намерены предпринять ее подруги Д. и Н. Впрочем, впечатление чудесного уменьшается тем, что Д. и Н. имеют большей частью такие же предчувствия относительно самой мисс X. Из дневников мы видим, что перед нами группа подруг, настолько знакомых с литературными и музыкальными вкусами и образом жизни друг друга, что каждая из них легко и довольно точно может предсказать, чем в данное время заняты другие. Кроме того, очевидно, что молодые особы не затруднены срочной работой и имеют достаточно свободного времени, чтобы заняться разбором предчувствий о подругах. Когда мисс X. несколько дней не видела мисс Д., она начала тосковать о ней и «предчувствовать» ее посещение вечером. Обратно и Д. тоскует и «предчувствует», что ее ждут, а потому спешит заехать, свернув для этого со своей дороги. Так как мисс X., очевидно, гораздо охотнее принимает у себя, чем сама выходит из дому, то естественно, что она остается дома и ждет

гостей. Так идет изо дня в день и предчувствия по большей части сбываются. Только тогда, когда нужны совершенно определенные факты, напр., заглавие книги, бывают ошибки. Во всем этом странно только то, что мисс X., которая доказала, что умеет отлично разобраться в других более сложных событиях, не видит, что все ее такого рода предчувствия основаны исключительно на точном знании характеров и привычек ее подруг.

Так как самая характерная черта предчувствия есть его неожиданное, беспричинное появление, то, разумеется, в каждом частном случае можно только делать предположения относительно первоначального импульса к бессознательной психической работе, заключительным звеном которой явилось предчувствие. Надо думать, что всего чаще предчувствие является результатом представлений, протекающих вне сознания, но имеющих свои начала в какой-нибудь точке сознательного процесса.

Так, напр., возвращаясь после городской работы домой, я нередко имел в пути предчувствие, что для меня получены из-за границы новые книги. Часто это предчувствие оправдывалось. Хотя я не помнил точно времени, когда мною выписаны были книги, но все же я знал, что они выписаны, а между выпиской и получением проходило приблизительно одно и то же время. Мысль о доме, о предстоящей домашней работе вызывала естественно бессознательную цепь представлений, которая разрешалась в форме вышеописанного предчувствия о прибытии ожидаемых книг. Такие тривиальные предчувствия всякий может припомнить у себя, и кто пожелает вести соответствующую запись, тот увидит, что они постоянно сбываются тогда, когда для них имелись бессознательные, но определенные основания. В противном случае они по большей части бывают ошибочными.

Чувства и настроения также могут служить исходною точкою предчувствий. Когда мисс X. начинает скучать по своим подругам, то это стремление получает форму желания, ожидания, или предчувствия их посещения.

Я помню подробный же случай из своего детства. Дважды я приближался к родному дому, проведя каникулы в веселой компании, с тяжелым чувством, что произошло какое-то несчастье. Вероятно, основою этого было неприятное сопоставление воспоминаний о весело проведенном времени и мысли о домашних учебных работах. Такие мысли хотя и были у меня бессознательны, но подавленное настроение нашло свое выражение в предчувствии «несчастья». Мне кажется, что такие настроения бывали у меня нередко, но я упомнил только эти два раза, потому что они оказались верными. Другие же я конечно позабыл.

Видоизменение разбираемого чувства есть т. наз. ощущение близости.

В английском журнале Reports on the census of Hallucinations мы находим несколько таких случаев. Достаточно будет одного из них. Мистер Н. пишет: «В сентябре 1890 г. я готовился к экзамену. Однажды вечером в 11 часов я занимался изучением «de senectute» Цицерона. Я находился в маленькой комнате в 8×16 футов величиной. Вдруг мне показалось, что кто-то был в комнате. Я оглянулся кругом, думая увидеть мать, которая иногда ко мне заходила по вечерам, но ее не было. Обыскав без всякого результата комнату, я сел опять за работу, или, лучше сказать, сделал попытку работать, потому что тотчас, как я принялся за чтение, то почувствовал, что кто-то глядит ко мне через плечо. Я опять обыскал комнату, никого не нашел и удивленный лег в постель. Никогда раньше я не думал о спиритических феноменах. Через год я сидел в чужой комнате и курил. Я был один и перелистывал книгу. Внезапно появилось то же чувство, в очень сильной степени. Сначала я совсем не вспомнил о происшедшем год тому назад, а подумал, что со мною хотят пошутить. Опять я никого не мог найти в комнате, хотя живо чувствовал присутствие в ней женщины. Я счел это явление за галлюцинацию и на этом покончил. Чувство это повторялось у меня потом не раз в различных местах и всегда это была все та женщина. Но из чего я заключаю, что это женщина? А я знаю,— не предполагаю, а знаю,— что это женщина. Это ощущение является у меня всюду совершенно неожиданно; напр., недавно в моей комнате после игры в карты. Мне, наконец, оно надоело и я, кажется, с некоторой злостью сказал: «Поди ты к черту». Не знаю, насколько это заклинание будет иметь значение на будущее время, но тогда ощущение тотчас исчезло. Если это был дух, то он даже не дал мне времени извиниться».

В случае с г. Н. мы имеем дело с чисто воображаемым лицом, близость которого он ощущает, даже не думая о нем, но подобное же явление бывает и по отношению к действительным людям, присутствие которых ощущается даже в большой толпе. Последнее нетрудно объяснить. Между двумя лицами, находящимися в особых отношениях, напр., между двумя влюбленными, может установиться

известная связь, похожая на ту, которая существует между гипнотизируемым и гипнотизером. Одностороннее и сильное влечение к известному лицу обостряет чувство, особенно слух, до такой степени, что дает возможность улавливать самые легкие звуки шагов или голоса. Влюбленный не сознает, что слышит звуки, он только ощущает или предчувствует близость любимого предмета. Такие отношения были, напр., между Еленою Раковиц и Фердинандом Лассалем.

В своей книге: «Мои отношения к Фердинанду Лассалю» она говорит о многих таких предчувствиях. Мы выбираем, напр., следующее описание: «Когда я уходила из бального зала, под руку с г. Гольтгофом, он прошептал мне: «Посмотрим, дитя, здесь ли он». Не подумавши, я отвечала спокойно: «Нет, папа, он еще не пришел, я это чувствую». Как эти слова ни были странны и как Гольтгоф не был ими удивлен, но это была правда: я не чувствовала того тревожного и радостного ощущения, которое овладевало мною всякий раз, когда Лассаль находился в одной со мной комнате. Но Гольтгоф ничего не знал об этом и потому возразил мне в несколько сердитом и ироническом тоне: «Ради Бога, дитя, не пускайтесь в эти нервно-мистические истории; если вы начнете изображать из себя сомнамбулу, то я сейчас увезу вас домой». Не успел он проговорить этих слов, как я почувствовала знакомое блаженное ощущение и невольно прошептала, дрожа: «Вот он идет». Гольтгоф оглянулся и почти рассердился, когда увидел, что я права. Удивляясь моему состоянию, он сказал: «Да, вы правы, вот он идет».

О ложных галлюцинациях мне нечего особенно распространяться; говорят, что это явление очень редкое и во всяком случае оно еще мало изучено. Впрочем, это еще вопрос, точно ли так редки псевдогаллюцинации; по моему мнению, большинство предчувствий, встречающихся в обыденной жизни, суть ложные галлюцинации. От предчувствий последние отличаются тем, что они столько же отчетливы, как и чувственные восприятия; а их различие от настоящих галлюцинаций состоит в том, что вызванный ими образ не имеет полной отчетливости действительности и представляется не как реальный предмет, занимающий место в пространстве, а лишь как очень яркое воспоминание. В большинстве случаев такие видения и признаются фантастическими картинами, а не действительностью. Таким образом граница между истинными и ложными галлюцинациями проводится довольно легко, чего нельзя сказать о границе между ложными галлюцинациями и предчувствиями. Тут все дело зависит от большей или меньшей яркости впечатлений и очень трудно поддается точному определению. Лично у меня предчувствия всегда суть ясные и отчетливые зрительные образы, скорее видения, рисующие определенные положения, чем отвлеченные мысли, так что их можно назвать ложными галлюцинациями. Несомненно, то же бывает и у многих других людей. Ввиду такой неразграниченности двух понятий, сказанное о предчувствиях вполне приложимо к псевдогаллюцинациям.

III. Нормальные самопроизвольные галлюцинации

Уже давно известно, что люди, по-видимому, вполне здоровые и нормальные во всех отношениях, могут иметь галлюцинации безо всякого особого к тому повода. Однако статистический материал для определения того, насколько часты эти галлюцинации и при каких обстоятельствах они возникают, до сих пор отсутствовал. Гартмановская гипотеза о причинах галлюцинаций (сравни стр. 368) и вызванные ею оживленные прения побудили первый международный конгресс экспериментальной физиологии в Париже в 1889 г. постановить о собирании сведений о галлюцинациях, чтобы получить точный материал для суждения о значении этого явления для суеверий. Итоги такого исследования заключены в двух очень интересных работах. Англичане, доставившие всего больше материала, обработали и издали его отдельно в «Reports on the Census of Hallucinations. Proceedings of S. P. R. Vol. 10». Это — объемистая книга, редактированная целою комиссией под председательством проф. Сиджвика. Здесь мы находим очень обширную статистическую разработку материала и множество подробных данных о самих галлюцинациях и сопровождающих их явлениях. Другое немного меньшее сочинение издано в Лейпциге в 1894 г. Паришем под заглавием: «Uber die

Trugwahrnehmungen». Здесь также собран и обработан материал, добытый в неанглийских странах, но в книге гораздо более отведено места теории и автор обнаруживает удивительную склонность подробно обсуждать каждое различие между двумя совершенно разнородными явлениями: иллюзией и галлюцинацией.

Разосланные вопросы касались только галлюцинаций зрения, слуха и осязания. Галлюцинации вкуса и обоняния тоже встречаются иногда, но они всегда сомнительного характера, так как лишь в редких случаях можно удостовериться, что для них не было действительных внешних причин. Всего имеется 27 329 ответов и из них 3271, т. е. 11,96 % утвердительных, т. е. сообщающих, что данное лицо имело один раз, или несколько раз галлюцинации в нормальном состоянии, т. е. не вследствие видимой болезни. Для мужчин и женщин процентные цифры различны. В то время, как у первых только 9,75 % имели такие галлюцинации, у вторых процент возрастает до 14,87 %, 17 000 ответов исходят от англичан, или национальностей, говорящих по-английски; из них утвердительных 1684, т. е. 9,9 % (мужч. 7,8 %, женщ. 12,0 %). Таким образом, для англичан % несколько ниже, чем для других наций. Может быть такая разница зависит от свойств характера данной нации, а может быть и от других причин. При сравнительно малом числе ответов, всегда окажется больше утвердительных, чем отрицательных, потому что люди, имевшие галлюцинации, более интересуются предметом, чем те, кто не испытал на самом себе этого явления, и охотнее присылают требуемые сведения. Чем больше людей вводится в круг исследования, тем меньше становится отношение положительных ответов сравнительно с отрицательными. Ввиду этого нельзя вывести никакого точного заключения о влиянии в данном случае психологических особенностей различных национальностей. Во всяком случае все согласны, что полученные цифры ниже действительных.

Это исследование тем еще интересно, что оно очень ярко подчеркивает недостаточность всякой статистики «на память». Так как я до сих пор еще не представлял доказательства этого положения, то считаю своевременным сделать это теперь. Как материал для моих последующих рассуждений, я беру только английскую статистику, так как только она содержит необходимые цифровые данные.

В упомянутом сборнике все галлюцинации разделены на три группы: зрительные, слуховые и осязательные. Из них первая, самая большая, содержит 1112 случаев, вторая 494 и третья 179. Всего 1785 случаев. Само собой разумеется, что число лиц, ответивших утвердительно, меньше числа случаев, так как некоторые лица имели более одной галлюцинации. Мы рассмотрим подробнее первую группу: зрительных галлюцинаций. Из них 87 были в течение последнего года и из них опять же 30 падают на последнюю его четверть, 12 — на последний месяц, 5 — на последние две недели перед собиранием ответов. Но если это явление встречается одинаково часто в течение целого года, то 5 случаев в 2 недели дадут 130 в год. По тому же расчету 12 в месяц дали бы 144 в год, а 30 в четверть года — 120. Все эти цифры гораздо больше приведенного числа — 87. Чем дальше мы будем углубляться в прошлое, тем годовая цифра будет еще меньше. В предпоследнем году насчитывается 57 случаев, а в 9 предыдущих — в среднем по 41 в год. Далее, десять лет назад средняя годовая цифра падает до 20 случаев. Конечно, нет никакого основания допустить, что число галлюцинаций возросло в 1892 г., когда собирались ответы, сравнительно с предшествующими 10-ю годами, или что оно значительно увеличилось именно в последнюю четверть этого года. Постоянное возвышение числа случаев по мере приближения к новейшему времени может быть объяснено только тем, что старые случаи постепенно забывались. Это тем более вероятно, что почти все ответы приведены на память, и только очень немногие лица записывали свои видения немедленно после события. Таким образом, эта статистика ясно доказывает, как мало можно доверять человеческой памяти даже тогда, когда дело идет о таких интересных явлениях, как галлюцинации. На основании некоторых вычислений, излагать которые здесь не место, комиссия Сиджвика пришла к убеждению, что вместо упомянутых 1112, следовало бы получить 4200 ответов о зрительных галлюцинациях, если бы ничего из них не ускользнуло из памяти. Другими словами: забыто около 3/4 всех случаев.

Относительно слуховых и осязательных галлюцинаций нельзя было произвести такого подсчета вследствие недостаточности материала, однако многое говорит за то, что и здесь отношения еще неблагоприятные. Так из слуховых галлюцинаций, вероятно, забыто 5/6, а может быть и больше. Это предположение как раз совпадает с общеизвестным фактом, что слабые слуховые галлюцинации

Рис. 128. Галлюцинация с явлением чертей и чудовищ.

бывают очень часто, но именно поэтому они не привлекают к себе внимания и забываются.

Содержанием галлюцинаций почти всегда служат человеческие существа. Из 1112 зрительных галлюцинаций, 973 были в образе человеческих лиц. Половина всех случаев слуховых галлюцинаций состояла в том, что люди слышали свое имя, в большинстве прочих случаев слышались другие, совершенно определенные слова. Понятно, что такие явления весьма способствуют укреплению веры в духов и приведения. Можно без сомнения принять, что и в прежние времена галлюцинации бывали так же часто, как и теперь, и имели такое же содержание.

Мне нечего особенно распространяться о внешних условиях, при которых возникают галлюцинации. Они бывают во всякое время дня и при самом различном состоянии духа. Статистика, однако, показывает, что около 40 % всех случаев приходится на время пребывания в постели, но в бодрствующем состоянии. Это обстоятельство заслуживает внимания, потому что объясняет, что благоприятные внешние условия в значительной мере способствуют появлению галлюцинаций. Образ, произведенный галлюцинацией, гораздо легче смешивается с действительностью в полутьме, чем при ярком солнечном свете: явление, получающее в темноте характер полной галлюцинации, при свете дня, вероятно, достигло бы только силы псевдогаллюцинации. Вероятно этим и объясняется любовь спиритических духов к возможно слабому освещению.

Очень интересную и возбуждающую в последнее время большие споры задачу составляет вопрос о причинах возникновения галлюцинаций. Мы говорим не о тех частых случаях, которые вызываются болезненными процессами: лихорадкой, душевными болезнями, острыми и хроническими отравлениями, болезнями глаз и ушей. Хотя мы и при этом еще далеки от полного понимания физиологических причин явления, но все же мы знаем, что здесь имеется налицо тяжкое поражение нервной системы, которое и выражается в ненормальных психических явлениях. Но здесь мы будем говорить только о «нормальных галлюцинациях». Французский психолог Бинэ, с которым согласен и Париш, предложил теорию, по которой всякая галлюцинация имеет свой исходный пункт в чувственном восприятии. Внешнее раздражение может быть очень слабым, но все-таки оно служит как бы направляющей точкой (point de repére). Эта теория основана прежде всего на опытах с загипнотизированными. Однако, постоянное присутствие такой направляющей точки (и то еще сомнительной) при внушенных галлюцинациях, еще не доказывает необходимости ее при галлюцинациях, самостоятельно появляющихся. Во всяком случае опыт, по-видимому, не подтверждает этого предположения, как мы сейчас увидим при разборе некоторых примеров из богатой английской коллекции.

Что действительные чувственные восприятия играют известную роль в происхождении очень многих галлюцинаций, об этом не может быть и спору, так как можно найти целый ряд случаев, которые как бы служат переходной ступенью между иллюзией и галлюцинацией. Возьмем следующий пример.

«Когда мне было около 18 или 20 лет, однажды я отправился с отцом и еще тремя другими господами в горы. Раз вечером, когда мы находились еще в нескольких милях от нашего ночлега, отец и другой господин ушли в сторону от дороги. Прождав около получаса, мы отправились дальше, тревожась за отца, который был плохой ходок. Было уже темно, когда мы пришли на ночлег, но отца там не было. Я очень беспокоился и присел на минутку в приемной комнате, чтобы обдумать, что мне предпринять. Я помню хорошо, что одной рукой закрыл глаза. Когда я отнял руку, то очень ясно увидел в воздухе между мною и печью верхнюю половину фигуры отца. Научный дух и тогда уже был во мне сильнее религиозного или суеверного,— назовите, как хотите,— и я сказал сам себе: «Клянусь Юпитером,— это привидение; посмотрим, откуда оно взялось». Я стал всматриваться ближе в мой половинчатый призрак и увидел, что он состоит из пятен на печке и прилегающем карнизе. Когда я это заметил, то очерк сделался менее явственным и явление исчезло. Вскоре пришел отец; оказалось, что он заблудился в ущелье, выкупался в водопаде и чуть не утонул. Если бы это в самом деле случилось, то я бы, пожалуй, с тех пор стал верить, если не в целые, то хоть в половины привидений».

Очевидно, в данном случае видение было так близко к иллюзии, что точное решение вопроса о роде явления, т. е. была ли это иллюзия или галлюцинация, могло быть сделано только более близким осмотром пятен и признанием большего или меньшего сходства их с человеческим лицом. Но видение может быть и очень близко к настоящей галлюцинации, когда оно настолько мало основано на чувственном восприятии, что наблюдатель при всем старании не может найти его причину.

Примером этого может служить следующий рассказ: «Я видел старуху в красном платье, качающую на руках ребенка. Она сидела на камне среди обширного поросшего травою выгона. Было это

уже более двадцати лет тому назад в начале осени, при ясном солнечном освещении. Я несколько раз пытался подойти к ней, но она всякий раз исчезала, когда я подходил к камню. Вблизи не было человеческого жилья и спрятаться было решительно негде».

В данном случае явление было вызвано чем-то находившимся возле камня, но это что-то, вероятно, было очень незначительно, раз наблюдатель при тщательном исследовании не нашел ничего. Большею частью, однако, можно бывает открыть повод к возникновению галлюцинаций, хотя, например, зрительный образ может быть вызван каким-нибудь слуховым впечатлением и т. п.

«Я услыхал в коридоре шум и, заглянув туда, увидел мужчину в темном платье, стоявшего в дверях. Я испугался ужасно и бросился в соседнюю комнату, где отец нашел меня лежащим на полу. Я видел человека очень ясно: у него были длинные волосы. Мне было в это время 11 лет. Я в это время сидел за приготовлением уроков, но был в очень нервном настроении. Мое воображение было расстроено фигурою привидевшегося мне человека; я знал его и недавно перед тем видел его в гробу. Вид трупа произвел на меня сильное впечатление и это было причиной моей нервозности. Слышанный мною звук, вероятно, имел какую-нибудь вполне естественную причину».

В этом случае, где мы имеем дело с несомненной галлюцинацией, различие между нею и иллюзией очень резко заметно. При последней неправильное представление имеет всегда большее или меньшее сходство с действительным чувственным восприятием. Источник ошибки лежит в неправильном толковании ощущения. Преувеличение сходства зависит от того, что не вполне ясное представление произвольно пополняется другими ассоциациями с ним. При настоящей же галлюцинации действительно воспринимаемое впечатление не имеет ни малейшего сходства с тем, за что его принимают; так например, в вышеприведенном случае вовсе не сказано, что звук показался мальчику похожим на человеческие шаги. Следовательно, в промежутке между чувственным восприятием, обращающим на себя внимание, и последующей галлюцинацией должна произойти бессознательная психическая работа, конечно, состоящая из воспроизведения ряда представлений. Воспринятый шум сначала бессознательно вызывает представление о приближении человека, а потом этот человек принимает образ мертвеца, удручающего воображение мальчика. Здесь ход процесса понять довольно легко, потому что исходная его точка есть определенное внешнее раздражение. Но это далеко не всегда бывает так. Галлюцинации весьма сходны в этом отношении с предчувствиями, наступающими без всякого видимого повода, так как весь процесс в области бессознательного вызывается одним из совершенно неопределенных и неопределимых представлений, входящих в данную минуту в состав сознания.

Пример этого нам дает следующий рассказ: «Я видел как моя мать прошла из прихожей в детскую, которая имела сообщение и с комнатой, где я стоял около рояля и пел. Она прошла от меня не далее аршина. Мне было 14 лет, я был здоров и спокоен. Я был так удивлен, что перестал петь и окликнул ее. Когда я вышел в детскую, в ней никого не оказалось, а мать сидела в столовой. Сестра, сопровождавшая меня, заметила, что я должно быть брежу, так как она ничего не видела. Ни раньше, ни позже ничего подобного со мной не бывало».

Этот и предыдущий рассказы суть типичные примеры самопроизвольных галлюцинаций, так как в них ясно выступают все черты, которыми это явление определяется. Чем бы ни был произведен галлюцинаторный образ, внешним ли раздражением, или совершенно неизвестной причиной, в обоих случаях он стоит вне всякой связи с существующим в данное время состоянием сознания и не вызван прямо и непосредственно чувственным восприятием. Именно эта независимость галлюцинации от всего круга сознательных представлений личности и заставляет нас признать наличность бессознательных душевных процессов. *Галлюцинация тем и отличается от иллюзии, что при последней бессознательные процессы не имеют места.* Но, так как совершенно точное разграничение психических процессов невозможно, то всегда мыслимы случаи, где осознанное чувственное восприятие настолько сильно, а роль бессознательных процессов так незначительна, что каждый наблюдатель может отнести данное явление в категорию галлюцинаций или иллюзий.

Кроме самопроизвольных, есть еще другая группа — внушенных галлюцинаций. Последние могут быть результатом или самовнушения (галлюцинация ожидания), или постороннего внушения. Подробное исследование этих явлений найдет место в одной из ближайших глав. Но, так как в английской коллекции мы имеем много случаев таких явлений, то мы проанализируем некоторые из них, чтобы лучше подчеркнуть разницу между самопроизвольными и внушенными галлюцинациями.

«Когда мне было около 40 лет, я сидела однажды в отеле и ждала к обеду мужа. Дверь комнаты была открыта, и я могла через нее видеть со своего места часть лестницы и коридора. Так как муж не являлся, то я иногда поглядывала через дверь в коридор. Вдруг мне показалось, что он взошел на лестницу и медленно идет по коридору. Я все время его видела совершенно отчетливо: он приближался со знакомой усмешкою на губах, и я встала, чтобы пойти к нему навстречу; но в тот момент, когда я думала к нему подойти, видение исчезло. Через полчаса он пришел на самом деле. Я была совершенно здорова, когда это со мною случилось».

Различие между этим и предыдущим случаями галлюцинаций очевидно. Здесь сознание не было наполнено другими мыслями, а напротив, усиленно сосредоточено, может быть, даже не без страха, на приход мужа. В таком настроении дама смешивает образ своего воображения с действительным восприятием — типический пример ожидательной галлюцинации, произведенной сосредоточением внимания. При внушении со стороны наблюдают такие же явления:

Одна девушка пишет: «Однажды мне показалось, что я вижу женщину возле своей кровати; а может быть я и в самом деле ее видела. Мне было около 16 лет, и в одной комнате со мною жила другая девушка, немного старше меня. Раз ночью она вдруг будит меня и спрашивает, не вижу ли я чего-нибудь. В ту же минуту мне показалось, что в ногах моей постели стоит высокая, серая фигура, что, однако, не произвело на меня большого впечатления».

Неизвестно, видела ли что-нибудь старшая девушка, но галлюцинация младшей есть несомненно продукт внушения. Неожиданный вопрос сосредоточивает на себе внимание, а фантазия дает сейчас же соответствующий образ. Темнота и внезапное пробуждение, конечно, значительно способствовали наступлению галлюцинации, но главная причина ее, несомненно, заданный вопрос.

Галлюцинации, как и предчувствия, могут, разумеется, иметь характер пророчества, но это бывает, кажется, редко. В английском сборнике таких примеров очень мало, и это совершенно понятно. Сны, предчувствия и т. п. получают пророческий смысл только при сопоставлении их с последующими событиями и только сбывшиеся из них запоминаются, почему лишь небольшое число снов признаются вещими. Такие необыкновенные явления, как галлюцинации, гораздо легче удерживаются в памяти, чем обыкновенные сны и предчувствия, а между тем и из галлюцинаций лишь немногие, вследствие случайного совпадения с последующими событиями, могут быть признаны вещими, бóльшая же их часть в этом смысле не имеет никакого значения. Только те люди, которые часто посещаются галлюцинациями, имеют время от времени и вещие галлюцинации. У Сократа и Жанны д'Арк такие явления бывали довольно часто; также и у мисс Х. Ее дневник содержит много иногда удивительных происшествий в этом роде.

Вот, например, эпизод из путешествия ее по Шотландии с одной дамой. «Однажды утром мы завтракали одни очень рано и спешно, так как должны были ехать дальше в почтовой карете. Вдруг я увидела в воздухе, в одном или двух футах от моей спутницы маленького красного человечка. Я обратила на это ее внимание, но так как она привыкла слышать от меня разные удивительные вещи, то спокойно продолжала завтракать, и спросила только: «Каков он из себя?» Так как видение все еще носилось в воздухе, то я могла довольно хорошо его описать. Человечек был совершенно красный, похожий на индейского божка. Руки его очень сильно были согнуты в локтях, а ноги видны были только до колен. Моя подруга не могла ничем объяснить это видение и мы ушли, а он продолжал висеть как бы на невидимых шнурах. После обеда мы возвратились и моя спутница вошла первая в дом, и, возвратясь, встретила меня и сказала: «Вот твой красный человечек». Она мне показала письмо с красною печатью и с оттиском как раз той самой фигуры, которую я видела. Письмо прибыло сейчас же после нашего отъезда с утренней почтой и оказалось очень важным».

ВИДЕНИЯ В ЗЕРКАЛАХ И ШЕПОТ РАКОВИН

Мы еще до сих пор не знаем, при каких физических и психических условиях совершается вторжение бессознательного в сознательное. До сих пор еще не вполне решено, могут ли предчувствия и галлюцинации появляться у совершенно нормальных людей, или они появляются только в связи с нервными расстройствами, хотя бы настолько слабыми, что они не отражаются заметно на субъективном настроении личности. Но, не зная условий явления, мы, однако, можем предполагать, что существуют известные способы, могущие вызвать его или способствовать его появлению. Для науки такие средства, очевидно, могут быть очень полезны, так как они облегчают экспериментальное исследование предмета. Одно из таких средств хорошо известно: к нему весьма охотно прибегают на востоке теперь, как и за тысячи лет, а в XVI и XVII столетиях оно широко практиковалось по всей Европе с целью гадания. Все такие гадательные способы, каковы каптрогидро-кристалломантия и т. д., имеют между собой то общее, что гадатель или его помощник смотрит напряженно на блестящую поверхность, пока не появятся образы, от которых можно получить желаемые объяснения (сравни стр. 147). В древние времена имелась очень обширная литература этих искусств, но так как каждое описание носит явные следы суеверных воззрений и теорий их авторов, то их целиком оставляли без внимания. Вследствие чрезмерного презрения к суеверной оболочке, просмотрели заключающееся в ней зерно истины. Мисс Х. принадлежит заслуга доказательства, что эти так называемые «зеркальные методы» имеют то практическое свойство, что они могут приводить людей в состояние, очень предрасполагающее к вторжению бессознательного в сознание.

Мисс Х. испробовала метод на себе и получила прекрасные и интересные результаты. Затем ею был произведен ряд опытов для выяснения, какие средства наиболее способствуют появлению видений. Исследовательница испытывала действия стеклянного шарика, крышки часов, зеркала, стакана воды, увеличительного стекла, лежавшего на черной подкладке и т. д. Лучше всего оказался действующим полированный хрусталь, окруженный черным сукном и поставленный таким образом, что им не воспринималось никаких резких отражений от окна или других предметов. В этом виде метод испробован был в Англии очень многими, но далеко не все оказались предрасположенными к видениям. Это, впрочем, и в древности хорошо было известно, вследствие чего для этого рода гаданий предпочитали женщин и детей. В настоящее время тоже с наибольшим успехом занимаются этим искусством дамы. Благодаря множеству опытов, мы теперь до известной степени можем ориентироваться в вопросах, при каких условиях являются видения, какова их форма и содержание и на чем основан их предполагаемый вещий или пророческий характер.

Все наши новейшие кристалломантики, по-видимому, согласны, что полное здоровье есть необходимое условие получения видений. Самая легкая головная боль делает опыт неудачным. С другой стороны, ни разу не замечено вредного влияния самих опытов. Мисс Х. в течение многих лет прибегала к этому занятию, отчасти в виде развлечения, отчасти для решения более важных вопросов, но ни разу не замечала дурных последствий для своего здоровья. Можно считать, что зеркальные видения также естественны и безразличны для большинства людей, как предчувствия и т. п. вещи. Характер видений бывает различен: иногда они настолько живы, что имеют характер реальных чувственных восприятий, но так как их размеры ограничены величиной применяемого снаряда, то смешать их с действительностью очень трудно. Только одна дама говорила, что она при этом видит одинаково со всех сторон, так что у нее эти образы получили, по-видимому, характер настоящих галлюцинаций. Иногда образы не окрашены, вроде фотографий. Любопытно, что эти фигуры иногда могут быть увеличены, если на них смотреть

через увеличительное стекло. Мисс Х. пользовалась этим способом, чтобы прочитать являющиеся буквы, которые без этого были неразборчивы.

В большинстве случаев видения, конечно, не имеют никакого практического значения. Если мисс Х. прибегает к зеркалу в виде развлечения, то перед нею проходят чистые картины фантазии, например, сцены из прочитанного, выступающие в виде драматических представлений. Иногда среди этих сцен встречаются подробности, давно ускользнувшие из памяти наблюдательницы, но на самом деле, как потом оказывается, существующие в соответственных местах прочитанных книг. Таким образом мы имеем случай восстановления совершенно забытых бессознательных представлений. То же наблюдается и по отношению к действительным событиям: впечатления, промелькнувшие днем в поле сознания и, по-видимому, не оставившие никакого следа, на самом деле не пропадают безвозвратно, а воспроизводятся в видениях.

«Я вижу в кристалле часть темной стены, заслоненной цветущим кустом жасмина, и спрашиваю себя: где я это видела? Я не могу припомнить, чтобы я была в подобной местности, а между тем такие места не часто встречаются на лондонских улицах; поэтому я решаю на другой день пройти по той же дороге, по которой ходила сегодня, и заметить, не окажется ли где-нибудь такой стены. Действительно, я нахожу такое место и при этом вспоминаю, что, проходя там вчера, была вполне поглощена разговором с сопровождавшим меня лицом». При разборе сновидений мы уже видели, что появление таких бессознательных представлений может давать иногда очень ценные указания. Конечно, мисс Х. не дожидается, пока благодетельный сон даст ей полезное сведение, на которое она сама не обратила внимания. При помощи зеркала она наверное может во всякое время получить необходимое ей откровение.

«По рассеянности я уничтожила письмо, содержавшее нужный адрес. Мне было известно, в какой местности живет писавший; я взяла карту и, прочитывая последовательно имена всех городов, нашла название города, которое я забыла, но которое тотчас вспомнила, увидев его на карте; но припомнить название улицы и дома оказалось совершенно невозможным за отсутствием какой-либо исходной точки для припоминания. Недолго думая, я прибегла к зеркалу и очень скоро увидела надпись серыми буквами на белом фоне «дом Гиббса». Так как ничего лучшего я не могла придумать, то послала наудачу письмо с этим адресом. Через несколько дней я получила ответ: вверху его на белом листе серыми буквами стояло: «дом Гиббса».

Иногда неосознанные представления всплывают в такой странной форме, что по первому взгляду кажутся неимеющими смысла и лишь при тщательном исследовании можно найти в них смысл и понять их происхождение.

Мисс Ц.— еще другая дама-визионерка, сообщает очень красивый пример такого происшествия. В зеркале она увидела целый ряд букв, из которых каждая буква была окрашена в блестящий красный цвет. Она записала весь ряд: detnawaenoemosotniojaetavirpelcrictsumebgnilliwotevigsevlesmehtpuotehttcejbus и, вглядевшись, нашла, что это действительно слова, из которых каждое написано навыворот, так что получилась фраза: «wanted a someone to join a private circle, must be willing to give themselves up to the subject». Тогда она вспомнила, что незадолго перед тем она видела эти строки среди газетных объявлений, но не обратила на них никакого внимания.

Конечно, при описываемых забавах с зеркалами очень часто встречаются пророческие видения, с такой точностью предсказывающие будущие события, что это было бы очень удивительно, если бы мы не знали, как мало можно доверять человеческой памяти; но если принять в расчет это обстоятельство, то рассказы немедленно теряют свой мистический характер.

Мисс Х. сообщает: «Я написала довольно резкое письмо подруге, которая, возвратясь из далекого путешествия, пробыла десять дней в Лондоне, не навестив меня. Поэтому я нисколько не удивилась, увидев ее на другой день в зеркале, но не могла понять, почему она с виноватым лицом протягивает мне папку с нотами. На другой день я получила ее ответ, написанный накануне вечером, где она извинялась, ссылаясь на то, что почти целыми днями занята в кор. музыкальной школе. Это обстоятельство было очень неожиданно, потому что эта дама была замужем и до того времени только в качестве дилетантки занималась музыкой. Я имела случай убедиться впоследствии, что ее папка с нотами была похожа на ту, какую я видела в зеркале и немедленно после видения нарисовала».

Если бы мисс Х., хотя мельком слышала, что ее подруга занимается в музыкальной школе, то весь случай объяснялся бы просто: как и многие другие, он сводился бы к воспроизведению забытого представления. Мисс Х. утверждает, правда, что она ничего об этом не слыхала; но имеем ли мы основание безусловно верить ей в этом отношении? В предыдущем примере с жасмином она также была уверена, что никогда не видела описанного места, а между тем впоследствии припомнила даже с кем она там гуляла; следовательно памяти мисс Х. мы имеем право так же мало доверять, как и памяти других людей.

Если, для объяснения какого-нибудь явления, нам приходится выбирать только между признанием магических сил и вторжением бессознательного в сознательную область, то мы, конечно, предпочтем последнее объяснение, как имеющее большую вероятность. В целом ряде других случаев видения, так же как и сны, оказываются пророческими только тогда, если воспоминания о них при совершении соответствующих событий утратили уже первоначальную ясность.

«Я видела в зеркале фигуру мужчины, который, прижавшись к узкому окну, смотрел снаружи в комнату. Я не разглядела его лица, потому что оно было скрыто и недолго смотрела на это изображение, так как в этот вечер все видения были неясны, а это, притом, было и довольно неприятно. Решив, что этот образ был последствием разговоров последнего дня о грабежах и воровствах, я не без удовольствия убедилась, что единственное окно комнаты, также разделенное на части, как и то, которое я видела в зеркале, было совершенно недоступно снаружи. Через три дня в этой комнате случился пожар; вследствие дыма пожарные могли проникнуть только через это окно и первый, кто влез в него, закрыл лицо мокрым платком, чтобы защититься от дыма».

Считать ли такое пророчество чем-нибудь большим, чем простое воображение. Не права ли была мисс Х. в своем первом предположении, что видение было следствием разговоров о ворах? Последующее событие совершенно произвольно связано было с видением на основании случайного сходства. По крайней мере это самое простое объяснение.

Совершенно так же, как при смотрении в зеркало, можно получить галлюцинацию, прислушавшись к «кипению» раковин. Этот метод, как говорят, еще поныне в употреблении у венгерских цыган, которые таким образом получают откровения от «Ниваши», духа воздуха. Сущность явления та же: воспроизведение представлений, всплывающих из бессознательной области. Мисс Х., однако, предостерегает от увлечения этим приемом, потому что слуховые галлюцинации имеют гораздо большую наклонность к переходу в хроническое состояние, чем видения при употреблении зеркала.

Особенно интересен вопрос о психическом состоянии кристалломантов во время видений, так как исходя из него можно получить некоторые указания на обстоятельства, благоприятные для появления предчувствий и самопроизвольных галлюцинаций. Последнее основано на всплывании бессознательных представлений. Можно думать, что для всех упомянутых явлений требуется одинаковое состояние, делающее возможным их появление; только при предчувствиях и самопроизвольных галлюцинациях это состояние устанавливается само собой, а при смотрении в зеркало оно вызывается искусственно и облегчает появление бессознательных представлений. Опыт, по-видимому, указывает, что условие для осуществления этих явлений составляет некоторое состояние, сходное с гипнотическим сном различной силы. Во всяком случае, можно считать за доказанное, что у многих, по крайней мере современных кристалломантиков состояние, при котором появляются видения, легко переходит в гипноз; это тем естественнее, что фиксирование блестящих поверхностей применяется так же, как один из методов вызывания гипноза. Действительно и старые и новейшие сообщения говорят, что при самопроизвольных галлюцинациях взор часто делается неподвижным и является известная невосприимчивость к внешним раздражениям (сравни стр. 173). Мисс Х. определенно подтверждает это, и я сам наблюдал, что предчувствия или псевдогаллюцинации часто возникали в минуты внезапной «рассеянности», когда я не вполне сознавал, что вокруг меня делалось. Очень многие лица, знакомые с аналогичными состояниями, подтвердили это наблюдение. Поэтому можно думать, что необходимым условием для вторжения бессознательных представлений в сознательную область должно быть некоторое внезапно наступающее сонливое состояние, в более легких формах сходное с простой рассеянностью, но которое может незаметно переходить в более или менее глубокий гипнотический сон. В своей наиболее легкой форме такое состояние вызывает лишь предчувствия, в более сильной — галлюцинации; иногда оно наступает само собой и тогда получаются самопроизвольные галлюцинации, но иногда оно может быть вызвано искусственно такими гипнотизирующими приемами, как смотрение на блестящие поверхности. Чтобы сравнить его с чем-нибудь известным, оно наи-

более сходно с состоянием полусна, когда человек еще грезит, но уже многое сознает и из окружающей его действительности. Может быть и на самом деле это есть полусонное состояние, когда, вследствие внезапного ослабления произвольного внимания, бессознательные представления получают возможность проскальзывать в сознание.

АВТОМАТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Этим термином, как вероятно помнят читатели, мы назвали такие движения, которые не зависят ни от находящихся в данную минуту в сознании представлений, ни от внешних раздражений и являются таким образом одной из форм проявления деятельности бессознательной сферы. Если считать предчувствия и галлюцинации неожиданными сновидениями наяву, то такие движения можно назвать «лунатизмом при бодрствовании». В то время как мысль занята какими-нибудь предметами, члены тела исполняют целый ряд сложных движений, не имеющих никакой связи с содержанием сознания, так что от них остается в мозгу только неясное ощущение.

В обыденной жизни мы встречаем на каждом шагу такого рода явления.

Дамы, напр., могут заниматься какой-нибудь сложной работой и вместе с тем принимать живейшее участие в разговоре. Многие мужчины любят вертеть что-нибудь в руках во время спора и при этом нередко, не замечая того, ломают очень крепкие вещи. Другие покрывают целые листы бумаги рисунками, монограммами, изречениями и т. п.; если отнять бумагу, то субъект не замечает этого и не помнит, что он делал. При таком пачкании бумаги зрение большею частью принимает участие, но иногда и нет.

Очевидно, что все подобного рода действия направляются известными представлениями, но индивидуум их не сознает. От таких простых движений уже очень недалеко до более сложных, в результате которых оказываются те удивительные сообщения, образчики которых мы получаем на спиритических сеансах, при помощи планшетки, психографа или просто карандаша.

Опыт показал, однако, что не каждое лицо обладает способностью производить «автоматическое письмо», имеющее какой-нибудь смысл. Многие не идут дальше черчения ничего не значащих штрихов, но зато одаренные этой способностью — писать автоматически в то время, когда мысль занята другим,— могут путем упражнения довести ее до высокой степени и получить весьма интересные результаты. Нужно только продолжить путь для того, чтобы бессознательная деятельность могла найти себе внешнее выражение. Мы видели, что бессознательные представления находят доступ в сознание гораздо легче в том случае, когда субъектом овладевает особое состояние сильной рассеянности или полусна, хотя бы вызванное произвольно искусственными приемами. Для получения автоматических движений такая предварительная подготовка сознания оказывается излишней; для этой цели достаточно только развить высокую возбудимость двигательного аппарата, что достигается упражнением на почве природного предрасположения. Следовательно, для приобретения способности давать связные сообщения посредством автоматического письма, необходимо иметь сравнительно значительное развитие природной медиумической способности.

Весьма нередко можно обнаружить ясную связь между сообщениями не только одного сеанса, но даже нескольких, следующих друг за другом. Это напоминает случаи, где сновидения продолжались несколько ночей подряд, и, подобно последним, намекает на начинающееся развитие у субъекта двойной психической жизни. Часто, даже тогда, когда медиум — не спирит, все сообщения подписаны одним и тем же именем. У некоторых, особенно непривычных медиумов, попадаются иногда анаграммы, т. е. ряд букв, по-видимому, не имеющий смысла, но получающий его, если переставить известным образом буквы. Подобное же проявление бессознательной деятельности мы уже видели при описании зеркальных видений.

Для иллюстрации и оценки этих сообщений можно привести опыт одного из членов S.P.R. г-на А. «Я желал,— говорит он,— узнать, есть ли во мне способность к автоматическому письму, другими словами, принадлежу ли я к числу пишущих медиумов. В 1883 году я произвел первый опыт, затем через неделю в течение трех дней, продолжал еще опыты. В первый раз я был смущен, второй раз потрясен, в третий раз ожидал, что передо мною откроется новая полуволшебная, полуромантическая область, но четвертый опыт окончился тем, что к моему горю высокое превратилось в смешное». Г-н А. брал в руки карандаш, мысленно ставил какой-нибудь вопрос и спокойно ожидал, что его рука и карандаш напишет что-нибудь. Мы проводим здесь только результаты третьего, самого интересного опыта. *Вопр.*: «Что такое человек? *Отв.*: Tebi Hasl Esble Lies. *Вопр.*: Это анаграмма? *Отв.*: Да. *Вопр.*: Из скольких слов? *Отв.*: Пять. *Вопр.*: Какое первое слово? *Отв.*: Смотри. *Вопр.*: Какое второе? *Отв.*: Еееее. *Вопр.*: Что значит смотри? Должен я сам угадать? *Отв.*: Попробуй.— Я нашел в словах следующий смысл: Life is the less able. (Жизнь есть нечто менее всего ценное). Я, разумеется, был поражен таким результатом, доказывавшим присутствие в анаграмме независимой воли и разума и на минуту сделался правоверным спиритом. Не без некоторого страха поставил я вопрос: Кто ты? *Отв.*: Клелия. *Вопр.*: Ты женщина? *Отв.*: Да. *Вопр.*: Жила ты на земле? *Отв.*: Нет. *Вопр.*: Может быть, еще будешь? *Отв.*: Да. *Вопр.*: Скоро? *Отв.*: Через 6 лет. *Вопр.*: Почему ты со мною разговариваешь? *Отв.*: Eif Clelia e l. С возрастающим удивлением я составил из этого фразу j Clelia feel. (Я, Клелия, чувствую). *Вопр.*: Правильно я разобрал? *Отв.*: Eif Clelia e l. 20. *Вопр.*: Тебе 20 лет? *Отв.* Вечность. *Вопр.*: Что же означает 20? *Отв.*: Слова. На этот день опыт был прекращен, а на следующий г-н А. излечился от своих спиритических увлечений; получив от Клелии полное отрицание ее собственного существования, г-н А. убедился, что он разговаривал сам с собою. Нужно только заметить, что г-н А. никогда не слыхал имени Клелия.

При бо́льшем развитии медиумических способностей, т. е. при более легком проявлении бессознательных процессов, получаются еще более замечательные явления. Различные сообщения бывают подписаны различными именами и каждый из пишущих «духов» имеет свой почерк, по которому его можно узнать, при этом часто делаются сообщения о вещах, о которых сообщающий не имеет понятия, и на языках ему неизвестных.

Очень красивый пример имеем мы в произведенных в 1886 году опытах двух братьев Шиллер, английских студентов, нисколько не склонных к спиритизму. При этих опытах участвовали не менее девяти духов, приводивших между прочим цитаты на греческом и древненорманнском языках. Медиум не знал этих языков, но не отрицал, что мог где-нибудь видеть эти цитаты. Некоторые фразы попадались на индустанском наречии, что еще удивительнее, так как хотя медиум родился в Индии, но покинул эту страну восьми месяцев от роду и, сколько помнил, никогда не слыхал этого языка. Впрочем, индийские слова были не вполне правильны.

Из этих опытов видно, что самые отдаленные представления, казалось бы совсем забытые, не исчезают бесследно и при благоприятных обстоятельствах могут вынырнуть из глубины бессознательной области. Поэтому нельзя придавать никакого значения заявлению медиума, что он никогда не слыхал о какой-нибудь вещи; всего вероятнее, что соответственные представления были где-нибудь в бессознательной области (сравни опыт Аксакова над ЕМЕК НАВАССhА, стр. 200).

При автоматическом писании проявляются не только уже имеющиеся у медума представления, но могут обнаруживаться влияния, полученные им во время самого сеанса.

Лучшие опыты в этом направлении произведены в 1871 году пастором Ньюенхемом при помощи его жены в качестве медиума. В течение 8 месяцев он произвел несколько сот опытов, причем жена давала ответы посредством планшетки на вопросы, которые он писал на бумаге и затем очень упорно о них думал, не сообщая однако их содержания. Ответы очень хорошо подходили к вопросам, а так как многие из них касались тайных франкмассонских дел, о которых медиум не мог знать, то мы,очевидно, имеем случай передачи мыслей. Пастор и его жена сидели очень близко,— посторонних лиц не было,— и, очевидно, он мог бессознательно диктовать ей ответы незаметным шептанием. Пасторша утверждает, что ничего не слыхала; следовательно, слабый шепот вызывал только бессознательные представления, переходившие непосредственно в автоматические движения.

Таким образом можно считать доказанным, что путем передачи мыслей сообщаются вещи, о которых медиум не имеет ни малейшего понятия. Этот факт может дать ключ к разгадке многих таинственных явлений, наблюдаемых на спиритических сеансах.

Подобно автоматическому письму, можно вызвать и автоматическую речь. Однако у нормального человека, в бодрствующем состоянии, это едва ли возможно. Собственно «говорящие медиумы» всегда находятся в трансе, т. е. высшей

форме медиумизма. Вообще же слабый автоматический шепот, явление весьма обыкновенное.

В литературе по этому поводу ничего нет, но мне случалось делать наблюдения над самим собою. Когда я утомлялся от чтения книг на малоизвестном мне иностранном языке и переходил к другим занятиям, то нередко ловил себя на попытках составлять более или менее удачные фразы на диалекте, который только что оставил; однако фразы эти не имели никакой связи с моими мыслями. Я, конечно, не слышал слов, но автоматические движения были настолько сильны, что невольно привлекали на себя мое внимание во всяком случае не менее сильны, чем невольный шепот: причина обыкновенной передачи мыслей.

Я считаю вероятным, что такие же автоматические движения органов речи могут служить исходной точкой для передачи даже таких мыслей, о которых сам передающий не имеет сознательного представления, но которые автоматически превращаются в движения речи. Мы только не знаем при каких обстоятельствах наблюдается шептание. У меня оно появляется только в вышесказанных случаях; но, вероятно, бывает и при других условиях. Мы выше видели, что рука может автоматически писать ответы на мысленные вопросы. Можно с большей вероятностью допустить, что аналогичным способом некоторые лица автоматическим шепотом подсказывают ответы на поставленный ими же умственный вопрос. Если такой шепот будет уловлен медиумом, и он устно или письменно передаст его, то получается странное явление, что медиум отвечает на вопрос, ответ на который может быть известен только спрашивающему, между тем как последний сам этого не сознает. По-видимому, только таким способом можно объяснить опыты, сделанные недавно некоторыми уважаемыми сочленами S.P.R. О них мы подробнее скажем после.

Автоматические движения разных видов играют также большую роль у физических медиумов. Как было выше сказано (стр. 270), большинство «проявлений» этих медиумов суть только ловкие фокусы, но из этого не следует, чтобы всякий фокусник был физическим медиумом, *так как медиум обязательно должен обладать способностью производить сложные автоматические движения, чего фокуснику не нужно.* Конечно и последнему приходится производить трудные и запутанные движения, не размышляя о них; но ему нужны только определенные приемы и движения, которые он заранее старательно изучает, чтобы воспользоваться ими при выполнении программ; но это не более трудно и удивительно, чем то, что опытный пианист играет пьесу a livre ouvert; в то время, как глаза скользят по нотам, пальцы сами собой отыскивают соответствующие клавиши. Для медиума дело обстоит совсем иначе. Фокусник имеет в своем распоряжении сцену и аппараты, а публику держит на почтительном расстоянии, медиум же никаких аппаратов не имеет, и сидит среди наблюдателей. Медиум должен, так сказать, постоянно двоиться: с одной стороны, ему необходимо владеть публикой, отводить ее внимание и не допускать ее делать правильные наблюдения, а с другой — ему приходится производить ряд сложных движений, часто вовсе не предусмотренных заранее и не заученных предварительно. Если, напр., нужно при полном освещении написать на доске ответ на неожиданный вопрос, и при этом ввести в заблуждение двух строгих и интеллигентных наблюдателей, деятельно следящих за медиумом, то для этого требуется такое напряжение всех умственных сил, что письмо, если оно вообще появляется, может быть произведено только автоматически. При моих собственных опытах я иногда действительно употреблял письмо, содержание которого было мне неизвестно; поэтому оно и получало характер автоматического. Конечно, кроме писания могут быть произведены и другие автоматические движения, а так как сам медиум сохраняет о них только смутное ощущение, то он очень легко может прийти к убеждению, что не он сам совершает эти действия, но что действуют другие неизвестные силы. Понятно почему медиумы легко сами делаются убежденными спиритами.

Таким образом, физический медиум отличается от обыкновенного фокусника тем, что он может автоматически производить сложные действия, которым он не

учился. Тем не менее, не следует забывать, *что физические проявления медиумизма имеют исходной точкой сознательный обман;* медиум всегда начинает как фокусник, и должен быть знаком со всеми тайнами этого искусства. Если у него есть способность к автоматическим движениям, то это скоро обнаружится и вообще для дальнейшего развития физического медиума больше ничего не нужно. Состояния транса, необходимые для других видов медиумизма, встречаются у физических медиумов, по-видимому, лишь как исключение, и приносят им больше вреда, чем пользы. Впрочем, так как состояние транса очень легко симулировать, то весьма возможно, что многие медиумы пользуются им, как способом привести зрителей в известное, нужное им настроение; но если даже и случается иному из них в самом деле впасть в это состояние, дело нисколько не меняется: он все-таки должен быть фокусником, чтобы выполнять свои штуки в гипнотическом сне.

Что все физические медиумы без исключения суть фокусники, ясно доказывается тем, что многие из них были разоблачены и наиболее употребительные приемы их стали известны. Сам знаменитый Слэд сознался, то все его чудесные «явления», особенно в Лейпциге в присутствии Цёлнера, были ловкими фокусами (Proceedings of S.P.R. Vol. 5 p. 261). Особое значение в этом направлении имеет появления на сцене Евзапии Палладино. Исследования англичан по поводу ошибок наблюдения показали, как трудно правильно наблюдать, и какие мельчайшие предосторожности должны быть соблюдены, чтобы гарантировать себя от обмана. Можно было думать, что таких предупрежденных людей провести будет трудно, тем не менее это в течение многих лет удавалось Евзапии и притом по отношению к лучшим наблюдателям. Лишь после того, как она осмелилась наконец появиться в самом центре вражеского стана, в Англии, компании проницательнейших англичан удалось уличить ее в обмане. Разоблачение ее фокусов в Кембридже в 1895 году составляет поворотный пункт в истории спиритизма. До тех пор спириты имели право сказать, что существует физический медиум, которого не могут разгадать, несмотря на все меры предосторожности. Теперь мы знаем, что ловкому фокуснику удается некоторое время отводить глаза самым проницательным наблюдателям. *С этого момента физические проявления спиритизма потеряли всякий научный интерес, и спиритизм перестал существовать как задача для научного исследования;* интеллектуальные явления медиумизма никогда не были так загадочны, как материальные «проявления».

Людям, обладающим естественной способностью автоматических движений, нисколько не опасны упражнения в ее развитии; в противном случае все попытки добиться их очень неблагоприятно отзываются на субъекте. Мне самому удавалось получить автоматическое писание только при полном напряжении духовных сил во время сеанса, где я фигурировал как медиум; но следствием этого было сильное нервное расстройство, выразившееся между прочим в выпадении бороды на одной стороне. Интересно, что как видно из спиритических газет, подобные происшествия случались со знаменитыми медиумами после очень утомительных сеансов. Следовательно, существует, по-видимому, граница, которую безопасно не могут переступать даже опытные медиумы.

СЛУЧАЙНОЕ СОВПАДЕНИЕ, ТЕЛЕПАТИЯ, ЯСНОВИДЕНИЕ

Хотя наши познания о бессознательных психических процессах еще очень ограничены, тем не менее мы видели, что они повинуются известным психологическим законам. Их исходная точка лежит всегда или во внешнем чувственном раздражении, или во внутреннем строе сознательных представлений. Мы можем думать, что сущность этих процессов, подобно известным нам сознательным процессам, заключается в воспроизведении рядов бессознательных представлений, которые обнаруживаются, или проникая в сознание, или выражаясь в форме дви-

жений. Знание этих фактов важно для нас потому, что этим путем мы получаем ключ к пониманию целого ряда суеверий старых и новых и можем подводить их под известные психологические законы.

Самая характерная черта бессознательных процессов состоит в том, что под их влиянием человек начинает проявлять знания, которые он не мог, по-видимому, получить обыкновенным путем, т. е. через наблюдение или умственную передачу. Это явление поддерживало очень долгое время веру в то, что существуют люди, одаренные даром пророчества, т. е. которые имеют способность ощущать происходящее в отдаленных местах и прозревать будущее. Наши исследования показали, что такое убеждение имеет действительно некоторую реальную подоплеку. Мы знаем, что ясновидящие вовсе не сделались достоянием истории и что сообщения об оправдавшихся предсказаниях не суть исключительно продукт фантазии невежественных эпох. Такая особа, как мисс Х. может конкурировать с самыми знаменитыми ясновидящими прежних времен в деле видений и предчувствий. Наши сведения об этой Сивилле наших дней основаны не на смутных устных традициях, перешедших через множество поколений, но получены из первых рук, т. е. из самых сообщений молодой особы, в некоторых сомнительных случаях подтвержденных даже свидетелями. Мы видели, также, что любимое средство древности — кристалломантия, применявшаяся для приведения в действие гадательной способности, вовсе не потеряло значения и пользуется большим вниманием и в наше время. Ввиду этого мы имеем право считать за доказанное, что в основе веры в дар пророчества лежат подлинные факты. Конечно, новейшие исследования вскрыли сущность этого дарования, и доказали, что оно есть лишь одним из видов проявления бессознательной душевной деятельности. Мисс Х. и другие критические наблюдатели пришли к заключению, что все самые загадочные случаи объясняются совершенно естественно — всплыванием забытых представлений из бессознательной сферы или же незамеченными внешними раздражениями, проникающими в сознание, или переходящими в движения.

Однако остается еще ряд случаев, где при самом тщательном исследовании не удалось открыть, откуда ясновидящий почерпнул свои знания. Уже при разборе вещих сновидений мы видели, что иногда решительно невозможно объяснить, каким естественным путем сновидец узнал факты, которые он видел во сне, и которые впоследствии оправдались на деле. Подобный пример мы имели в сновидении пастора Лизиуса о смерти матери (сравни стр. 176). В рассказах о спиритических сеансах упоминаются также неоднократно необъяснимые предсказания, будто бы сбывшиеся. К сожалению лица, сообщающие эти случаи, настолько проникнуты верой в духов, что на их объективное отношение положиться нельзя, так как они очень легко могут просмотреть самые простые объяснения. Гораздо больше доверия заслуживает материал, оставленный мисс Х. и другими современными кристалломантиками; среди них только единичные случаи самопроизвольных галлюцинаций и кристальных видений остаются неразъясненными. Наконец, в знаменитом труде Джёрнея, Мейерса и Подмора и в вышесказанном отчете комитета Сиджвика: *Phantasms of the living*, мы находим отдельные факты самопроизвольных галлюцинаций, имевших пророческий характер. Общее во всех этих случаях — явление известных лиц другим в форме зрительных и слуховых галлюцинаций, в течение 12 часов до или после смерти, и далеко от места события. Как объяснить такие факты? Основаны они на случайном совпадении, или на самом деле существует какая-то способность предвидения? Прежде всего надо условиться о том, когда мы имеем право говорить о случайном совпадении. Строго говоря, случайности не существует: все имеет причину; но если два события совпадают в известных пунктах, то они могут и не иметь общей причины, обыкновенно между ними нет никакой причинной связи, хотя она и возможна. Так, напр., два лица А.и В. сходны друг с другом. Это явление может иметь общую причину, если, напр., они братья, но может быть и случайно. Если произойдет на улице встреча двух лиц, то присутствие их в одном месте может иметь одну общую причину, если

они уговорились там встретиться, но может иметь две совершенно независимые друг от друга причины, и тогда мы называем встречу случайной. Итак, если мы говорим о случайном совпадении, то это не значит, что это совпадение было вообще безо всякой причины, а только то, что для данных двух фактов нет одной общей причины. Если А. имеет пророческий сон как раз в то время, когда вдали умирает его друг В., то совпадение между галлюцинацией и смертью может быть случайной, или иметь причинную зависимость в том, напр., смысле, что А. имел дурные вести о В., эти вести вызвали его образ, который и получил пророческий смысл вследствие естественной, причинной связи. Однако в таких исполнившихся предвещаниях, где невозможно найти естественной причинной связи между предвещанием и событием, приходится ставить вопрос: имеет ли исполнение предсказания случайный характер или, может быть, существуют неизвестные нам факты, обусловившие причинную зависимость между предсказанием и событием, к которому оно может быть отнесено?

Прежде всего заметим, что решение вопроса носит числовой характер. Поясним примером. Если мы возьмем обыкновенную игральную кость, на сторонах которой обозначены точки 1, 2, 3... до 6, бросим ее 100 раз, и при этом получим 17 раз 6 очков, то здесь нет ничего, чтобы не объяснялось простой случайностью. Так как очевидно, что для всех цифр вероятность выпадения одинакова, то мы говорим, что она равна 1/6, т.е. можно ожидать, что каждая цифра очков выпадает 16—17 раз. Но если при стократном бросании число 6 выпадает 40 раз, то очень вероятно, что существует особая причина, благоприятствующая числу 6, т. е. кость неправильна: центр тяжести ее расположен ближе к одной стороне. Если при 100 бросаниях число 6 получится 80 раз, то это может считаться почти достоверным. Вообще, можно сказать, что насколько фактическое совпадение превышает среднюю вероятность, настолько более мы в праве утверждать, что существует специальная причина этого явления. Но хотя этот принцип очень прост и ясен, однако применение его к вопросу о предсказаниях очень затруднительно. Невозможно определить среднюю вероятность случайного исполнения снов, предчувствий, галлюцинаций и т. д., пока они касаются всего, что есть под луной. Однако, когда дело ограничивается смертью человека, то можно установить некоторую вероятность. В отчете комитета Сиджвика мы читаем: «Тот факт, что каждый из нас умирает только однажды, дает нам возможность вычислить среднюю вероятность совпадения смерти с каким-нибудь другим событием, напр., с явившимся другому лицу галлюцинаторным образом умершего. За основание вычисления возьмем, напр., коэффициент смертности в Англии и в Уэльсе, 19,15 на 1 000 в год, т.е. 19 на 365 000 в день, или 1 из 19 000 в день. Таким образом 1/19000 есть средняя вероятность, что какой-либо человек умрет именно в тот день, когда другой увидит его в галлюцинации, если между этими двумя фактами нет причинной связи. Итак, из 19 000 галлюцинаций можно ожидать, что одна выпадет на 24 часа, ближайших к смерти известного лица.

После того, как комитет отбросил все сомнительные случаи и внес поправку на необходимое число забытых галлюцинаций он пришел к заключению, что при 1300 случаях галлюцинаций, 30 раз было совпадение видения со смертью соответствующего лица в течение 12 часов, до или после ее. Действительное отношение 30 к 1300 есть 1:43, тогда как вероятное вычислено 1:19000, т. е. первое превышает второе в 440 раз. Следовательно, должна быть какая-нибудь особая причина для такого совпадения, и оно не может быть случайным. Если предположить, что во всех описанных случаях между галлюцинирующим и умирающим не существует естественной связи, т. е. первый не знает о близкой смерти последнего, то, очевидно, в таком случае нужно допустить наличность какой-то иной, неизвестной зависимости. Назовите ее телепатией, воздействием на расстоянии и т. д.

Для признания такого предположения нужно, однако, предварительно доказать самое существование телепатии, хотя бы, например, при передаче мыслей. Однако мы знаем, что последнее явление основано на незаметном шепоте и обна-

руживается только на небольших расстояниях, вследствие чего возможность телепатического воздействия с одного полушария на другое оказывается крайне невероятной. Конечно, можно было бы допустить, что в такой важный момент, как смерть, обнаруживаются такие силы, которые вовсе не проявляются в обыкновенное время, но, к сожалению, точно констатированные случаи этого явления не могут быть объяснены телепатией между живым и умирающим. Вспомним, напр., галлюцинации мисс X. о красном человеке. Здесь речь идет не о смерти. Следовало бы, значит, допустить взаимодействие на расстоянии между нею и совершенно незнакомым ей человеком, написавшим письмо. Возьмем другой случай: ее видение в зеркале человека, смотрящего в окно (см. стр. 335). Каким образом может быть здесь приложена телепатия? Ни пожарный, и никто на свете не мог знать, что через три дня загорится в комнате. Если таким образом признать, что видение не только казалось, но и на самом деле было пророческим, то значит мисс X. в ту минуту была ясновидящей. Но что же это значит?

Когда астроном предсказывает лунное затмение в известный день года, то он делает это, опираясь на точное знание положения небесных светил и законов их движения, из чего он может заключить, каково будет их положение в известный день. По аналогии нужно думать, что ясновидящий имеет настолько точное понятие о положении вещей во всей Вселенной, что бессознательно выводит заключение о том, что должно случиться в известное время, в известном месте. Но такое знание положения в данную минуту всех вещей во Вселенной есть не что иное, как всеведение; значит, ясновидящий оказывается временно всеведущим. Но так как даже спириты своих духов не решаются наградить такими свойствами, то ясновидящий не может сослаться на содействие дружественного духа. Таким образом приписывать человеку ясновидение, есть чистая бессмыслица. К счастью нам и не требуется такого несообразного признания. Из истории с пожарным мы знаем, что мисс X. сначала считала видение естественным последствием разговора, и только потом, когда произошел пожар, а воспоминание сна несколько потускнело, она нашла такое сходство между галлюцинацией и последующим событием, что приписала ей пророческий характер. Так бывает обыкновенно в большей части подобных случаев. Видение получает пророческий характер только вследствие некоторых ошибок памяти. Те немногие факты, которые не подходят под это объяснение, могут оказаться случайным совпадением. *Необыкновенные случаи бывают иногда, но мы уже видели, когда говорили о вещих снах, что только очень небольшое число их не может быть объяснено естественными причинами. Вопрос о галлюцинациях и смертях приходится пока оставить открытым.* По существу своему телепатические силы не заключают в себе нелепости, и всегда можно допустить существование чего-нибудь подобного. Но если принять во внимание, что статистические сведения о галлюцинациях, и выводимые из них вычисления основаны на таком шатком основании, как человеческая память, то нет ничего невозможного и даже вероятного, что вся эта статистика в будущем окажется неверной. Когда интерес к подобным явлениям будет возбужден на всем земном шаре, то может быть, будущая статистика даст тот любопытный результат, что действительное число вещих галлюцинаций не превышает средней вероятности. Нельзя поэтому говорить о телепатических силах, пока статистика, которая должна их доказать, сама еще не доказала своей верности.

НОРМАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ВОСПРИНИМАТЬ ВНУШЕНИЯ

I. Сущность и свойства этой способности

Направление внимания определяется двумя группами причин; с одной стороны, *внешними* впечатлениями, передаваемыми органами чувств, с другой — *внутренним* содержанием сознания, представлениями, проникнутыми сильными

чувствами. В первом случае говорят, что внимание привлекается невольно, во втором — что оно направляется на данные представления по произволу самого лица. При обыкновенных условиях, а следовательно, в обыденной жизни оба фактора всегда действуют попеременно. Иногда внимание наше помимо воли привлекается внешними раздражениями, иногда же мы по произволу направляем его на свои собственные мысли или наблюдения и углубляемся в них. Опыт доказывает, что в этом отношении существует большая индивидуальная разница. Одни очень мало владеют своим вниманием, и потому оно у них привлекается внешними раздражениями — так бывает у детей, у дикарей. Произвольное направление внимания всегда зависит от содержимого сознания индивидуума, т. е. от состава мыслей и чувств, которые дают вниманию то или иное желательное направление. Чем менее данных для этого в содержании сознания, тем менее может быть речи и о произвольном управлении вниманием. У ребенка вся деятельность внимания непроизвольна; если ребенок заплачет о чем-нибудь, то не перестает до полного утомления или пока его внимание не перейдет на другие предметы. В содержании своего собственного сознания ребенок не находит материала для подавления аффекта. Если же извне явится представление противоположного характера, то он не может сохранить существующего настроения и плач сейчас же переходит в смех. По мере развития ребенка и обогащения его сознания способность произвольного управления вниманием увеличивается. Наибольшую противоположность ребенку мы имеем в зрелом образованном и рассудительном человеке, внимание которого только изредка поглощается внешними раздражениями, и то только в тех случаях, когда эти последние слишком сильны или когда он допускает это по своему желанию.

Чем меньше власть человека над его вниманием и чем чаще и сильнее им завладевают внешние впечатления, тем больше его «восприимчивость к внушению». Внушением же называется внешнее раздражение, вторгающееся в сознание и с особой силой приковывающее к себе внимание. Таким образом, дикари и дети особенно восприимчивы к внушению, т. е. особенно чувствительны к раздражениям, идущим из внешнего мира. Чем, напротив, богаче и разнообразнее содержание духовной жизни человека, тем менее влияния имеют на него внушения со стороны. Итак, способность воспринимать внушения есть нормальная способность, более или менее присущая всякому человеку. Так как произвольное управление вниманием требует волевого акта, а непроизвольное сосредоточение его происходит без усилия со стороны индивидуума, то всегда бывает легче отдаться во власть внешних влияний, т. е. подвергнуться внушению. Вследствие этого восприимчивость к внушению у детей развита в высшей степени; с течением лет она уменьшается, но никогда не покидает человека вполне.

Из всего сказанного о внушении мы легко можем понять и самое его действие. Если внимание приковано к какому-нибудь одному представлению, то ничто не проникает в сознание извне, кроме того, что прочно ассоциировано с этим представлением; таковыми могут быть другие представления, движения или органические изменения. Поэтому внушение может иметь последствием возникновение определенных состояний сознания или вызывает соответственные движения и поступки или, наконец, изменения в организме. Тот или другой эффект зависит от природы внушения. Впоследствии мы увидим, при каких обстоятельствах наблюдается то или иное действие, а теперь необходимо исследовать факторы, так или иначе влияющие на способность воспринимать внушения.

Каждый человек, не живущий в полном одиночестве, испытывает наибольшее воздействие на все свои мысли и дела со стороны других людей; поэтому способность к восприятию внушений всего яснее выражается при сношениях с людьми, что, конечно, не исключает влияния и других природных явлений.

Проходя в жаркий летний день мимо прозрачного ключа и слыша его журчание, мы наверное почувствуем жажду, хотя бы перед тем и не думали о питье. В этом случае вид ключа действует как внушение и побуждает нас к известным действиям или, по крайней мере, рождает известные желания.

Головокружение, испытываемое многими лицами на большой высоте, есть также следствие внушения; вид пропасти возбуждает представление о падении в нее и может сделать его настолько интенсивным, что на самом деле повлечет прыжок с высоты; поэтому поэты не даром говорят о «влекущей силе бездны». Всего отчетливее это чувство выражается там, где нет перил, проход по узкому карнизу над пропастью для многих совершенно невозможен. Если же на высоте груди человека протянут шнурок, хотя бы настолько слабый, что он не может выдержать тяжести человеческого тела, то головокружение исчезает: шнурок действует как контрвнушение, вызывая чувство безопасности.

Втягивающая сила бездны делается почти неодолимой, если следить глазами за падающим предметом; такое действие, например, обнаруживается при наблюдении больших водопадов. В очень интересной работе — «Внушение и гипнотизм в психологии народов» (Лейпциг, 1894) Столль пишет о Ниагарском водопаде: «Вид огромной массы воды, низвергающейся беспрерывно с отвесной скалы в пучину, действует на многие умы как чрезвычайно сильное внушение, так что только большим усилием воли они удерживаются от желания спрыгнуть в поток и унестить с ним в бездну...» Одна швейцарка, с которой я разговаривал об этом предмете, уверяла меня, что чарующая власть водопада подействовала на нее при его посещении так сильно, что ее спутник — мужчина только силой удержал ее от безумного прыжка. Эти примеры и многие другие подобные доказывают, что и *явления природы могут действовать как внушение*».

Однако всего сильнее и чаще внушения исходят от людей частью через поступки, частью посредством слова (пример заразителен). Значение человеческой речи на том именно и основано, что она более, чем что-либо другое, дает возможность влиять на поступки и мысли других людей и давать им определенное направление. «Речь получила свое развитие специально для того, чтобы служить средством внушения»,— пишет Столль. Способность воспринимать внушения, как показывает опыт, колеблется в весьма широких размерах у разных лиц и по отношению к разным лицам; от одних внушение принимается легко, другие оказываются совершенно бессильными, что, главным образом, зависит от чувств, которые мы к ним питаем. Всякие, проникнутые сильными аффектами, представления имеют свойство привлекать к себе внимание. Человек, бывший свидетелем какого-нибудь неприятного происшествия, весьма долго не может отделаться от тяжелого чувства, и многие говорят о нем до тех пор, пока это чувство совершенно не притупится. Когда мы наблюдаем тот факт, что остроумное слово в течение нескольких дней обходит весь город, то это явление имеет подобную же причину: всякий, кто его слышит, не может удержаться, чтобы не рассказывать его дальше до тех пор, пока оно ему самому не надоест. Поэтому же и люди, сильно затрагивающие наши чувства, способны производить на нас сильное внушение, тогда как другие не имеют никакого влияния. Впрочем, не все чувства действуют в этом случае одинаково. Так как предрасположение к восприятию внушения зависит от непроизвольного прикрепления нашего внимания, то именно те ощущения, которые привлекают к себе внимание, усиливают восприимчивость к внушению, тогда как она, напротив, понижается ощущениями, отталкивающими нас от данного человека. Желания и уговоры «любезных» или любимых нами людей легко производят впечатления на наши мысли и чувства, тогда как те же воздействия совершенно теряют значение, если они исходят от лиц неприятных или нам не симпатичных. Таким образом, любовь повышает впечатлительность к внушению, а нерасположение действует обратно. В том же направлении, т. е. повышая восприимчивость к внушению, действуют доверие, уважение и страх.

Если мы получаем совет от лица, которому доверяем, то это ощущение доверия привлекает на себя наше внимание и непосредственно определяет наши мысли и поступки. Если же этот самый совет дан нам лицом сомнительным, то мы подвергаем его критике и следуем ему только тогда, когда сами убедимся в его правильности, да и то не всегда. Доверие располагает нас к немедленному исполнению совета, т. е. повышает способность воспринимать внушения. В таком же направлении действует чувство уважения, например, подчиненного к начальнику, младшего к старшему и т. д. Если привычка повиноваться уже раз установилась, то послушание невольно является и там, где высшее лицо ничего не приказывает. Везде, где замешано чувство почтения, например, у детей к родителям и учителям, у прислуги к господам и т. п., восприимчивость к внушению различным образом повышена. И не только прямые приказания и советы, но и поступки действуют в качестве внушения. На этом основано значение примера. Наклонность и стремление к подражанию существуют не только у детей; недаром говорится: «Каков поп, таков и приход». По обращению служащих, напр., в конторе всегда можно заранее предсказать, как отнесется к нам хозяин. Пример так же легко заражает, как самая заразительная бацилла. И как против известной болезни делаются прививки той же болезненной материи, так же

и пример может действовать устрашающим образом. На этом, однако, сходство останавливается: иммунитет достигается посредством прививки ослабленных разводок; напротив, для того, чтобы устрашить, пример должен быть усилен, доведен до карикатуры.

Из всех аффектов страх, может быть, всего более повышает восприимчивость к внушению. Если мы кого-нибудь боимся, т. е. ожидаем от него чего-нибудь неприятного, то наше внимание напряженно следит за всеми его действиями, чтобы своевременно уклониться от последствий его неприязненного отношения. В виду такого постоянного и сильного влияния его на наши мысли и поступки всякое малейшее действие его имеет силу внушения и человек должен обладать большой самостоятельностью и самообладанием, чтобы отбросить всякое предвзятое мнение и подозрение относительно особы, которой он боится; редкие исключения только подтверждают правило. Очевидно, что тот, кого мы боимся, обладает известной силой для вреда или пользы — без этого его нечего было бы бояться. Но для возможности внушения совершенно безразлично, обладает ли устрашающее лицо действительно этой силой, или она существует только в нашем воображении. На этом факте основано то могущество, которым обладали во все времена колдуны и прорицатели. Приписываемые им силы были вполне фантастичны, и вся реальная власть их заключалась в высоко развитой способности делать неотразимые внушения. При моих волшебных опытах я имел случай испытать, с каким почтением, не свободным даже от примеси страха, относились к моим действиям даже образованные люди. У молодых дам я мог вызывать частичную каталепсию только взяв их за руку и смотря на них в упор. Когда я предлагал им отнять руку, то это оказывалось неисполнимым: рука была как бы парализована.

Под влиянием страха, внушение может принять совершенно непредвиденное направление, вызвав эффект совершенно противоположный задуманному. Такое явление называется *обратным внушением.* Всего чаще примеры такого рода мы видим при запрещениях. Мысль о запрещенном до такой степени завладевает вниманием, что у субъектов, склонных к внушению переходит в неудержимую потребность нарушить запрещение.

Приведу пример из своего детства. 11-летним мальчиком я имел учителя, вид которого внушил мне такое отвращение, какого я не испытывал никогда в жизни; кроме всего прочего, у него были такие «острые» глаза, что они невольно приковывали к себе мое внимание. Однажды к концу урока он вдруг прервал объяснение и строго приказал тому, кто щелкал языком, прекратить это занятие, так как он не выносит этого звука. Я был совершенно неповинен в этом, потому что вид учителя так устрашал меня, что я сидел ни жив, ни мертв. Однако внушение подействовало. Опасаясь, чтобы как-нибудь не произвести запрещенного звука, я все силы ума сосредоточил на акте проглатывания слюны, который при нормальных условиях совершается рефлекторно. Я так усиленно старался подавить всякое движение глотания, что рот переполнился слюной, и, будучи принужден, наконец, проглотить ее, я громко щелкнул языком. Конечно, меня наказали, но зато всякий раз в присутствии этого учителя я испытывал страшное стеснение при глотательных движениях. Это типический пример обратного внушения.

Запрещение вызывает как раз запрещенное действие в силу повышения восприимчивости к внушению, обусловленного страхом. Аналогично с доверием к кому-либо действует и убеждение в правильности известного воззрения. Каждая вера, каждое глубокое убеждение, безразлично в какой-либо области,— религиозной, философской, политической — ведет к тому, что все совпадающее с нею без дальнейших рассуждений считается истинным, все противоречащее — ложным. Такой эффект зависит от чувств, возбуждаемых в нас согласием или несогласием, т. е. чувств удовольствия или неудовольствия. Эти чувства у большинства людей служат почти всегда единственным доказательством истины какого-нибудь положения. Завладев вниманием человека, эти чувства непосредственно входят в его сознание и получают влияние на его мысли и поступки; от противоположных представлений внимание отстраняется, вследствие внушаемого ими неприятного чувства. Другими словами, определенное верование или убеждение повышает способность к восприятию всякого внушения, которое с ней совпадает, в то же время уменьшая ее по отношению ко всему противоположному. Об этом мы отчасти уже упоминали раньше. Так называемое пристрастие есть не что иное, как известное выражение подобных психических отношений: оно есть, так сказать, их интеллектуальное следствие. Если мы пристрастны к чему-нибудь, то мы замечаем лишь то, что совпадает с нашим мнением и будем игнорировать противоположные факты.

Усиление восприимчивости к внушению обусловленное известным верованием влечет за собой еще другие интересные явления. Опыт учит нас, что внушения, воспринятые при таком повышенном предрасположении, могут влиять не только на мысли и поступки данного лица, но и на все его физические и духовные функ-

ции. Наблюдательная деятельность органов изменяет свой характер, воспоминания перестраиваются, мысли получают новые направления; совершаются поступки, совершенно не согласные с нормальным характером субъекта, физиологические функции изменяются, в известных, конечно, границах; даже болезни могут быть вызваны или излечены и т. д. Пример такого рода мы уже имели при описании обратного внушения и встретимся с подобными же еще не раз. Все перечисленные явления обыкновенно вызывают воздействием других людей и могут быть вызваны извне, со стороны; но они могут быть также вызваны внутренней психической работой данного лица и носят тогда название *самовнушений*. Последние также возможны только на почве повышенной восприимчивости к внушению являющейся следствием известной веры или убеждения.

Как пример, опишем одно из «симпатических» средств, употребляемых против бородавок: бородавку натирают красной полевой улиткой, и последнюю накалывают на шип растения. Когда улитка высохнет и свалится, отваливается и бородавка. Средство это очень употребительно в Цюрихском кантоне, в Ирландии и кое-где в Германии. Сок улитки не имеет никаких целебных свойств, еще меньше, конечно, может иметь значение смерть несчастного животного, но если это средство применяется с твердой верой в него, то под влиянием самовнушения бородавка на самом деле исчезает. Следовательно, здесь, как и в очень многих случаях, деятельная сила есть вера.

Если одновременно будут действовать несколько факторов, увеличивающих восприимчивость к внушению, то она может достигнуть громадных размеров. Это, например, бывает, когда одно лицо, пользующееся полным доверием другого, побуждает его к известным действиям, согласным с его собственным верованием. Вера и доверие настолько повышают восприимчивость к внушению, что, действуя вместе, могут привести к необыкновенным результатам. Все мы знаем, какие в самом деле чудесные действия, как хорошие, так и худые, совершаются наставниками, учителями и т. д., умеющими заслужить доверие своих воспитанников.

Столль приводит много таких примеров. Вот один из самых поразительных. «В Англии некоторый чувственный фанатик, Генри Джеймс Прайс, до того отуманил своих последовательниц, что имел возможность в основанном им «Храме любви» (Агапемоне), при полном собрании верующих, лишить невинности красивую девушку, мисс П., причем он заранее объявил, что во имя Бога сделает женой прекрасную деву и совершит это не в страхе и стыде, не в скрытом месте, при запертых дверях, а среди дня при полном собрании верующих обоих полов. Такова воля Божья, и он никого не спросит, а менее всего ту, кого намерен избрать. Он не назначил, кого именно, но велел всем девицам быть наготове, так как никто не знает, когда придет жених. Прежде всего он запечатлеет избранную поцелуем, затем будет ласкать и прижимать к себе, чтобы небесный дух слился с земной материей, а затем соединится с нею телом и духом. Невероятная церемония была действительно исполнена». Комментарии излишни; однако такой факт далеко не единичен в истории религиозных сект. Всякий нормальный человек должен понять, какое неизмеримо сильное внушение должен был производить Прайс и его учение на мысли и чувства всей общины, чтобы заставить верующих присутствовать при подобной церемонии.

Этот потрясающий пример не только доказывает всю силу внушения, но указывает нам на тот новый факт, что очень многие люди одновременно могут получить внушение в одинаковом направлении. Такие «массовые» внушения в истории человеческого рода играли, конечно, немалую роль. Первый и пятый крестовые походы представляют собой несомненно результат массового внушения, что ясно видно из каждого сколько-нибудь обстоятельного изложения их возникновения. Как исходная точка суеверий, массовое внушение имеет также большое значение; его можно найти возде в основе тех случаев, когда многие люди имеют одни и те же галлюцинации. К сожалению, явление массового внушения еще очень мало разъяснено, вследствие трудности применить к нему метод экспериментального исследования. В своем небольшом, но интересном сочинении «Psychologie des foules» (Париж, 1895) Лебон историческим путем доказал, что толпа всегда более склонна к внушению, чем отдельные люди.

Переходя к исследованию влияния внушения на суеверия, мы для удобства изложения рассмотрим последовательно в отдельных главах действие его на чувственные восприятия, на воззрения и воспоминания и, наконец, на телесные состояния и поступки.

II. Внушенные галлюцинации

Сколько известно, психолог Г. Мейер первый заметил, что при крайнем сосредоточении внимания на каком-либо воспоминании или фантастическом образе, можно достигнуть того, что они предстанут перед нами с отчетливостью, не уступающей обыкновенным чувственным восприятием. Ему самому удалось вызвать таким образом только зрительные образы и осязательные ощущения. Позже подобные опыты были повторены многими другими, причем оказалось, что слуховые галлюцинации могут быть вызываемы по произволу; менее достоверно это относительно вкусовых и обонятельных ощущений, что, впрочем, вполне естественно, так как воспоминания в этой области не обладают достаточной яркостью. Опыты доказали также и то, что степень успеха очень много зависит от индивидуальности. Одним опыты удаются легко, другим почти никогда не удаются; у иных возникают только зрительные, у других лишь слуховые галлюцинации и т. д. Впрочем, такие галлюцинации, разумеется, никогда не смешиваются с действительностью, так как лицо производящее опыт всегда сознает, что полученное впечатление вызвано им произвольно, с известным усилием.

Иначе обстоит дело, когда при повышении восприимчивости к внушению, вниманием надолго завладевает какое-нибудь воспоминание. Причины такого состояния могут быть разнообразны: иногда действуют внушения со стороны, невольно сосредоточивая внимание на известных образах и представлениях посредством устных или письменных рассказов о данных предметах; при других обстоятельствах мы имеем дело с самовнушениями, возникшими на почве ожидания или страха. И в том и другом случае сосредоточение внимания может иметь последствием переход представления в галлюцинацию, не только равную по яркости и отчетливости действительному чувственному восприятию, но даже допускающую полное их смещение, тем более, что индивидуум не сознает того, что ощущаемый им образ вызван им самим. Примеры этого были приведены в одной из предыдущих глав, (см. стр. 332), теперь же мы прибавим еще несколько фактов из истории суеверия, которые всего легче могут быть объяснены в качестве внушенных галлюцинаций.

По старинным рассказам, ясновидящий, имеющий видение, может передать его другому ясновидящему путем простого прикосновения. Впрочем я не имею достоверных сообщений о таких явлениях, хотя в литературе и есть указания на такие факты, но нет никаких действительных гарантий, что оба ясновидящие в самом деле имели тождественные видения. Если же один сообщал другому их содержание, то совпадение делалось вполне естественным. Лица, склонные к галлюцинациям вообще, конечно, также легко подвергаются и внушенным галлюцинациям; поэтому вполне понятно, что рассказ о видении одного ясновидящего действовал на другого как внушение, вызывавшее у него то же видение. Пример такого рода мы имели в видении пастора Лизиуса, переходившего путем словесного внушения на сестер. Впрочем даже здесь нам неизвестно, совпадало ли содержание видения у обоих родственников; очень вероятно, что они тоже видели труп, так как он определенно утверждает, это; но очень сомнительно, чтобы видения совпадали во всех частностях. Одним словом передача галлюцинаторного образа от одного человека к другому может быть вполне объяснена как действие внушения.

Видения духов также в большинстве случаев могут быть объяснены внушениями или самовнушениями. Если человек верит в духов и ожидает увидеть их в известный момент, то восприимчивость к внушению, усиленная верой, окажет свое действие в данный момент, он будет иметь соответствующую галлюцинацию. Такое явление, как говорят очевидцы, бывает весьма нередко у сибирских народов. Шаман, или священный колдун, чудесные операции которого были описаны в первой главе, придя в состояние экстаза, постоянно видит духов в образе людей или животных. Присутствующие, уверенные, что он одержим духами, часто видят синий туман, как будто исходящий от него и думают, что это уходят духи. В спири-

тических сеансах дело происходит очевидно точно так же: все световые феномены и более или менее материализованные образы духов, есть только внушенные галлюцинации; только в некоторых частных случаях «духи» имеют другое происхождение и более материальную подкладку. Но об этом мы скажем после.

Могут возразить, что все это гипотезы, верность которых ничем не доказана. «Почему вы знаете,— скажет спирит,— что духи на самом деле не существуют?»

Рис. 129. Изгнание бесов.
Гравюра Адама ван-Ноорта (1562—1641).
См. также рис. 23, стр. 83.

На это можно ответить, что совершенно излишне допускать вмешательство духов там, где все может быть объяснено самым простым способом, посредством естественных факторов. Обязанность доказать падает всегда на того, кто выдвигает новую гипотезу; поэтому спириты должны доказать, что явления духов во всех случаях, где не было явного обмана, или медиум не находился в состоянии транса, не было эффектом внушенных галлюцинаций. Кроме того, мы имеем и положительное доказательство, что дело именно в этом. Только верующий видит духов; а вера и ожидание почти неизбежно влекут за собой галлюцинации. Остяки и тунгузы видят, как духи улетают из шамана, спирит видит духов возле медиума; в древности и в средние века многочисленные свидетели видели, как бесы оставляли одержимого под влиянием заклинаний. Древние авторы именно говорят, что бесы были видимы многими, или оставляли видимые следы своего присутствия. Изгнание бесов один из любимейших мотивов древней иконописи, где они изображаются в виде крылатых существ, выходящих изо рта одержимого. Почему же европейский путешественник не видит духов, видимых всеми остальными присут-

ствующими в юрте? Почему критически настроенный наблюдатель не видит духов на спиритических сеансах, за исключением случаев, когда сам медиум берет на себя их роль, надев соответствующий костюм? Наконец, одержимые есть и в наши дни: это несчастные гистеро-эпилептики, врачевание которых перешло теперь к психиатрам. Почему, однако, последние не видят летающих чертей при излечении своих пациентов от их припадков? Ответ очень прост: духов видеть нельзя, и видит их только тот, кто ждет их появления и доводит себя путем внушения до галлюцинаций.

Учение Рейхенбаха о силе «Од» (см. стр. 207) также основано на внушенных галлюцинациях в соединении с некоторыми другими психическими особенностями. Что свет «Од» есть явление чисто воображаемое, существующее только в сознании верующего, доказывается тем, что он не влияет на чувствительную фотографическую пластинку. Это знал и Рейхенбах, только он из этого факта вывел то заключение, что зрение людей, способных видеть свет «Од», чувствительнее, чем пластинка. 40 лет тому назад, когда были известны только влажные коллоидальные пластинки, такое заключение было, пожалуй, допустимо, теперь же — ни в каком случае. S.P.R. испытывало остроту зрения у субъектов, видевших свет «Од», и убедилось, что она нисколько не превосходит нормальную. С другой стороны, современные бромо-серебряно-желатиновые пластинки настолько чувствительны, что сохраняют отпечатки световых лучей, решительно недоступных человеческому глазу. Известный английский астроном Гёггинс, основательно изучивший также фотографическое искусство, делал опыт фотографирования гигантских электромагнитов и получил вполне отрицательные результаты. Таким образом на магнитных полюсах не существует никаких световых явлений, и все наблюдаемые феномены имеют чисто субъективный характер.

Не трудно понять происхождение света «Од». И в этом случае главную роль играет внушение, так как усиленное, напряженное внимание в ожидании что-либо увидеть, создает самые удобные условия для галлюцинаций. Явление это происходит тем легче, что опыты производятся в абсолютно темной комнате, куда не проникает ни один луч света. При таких условиях у людей, склонных вообще к отчетливому воспроизведению зрительных образов памяти, очень легко появляются светящиеся очерки предметов, на которые было направлено их внимание. Таким образом, «чувствительный субъект», есть просто человек, способный поддаваться внушению и воспроизводству в памяти зрительных образов. Этим путем легко объясняются наиболее обыкновенные феномены «темной комнаты» Рейхенбаха. Если «чувствительный» субъект уверен, что в известном месте есть какой-либо предмет, то немедленно соответствующее зрительное впечатление появляется для него на том месте, т. е. ему кажется, что он его видит. Иногда действительно кажется, что такие субъекты видят и могут найти вещи на неизвестных им местах в темной комнате, но это явление на самом деле основано на совершенно других обстоятельствах, а именно на свойствах темноты вызывать гиперэстезию или обострение внешних чувств. Известно, что слух и осязание очень усилены у слепых. По-видимому, то же явление наблюдается, только в более слабой степени, и у нормальных людей, пробывших целый час в абсолютно темной комнате. Слух и чувство температуры становится на место зрения и делаются так чутки, что до сознания доходят раздражения даже очень малой силы. Почти невозможно пошевелиться незаметно для такого «чувствительного» лица, и способность находить предметы зависит у них главным образом от того, что они слышат малейший шорох при перемещении предметов. Чувство температуры играет здесь также значительную роль. Так как «чувствительный субъект» вообще не привык делать точных наблюдений, то он большей частью не может определить, каким именно путем он воспринимает слабые раздражения. Начало восприятий остается вне сознания, но они вызывают зрительный образ, относимый к известному месту в пространстве. «Чувствительный», думает, что он *видит* там предмет, тогда как он имеет только *галлюцинацию зрения*, вызванную внешними раздражениями.

Субъективный характер явления «Од», уже очень скоро после первых заявлений Рейхенбаха, был констатирован комиссией, составленной из врачей.

Я лично имел случай убедиться в правильности приведенных объяснений путем опытов, в которых я принимал участие несколько лет тому назад. В числе многих участников были, кроме меня, еще три лица, способных видеть свет «Од». Мы все принадлежали к «зрительному типу», т. е. обладали способностью очень отчетливо воспроизводить картины памяти в форме зрительных образов. Пробыв некоторое время в совершенно темной комнате, я увидел, что магнит светится, когда я его двигаю, светились также и мои пальцы, когда я двигал ими, а один раз и все тело. Металлическая пластинка с многочисленными остриями испускала очень сильное сияние, когда я прикасался к ней пальцами; удар по гонгу вызвал в моих глазах блеск молнии. Все это доказывает, как внешние раздражения других чувств выражаются в зрительных образах, яркость которых пропорциональна силе раздражения. Когда по голосу, шуму шагов или иным звукам я мог определить положение других лиц в комнате, то у меня немедленно возникал их образ на предполагаемом месте, причем такие угадывания не всегда оказывались правильными. Температурные ощущения вызывали также зрительные образы. Когда один из присутствующих без моего ведома начал с некоторого расстояния направлять на меня «магические лучи», то я испытывал попеременно ощущения тепла и холода, и тотчас же переводил их в зрительные образы, причем мне казалось, что я вижу перед собой образ этого человека с протянутыми ко мне пальцами.

При моих опытах с другими «чувствительными» лицами сперва меня поражало, что они хватали магнит или мою руку именно там, откуда, по их мнению, исходит свет. Я думаю, однако, что у них происходило то же, что в предыдущем опыте и у меня, так как, с одной стороны, мне не удавалось производить мои манипуляции совершенно бесшумно, с другой стороны, я ясно заметил, что их движения были очень неопределенны и шатки,— они как бы ощупывали кругом и около, пока им не удавалось схватить предмет. Решительное доказательство субъективности видимых при этом образов состоит в том, что никто из нас не мог дать даже приблизительного описания контуров предметов, совершенно нам не известных, хотя бы они и находились прямо перед нашими глазами. Необходимо сначала иметь представление о предмете, после чего уже появляются его зрительные образы.

Нетрудно понять, как возникло Рейхенбахово учение об «Оде». Его идея слабого северного сияния у полюсов магнита была сама по себе недурна. Но так как сам он ничего не видал, то он привлек к опыту несколько восприимчивых женщин, которым очень легко было внушить галлюцинации. Когда это случилось, то он совершенно утратил власть над дальнейшим развитием дела. Так как внимание «чувствительных» субъектов прежде всего было обращено на зрительные впечатления, то все предметы и начали для них светиться в темноте; а так как многие опыты с разыскиванием предметов оказались удачными, то и сам Рейхенбах уверовал в существование света «Од». Не обладая нужными психологическими сведениями, чтобы объяснить поразившие его факты, он принужден был допустить существование некоторой особой силы «Од», проявляющейся, главным образом, в световых феноменах. Таким образом, этот интересный эпизод из истории оккультизма весь с начала до конца состоит из внушений и самовнушений.

III. Внушенные воззрения и воспоминания

Когда нам сообщают какие-нибудь сведения, то мы обыкновенно считаем их верными, если они не слишком неправдоподобны, или если мы не имеем особых оснований сомневаться в правдивости рассказчика. При этих условиях, мы, по большей части, верим всякому сообщению без критики и без ближайшей проверки. Очевидно, верность такого сообщения ничем не гарантирована. Путем внушения оно передается в сознание потому, что ему удалось завладеть вниманием и что у получившего его не явилось никакого представления, возбуждающего его критическое отношение. Такие внушения можно наблюдать ежедневно и без них человеческое сожитие и сношения с окружающими стали бы невыносимы и невозможны. Даже большая часть нашего положительного знания состоит не из того, что мы действительно «знаем», а из того, что принято нами на веру; путем внушения все это проникло в наше сознание и оказывает направляющее действие на наши мысли и поступки. За исключением истин математических, верность которых выводится нами из ряда логических доказательств и небольшого числа фактов из области естественных наук, в достоверности которых мы на опыте убеждаемся, все остальное наше знание основано на внушенных представлениях. Как много, напр., есть

на свете животных и растений, в существовании которых мы не сомневаемся, хотя и не знакомы с ними наглядно. Мы признаем их существование по доверию к людям, которые нам о них сообщают. Это значит, что слова этих людей невольно завладели нашим вниманием и проникли в наше сознание в силу восприимчивости к внушению, повышенной у нас вследствие доверия к сообщающим. Если такого доверия нет, то внимание остается свободным и мы ищем основания для того, чтобы признать или отвергнуть сообщения. Еще в большей мере это относится к сведениям географическим и историческим. Будучи детьми, мы всему верили, потому что это напечатано в книге и потому что так сказал учитель. Впоследствии, может быть, нам кое-что удалось проверить собственным опытом, а относительно всего остального — не возникло и сомнения.

Но если элемент веры входит в таком количестве в состав нашего «положительного знания», то таково же и содержание верования в тесном смысле, т. е. понятий религиозных и суеверных. Подобно догматам положительной религии, путем внушения от поколения к поколению, передаются и суеверия. А раз установилось известное верование, то человек уже не свободен в своих суждениях, а склонен находить в своих наблюдениях множество фактов, его подтверждающих.

Поразительный пример силы внушенных воззрений мы имеем в развитии веры в ведьм. Несмотря на многочисленные, идущие с разных сторон сообщения о шабашах ведьм, со всеми их отвратительными подробностями все это, по-видимому, чистейшие басни и выдумки. Конечно, тогда было гораздо больше колдунов и «вещих жен», чем теперь. И в деревне, и в городе, за исключением разве лишь наилучше поставленных классов общества, все врачебное и ветеринарное дело было поделено между ними и духовенством. Когда не помогали молитвы церкви, то обращались в противоположный лагерь, где хранились рецепты предков, переданные с незапамятных времен. Прибегали к ним также в делах, с которыми нельзя было обращаться к монахам и священникам. Однако хотя можно считать точно доказанным, что формы средневекового колдовства имели свою исходную точку в язычестве, но совершенно не доказано, чтобы колдуны и ведьмы составляли замкнутую корпорацию. Еще менее имеем мы оснований для того, чтобы утверждать, как делали некоторые, будто они собирались в определенных местах и в известное время с целью предаваться оргиям или для того, чтобы поклоняться языческим богам прежних времен.

В своей «Истории оккультизма» Кизеветтер (т. II, стр. 586) приводит несколько старых историй, где говорится о таких собраниях, будто бы виденных разными лицами и даже накрытых властями. Но все эти рассказы относятся к позднейшему времени, когда вера в ведовство находилась на высшей точке развития; между тем на свидетельства этого времени совершенно невозможно полагаться, как мы это сейчас увидим. Если даже в основании этих рассказов и есть некоторая доля истины, то все же нет доказательств, что это не были просто шайки разбойников, деливших добычу. Так как чрезмерно любопытные власти при этом неоднократно погибали, то уже это одно указывает скорее на разбойников, чем на ведьм. Насколько недоказанными являются утверждения о существовании общин колдунов и «вещих жен», настолько же нет оснований предполагать, чтобы их конкуренция с католической церковью усилилась именно в то время, когда преследование их достигло высшей степени.

Вера в колдовство возникла в такую эпоху, когда церковь признавала возможность волшебства. При обличениях еретиков обвинение в ведовстве прибавлялось сначала как побочное, но затем этот элемент постепенно усиливался и после продолжительной эволюции, которую можно проследить по судебным актам, представление о ереси обратилось в представление о ведовстве, так что вместо действительно бывших сектантских сообществ, преследования обратились на мнимые ведовские корпорации. Исторический ход преследования ведьм можно понять только тогда, если стать на эту точку зрения, т. е. признать сообщества их плодом чистейшего вымысла. В самом деле, вначале процессы шли туго, что и вполне естественно, так как тогда еще ничего не знали о ведьмах и их общинах. Нужно было некоторое время, чтобы соответствующие представления были внушены народу посредством устных и письменных проповедей и получили значительное распространение. Когда же все это совершилось, то дело пошло полным ходом. Мы

ведь знаем, что при наличности предвзятого мнения человек всегда найдет в ежедневной жизни множество фактов, его подтверждающих. В мелочных и самых естественных происшествиях стали видеть влияние ведьм; жалобы на них стали чаще, и чем больше их сжигали, тем более усиливался страх, в свою очередь увеличивавший число жалоб.

Но этого мало: ужас, внушаемый процессами с их нечеловеческими пытками, начинает вызывать явления, дающие жалобщикам как будто некоторую тень справедливости. Самым достоверным и неоспоримым знаком принадлежности к ведовству считалась stigma diaboli: «чертова печать». Если удавалось найти на теле колдуньи одно или несколько мест, нечувствительных к боли, то дальнейшие доказательства считались излишними. Если судить по старым сказаниям, то такие явления встречались нередко, что, в сущности, вовсе не удивительно, так как местная анестезия есть один из частных признаков истерии. Если принять во внимание, что этот невроз развивается на почве сильных волнений и ужаса, то станет легко понятным, что боязнь ведьм с одной стороны, пыток с другой, вызывали появление истерии в таких размерах, которых мы теперь не можем себе и представить. Первоначальные, ни на чем не основанные, обвинения послужили с течением времени исходной точкой таких болезненных феноменов, которые, в свою очередь, признавались доказательством для дальнейших обвинений.

Различные волшебные мази тоже употреблялись, вероятно, вследствие страха перед преследованиями. Из исследований Порта (стр. 157) мы знаем, что такие мази действительно содержали наркотические вещества и вызывали глубокий сон с эротическими сновидениями. «Вещие жены» прежних времен несомненно были знакомы с целебными и ядовитыми свойствами трав. Почему же им было не пользоваться своим знанием, чтобы получить хотя бы мимолетное забвение и утешение в их безотрадном положении среди ужасов процесса, подобно тому, как и в настоящее время с этой целью прибегают к алкоголю. Если несчастным колдуньям во время такого забытья грезились далекие путешествия и любовные похождения с колдунами и чертями, то это опять-таки зависело исключительно от внушающего действия глубокой веры в действительность подобных приключений.

В протоколах процессов о ведьмах мы встречаемся с явлением, которое на первый взгляд совершенно противоречит высказанному предположению. Бывало не раз, что женщины сами являлись в суд и возводили на себя обвинения. Казалось бы можно думать, что в этих самообвинениях была доля истины, потому что иначе что же побуждало их к такому безумному шагу? «Нельзя предположить, что это было только озлобление,— говорит Столль,— потому что ведь они рисковали головой. Столь же мало, вероятно, и предположение, что, подобно истеричкам наших дней, они желали во что бы то ни стало чем-нибудь отличиться, чтобы привлечь на себя внимание. Для понимания этого явления нужно принять в расчет, что есть многие люди, которые настолько проникаются верой в истинность всего, что им внушается прямо или косвенно, намеренно или ненамеренно, что делаются совершенно неспособными отличить действительно бывшее от воображаемого и слышанного».

В доказательство этого Столль приводит такой пример из клиники известного гипнотизера проф. Бернгейма в Нанси. Проф. Бернгейм позвал однажды юношу 14 лет к кровати другого больного № 1 и спросил: «Скажи мне: этот человек не отнял ли у тебя вчера портмоне?» Юноша тотчас отвечал утвердительно. «В таком случае расскажи, как было дело, только смотри, говори чистую правду, потому что вот господин следователь (указывает на проф. Фореля) и из-за твоих россказней этого человека могут посадить на полгода в тюрьму». Юноша клянется, что будет говорить только правду и приступает к рассказу: «Вчера в 10 1/2 часов вечера больной № 1 подошел к его койке и вытащил из-под одеяла его портмоне, а затем возвратился и лег в постель». Юношу настойчиво спрашивают, действительно ли все так было и может ли он в том принять присягу: он немедленно подиимает пальцы вверх и клянется в истине своих слов. Во время рассказа больной № 1 качает головой, и, смеясь, отрицает все происшествие. Мальчик однако, стоит на своем. Тогда проф. Бернгейм зовет больного № 2, гистеро-эпилептика, соседа по койке с № 1, слышавшего весь рассказ. № 2 дословно повторяет показание юноши и утверждает, что он видел всю сцену воровства. Бернгейм обращается к третьему больному, пожилому человеку, спокойно сидевшему на лавке, и спрашивает его. Тот хладнокровно и

решительно отвечает, что ничего подобного он не видел. При настойчивых увещеваниях припомнить хорошенько, он долго остается при своем показании, но наконец мало-помалу начинает колебаться и допускает, что нечто подобное могло и произойти в больничной палате, только он не припоминает, чтоб он это видел. История воровства конечно была вымышлена, но мы видели, как два человека моментально подхватили ее и излагали с полным убеждением в ее справедливости. Так как оба свидетеля слышат друг друга, то последующий дословно повторяет показание предыдущего. Даже третий, сначала очень ясно отрицавший происшествие, после некоторого воздействия начинает колебаться и признавать, что может быть что-нибудь и было.

«Если мы,— продолжает Столль,— перенесем такие настроения в те времена, когда большинство народов, охваченное постоянным страхом при мысли о ведьмах, было склонно видеть проявления волшебства в самых простых предметах и происшествиях, то легко поймем, как под ужасной тяжестью душевных мук, обусловленных, с одной стороны, страхом ведовства, а с другой — ожиданием вечного осуждения, могла прийти в голову какой-нибудь несчастной, вследствие ли случайного внушения со стороны, или галлюцинаторного явления демонов, мысль, что она ведьма и что совесть и долг требуют, чтобы она пошла в суд и добровольно обвинила себя. Не озлобление, а муки совести и чрезвычайная восприимчивость к внушениям принуждали многих невинных людей к роковому шагу, стоившему им жизни.

Излишне доказывать, что и судьи, охваченные также верой в ведовство, теряли всякую способность руководиться здравым смыслом. На стр. 84 мы привели пример, до какой степени безумия доводила впечатлительность к внушениям, даже наиболее интеллигентных людей того времени.

Внушенные движения и поступки

Мы уже не раз говорили, что представление об известном движении рождает стремление на самом деле выполнить его. На этом основана возможность исполнения двигательных внушений. Когда внимание сосредоточено на таком двигательном представлении, то движение сделается само собой, при условии, что индивидуум не противится нарочно стремлению к движению. Но даже и в последнем случае движение все-таки будет выполнено, если только направленное на него внимание достигает высокой степени интенсивности.

Если кто-либо, держа в вытянутой руке маятник, будет стараться держать руку спокойно, то все-таки маятник начнет колебаться, как только внимание будет сосредоточено на мысли о таком движении. Мы уже видели (стр. 283), что этот опыт удается даже с лицами, не знающими его сущности, особенно если его облечь в мистическую форму. Последнее обстоятельство доводит напряжение внимания данного лица до высшей степени, т. е. ему внушается движение.

В обыденной жизни внушенные движения и поступки встречаются очень часто, но большей частью они суть лишь подражания действиям других людей. Именно поэтому часто бывает очень трудно решить, есть ли данный поступок последствием внушения, или он должен быть объяснен иначе, потому что подобные же действия могут вызываться кроме внушения, еще и другими психическими факторами, например, так наз. инстинктом подражания. Дама видит на своей приятельнице новое платье, сшитое по самой последней моде; она спешит заказать себе такое же, потому что «нужно же быть как все». Здесь, очевидно, сказывается сознательное стремление сравняться с другими. Та же психологическая основа, хотя, может быть, с меньшей долей сознательности, проявляется в большинстве детских игр: в солдаты, в железную дорогу и т. п. И здесь, мы, строго говоря, имеем дело с подражательным инстинктом, т. е. стремлением к деятельности, получающим удовлетворение в подражании, удовлетворение тем более полное, чем поступки детей начинают более походить на дело взрослых людей. Это, между прочим, выражается в том, что старшие дети поправляют младших, если последние, по их мнению, недостаточно точно изображают действительность. В этих и подобных случаях мы наблюдаем ряд сложных и планомерных поступков, имеющих целью удов-

летворение определенного психического влечения. Такие инстинктивные, или вызванные естественной потребностью, поступки во всяком случае не следует смешивать с внушенными. Характерная черта последних состоит в том, что вниманием всецело овладевает определенное двигательное представление, которое непосредственно влечет за собой соответствующее движение.

Приведу пример для иллюстрации различия между инстинктивными и внушенными поступками. Положим *B* идет за *A* по скользкой ледяной дороге и внимательно следит за ним. Если *A* вдруг поскользнется, то нередко бывает, что и *B* непроизвольно повторит те же движения, что и *A*. Очевидно, эти движения суть результат внушения. Что *A* их делает, это вполне естественно. Он делает их инстинктивно, чтобы не потерять равновесия, но для *B*, который не скользил, повторение тех же движений не имеет никакого смысла: оно не только бесполезно, но даже вредно, так как быстрый поворот тела может повлечь за собой падение. Движение *B* объясняется только тем, что его внимание сосредоточено на *A*, и он таким образом легко поддается внушению.

В этом примере ясно видно, в чем состоит различие действий инстинктивных и внушенных. С виду движения *A* и *B* тождественны, разница же между ними заключается в различных состояниях сознания. Когда имеется налицо потребность, и для удовлетворения ее совершается известное движение или ряд движений, то мы называем их инстинктивными, если, конечно, они не имеют характера заранее обдуманных. Так, движения *A* инстинктивны. Если же поступки вызваны только представлением о движении, на котором с особой напряженностью сосредоточено внимание, то мы имеем дело с внушением. Поэтому во многих случаях мы можем различить сущность явления только путем анализа одновременного с ним состояния сознания. Хотя это не так легко сделать, но все же мы можем не сомневаться, что в обыденной жизни несомненно внушенные действия встречаются на каждом шагу. Известно, например, какое сходство наблюдается в манерах и обращении лиц, долго живущих вместе, напр., у супругов. Здесь мы имеем очевидное доказательство заразительности примера, т. е. силы внушения. Никто, конечно, не станет утверждать, что данные лица подражают друг другу сознательно, тем более, что обе стороны во многих случаях считают это даже нежелательным. Значит тут не играет роли подражательный инстинкт. Несомненно, что гораздо труднее сохранить самостоятельность и независимость, т. е. удержаться от повторения поступков других людей; наоборот, очень легко и естественно подражать тем действиям, которые мы видим перед собой. В определенный момент является представление об известном движении и влечет за собой самое движение, это и есть внушение.

Все, что сказано о взрослых людях, еще в большей степени приложимо к детям, сознательная жизнь которых гораздо более лишена самостоятельности. Опыт показывает, что манеры, наклонности, выражения и тон речи ребенка суть большей частью точный снимок с окружающих его людей. Ребенок делает то же, что и окружающие его, потому что их поступки приковывают к себе его внимание. Однако, даже у маленьких детей, в основе далеко не всех поступков можно найти подражание на почве внушения. Когда трехлетняя девочка проделывает над куклой операции, которые в течение дня делает с ней самой ее мать: раздевает, купает, вытирает, укладывает в постель и т. д., то ее поступки вовсе не суть результаты чистого внушения. Напротив, здесь мы имеем несомненно проявление подражательного инстинкта. Ребенок чувствует потребность деятельности; его фантазия очень живо работает, всплывают воспоминания об обстоятельствах его собственной жизни, и все это выражается в его действиях с куклой. Поступки ребенка вытекают из его собственного сознания, не вызываясь моментальным внешним импульсом, и служат к удовлетворению известной природной потребности. Если, однако, тут же ребенок видит, как мать, идя по грязной дороге, поднимает платье, и делает то же самое со своим коротким платьицем, то мы имеем уже другого характера поступок, а не желание «играть в мать». Девочка не понимает смысла движения, которое она видит в первый раз в жизни, и забывает его тотчас же до нового такового же случая. Только после нескольких повторений, ребенок на-

чинает поднимать платье по собственному побуждению, не имея перед глазами примера. То обстоятельство, что известное движение сначала выполняется только тогда, когда представление о нем дается извне, придает всему действию характер первоначального внушения; затем уже, вследствие частого повторения, оно переходит в сознательную игру, наравне с другими, уже известными. Во всех этих примерах, взятых из обыденной жизни, мы имели дело с движениями, произведенными нормальным внушением, когда восприимчивость не повышена никакими особыми причинами. При повышенной же восприимчивости к внушению могут быть внушены не только отдельные движения, но и сложные поступки. Доверие к другим людям в обыденной жизни есть самая частая причина такого повышенного предрасположения к внушению. Если человек настолько доверяет другому, что позволяет ему вполне распоряжаться собой, если он без критики и рассуждения слепо следует в данном случае чужим советам и указаниям, то его действия будут, конечно, результатом внушения. Поступки совершаются в надлежащее время не потому, что таково решение самого данного лица, но под влиянием внешнего побуждения, т. е. чужих слов, которые им вполне управляют. Такое психическое явление играет большую роль в суевериях. В эпохи, когда многим лицам приписывали дар провидеть будущее, такая вера бывала часто причиной исполнения пророчества: бессознательно находясь под влиянием внушения гадателя, человек действовал согласно с его предсказанием, хотя бы он даже был очень рад поступать иначе. Известное представление до такой степени завладевало мыслью, что получивший пророчество действительно исполнял его.

Очень хороший пример мы имеем в Фатнсдольской саге, где можно шаг за шагом проследить действие внушения. Ингемунд, бывший впоследствии родоначальником могущественного рода фатнсдолей, участвовал вместе с королем Гарольдом в битве при Гафурсфиорде. После этого он отправился домой к своему отцу и застал там своего приемного отца Ингъялда, который пригласил его на пиршество. На этом пиру Ингъялд и его жена по старому обычаю устроили гаданье, чтобы узнать свою будущую судьбу. С этой целью была приглашена финская колдунья. Ингемунд прибыл на пир со своим сводным братом Гримом в сопровождении большой свиты. Финская ведьма была посажена на трон, украшенный всем, что было лучшего. Каждый вставал со своего места и подходил к гадальщице, и каждому она предсказывала его судьбу, но не все были одинаково довольны пророчествами. Оба брата не встали и не подошли к «вещей жене», говоря, что они не интересуются ее предсказаниями. Тогда Вольва спросила: почему молодые люди не спросят о своей судьбе? А между тем мне кажется, что из всех, кто здесь сидит, они самые замечательные. Ингемунд ответил: «Я вовсе не желаю знать будущей судьбы».— «Ну, так я скажу тебе и без твоего желания,— сказала Вольва.— Ты будешь жить в стране, которая называется Исландией, и значительная часть которой еще не обработана. Там будешь ты знаменит и достигнешь старости, а потомки твои прославятся в той же земле». «Твое предсказание очень удачно,— сказал Ингемунд,— потому что я решил никогда там не бывать. Хорош бы я был хозяин, если бы продал здесь свои обширные вотчины и ушел бы искать счастья в дикой пустыне».— «Все это сбудется,— продолжала пророчица,— и доказательством будет следующее: значок, который дал тебе Гаральд Гаарфагер в Гафурсфиорде, исчез теперь из твоего кошелька, и ты найдешь его только в лесу, где ты будешь жить: на нем было серебряное изображение Фрейра. Когда ты построишь свой двор, слова мои оправдаются».— «Если бы я не боялся оскорбить моего приемного отца,— сказал Ингемунд,— я бы тебе на головке отсчитал хорошую плату, но я не разбойник, и на этот раз ты отделаешься дешево». Она отвечала, что ему не следует сердиться, но он сказал, что она пришла в недобрый час. Тогда она повторила опять, что предсказание ее сбудется, хочет он этого или нет. Ингемунд пробыл у своего отца зиму и лето и отпраздновал свою свадьбу, на которой присутствовал король Гаральд. При этом Ингумеид сказал королю: «Я доволен своей судьбой и ваше благоволение для меня большая честь, но я постоянно думаю о том, что сказала финская колдунья о перемене моей судьбы. Я очень желал бы, чтобы оно не исполнилось, и я не был принужден оставить свои наследственные поместья».— «Однако оно может содержать долю правды,— сказал король,— если там должно оказаться изображение Фрейра и там он хочет основать свое главное пребывание». Ингемунд сознался, что ему очень хочется узнать, найдет ли он там изображение, когда ему придется воздвигать алтарь для домашних богов. «И я не хочу скрывать, господин, что я имею в виду призвать нескольких финнов, которые могут дать мне сведения об этой стране, и намерен их послать в Исландию». Король сказал, что будет хорошо, если он это сделает, и что по его, короля, мнению ему придется туда отправиться.

Ингемунд вызвал нескольких финских колдунов, чтобы получить от них известия об Исландии. Они рассказали ему об этой стране и прибавили, что ему придется самому туда поехать. «Да и я также думаю,— сказал Ингемунд,— от судьбы не уйдешь». Он богато одарил финнов и отпустил их. Некоторое время он оставался в своих поместьях, затем отправился к королю и сообщил ему свое намерение. Король ответил что он этого ожидал, потому что нельзя уйти от того, что предсказано. «Да будет так,— сказал Ингемунд.— Я сделал все, что мог». Король продолжал: «Где бы ты ни был, ты везде будешь почтен и уважаем»,— и отпустил его с почетным подарком. После этого Ингемунд собрал своих дру-

зей и других вождей на пир, во время которого попросил их внимания и сказал: «Я решил покинуть старое место и переселиться в Исландию, не столько потому, что я этого хочу, сколько потому, что такова воля судьбы. Кто желает за мной следовать, тот свободен сделать это, но каждый может и оставаться, если ему любо». Его слова встретили большое одобрение, и все сказали, что его отъезд составляет для них большую потерю, но что мало людей, которые были бы сильнее судьбы.

Само собой разумеется, что подобного рода происшествия бывали не раз и впоследствии. Конечно, «от судьбы не уйдешь», если думать, что судьба есть нечто заранее предопределенное, и что сопротивляться ей бесполезно.

С этой точки зрения становится понятной влиятельная роль астрологов в средние века и почти до нашего времени. Если владетельные князья содержали придворных астрологов, которые по звездам должны были и предсказывать судьбу, то это не было пустой формальностью. Астрологам верили, по их указаниям направляли дела, и гороскопы их оправдывались. Имеются точные исторические указания, что государи, при исполнении их супружеских обязанностей, сообразовались с мнением астрологов, назначавших время наиболее благоприятное для зачатия наследника престола.

Где царствует столь слепое доверие к искусству гадателя, там восприимчивость к внушению повышена до крайней степени, и нельзя удивляться тому, что гороскопы, составленные при рождении какого-нибудь принца, по отношению к разным частностям оказывались пророческими. Несомненно даже, что предполагаемое знание будущего может иметь значение внушения, действующего на всю жизнь, на все мысли и настроения человека. Если, напр., ему была обещана победа в битве, то это воодушевляло не только вождя, но и все его войско; при предсказании поражения являлся обратный эффект и сообразно с этим на самом деле в результате получалась победа или поражение. И теперь мы нередко можем услышать: «От судьбы не уйдешь», а так как одинаковые причины имеют и одинаковые последствия, то и теперешние гороскопы испоняются, действуя как внушения.

В виде примера приведу следующий отрывок из полученного мной письма. «Так как я родился под знаком Меркурия, то эта планета оказывает большое влияние на всю мою жизнь. Меркурий движется быстро и сообразно с этим означает перемены, поездки и много детей. Вся моя жизнь протекает сообразно с этим. Много раз я менял свое местопребывание; два раза объездил вокруг света и потому жил вне Европы. Недоставало только детей. Недавно я встретил одного педагога и по его рекомендации поступил учителем в школу; теперь мне остается сделать последний шаг: сдать экзамен на учителя. Все это, очевидно, совпадает с моим гороскопом, хотя я не сомневаюсь, что вы назовете это случаем...»

IV. Внушенные органические изменения

До сих пор мы говорили исключительно о влиянии внушения на состояние сознания и на вытекающие из них движения произвольных мышц. Им противополагаются внутренние, органические изменения сердца, кровеносных сосудов, желудка, кишечника, желез и т. д., над функциями которых человек не имеет власти. Этим я не хочу сказать, что все перечисленные изменения находятся в полной независимости от сознания, напротив известные колебания душевной жизни всегда определенным образом отзываются на изменении различных органов. Так, напряжение внимания увеличивает, а ослабление его уменьшает число сердечных ударов. Если внимание сосредоточивается на какой-нибудь части тела, то в этом месте изменяется кровообращение, сосуды расширяются и вместе с тем увеличивается приток крови. Вкусовые ощущения настолько связаны с выделительной работой слюнных желез, что даже соответствующее представление вызывает их деятельность. «Слюнки текут» при воспоминании о кислых и сладких плодах, а при воспоминании о чем-нибудь горьком во рту сохнет. Вообще всякое сильное душевное возбуждение очень ясно отражается на всем организме. Дыхание, сердцебие-

ние, просвет сосудов, движения кишечника — все находится в определенной зависимости от известных душевных настрений. Те же самые изменения наблюдаются не только при действительных эффектах, но и при мысли о них, хотя, конечно, в более слабой степени.

Все эти факты доказывают, что между душевной жизнью и различными состояниями организма существует тесная связь, чем и устанавливается возможность влиять на организм путем внушения. Такое внушение не раз применялось с лечебной целью, и оно тем действеннее, чем больше восприимчивость к внушению у пациента, а это последнее, в свою очередь, прямо пропорционально доверию, которое пациент имеет к врачу. Уже в конце XIII века Арнольд Вилланова очень ясно понимал, что для врача чрезвычайно важно овладеть доверием пациента, «потому что тогда всего можно достигнуть» (сравни стр. 126). В настоящее время всякий понимающий дело врач тоже знает, что внушение имеет огромное значение при болезнях, особенно в тех страданиях, против которых нет специфических средств. Это относится не только к нервным болезням, при которых центр тяжести лечения лежит именно в психической терапии, но и к большинству других, где присутствие врача крайне важно, так как уже одно успокаивающее действие его помогает организму в его борьбе с болезнью.

Страх и тоска всегда ухудшают течение болезни, а приподнятое настроение, радостная неожиданность очень способствуют выздоровлению. Какое значение страх имеет при эпидемиях, хорошо выяснено в восточном сказании «О князе и холере». Князь и холера встретились однажды за городом и первый спросил вторую, сколько людей она намерена на этот раз унести. «Тысячу человек,— сказала холера. Когда затем она удалилась из города, князь снова встретил ее и стал упрекать за то, что она не сдержала слова и вместо тысячи умерло 5000 человек. «Нет,— отвечала холера,— это не я; 4000 убиты страхом». Всем известно, что небольшая ломота или головная боль без следа исчезают при веселом настроении. Поэтому понятно, что присутствие внушающего доверие врача, производя психическое воздействие, благоприятно влияет на ход болезни.

Врач может различным образом пользоваться восприимчивостью к внушению, поддерживаемой доверием к нему. Опыт учит нас, что представление, или напряженное ожидание какого-нибудь телесного изменения часто вызывает через некоторое время такое изменение на самом деле. Представление о холоде или тепле вызывает изменение притока крови к соответствующему месту. Успешное лечение болезней в прежние времена тоже говорит за благодетельное влияние душевной деятельности на организм. Хотя врачебное искусство в то время было гораздо несовершеннее и неосновательнее чем теперь, тем не менее случаи излечения не являлись исключением. Мы знаем, наконец, что род людской в течение тысячелетий вполне удовлетворяется лечением всех болезней заклинаниями, волшебными песнями, амулетами, реликвиями, симпатическими средствами и т. п. Конечно, магические действия оказывались бессильными там, где больной не мог быть излечен психическим воздействием.

Не одни только Гомеровские герои умели «заговаривать кровь»; это случается и в наше время, конечно, только в наиболее необразованных странах, где еще верят в колдовство. Столль приводит письмо одного Силезского пастора, который, как он утверждает, был очевидцем необычайного излечения. «При постройке новой церковной ограды в Шрейбергау (в Исполиновых горах), на выбранном месте пришлось вырубить кустарник. Находясь однажды среди рабочих, я заметил небольшое волнение и услышал, что кто-то громко закричал: «Эй, есть там кто-нибудь, чтобы заговорить кровь?» Другой человек, бывший в некотором расстоянии, ответил: «Да»,— и направился к первому. Я пошел за ним и стал так, что мог видеть все происходившее, не смущая действующих лиц. Звавший на помощь работник нанес себе острым топором на левой руке глубокую рану, из которой сильно лилась кровь. Другой взял раненую руку и забормотал какие-то непонятные слова. Так как дело было лет 50 назад, то я не могу припомнить, делал ли он при этом еще что-нибудь; кажется, только поглаживал раненую руку. По прошествии приблизительно минут двух, врачевание было окончено, и тогда я подошел ближе. Рана совершенно не кровоточила и имела синеватые отлогие края. Я не знаю, насколько быстро зажила рана, но дурных последствий она не имела».

Следующий случай покажет нам, насколько безразличное средство может влиять на больного, если только он доверят врачу. Один крестьянин явился за советом к знаменитому врачу, князю Гогенлоэ, по поводу паралича языка, сделавшего его немым. Желая измерить температуру пациента, врач вставил ему под язык градусник. Но крестьянин подумал, что это какой-то лечебный инструмент, и когда градусник был вынут, упал на колени и произнес совершенно отчетливо: «Слава Богу, я выздоровел и могу говорить».

Рис. 130. Больные пришедшие на могилу Диакона Пари.
(С эстампа Парижской национальной библиотеки).

Если таким образом внушение может иногда действовать почти моментально, то естественно, что рядом последовательных внушений можно достичь иногда почти невероятных результатов. В этом смысле амулеты, вероятно, играли немалую роль. Если амулет имеет назначение предохранить от болезни, то человек ее не боится и шансы заболеть ею действительно уменьшаются. Если он служит как лечебное средство, то больной будет испытывать внушение всякий раз, как коснется амулета; а так как эти предметы надеваются обыкновенно непосредственно на тело, то каждое движение пациента напоминает ему о присутствии талисмана и производит соответствующий эффект. В древности с этой целью применялись каменные и металлические пластинки с вырезанными на них заклинаниями, в средние века — реликвии святых, или магические печати, в настоящее время — Вольтовы кресты и т. д. Конечно, природа амулета не имеет никакого значения, а все дело в вере пациента. Если Вольтовы кресты дали несколько случаев несомненного излечения, то почему не допустить возможности того же и для амулетов древних времен. В последних, наверно, было столько же «электричества», как и в первых, и они несомненно точно так же «электризовали» только фантазию пациента.

Если таким образом внушение может быть применено на пользу ближнего, то, конечно, нетрудно направить его и во вред. Сила, приписываемая во все времена проклятию, конечно по своей природе относится к явлениям внушения.

На островах Океании еще и теперь употребляется способ самой утонченной мести врагу, который называется «замолить его до смерти». При совершении установленных на этот предмет торжественных церемоний, произносятся проклятия врагу. Очень вероятно, что когда последний узнает об этом, то страх проклятия может вызвать такие изменения в его организме, что он в скором времени в самом деле умирает. Таким же образом, т. е. путем внушения, влияет, конечно, и проклятие через изображения, известное халдеям, существовавшее в течение всех средних веков в Европе, и в настоящее время встречающееся у многих диких племен. Если человек узнавал, что над его изображением проделана та или иная смертельная манипуляция, то страх мог на самом деле постепенно свести его в могилу.

Но наиболее сильное психическое воздействие получается в тех случаях, когда оно совершается при содействии религии, потому что вера в силу божества, конечно, гораздо интенсивнее, чем доверие к могуществу каких бы то ни было смертных.

Мы знаем, что врачевание в храмах многих богов, так называемый «храмовой сон», высоко ценилось в древности, благодаря многим чудесным излечениям, приписанным богам. С течением времени боги-целители переменили свои имена; у греков они стали называться Аполлоном и Эскулапом, у египтян — Сераписом, но методы и результаты остались прежние. Больной является в священное место сильно подготовленный к восприятию внушения, благодаря своей вере в могущество божества; затем уже в самом храме, при помощи разных средств, его доводили до экстаза. Постоянное рассматривание благодарственных табличек, на которых записаны случаи исцеления, музыка, процессии, сон в священном месте и т. п., все это возбуждало веру, надежду и ожидание до высшей степени. Если вообще по роду болезни пациент мог надеяться на облегчение путем психического воздействия, то он и получал его, иногда даже внезапно, в заранее назначенный час.

Так происходило дело, насколько известно, в древне-греческих храмах и так же происходит оно и теперь там, где получаются чудесные врачевания, на самом деле оказывающиеся нисколько не чудеснее обыкновенных результатов психотерапии. Недавно умерший английский врач Мейрс, просмотревший записи и сообщения из разных мест, где совершались чудесные исцеления, нашел, что если ограничиться вполне достоверными фактами, то достигаемые там результаты не больше тех, которые при благоприятных обстоятельствах могут быть получены путем психического лечения. Впечатление чудесного усиливается во всех тех случаях, когда не было предварительного исследования больных, а потому неизвестно, имеются ли у них действительные органические поражения, или только нервные расстройства, т. е. так называемые функциональные заболевания. Только последние могут быть излечены психическим воздействием. Излечение первых было бы действительным чудом, но до сих пор такого явления, к сожалению, никогда не наблюдалось. Что же касается до излечения функциональных расстройств, то в практике всех известных врачей существует множество случаев не менее чудесных.

Многое из сказанного целиком может быть приложено и к так наз. «молитвенному лечению». Одним из известнейших лиц, занимающихся этим, может без сомнения считаться Фредерик Август Болциус, родившийся в 1836 году недалеко от Карлштада в Швеции. Его отец был пьяница и не оставил сыну никакого состояния, так что он принужден был наниматься на работу. До 1864 г. он много страдал, мучаясь сознанием своей греховности, и несколько раз пытался неудачно лишить себя жизни; наконец он решился посвятить себя благу ближних. Лет 20 ходил он по всей Швеции в качестве мелкого торговца и везде исцелял верующих больных молитвами, помазанием и рукоположением. В 1884 году ему удалось исцелить некоторых высокопоставленных особ; с их помощью он основался на родине и уже всецело посвятил себя молитвенному лечению. Из всех северных стран, и даже из Америки, стремились к нему больные, так что приемы его иногда доходили до 200 чел. в день.

Что Болциус действительно излечил многих больных, это не подлежит сомнению, но между ними не было ни одного, страдавшего органическим расстройством; все это были исключительно функциональные неврозы. Существуют, правда, рассказы о том, что он возвращал зрение слепым, слух глухим, и что под влиянием его молитвы восстанавливались даже утраченные члены; что касается этих случаев, то ясное представление о них дает нам в маленькой книжке: «Boltrianismen ettskandinavisk

Kulturbild» врач Торелиус, который долго жил вблизи Болциуса и наблюдал его больных, следовательно, мог иметь точные сведения. По его словам, все приемы Болциуса направлены были на то, чтобы вызвать высшую степень восприимчивости к внушению, которая, доходя до состояния экстаза, действительно делала чудеса, но исключительно в случаях, доступных лечению посредством внушения. Усилению восприимчивости способствовали многие условия, прежде всего громкая слава Болциуса. Больные являлись к нему с усиленной надеждой на исцеление и, так как принято было за правило умалчивать о неудачных случаях лечения, то они и сохранили свою веру. Затем вся обстановка: длинные проповеди Болциуса, хоровое пение, множество костылей и повязок, оставленных излеченными больными и развешанных в ожидальне, и наконец, сами приемы лечения производили, конечно, сильное впечатление. Болциус намазывал больного маслом, растирал его руками, в то время как сам он возносил молитвы к небу, и, наконец, дул на пациента для изгнания злых духов. Если верующий даже не выздоравливал в действительности, то чувствовал себя с этого времени преисполненным надежды на близкое выздоровление. Торелиус исследовал многих слепых, глухих, расслабленных и прокаженных, которые не только по словам Болциуса, но и по собственному мнению были исцелены; однако основательное медицинское исследование не обнаружило никаких действительных улучшений в состоянии пациентов.

ГИПНОЗ И АУТОГИПНОЗ

I. Общая характеристика гипноза

Из всех душевных и телесных изменений, вызываемых внушением, кажется, всего легче получается сон. Многие люди делаются сонными и начинают зевать от одного вида такого состояния у других. Понятно, почему большинство людей легко поддаются усыплению, когда им описывают явления сна: расслабление членов, отяжеление век, замедление дыхания и т. п. Если рассказ сопровождается удобным положением тела, причем устраняется все рассеивающее и отвлекающее внимание, то обыкновенно субъект очень скоро чувствует расположение ко сну, если, конечно, не будет думать о другом и тем препятствовать действию внушения. Такими способами можно усыпить 90 % всех людей, хотя и здесь, конечно, сказываются индивидуальные различия в восприимчивости к внушению, почему и не все одинаково легко поддаются усыплению.

Сон, вызванный путем внушения, называется гипнозом. От нормального сна он отличается присутствием внимания. В обыкновенном сне внимание совершенно уничтожается, при гипнозе же оно односторонне сосредоточивается на личности гипнотизера и исходящих от него внушениях. Таким образом, получается лишь частичный сон, так как до сознания еще доходят впечатления из той области, на которой сосредоточено внимание. Впрочем глубина гипнотического сна может быть различна: чем крепче он становится, тем меньше внешних впечатлений доходит до сознания гипнотизированного. При наиболее легкой форме гипноза перестают действовать хорошо огражденные внешние чувства: зрение, вкус, обоняние, может быть, также мышечное чувство, между тем как слух и осязание еще сохраняют впечатлительность. При более глубоком сне загипнотизированный воспринимает только слуховые впечатления. Наконец, при сильном гипнозе является феномен «изолированного состояния», заключающийся в том, что гипнотизированный слышит только то, что говорит гипнотизер — весь остальной внешний мир для него не существует, так же как для спящего в нормальном сне.

Этой односторонней концентрацией внимания на внушении, в связи с полной обособленностью личности от всего остального, объясняются все явления гипноза. Последний отличается прежде всего чрезвычайным усилением восприимчивости к внушению, которая становится тем сильнее, чем глубже сон. Это понятно, так как восприимчивость эта на том именно и основана, что индивидуум утрачивает способность владеть вниманием и оно сосредоточивается в одном направлении. Чем глубже сон и чем меньше число работающих органов чувств и число представлений, оставшихся в распоряжении загипнотизированного, тем менее он способен найти в своем сознании мотивы для произвольного направления внимания, другими словами, восприимчивость к внушению растет пропорционально глубине сна. Пока гипноз легок, индивидуум (хотя частично) владеет своим душевным строем и может распоряжаться вниманием в пределах еще доступного ему круга

представлений. В этом состоянии индивидуум воспринимает не всякое внушение и может сопротивляться представлениям, которые ему пытаются навязать. Характерной чертой такого поверхностного гипноза является невозможность управлять произвольными движениями: глаза не открываются, члены находятся в каталепсии, т. е. бессильны — они сохраняют то положение, которое им придано; зрительные, обонятельные и вкусовые впечатления, по-видимому, тоже не могут быть вызваны по произволу. Постепенно, по мере усиления гипноза, способность контроля и управления вниманием ограничивается и, наконец, совершенно исчезает: восприимчивость к внушению достигает высшей степени.

Словесное внушение не есть единственное средство вызывать гипнотический сон. Многие гипнотизеры заставляют пациента смотреть на блестящий предмет или применяют так называемые «магнетические пассы», которые состоят из ряда равномерных и правильно чередующихся поглаживаний по телу субъекта. Во всех этих методах, вероятно, действуют перемежающиеся повторные впечатления, которые имеют в себе нечто снотворное. Многие люди могут привести себя в гипнотическое состояние, прислушиваясь постоянно к однообразно повторяющемуся шуму, вроде падения дождевых капель, тиканья часов и т. п. По-видимому, даже упорная, невыносимая боль может вызвать род гипнотического сна. Такие методы иногда не требуют даже присутствия гипнотизера — субъект впадает в гипноз сам собой, и тогда явление носит название аутогипноза, отличающегося от обыкновенного тем, что заснувший не сохраняет сношений даже с одним лицом. Такое состояние не свободно от опасности, так как индивидуум становится совершенно недоступен внешнему миру и с большим трудом может быть пробужден. Лица, часто подвергавшиеся гипнозу, впадают в него от одного желания его или предствления о нем. Психическое содержание таких аутогипнотических состояний определяется теми впечатлениями, которые владели вниманием в момент засыпания. Эти представления могут послужить исходной точкой самовнушений и производить такое же действие, как и внушение со стороны гипнотизера.

Теперь нам предстоит подробнее остановиться на разнообразных изменениях, вызываемых в разных психических областях. Мы увидим, что все они могут быть легко объяснены, если считать гипноз частным сном при очень повышенной восприимчивости к внушению, являющейся последствием односторонней концентрации внимания. При этом мы рассмотрим состояние чувств, воспроизведение представлений, произвольные движения и органические изменения; конечно, все это в пределах того, что необходимо для нашей специальной темы, т. е. суеверий.

Само собой разумеется, что существует разница между «уснувшими» и «бодрствующими» во время гипноза чувствами. Первые не воспринимают внешних впечатлений, и такая недеятельность их может дойти до полной анестезии, при которой индивид не чувствует ни малейшей боли даже при сильных ранениях организма, так что при глубоком гипнозе можно так же безболезненно производить малые операции, как под хлороформом. Напротив, «бодрствующие» чувства, особенно слух, достигают во время гипноза такой высокой степени впечатлительности и остроты, что воспринимают раздражения, неуловимые в нормальном состоянии. О значении этого явления при передаче мыслей было говорено выше. Повышается восприимчивость не только слуха: посредством внушения гипнотизера, а у лиц, часто гипнотизируемых путем самовнушения, могут быть также возбуждены и гиперестезированы чувство осязания и зрения. Это явление, т. е. гиперестезия внешних чувств, играло большую роль в истории суеверий, послужив главной исходной точкой признания у сомнамбул высших магических сил.

Хотя спящие чувства недоступны новым внешним впечатлениям, но в их сфере могут возникать ясные воспоминания. Слова гипнотизера, проникая в сознание загипнотизированного, вызывают зрительные, вкусовые и обонятельные ощущения, подобно тому, как при нормальном сне сильный шум может послужить исходной точкой для сновидения. И как в нормальном сне грезы принимают

характер галлюцинации, потому что индивид не имеет над ними власти и не может их контролировать, так и у загипнотизированного по той же причине внушенные образы получают характер галлюцинаций, с яркостью действительных явлений. Обыкновенно принимают, что галлюцинации могут быть внушены только при глубоком гипнозе, но это не совсем правильно. Раз какое-нибудь внешнее чувство не функционирует, то все возникающие в его области субъективные образы могут стать галлюцинациями. Я лично убедился, что даже в самых легких степенях гипноза можно вызвать вкусовые и обонятельные галлюцинации, если обставить дело так, чтобы испытуемый не мог проверить представления с помощью еще бодрствующих чувств. Загипнотизированный с удовольствием пьет вино из пустого стакана и с довольным видом вдыхает отвратительные запахи, о которых ему внушено, что они приятны. Можно было предположить, что в данном случае мы, в сущности, вовсе не имеем дело с галлюцинацией и что данное лицо только из любезности делает вид, будто верит словам гипнотизера; однако мы имеем положительное доказательство галлюцинаторного состояния гипнотизированного, так как чувство удовольствия выражается на его пульсовой кривой, записанной плетисмографом. Если же мы при тех же условиях пожелаем вызвать зрительную галлюцинацию, то это не удается, так как при легком гипнозе субъект еще слишком хорошо владеет представлениями в этой области. Правда, он чувствует, что его глаза действительно несколько отуманены, но все же он еще достаточно бодр, чтобы смеяться над попытками гипнотизера внушить зрительную галлюцинацию при легком гипнозе, это удается лишь тогда, когда перестают функционировать осязание и мышечное чувство, так что индивид теряет сознание состояния своего организма.

Память при гипнозе обыкновенно обостряется. Многие, даже совершенно незначащие происшествия, о которых лицо в нормальном состоянии утратило всякое воспоминание, очень ярко всплывают при гипнозе. Это явление также, вероятно, зависит от односторонней концентрации внимания. Если приказать спящему припомнить что-либо, то приказание исполняется, потому что внимание идет прямо к указанной цели, не путаясь в побочных представлениях, как это бывает в нормальном состоянии. Таким образом, во время гипнотического сна мы имеем гиперемнезию, т. е. обостренное состояние памяти, после же пробуждения от глубокого гипноза полную амнезию, т. е. абсолютное забвение всего происшедшего во время гипноза. Однако, при повторении гипнотического сна воспоминание о предыдущем гипнозе снова появляется. Естественно, что в гипнотическом сне можно гораздо легче внушить известные поступки и определенные органические изменения, чем в бодрствующем состоянии. На этом основана важная роль гипнотизма в терапии.

Особый интерес представляет явление двойной личности — состояние, которое легко может быть получено при глубоком гипнозе. Выше (стр. 111) мы уже упоминали, что самосознание личности слагается из суммы ощущений, получаемых в каждый данный момент от всех органов индивидуума. Каждое изменение в состоянии организма производит соответствующие изменения в этих ощущениях, и вследствие того до известной степени изменяется знание личностью своего «я». Небольшое нездоровье может, напр., очень энергичного и трудолюбивого человека сделать несклонным к работе. С возвращением здоровья возвращается и жизненная энергия и трудолюбие. Для некоторого изменения в нашем «я» нет нужды даже и в таких ничтожных нарушениях здоровья. В парадном мундире с высоким воротником человек чувствует себя иначе, чем в удобном рабочем костюме, в тяжелых ботфортах — иным, чем в легких бальных сапогах. Даже те, кто не придает никакого значения платью, испытывают его влияние, так как оно вызывает известные кожные ощущения и, таким образом, до известной степени видоизменяет личность человека. В глубоком сне, как нормальном, так и гипнотическом, все эти внутренние ощущения прекращаются, и с ними временно исчезает и самосознание личности. Если у загипнотизированного вызвать путем

внушения ряд органических ощущений, не свойственных его собственному «я», то в нем параллельно с этим рождается галлюцинация такого рода, что он сознает себя другим лицом. При опытах это делается так, что пациенту внушают, что он школьник, генерал, проповедник и т. п., и он будет действительно чувствовать, мыслить и действовать, как соответствующее лицо, приспособляясь к имеющемуся у него запасу представлений. Никакой актер не сыграет так превосходно роли другого лица, потому что актер сознает, что он играет комедию, что он в действительности не то лицо, которое он изображает, тогда как загипнотизированный

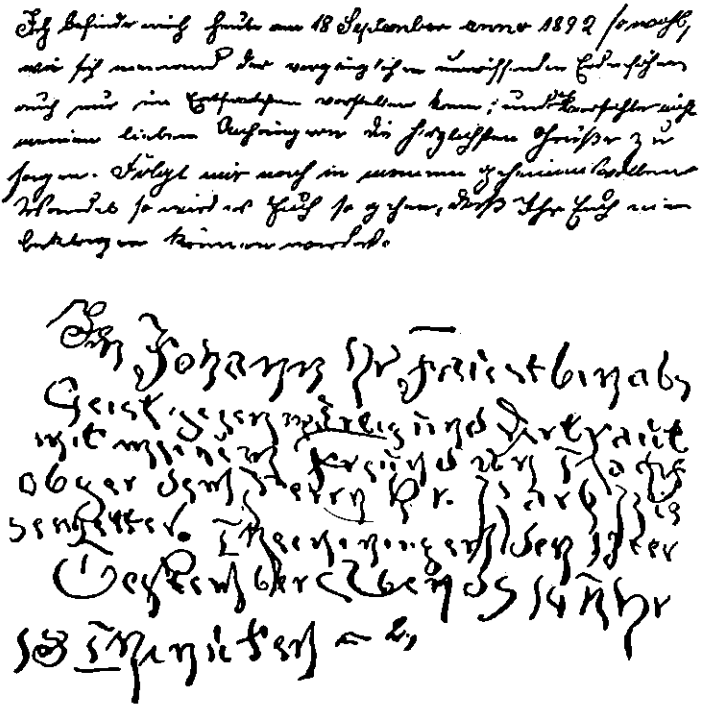


Рис. 131.

не изображает постороннего, а в известной мере сознает себя именно таким лицом. Насколько значительны могут быть изменения, сопровождающие такого рода внушения, видно из того, что даже почерк загипнотизированного изменяется при этом в соответствии с характером изображаемого им лица. Очень наглядно это явление выразилось в эксперименте, сделанном известным писателем об оккультизме, Кизеветтером, над одним человеком, которому он внушил, что он Фауст, сидит и пишет в своей башне в Маульбронне. Моментально почерк молодого человека изменился и принял средневековый характер, совершенно не похожий на его обыкновенный почерк, как это видно из приложенного здесь образчика.

Подобные опыты повторялись неоднократно и всегда давали положительные результаты. У многих лиц можно достигнуть того, что впушение исполняется не только во время гипноза, но и после пробуждения. Для этого загипнотизированному приказывают сделать то или другое спустя известное время после пробуждения. Если объект вообще пригоден для такого рода опытов, то он в указанное время исполняет приказ так же точно, как сделал бы это во время гипнотического сна. Приведу следующий пример.

Одному молодому студенту я сделал во время гипноза внушение, что он после пробуждения не будет в состоянии зажечь спичку в лаборатории, где производились опыты. Внушение подействовало, и результат даже превзошел мое намерение; в течение полугода студент не мог сделать этого, даже когда я сам просил его, если в моем тоне слышалось малейшее сомнение. Вне лаборатории зажигание спички не представляло для него никакого затруднения. По прошествии полугода, окончив работу в лаборатории, он перестал посещать ее, так что я его редко видел, и постепенно его странность изгладилась. Но пока это явление продолжалось, оно было очень неприятно для данного лица, так как он служил часто предметом насмешек. Этот пример очень поучителен: если внушение неприятного свойства обнаруживает такую стойкость, то внушения противоположного характера, действие которых приятно для данного лица, должны сохраняться еще дольше. Поэтому больной, получивший сильное гипнотическое воздействие от чудотворца-врача, может всю свою жизнь верить в свое скорое выздоровление и чувствовать себя лучше, хотя бы на самом деле в состоянии его здоровья и не было никакого улучшения.

II. Значение гипноза для суеверий

Существенное значение гипнотических явлений для суеверия состоит в том, что они много способствовали укреплению известных верований и воззрений. Эти воззрения, которые, по-видимому, находили себе подтверждение в явлениях гипноза, были очень разнообразны, и так как причины, лежащие в основе этих явлений, были неизвестны, то на них смотрели, именно сообразно с господствующими теориями. Так, напр., врач часто применял к больному гипнотическое внушение, и сам не зная, в какое ненормальное состояние приводит он своего пациента. Поэтому суеверные воззрения, которые в такой значительной мере соприкасались с врачебным искусством, находили себе все большее подтверждение в гипнотических феноменах. Не меньшее значение имели явления и при процессах ведьм, причем на них смотрели как на действие дьявола. Наконец, в последнее время самовнушение играло немалую роль в чудесах спиритических сеансов: здесь, разумеется, приписывались духам те явления, которые коренились в ненормальном состоянии сознания медиума. Мы в кратких чертах перечислим здесь гипнотические явления, наблюдавшиеся в разные времена при разных обстоятельствах.

Гипноз при врачевании. «Священный сон» древних большей частью сопровождался помазыванием и поглаживанием тела (см. стр. 44). Теперь мы знаем, что такие манипуляции суть одно из средств вызвать гипнотический сон, в который, вероятно, и впадали больные. Поэтому излечение везде, где оно было возможно, являлось, вероятно, результатом самовнушения. Пациент верил, что получит исцеление от богов, и глубокая вера оказывала свое действие. То же самое мы можем наблюдать и в наши дни у разных чудесных врачевателей с такими же результатами. Под именем «животного магнетизма» гипнотизм уже занимает целый отдел в истории медицины. Первые зародыши этой теории мы находим в применении Парацельсом древнего учения о взаимном притяжении однородных предметов (см. стр. 155). Все, что по его мнению проявляет притягательную силу, Парацельс называл магнитом. Из этой теории непосредственно проистекло оригинальное врачевание симпатическими средствами. Теория Парацельса получила дальнейшее развитие в руках Ван Гельмонта и Роберта Флуда и ими приведена в систему; с другой стороны, она приобрела и много противников. Самым энергичным сторонником этого учения явился Франц Антон Месмер, родившийся в 1733 г. в Ицнанге на Боденском озере. Он получил воспитание в монастыре и должен был изучать теологию, что ему, однако, не нравилось, так как он чувствовал наклонность к философии. Затем он получил разрешение изучать права и для этого поехал в Вену, но через шесть лет это занятие ему надоело; он начал изучать медицину и в 1766 г. получил диплом доктора медицины за диссертацию «De influxu planetarum in homeinem». В этой работе он приводит ряд положений, заимствованных у Парацельса и Ван Гельмонта, о взаимодействии разных тел. Он утверждает, что существует взаимодействие между планетами, землей и одушевленными телами. Причиной этого явления должно считать разлитую повсюду, необычайно тонкую жидкость, воспринимающую, разносящую и передающую всякое движение. Это взаимодействие совершается по неизвестным

пока еще законам. Способность животного тела воспринимать влияние небесных светил и взаимно влиять на окружающие предметы будет всего понятнее, если сравнить ее с магнетизмом, а потому ее и можно назвать «животным магнетизмом».

Месмер находил часто подтверждение своей теории при лечении больных. Наружность он имел внушительную, пристальным взором и ручными пассами он погружал своих пациентов в гипнотический сон, делавший их очень восприимчивыми к его врачебным внушениям. Так как он не знал причин этого явления, то считал его следствием исходящего из его тела магнетизма. Но не все поддается лечению «магнетическим способом», и Месмер не был в состоянии выполнить некоторых своих обязательств; поэтому он принужден был покинуть Вену и в 1779 году прибыл в Париж, где он так широко сумел себя разрекламировать, что скоро получил огромную известность. Пациенты являлись к нему в таком числе, что он не был в состоянии всех их магнетизировать самолично. Ввиду этого был устроен знаменитый «baguet» — чан с водой, из которого во все стороны расходились железные полосы и за них держались больные. Сам Месмер в это время торжественно ходил кругом под звуки музыки, в сопровождении ассистентов и магнетизировал больных, пока одни не впадали в гипноз, а другие не получали истерических припадков, которые назывались «кризисами». Но, так как подобные припадки не всегда кончались благополучно и в некоторых случаях имели своим последствием даже смерть пациентов, то правительство назначило две комиссии, которые должны были высказать свое мнение о теориях и лечении Месмера. Обе комиссии дали очень неблагоприятное для него заключение. По их мнению, никакой магнетической силы не существовало, а все дело основано было на воображении и подражании; «кризисы» же представляют большую опасность для здоровья. Мнение это было повсюду опубликовано; все потеряли доверие к Месмеру, который удалился из Франции и умер в 1815 году в Меерсбурге на Боденском озере.

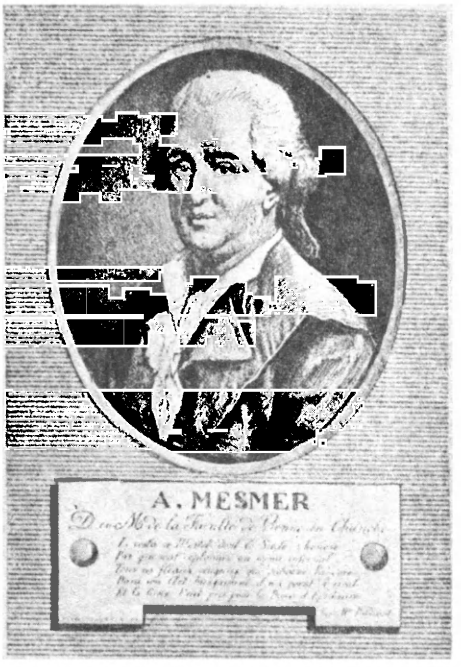


Рис. 132. Ф. А. Месмер.

Однако с крушением Месмера не погибло его учение, так как многие его последователи и ученики продолжали разрабатывать способы магнетической терапии. Не прибегая к рекламе, они делали научные наблюдения и потому открыли многие важные явления гипнотизма. Однако теория «животного магнетизма» еще долго держалась рядом с возникающим и развивающимся научным объяснением гипнотических явлений. Даже на первом конгрессе для разработки экспериментальной психологии, бывшем в Париже в 1889 году, после долгих прений, в которых принимали участие все выдающиеся деятели в области гипнотизма, было признано, что нет возможности установить, чем существенно отличаются явления гипноза от состояния, вызванного магнетическими пассами. Первым ответил точно на этот вопрос Альберт Молль в своей работе «Соотношение в гипнозе»

Рис. 133. Baquet Месмера.

(Rapport in der Hypnose. Берлин. 1892 год). Он доказывает многочисленными опытами, что нет никакого различия между душевными состояниями, вызванными посредством тех или других приемов, и что *животный магнетизм, как научная теория, должен сойти со сцены.*

Maleficium Taciturn itatis (Заговор молчания). В протоколах процессов ведьм записано нередко, что обвиняемый как будто не замечал мучений пытки, во всяком случае ничем не выдавал своей боли, упорно отмалчиваясь на все вопросы. Это явление называлось «заговором молчания» и считалось очень сильным доказательством вины, так как, очевидно, только с помощью дьявола обвиняемый мог получить такое бесчувствие.

Как понимали дело в этом случае, видно лучше всего на примере, взятом из «*Cautio criminalis*» Фридриха Спи (1631). «Один священник, присутствовавший обычно при пытках несчастных грешников, однажды увидал такого, который не хотел или не мог ответить на предлагаемые ему вопросы и висел на дыбе неподвижно с закрытыми глазами. Чтобы убедить судей, что это молчание достигнуто колдовством или что черт заткнул ему глотку, он дал такой совет: временно приостановить допрос и завести веселый разговор о посторонних предметах. Когда судьи действительно заговорили о другом

и несчастный человек почувствовал, что муки пытки вдруг прекратились, то он открыл глаза, чтобы узнать, в чем дело, а может быть, в надежде на окончание пыток. Священник, очень довольный успехом опыта, воскликнул: «Смотрите, господа, когда мы болтаем о посторонних вещах, он просыпается, а когда он должен был признаваться в колдовстве, то, вместо того чтобы отвечать на вопросы, он спал. Сомневаетесь ли вы теперь еще, что он заколдован? Разве возможно, чтобы этот плут выдержал такие пытки без помощи дьявола, который его усыплял? Теперь давайте-ка попробуем еще немножко над ним наши инструментики».

Из этого рассказа, который, прежде всего, может служить примером разумного и человеческого отношения при допросах, нельзя решить, был ли пытаемый в обмороке или дело обстояло иначе, но в других актах говорится ясно, что несчастные весело болтали, точно не замечая и не ощущая ни малейшей боли при пытках. Это, конечно, невозможно при обмороке, значит, здесь было такое состояние, при котором субъект мог слышать вопросы и отвечать на них, но был совершенно нечувствителен к боли. Здесь мы наверное имеем перед собой гипнотическую анестезию, вызванную страхом или болью. Так как в то время, конечно, не подозревали, что такие состояния вполне естественны, то их приписывали козням дьявола или волшебству. Ф. Спи, вообще, очень горячо протестующий в особенности против бессмысленных жестокостей, применявшихся к обвиняемым, тоже, конечно, не понимал истинной сущности дела, но во всяком случае он был гораздо ближе к истине, чем инквизиторы. О maleficium taciturnitatis он говорит следующее:

«Я знаю, что многие несчастные на пытке впадают в обморок, а эти безбожные люди говорят, что они заснули. Другие, я знаю, заранее решали не сказать ни слова и всеми силами старались удержаться, пока побежденные болью с закинутой головой и закрытыми глазами приходили в полное изнеможение. Разве это сон? Но ведь философы и врачи объясняют нам, что человек может от невыносимой боли, на пытке, впасть в оцепенение, при котором он будет походить на спящего или даже скорее на мертвого». Итак, Спи не верит в подобного рода сон, но мы должны допустить, что акты судов все же содержат долю истины и что во многих случаях они, вероятно, имели дело с гипнотической анестезией.

Транс. Английское слово: обозначает состояние, при котором душа углублена во внутреннее созерцание и не доступна внешним раздражениям. То же самое значение имеет греческое слово «экстаз» — собственно восторг. Таким образом, состояние называемое в настоящее время трансом, сходно, по крайней мере, с тем, что называли экстазом; другой вопрос — тождественны ли оба состояния на самом деле, так как под словом «транс» еще и теперь подразумевают весьма различные явления. Если мы исключим те случаи, где причиной этих феноменов было применение наркотических веществ, то окажется возможным установить три главные группы. 1-я есть аутогипноз в том виде, какой может вызвать в себе каждый нормальный человек после некоторой подготовки. Две остальные гораздо более редкие группы состоят из специальных форм гистероэпилептических припадков, которые носят название «одержимости» и «экстаза». Так как нам известны характерные черты этих различных состояний, то мы, казалось бы, легко могли отличить их друг от друга. Затруднение, однако, состоит в том, что в чистой форме они встречаются лишь очень редко. Даже между нормальным аутогипнозом и наиболее резко выраженными истерическими явлениями можно найти всевозможные переходные формы; последние и наблюдаются всего чаще, и к ним-то именно обыкновенно и прилагается название транса. Чтобы сколько-нибудь выяснить себе сущность этих явлений, мы рассмотрим лишь состояние транса, как оно проявляется у нормального человека. Впоследствии, когда мы познакомимся ближе с типичными истерическими явлениями, мы приведем несколько примеров сложных комбинаций истерии с гипнозом.

В древности несомненно знали форму аутогипноза, которую мы теперь зовем трансом, но ее смешивали с другими родственными явлениями под общим названием экстаза. О Пифии, жрице дельфийского храма, рассказывали, что под влиянием одуривающих паров, выходивших их земли, она приходила в состояние экстаза. Если история с парами не совсем басня, то мы имеем здесь дело с наркозом, т. е. с отравлением в форме временного беспамятства, которое хотя похоже

Рис. 134. Пифия на треножнике.

на транс, но не тождественно с ним. Скорее можно допустить, что ближе к этому состоянию подходят те, о которых говорится в книге «De mysteriis» под названием энтузиазма и экстаза. Как в наше время состояние транса есть необходимое условие для проявления пророческой способности медиума, так энтузиазм, или экстаз, был необходим прежним магикам. Так как в дальнейшем изложении книги «De mysteriis» об энтузиазме прямо говорится, что он возбуждался посредством призывания богов, т. е. психическим путем, то в этом случае дело, конечно, шло об аутогипнозе. Экстатическое состояние, которое автор мистерий противополагает энтузиазму, было, однако, вероятно, однородно с ним, а также вызывалось обращением к демонам, т. е. психическими же средствами.

В более позднее время описание различных состояний делаются обстоятельнее, так что становится легче судить, о чем именно идет речь. Когда Сведенборг говорит, что для общения с духами нужно находиться в некотором состоянии, среднем между сном и бодрствованием, причем человек сохраняет только одно сознание, что он не спит, то мы не сомневаемся, что ученый натуралист дает нам описание гипнотического состояния, и притом совершенно ясное. То состояние, которое он называет «обуреванием духа», есть, конечно, наступивший во время прогулки аутогипноз. В других случаях мы видим применение именно гипнотизирующих способов вместе с созерцанием, полным погружением в одну мысль.

Еннемозер в своей магии цитирует из более раннего автора Алланиуса формулу, применявшуюся афонскими монахами в XIV столетии для приведения себя в восторженное состояние: «затвори дверь и воспари духом над всем суетным и временным, затем опусти бороду на грудь и направь свои глаза с полным наряжением на середину живота возле пупа. Стесни дыхательные проходы, чтобы не дышать легко. Старайся внутри себя найти место сердца, где обитают все духовные силы. Сначала ты найдешь темноту и неподвижную твердость. Если же ты выдержишь так дни и ночи, то достигнешь, о чудо, неизреченного блаженства, потому что дух увидит то, чего никогда не знал: он увидит между собой и сердцем сияющий воздух».

Несмотря на мистический способ выражения, легко понять, что здесь речь идет об искусственно вызванном аутогипнозе. Среди множества рецептов для развития медиумизма, которыми практические янки обогатили новую литературу, можно найти предписания, поразительно напоминающие средневековые способы. Приведу лишь один пример из Морзе: Practical Occultism (Сан-Франциско, 1888 г.). Этот автор, считая совершенно правильно транс чистым аутогипнозом, советует кандидату в медиумы прежде всего заботиться о полном телесном и душевном здоровье, затем попросить какого-нибудь надежного друга почаще его гипнотизировать, или приводить в состояние месмерического транса, согласно указаниям, приводимым в книге. Привыкнув к такому состоянию, можно уже приступить к вызыванию его в себе без посторонней помощи.

«Если другой может вызвать у тебя транс (т. е. гипноз), то почему бы тебе не сделать этого самому? Что другой для тебя может сделать, того можешь достигнуть и ты сам. Нужно только знать, как достигнуть этого. Для сосредоточения мыслей ты должен привести себя в некоторое возбуждение, оградив от внешних раздражений, влияний и впечатлений; это шаги, необходимые для приведения себя в состояние транса. Затем, приняв предосторожности относительно внешнего мира, заключись в самом себе и сосредоточь весь дух на замкнутом внутреннем состоянии, ограждая себя от внешней жизни и чувственных восприятий, желаний и дел обыденной жизни. Если ты в состоянии все это исполнить, то ты стоишь на правильном пути к тому, чего намерен достигнуть».

Здесь, таким образом, как средство для приведения себя в состояние транса, рекомендуется также созерцание, размышление, погружение в собственные мысли, совершенно как у неоплатоников, квиетистов Афона или индийских факиров, желающих впасть в состояние восторга. Относительно характера этого состояния не может быть двух мнений: это, конечно, аутогипноз. Но чего же достигают, приходя в такое состояние? Ответ столь же краток, как и выразителен: всего, чего желает человек. Ожидание индивида и действует как самовнушение. Индийские сектанты, Иогины, ощущают небытие, нирваны, неоплатоники и квиетисты видят божественный свет. Сведенборг видел рай и ад, так что мог подробно рассмотреть мельчайшие подробности их устройства и жизни духов.

Тоже бывает, вероятно, со многими спиритическими медиумами, которые в состоянии транса отвечают на религиозные вопросы. Так как вопросы присутствующих действуют на медиума как внушения, то получается тот известный результат, что ответы всегда подходят к религиозным воззрениям присутствующих.

Но это составляет лишь одну сторону деятельности новейших трансовых медиумов. Не менее интересны те из них, которые не уносятся в небеса, а ближе

Рис. 135. Религиозный экстаз.

принимают к сердцу земные дела, так как в этом случае хоть сколько-нибудь можно контролировать правильность ответов. Обнаружилось, что нередко такие медиумы говорят о вещах, о которых в нормальном состоянии они сами не имеют понятия и которые случайно известны только одному или двоим из присутствующих. Во всех хорошо проверенных случаях такого рода выяснено, что главную роль здесь играет свойственная состоянию транса гиперэмнезия и гиперэстезия. То, что человек знал, но совершенно забыл, может при благоприятных условиях вспомниться опять в гипнозе. Большинство чудесных сообщений почерпается, конечно, из психического багажа медиума, причем этот последний вполне правдиво может утверждать, что в бодрствующем состоянии он ничего этого не знает. В случаях, касающихся частных дел того или другого лица, иногда действительно можно с точностью установить, что они медиуму были вполне неизвестны. Но в таких случаях на первый план выступает чрезвычайное обострение чувств, дающее

медиуму возможность уловить неощутимые для других невольные движения спрашивающего, выдающие ожидаемый им ответ.

Посредством каких именно органов чувств медиум получает такие восприятия, это зависит от привычки медиума пользоваться тем или иным чувством. Во всяком случае, сознание того, что внимание должно быть напряженно сосредоточено на некотором определенном предмете, действует в состоянии транса как внушение, так что соответствующее чувство бодрствует и улавливает самое слабое раздражение. Так французский врач Бергзон делал в 1887 году опыты над мальчиком, который мог разбирать слова в книге, обращенной к нему переплетом, если другой человек, стоя к нему лицом, читал эту книгу. Бергзон убедился, что мальчик при этом пользовался зрением, обострившимся до такой степени, что он улавливал отражение написанного в книге в глазах лица, смотревшего в книгу. Ввиду такой возможности, становится очевидным, какие тщательные предосторожности должны быть приняты относительно такого медиума, для которого впечатления, безусловно, недоступные окружающим, служат надежным руководством. Бывает иногда, что медиум дает ответ как не от себя, а от имени духа, который в него вселился. Если ответ получается письменно, то почерк более или менее значительно отличается от почерка самого медиума. Так как при глубоком гипнозе посредством внушения легко может быть произведено изменение личности, то такие явления, когда они происходят во время транса, могут легко быть объяснены как следствие самовнушения. Если медиум ожидает, что в него вселится дух, то это самовнушение в определенный момент осуществляется, и он начинает говорить и писать от имени духа. При так называемых материализациях увлечение может дойти до того, что медиум принимает на себя роль духа, одевшись в подходящую одежду. Впрочем это и происходит при всех случаях материализации, где медиум не обманывает намеренно. Впрочем многочисленные разоблачения показали, что здесь, по-видимому, гораздо чаще встречается сознательный обман, чем самовнушение в состоянии транса. Явления одержимости, столь часто наблюдаемые во время спиритических сеансов, далеко не всегда суть только внушенные явления транса у нормальных людей. Настоящая одержимость — истерический припадок; и хорошие медиумы почти всегда оказываются больными истерией. Во всяком случае, если медиум, склонный к аутогипнозу, хотя однажды увидит подобный припадок с судорогами и столбняком, то в последующем сеансе он все это легко может вызвать у себя посредством самовнушения. Даже очень опытный глаз с трудом отличит такое подражание от истинной истерии; поэтому точное определение характера данного состояния в каждом отдельном случае делается еще более затруднительным.

МАГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ НАРКОЗА

При историческом изложении нашего предмета, мы видели уже не раз, что яды играли немалую роль в магии. Шаманы и знахари диких народов прибегают к ним, чтобы привести себя в состояние ясновидения (сравни стр. 23). Средневековые ведьмы применяли их, приготовляясь к шабашу (стр. 78), ученые маги пускали их в ход при разных операциях (стр. 150). Впрочем общее число таких ядов было, вероятно, очень ограниченно. Главную роль играли: алкоголь, опиум, (в семенах мака Papaver somniferum), атропин в красавке (Atropa Belladonna, которая раньше называлась также Solanum furiosum). Гиосциамин (в белене Hyoseyamus niger и дурман Datura Stramonium), а у восточных народов еще, кроме того, гашиш, добываемый из стеблей и листьев индийской конопли Cannabis indica. Каждый из этих ядов имеет определенное действие на нервную систему и таким образом влияет не только на телесное, но и на душевное состояние, хотя эффект их значительно видоизменяется в зависимости от индивидуальных особенностей отдельных людей.

Это особенное свойство ядов, выступающее тем заметнее, чем сильнее отравление, имеет, однако, мало отношения к нашей теме, тем более, что в магии они всегда применялись в различных смешениях, почему и специфическое действие их было неясно. При этом и отравление никогда не доводилось до сильной степени; да это и не могло быть иначе, так как за исключением гашиша и алкоголя, которые могут быть безопасно приняты в сравнительно большом количестве, все остальные перечисленные яды чрезвычайно сильны и убивают даже в малых дозах. Так как в прежние времена не умели извлекать ядовитые начала в чистом виде и вследствие этого нельзя было точно оценить дозу яда, то приходилось принимать особые меры предосторожности, чтобы не ввести слишком

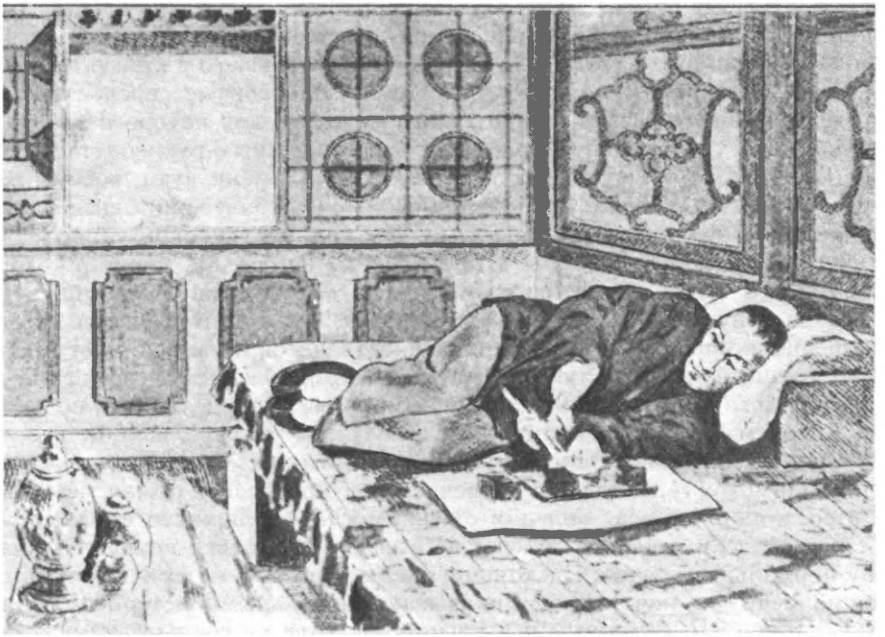


Рис. 136. Курильщик опиума.

большого количества. Ввиду этого предпочитали ограничиваться введением их через кожу или слизистые оболочки, причем вещества поглощаются медленнее и действуют не так интенсивно. Таким образом, всего более в ходу были курения и мази, потому что в такой форме количество яда теряло свое значение и применение его было безопаснее. Все легкие степени отравления перечисленными веществами выражаются в форме возбуждения, за которым немедленно следует снотворный эффект. Однако оба периода для каждого яда имеют значительные различия, вследствие чего необходимо рассматривать действие каждого из них отдельно. Действие алкоголя мы можем оставить без подробного рассмотрения, отчасти потому, что оно хорошо известно, отчасти оттого, что алкоголь в магии никогда не применялся в чистом виде, а всегда в смеси с другими веществами. Напротив, очень интересны последствия отравления морфием и атропином.

Если ввести под кожу 1—2 сентигр. *морфия*, самого сильнодействующего из всех веществ, заключающихся в опии, то развивается своеобразное душевное состояние, которое Бинц описывает следующим образом: «Через несколько минут наступает состояние общего удовлетворения, душевное настроение приятно возбуждено, и мозг работает живо, как бы освобожденный от давления черепа. Фантастические световые явления, производящие впечатление блеска, радуют глаз. Собственная воля как бы приковывает человека к месту, где он лежит или сидит. Каждое движение, которое мы должны сделать, становится для нас тягостным. На вопросы даются неясные ответы; воображение наполняется смутными, но приятными картинами. Но такое приятное состояние непродолжительно. Веки тяжелеют; члены, до тех пор не двигавшиеся только как бы от лени, делаются неподвижными. Всякий импульс, посылаемый к ним от мозга, умирает у точки отправления. Тело кажется как бы налитым свинцом. Это и есть последнее ощущение после чего субъект скоро покоится глубоким сном».

Совершенно иную картину дает отравление атропином: сильный бред, состоящий попеременно из

веселых и страшных галлюцинаций. Отравленный стремится убежать из постели, потому что его преследуют приведения, наполняющие комнату. Он вскакивает, громко смеется, болтает чепуху, скрежещет зубами, делает судорожные гримасы, машет руками. Со стонами он жалуется на сухость и стягивание в горле и просит холодной воды.

Глотание затруднено, так что при попытках проглотить воду, часть ее выливается обратно изо рта. Голос делается хриплым и вскоре, хотя и очень постепенно, наступает покой и кома. Если громко назвать больного, то он медленно открывает глаза и с трудом начинает понимать, что ему говорят. Он силится отвечать, открывает рот, шевелит губами, но не может издать ни малейшего звука; в то же время, однако, он кажется веселым и беззвучно смеется. Затем очень скоро опять впадает в сонное состояние.

При отравлении гиосциамином (беленой) наблюдаются те же явления, только с менее сильными галлюцинациями неприятного характера, а потому и меньшим возбуждением. Вместо того является часто сильное эротическое возбуждение и чувство летания, что, вероятно, обусловлено облегчением дыхания, наблюдаемым при этом отравлении; поэтому смесь листьев дурмана с табаком часто применяют при астме. Вообще белена и ее препараты прекрасное успокаивающее и снотворное средство.

Очевидно, что в этих явлениях можно найти много сходства с рассказами о ночных похождениях ведьм. Так как белена есть одна из самых обычных, а может быть, и наиболее сильнодействующая составная часть волшебных мазей, то весьма возможно, что описанные выше характерные черты беленного отравления немало способствовали сочинению басен о летании ведьм. Многие старинные известия о шабашах ведьм рисуют именно такую картину: ведьма намазывается мазью и тотчас впадает в глубокий сон, сопровождающийся эротическими сновидениями и ощущением летания. Впрочем, не следует думать, что в основе всего учения о ведьмах лежали исключительно наблюдения над явлениями такого отравления, хотя вызванные им сновидения, может быть, и повели к представлению о ночных сборищах, на которых главное дело состояло в удовлетворении половой потребности. В особенности представление о любовных сношениях именно с дьяволами не может быть отнесено всецело на счет отравления беленой. Такое представление должно было предварительно возникнуть другим путем и глубоко внедриться в сознание народа; только при таком условии оно могло так постоянно повторяться в снах. Вероятно, употребление наркотических мазей было с незапамятных времен известно колдунам обоего пола, и они применяли его, подобно индейским знахарям, с той целью, чтобы привести себя в состояние ясновидящих, а может быть, и для доставления себе приятных эротических снов. Но лишь с наступлением ужасов преследования ведьм, мази эти получили широкое распространение, главным образом, как обезболивающее средство, сны же присоединялись при этом как явление побочное, вызванное не только наркотическими средствами, но и народными представлениями о шабашах ведьм. Это есть самое вероятное решение вопроса, от точного разъяснения которого мы должны, однако, навсегда отказаться.

Итак, возможно, что характерные явления беленного отравления послужили исходной точкой для известных народных суеверий. Но о действии других ядов вряд ли можно сказать то же самое. Зато характерно при всех отравлениях, что в первом периоде возбуждения несомненно наблюдается усиление восприимчивости к внушению. Многие исследователи: Пероне, Шренк-Нотцинг и другие многочисленными опытами доказали, что наркотизированный так же легко подчиняется внушению, как и загипнотизированный, если только уловить надлежащий момент. Ему также можно внушить определенные галлюцинации, или, другими словами, произвольно вызывать у него определенные грезы. Иногда можно даже вызывать у наркотизированных внушения, исполняющиеся после исчезновения наркоза, подобно тому, как внушения, сделанные во время гипноза, исполняются по пробуждении. Эти замечательные опыты бросают новый и яркий свет на значение наркоза для суеверий, потому что все то, чего возможно достичь через внушение со стороны, может быть, конечно, получено и путем самовнушения. И это верно, как мы видели, для нормального, восприимчивого человека, как и для загипнотизированного. Кроме того, вышеупомянутые исследователи установили, что самовнушение играет особенно важную роль при наркозах. Поэтому если человек при напряженном ожидании, что с ним случится что-нибудь определенное,

дает себя занаркотизировать, то под влиянием самовнушения он увидит в галлюцинациях все, чего ожидает. В этом отношении наркоз и транс действуют одинаково: человек в них испытывает все то, чего пожелает. По этой причине ведьмам грезились дикие оргии и половой разврат; ученый магик, под влиянием одуряющих курений, получает власть над небесными духами и демонами, которые являются к нему и исполняют его приказания; отравленный алкоголем и табаком шаман и теперь вступает в сообщение с духами, которые дают ему ответы на все предлагаемые им вопросы. Таким образом, здесь мы приходим к такому же результату: при наркозе, так же как и в различных других состояниях, решающее влияние имеет внушение.

ИСТЕРИЯ И ИСТЕРИЧЕСКИЙ ГИПНОЗ

I. Малая истерия

Во все времена нервные и душевные болезни играли большую роль в суевериях. Насколько наш взор проникает в даль прошлых веков, мы видим, что везде эти явления считаются чем-то сверхъестественным, признаком одержимости демонами. Везде, где в Халдейских рукописях идет речь о болезнях головы или лба, ниспосланных адом и его властителем, под этим нужно понимать не что иное, как душевные болезни. У египтян мы находим такие же понятия. В библии во многих местах говорится об одержимых бесами; в иных случаях описания настолько точны, что нетрудно узнать даже форму болезни. Но среди душевных и нервных болезней, послуживших основанием для таких представлений, истерия, как сравнительно частая, играет несомненно главную роль. Так как именно эта форма почти исключительно послужила оригиналом для описания бесноватости в средние века и в новейшее время и так как она занимает чрезвычайно важное место в развитии современных спиритических учений, то мы займемся ею подробнее *.

Сущность истерии и ее действительные причины до сих пор не известны с точностью; невозможно указать также и постоянные симптомы этой болезни. Последние так разнообразны и изменчивы, так много зависят от различных влияний, напр. национального характера, что картина истерии, напр. в Германии, значительно отличается от картины той же болезни, напр. во Франции.

Конечно, детальное изложение разнообразных форм истерии не может входить в нашу задачу, и мы займемся ею лишь постольку, поскольку она имеет отношение к суеверию, т. е. ограничимся только формами, описанными Шарко, Рише, Питром, Жане и т. п. Эти описания имеют еще ту выгоду, что представляют систематически законченную картину, доступную даже неспециалисту, чего, конечно, нельзя сказать о многих других более критических изложениях. Поэтому я решаюсь в точности придерживаться этих авторов, хотя против их систем и теорий высказывались многие возражения. Сделав эту оговорку, я перейду к рассмотрению условий и причин этой болезни и ее симптомам, потому что все это нужно знать, чтобы понять то значение, которое истерия имела для суеверия.

Почти во всех случаях ясновыраженной истерии мы находим, что она имеет наследственный характер, т. е. что больные получили от родителей расшатанную нервную систему. Родители могли сами и не быть истеричными, хотя часто бывает и так; обыкновенно же они страдают какими-нибудь другими болезнями нервной системы. Уже в детском возрасте сказываются признаки болезненной наследственности: судорожные припадки, сильные головные боли, неудержимая вспыльчивость обыкновенно наблюдаются у субъектов, которым впоследствии суждено сделаться истеричными. Но для проявления болезни нужен непременно повод в форме физического или нравственного потрясения. Всякого рода душевные волнения (заботы, испуг, ужас, гнев) могут служить толчком к первому приступу

* Конечно, и теперь среди душевнобольных попадаются случаи демонопатии без всякого признака истерии; могло быть это и в прежние времена, но в большей части описаний мы ясно узнаем истерию, так что без большой ошибки можно считать ее за нормальную подкладку всех случаев одержимости. *Прим. автора.*

заболевания. При материальных потрясениях различного рода, напр. при падении, всякого рода несчастьях, столкновениях на железных дорогах и т. п., важную роль, вероятно, играет сопровождающее их душевное волнение. Иногда ничтожного повода бывает достаточно, чтобы вызвать взрыв истерического заболевания: напр., у молодых девушек оно вдруг обнаруживается после извлечения зуба. Отравления алкоголем, ртутью или свинцом могут также служить поводом для появления этого заболевания. Но эти причины для нас мало интересны. Очевидно, преобладающее значение все же имеют душевные аффекты.

Верность этого заключения особенно отчетливо выступает при больших истерических эпидемиях, которые от времени до времени при благоприятных обстоятельствах получают большое распространение. От XII по XVII столетие такие эпидемии наблюдались в Европе нередко; теперь они почти исчезли и бывают только в отдаленных странах, где развитию болезни благоприятствует суеверие населения, в связи с религиозно-возбужденной фантазией. Самые известные эпидемии в нынешнем столетии были в Морцине в 1861 и в Ферцегнисе в 1878 годах. Это горные деревни итальянской Савойи. Население в них крайне бедно, невежественно и суеверно; браки очень часто заключаются в пределах одной семьи, вследствие чего телесное и духовное вырождение жителей очень заметно. Обе эпидемии настолько тождественны в своем появлении и течении, что можно описать их сразу.

Дело началось с того, что у одной девушки появились припадки сначала наедине, а затем и в присутствии сверстниц. Вид припадков был настолько заразителен для этих предрасположенных субъектов, что очень скоро некоторые из них тоже заболели. Стали говорить, что дело нечисто и что в этом замешано колдовство и беснование. Вмешались священники, начавшие исцелять припадочных с помощью торжественных обрядов, предписываемых католической церковью, но это нисколько не помогало. Дело шло все хуже и хуже, число заболевших становилось все больше, пока власти не удалили больных и полиция, отстранивши священников, не приняла деятельных мер для успокоения населения.

В таких эпидемиях предполагающим моментом для заражения является суеверный страх. Среди разумного, просвещенного населения подобные происшествия невозможны; если появляется единичный случай истерии, то на него смотрят, как на всякую обыкновенную болезнь, не представляющую никакой опасности для других. Но у суеверных странах, где еще верят в бесноватых, каждый такой случай внушает ужас и тем самым еще более усиливает предрасположение к заболеваниям, которым начинают подвергаться наиболее впечатлительные. Распространение болезни еще усиливается благодаря обычаю католиков выставлять больных в церкви и подвергать их торжественным заклинаниям. Опыт учит, что в этих случаях результат получается нисколько не успокаивающий, а напротив происходит ухудшение.

Так как поводом к проявлению болезни служат обыкновенно психические потрясения, то и симптомы ее носят явно выраженный нервно-психический отпечаток. Прежде всего у истеричных наблюдаются дефекты внешних чувств, иногда только одного, но иногда одновременно и нескольких, что выражается в форме пониженной восприимчивости. Впрочем, эти явления часто настолько бывают изменчивы, что трудно указать для них общие правила. Поэтому вкратце рассмотрим каждое чувство в отдельности, чтобы составить себе представление о наиболее обыкновенных формах этих дефектов.

Понижение чувства *осязания* выражается в виде анестезии, которая бывает частной или общей, т. е. охватывает отдельные участки кожи или распространяется на всю поверхность тела. Общая анестезия тоже может быть или полной, при которой ощущение отсутствует, как бы сильны ни были раздражители, или не полной, характеризующейся только значительным понижением, но не совершенным уничтожением восприимчивости к раздражению. Далее, частная анестезия имеет различные варианты: может исчезнуть восприятие только болевых ощущений, тогда как безболезненное осязание сохраняется,— такое явление называется аналгезией. Больной обыкновенно не замечает своего недостатка осязания, так как он не причиняет ему никакого неудобства и не мешает ему работать, восполняясь другими чувствами. Напр., истеричка с полной анестезией может быть прекрасной швеей, хотя не ощущает иголки, и должна постоянно следить глазами за работой.

Наконец, анестезия может быть очень различно распределена между частями тела; иногда анестезия распространяется на половину тела — правую или левую (гемианестезия) или рассеяна по коже в виде островков. В гемианестезии срединная линия тела очень резко разделяет чувствующую половину от нечувствительной. Рассеянная анестезия никогда не соответствует разветвлениям какого-нибудь одного нервного ствола или ветви, из чего можно заключить, что она не зависит от нарушений

целости или функции какого-нибудь нерва, так как тогда нечувствительность распространялась бы на всю область разветвлений этого нерва. Скорее причину этого дефекта надо искать в каком-то функциональном поражении определенной области головного мозга, что, впрочем, очень естественно, если припомнить связь истерии с душевными потрясениями.

Подобно кожному осязанию, может исчезнуть также и *мышечное чувство*. Пациенты не ощущают толчков и давления на мышцы и не чувствуют усталости, кроме того они не сознают своих произвольних движений, вследствие чего последние делаются неловкими и неверными, и более сложные и тонкие из них могут совершаться только под контролем зрения. Такое состояние сопровождается иногда параличами членов, мышцы которых анестезированы. В таких случаях пациент совсем теряет способность владеть членом, если на него не смотреть. Следствием этого бывает то явление, что больные теряют ноги в постели, т. е. они совершенно не чувствуют ног, так как не получают от них ни кожных, ни мышечных впечатлений, и сверх того не имеют возможности двигать ими, не видя их под одеялом.

Рис. 137. Опыт анестезии у конвульсионерки.
(С эстампа Парижской национальной библиотеки).

Вкус, *обоняние* и *зрение* также могут быть ослаблены или исчезнуть вовсе, притом только на одной или на обеих половинах тела, так, напр., вкус может быть уничтожен на одной стороне языка и сохраниться на другой, одно ухо может быть глухо или один глаз слеп и т. п. Но и в этом случае концевые аппараты и центростремительные проводы нормальны, и дефект надо искать в головном мозге. Это можно легко доказать опытом в случае истерического притупления слуха, без полной глухоты. Если приложить камертон к височной кости, то звук бывает слышен вследствие передачи звуковых колебаний через кость мозгу. Когда звук камертона делается столь слаб, что его уже не слышно таким образом, то нормальный человек еще ясно воспринимает его ухом, если перед ним держат камертон; то же самое происходит и при истерической тупости слуха. Если же глухота зависит от дефектов самого слухового аппарата или поражения слухового нерва, то пациент лучше слышит через черепные кости, чем через ухо.

Из нарушений *зрения* чаще всего замечается ограничение поля зрения. Чем более сужено оно, тем меньшую часть внешнего пространства видит пациент. Одновременно с этим часто наблюдается ослабление зрения и уничтожение цветовой чувствительности, а также расстройство аккомодации, так что больной ясно может видеть предметы только на известном расстоянии; иногда эти явления обнаруживаются каждое отдельно, иногда же одновременно, и тогда мы имеем так называемую «истерическую амблионию», явление, представляющее весьма разнообразные формы и которое может сопровождаться также истерической слепотой на один или на оба глаза.

Все эти явления, как и все истерические страдания, обнаруживаются и исчезают совершенно

внезапно, без видимого повода, обстоятельство, еще более подтверждающее предположение, что эти симптомы не суть последствия органических нарушений воспринимающих аппаратов и нервных стволов, так как в таком случае они не могли бы исчезать так внезапно. Очевидно, мы имеем перед собою функциональные нарушения, временную потерю деятельной способности известных органов, причем место этих нарушений находится несомненно в головном мозгу.

Рядом с разными формами анестезии часто можно встретить и гипералгезию, т. е. повышенную болевую чувствительность, которая может наблюдаться на различных участках кожи, неправильно разбросанных среди анестетических частей: всего чаще, однако, ее можно открыть в членах, в глубине тканей и внутри тела. Она проявляется в виде сильной боли, или мучающей больного непрерывно, или появляющейся лишь при движении, хотя бы самом незначительном. Такие боли могут давать впечатление вполне определенных воспалительных заболеваний мозга или суставов, и тогда бывает очень трудно отличить истерию от настоящих органических болезней. С течением времени, однако, истерический характер боли выясняется, так как общее состояние больного при этом не страдает, что невозможно при органических заболеваниях; кроме того, очень часто боли пропадают так же быстро, как явились, и на этаких-то случаях разные чудотворцы и пожинают свои лавры.

Один из важнейших припадков истерии — это судороги, встречающиеся, однако, лишь у половины всех больных, и притом у женщин в четыре раза чаще, чем у мужчин. Поводом к такому припадку служит обыкновенно душевный аффект; у некоторых больных для припадка нужен повод более сильный, чем тот, вследствие которого болезнь проявилась в первый раз, но повторные припадки вызываются уже вполне ничтожными случаями. Предвестниками приступа бывают обыкновенно изменения психического состояния: больной беспокоен, ищет уединения, беспричинно смеется или плачет. По всему телу пробегают боли; шея и грудь стеснены; больному кажется, что в одной половине тела как будто оторвался какой-то шар величиною с куриное яйцо и катается по животу, а потом подступает к горлу, вызывая чрезвычайно мучительное чувство удушья. Наконец, начинается сам припадок: тело вытягивается и напрягается, шея напухает, сосуды надуваются, дыхание прекращается. Затем следует громкий крик и являются самые судороги в форме диких движений членов или всего тела, принимающего «пластические» позы. У каждого больного повторяются одни и те же движения. После припадка больная,— так как преобладают женщины, лежит некоторое время в состоянии, подобном сну, причем она галлюцинирует, бредит и, наконец, пробуждается, не помня ничего из случившегося. Все это продолжается от 20 минут до нескольких часов.

Приступ не всегда так полон, как он описан сейчас: иногда некоторые стадии пропускаются или сильно сокращаются. По временам после припадков остается расслабление или контрактуры членов в ненормальных положениях, которые исчезают сами собою или во время повторения приступа. Кроме этих симптомов, у истеричных наблюдатся еще многие другие, не имеющие, однако, для нас большого значения. Гораздо интереснее психическое состояние истеричных больных, к рассмотрению которого мы теперь и перейдем. Самый характерный признак истерии, никогда не отсутствующий вполне, есть понижение чувственных восприятий; хотя, конечно, как и всякая другая болезнь, истерия может проявляться с разною силою. Если анестезия распространяется лишь на очень небольшую и ограниченную часть кожи или поле зрения лишь немного сужено, то такие дефекты, разумеется, не отражаются заметным образом на психическом состоянии больного. Совсем иное дело, если какое-нибудь чувство совершенно исчезает; такая потеря окажет гораздо более влияния на истеричного, чем на здорового. Если, положим, нормальный человек вследствие несчастного случая лишится зрения на оба глаза, то он не получает уже новых зрительных ощущений из внешнего мира, но он сохраняет зрительные образы в памяти; конечно, с течением времени впечатления делаются все более смутными, так как не будут подновляться позд-

нейшими наблюдениями, но во всяком случае ослепший в зрелом возрасте будет до смерти способен извлекать пользу из своих воспоминаний. При истерической слепоте происходит совершенно иное. У таких больных глаза здоровы, а не действует та область мозга, где зрительные образы переходят в сознание, поэтому истерический слепой не только не видит, но и утрачивает способность воспроизводить памятью зрительные образы. То же самое бывает и с другими чувствами. Даже не потеряв вполне какого-либо внешнего чувства, истеричный, по-видимому, лишается способности воспроизводить в памяти часть соответствующих представлений, что и понятно, так как при этом нарушается деятельность известных отделов мозга. Позже мы увидим, какие необыкновенные формы дефектов памяти могут при этом возникать, особенно в случае большой истерии.

Такое ослабление способности восприятия и памяти влечет за собою, конечно, заметные психические изменения. Число представлений, находящихся в данную минуту в распоряжении индивидуума, очень ограничивается; истерически переходит в состояние как бы детства, при котором объем сознания значительно уменьшается; вследствие этого усиливается восприимчивость к внушению, что, как известно, сопровождает уменьшение числа представлений, могущих сосредоточить на себе внимание. Все исследователи согласны, что в характере истеричных всегда есть нечто детское и что они очень восприимчивы. Французский психолог Пьер Жанэ, который больше, чем кто-либо другой, занимался психической стороной истерии в своем известном труде «Pautomatisme psychologique» (Париж, 1889), приводит множество веских примеров такого душевного состояния истеричных. Правда, что он имеет в виду по преимуществу истероэпилептиков, но это не имеет значения, потому что, по изложению французских исследователей, явления у эпилептиков только резче выражены, не различаясь по существу от явлений у обыкновенных истеричных.

Детские черты характера истеричных выступают главным образом в виде силы и неудержимости аффектов. Происшествие, производящее на нормального человека очень слабое впечатление, вызывает у них значительное душевное волнение.

Так Жанэ сообщает об одной из своих больных — Люси, очень часто служившей ему для опытов, что она забивалась в угол и заливалась горькими слезами, если ей рассказывали какую-нибудь глупую историю о собаке, которую переехали на улице, или о жене, побитой мужем. Другая истеричка, Леони, обнаруживает самый дикий восторг, увидев Жанэ после промежутка в несколько дней; она прыгает, скачет, испускает дикие звуки, вообще приходит в состояние, близкое к истерическим припадкам, которые и действительно происходят, если аффект еще немного усилится. Третья пациентка Жанэ — Роза имела истерический припадок, длившийся 48 часов по поводу того что ожидаемая ею особа не явилась в определенный час.

Восприимчивость к внушению обнаруживается у истеричных очень резко: случайное слово, обратившее на себя их внимание, может сделаться руководящим для их мыслей и поступков. Нередко особенно сильно поразившее их представление переходит в галлюцинацию.

Прекрасный пример этого даст нам опять Жанэ: «Однажды я пришел к Люси, чтобы сделать над нею некоторые опыты. Она сказала, что устала и не расположена, что я ей уже накануне надоел опытами и что она не желает начинать их снова. «Хорошо,— сказал я,— будем сегодня праздновать, но чтобы мой приход не пропал даром, расскажи мне историю».— «Что за глупости, никаких историй я не знаю; не начать же вам рассказывать про Али-Бабу».— «Отчего же нет? Я буду слушать»,— сказал я. Полусмеясь, полусердясь, она принялась за сказку; сначала она рассказывала плохо и ежеминутно прерывала рассказ, наблюдая, слушаю ли я; но затем увлекалась все более и более; речь полилась гладко, и на меня она более не обращала внимания. Вдруг она громко вскрикнула, уставилась в угол комнаты и сдавленным голосом зашептала про себя: «вот они, разбойники,— в больших мешках». Она прекратила рассказ и следила глазами за сценами, которые, очевидно, проходили перед ее глазами, но по-детски вставляя по временам свои замечания. «Сейчас их всех убьют — это хорошо». Я, конечно, старался ее не прерывать, и никогда история Али-Бабы не казалась мне столь интересной. То, что я видел перед собою, представляло в действительности образ мышления истеричных. Наши мысли, здоровых людей, холодны и бледны, тогда как у них они полны красок и жизни, и образы всегда переходят в галлюцинации».

Большая возбуждаемость истеричных, их способность приходить в волнение от всяких пустяков ведут к тому, что они постоянно заняты собою и на все окру-

жающее смотрят исключительно с точки зрения своих интересов. Все истеричные большие эгоисты, и их тщеславие, их стремление всегда имеют предпочтение перед другими, ведут часто к большим нелепостям. С другой стороны, их повышенная восприимчивость к внушениям составляет причину значительной изменчивости в симптомах болезни. Случайное, неважное происшествие может явиться в качестве внушения и внезапно излечить анестезию, паралич или контрактуру. Некоторые исследователи, напр. П. И. Мёбиус, доходят до того что считают все эти симптомы за следствие самовнушения. Подобно тому как внушение может уничтожить анестезию, так оно может ее и вызвать. Поэтому возможно, что всякая данная анестезия, паралич и т. п. произведены самовнушением. Встречаются и факты, по-видимому, подтверждающие такое воззрение. Если это окажется со временем верным, то уже, очевидно, придется отказаться от того положения, которое я признаю, следуя за Жанэ, что повышенная восприимчивость к внушениям есть следствие понижения впечатлительности чувств и памяти; наоборот, тогда окажется, что восприимчивость к внушениям есть явление первичное, а все остальные симптомы ее производные, вызванные под влиянием случайных внушений, и, исходя из этого, Мёбиус приходит к выводу, что основа истерии исключительно состоит в чрезмерно повышенной восприимчивости к внушению. Но хотя такое мнение имеет за себя очень многое, однако ученые еще не согласны во взглядах на причины и характер истерии, почему мы на этом вопросе и не будем останавливаться.

II. Большая истерия

Большая истерия, или истеро-эпилепсия, по мнению одних исследователей, вовсе не есть отдельная форма болезни, по мнению же других — это комбинация истерии с эпилепсией. Рише, авторитет в этой области, с которым я вполне согласен, считает ее только сильной степенью простой истерии, от которой она отличается большей силой, сложностью и продолжительностью припадков. А так как именно эти припадки большой истерии имели очень важное значение для суеверий, то мы должны на них подробнее остановиться. Для нас, однако, интереснее не научный анализ их сущности, а главным образом их внешняя форма. Поэтому я ограничусь кратким обзором различных фаз полного истерического приступа, иллюстрировав его рисунками, взятыми из книги Рише: «Etudes cliniques sur la grande hystérie» (Париж, 1885).

Большой истерический припадок вызывается обыкновенно каким-либо душевным волнением. Больная чувствует себя нехорошо, она как будто совсем «другая», она не может ничего делать и не обращает никакого внимания на попытки развлечь ее. Воспоминания прошлого всплывают с особою яркостью и овладевают вполне вниманием.

Пациентка делается меланхолическою и раздражительною. Затем начинаются галлюцинации; ей представляются отвратительные звери всякого рода: кошки, крысы, пауки, улитки, которые то появляются, то исчезают. Мучимая этими видениями, пациентка не может оставаться спокойной; она вскакивает и бежит с диким криком, в легком платье выскакивает на двор,

Рис. 138.

невзирая ни на какую погоду. Внезапно наступают контрактуры и сведения членов, замечаются нарушения пищеварения и дыхания, сильное слюнотечение и сердцебиение. Мускульная сила ослабляется, и появляется анестезия, которая становится полною, если не была таковою раньше. Такие симптомы наблюдаются иногда даже за неделю до приступа. В последние дни к ним присоединяются еще боли и ощущение «истерического шара», подступающего из живота к горлу и причиняющего тягостнейшее ощущение удушья.

Наконец начинается *собственно приступ*. У больной темнеет перед глазами, делается шум в ушах и сознание омрачается. После нескольких бурных движений тело застывает в той или другой необыкновенной позе (рис. 139), и только какой-нибудь один член, напр., рука или язык, производит еще медленные, правильные движения; наконец и они прекращаются, и тело закоченевает в полной неподвижности. Такая «тоническая» судорога скоро переходит в «клоническую». Члены начинают выполнять толчкообразные сгибательные и разгибательные движения от трех до четырех раз в секунду. (На фиг. 140 это изображено в виде пунктирных линий). По происшествии не более пяти минут наступает полное расслабление всех мышц, и тело падает, безжизненное и неподвижное.

После небольшого покоя в несколько минут начинается другой период припадка, который вследствие странных совершаемых в это время движений носит название «клоунизма». Тело принимает самые необычные положения, напр., дугообразное (рис. 141), сохраняемое в течение нескольких (от трех до десяти) минут. Затем следует ряд сильных и резких движений, потрясающих и подкидывающих все тело или члены от 15 до 20 раз подряд, причем может даже казаться, что принятое положение противоречит законам тяжести: больная как бы плавает над постелью в воздухе, опираясь только на затылок и локти. Потом она падает на постель и снова начинает тот же маневр, повторяя его 10—20 раз. Последовательные фазы этого движения изображены на фиг. 142, 143, 144. Иногда движения завершаются диким криком и беспорядочным маханием рук, точно больная

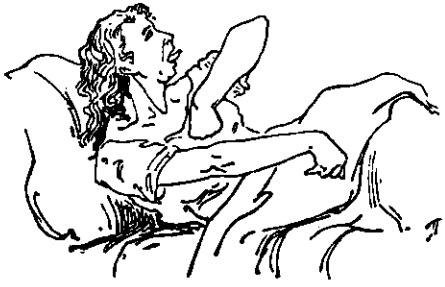


Рис. 139.

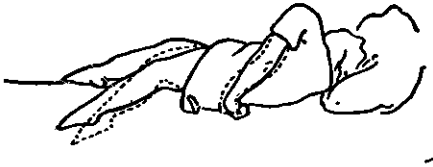


Рис. 140.

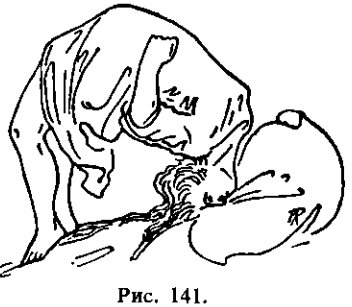


Рис. 141.

защищается от невидимого врага. Если припадок в этом периоде прерывается, чего у некоторых больных можно достичь давлением на определенные точки тела, то всегда можно убедиться, что больная находится во власти галлюцинаций, под значительным влиянием которых выполняются даже описанные акробатические приемы. Следовательно, сознание, исчезнувшее в начале припадка, к этому времени опять отчасти возвращается.

В третьем периоде, который иногда наступает немедленно после второго, сознание пробуждается еще более. Пациентка очевидно осаждена определенными галлюцинациями. Она живет в каком-то фантастическом мире, говорит мало или совсем молчит, но принимает ряд последовательных поз, находящихся в естественной связи между собою и отражающих состояния, переживаемые ею. Поэтому этот период припадка называется периодом «страстных положений» (attitudes passionelles). У каждой больной эти положения следуют обыкновенно в раз установившемся порядке. Слова,

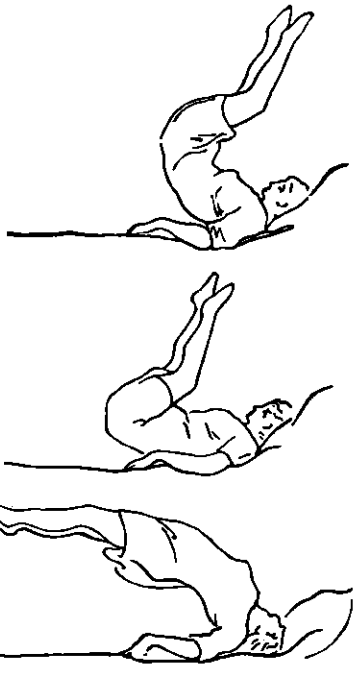


Рис. 142, 143, 144.

Рис. 145, 146, 147.

сопровождающие их, совершенно соответствуют всему образу действий пациентки и выражаемому им положению. У одних субъектов позы чрезвычайно разнообразны, быстро переходят одна в другую и изменяются, хотя и слегка, при каждом отдельном припадке; у других, напротив, постоянно повторяются одни и те же определенные позы и в том же порядке. За общее правило можно считать, что галлюцинации и соответствующие позы носят на себе отпечаток того события, которое впервые вызвало припадок.

Рис. 148.

Одна из больных, напр., подверглась первому приступу, будучи испугана злодеем, который ворвался в ее комнату и, несмотря на ее мольбы и угрозы, повалил ее на пол и изнасиловал. Все это событие отражается в ряде быстро сменяющихся поз, изображенных на фиг. 145—147, причем рисунки дают ясное понятие об их живости и выразительности.

Третьим периодом припадок собственно оканчивается. Иногда, впрочем, бывает и четвертый период, во время которого больная мало-помалу приходит в себя и возвращается в нормальное состояние. Больная мало подвижна, но много говорит, вспоминает прошлое, жалуясь на свою несчастную судьбу; поток слов часто прерывается галлюцинациями, сходными с теми, которые наблюдаются перед припадком; разные противные животные пробегают перед больною и пугают ее. Это душевное волнение очень отражается на жестах и выражении лица (фиг. 148). В то время, как первые три периода продолжаются от 1/4 до 1/2 часа, последний может длиться неопределенное время.

Описанные здесь приступы редко бывают единичны.

После четвертого периода, который во многих отношениях походит на начальный, обыкновенно приступ возобновляется. 20 или даже 30 припадков могут следовать друг за другом с промежутками в несколько минут и, таким образом, составить целую серию. Между сериями может быть несколько дней покоя, но иногда они следуют одна за другой в течение многих дней.

Припадки большой истерии допускают множество вариантов. Описанная здесь типичная форма встречается как исключение. Некоторые периоды или вовсе пропускаются, или очень сокращаются, другие, наоборот, усиливаются и длятся гораздо дольше, так что получаются отдельные формы с характерным для каждой отпечатком. Большая часть их не представляет для нас интереса, но некоторые из этих видоизменений, а именно экстаз и одержимость (беснование), сыграли немалую роль в развитии суеверий и потому заслуживают более пристального внимания. Чтобы, однако, вполне понять значение последнего в развитии новейшей формы суеверий — спиритизма, мы должны сначала обстоятельно описать специальную форму, которую гипноз принимает при типической истерии.

III. Истерогипноз

Истерогипноз, или гипноз у истеричных с ясно выраженными анестезиями, *во многом существенно отличается от такого же состояния у нормальных людей. Сомнамбулизм, самая характерная стадия истерогипноза, может даже считаться в психологическом отношении полною противоположностью глубокого гипноза у нормального человека.* В последнем, как мы знаем, наблюдается ограничение сознания, сопровождающееся все большим сосредоточением внимания на опреде-

ленных представлениях. У истеричных же, наоборот, наступление гипноза влечет за собою увеличение поля сознания, так что больные в стадии сомнамбулизма сравниваются психически с нормальными людьми в бодрствующем состоянии.

Пьер Жанэ, сочинение которого «L'automatisme psychologique» внесло много ясных указаний на душевное состояние истеричных как в обыкновенном их положении, так и в гипнозе, высказывается очень определенно по этому вопросу. «Может ли гипнотизм вызвать высшую форму сознания? — говорит он.— Это зависит, сколько я понимаю, от состояния сознания при обыкновенных условиях. Когда мы имеем дело с истеричными, у которых круг их восприятий, воспоминаний и мыслей очень сужен по сравнению с нормальными людьми, то у них при всяком возбуждении нервной системы, электрическим ли током или магнетическими пассами, восстанавливаются утерянные способности и они переходят как бы к высшей форме сознания. Однако это «высшее» состояние для истеричных есть только то, в котором они были бы, если бы не были больны. Абсолютно же оно не выше, чем у нормальных людей, и соответствует тем моментам более или менее полного здоровья, которые бывают у этих истеричных». Точнее выразиться трудно.

Этим объясняется, почему спор между Сальпетриерой, т. е. школой Шарко, и школою Нанси, т. е. проф. Бернгейма, Льебо и др., о гипнотическом состоянии не привел ни к какому результату. Первая группа исследователей, Шарко и его ученики, изучала гипноз исключительно на истеро-эпилептиках; у нансийцев в руках были нормальные люди и истеричные, со слабо выраженной анестезией. Если, таким образом, гипноз у субъектов с различным состоянием здоровья дает противоположные результаты, то, конечно, не может быть соглашения между спорящими сторонами, так как они предполагают, что исследуют одинаковые явления, тогда как в действительности они имеют дело с различными состояниями.

Пьер Жанэ первый сказал в этом споре решающее слово вышеприведенной цитатой. Но так как он почти исключительно занимался большою истериею и мало знаком с фактами гипноза у нормального человека, то он и сам не подозревает, какое значение могут иметь его наблюдения. Между тем его исследования, как мы увидим ниже, приводят к заключению, что *гипноз нормальных людей и гипноз истеричных совершенно противоположны в своих проявлениях.* Мы также узнаем (впрочем, некоторые приверженцы Сальпетриеры на это давно указывали), что «большой гипноз» есть в сущности не гипнотическое состояние, но искусственно вызванный истерический припадок, так что для избежания смешения понятий было бы очень желательно подыскать для этого явления другой термин; однако, пока его еще нет, нам придется придерживаться принятой номенклатуры, чтобы избежать еще большего смешения понятий.

Уже самые средства для вызывания «большого» и «малого» гипноза показывают на их различие. Замечательно, что у истеричных, так сильно предрасположенных к восприятию внушений, почти совсем не пользуются этим средством для вызывания гипноза. Напротив, напряженное фиксирование блестящих предметов или прислушивание к тиканью часов, вообще к какому-нибудь однообразному звуку через несколько секунд повергают субъекта в сомнамбулическое состояние. Так же действуют магнетические пассы. Еще лучший эффект производит луч света, внезапно падающий в глаз, удар по гонгу, слабый электрический ток, давление на веки, одним словом, целый ряд приемов, которые у нормального человека никогда не вызовут гипнотического состояния без внушения. Впрочем, если индивидуум многократно подвергался гипнозу через внушение, сопровождавшееся одним из упомянутых средств, и потому знает заранее, что оно применяется именно с этой целью, то, может быть, они произвели бы действие и без словесного внушения, в противном случае нет. Наконец, у многих истеричных имеются так называемые гипнотические зоны, т. е. более или менее обширные области кожи, давление или даже прикосновение к которым вызывает гипнотический сон.

Одним из упомянутых средств индивидуум приводится или в летаргическое, или в каталептическое состояние, в последнее в том случае, если применяемое средство не было слишком сильно. О летаргическом состоянии, которое часто бывает в большой истерии, при переходе из одной ее стадии в другую, мы поговорим после, теперь же остановимся только на каталепсии. Характерная черта этого

явления — невозможность для больного какого бы то ни было движения. Нормальный человек не способен пробыть несколько минут неподвижно, напр., не моргнув веками, между тем каталептик неизменно сохраняет положение, в котором его настигнет наступление этого феномена. Широко раскрытые глаза устремлены на один пункт, веки не моргают, вообще нельзя заметить какого-либо движения, кроме дыхания и сердцебиения. Когда это состояние наступает само собой, что

Рис. 149. Лекция проф. Шарко в Сальпетриере.

иногда случается, то оно может продолжаться несколько дней при условии устранения всех внешних раздражений; вызванная искусственно, каталепсия длится редко более четверти часа или полчаса и, наконец, сама собой переходит в сомнамбулизм.

У каталептика все мышцы мягки, как воск. Члены его можно не только привести в самое странное положение, но даже лицу придать самое неестественное выражение; и то, и другое сохраняется без изменения. Поднятая в воздухе рука держится долгое время неподвижно, а затем медленно и плавно опускается без признаков усталости. Даже мышцы живота сохраняют отпечатки от давления пальцев. С другой стороны, можно вызвать и правильные, равномерные движения. Если несколько раз согнуть и разогнуть руку, то она сама продолжает это действие. Произвольно индивид не может ничего начать: он не может по своей воле совершить движение, но не может также и остановить движения, данного путем внешнего импульса; он двигается совершенно как автомат. Однако каталептик не находится в бессознательном состоянии. Всего вероятнее, что внимание его до того сильно сосредоточено на одном представлении, что только это представление и занимает все поле его сознания. Такое предположение подтверждается тем, что неподвижность индивидуума может быть нарушена не только внешним толчком, но и представлением о данном движении, вызванным в его сознании. Если, напр., стать перед каталептиком так, чтобы неизбежно находиться в его поле зрения, и

принять при этом известную позу или сделать какое-либо движение, то он его повторяет. Таким образом, представление о данном движении непосредственно вызывает таковое, не встречая никакой задержки или противодействия со стороны индивидуума. Насколько недоступно сознание каталептика для всего, что не касается непосредственно охватившего его представления, видно из того, что он ничего не понимает из обращенных к нему речей; даваемые ему приказания не исполняются: больной или остается совершенно безучастным, или автоматически повторяет слова. Звуковые представления вызывают только автоматически связанные с ними движения органов речи и более ничего (эхолалия).

Такое состояние монодеизма — когда сознание занято всецело одним представлением — длится, однако, не долго. Скоро поле сознания расширяется, и внушенная индивидууму идея влечет за собой другие, по законам ассоциации. Так возникают аффекты, выражающиеся в целом ряде соответствующих поз. Если, напр., сложить в кулак одну кисть больного, то другая делает то же самостоятельно, вся рука поднимается на высоту груди, тело слегка нагибается вперед, выражение лица изменяется: сжатые губы и раздутые ноздри дают картину гнева. Если же приложить пальцы одной руки больного к его губам, то и другая принимает такое же положение, лицо больного делается приветливым, вместо гнева является улыбка, и он как бы посылает воздушные поцелуи. Таким образом, можно по произволу изменять жесты, причем немедленно и другие члены приходят в положение, соответствующее выраженному аффекту.

Итак, мы до сих пор видели, что каталептик ничего не исполняет сам по себе. Каждое положение должно быть ему внушено, причем частное движение влечет за собою ряд других, характеризующих данный аффект. Когда же сфера сознания постепенно расширяется, то каталептик уже не довольствуется тем, что сохраняет внушенные представления, но и начинает действовать согласно с ними.

Жанэ приводит очень интересные примеры: «Я складываю руки Леони, и тотчас ее лицо принимает выражение восторга. Я оставляю ее в этом положении, чтобы видеть, долго ли оно продержится. Она встает со стула и медленно делает несколько шагов, потом, тоже медленно, становится на колени, слегка наклоняет тело, кладет голову набок и с необыкновенным выражением экстаза смотрит на небо. Я ожидаю, не застынет ли она каталептически в этой позе. Нет, она склоняется еще более, подносит сложенные руки ко рту; затем, сделав пять-шесть шагов, нагибается еще ниже, снова становится на колени, приподнимает голову с полуоткрытыми глазами и открывает рот. Теперь все делается понятным: она принимает причастие. Затем она возвращается в прежнее положение, и сцена, продолжавшаяся около четверти часа, прекращается вместе с прекращением каталепсии».

Впрочем, такие сложные поступки со стороны каталептиков встречаются очень редко по весьма понятной причине: они выполняют только те движения, которые естественно связаны с внушенным им чувством, сами по себе они ничего не способны предпринять. Между тем существуют лишь очень немногие ощущения, столь тесно связанные с определенною группою сложных движений, как это мы видели в только что описанной сцене; поэтому подобные ей сцены наблюдаются чрезвычайно редко, тем более что далеко не все каталептики способны производить такие продолжительные действия. Необходимым условием для этого нужно считать возникновение у данного лица определенного чувства; раз такое чувство не может быть возбуждено, то невозможно и развитие подобных сцен. Когда Жанэ складывал также руки у другой своей пациентки, не отличавшейся религиозностью, то она осталась неподвижною в приданной ей позе, не предпринимая ничего дальше. Известное расположение рук у этой особы не было связано с определенным ощущением, а потому и не ассоциировалось с другими движениями.

Если каталептический субъект представлен самому себе, то он переходит в другой вид гипнотического состояния, сомнамбулизм, который, впрочем, может быть вызван и прямо разными приемами. Характерною чертою этого фазиса Шарко и его ученики признают особое состояние нервно-мышечной системы, названное ими «чрезмерною чувственно-мускульною возбужденностью», но опыты последнего времени показали, что этот признак не только не может считаться характерным, но даже вообще встречается очень редко. Жанэ нашел его только у двух

из 12-ти испытанных им особ, следовательно, это признак вовсе не характерный. Единственным верным симптомом сомнамбулизма может служить только душевное состояние индивидуума. Особенно заметно изменяется память. В сомнамбулизме субъект помнит не только все, что он видел в нормальном состоянии, но и все, что случилось в предыдущих периодах сомнамбулизма, между тем как при пробуждении он забывает решительно все, происшедшее во время сомнамбулического состояния. Таким образом, память в сомнамбулизме обширнее, чем при нормальном бодрствовании. Это зависит, конечно, от того, что во время сомнамбулического сна восстанавливаются некоторые чувства, утраченные субъектом в его нормальном состоянии, а вместе с тем и воспоминания о представлениях, входящих в круг этих чувств; таким образом, сомнамбула становится более совершенною личностью, чем обыкновенные истеричные, так как поле сознания его значительно расширено. Такое явление влечет за собою самые удивительные результаты. Если, напр., истеричка в нормальном положении лишена каких-нибудь чувств, то они могут последовательно восстановиться в состоянии сомнамбулизма. Таким образом, индивид может проходить через целый ряд психических фаз, характеризующихся постепенным расширением содержания сознания, пока, наконец, в глубоком сне он вступает в обладание всеми своими чувствами, сравнявшись с нормальным, здоровым человеком. Опыт показывает нам, что так бывает действительно. У истеричных наблюдаются две, три и даже четыре стадии сомнамбулизма, имеющие каждая свое собственное содержание памяти. Как общее правило, бывает так, что на каждой высшей ступени сомнамбула помнит не только то, что с нею было в этой же стадии, но и то, что было на других, низших; но на низшей степени она не помнит того, что было на высшей. Это совершенно понятно, потому что каждая высшая степень характеризуется тем, что открывается новая область ощущений со всеми связанными с ними образами и воспоминаниями, а в то же время и бодрствующие чувства продолжают функционировать. Но так как каждое значительное изменение памяти влечет за собою существенные перемены в образе мыслей и поступках человека, то и сомнамбула в каждом фазисе этого состояния кажется как бы новою личностью. Чтобы не смешать эти различные личности, присутствующие в одном человеке, их обыкновенно обозначают номерами. № 1-й обозначает истеричного субъекта в его нормальном состоянии, с его более или менее суженным полем сознания, № 2 — личность, которою он же представляется в первой стадии сомнамбулизма, и т. д.

Эти замечательные отношения лучше всего иллюстрировать примером, взятым у Жанэ. «Я начал,— говорит он,— усыплять Люси всеми обыкновенными способами и констатировал у Люси II все явления памяти, свойственные сомнамбулам. Однажды, когда мне никак не удавалось сделать ей желаемого внушения, я попытался усилить сон Люси в надежде повысить ее восприимчивость к внушению. Я начал выполнять над Люси II пассы, как будто она была еще не в сомнамбулическом состоянии. И действительно глаза ее закрылись, она откинулась назад и, казалось, еще глубже заснула. Имевшиеся у нее контрактуры исчезли, все мышцы пришли в расслабленное состояние, как при летаргии; однако сократимость мышц при прикосновении — явление обычное при последней — не установилась *. Это был род гипнотического обморока наблюдающегося у многих лиц, в качестве переходной ступени между различными стадиями гипноза. Через полчаса Люси проснулась, открыла по моему требованию закрытые сначала глаза и начала говорить. Появившаяся передо мною Люси III обнаружила целый ряд своеобразных явлений. Относительно памяти, Люси III отлично помнила все, что произошло в ее нормальной жизни, и все, что случилось с Люси II в прежних сеансах сомнамбулизма. Кроме того, она могла рассказать все частности ее истерических припадков, припоминала, напр., ужас, который ей внушали мужчины, стоявшие, как ей казалось, за гардиной во время ее приступов; потом она вспоминала о своем естественном лунатизме, о ночных сновидениях, т. е. о таких предметах, которые были совершенно недоступны суждению Люси I и II. Оказалось очень трудным снова вывести ее из этого состояния, и только после того, как она прошла опять через стадию обморока. Затем она оказалась в стадии обычного сомнамбулизма, но Люси II уже не имела никакого представления о том, что несколько минут тому назад происходило с Люси III; она думала, что крепко спала и ничего не говорила. Когда мне в другой раз удалось получить личность Люси III, то она хорошо помнила все, что произошло с нею в первый раз».

* Явление повышенной нервно-мускульной раздражительности, которое Шарко считает отличительным для летаргии, по наблюдениям Жанэ, встречается, наоборот, очень редко и потому ни в каком случае не может считаться отличительным признаком какого-либо определенного состояния. *Прим. автора.*

Объяснение этих замечательных феноменов памяти Жанэ нашел, исследовав состояние внешних чувств в этих различных стадиях. В нормальном состоянии Люси представляет чистейший зрительный тип, т. е. ее мысли и действия основаны на зрительных образах, так как зрение есть почти единственное чувство, оставшееся в ее распоряжении. Анестезия распространена у нее по всему телу; вполне отсутствует у нее и мышечное чувство. Если она не видит своих членов, то и не знает, где они находятся. Если, например, связать ей руки за спиной, то она этого не замечает. Люси почти совсем глуха; она, напр., не слышит тикания часов, даже приложенных к самому уху. Зрение ее тоже гораздо хуже нормального, и поле его очень сужено; тем не менее это ее наиболее острое чувство, и поэтому она постоянно им пользуется. С помощью глаз она может двигать членами, ходить и работать; если ей закрыть глаза, что, впрочем, приводит ее в бешенство, то она роняет из рук вещи, которые держала, шатается и падает. При закрытых глазах она даже не может говорить и впадает в сон.

Рис. 150. Крестообразная каталепсия.

Для того чтобы различие между стадиями было явственнее, мы можем пропустить 2-ю стадию и перейти непосредственно к Люси III. Чувства, бывшие у нее во время бодрствования, не пропадают, а, напротив, обостряются. Кроме того, возвращается осязание и мышечное чувствов. Она прекрасно сознает положение своих членов, может ходить и писать, не будучи принуждена следить за своими движениями глазами, которыми она теперь пользуется гораздо меньше и не сердится, если их закрывают. Очевидно, она, как всякий нормальный человек, руководствуется в своих действиях двигательными представлениями. На опыте доказывается, что к ней возвратилось и все содержание памяти, а с памятью и внешние чувства. История ее такова: до девятого года она была здорова, обладала всеми чувствами и во всех отношениях не отличалась от других детей. В это время она получила свой первый нервный припадок вследствие того, что на нее бросились несколько мужчин, стоявших за гардиною, и страшно ее испугали; именно эта сцена и составляет главное содержание всех ее истерических припадков. Обо всем этом: о детстве, об испуге и истерических припадках, как вполне анестезированная, Люси I не имеет никакого воспоминания; напротив, Люси III очень хорошо помнит детские годы и истерические припадки последующих лет. Это легко объясняется. Мы знаем, что отсутствие соответствующего чувства зависит у истерических не от нарушения целости воспринимающих аппаратов, а от недеятельности соответствующих мозговых центров. Вместе с тем исчезают также и все

образы памяти, связанные с данною сферою ощущений, вследствие чего, конечно, забываются и события, в составе которых именно эти чувства играют значительную роль. Когда же, вследствие новых условий, опередленная часть мозга делается способной функционировать, то, конечно, восстанавливаются и все воспоминания. Поэтому Люси I, у которой нет осязания и мышечного чувства, и не может помнить детства и истерических кризисов, в которых эти ощущения играли деятельную роль; но у Люси III вместе с чувствами восстанавливаются и воспоминания, с ними связанные.

Совершенно подобные же состояния, как у Люси, Жанэ открыл и у других испытуемых лиц, хотя явления у них часто бывают гораздо сложнее. У Розы, напр., имеются четыре различных сомнамбулических стадии с четырьмя своеобразными состояниями памяти, т. е. в этой особе скрыто не менее пяти различных психических личностей.

Мы, однако, не будем вдаваться в дальнейшие подробности и остановимся только на одной особенности сомнамбулического состояния, в значительной степени подтверждающей все выше описанное. Мы знаем, что истеричные в их обычном положении очень восприимчивы к внушению, так как поле их сознания очень сужено. Эта восприимчивость еще в некоторой степени сохраняется в первой стадии сомнамбулизма, в которой сознание хотя расширяется вследствие восстановления некоторых чувств, но границы психической жизни все-таки еще далеко уже, чем у нормальных людей. На этой степени сомнамбул совершенно сходен с нормальным человеком, находящимся в состоянии гипноза, в котором некоторые внешние чувства усыплены и не действуют. И в этом состоянии можно точно так же внушить галлюцинации, расстройство движений, сложные действия и перемену личности, как и при нормальном гипнозе. В последнем же фазисе сомнамбулизма, когда субъект восстановит все свои внешние чувства, начинает походить на нормального человека, восприимчивость к внушению должна быть сильно понижена, так как она всегда понижается при расширении и развитии сознания. Факты подтверждают это предположение. Жанэ хотел проделать над Люси III, когда он ее в первый раз привел в это состояние, обыкновенные опыты с внушением. Однако Люси III казалась очень удивленною, не тронулась с места и сказала: «Неужели вы думаете, что я настолько глупа, что поверю вам, будто в комнате летает птица, и стану за нею гоняться?» Очень незадолго перед тем, в первом сомнамбулизме, она беспрекословно делала все это, теперь же восприимчивость к внушению исчезла без следа. То же самое, хотя не в столь явной форме, было и при опытах Жанэ с другими пациентками: в самом глубоком сомнамбулизме степень восприимчивости к внушению не превышала этого свойства у нормального человека. Из этого мы видим, что различные степени сомнамбулизма отличаются друг от друга постепенным расширением сферы сознания.

Если сравнить явления истерогипноза с описанными выше припадками большой истерии, то мы заметим большое сходство. Когда каталептик исполняет ряд поступков, связанных с определенным внушенным ему чувством, то невольно вспоминается о третьей стадии большой истерии, в которой действия индивидуума также определяются известным чувством. Точно также та степень сомнамбулизма, где к индивидууму возвращается память в полном объеме, может быть сравниваема с четвертым периодом припадка, когда истеричный столь обстоятельно излагает события прежних времен. Эти аналогии основаны не на случайном сходстве или не на общности несущественных, второстепенных подробностей, но, как доказывает Жанэ, на полном тождестве, что еще десять лет ранее утверждал Питр. Истерия и истерогипноз не суть ветви одного ствола, как полагала школа Сальпетриеры, но тождественные состояния; истерогипноз есть искусственно вызванный припадок истерии, отличающийся от естественного только тем, что он намеренно произведен определенным лицом, гипнотизером, по отношению к которому, и только к нему одному, истеричный проявляет свою восприимчивость к внушению, тогда как в обычном припадке нет гипнотизера, поэтому субъект вра-

щается в сфере, ограниченной пределами его собственного сознания. Сильные эффекты прошедших дней и другие воспоминания выступают вперед и служат исходною точкою оригинальных явлений, наблюдаемых при большой истерии. В истерогипнозе восприимчивость сохраняется по отношению к гипнотизеру, которые он внушает, дают тон всему положению дела. То же до известной степени можно сказать и об естественных припадках. Для тех, кто часто гипнотизировал истеричку, не трудно в третьем и четвертом периодах овладеть индивидуумом и руководить дальнейшим ходом припадка по своему усмотрению, как будто он был вызван искусственно: можно, напр., изгнать устрашающие галлюцинации и заменить их веселыми образами.

Итак, если истерогипноз есть только искусственно вызванный истерический припадок, то во время естественного припадка истерии при благоприятных условиях может происходить такое же изменение личности, как и при сомнамбулизме. Уже все психическое состояние истерички в четвертом периоде припадка, постоянный разговор о событиях прежних дней намекают на возможность такого явления; однако констатировать его очень трудно, если не удастся войти в сношение с пациентом. Впрочем, иногда это состояние может длиться настолько долго и быть настолько очевидным, что изменение, проявляющееся во всем характере и поведении данного индивидуума, становится заметно даже для всех окружающих. Человек в течение целых недель и месяцев может находиться в сомнамбулическом состоянии и потом вдруг, вследствие какого-нибудь обстоятельства, возвратиться в нормальное. Такое лицо проявляет вполне двойное сознание. Обыкновенно нормальное состояние называется первичным, сомнамбулическое — вторичным. Один из выдающихся в этом отношении случаев есть описанная Ацамом Фелида X.

Я вкратце изложу ее историю, чтобы показать, насколько велико совпадение между тем, что наблюдается у нее, и описанными выше явлениями гипнотического соманамбулизма. Фелида родилась от здоровых родителей. В 13 лет у ней обнаружились первые симптомы истерии, а через полтора года появились припадки истерического сомнамбулизма. Она почувствовала боль в висках, погрузилась в летаргию (гипнотический обморок Жанэ) и через 10 минут проснулась во вторичном состоянии, длившемся два часа, а затем, после нового обморока, возвратилась в первичное положение. С течением времени припадки стали реже, но вторичное состояние сделалось продолжительнее. Когда ей было 32 года, то последнее продолжалось около трех месяцев, прерываясь нормальным первичным на несколько часов. Память ее представляла все вышеуказанные характерные особенности, свойственные гипнотическому сомнамбулизму. Вторичная, или сомнамбулическая, ее личность хорошо помнила события обоих своих состояний, но первичная, или нормальная, не помнила о том, что она делала в сомнамбулическом периоде. Поэтому краткие проблески нормального состояния в последние годы были ей очень неприятны, так как во время их она забывала все то, что происходило в течение месяцев ее вторичного состояния. Вторичная личность была для нее в самом деле более совершенною, чем первичная, что отражалось и на ее характере. В нормальном периоде она была меланхолична, замкнута, молчалива, жаловалась постоянно на боли, вообще была исключительно занята собою и мало обращала внимания на окружающее. В сомнамбулизме она была весела и беззаботна, не любила работать и занималась больше туалетом, но, с другой стороны, высказывала больше любви и ласки к детям и родным. Таким образом, несомненно, в одном человеке жило две психические личности.

Итак, и в гипнотическом (искусственном), и в истерическом (естественном) сомнамбулизме можно наблюдать в одном субъекте несколько личностей, иногда доходящих до полного его разделения на две или более. Обыкновенно переходы одной личности в другую наступают внезапно, без видимого повода и без всякого желания со стороны субъекта; но иногда индивидуум может пойти навстречу такому явлению посредством чего-то в роде аутогипноза. Примеры этого мы увидим в описании одержимости и истерического транса.

IV. Экстаз и одержимость (бесноватость)

Уже было указано, что большой истерический приступ может принимать многоразличные формы, причем один или несколько фазисов пропускаются, а остальные вследствие этого придают припадку специфическую форму. Эти-то особенные формы и играли не малую роль в деле развития суеверия, причем, смотря по характеру припадка, их приписывали то проявлению воли Божьей, то козням дьяво-

ла. Мы говорим преимущественно о двух формах: об *экстазе и одержимости*. В экстазе на первый план выступает третий период, период пластических поз, в одержимости — второй, т. е. судороги и «большие движения» в связи с некоторыми вставками симптомов последующих периодов. Конечно, картины припадков могут быть очень разнообразны, потому что позы и движения видоизменяются в зависимости от содержания сознания индивидуума, т. е. от эффектов, вызвавших истерию или игравших главную роль в ее происхождении; это видно из того, что явления различны у разных лиц и в разные времена. В прежнее время, когда более преобладали религиозные чувства, экстазы, по-видимому, вызывались преимущественно ими, в настоящее время преобладают экстазы эротические. Одержимость считалась признаком вселения дьявола, или многих бесов и выражалась в сильных движениях, криках и галлюцинациях; эти симптомы в настоящее время, когда перестают верить в материального дьявола, встречаются гораздо реже. Отчасти поэтому, отчасти потому, что теперь вообще истерические припадки лишь в виде исключения достигают той степени, как раньше, приступы больших движений наблюдаются у теперешних бесноватых — истерических медиумов, главным же образом преобладает сомнамбулическая форма. Медиум считает себя одержимым определенным более или менее совершенным духом и говорит и действует от его имени. Опишем кратко каждую из этих форм.

Экстаз. Среди множества случаев, описанных у Рише, я выберу один, отличающийся разнообразием особенностей.

«Г. садится; иногда голова ее сохраняет почти естественное положение, глаза направлены слегка вверх, руки молитвенно сложены. В других случаях она принимает позу, в которой обыкновенно изображают иллюминатов, св. Терезу и других; голова откинута назад, взор устремлен на небо, лицо принимает отпечаток бесконечной кротости и выражает идеальное удовлетворение; шея вздута, дыхание еле заметно, тело абсолютно неподвижно. Руки, сложенные крестом на груди, еще более дополняют сходство с изображениями святых на картинках. Все эти позы больная сохраняет от десяти до двадцати минут и даже дольше. Однако припадок всегда кончается теми же изменениями в выражении лица, которыми заключаются обыкновенные припадки, начинается эротический бред, который еще резче бросается в глаза благодаря контрасту с первым состоянием. Наблюдатель, видящий все в первый раз, не может без изумления смотреть на эти искаженные чувственностью черты лица и на неудержимые проявления страстных желаний».

Здесь, таким образом, припадок принимает разнообразные формы соответственно чувствам, обуревающим пациентку. Если же преобладает одно настроение, напр. религиозное, то экстаз все время носит однообразный характер (см. рис. 136). Таковы, несомненно, были случаи, о которых нам сообщает история, и то же наблюдается у современной святой Луизы Лато. Последняя до того прониклась впечатлением страстей Господних, что у нее появились кровоподтеки на местах тела, где были крестные раны. В своих экстазах, регулярно повторявшихся по пятницам, она аккуратно изображала всю историю распятия Христа. Один очевидец так описывает эту сцену.

«Внезапно она умолкает, глаза останавливаются неподвижно; в течение нескольких часов она сохраняет раз принятую позу и, по-видимому, погружена в глубокое созерцание. Около 2-х часов она наклоняется вперед, медленно подымается и затем внезапно падает лицом на землю. Так она лежит, вытянувшись всем телом, приклонив голову на левую руку; глаза закрыты, рот полуоткрыт, ноги вытянуты в прямую линию. Приблизительно в 3 часа резким движением она раскидывает руки крестообразно и кладет правую ногу на левую. Такое положение она сохраняет до 5 часов. Экстаз завершается страшною сценою. Руки падают вдоль тела, голова опускается на грудь, глаза закрываются. Лицо становится смертельно бледным и покрывается холодным потом, руки холодны, как лед, пульс еле ощутим, она хрипит. Такое состояние длится от 10 до 15 минут. Затем теплота возвращается, пульс бьется сильнее, щеки получают прежнюю окраску, но неописуемое выражение экстаза держится еще некоторое время».

Стоит только сравнить эту сцену с описанною выше сценою причащения у Леони, чтобы увидеть их тождественность.

Одержимость. Некоторые из пациенток, на которых Рише изучал большую истерию, помимо обычных припадков подвергаются иногда другим, имеющим характер беснования. В этом случае второй период — клоунизма — очень резко выступает вперед, большие движения выполняются с страшною силою. Самые ди-

кие судороги и скрючивания сменяют друг друга (см. фиг. 151 и 152). Больная старается себя укусить, терзает себе лицо и грудь, рвет волосы, испускает страшные крики, воет, как дикий зверь, и срывает с себя всякую одежду. Не удивительно, что вид такого приступа наводит на мысль о том, что в больную вселился злой дух. В старинных описаниях и изображениях бесноватых мы находим почти постоянно известные черты, наблюдаемые и в наше время. Достаточно поверхностного взгляда на фиг. 129 и 153, чтобы увидеть в них большое сходство.

Рис. 151.

Рис. 152.

У пациенток Рише отсутствует вся сомнамбулическая стадия, во время которой больной галлюцинирует, считает себя одержимым бесами и говорит от их имени, но в старинных описаниях именно эта стадия выступает всего сильнее. Пациенты Рише не верят в личного дьявола, а следовательно, и в возможность ему вселяться в человека. При существовании же такой веры последний период припадка именно в этом смысле принимает характерный отпечаток. Во время описанной выше эпидемии в Морцине молодые девушки приходили в полное неистовство против религии, священников и т. д. и отвечали на вопросы не иначе, как пересыпая речь страшными проклятиями, несмотря на то, что в промежутках между припадками они были спокойны, скромны и набожны. Таким образом, эти скромные девушки не стеснялись публично произносить самые неприличные слова. «Но,— говорит очевидец,— это были не они, а вселившийся в них дьявол, говоривший от своего имени».

Северные сказания также сохранили прекрасное описание беснования. На стр. 169 я уже привел отрывки из одной книги (Koge Huskors) и указывал на сходство описанных там фактов с так называемыми нынешними спиритами «медиумическими» явлениями. Если мы будем читать дальше, то встретим описание истерической эпидемии, постепенно охватившей всех жителей дома. Хотя описание сделано простою мещанкою в начале XVII столетия, но характерные черты большой истерии подмечены очень отчетливо. О мальчике Якове; первый истерический припадок которого описан на стр. 169, говорится далее: «Затем сатана принялся за него еще упорнее; иногда он распяливал его так, что никто не мог его сдвинуть; сгибал его голову набок, а ноги перекидывал одну на другую, подобно тому, как Спаситель висел на кресте; выворачивал ему белки глаз, как будто он умер». Очевидно, здесь дело идет о сильных контрактурах. У других обитателей дома, постепенно охваченных болезнью, мы открываем также знакомые нам симптомы истерии. О домохозяине Гансе Барткияре говорится далее: «Со дня на день он подвергался большим нападкам; ежедневно от 11 до 2 часов злой враг сидел у него на спине, как большой мешок муки, а иногда свертывался у него в боку наподобие куриного яйца». (Истерический шар, почти постоянный симптом истерии). Однако еще хуже становится дело, когда заболевает самый младший член семьи. «Мы имели маленького мальчика по девятому году. С ним сделалось что-то такое чудное, что невозможно было понять, что у него болит. Он говорил, что у него что-то бегает по телу и колет его. Мы делали ему ванны и применяли разные советы, но ему становилось все хуже. Мы послали к цирюльнику спросить, какая у него болезнь. Он не мог дать нам никакого совета, но сказал, что в

наше место приехала лекарка и что мы можем с ней посоветоваться. Послали за нею; она сказала, что в ребенка вселился злой дух, и не могла дать другого совета, как помолиться Богу. Мы приняли много горя, стараясь выпроводить от себя такого гостя. Раз я стояла в комнате, а ребенок лежал в плетеной кровати вроде корзинки; вдруг она поднялась на воздух на полтора аршина и начала прыгать вверх и вниз. Я побежала за Гансом и привела его. Когда мы вошли, мальчик был поднят с постели и стоял на голове, подняв ноги вверх и расставив руки. С большим трудом мы уложили его в постель. С этого дня было нам с ним много горя. Злой дух бегал у него, как поросенок, и вздувал ему живот, так что страшно было смотреть; вытягивал ему язык до шеи, а потом свертывал, как тряпку, так что кровь лилась изо рта. Бес хрюкал у него в животе, как поросенок, и так корчил его члены, что четыре здоровых парня не могли их расправить. Он пел петухом, лаял собакою, загонял мальчика на чердак, на дрова во дворе и, заведя его туда, бросал. Мальчик сидел там, плакал и не мог спуститься. Бес забрасывал его даже через забор к соседу Якову Мейру. Он втягивал ему глаза в голову, а также и щеки и делал его таким твердым и жестким, как палка, так что тот, кто этого не знал, сказал бы, что он деревянный. Мы прислонили его к стене, и он стоял, как деревянный истукан. По вечерам, когда мы пели Лютеров гимн или читали (Библию), он ржал, как лошадь, и насмехался над нами как мог».

Здесь можно узнать все фазисы истерического приступа, хотя все явления очень перепутаны; присутствует даже заключительный бред, где сатана богохульствует языком ребенка. Рассказ делается интереснее, когда вмешивается священник, магистр Нильс Глоструп. «Когда пастырь однажды пришел к нам, чтобы проведать нас, сатана обратился к нему: «Если бы я не боялся «Великого Мужа», я бы с тобой распорядился тебе на позор; ты слишком усердно молишь «Великого» за этого ребенка и за весь дом и этим мучаешь меня. Сегодня я уже забрался в твое платье, но когда ты молился за мальчика, я упал вниз и получил стыд». Магистр Нильс отвечал: «Ты и так уже посрамился, проклятый дух». Сатана отвечал: «Я сам это знаю». Магистр Нильс сказал: «Когда ты, проклятый дух, оставишь это жилище и оставишь в покое этого мальчика, которого мучишь днем и ночью?». Тогда сатана сказал устами мальчика: «Ты хочешь, чтоб я ушел?» «Бог всемогущий,— отвечал магистр,— изгонит тебя туда, где горит огонь вечный». Сатана отвечал: «Когда Великий скажет: уйди, тогда мне придется уйти». Магистр заговорил с ним по-латыни, а сатана с насмешкою отвечал, что не хочет ломать над этим голову».

Если сравнить это описание, в котором ясно можно узнать истерию, с привидениями в Стратфорде (см. стр. 184), то мы придем к заключению, *что легкая истерия у мальчика в середине XIX столетия послужила исходною точкою всего новейшего спиритического учения, а более или менее полные истерические припадки у трансовых медиумов всего сильнее подкрепили веру в то, что духи вмешиваются в жизнь людей.* Так как транс, в который впадают медиумы, значительно отличается от припадков беснования, то нужно сказать о нем несколько слов.

Одержимые медиумы. При описании транса было уже сказано, как трудно иногда бывает определить характерные особенности этого состояния. Один раз оно может быть лишь аутогипнозом — это, вероятно, самый частый случай,— другой раз это истерический приступ с преобладающими явлениями сомнамбулизма, во время которых медиум под влиянием самовнушения считает себя одержимым духом.

Мне однажды пришлось видеть такой припадок в спиритическом сеансе, хотя о подробном исследовании вопроса в собрании верующих не могло быть и речи; кроме того, со мною не было необходимых снарядов, да я не имел и опытности в их применении, так что я не мог установить истерического характера явлений. Но весь ход припадка, сопровождавшегося рвотою, стонами, судорогами, большою наклонностью к клоунизму (дугообразное положение), не оставлял места сомнению, что предо мною был припадок истерии, окончившийся очень продолжительным сомнамбулическим состоянием. В этом случае в медиума вселился дух шведского священника, замечательный язык которого я привел выше (стр. 200). Проповедь священника прерывалась, однако, не раз бранью и богохульством, что все очень напоминало собою беснование. Спириты дали этому такое объяснение, что дух священника должен был уступать место другому духу, очень несовершенному и страдающему. Последнего стали изгонять со всевозможною торжественностью, с молитвами и заклинаниями, так что получилась вполне средневековая сцена. Для полноты картины не доставало только образов, священника и латинских заклинательных формул.

Такого рода медиумы, кажется, встречаются не особенно редко. Одним из известнейших в наше время есть американка мистрис Пипер. Ее видели и исследовали многие члены S.P.R., но, к сожалению, не врачи. Было только установлено, что острота зрения и величина его поля у нее нормальны, но это, конечно, нисколько не исключает возможности у нее симптомов истерии, что подтверждается многими сообщениями.

Так Рише пишет: «Мистрис П. занимает среднее положение между обыкновенными американскими медиумами и нашими французскими сомнамбулами. Магнетические пассы не погружают ее в сон,

но приводят непосредственно в транс; только она не впадает в него самопроизвольно, но должна для этого держать кого-нибудь за руку. В полутемной комнате берет она чью-нибудь руку и остается несколько минут спокойной. Затем у нее начинаются небольшие судорожные сокращения, постепенно усиливающиеся и оканчивающиеся слабым эпилептическим припадком. После этого она впадает на несколько минут как бы в обморок, из которого пробуждается с громким криком. Тут голос ее меняется, и мы имеем перед собою уже не мистрис П., а доктора Финуита, который говорит грубым мужским голосом и с акцентом, представляющим смесь американского диалекта с французским жаргоном негров.

Рис. 153. Беснование по Рише.

Из этого описания ясно видно, что здесь мы имеем дело с истерическим приступом и переменою личности. На это указывает и то обстоятельство, что мистрис П. не всегда может по своему желанию вызвать состояние транса, но изменение личности происходит иногда помимо ее воли и когда она не ожидает, например, во сне.

Сомнамбулическое состояние, в котором она бывает д-ром Финуитом, длится от нескольких минут до часу, чаще всего около часу. Впервые припадки обнаружились, когда мистрис П. в 1888 году обратилась за врачебным советом к слепому медиуму м-ру Коку, который «контролировался», т. е. был одержим духом французского врача по имени Финни. Уже во время второго визита она упала в обморок, и в нее вселился дух индийской девушки. После этого из нее выработался медиум, и ее «контролировали» духи д-ра Финуита и других: Себастьяна Баха, Лонгфелло, командора Вандербильта и т. д., но

под конец Финуит безусловно преобладал. О себе самом Финуит сообщает следующие сведения: он был французский врач; родился в Марселе в 1790 году, умер в 1866; при этом подробно рассказывалось, где он учился, где бывал и жил. Однако, несмотря на все старания, нигде не могли найти ни малейшего следа реального существования такой личности. Конечно, она есть чистейшая фантазия мистрис П., созданная путем самовнушения. Удивительнее всего, что этот француз не говорит по-французски. Он оправдывается тем, что, живя долгие годы в Меце, он все время вращался среди англичан, почему и забыл свой родной язык. Во всяком случае удивительно, что человек, живя на родине, мог забыть свой язык. М-р Годжсон во время одного сеанса сделал Финуиту такое же замечание и прибавил, что, по его мнению, гораздо вероятнее такое толкование: д-р не может объясняться на родном языке потому, что принужден пользоваться мозгом мистрис П., не знающей чужих языков. В одном из последующих сеансов Финуит приводил это объяснение уже как свое собственное; следовательно, он доступен внушениям. Специальность д-ра Финуита состоит в том, чтобы давать заключения по поводу самых интимных дел, известных только тому лицу, которое мистрис П. держит за руку во время транса. Сообщались поразительные рассказы о его ответах, и это было главною причиною, почему английское общество предприняло расследование дела. Сначала думали, что мистрис П. через сыщиков собирает сведения о своих клиентах, поэтому начали следить за нею, но это не привело ни к чему. Кроме того, на ее сеансы приводили совершенно посторонних людей под ложными именами, но и им Финуит сообщал множество сведений о их личных делах. Наконец, члены S.P.R. пригласили ее в Англию; последовательно она жила под строжайшим надзором в Кембридже, Ливерпуле и Лондоне, где она никого не знала. Ее испытывали на множестве сеансов и стенографически записывали ответы; результат был все тот же.

Конечно, не все сообщения Финуита одинаково ценны; многие из них в большей своей части неверны. Иногда он осторожно зондирует спрашивающего и сам ставит предварительные вопросы, ответы на которые дают ему возможность ориентироваться. Несомненно, однако, что во многих случаях он отвечал на вопросы, на которые едва ли могло отвечать даже заинтересованное лицо, и притом верно, как оказывалось впоследствии. Мы не можем долго останавливаться на огромном материале, собранном о нем и его деятельности; но все данные приводят к тому заключению, что дело сводится к чтению и переносу мыслей, иногда даже таких, которые не ясно сознает сам автор их. Мы говорили уже не раз о том, как могут быть, незаметно для спрашивающего, неуловимым шепотом подсказаны ответы на поставленные им же вопросы. Этим можно объяснить тот факт, что иностранцы, не знающие английского языка, не получали ответов от Финуита, который в свою очередь знает только по-английски. На все вопросы, которые Рише задавал своему соотечественнику и коллеге, тот отвечал неверно. Правильно было указано только имя собаки Рише, да и то с неверным произношением. Таким образом, сведения Финуита нисколько не сверхъестественны: он повторяет только то, что слышит во время сеанса истерическая сомнамбула мистрис П.

Технические средства магии

До сих пор мы касались только психических явлений, породивших и поддерживавших суеверные воззрения. Физические явления и силы мы затрагивали лишь постолько, поскольку наблюдение явлений природы и изложение этих наблюдений играли какую-нибудь роль в суевериях. При этом оказалось, что *обычные нормальные и аномальные душевные состояния совершенно достаточно объясняют собою происхождение большей части суеверных воззрений.* Мы пришли к заключению: *суеверие имеет свое основание исключительно в человеческой природе, так как исходною точкою его должно считать отчасти неточное наблюдение и неверное изложение явлений природы, отчасти же недостаток сведений и неправильное понимание различных душевных состояний и функций.* Но из того, что в глубинах душевной жизни мы можем найти достаточно причин для происхождения суеверных представлений, отнюдь еще не следует заключать, что физические явления не могли также способствовать их развитию и укреплению. В особенности вероятно, что профессиональные магики и волшебники всех времен охотно пользовались своими сведениями о природе и ее силах, чтобы обманывать своих несведущих современников и поддерживать в них убеждение в том, что магики находятся в сношениях с высшими силами.

Достичь этого, конечно, было нетрудно. Даже и в наше время фокусники — «профессора высшей магии» — умеют отлично отводить глаза публике отчасти благодаря своей личной ловкости, отчасти посредством остроумного применения силы природы. Даже разумные зрители, которые превосходно знают, что результат получен естественным путем, смотрят с удовольствием на их фокусы и лишь редко могут угадать, как они делаются. Итак, если в наше время можно добиться таких результатов, несмотря на то, что знание естественных наук распространено во всех слоях народа так, как никогда не было раньше, то очевидно, что в прежние века таким путем можно было произвести еще гораздо больший эффект. Естественных наук тогда почти вовсе не было, а магик ревниво хранил в тайне те ничтожные знания, которые он наследовал от учителей, и, может быть, дополнил своими более или менее случайными опытами. При таких обстоятельствах простые фокусы, конечно, сходили за магические действия, потому что их не могли постигнуть и в то же время верили в магию.

Мы теперь несомненно знаем, что фокусы применялись во все времена с намерением обмануть толпу, чтобы укрепить ее веру или в могущество одного человека, или вообще в справедливость известных взглядов. В истории известны многие примеры этого. Конечно, вначале приемы были грубы и просты, так как более тонкие способы были не известны. Таковы, напр., были средства, употребляющиеся греческими чародеями времен упадка для того чтобы вызвать светящуюся фигуру Гекаты (см. стр. 49). В северных сказаниях говорится, что некоторые статуи богов оживали, и из рассказа для нас ясно, что в этих деревянных идолах сидели люди, бравшие на себя в нужный момент роль богов. Христиане также не всегда чуждались таких приемов, хотя в более утонченной форме. Говорными трубками и тому подобными приспособлениями умели устроить так, что Бог непосредственно говорил с толпой, собранной в церкви. Нам кажется удивительной возможность таких фокусов в церкви; но надо припомнить, что и теперь в Неаполе совершается чудо ничем не лучше с кровью Св. Януария. Не может быть сомнения в том, что средневековые магики пускали в ход все известные им сведения о природе, чтобы импонировать народу. Было бы наивно считать упорное стремление этих людей к устройству движущихся автоматов в человеческом образе лишь невинным развлечением в часы досуга, без задней мысли о том действии, которое подобная самодвижущаяся статуя должна была иметь на невежественных современников. По мере роста естественно-научных сведений магики не упускали случая расширить область волшебных приемов.

Самая ценная часть первого издания «Magia naturalis» Порты состоит именно в указании способов применения имевшихся тогда знаний для целей практической магии, остальное все — чистое суеверие (см. стр. 157). Еще во времена Галилея многие исследователи работали скорее на пользу магии и фокусничества, чем для действительной серьезной науки. Такие люди, как Афанасий Кирхер (1601—89) и Каспер Шотт (1608—66), имели особую любовь к чудесному и ко всему, что может импонировать и провести человечество.

В их многочисленных сочинениях очень мало обращено внимания на научные изыскания, а везде на первом плане магические применения. Даже в наше время различные формы фокусничества применяются иногда ради обмана. Как мы видели, физические и материализующие медиумы почти все суть фокусники, которые предпочли лучше пользоваться человеческим суеверием, чем открыть истинный характер своих действий (сравни стр. 241). Полунаучная теософическая система г-жи Блавацкой при помощи фокусов могла превратиться в религиозную доктрину, привлекшую к себе немало интеллигентных сторонников (см. стр. 235).

Если фокусничество применялось и применяется для укрепления веры и суеверия, то это еще не значит, что оно есть единственная причина магических действий,— такое утверждение привело бы нас только к ненадежным выводам.

Салверт в своем сочинении «Les sciences occultes» (Paris, 1826) сделал попытку дать объяснение всем волшебным сказаниям, дошедшим до нас из древности. Но он принужден был допустить, что в се-

дой древности сведения о физических и химических силах достигали степени, противоречащей всякому правдоподобию. Порох, аэростат, вогнутые зеркала и т. п. открытия последующих времен он пытается применить для объяснения чудес египетских жрецов, греческих философов, Моисея и других пророков. Такие рассуждения совершенно произвольны и ненаучны, не говоря уже о том, что нельзя же считать всех великих людей древности за сознательных обманщиков. Датский писатель Лунд в книге, вышедшей несколько лет тому назад (I. Lund, Tolv Fragmenter om Hedenskabet. Копенгаген, 1881), становится на такую же точку зрения и говорит, что бури, которые по древним сказаниям производились посредством колдовства, на самом деле вызывались искусственно лицами, обладающими необходимыми для того сведениями в естественных науках! Какие же колоссальные машины должны были быть пущены в ход, чтобы взволновать море и воздух до такой степени, что люди не могли держаться на ногах на палубах кораблей, как говорит Иомвискинга-сага.

Рис. 154. Афанасий Кирхер.

Я не ставлю себе задачей разбирать подробно частные отрасли фокусничества и удовольствуюсь только указанием общих оснований для тех, кто пожелал бы изучить значение его для суеверий.

В обширном смысле под этим названием понимают как применение сил природы, так и личное проворство рук. Трудно, конечно, сказать, как далеко шло искусство древних магиков в последнем смысле и насколько часто они его применяли. Можно, конечно, рассуждать только о применении ими технических средств. Этой стороной занялся английский физик Брюстер в своих «Letters of natural magic», 1831. Он дает описание физических и химических вспомогательных средств, которые, как можно с достоверностью думать, применялись древними магиками. Современное фокусничество, имеющее более скромную задачу — развлекать публику, было также не раз описано. Сочинение Гофмана «Modern Magic» — одно из лучших по этому предмету, во всяком случае оно дает подробные указания относительно множества фокусов. Теорию этого искусства разобрал известный психолог Дессуар в книге «Психологические экскизы». Обе эти работы имеют для нас значение в том отношении, что очень облегчают понимание специальных методов, применяемых спиритическими медиумами. Более подробно этот предмет трактуется в «Spiritualism, Bootom Facts» Трюсделя, «Moderne Wunder» Вилльманна, в «Revelations of a Spirit-Medium» и в отчете Годжсона (об опытах Дэвея в 8-м томе Proceedings of S.P.R.).

Я остановлюсь только на одном спиритическом фокусе, потому что он дал повод к разным фантастическим воззрениям. Я говорю о вышеупомянутых (стр. 222) парафиновых отпечатках рук духов, которые не только верующими спиритами, но даже лицами, более критически относящимися к вопросу, рассматривались как нечто удивительное. Говорилось, что эти отпечатки не могли быть сформированы по руке человека, потому что нельзя извлечь из них руки через узкое отверстие в сгибе руки, не прорвав тонкую пленку парафина. Еще труднее снять оболочку с согнутых пальцев руки, а между тем есть отливки, сделанные и в таком положении. Однако все эти утверждения чрезвычайно легковерны. Очевидно, что рассуждающие так не потрудились сами сделать парафиновый отпечаток руки, потому что

тогда они узнали бы, что дело вовсе не так мудрено. Если тщательно сбрить с руки все волосы и слегка смазать ее маслом,— да и это не необходимо,— то можно получить отпечаток руки в каком угодно положении.

Пока парафин не совсем застыл, он несколько эластичен, поэтому совершенно возможно извлечь из него руку, даже при согнутых пальцах. Если затем наполнить парафиновую форму гипсом, то можно видеть, что она нисколько не пострадала от вынимания руки. Я помню такие гипсовые отливки рук, где средина ладони на 3 сантиметра шире сгиба ручной кисти, но форма нисколько не повреждена.

Трудно сказать, в какой мере древние маги пользовались тем, что современные называют «проворством рук», но искусство, известное под названием чревовещания, было известно и применялось во все времена. Очень обстоятельное изложение истории и теории чревовещания мы имеем в работе Флатау и Гуцмана «Die Bauchredner kunst» (Лейпциг, 1893), но только авторы немного увлеклись, утверждая, что все чародеи и предсказатели древних времен обязаны своей славой этому средству. Мы видели, что на это скорее было много причин и чревовещание было только одной из них. Авторы думают, что и средневековые колдуньи также были чревовещательницами, в доказательство чего приводят отдельные рассказы более нового происхождения, истории с заколдованными домами, где доказано было, что все дело состояло в том, что в таких домах со всех сторон раздавались голоса, производимые чревовещателями. Несомненно, что чревовещание тоже послужило отчасти к укреплению суеверий. Но из этого не следует, чтобы все осужденные ведьмы были чревовещательницами. Что могло в самом деле побуждать такое множество лиц к изучению трудного искусства, единственным конечным результатом которого могла быть только смерть на костре?

Из исторических исследований видно, однако, что чревовещание играло немалую роль в обиходе магов всех времен, а физиологические изыскания показали, что некоторые свойственные чревовещателям звуки могут быть произведены непроизвольно и без особого усилия со стороны говорящего и что это особенно часто наблюдается у женского пола. Весьма возможно, что чревовещание играет некоторую роль у спиритических медиумов. Так есть основание думать, что д-р Финуит в сеансах мистрис Пипер не чуждался иногда этого искусства.

Заключение

Теперь мы подвергли рассмотрению все явления, несомненно имевшие существенное значение для зарождения и развития различных суеверных воззрений. Изложение это, конечно, не претендует на полноту, равно как и на объяснение всех суеверных представлений, царствовавших в разные времена. Неполнота эта зависит, однако, главным образом от необходимости не расширять чрезмерно границ нашей работы, а не от неспособности науки объяснить соответствующие явления. Конечно, происхождение многих суеверий, особенно принадлежащих глубокой древности, не может быть объяснено вполне точно вследствие недостатка исторических сведений о фактах, на которых строились воззрения той эпохи. Но если принять в расчет тот факт, что вполне однородные суеверия последующих времен возникали исключительно на почве неправильного толкования и наблюдения естественных явлений, то окажется совершенно излишним допускать и для более раннего времени действие каких-то особых неведомых сил.

Несмотря однако на всю свою неполноту, наше исследование дало чересчур достаточное количество причин для возникновения суеверий. Так, напр., мы видели, что осуществление на деле предсказаний или снов могло иметь много разнообразных причин, хотя, конечно, нельзя указать, какая именно из них приложима к каждому частному случаю. Пожар может произойти от молнии, самовозгорания, неосторожности, поджога и т. п. Зная только о факте пожара, нельзя заранее определить причину его; так же точно нельзя утверждать, что одинаковые события

всегда имели однородное происхождение. Напротив, спириты и оккультисты очень склонны прибегать скорее к помощи той или другой таинственной силы, обладающей всеми возможными и невозможными свойствами, вместо того, чтобы искать объяснение каждого отдельного случая путем приложения к нему известных сил природы или душевной жизни, посредством которых данное явление тоже могло бы быть объяснено. Последнее, конечно, потребовало бы несколько более труда, чем указание на содействие духов, силу «Од» и т. п., но за то только этим путем мы приближаемся к истине. Если действительно существуют на свете явления, которые нельзя объяснить известными нам до сих пор силами, то это, конечно, в конце концов обнаружится. Так, напр., вопрос о телепатических галлюцинациях остается еще открытым, и разрешение его принадлежит будущему; но решение это очень отдалится, если мы, допустив a priori наличность неизвестных сил, вместе с тем откажемся от ближайшего исследования фактов.

История суеверий учит нас, что такие скороспелые гипотезы, переходя в сознание большинства, невероятно крепко укореняются и затем могут быть истреблены только в течение веков упорной работой научной мысли. Ведь все суеверия, рассмотренные нами, первоначально были основаны на неправильном толковании дурно сделанных наблюдений. Зная это, нужно быть вдвое осторожнее, чтобы чрезмерной поспешностью не посеять нового суеверия. В этом отношении много греха лежит на совести современных оккультистов. Телепатия, подпредельное сознание и т. п. понятия вследствие чрезмерного желания оккультистов сразу дать объяснение самым сложным явлениям имеют все шансы занять выдающееся место среди суеверий ближайшего будущего. Наука обязана не допускать новых гипотез, не обсудивши сначала старательно всех возможностей; напротив, суеверие во всякое время имеет на все готовое объяснение.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора 5
Предисловие немецкого переводчика 7

Введение

Отношение суеверия и магии к религии и науке 9
Суеверие и волшебство у диких народов 15

ОТДЕЛ I

Мудрость халдеев и развитие ее в Европе

Халдеи 25
Греки и римляне 39
Евреи 50
Норманны и финны 55
Средние века до начала процессов о ведьмах 72
Процветание и упадок магии 80

ОТДЕЛ II

Тайные науки

Отношение ученой магии к народному волшебству 91
Священная кабала 93
Происхождение тайных наук 105
Ученые магики до Агриппы 118
Агриппа и тайная (оккультическая) философия 130
Отдельные отрасли магических знаний 139
Натуральная магия 152
Популяризация наук 160

ОТДЕЛ III

Современный спиритизм и оккультизм

Предшествующая история современного спиритизма 166
Возникновение спиритизма в Америке 180
Дальнейшее распространение спиритизма 186
Крукс и психическая сила 204
Цельнер и четырехмерные существа 224
Теософия и факиризм 233
Спиритизм в последнее десятилетие 240

ОТДЕЛ IV

Магическое состояние духа

Человек как центр магических сил 246
Наблюдательная способность человека 253
Явления дрожания и их магическое действие 279
Сон и сновидения 295
Значение снов для суеверий 309
Вторжение бессознательного в сознательную область 321
Технические средства магии 394
Заключение 397